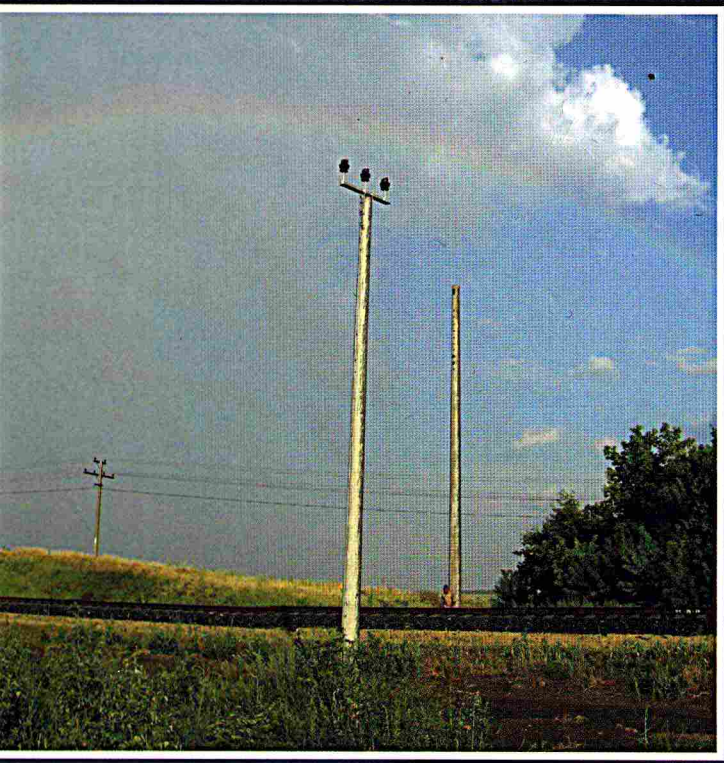
РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ



Р.А. Мимоход

Курганы эпохи бронзы – раннего железного века в Саратовском Поволжье:

характеристика и культурно-хронологическая атрибуция комплексов

Материалы охранных археологических исследований

том 10

УДК 902/903
ББК 63.4
М61

Утверждено к печати Ученым советом Института археологии РАН

Ответственный редактор
к.и.н. *А.В. Энговатова*

Рецензенты
к.и.н. *А.Н. Гей*
к.и.н. *А.Ю. Скаков*

Мимоход Р.А.
Курганы эпохи бронзы — раннего железного века в Саратовском Поволжье: характеристика и культурно-хронологическая атрибуция комплексов. — М.: Таус, 2009. — 292 с.: ил.
ISBN 978-5-903011-53-7

Монография посвящена публикации материалов погребальных памятников эпохи бронзы — раннего железного века, полученных в ходе охранных археологических раскопок 2005–2006 гг. в зонах строительства железных дорог в Саратовской области. Были исследованы курганный могильник Паницкое 6, одиночный курган Паницкое 6Б в Красноармейском районе и курган 3 могильника Золотой в Хвалынском районе. В работе приводится подробная характеристика полученных комплексов и предлагается развернутый культурно-хронологический комментарий к материалам раскопок. Книга также включает в себя приложения, в которых изложены результаты почвоведческих, палеоантропологических, трасологических исследований, а также данные радиоуглеродного датирования и спектрального анализа металла.

Для археологов, историков, культурологов.

УДК 902/903
ББК 63.4

ISBN 978-5-903011-53-7

© Р.А. Мимоход, 2009.
© Учреждение Российской академии наук
Институт археологии РАН, 2009.

Оглавление

Предисловие 5

Глава 1. Исследование курганной группы Паницкое 6 7

§ 1. Описание курганной группы Паницкое 6 7

§ 2. Курган 2 8

§ 3. Курган 3 14

§ 4. Курган 4 18

§ 5. Курган 5 23

§ 6. Культурно-хронологический комментарий к материалам погребальных комплексов курганной группы Паницкое 6 26

Приложения к главе 1 41

Приложение 1.1 (Л.Т. Яблонский). Антропологические (половозрастные) определения скелетного материала из погребений курганной группы Паницкое 6 41

Приложение 1.2 (Г.Ш.Асылгараева). Археозоологические определения костей животных из погребений курганной группы Паницкое 6 42

Приложение 1.3 (Н.Н. Ковалюх, В.В. Скрипкин). Результаты радиоуглеродного датирования образцов из погребений курганной группы Паницкое 6 43

Глава 2. Исследование одиночного кургана Паницкое 6Б 44

§ 1. Одиночный курган Паницкое 6Б 44

§ 2. Культурно-хронологический комментарий к материалам погребальных комплексов одиночного кургана Паницкое 6Б 50

Приложения к главе 2 66

Приложение 2.1 (Р.М. Галеев). Исследование антропологических материалов из одиночного кургана Паницкое 6Б 66

Приложение 2.2 (А.А. Хохлов). Характеристика физического развития человека ямной культуры эпохи ранней бронзы из погребения 6 одиночного кургана Паницкого 6Б 68

Приложение 2.3 (В.Б. Панковский). Результаты трасологического анализа булавки из погребения 6 одиночного кургана Паницкое 6Б 69

Приложение 2.4 (Н.Н. Ковалюх, В.В. Скрипкин). Результаты радиоуглеродного датирования образцов из погребений одиночного кургана Паницкое 6Б 70

Глава 3. Исследование Золотого кургана (курган 3 курганной группы Золотой) 71

§1. Описание курганной группы Золотой 71

§ 2. Описание кургана 3 72
§ 3. Методика исследования 73
§ 4. Описание бровок 75
§ 5. Находки в насыпи 99
§ 6. Описание погребений 100
§ 7. История сооружения и функционирования кургана 113
§ 8. Культурно-хронологический комментарий к материалам погребальных комплексов Золотого кургана 118
Приложения к главе 3 167
Приложение 3.1 (С.В. Демиденко). Материалы раннего железного века из кургана 3 могильника Золотой 167
Приложение 3.2 (А.Н. Усачук). Функциональный анализ каменных и костяных изделий из погребения 5 кургана 3 могильника Золотой 170
Приложение 3.3 (В.Ю. Луньков). Результаты спектрального анализа металла из погребения 5 кургана 3 могильника Золотой 175
Приложение 3.4 (А.Н. Егорьков). Результаты эмиссионно-спектрального анализа спиральной пронизи из погребения 5 кургана 3 могильника Золотой 176
Приложение 3.5 (Р.А. Митоян). Результаты рентгено-спектрального анализа височного кольца из погребения 5 кургана 3 могильника Золотой 177
Приложение 3.6 (А.А. Хохлов). Антропологические материалы кургана 3 могильника Золотой 177
Приложение 3.7 (Э.П. Зазовская, А.А. Гольева). Результаты исследования погребенных почв кургана 3 могильника Золотой 179
Приложение 3.8 (Э.П. Зазовская, О.А. Чичагова). Результаты радиоуглеродного датирования образцов из погребения 5 кургана 3 могильника Золотой 182
Приложение 3.9 (Н.Н. Ковалюх, В.В. Скрипкин). Результаты радиоуглеродного датирования образцов из погребений кургана 3 могильника Золотой 184
Литература 185
Список сокращений 218

Предисловие

В настоящей книге публикуются результаты охранных археологических исследований курганного могильника Паницкое 6, одиночного кургана Паницкое 6Б и кургана 3 могильника Золотой, расположенных в Красноармейском и Хвалынском районах Саратовской области.. Она состоит из трех глав, каждая из которых посвящена характеристике и анализу материалов отдельного памятника. Продолжая традицию серии «Материалы охранных археологических исследований», в которой выходит и эта книга, первые части глав представляют собой публикацию научного отчета во всех подробностях и деталях, с сохранением всех чертежей и технических описаний. Это представляется достаточно важным. Работая над своей научной проблематикой, я десятки раз сталкивался с необходимостью уточнения отдельных деталей по отчетным материалам даже для тех комплексов, которые хорошо опубликованы. Сложно предсказать, какие из нюансов, прослеженных в ходе раскопок, окажутся необходимыми исследователям при дальнейшей работе с добытыми материалами. Это заставляет отказаться от построения публикации материалов по приоритетному принципу, когда до читателя в полном виде доходят только наиболее информативные и ключевые с точки зрения автора раскопок ситуации, которые фиксировались в поле. Надеюсь, что данная книга, в отношении опубликованных в ней памятников, избавит от необходимости обращения к соответствующим отчетам. Пожалуй, единственное, что дано в ней более фрагментарно по сравнению с архивными материалами по причинам вполне понятным — это полевая фотофиксация.

В специальном параграфе каждой из глав предложен детальный научный анализ всех обнаруженных погребальных комплексов, который представляет собой культурно-хронологический комментарий к материалам раскопок. Основной акцент сделан на культурную и хронологическую атрибуцию с подбором соответствующих аналогий, культурно-типологическими сопоставлениями, установлением линий синхронизаций в рамках относительной и радиоуглеродной хронологий. Для каждого исследованного памятника и комплекса, насколько это оказалось возможным, установлены культурный контекст и место в системе древностей бронзового — раннего железного века Нижнего Поволжья и сопредельных территорий. Попутно в виде этюдов разбирались актуальные проблемы, главным образом, эпохи бронзы, которые в той или иной степени связаны с нашими материалами.

Намеренно за скобки исследования было вынесено обсуждение вопросов социальных и обрядово-мифологических реконструкций, которые неминуемо возникнут у читателя при ознакомлении с грандиозной архитектурой и погребальным обрядом Золотого кургана. Это темы отдельных специализаций в археологии, требующих системной трудоемкой работы на междисциплинарном уровне. Ограничиваться же поверхностными заключениями и общеизвестными штампами, как это часто бывает в работах по данной проблематике бронзового века, не очень хочется.

Проведенные нами работы носили комплексный характер с широким привлечением естественно-научных методов. Памятники были подвергнуты системному ана-

лизу, в котором приняли участие антропологи (А.А. Хохлов, Л.Т. Яблонский, Р.М. Галеев), почвоведы (А.А. Гольева, Э.П. Зазовская), археозоолог (Г.Ш. Асылгараева), трасологи (А.Н. Усачук, В.Б. Панковский). Были проведены спектральные анализы металла (В.Ю. Луньков, А.Н. Егорьков, Р.А. Митоян) и радиоуглеродное датирование образцов в двух лабораториях (Н.Н. Ковалюх, В.В. Скрипкин, Э.П. Зазовская, О.А. Чичагова).

Результаты всех этих исследований нашли отражение в авторских приложениях, которые по каждому памятнику даны в конце соответствующей главы. Приложения не равнозначны по своему содержанию. В одних случаях это только изложение фактов и данных на сухом языке цифр, в других — полученные результаты снабжены комментариями, иногда достаточно развернутыми, посвященными разного рода сопоставлениям и реконструкциям. Однако все они представляют важные блоки информации, которые кардинально расширили потенциал наших материалов.

Работа над этой книгой с перерывами велась почти два года. За это время опубликованные в ней материалы и выводы неоднократно обсуждались с коллегами. Хочется выразить искреннюю признательность А.В. Борисову, Е.И. Гаку, А.Н. Гею, А.В. Кияшко, А.А. Клещенко, П.Ф. Кузнецову, О.В. Кузьминой, Н.В. Панасюк, В.А. Трифонову, М.А. Турецкому, А.Н. Усачуку, А.А. Хохлову, А.И. Юдину за ценные советы и консультации, которые они любезно давали в ходе моей работы.

За два сезона полевых исследований в них приняли участие археологи Ю.А. Африканов, Д.Г. Баринов, Н.С. Батанина, П.С. Данилов, И.И. Дремов, Л.П. Загайнова, О.В. Зеленцова, А.А. Казарницкий (антрополог), С.А. Пантелеев, Ю.А. Павленко, В.В. Тихонов, И.В. Тупалов, А.И. Юдин. На базе экспедиции проводилась археологическая практика Марийского государственного университета (руководители Ю.А. Зеленеев и С.А. Курочкина) и практика Саратовского социально-экономического института (руководитель А.В. Балановский). Большое спасибо всем специалистам и студентам, благодаря участию которых удалось провести раскопки.

Большой вклад в организацию и проведение работ внесли О.В. Зеленцова (начальник Волжской археологической экспедиции ИА РАН) и Ю.А. Зеленев, за что адресую им слова особой благодарности.

Особую сердечную признательность хочу выразить моим близким друзьям и коллегам В.Б. Панковскому и А.Н. Усачуку за участие и всестороннюю помощь в непростых и трудоемких раскопках Золотого кургана.

Глава 1

ИССЛЕДОВАНИЕ КУРГАННОЙ ГРУППЫ ПАНИЦКОЕ 6

В июне — августе 2005 года Волжским отрядом Отдела охранных раскопок Института археологии РАН были проведены охранные раскопки курганной группы Паницкое 6 и одиночного кургана Паницкое 6Б в Красноармейском районе Саратовской области (илл. 1; 2) (Зеленцова, Загайнова, Мимоход, 2007. С. 373–374). Как уже отмечалось, необходимость охранных исследований была обусловлена тем, что курганная группа Паницкое 6 попала в зону строительства железнодорожной ветки и была к началу работ существенно повреждена грунтовой дорогой и проезжающей здесь строительной техникой.

§ 1. ОПИСАНИЕ КУРГАННОЙ ГРУППЫ ПАНИЦКОЕ 6

Могильник Паницкое 6 расположен на краю первой надпойменной террасы правого берега р. Карамыш, в 3050 м к северу от станции Паницкая и 1230 м к юго-западу от железнодорожного моста через р. Горючка. Группа находится на расстоянии 1900 м к востоку от современного русла р. Карамыш (илл. 3; 4). Она вытянута по линии юго-запад — северо-восток (илл. 4). Памятник занимает площадку размерами 250 × 70 м. В 120 м восточнее памятника проходит железная дорога, ведущая из Саратова в Волгоград. К началу работ строительство железнодорожного перегона Паницкая-Горючка уже началось, были установлены столбы ЛЭП вдоль будущего ж. д. полотна. Параллельно существующей железной дороге расположена лесополоса. Курганы находятся на задернованной площадке. От железной дороги группа отделена лесополосой.

Через могильник проходит грунтовая дорога, ведущая от д. Паницкая к ст. Горючка (илл. 4). Она активно использовалась и используется как транспортная при работах, связанных со строительством и обслуживанием железнодорожной ветки Паницкая—Горючка. В результате курганная группа оказалась сильно повреждена. Достаточно глубокие колеи от колес большегрузных автомобилей отмечены по всей площади могильника. Кроме того, в ходе раскопок выяснилось, что площадь могильника была нарушена грунтовыми конструкциями прошлого века, которые по форме и глубине обнаруженных траншей можно отождествить с окопами.

В результате многочисленных нарушений установить точное количество насыпей, входивших в группу, не представляется возможным. Визуально на момент раскопок хорошо фиксировалась только насыпь кургана 5, остатки насыпи кургана 3 едва заметны. По данным мониторинга курганной группы Паницкое 6, который в течение нескольких лет осуществляли специалисты ГУК НПЦ по историко-культурному наследию министерства культуры Саратовской области, в группе было не менее 6 насыпей. Однако инструментальный или глазомерный план памятника, открытого еще в конце 80-х гг., отсутствовал как в архиве ИА РАН, так и в архиве местного органа охраны памятников. В результате саратовские коллеги указали нам места предполагаемого ме-

стонахождения курганов 1, 2, 4 и 6, которые еще фиксировались в марте 2005 года, когда производилось последнее посещение группы саратовскими археологами Ю.А. Павленко и И.В. Тупаловым. В ходе проведенных нами раскопок в местах предполагаемого расположения курганов 1 и 6 остатков насыпей и погребальных конструкций обнаружено не было.

Таким образом, достоверно мы можем говорить о наличии в курганной группе Паницкое 6 четырех курганов (илл. 4).

Курган 2 находился в 200 м северо-северо-западнее пикета 57/58 км, расположенного на железной дороге Саратов—Волгоград. Насыпь визуально не фиксировалась. Курган оказался сильно раздавлен строительной техникой.

Курган 3 находился в 75 м северо-восточнее кургана 2. Насыпь полусферическая. Форму насыпи в плане из-за высокой травы и нарушений установить сложно. Высота кургана 30 см, длина по линии север-юг 14 м[1].

Курган 4 располагался в 60 м северо-восточнее кургана 2. По юго-восточной его поле проходила грунтовая дорога. Форму насыпи в плане из-за высокой травы и нарушений установить сложно. Ее высота 10–15 см.

Курган 5 самый большой в группе, находился в 40 м северо-восточнее кургана 4. По юго-восточной поле проходила грунтовая дорога. Насыпь имела округлую полусферическую форму. Ее высота 50–60 см, визуально фиксировавшийся диаметр около 15 м.

Координаты площадки, на которой находились исследованные нами курганы и могут располагаться насыпи, уже визуально не фиксируемые: N51°13′04,18″ E045°31′20,34″; N51°13′06,46″ E045°31′15,75″; N51°13′04,39″ E045°31′11,57″; N51°13′00,78″ E045°31′07,44″; N51°12′58,98″ E045°31′09,49″; N51°12′59,21″ E045°31′12,19″; N51°12′59,97″ E045°31′14,39″; N51°13′01,17″ E045°31′15,82″[2].

Описание исследований курганов дается в порядке их нумерации[3].

§ 2. КУРГАН 2

Описание кургана

Курган 2 расположен в 200 м северо-северо-западнее пикета 57/58 км, расположенного на железной дороге Саратов-Волгоград (илл. 4). Насыпь визуально не фиксировалась. Она была почти полностью уничтожена проходившей здесь техникой. Поверхность кургана задернована. По ней проходила достаточно глубокая колея от колесного транспорта, пересекавшая насыпь с юго-запада на северо-восток. Ширина колеи 2,2 м, глубина 0,14–0,28 м. Высотные отметки составили у С полы — –22 см, у Ю полы — +1 см, у В полы — –7 см, у З полы — –13 см.

Координаты кургана 2: N51°13′01,09″ E045°31′11,73″.

Основная часть кургана раскапывалась вручную с оставлением 3 бровок толщиной 60 см (илл. 5, 1). После выяснения всех особенностей стратиграфии и планигра-

[1] В ходе раскопок выяснилось, что визуально фиксируемое возвышение является остатками северо-восточной полы кургана. Основная часть курганной конструкции полностью снивелирована поздними нарушениями.

[2] Все координаты в книге даны по WGS-84.

[3] Ниже дано описание всех работ, проведенных на памятнике, кроме работ на «курганах» 1 и 6. Они взяты в кавычки, т.к. в ходе раскопок на их площади остатков насыпи и погребальных сооружений обнаружено не было, и, соответственно, эти объекты археологическими комплексами не являются.

фии западная и северная полы кургана были добраны скрепером. Замеры глубин на чертежах всех курганов и погребений даны от центрального репера.

Описание бровок

Центральная бровка В-З

Южная сторона (илл. 6). Верхний слой представлен гумусовым горизонтом толщиной 4–8 см. Ниже располагался слой серого суглинка с включениями мергельной крошки. Его толщина 15–25 см. На отрезках 0В–75–125 см и 0З–113–160 см гумусовый горизонт и слой серого суглинка прорезает автомобильная колея. Ее глубина 12–16 см. На отрезке 0В–618–0З–700 см слой серого суглинка с вкраплениями мергельной крошки подстилал слой погребенной почвы В1 мощностью 25–35 см, представленный серым суглинком. На участках 0В–224–315 см и 0В–436–469 см на слое В1 погребенной почвы фиксировались участки гумусового горизонта погребенной почвы А1 белесого цвета. Его толщина 3–5 см. На участках 0З–35–69 см на слое погребенной почвы зафиксированы линзы выкида желтого материкового суглинка из основного погребения 1. Их толщина 10–15 см. Ниже слоя погребенной почвы находился материк — желтый суглинок. Он залегал на глубине 60–65 см. На отрезке 0З–167–314 см слой погребенной почвы и материковый суглинок прорезала могильная яма основного погребения 1. Заполнение ямы — темно-серый суглинок. На отрезке 0В–532–616 см слой погребенной почвы и материк прорезала яма кольцевого ровика. Заполнение ровика — темно-серый суглинок.

Северная сторона (илл. 6). Верхний слой представлен гумусовым горизонтом толщиной 4–8 см. Ниже находился слой серого суглинка с включениями мергельной крошки толщиной 15–30 см. На отрезках 0З–94–151 см и 0В–57–125 см гумусовый горизонт и слой серого суглинка прорезает автомобильная колея. Ее глубина 15–16 см. На отрезке 0В–618–0З–700 см слой серого суглинка с вкраплениями мергельной крошки подстилал слой погребенной почвы В1 мощностью 25–35 см, представленный серым суглинком. На отрезке 0В–512–0З–700 см слой серого суглинка с вкраплениями мергельной крошки подстилал слой погребенной почвы В1 мощностью 18–32 см, представленный серым суглинком. На отрезках 0В–75–90 см, 0В–3–25 см, 0З–18–107 и 0З–174–243 см на слое погребенной почвы лежали линзы материкового выкида из основного погребения 1. Их толщина 7–20 см. Ниже слоя погребенной почвы находился материк — желтый суглинок. Он залегал на глубине 60–65 см. На отрезке 0В–513–604 см слой погребенной почвы и материк прорезала яма кольцевого ровика.

Центральная бровка С-Ю

Восточная сторона (илл. 6). Верхний слой представлен гумусовым горизонтом толщиной 4–10 см. Ниже находился слой серого суглинка с включениями мергельной крошки толщиной 15–20 см. На участках 0С–170–213 см и 0Ю–75–128 см гумусовый слой и слой серого суглинка с включениями крошки мергеля прорезала автомобильная колея глубиной 14–28 см. На отрезке 0С–525–0Ю–700 см слой серого суглинка с вкраплениями мергельной крошки подстилал слой погребенной почвы В1 мощностью 18–32 см, представленный серым суглинком. На участках 0Ю–137–217 см и 0Ю–242–280 см на слое В1 погребенной почвы фиксировались участки гумусового горизонта погребенной почвы А1 белесого цвета. Его толщина 2–7 см. На участке 0Ю–71–130 см слой серого суглинка с включениями крошки мергеля и верхняя часть

горизонта погребенной почвы нарушены заплывшей ямой от просадки колеса автомобиля. На отрезках 0С–18–48 см и 0С–100–351 на слое погребенной почвы лежали линзы материкового выкида из основного погребения 1 мощностью 8–20 см. Ниже слоя погребенной почвы находился материк — желтый суглинок. Он залегал на глубине 60–65 см. На участке 0Ю–420–552 см слой серого суглинка с включениями мергельной крошки, погребенную почву и материковый суглинок прорезала могильная яма впускного погребения 2. Ее заполнение — темно-серый суглинок. На отрезке 0С–527–605 см слой погребенной почвы и материк прорезала яма кольцевого ровика, заполненная темно-серым суглинком.

Западная сторона (илл. 6). Верхний слой представлен гумусовым горизонтом толщиной 4–10 см. Ниже находился слой серого суглинка с включениями мергельной крошки толщиной 15–20 см. На отрезках 0С–134–180 см и 0Ю–111–162 см гумусовый слой и слой серого суглинка с включениями крошки мергеля прорезает автомобильная колея глубиной 12–17 см. На участке 0С–537–0Ю–700 см слой серого суглинка с вкраплениями мергельной крошки подстилал слой погребенной почвы В1, мощностью 20–35 см, представленный серым суглинком. На участках 0Ю–151–215 см, 0Ю–331–345 см и 0Ю–367–399 см на слое В1 погребенной почвы фиксировались участки гумусового горизонта погребенной почвы А1 белесого цвета. Его толщина 2–7 см. На отрезке 0Ю–81–0С–385 см на слое погребенной почвы лежали линзы материкового выкида из основного погребения 1 мощностью 8–15 см. Ниже слоя погребенной почвы находился материк — желтый суглинок. Он залегал на глубине 60–65 см. На отрезке 0С–537–627 см горизонт погребенной почвы и материковый суглинок прорезала яма кольцевого ровика, заполненная темно-серым суглинком.

2-я бровка В-З

Северная сторона (илл. 6). Верхний слой представлен гумусовым горизонтом толщиной 4–8 см. Ниже находился слой серого суглинка с включениями мергельной крошки толщиной 25–30 см. Его подстилал слой погребенной почвы В1 — серый суглинок мощностью 25–30 см. Ниже слоя погребенной почвы находился материк — желтый суглинок. Он залегал на глубине 60–65 см. На участке 0З–590–695 см, на горизонте погребенной почвы лежала линза материкового выкида толщиной 10–12 см. На отрезке 0В–572–660 см горизонт погребенной почвы и материковый суглинок прорезала яма кольцевого ровика, заполненная темно-серым суглинком.

Южная сторона (илл. 6). Верхний слой представлен гумусовым горизонтом толщиной 4–8 см. Ниже находился слой серого суглинка с включениями мергельной крошки толщиной 25–30 см. Его подстилал слой погребенной почвы В1 — серый суглинок мощностью 30–40 см. На отрезке 0З–541–700 см, на слое погребенной почвы находилась линза материкового выкида толщиной 5–10 см. Ниже слоя погребенной почвы находился материк — желтый суглинок. На отрезке 0В–541–699 см и на отрезке 0З–534–650 см горизонт погребенной почвы и материковый суглинок прорезала яма кольцевого ровика, заполненная темно-серым суглинком.

Описание кольцевого ровика

С основным погребением 1 был связан околокурганный кольцевой ровик ритуального характера (илл. 5, 1–2). Он имел в плане яйцевидную форму. Его размеры 16,9 м по линии С-Ю и 16,5 м по линии В-З. Ширина ровика составляет 55–88 см. Стенки рва наклонные и сужаются ко дну. Для выявления структуры заполнения в юго-запад-

ной части рва был сделан разрез А-А1 (илл. 5, 1). Заполнение ровика — темно-серый суглинок. В придонной части фиксировались прослойки коричневого суглинка, толщиной 2–5 см, а также линзы материкового суглинка толщиной 2–10 см. Подобное слоистое заполнение свидетельствует о том, что ровик после сооружения оставался открытым и его заполнение формировалось постепенно.

Ровик имел две перемычки, расположенные друг напротив друга по линии ССЗ-ЮЮЗ (илл. 5, 1–2). Ширина перемычки в северной части сооружения составляла 28 см, в южной — 40 см. Причем в последнем случае перемычка, скорее всего, была углублена в материк и сооружена в виде возвышающейся над более углубленными частями рва ступеньки. Ее размеры 45 × 40 см, высота в восточной части 13 см, в западной — 45 см. Данные перемычки достаточно четко делили ровик на две части, что подтверждается и глубинами конструкции. Так, западная половина рва являлась более углубленной, чем восточная. Дно западной части ровика располагалось на глубине 144–120 см, восточной — 105–80 см. Для последней фиксировалось в некоторых местах ступенчатое оформление дна. При выборке заполнения прослежены три ступеньки: первая у северной оконечности восточной половины ровика, вторая — в ее восточной части и третья — в юго-восточной. Высота ступенек составила соответственно 12 см, 22 см, 13 см. Дно западной половины сооружения, в отличие от восточной, ровное.

При вскрытии насыпи на глубине –55 см у южной перемычки было обнаружено пятно выкида из ровика (илл. 5, 1). Выкид хорошо фиксировался на обеих сторонах 2-й бровки В-З, в ее западной части (илл. 6). Он находился на погребенной почве. По всей видимости, именно на этом участке при устройстве рва почву выбросили во внутреннюю часть сооружения. Вследствие этого выкид был законсервирован при сооружении насыпи, благодаря чему его удалось проследить. Выброс имел неправильную форму и повторял на том участке, где он зафиксирован, конфигурацию рва. Его длина по линии СЗ-ЮВ 275 см, ширина по линии СВ-ЮЗ 80 см. Мощность выкида составляла 5–12 см.

В кургане 2 было обнаружено два погребения.

Описание погребений

Погребение 1 (основное). Располагалось в центральной части насыпи кургана, в 0,1 м к югу и в 1,95 м к западу от репера (илл. 5, 1–2).

Данное захоронение сопровождал достаточно мощный выкид, лежавший на погребенной почве (илл. 5, 1–2). Он имел аморфные очертания и охватывал полукольцом могильную яму погребения 1 с севера, северо-востока, востока и юго-востока. Мощность выкида составляла от 7 до 20 см. Размеры выкида в плане по линии С-Ю 730 см, по линии ЮЗ-СВ 425 см.

Могильное пятно имело подпрямоугольную форму с закругленными углами. Его размеры 260 × 248 см.

Яма имела подпрямоугольную форму с округленными углами и была вытянута по линии СВ-ЮЗ. Ее размеры на уровне материка 260 × 248 см. Стенки погребения незначительно сужаются ко дну. Размеры ямы по дну 220 × 220 см. Дно погребения располагалось на глубине 200–218 см (илл. 7).

Для фиксации особенностей заполнения могильной ямы был оставлен разрез А-А1 (илл. 7). Заполнение ямы представляло собой темно-серый суглинок. В разрезе четко фиксировались три прослойки, состоящие из тонких линз материкового суглинка толщиной 2–4 см. Две из них располагались в юго-западной части разре-

за и одна — в северо-восточной. Они плавно опускались ко дну ямы. Формирование данных прослоек материкового суглинка, по всей видимости, было связано с ограблением могильной ямы, которая после внедрения в нее какое-то время стояла открытой.

В погребении были обнаружены перемешанные кости двух разнополых молодых людей (илл. 7). Кости стали попадаться с глубины 150 см. При разборке заполнения погребения на глубине 150–175 см обнаружено скопление позвоночных и мелких костей взрослого человека. В северо-западном углу погребения на глубине 163–170 см располагались длинные кости без анатомического порядка. Остальные кости залегали ниже в придонной части заполнения ямы и на дне. На глубине 180–200 см располагалось еще одно скопление человеческих костей. В центре могильной ямы находился череп. Он лежал на основании и лицевой частью был обращен на северо-запад. Нижняя челюсть отсутствовала. Южнее обнаружено скопление позвоночных и длинных костей, здесь же располагалось крыло таза. Еще одно крыло таза находилось у южной стенки в заполнении придонной части погребальной камеры.

Все кости находились не в анатомическом порядке. Позы погребенных по сохранившимся останкам определить невозможно.

В центральной части дна, в районе черепа прослеживался органический тлен желто-коричневого цвета. Пятно имело неправильную вытянутую по линии В-З форму. Его размеры 82 × 30 см.

В переотложенном состоянии находился и сопровождающий умерших инвентарь.

В центральной части могильной ямы на глубине 143 см над черепом находился фрагмент сосуда (находка 1) (илл. 7). Фрагменты от того же сосуда располагались у затылочной кости черепа на глубине 191 см (находка 4). Фрагменты верхней части еще одного горшка обнаружены в заполнении могильной ямы в центральной ее части на глубине 175 см (находка 3). Ближе к восточному углу, в 0,3 м от ВСВ стенки, на глубине 179 см обнаружен астрагал мелкого рогатого скота (МРС) (находка 2).

Описание инвентаря. Сохранившийся инвентарь погребения 1 представлен фрагментами двух сосудов и астрагалом МРС.

1. Фрагменты сосуда (находки 1, 4) принадлежат одному горшку (илл. 9, 1). Сосуд лепной. Обжиг его неравномерный, поверхность серая со светло-коричневыми пятнами. В тесте имеется небольшая примесь мелкозернистого песка. На внутренней стороне имеются следы нагара, а также визуально фиксируются следы широких, но неглубоких горизонтальных расчесов.

Профиль сохранился, по-видимому, на две трети высоты сосуда. Отсутствуют дно, придонная часть и край венчика. Горшок имел отогнутую шейку, покатые плечики и округлые бока. Максимальное расширение тулова приходится, видимо, на середину высоты сосуда. Ориентировочный диаметр в этом месте составляет 26,5 см.

Сосуд орнаментирован ногтевыми вдавлениями. Основным элементом орнамента является пара ногтевых вдавлений, расположенных под углом друг к другу в виде «галочки». Орнаментальная композиция состоит их трех фризов. Одна горизонтальная линия вдавлений нанесена в основании шейки, вторая линия проходит по плечу. С места наибольшего расширения тулова и до придонной части сосуда, а возможно, и до дна, располагается зона сплошной орнаментации поверхности горшка, состоящая из горизонтальных линий ногтевых вдавлений. В этой зоне под линиями вдавлений прослеживаются проглаженные горизонтальные бороздки. Ногтевые вдавления нанесены поверх них. Возможно, что данные бороздки могли являться своего рода разметкой будущей орнаментации.

2. Фрагменты лепного сосуда (находка 3) (илл. 9, 2). Обнаружено два обломка, принадлежащих шейке и венчику. Поверхность фрагментов серого цвета, на внутренней стороне имеются следы нагара. На внешней поверхности едва заметны вертикальные расчесы и небольшие участки залощенности. В тесте фиксируется примесь песка.

Фрагменты принадлежат высокогорлому сосуду с немного наклонным раструбным горлом. Его диаметр не восстанавливается.

По краю венчика нанесен ряд овальных вдавлений. Возможно, что ряд вдавлений мог располагаться и в основании шейки. Однако фрагментированность этой части не позволяет говорить об этом уверенно.

Погребение 1 по характерной посуде можно отнести к эпохе средней бронзы.

Погребение 2 (впускное). Располагалось в юго-восточном секторе кургана на расстоянии 4 м к югу и в 0,9 м к востоку от центрального репера (илл. 5, 1–2).

Могильное пятно имело подпрямоугольную форму с закругленными углами. Его размеры 174 × 170 см.

Яма также имела подпрямоугольную форму и была вытянута по линии В–З. Ее размеры на уровне материка 174 × 170 см. Западная и южная стенки сужались ко дну, в восточной и северной стенках фиксировался небольшой подбой (илл. 8, 1–3). Размеры ямы по дну 160 × 150 см. Дно располагалось на уровне –155–160 см.

Для фиксации особенностей заполнения могильной ямы был оставлен разрез А-А1 (илл. 8, 1, 2). Основа заполнения ямы — серо-желтый суглинок с вкраплениями материкового суглинка. В центральной части разреза четко фиксировалось нарушение основного заполнения ямы пятном темно-серого суглинка аморфных очертаний. Данное нарушение можно интерпретировать как остатки грабительского вкопа либо как крупную нору. Первое предположение более вероятно с учетом того, что близкое по времени погребение 1 оказалось ограбленным. По чертежу разреза (илл. 8, 2) видно, что вкоп не достиг дна погребальной камеры. Этим можно объяснить сохранность погребения. Ширина вкопа на уровне материка составляет 122 см. Ко дну он сужается до 50 см.

На дне погребения обнаружено захоронение подростка (илл. 8, 1, 3). Умерший располагался в центральной части, в среднескорченном положении на правом боку, головой ориентирован на восток. Череп находился на правом боку. По определению антрополога он имел следы искусственной деформации (см. приложение 1.1). Из костей лицевого отдела сохранились частично лобные кости и нижняя челюсть. Позвоночный столб немного изогнут. Левая рука располагалась параллельно туловищу и была слабо согнута в локтевом суставе, кисть находилась в районе таза между бедренными костями ног. Предплечье пронировано, т.е. рука лежала ладонной частью вниз. Правая рука вытянута вдоль туловища и была немного согнута в локтевом суставе. Предплечье супинировано, т.е. кисть располагалась ладонной частью вверх. Фаланги правой руки находятся под коленным суставом левой ноги. Таз лежал на правом боку. Крылья таза полуразвернуты. Бедренные кости ног находились перпендикулярно туловищу, в коленных суставах они согнуты под острым углом. Ступни ног были вытянуты и располагались на правом боку. Левая стопа лежала на правой, пяточные кости соприкасались.

На скелете зафиксированы остатки органического тлена белого цвета. Аналогичный тлен располагался на дне ямы, занимая почти всю ее площадь, за исключением площади под костяком и в непосредственной близости от него. Здесь прослежен тлен темно-серого цвета. В изголовье, на дне, зафиксированы вкрапления охры в виде двух овальных пятен размерами 16 × 12 см и 24 × 6 см. Между правым крылом таза и предплечьем правой руки находился органический тлен ярко-желтого цвета.

К северу от нижней челюсти лежит астрагал МРС (находка 2). В северо-восточном углу могильной ямы находилась жаровня, сделанная из нижней части керамического сосуда (находка 1). На дне жаровни зафиксированы скопления угольков. После снятия черепа под ним обнаружено два бронзовых височных кольца (находка 3). Одно располагалось в районе основания нижней челюсти, второе — ниже затылочной части черепа.

Описание инвентаря. Сохранившийся инвентарь представлен астрагалом МРС, керамической жаровней и двумя бронзовыми подвесками.

1. Жаровня керамическая (находка 1), изготовлена из нижней части плоскодонного лепного сосуда (илл. 9, 4). Поверхность имеет светло-коричневый цвет. Внешняя поверхность жаровни покрыта обмазкой светло-серого цвета, на которой фиксируются вертикальные следы пальцевого заглаживания. В нижней части жаровни заметны следы меловых включений. Они образовались в результате попадания мела из подстилки со дна могилы в трещины и поры на поверхности жаровни.

Дно у жаровни плоское, немного вогнутое к центру, без закраины. Диаметр дна сосуда 11,5 см, высота жаровни 8 см.

2. Височные подвески бронзовые (находка 3), 2 экземпляра (илл. 9, 3). Подвески имели очень плохую сохранность, сильно коррозированы. Большая часть изделий сохранилась в виде окислов. При их изъятии из погребения по окислам восстанавливалась общая форма данных украшений — подвески 1,5 оборота. Сохранились только нижние части данных предметов. Подвески были изготовлены из бронзового прутка прямоугольного сечения. Его толщина 0,05 см, ширина 0,12 см.

Погребение 2 относится к эпохе средней бронзы.

История сооружения и функционирования кургана 2

Курган 2 был насыпан над основным погребением 1, относящимся к эпохе средней бронзы. Курганная площадка вокруг погребения была обнесена кольцевым рвом, имеющим две перемычки. Ровик был сооружен до начала возведения насыпи. Это документирует выкид из рва, располагавшийся на погребенной почве во внутренней части курганного пространства. Основное погребение 1 сопровождал достаточно мощный выкид, находившийся на погребенной почве северо-восточнее могильной ямы. После сооружения погребения и кольцевого ровика была возведена насыпь. Позже, но также в эпоху средней бронзы в насыпь было впущено погребение 2. Погребение 1 впоследствии было ограблено. Вероятно, имела место и попытка ограбления погребения 2.

§ 3. КУРГАН 3

Описание кургана

Курган 3 находился в 75 м северо-восточнее кургана 2 (илл. 4). На поверхности он фиксировался как насыпь овальной в плане формы, которая была вытянута по линии СВ-ЮЗ. Ее размеры 20 × 11 м. Высотные отметки составили у С полы –34 см, у В полы — –34 см, у Ю полы — –43 см. С северно-западной стороны отчетливо фиксировалась западина. У юго-восточной полы проходили колеи, оставленные большегрузным автотранспортом. Насыпь была задернована. Как выяснилось в ходе раскопок, визу-

ально фиксируемое на поверхности всхолмление, центральная, наиболее высокая, точка которого была принята за условный репер (илл. 10), оказалось остатками северо-восточной полы кургана. Основная часть насыпи была, по всей видимости, снивелирована проходившим здесь транспортом.

Координаты кургана: N51°13′02,79″ E045°31′14,82″.

Курган раскапывался с помощью скрепера. В центральной части всхолмления была оставлена бровка, ориентированная по линии СЗ-ЮВ. Ширина бровки составила 60 см. Подобная ориентировка бровки объясняется расположением курганов 3, 4 и 5 по отношению друг к другу (илл. 4). Работы велись одновременно на трех курганах. Направление бровки, оставленной при исследовании кургана 3, позволяло обеспечить проходы скрепера так, чтобы он не затрагивал полы курганов 4 и 5.

Описание бровки СЗ-ЮВ

Северо-восточная сторона (илл. 10). Верхняя часть разреза представлена гумусовым горизонтом толщиной 4–8 см. Ниже располагался слой серого суглинка. Его толщина в центральной части разреза 10–15 см, северо-западной и юго-восточной частях — 25–30 см. Ниже слоя серого суглинка на отрезке 0ЮВ–12–0СЗ–420 см залегал слой серого суглинка с включениями материкового суглинка — остатки насыпи кургана. Ее мощность в центральной части 25 см, по краям — 5–10 см. Под насыпью на отрезке 0ЮВ–12–0СЗ–420 см располагался слой погребенной почвы, представленный более темным серым суглинком толщиной 12–15 см. На участке 0ЮВ–155–332 см в слое серого суглинка прослежены тонкие линзы материкового суглинка толщиной 2–5 см. Они залегали на глубине 30–40 см. Скорее всего, это прослойки материкового выкида из кольцевого ровика за пределы внутрикурганной площадки[4]. Материк — желтый суглинок — располагался на глубине 55–70 см. На участках 0ЮВ–21–154 см и 0СЗ–430–578 см слой погребенной почвы и материк прорезала яма кольцевого ровика. На отрезке 0СЗ–740–1002 см слой серого суглинка и материк прорезала яма перекопа 1-й половины XX в. Ее заполнение — темно-серый суглинок с вкраплениями и линзами материкового суглинка.

Юго-западная сторона (илл. 10). Верхняя часть разреза представлена гумусовым горизонтом толщиной 4–8 см. Ниже располагался слой серого суглинка. Его толщина в центральной части 10–12 см, северо-западной и юго-восточной частях — 25–35 см. Ниже этого слоя на отрезке 0СЗ–449–0ЮВ–100 см залегал слой серого суглинка с включениями материкового суглинка — остатки насыпи кургана. Ее мощность в центральной части 30 см, по краям — 5–10 см. В северо-западной поле насыпи на участке 0СЗ–280–373 см прослеживались три небольших линзы материкового суглинка[5]. Под слоем насыпи на отрезке 0СЗ-449–0ЮВ–100 см располагался слой погребенной почвы, представленный более темным серым суглинком толщиной 10–15 см. Материк — желтый суглинок — располагался на глубине 55–70 см. На отрезках 0СЗ–522–647 м и 0ЮВ–98–242 см нижнюю часть слоя серого суглинка и материковый суглинок, а также слой погребенной почвы прорезала яма кольцевого ровика. На отрезке

---

[4] Ввиду того что толщина данной прослойки не превышала 5 см, при снятии насыпи скрепером пластами 10 см в плане ее зафиксировать не удалось.

[5] Данные линзы, скорее всего, относились к структуре самой насыпи, а не являлись остатками какого-либо выкида. Материковая почва была одной из составляющих при сооружении курганной конструкции.

0СЗ–680–898 см слой серого суглинка и материк прорезала яма перекопа первой половины XX в. Перекоп частично срезал северо-западный край ровика. Заполнение перекопа — темно-серый суглинок с вкраплениями и линзами материкового суглинка.

Как выяснилось в ходе раскопок, курган 3 в прошлом веке пострадал не только от постоянно проезжавшего здесь транспорта, но и от перекопа, который нарушил северную часть насыпи (илл. 10; 11). Перекоп представлял собой узкую траншею длиной 455 см и шириной 75–95 см. Глубина сооружения 151–161 см. Траншея ориентирована по линии север-юг. Она нарушила северную полу кургана и прорезала ровик. Траншея стыковалась уже за пределами кургана с ямой квадратной формы, пятно которой первоначально было принято за могильное. При выборке ее заполнения были обнаружены следы деревянных конструкций и железные гвозди. Судя по характеру траншеи, ответвляющейся от квадратной ямы с остатками деревянных конструкций, описанный перекоп можно интерпретировать как окоп, вероятно, первой половины XX в. Эта интерпретация нашла подтверждение при раскопках курганов 4 и 5, где были обнаружены близкие по конструкции сооружения.

Описание кольцевого ровика

С основным погребением 3 был связан околокурганный ровик ритуального характера (илл. 10; 11). Он имел в плане овальную форму и был вытянут по линии северо-восток — юго-запад. Размеры ограниченной им площадки 14 × 13 м. Ширина ровика составляла 45–60 см в северной части и 90–125 см в южной. Стенки рва наклонные, сужались ко дну.

В юго-западной и восточной частях ровика были сделаны разрезы его заполнения. Они показали, что он был заполнен темно-серым суглинком, в котором фиксировались тонкие прослойки материкового суглинка толщиной 1,5–3 см. Слоистое заполнение рва, прослеженное в разрезах, свидетельствует о том, что ровик после его сооружения оставался открытым, и его заполнение формировалось постепенно.

Ровик имел две перемычки, расположенные друг напротив друга по линии северо-северо-запад — юго-юго-запад (илл. 10; 11). Ширина перемычки в северной части сооружения составляла 130 см, в южной — 40 см. Сопоставление глубин ровика показало, что его северная часть была менее углубленной. Здесь дно фиксировалось на глубине 80–115 см. В южной половине соответствующие отметки находились на глубине 115–147 см. С меньшей степенью углубленности северной части рва связана его худшая сохранность. Так, не сохранился слабо углубленный в материк участок дна ровика в северной части сооружения.

В кургане 3 обнаружено три погребения.

Описание погребений

Погребение 1 (впускное). Погребение 1 обнаружено в 2,8 м к СЗ и в 4,2 м к ЮЗ от репера (илл. 10). Могильное пятно не читалось. В насыпи, на глубине 0,32–0,42 м, зафиксированы останки детского захоронения (илл. 12, 1). Судя по расположению костей, умерший лежал вытянуто на спине, головой ориентирован на запад. Сохранность костяка плохая. Скелет сильно поврежден землеройными животными, его анатомический состав неполный. Череп сохранился во фрагментах. Скорее всего, он лежал на затылочной части. Смещенные фрагменты черепа ребенка находились также в 30 см северо-восточнее бедренных костей погребенного. В 40 см к северо-востоку от черепа располага-

лись кости нижней челюсти. Позвоночный столб прямой, в верхней части изогнут вправо. От костей рук осталась плечевая кость правой руки. Она располагалась в 20 см к востоку от костей черепа и была параллельна туловищу. Грудная клетка практически не сохранилась. Таз находился в позиции, соответствующей положению «вытянуто на спине». Левое крыло таза было переотложено и находилось в 60 см севернее тазобедренных костей, находившихся в первоначальном положении. Остатки ног представлены только бедренными костями, которые лежали параллельно друг другу. Они располагались под тупым углом к позвоночному столбу. Создается впечатление, что костяк, находясь в положении «лежа на спине», был немного повернут в правую сторону.

Погребальный инвентарь не обнаружен.

Погребение может датироваться в широком хронологическом интервале от раннего железного века до средневековья.

Погребение 2 (впускное). Обнаружено в 2,8 м к юго-западу и в 3,0 м к северо-западу от репера (илл. 10). Могильная яма едва заходила в материк. Удалось проследить только восточную часть ямы. Здесь ширина могилы составляла 62–65 см. Скорее всего, яма имела в плане форму, близкую к овальной, и была вытянута по линии В-З. Дно ее расположено на глубине 79–85 см. Захоронение парное: взрослый и подросток (илл. 12, 3).

Скелет 1 принадлежит мужчине 35–40 лет. Он лежал вытянуто на спине с небольшим разворотом влево, черепом ориентирован на восток. Череп плохой сохранности лежал на левом боку. Челюсти сомкнуты. Позвоночный столб слабо изогнут. Таз находился в положении, соответствующем вытянутой позиции костяка. Левая рука была вытянута вдоль туловища, согнута под тупым углом в локтевом суставе, предплечье пронировано. Плечевая кость правой руки не сохранилась. Предплечье супинировано, лежало перпендикулярно позвоночнику. Судя по всему, первоначально правая рука была согнута в локтевом суставе под прямым углом. Кисти рук не обнаружены. Кости ног были вытянуты вперед и параллельны друг другу. Стопы сохранились фрагментарно. Они были развернуты в разные стороны.

Скелет 2 принадлежит ребенку 5–6 лет. Он лежал параллельно взрослому костяку, вытянуто на спине и черепом был ориентирован на запад. Череп сохранился фрагментарно. Почти полностью отсутствовал лицевой отдел, сохранился только фрагмент нижней челюсти. Череп лежал на затылочной части. От костей рук сохранилась правая плечевая кость, которая была вытянута вдоль туловища. Позвоночный столб прямой, сохранился фрагментарно. Таз находился в позиции, соответствующей положению «вытянуто на спине». Левая нога вытянута вперед, кости стопы отсутствуют. Кости правой ноги не сохранились.

Погребальный инвентарь не обнаружен.

Погребение может датироваться в широком хронологическом интервале от раннего железного века до средневековья.

Погребение 3 (основное). В центральной части курганной площадки обнаружено погребение 3 (илл. 10). Захоронение располагалось в предматериковом слое. Заполнение прослеживалось по мягкому серому суглинку, но контуры могильной ямы зафиксировать не удалось. Дно погребения находилось на глубине 90–95 см. В погребении обнаружены кости двух людей: взрослого и ребенка (илл. 12, 2). Они были перемешаны и анатомического порядка не имели.

Скелет взрослого человека принадлежал мужчине 18–20 лет. От данного индивида обнаружены берцовые кости и кости голени, лежавшие в северной части скопления. Рядом с ними находился череп на левом боку. Сохранился только его свод. С юга к нему примыкали остатки таза, от которого сохранился крестец и левое крыло, правое

крыло лежало в 15 см восточнее черепа. В южной части скопления находились кости второй ноги. По всей видимости, она была согнута в коленном суставе. В скоплении также зафиксированы фрагменты ребер и отдельные позвонки.

Кости второго индивида принадлежали ребенку 6–8 лет. Они представлены фрагментом таза, частью черепной коробки и фрагментами конечностей. От черепа сохранился только свод. Он лежал между частями таза взрослого человека. Рядом с черепом с восточной стороны располагалось левое крыло таза. Здесь же находилась плечевая кость руки, фрагменты костей руки ребенка зафиксированы севернее крыла таза взрослого индивида.

Погребальный инвентарь не обнаружен.

По всей видимости, основное захоронение было совершено в неглубокой яме в слое погребенной почвы, которую проследить не удалось. Впоследствии, по всей видимости, оно было ограблено, и кости погребенных оказались переотложены.

Учитывая аналогичность кольцевых ровиков, зафиксированных в курганах 2 и 3, а также факт ограбления основных погребений, можно утверждать, что основное погребение 3 кургана 3 относится к тому же времени, что и основное погребение кургана 1, и может датироваться эпохой средней бронзы.

История сооружения и функционирования кургана 3

Курган 3 был насыпан над основным погребением 3, относящимся к эпохе средней бронзы. Курганная площадка была обнесена кольцевым рвом, имеющим две перемычки. Впоследствии основное погребение было ограблено. Позже в насыпь были впущены погребения 1 и 2, четкую культурно-хронологическую позицию которых установить сложно. В прошлом веке насыпь кургана была использована для сооружения окопа, который нарушил северную часть курганной площадки.

§ 4. КУРГАН 4

Описание кургана

Курган 4 располагался в 60 м северо-восточнее кургана 2 (илл. 4). Насыпь кургана визуально плохо фиксировалась. Курган был раздавлен периодически проезжавшим здесь транспортом. Сохранившаяся насыпь имела округлую в плане форму диаметром около 15 м. Высотные отметки составили у С полы –20 см, у Ю полы — –20 см, у З полы — –15 см. По юго-восточной и восточной полам кургана проходила грунтовая дорога. Остальная площадь кургана задернована. Под травой прослеживались заплывшие колеи от автомашин.

Координаты кургана: N51°13′02,19″ E045°31′15,21″.

Насыпь кургана вскрывалась скрепером с оставлением одной бровки, ориентированной по линии восток-запад. Толщина бровки составила 60 см.

Описание бровки В-З

Северная сторона (илл. 13). Верхний слой представлен гумусовым горизонтом толщиной 4–8 см. На отрезке 03–395–450 см располагалась заплывшая западина от автомобильной колеи. Дерн подстилал слой серого суглинка с включениями мергельной

крошки мощностью 10–15 см. На отрезках 0В–128–0З–29 см и 0З–374–495 см слой серого суглинка с включениями крошки мергеля нарушали линзы темно-серого суглинка, образовавшиеся в результате повреждения поверхности кургана проходившим здесь транспортом. Слой серого суглинка с включениями мергельной крошки подстилал слой серого суглинка — погребенная почва. Ее мощность составляла 20–30 см. Материк — желтый суглинок залегал на глубине 50–65 см. На отрезке 0В–2–127 см слой серого суглинка с включениями мергельной крошки, погребенную почву и материк прорезала яма впускного погребения 1, заполненная темно-серым суглинком. На участках 0В–161–259 см и 0З–645–700 см погребенную почву и материковый суглинок прорезала яма кольцевого ровика. Ее заполнение — темно-серый суглинок.

Южная сторона (илл. 13). Верхний слой представлен гумусовым горизонтом толщиной 4–8 см. На отрезке 0З–423–472 см располагалась заплывшая западина от автомобильной колеи. Дерновый слой подстилал слой серого суглинка с включениями мергельной крошки мощностью 10–20 см. На отрезках 0В–138–0З–207 см и 0З–395–615 см слой серого суглинка с включениями крошки мергеля нарушали линзы темно-серого суглинка — следы от колес. Слой серого суглинка с включениями мергельной крошки подстилал слой серого суглинка — погребенная почва. Ее мощность составляла 20–30 см. Материк — желтый суглинок — залегал на глубине 50–65 см. На участках 0В–135–227 см и 0З–615–668 см погребенную почву и материковый суглинок прорезала яма кольцевого ровика. Ее заполнение — темно-серый суглинок.

Курган 4 также был нарушен перекопами прошлого века.

Перекоп 1 представлял собой дугообразную траншею, которая прорезала насыпь, погребенную почву, участок ровика у северной полы кургана и материк. Кроме того, перекоп разрушил верхнюю часть погребения 3, северо-западную стенку погребения 2 и срезал позвоночный столб захоронения собаки, совершенного в заполнении погребения 2 (илл. 13; 17). В южной части траншея имела два отростка. Их можно идентифицировать как огневые ячейки, которые являются характерными деталями окопных сооружений. Перекоп 2 располагался северо-западнее перекопа 1. Он представлял собой клиновидное окончание еще одной траншеи, уходившей в северо-западном направлении за пределы насыпи. Перекоп 2 уничтожил участок кольцевого ровика длиной 40–80 см в северной части кургана. В заполнении перекопа в районе нарушения им могильной ямы погребения 2 обнаружена крупная железная скоба для крепления деревянных конструкций.

При разборке перекопа 1 на расстоянии 7,2 м к северу и 1,85 м к западу от репера на глубине 79 см был обнаружен обломок керамики (находка № 1) (илл. 18, 1). Фрагмент принадлежит стенке лепного сосуда. Обжиг неравномерный, поверхность светло-коричневого цвета с темно-серым пятном. Форма сосуда не восстанавливается. Толщина стенки 0,6 см. Фрагмент орнаментирован горизонтальным елочным орнаментом, выполненным оттисками мелкозубчатого штампа. Сверху «елки» располагалась линия ногтевых вдавлений, нанесенных попарно в виде «галочки». Обломок относится к сосуду эпохи средней бронзы.

Описание кольцевого ровика

С основным погребением 2 был связан кольцевой околокурганный ровик ритуального назначения (илл. 13). Он имел овальную в плане форму и был незначительно вытянут по линии северо-восток — юго-запад. Его размеры 11,5 × 10,5 м. Ширина ровика 50–65 см. Стенки рва наклонные, сужались ко дну. Для фиксации структуры за-

полнения рва в южной части был оставлен разрез. Он показал, что ровик был заполнен плотным темно-серым суглинком. В придонной части фиксировались прослойки материкового суглинка толщиной 4–6 см. Слоистое заполнение может свидетельствовать о том, что ровик после его сооружения оставался открытым и постепенно заполнялся грунтом в ходе естественной нивелировки.

Ровик имел две перемычки. Одна располагалась в южной части, ее ширина 87 см. Другая перемычка находилась в северо-западной части рва. Ширину этой перемычки установить затруднительно, т.к. здесь только одна оконечность рва заходила в материк. Дно ровика фиксировалось на глубине 56–96 см.

Описание погребений

Погребение 1 (впускное) располагалось в юго-восточном секторе кургана, в 0,12 м к западу от центрального репера (илл. 13).

Могильная яма была обнаружена по пятну темно-серого цвета размерами 123 × 98 см.

Погребальная конструкция представляла собой, скорее всего, катакомбу. Входная яма и верхняя часть камеры располагались в насыпи и не прослежены. От входной ямы сохранилась только нижняя часть размерами 114 × 40 см. Дно входной ямы имело небольшой уклон в сторону камеры. Оно зафиксировано на уровне –74–78 см. Камера располагалась параллельно входной яме. От входной ямы она отделена ступенькой высотой 4 см. Камера имела подпрямоугольную форму с округленными углами. Ее длина 120 см, ширина 58 см. Дно ровное, зафиксировано на глубине 89–92 см.

Оставленный для фиксации структуры заполнения разрез показал, что яма была заполнена однородным темно-серым суглинком (илл. 14, 3).

На дне погребальной камеры было обнаружено захоронение ребенка 6–8 лет (илл. 14, 1, 2). Скелет находился ближе к северо-западной стенке, в среднескорченном положении на левом боку, головой ориентирован на северо-восток. Череп раздавлен, лежал на левом боку. Челюсти немного разомкнуты. Позвоночный столб сохранился в верхней его части. Правая плечевая кость располагалась параллельно туловищу. Предплечье смещено землеройными животными. Оно находилось под острым углом к плечевой кости. Левая рука также частично была смещена. Кость предплечья оказалась между берцовыми костями. Судя по всему, она была вытянута вдоль туловища. Кисти рук не сохранились. Таз находился на левом боку, его крылья полуразвернуты. Ноги согнуты в коленях. Бедренная кость правой ноги находилась перпендикулярно туловищу. Кость голени по отношению к ней располагалась под острым углом. Кости левой ноги согнуты в колене под острым углом. Коленный сустав правой ноги лежал несколько выше левого. От ступней ног сохранилась только пяточная кость правой ноги.

В районе запястья правого предплечья, на материковом дне, находилось небольшое скопление красной краски (охра?). Оно имело округлую в плане форму диаметром 8 см.

Перед погребенным в районе предплечий располагался орнаментированный глиняный лепной сосуд (находка 1).

Описание инвентаря. Сохранившийся инвентарь представлен лепным плоскодонным сосудом. Обжиг изделия неравномерный, поверхность светло-коричневого цвета с серыми пятнами. Внутренняя часть имеет следы нагара. Она покрыта горизонтальными расчесами средних размеров. Примеси в тесте визуально не фиксируются.

Керамический сосуд имел горшковидную форму (илл. 15, 1, 2). Горло невысокое, раструбовидное. Его высота 3,3 см. Плечики покатые, бока округлые. Максимальное

расширение тулова приходится на середину сосуда. Дно плоское, без закраин. Высота сосуда 16,7 см, диаметр по венчику 15 см, диаметр в месте максимального расширения тулова 17,3 см, диаметр дна 11,3 см.

Сосуд имеет сложный орнамент (илл. 15, 1–3). По основанию шейки и плечикам он украшен налепными валиками, расчлененными овальными вдавлениями, выполненными оттисками личиночного штампа. Аналогичными оттисками орнаментирован край венчика. По горлу нанесены мелкие вертикальные расчесы, явно выполнявшие декоративную функцию. Плечо украшено фризом, заключенным между двумя валиками. Он выполнен оттисками шнура. Орнамент здесь нерегулярный, состоит из треугольников и дуговидных фигур (илл. 15, 3). Нерегулярность орнамента подчеркивается разрывом фриза, обозначенным единственным в композиции вертикальным оттиском шнура. От ребра до дна сосуд покрыт также нерегулярной композицией. Под разрывом на фризе по плечикам нанесены вписанные друг в друга в виде елки зигзаги, выполненные отпечатками одинарного шнура. К елочной части с обеих сторон примыкают зигзаги и крестовидные фигуры, образованные путем наложения зигзаговидных элементов.

Погребение относится к эпохе средней бронзы.

Погребение 2 (основное). Захоронение располагалось в центральной части площадки, ограниченной кольцевым ровиком (илл. 13). Оно находилось в 2,2 м к западу и в 1,9 м к северу от репера.

Могильное пятно темно-серого цвета имело овальную форму и было вытянуто по линии северо-восток — юго-запад. Его размеры 200 × 128 см. В северо-западной части оно было нарушено пятном перекопа более темного цвета по сравнению с пятном погребения.

В заполнении погребения 2, на глубине 92–109 см, было обнаружено погребение собаки (илл. 16, 1). Скелет животного лежал на левом боку, головой ориентирован на северо-восток. Череп находился на левом боку, челюсти сомкнуты. Основная часть позвоночного столба не обнаружена. Зафиксированы лишь части позвоночника у черепа и у тазовых костей. Кости передних лап сложены вместе, параллельно друг другу. Они согнуты в суставах под острым углом. Фаланги передних конечностей расположены рядом друг с другом. Тазовые кости сохранились фрагментарно. Задние конечности вытянуты вдоль туловища, согнуты в суставах под тупым углом. Фаланги задних лап располагались рядом с фалангами передних.

Разрез А-А1, сделанный при выборке погребения 2, позволил уточнить стратиграфическое положение собаки и выявить структуру заполнения могильной ямы (илл. 17). Заполнение погребения 2 оказалось двухслойным. Верхний слой представлен серым суглинком толщиной 45–50 см. Придонная часть ямы заполнена слоем темно-серого суглинка мощностью 38–25 см. Подобное двухслойное заполнение могильной ямы могло образоваться в результате ограбления погребения 2. У северо-западной стенки ямы на разрезе отчетливо фиксируется нарушение заполнения могильной ямы перекопом. Заполнение перекопа — темно-серый суглинок, перемешанный с материковым суглинком. На глубине 106 см в слое серого суглинка в непосредственной близости от перекопа фиксировались тазовые кости скелета собаки.

Могильная яма имела прямоугольную форму с сильно закругленными углами. Она была вытянута по линии северо-восток — юго-запад. Северо-восточная и часть юго-восточной стенки плавно сужались ко дну. В юго-западном и северо-западном углах фиксировались небольшие подбои. Остальные части стенок отвесные. Размеры могильной ямы по дну 174 × 128 см.

В погребении 2 в придонной части заполнения могильной ямы и на дне обнаружены перемешанные кости человека, принадлежащие ребенку 5–6 лет (илл. 16, 2).

В восточном углу располагались длинные кости нижних конечностей. В непосредственной близости к ним находился фрагмент черепа. Рядом, у северо-восточной стенки, зафиксированы позвоночные кости и кости ребер. У северо-западной стенки обнаружено несколько мелких костей человека. На дне ямы на глубине 158 см располагались фаланги ступни человека. Это единственные кости человека, которые сохранили свое первоначальное положение.

На глубине 136–152 см в 10 см от северо-западной стенки в наклонном положении находился камень размерами 30 × 20 × 10 см (находка 3).

В центре погребальной камеры на дне прослеживались вкрапления охры. Они занимали участок овальной формы, вытянутый по линии северо-восток — юго-запад, размерами 60 × 40 см. Еще одно мелкое вкрапление охры зафиксировано в 25 см северо-восточнее данного участка. Дно погребения было покрыто органическим тленом темно-серого цвета, который занимал южную половину ямы. Возможно, остальная часть подстилки была уничтожена при ограблении погребения.

В 40 см юго-западнее северо-восточной стенки на дне ямы были обнаружены фрагменты керамики (находка 1). Здесь же находился астрагал МРС (находка 2). Еще один астрагал МРС (находка 2) обнаружен в юго-восточном углу погребальной камеры.

Описание инвентаря. Он представлен фрагментами лепного сосуда (находка 1) и двумя астрагалами МРС (находка 2).

Фрагменты керамики принадлежали одному сосуду. Они являлись обломками горла (илл. 18, 1–2). Оно плавно отогнуто. Толщина фрагмента 8 см. Форма сосуда достоверно не восстанавливается. Обжиг неравномерный. Поверхность керамики серая с темно-серыми пятнами. В тесте фиксируется примесь мелкой дресвы. По шейке сосуд был украшен параллельными рядами оттисков однорядного шнура.

Погребение относится к эпохе средней бронзы.

Погребение 3 (впускное). Под перекопом 1 было обнаружено погребение 3. Оно располагалось в северном секторе кургана на расстоянии 6,25 м к северу и 3,40 м к западу от репера (илл. 13).

Могильное пятно темно-серого цвета имело подпрямоугольную форму с округленными углами. Его размеры 160 × 125 см. Оно вытянуто по линии восток-запад.

Яма захоронения имела подпрямоугольную форму (илл. 19, 1). Ее размеры по верхнему краю 160 × 125 см, по дну 144 × 132 см. Дно зафиксировано на глубине 122–128 см. Через центральную часть комплекса прошла достаточно крупная нора. Она пробила северную стенку захоронения и пересекла яму по линии северо-северо-восток — юго-юго-запад. В северной части нора прорезала участок дна погребения. По всей видимости, деятельность землеройного животного полностью уничтожила останки погребенного. От него сохранилась только фаланга пальца, обнаруженная в северо-западном углу ямы (илл. 19, 1).

У северо-восточного угла на дне ямы найдена нижняя часть сосуда (находка 1). У южной стенки, ближе к юго-западному углу, на дне под норой лежал астрагал МРС (находка 2).

Описание инвентаря. Сохранившийся в погребении инвентарь представлен нижней частью лепного плоскодонного сосуда (находка 1) и астрагалом МРС (находка 2).

Обжиг сохранившейся части сосуда равномерный. Внешняя поверхность имеет светло-серый цвет, на внутренней фиксируются следы нагара. В тесте присутствует примесь песка. Дно плоское без закраин (илл. 19, 2).

На внешней поверхности нанесен орнамент в виде наклонных вертикальных оттянутых валиков, треугольных в сечении, расчлененных округлыми вдавлениями. Валики сгруппированы по три и стыкуются у дна, образуя вершину зигзага или треугольника.

Погребение 3 относится к финалу средней бронзы.

История сооружения и функционирования кургана

Курган был возведен в эпоху средней бронзы над захоронением 2. Околомогильная площадка была ограничена кольцевым ровиком и перекрыта насыпью. Впоследствии погребение было ограблено. В катакомбное и посткатакомбное время в насыпь были впущены погребения 1 и 3. В прошлом веке насыпь, ровик, захоронения 2 и 3 пострадали от окопов, которые могли полностью уничтожить и другие погребения. Интересна стратиграфическая позиция погребения собаки. Скелет животного находился в заполнении могильной ямы основного погребения 2. Само захоронение было ограблено, и останки человека находились в переотложенном состоянии. Костяк собаки сохранил анатомический порядок. Это свидетельствует о том, что захоронение животного было совершено после ограбления могилы 2. В свою очередь, разрез ямы погребения 2 (илл. 17) четко показал, что скелет собаки находился вне пределов перекопа (илл. 13). Отсутствие у костяка животного почти всего позвоночного столба (илл. 16, 1) объясняется тем, что он был срезан окопом прошлого века (илл. 13; 17). Таким образом, захоронение собаки занимает стратиграфическую позицию между погребением 2 и перекопом XX в. Костяк животного мог являться самостоятельным комплексом или сопроводительным какого-либо из впускных захоронений кургана. Также не исключено, что погребение собаки было совершено сразу после ограбления могилы, которое могло носить ритуальный характер.

§ 5. КУРГАН 5

Описание кургана

Курган 5 самый большой в группе. Он находится в 40 м северо-восточнее кургана 4. Насыпь имела округлую полусферическую форму (илл. 4). Ее диаметр 28 м. Поверхность задернована. По юго-восточной поле кургана проходила грунтовая дорога. Высотные отметки составили у С полы –56 см, у Ю полы — –32 см, у В полы — –10 см, у З полы — –53 см.

Координаты кургана: N51°13′02,40″ E045°31′16,33″.

Курган раскапывался скрепером с оставлением центральной бровки, ориентированной по линии С-Ю (илл. 20). Толщина бровки составила 60 см.

Описание бровки С-Ю

Восточная сторона (илл. 20). Верхний слой представлен гумусовым слоем толщиной 4–8 см. Ниже располагался слой серого суглинка мощностью в центральной части 50 см. На участке 0С–947–0Ю–463 см его подстилал горизонт погребенной почвы, представленный более темным серым суглинком. Его толщина составляет 20–10 см.

На участке 0С–820–947 см слой погребенной почвы частично был срезан, а частично подрезан, и здесь его толщина достигала 3–5 см. На отрезке 0С–708–805 см на слое погребенной почвы располагались тонкие линзы материкового суглинка желтого цвета толщиной 2–4 см. Возможно, они образовались от выкида из кольцевого ровика. Материк — желтый суглинок — располагался на глубине 50–65 см. На участке 0С–400–0Ю–290 см слой серого суглинка, погребенную почву и материк прорезала яма перекопа. Ее заполнение — темно-серый суглинок, мешанный с материковым суглинком. В нем также фиксировались достаточно мощные линзы материкового суглинка толщиной до 20 см. Перекоп разрушил часть основного погребения 1. На отрезках 0С–947–1047 см и 0Ю–463–556 см горизонт погребенной почвы и материк прорезали ямы кольцевого ровика. Их заполнение — темно-серый суглинок.

Западная сторона (илл. 20). Верхний слой представлен гумусовым горизонтом толщиной 4–8 см. Ниже располагался слой серого суглинка мощностью в центральной части 50 см, в полах — 20–25 см. На участке 0С–945–0Ю–465 см его подстилал горизонт погребенной почвы, представленный более темным серым суглинком. Его толщина составляла 5–15 см. Материк — желтый суглинок — залегал на глубине 50–65 см. На отрезке 0Ю–79–295 см слой серого суглинка прорезала яма перекопа. На уровне погребенной почвы она резко сужалась, прорезала насыпь и материк на отрезке 0Ю–150–257 см. Заполнение перекопа — темно-серый суглинок, мешанный с материковым суглинком. В нем фиксировались отдельные линзы материкового суглинка толщиной 8–15 см. На участках 0С–945–1035 см и 0Ю–465–550 см слой погребенной почвы и материк прорезали ямы кольцевого ровика. Их заполнение — темно-серый суглинок.

В ходе раскопок выяснилось, что курган 5 в прошлом веке, так же как курганы 3 и 4, был поврежден перекопами. Перекоп, повредивший южную половину кургана, представлял собой узкую дугообразную траншею (илл. 20). Он прорезал насыпь, погребенную почву, нарушил основное погребение 1 и уничтожил участок ровика в юго-западной части. Дно перекопа в районе погребения полого повышалось (илл. 20). Северная стенка могильной ямы нарушена только в верхней части. Благодаря этому обстоятельству, в придонной части заполнения могилы сохранились кости погребения 1. В северной части траншея перекопа разветвлялась на два коротких отростка, ориентированных в северо-восточном и северо-западном направлениях. Еще одно короткое ответвление, ориентированное на запад, располагалось в 150 см южнее. Обнаруженный перекоп по аналогии с траншеями, нарушившими курганы 3 и 4, можно уверенно отождествлять с окопом. Отростки достаточно четко опознаются как огневые ячейки.

Описание кольцевого ровика

С основным погребением 1 был связан околокурганный кольцевой ровик ритуального характера (илл. 20; 21, 1–2). Он имел в плане округлую форму диаметром около 16 м. Ширина ровика составляла 75–100 см. Дно фиксировалось на глубине 85–119 см. Стенки ровика наклонные, сужались ко дну. Для фиксации структуры заполнения в северной части ровика был оставлен разрез. Основа заполнения ровика — темно-серый суглинок. В придонной части разреза прослеживались прослойки и линзы желтого (материкового) и коричневого суглинка. Толщина прослоек составляла 2–5 см. Подобное заполнение рва свидетельствует о том, что ровик после его сооружения оставался открытым, и его заполнение формировалось постепенно.

Ровик имел 5 перемычек. Иными словами, он состоял из пяти сегментов. Ширина перемычек колебалась от 15 до 35 см. Сегменты ровика имели разную длину. Самые крупные из них располагались в северной и западной частях сооружения. Их длина составляла соответственно 11,5 м и 9,5 м. Наиболее короткий (5,5 м) находился в северо-восточной части, и примерно одинаковые участки ровика (8 и 8,5 м) были зафиксированы в юго-восточной и южной частях конструкции. Из пяти перемычек четыре были сопряжены попарно, т.е. находились друг против друга. Они маркировали направления по линиям СВ-ЮЗ и СЗ-ЮВ. Перемычка, не имевшая пары, ориентирована на восток.

В кургане обнаружено одно захоронение.

Описание погребения

В центре площадки, ограниченной кольцевым ровиком, на расстоянии 1,75 м к северу и 0,4 м к востоку от репера находилось основное погребение (илл. 20).

Могильное пятно темно-серого цвета имело подпрямоугольную форму с сильно округленными углами. В плане четко прослеживалось, что оно нарушено перекопом.

Для фиксации структуры заполнения ямы был оставлен разрез (илл. 22, 3). Заполнение представлено темно-серым суглинком. У восточной стенки заполнение погребения нарушил перекоп. Его ширина на уровне материка 98 см. Стенки перекопа сужались ко дну. Заполнение перекопа — темно-серый суглинок, мешанный с материковым суглинком. Как видно на разрезе, перекоп не везде достиг дна погребения. В районе могильной ямы дно окопа стало плавно повышаться (илл. 20), благодаря чему уцелела часть могилы со скоплением костей.

Могильная яма погребения 1 имела подпрямоугольную форму, вытянутую по линии восток-север-восток — запад-юг-запад, с сильно округленными углами (илл. 22, 1). Ее можно назвать «бобовидной». Южная стенка была относительно прямой, а северная выгнутой. Размеры ямы на уровне материка 180 × 108 см. Все стенки, за исключением отвесной восточной, расширялись ко дну, образуя небольшие подбои. Размеры могильной ямы по дну 184 × 122 см.

В придонной части заполнения и на дне обнаружены разрозненные кости мужчины в возрасте 18–20 лет (илл. 22, 1). Основная их часть находились в западной части могилы, со смещением к северо-западному углу. Череп располагался в подбойной части этого угла и лежал на правом боку. Кости нижней челюсти были зафиксированы ближе к юго-западному углу, в 65 см к югу от черепа. Здесь же находились кости голеней. Вдоль западной стенки, рядом с черепом, обнаружены бедренные кости, лежавшие параллельно друг другу. Вплотную к ним и к западной стенке лежали лучевые кости рук. Остальные кости скелета находились в радиусе 40–60 см от черепа и вдоль северной стенки. Здесь в беспорядке лежали ребра, позвонки и фаланги пальцев.

Кости скелета человека сопровождались скоплением костей МРС (находка 1). Кости овцы располагались по юго-восточной границе скопления костей человека. Здесь обнаружены кости конечностей, в том числе лучевая, локтевая и фаланги.

В центре погребения, на глубине 126 см, зафиксировано пятнышко древесного тлена. Аналогичное пятно находилось в 25 см юго-западнее. В центральной части ямы на дне прослежено пятно органического тлена светло-желтого цвета. Его размеры 30 × 10 см. Еще одно пятно органического тлена темно-серого цвета обнаружено в центральной части ямы ближе к южной стенке. Оно имело округлую форму диаметром 12 см.

Инвентарь в погребении не обнаружен.

По всей видимости, погребение 1 кургана 5, так же как и основные погребения в курганах 2, 3 и 4, подверглось ограблению[6]. Наличие ровика в кургане 5 ставит его в один ряд с остальными курганами группы. Это позволяет датировать погребение 1 также эпохой средней бронзы.

История сооружения и функционирования кургана

Курган 5 был насыпан над основным погребением 1, относящимся к эпохе средней бронзы. До сооружения насыпи курганная площадка была обнесена кольцевым рвом, который имел пять перемычек. Сооружение рва до начала возведения насыпи может документировать тонкая линза выкида из ровика во внутреннюю часть курганного пространства, который лег на погребенную почву (илл. 20). Позднее погребение было ограблено. В прошлом веке насыпь и захоронение были повреждены окопом.

§ 6. КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ К МАТЕРИАЛАМ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ КУРГАННОЙ ГРУППЫ ПАНИЦКОЕ 6

Материалы эпохи бронзы

Культурная атрибуция и относительная хронология. Все исследованные курганы могильника были сооружены в эпоху средней бронзы, по всей видимости, одной группой населения. Во всех курганах с основными захоронениями было связано сооружение ритуальных кольцевых ровиков, имеющих перемычки. Этот элемент — нечастое явление в материалах средней бронзы Волго-Донского междуречья. На этой территории он более характерен для памятников более раннего времени ямной и полтавкинской культур (Кузнецов, 1989. С. 16; Матвеев, Цыбин, 2004. С. 21; Васильев, 1979. С. 29, 32; Васильев, Кузнецов, Турецкий, 2000. С. 21, 29, 32). В более мелких курганах 2, 3, 4 в ровиках было по две перемычки, в самом крупном кургане 5 их насчитывалось пять. Наличие этого своеобразного конструктивного элемента во всех курганах группы, наряду с другими признаками, свидетельствует о единой обрядовой традиции. Все основные погребения были ограблены, а кости переотложены. Не исключено, что ограбление осуществлялось через небольшой промежуток времени после погребения. Это подтверждает факт отсутствия грабительских ходов вне пределов могильных ям и то, что, например, более позднее впускное погребение 1 в кургане 4 оказалось нетронутым. Стратиграфический разрез могильной ямы впускного погребения 2 кургана 2, которое по времени близко погребению 1, также зафиксировал попытку ограбления комплекса. Возможно, вторжение в могилы могло носить ритуальный характер. Об этом как будто свидетельствует захоронение собаки, совершенное в заполнении ямы погребения 2 кургана 4 уже после его ограбления (илл. 16, 1–2; 17).

---

[6] Правда, следует заметить, что в отличие от п. 1 к. 2 и п. 2 к. 4 в разрезе могильной ямы п. 1 к. 5 явных следов действия грабителей не прослежено.

К сожалению, позу и ориентировку умерших в основных захоронениях установить невозможно. В пользу их одновременности и культурного единства могут служить такие важные обрядовые признаки, как конструкция могильной ямы и ее ориентировка. Все основные погребения, за исключением погребения 3 кургана 3[7], были устроены в ямах подпрямоугольной формы с сильно округленными углами, имевших близкую ориентировку по линии северо-восток — юго-запад. По определению антрополога (см. приложение 1.1) в двух могилах (п. 1 к. 2 и п. 3 к. 3) были совершены парные захоронения.

Обратимся к культурной принадлежности погребений эпохи средней бронзы. По характерному инвентарю и обрядовым характеристикам все комплексы этого времени датируются не раньше развитого периода среднего бронзового века, т.е. времени расцвета катакомбных культур. Волго-Донское междуречье является контактной зоной между среднедонской и волгодонской катакомбными культурами. Последняя до сих пор находится в стадии выделения и уточнения основных культурных индикаторов (Братченко, 1976. С. 77; Мельник, 1989. С. 131, 132; Филипченко, 1994. С. 25, 26; Малов, Филипченко, 1995. С. 52–61; Кияшко А., 1996. С. 22, 23; 2002. С. 135, 136; Смирнов А., 1996. С. 95, 98, 99; Богданов, 2006а. С. 223, 224). Для ограбленных погребений четкими культурными маркерами могут выступать, главным образом, немногочисленные вещи, сохранившиеся после внедрения.

С точки зрения культурной атрибуции показательны фрагменты сосуда, обнаруженные в погребении 1 кургана 2 (илл. 9, 1, 2). Поверхность крупного фрагмента украшена ногтевыми вдавлениями, сгруппированными попарно в виде «галочки». Они образуют круговые зоны, покрывающие большую часть поверхности сосуда. Подобная орнаментация часто встречается на керамике воронежской культуры Среднего и Верхнего Подонья (Беседин, 1981. Рис. 5, 1; 1984. Рис. 3, 3; Пряхин, 1982. Рис. 31, 6; Синюк, Березуцкий, 2001. Рис. 34, 16, 60, 6; Ивашов, 2003. Рис. 3, 2, 4; 4, 16, 5, 6; Акимова, 2006. Рис. 3, 11), для которой в целом характерна техника нанесения орнамента в виде защипов и ногтевых вдавлений. В редких случаях данная техника встречается в поселенческих материалах вольско-лбищенской культурной группы (Ставицкий, 2004. Рис. 2, 2; 2005. Рис. 41, 2), которую здесь следует рассматривать как отражение контактов этих постшнуровых культурных образований. Представительная серия керамики с техникой орнаментации, аналогичной сосуду из Паницкого, происходит из коллекции воронежской культуры Семилукского городища[8]. Иногда такая орнаментация встречается на посуде среднедонской катакомбной культуры (Синюк, 1996. Рис. 23, 15). Отсутствие дна и придонной части, равно как и венчика, не дает возможности судить о пропорциях сосуда, которые ощутимо различаются у среднедонской катакомбной и воронежской керамики. В любом случае, во фрагментированном горшке из погребения 1 кургана 2 прежде всего прослеживаются среднедонские (в смысле территории) керамические традиции. Посуда волгодонской катакомбной культуры демонстрирует иные диагностичные черты.

Второй фрагмент, происходящий из погребения 1 кургана 2 (илл. 9, 2), принадлежит сосуду среднедонской катакомбной культуры. Он имеет достаточно высокое рас-

---

[7] Напомню, что п. 3 к. 3 было сооружено в очень неглубокой яме в погребенной почве либо на горизонте. Его могильную конструкцию проследить не удалось.

[8] Коллекция была просмотрена в фондах археологического музея Воронежского государственного университета. Пользуясь случаем, хочу выразить благодарность А.А. Припадчеву за предоставленную возможность ознакомиться с материалами Семилукского городища.

трубное горло, которое является одним из характерных признаков катакомбного керамического комплекса Среднего Подонья.

Таким образом, погребение 1 кургана 2 можно отнести к среднедонской катакомбной культуре. Наличие воронежских черт в орнаментации одного из сосудов позволяет ориентировочно расположить данный комплекс на шкале относительной хронологии среднедонской катакомбной культуры. Сейчас все более становится очевидным, что диапазон бытования воронежских памятников большей частью относится к финалу средней бронзы. Эта культура входила в блок постшнуровых культурных образований пограничья леса и лесостепи, представленного воронежской, абашевской, вольско-лбищенской, примокшанской культурными группами (Мимоход, 2005. С. 72; 2007. Рис. 5). Вопрос о постшнуровом характере воронежской культуры и ее синхронности бабинским памятникам поставлен уже давно (Пряхин, 1982. С. 138, 139). С появлением новых материалов и выделением посткатакомбных памятников в Нижнем Поволжье и на Среднем Дону верхняя граница воронежской культуры однозначно синхронизируется с посткатакомбным горизонтом. Об этом надежно свидетельствует попадание воронежской посуды в комплексы с узко датирующимися категориями инвентаря. Это комплекс Хохольский 1/1, где воронежский сосуд найден вместе с бронзовой гривной, очковидной подвеской, спиралевидными пронизями (Пряхин, Синюк, 1983. Рис. 2), которые маркируют раннебабинское время. Фрагменты воронежской посуды обнаружены вместе с пряжкой второго этапа бабинской культуры в погребении 6 Филатовского кургана (Синюк, Козмирчук, 1995. Рис. 51). Выделение криволукской культурной группы в Нижнем Поволжье, которая синхронна первому и второму этапам днепро-донской бабинской и лолинской культур (Мимоход, 2004; 2004а; 2007. Рис. 5), позволило внести еще больше ясности в хронологию воронежских древностей. Попадание воронежской посуды в посткатакомбные погребения с классическим криволукским обрядом (Матвеев, Левых, 1996. Рис. 1, 4, 5; Акимова, 2006; Пряхин, Матвеев, 1988. С. 19, рис. 5, 3, 5) на уровне закрытых комплексов доказывает если не полную, то частичную синхронность воронежской культуры блоку посткатакомбных культурных образований.

Значительно больше проблем возникает с определением нижней границы бытования воронежских древностей, прежде всего в силу отсутствия ранних узко датирующихся вещей в поселенческих и немногочисленных погребальных комплексах[9]. В.И. Беседин и А.Д. Пряхин помещают формирование воронежской культуры после развитого этапа среднедонской катакомбной культуры, т.е. ранние воронежские памятники синхронизируются с поздними среднедонскими (Беседин, 1988. С. 125; 1991. С. 90; 1997. С. 65; Пряхин, Беседин, 1988. С. 93; 1988а. С. 23; 1989. С. 135). Полностью синхронизирует воронежскую и среднедонскую катакомбную культуры А.Т. Синюк. По его мнению, эти культуры непосредственно стыкуются с раннесрубными памятниками (Синюк, 1990. С. 109; Синюк, 1996. С. 209, рис. 70; Синюк, Березуцкий, 2001. С. 94). Сейчас все более становится очевидным, что катакомбные группы не могли принимать участие в формировании срубной культуры. Оправданным представляется помещение В.И. Бесединым и А.Д. Пряхиным между позднебронзовыми и катакомбными памятниками в лесостепном Подонье памятников воронежской культуры. Кроме того, здесь имеется серия посткатакомбных бабинских и криволукских ком-

[9] Сходная проблема возникает и с другой составляющей постшнурового блока — вольско-лбищенской культурной группой.

плексов, которые, наряду с воронежскими, составляют основное содержание финала средней бронзы данного региона (Мимоход, 2007. Рис. 5)[10]. В этой связи ранние памятники воронежской культуры если и синхронны катакомбным, то только поздним, отчасти, возможно, и развитым. О подобной синхронизации на данный момент может свидетельствовать только керамика, как катакомбная с воронежскими чертами, так и воронежская с катакомбными. Наличие подобной синкретической посуды в поселенческих памятниках Подонья отмечалось неоднократно.

В свете вышесказанного погребение 1 кургана 2 следует рассматривать в контексте развитой или поздней среднедонской катакомбной культуры, в керамическом комплексе которой начинают фиксироваться следы контактов с носителями воронежских традиций.

К этому же времени относится и погребение 2 того же кургана (илл. 8; 9, 4), в которое, как и в погребение 1, вторглись грабители. Правобочное положение скелета может

---

[10] Нельзя признать аргументированной очередную попытку синхронизировать поздние среднедонские катакомбные памятники с ранними этапами посткатакомбных образований бабинской культуры и криволукской культурной группы (Федосов, 2007. С. 28–31; 2007а. С. 27, 28). Отмечу, что без соответствующих ссылок М.Ю. Федосов озвучивает давно уже поставленный вопрос, который активно разрабатывается целой группой исследователей в течение последних 25 лет (Матвеев, 1980. С. 75; 1982. С. 20, 21; 1990. С. 49, 50; 1996. С. 29; 2005. С. 100; Пряхин, Матвеев, Беседин, 1991. С. 14; Литвиненко, 1999. С. 69–71; 2001. Табл. 1; 2002. С. 81, 82; Кияшко А., 2002. Рис. 128). Вывод о синхронности поздних среднедонских и криволукских комплексов автором был сделан главным образом на основании опубликованной мною карты распространения посткатакомбных памятников (Мимоход, 2005. Рис. 1). На ней территория лесостепного Подонья оказалась слабо насыщенной погребениями посткатакомбного блока. К сожалению, М.Ю. Федосов не обратил внимания на ряд важных обстоятельств. Во-первых, на мою карту были нанесены только раннебабинские памятники, в то время как погребения бабинской культуры второго этапа представлены на юге Среднего Подонья и в западной части Волго-Донского междуречья (Синюк, 1996. С. 208; Литвиненко, 2006. Рис. 1а). Во-вторых, на карте не были отмечены пункты финала средней бронзы непосткатакомбного характера. К ним относятся прежде всего поселения и отдельные погребения воронежской культуры (Беседин, 1986. Рис. 1), в том числе с узко датирующимися категориями инвентаря. Наконец, криволукские комплексы в лесостепном Подонье все-таки присутствуют, и количество их, равно как и бабинских, продолжает возрастать. В этом легко убедиться, если внимательно просматривать вновь выходящую литературу (Матвеев, Цыбин, 2004. С. 11, рис. 12, 1; Березуцкий, Кравец, Новиков, 2005. Рис. 3, 1–4, 22; Акимова, 2006. Рис. 3, 10, 11; 2007. С. 96; Березуцкий, Маслихова, 2005. Рис. 17, 3; 2006. Рис. 3; Березуцкий, Гринев, 2008. Рис. 40, 7, 8). В результате при нанесении этих пунктов на карту территория лесостепного Подонья будет заполняться памятниками финала средней бронзы, следующими во времени за среднедонской катакомбной культурой. Правда, количество погребальных памятников этого времени действительно невелико по сравнению с катакомбными, но игнорировать их присутствие уже нельзя. Напомню, что число погребений, относимых Ю.П. Матвеевым к финальному этапу среднедонской катакомбной культуры, часть из которых, на мой взгляд, все-таки следует вынести за пределы этого культурного контекста, резко сокращается по сравнению с предыдущими периодами (Пряхин, Матвеев, Беседин, 1991. С. 11; Матвеев, 1998. С. 9, 12; 2005. С. 98). До сих пор мы не имеем случаев перекрывания среднедонскими катакомбными комплексами посткатакомбных, притом что их ареалы накладываются на значительной территории, в частности, в пределах восточной части Волго-Донского междуречья и правобережья Волги. Такие случаи могли бы свидетельствовать о частичном сосуществовании. Наоборот, мы имеем обратную ситуацию, при наличии стратиграфических связок посткатакомбные погребения всегда следуют за среднедонскими катакомбными (Высокая Гора к. 1, Евстратовский II к. 3, Линево к. 8 и др.). По-прежнему в среднедонских комплексах нет ни одного узко датирующегося артефакта посткатакомбного времени. Синхронизация же поздней среднедонской катакомбной культуры с памятниками новокумакского горизонта (Федосов, 2007. С. 30; 2007а. С. 28), на мой взгляд, имеет исключительно историографический интерес.

выступать как более ранний признак, который ярко выражен в комплексах раннего и начального периодов развитого этапа среднедонской катакомбной культуры. Восточная ориентировка скелета встречается в позднекатакомбных комплексах, хотя доминируют в это время северные и северо-восточный векторы. В качестве позднего признака выступает и ямная конструкция могилы (Синюк, 1983. Рис. 43, с. 154, 157; Матвеев, 2005. С. 98). О хронологической позиции бронзовых подвесок ничего определенного сказать нельзя по причине плохой сохранности (илл. 9, 3). Более информативной оказывается керамическая жаровня, обнаруженная в захоронении (илл. 9, 4). Ее функциональное назначение четко устанавливается благодаря наличию внутри сосуда угольков. Обряд сопровождения умерших жаровнями хорошо известен в среднедонской катакомбной культуре на всех этапах существования (Аринчина, 1988. С. 79). Особенно он характерен для ее развитого и позднего периодов. Специфической чертой среднедонской катакомбной культуры является характерная грубая обмазка нижней части поверхности посуды, которая хорошо сохранилась на жаровне из погребения 2. Подобная техника обработки поверхности часто встречается в конце развитого этапа среднедонской культуры (Матвеев, 2005. С. 97). Она фиксируется в поселенческих материалах, иногда в погребальных комплексах (Маслихова, 2006. С. 156).

По обрядовым и инвентарным характеристикам погребение 2 кургана 4 в целом синхронно комплексам кургана 2. Оно совершено в яме, ориентированной так же, как и могила погребения 1 кургана 2, и также оказалось разграбленным. Из него происходит только фрагмент горла сосуда, орнаментированный параллельными оттисками одинарного шнура (илл. 18, 2). Форма сосуда не восстанавливается. Однако характерный изгиб горла, приближающийся к раструбному, вместе со шнуровым узором сосуда свидетельствует о среднедонской культурной атрибуции погребения.

Погребение 1, впущенное в курган 4, обладает полным набором культурных индикаторов поздней среднедонской катакомбной культуры (илл. 14, 1–3; 15, 1–3). К ним относятся катакомбная конструкция могилы, скорченное левобочное положение умершего с руками, протянутыми к коленям, северо-восточная ориентировка и классический среднедонской катакомбный горшок (илл. 15, 1, 2). Северо-восточная ориентировка и положение на левом боку относятся к числу поздних признаков. Посуда с раструбовидным горлом и раздутым ближе к середине высоты туловом достаточно часто встречается в катакомбных погребениях Среднего Подонья. Именно на сосудах такой морфологии нередко встречается валиковая орнаментация в основании шейки и по тулову в сочетании с оттисками шнура. Горшок из погребения 1 относится к третьей группе четвертого типа подтипа 2 по классификации А.Т. Синюка (1996. С. 93, 114) или к отделу III группы В типа 2 по классификации Т.Ю. Березуцкой (2003. С. 33). Такая посуда встречается в погребальных комплексах, относящихся к развитому и рубежу развитого и позднего этапов среднедонской катакомбной культуры (Маслихова, 2006а. С. 13) по периодизации Ю.П. Матвеева (1980; 1990; 2005) или к развитому и позднему этапам по периодизации А.Т. Синюка (1996. С. 129, 134; Синюк, Матвеев, 2007. С. 39–47).

Особый интерес вызывает орнаментальная композиция, выполненная оттисками шнура, состоящая из двух фризов (илл. 15, 3). Она носит нерегулярный характер. Горшок из погребения 2 относится к редкой группе среднедонских сосудов с «несимметричным орнаментом» (Маслихова, 2006. С. 18). Следует отметить, что посуда со знаковым нерегулярным орнаментом относится к развитому и в большей степени к позднему этапам среднедонской катакомбной культуры. В дальнейшем всплеск орнаментации такого типа характерен для памятников рубежа средней—поздней бронзы,

которая получила дальнейшее развитие в структурно оформившейся знаковой системе срубной общности (Пряхин, Захарова, 1996. С. 63; Захарова, 2000).

Таким образом, по всей совокупности признаков погребение 1 кургана 4 относится к позднему этапу среднедонской катакомбной культуры по периодизации А.Т. Синюка.

Еще один фрагмент катакомбного облика происходит из насыпи кургана 4 (илл. 18, 1). Это обломок боковины сосуда, орнаментированный горизонтальным елочным орнаментом, выполненным оттисками мелкозубчатого штампа. Сверху по плечику располагался ряд ногтевых вдавлений, сдвоенных попарно в виде «галочки». Как уже отмечалось, в аналогичной ногтевой технике был декорирован сосуд из погребения 1 кургана 2 (илл. 9, 1). Связь фрагмента из насыпи с погребениями, исследованными в кургане, не устанавливается. Керамика была найдена при разборке перекопа в северной поле кургана (илл. 13). Она могла происходить как из полностью разрушенного перекопом погребения, так и являться остатками тризны сопровождавшего основное захоронение. По характерной елочной орнаментации и ряду ногтевых вдавлений фрагмент керамики, обнаруженный при разборке окопа, хронологически близок основному погребению. Как известно, елочная орнаментация получила широкое распространение в катакомбных культурах. Она встречается в «погребениях с елочной керамикой» Подонцовья (Смирнов А., 1996. С. 99), в среднедонской катакомбной культуре (Синюк, 1996. С. 93) и является одним из элементов наглядного образа волгодонской катакомбной культуры (Кияшко А., 2002. С. 135; Сухорукова, 2008. С. 15). Основной массив елочной керамики в Подонье датируется ранним (павловским) этапом среднедонской катакомбной культуры, реже встречается она и в погребениях развитого этапа (Синюк, 1996. С. 124, 129; рис. 41; Маслихова, 2006. С. 17), что подтверждают и стратиграфические данные (Березуцкая, 2003. С. 64). Обращает на себя внимание, что елочная керамика в рамках среднедонской катакомбной культуры тяготеет к Поволжью (Маслихова, 2006. С. 17). Сочетание елочной орнаментации с ногтевыми вдавлениями, близких воронежской технике декорирования посуды, позволяет датировать наш фрагмент (илл. 18, 1) временем горизонта основных погребений могильника Паницкое 6, т.е. концом развитого этапа среднедонской катакомбной культуры.

На мой взгляд, самым поздним захоронением в кургане 4 является погребение 3 (илл. 19, 1). К сожалению, центральная часть комплекса уничтожена крупной норой (илл. 19,1), а верхняя разрушена окопом прошлого века (илл. 13). В результате из инвентаря до нас дошли только нижняя часть сосуда и астрагал мелкого рогатого скота. Из костей человека сохранилась только фаланга пальца. Культурно-хронологическую атрибуцию комплекса проясняют облик посуды и две радиоуглеродные даты, сделанные по двум разным углеродосодержащим материалам, которые показали достаточную степень сходимости (о них ниже). Нижняя часть сосуда, обнаруженная в погребении 3, покрыта оттянутыми валиками, расчлененными овальными вдавлениями. Они сгруппированы по три и образуют у дна вершину зигзага или треугольника (илл. 19, 2). Сосуды с подобной многоваликовой орнаментацией характерны для финала средней бронзы. Она хорошо представлена в материалах бабинской культуры.

Мне представляется, что погребение 3 следует относить не к бабинской культуре, а к криволукской культурной группе (Мимоход, 2004; 2004а). Эта группа является составляющей частью посткатакомбного блока и занимает территорию преимущественно Нижнего Поволжья (Мимоход, 2005. Рис. 1). Комплекс Паницкое 6 4/3 находится в центральной части ареала группы, где наблюдается высокая степень концентрации криволукских погребальных памятников (Мимоход, 2005. Рис. 1). Территория верхо-

вий левых донских притоков Иловли и Медведицы в основной ареал бабинской культуры не входила. В.В. Отрощенко отметил «временное или эпизодическое пребывание носителей КМК в данном регионе» (2001. С. 85), на что обращалось внимание и раньше (Шарафутдинова, 1996. С. 57; Литвиненко, 1999. С. 69). Бабинские комплексы на этой территории, скорее всего, отражают инфильтрацию носителей днепро-донской бабинской культуры в ареал криволукской культурной группы (Мимоход, 2005. Рис. 1; Дворниченко, Лопан, Мимоход, 2006. С. 10). К достоверно бабинским комплексам по Иловле и Медведице сейчас можно отнести 6–7 погребений (Дворниченко, Лопан, Мимоход, 2006. С. 10; Литвиненко, 2006. Рис. 1А)[11], причем в основном они концентрируются в низовьях этих рек. Криволукских захоронений здесь насчитывается около двух десятков.

Проблема керамического комплекса криволукской культурной группы еще далека от своего разрешения. Его облик по-прежнему неясен. Это связано с тем, что посткатакомбная обрядность Поволжья, по всей видимости, не предполагала помещение керамической посуды в качестве сопроводительного инвентаря в могилу. Большая часть сосудов, которые попадают в криволукские комплексы, имеют инокультурные черты. Другими словами, крайне редкое присутствие посуды в криволукских захоронениях само по себе может рассматриваться как отклонение от стандартной обрядности, а инокультурность большей части горшков указывает на направления культурных связей. К тому же почти вся посуда с чертами других культур происходит с периферии криволукского ареала, где носители посткатакомбной традиции вступали в контакты с постшнуровыми культурными группами лесостепи. В северной части в захоронениях с криволукской обрядностью встречены сосуды вольско-лбищенского облика (Боаро F6/7, Белогорское I 1/15, Советское 1/24) (Rau, 1928. Abb. 4, A; Дремов, 1996. Рис. 4, 3; Баринов, 1996. Рис. 3, 4). В этой связи не исключено, что на самом деле криволукскими являются и кенотафы с вольско-лбищенской посудой, обнаруженные в курганах (Барановка I 10/7; Белогорское I п. 28[12]) (Сергацков, 1992. Рис. 1, 4, 5; Дремов, 1996. Рис. 6, 2). На северо-восточной периферии в посткатакомбных комплексах криволукской культурной группы обнаружена посуда воронежской культуры (Губари 4/1, Липовка 1 5/1 и, возможно, Чурилово 1 3/3) (Матвеев, Левых, 1996. Рис. 1, 4, 5; Акимова, 2006; Пряхин, Матвеев, 1988. С. 19, рис. 5, 3, 5).

По всей видимости, для постшнуровых культурных образований северной лесостепи, воронежской и вольско-лбищенской культурных групп курганный обряд захо-

[11] Отнесение недавно опубликованного комплекса Низовка 5/3 в этом регионе к позднебабинской культуре (Максимов, Лопатин, 2007. С. 146) нельзя признать правильным. По обрядовым и инвентарным характеристикам он полностью соответствует памятникам покровского типа. К числу диагностичных признаков Покровска относится ориентировка на северо-северо-восток, слабая скорченность костяка, желобчатые подвески и браслет. Эти элементы не характерны для бабинских комплексов. Кроме того, сурьмяные ромбические и треугольные подвески, обнаруженные в низовском комплексе, в степи-лесостепи серийно представлены только в покровских и раннесрубных погребениях (Литвиненко, 1996а. С. 99; Луньков, Лунькова, 2005. С. 158) и неизвестны в бабинских захоронениях. К числу влияния культуры Бабино в этом комплексе в лучшем случае относится только подтреугольный валик под венчиком горшка. Сама же морфология сосуда и прочерченная композиция также указывают на покровскую атрибуцию низовского погребения.

[12] На мой взгляд, белогорские «грунтовые могильники» на самом деле являются подкурганными захоронениями с не сохранившимися или не прослеженными насыпями. Об этом свидетельствует нахождение на ограниченных площадках разнокультурных захоронений, в том числе с прямой стратиграфией, и компактное расположение погребений (Дремов, 1996. Рис. 2), как это обычно бывает на подкурганных площадках.

ронения не был характерен. Так, для территории Среднего и Верхнего Подонья на более чем представительную серию поселенческих материалов воронежской культуры, насчитывающих свыше 100 памятников (Пряхин, Беседин, 1988. С. 91; Ивашов, 2003. С. 88), мы имеем всего не более полутора десятка подкурганных погребений с воронежской посудой (Беседин, 1986. С. 71–75; Пряхин, Беседин, 1989. С. 135). Иногда это просто керамика без обряда (Синюк, Козмирчук, 1995. Рис. 6, 1–6; Северный Бор, 2000. Рис. 2). Причем три погребения с воронежской керамикой совершены по криволукской обрядности, и их более правомерно рассматривать в данном посткатакомбном контексте. Еще три захоронения с воронежской посудой демонстрируют бабинский погребальный обряд (Матвеевский 1/1, Павловский 3/1, Хохольский 1/3) (Беседин, 1988. Рис. 28, 1; Пряхин, Синюк, 1983. Рис. 3, 2; 4, 1; Синюк, 1983. С. 37–39). Остальные же комплексы не представляют сколь-нибудь устойчивого наглядного образа погребального обряда воронежской культуры. Здесь присутствуют вытянутые и скорченные погребения, захоронения в ямах и колодах, с различными векторами ориентировки (Беседин, 1986. С. 71–75). В.И. Беседин в рукописи диссертации совершенно правильно отметил, что «погребальные памятники обитателей стационарных поселений (воронежской культуры. — *Р.М.*) нам пока неизвестны. Это позволяет поставить вопрос о достаточно широком распространении у населения воронежской культуры наряду с подкурганным и бескурганного обряда погребения. В пользу того, что население воронежской культуры практиковало захоронения без возведения курганов, говорят описанные грунтовые захоронения. Но грунтовые могильники пока не выявлены» (Беседин, 1988. С. 66, 67). Это справедливое и важное наблюдение вскользь упомянуто В.И. Бесединым только в двух опубликованных статьях (1986. С. 75; 1997. С. 67) и почему-то совершенно не нашло отражения в базовых работах по воронежской культуре, написанных в соавторстве с А.Д. Пряхиным (Пряхин, Беседин, 1988; 1988а; 1989). Создается впечатление, что все немногочисленные погребения с воронежской посудой в курганах — это не более чем проявление контактов лесостепного постшнурового населения с курганными культурами финала среднего бронзового века[13]. В этой связи особенно симптоматичным становится открытие в лесостепном Подонье грунтового могильника, в котором присутствуют материалы воронежской культуры (Ивашов, 2007. С. 133, 134, рис. 6, 1, 2). Видимо, появление таких памятников следует ожидать и в дальнейшем.

Аналогичная ситуация характерна и для вольско-лбищенских древностей. При наличии выразительной серии поселенческих комплексов (Васильев, 1975. С. 76–83; 1999. С. 66–114; 2003. С. 107; Малов, 1979. С. 83; Васильев, Синюк, 1985. С. 66, 67; Васильев, Матвеева, Тихонов, 1987. С. 48–50; Васильев, Кузнецов, 2000. С. 117, 118; Ставицкий, 2004. С. 16–30; 2005. С. 93–103; Кузнецов, 2007. С. 151–155) известно только пять достоверно вольско-лбищенских погребений в кургане 4 VII Тамар-Уткульского могильника, совершенных в необычной сидячей позе (Богданов, 1998. С. 22, рис. 10, 11). В то же время с вольско-лбищенским культурным образованием связывается ранняя группа Алексеевского грунтового могильника (Васильев, 1999. С. 69–71; 2003. С. 108) и грунтовые захоронения на поселении Лбище (Васильев, Матвеева, Тихонов,

[13] В свете вышесказанного включение воронежской культуры в блок посткатакомбных культурных образований (Литвиненко, 2008. С. 349) представляется необоснованным. Фактическое отсутствие курганного обряда захоронения и специфика керамического комплекса позволяет относить эту культуру к постшнуровым группам, которые являлись северными соседями посткатакомбных образований.

1987. С. 44, 45). Как уже отмечалось, в остальных случаях вольско-лбищенская посуда обнаружена в подкурганных захоронениях криволукской культурной группы, что четко документирует верхнюю границу феномена Вольск-Лбище в пределах финала средней бронзы (Васильев, Кузнецов, 2000. С. 71; Кузнецов, 2007. С. 155).

Не исключено, что собственный керамический комплекс Кривой Луки может быть представлен именно многоваликовой посудой, близкой к бабинской. На определенную близость бабинской и криволукской культурных традиций указывают случаи обнаружения костяных пряжек бабинских типов в криволукских захоронениях (Монахов, 1984. С. 241–243, рис. 2, 1; Синюк, 1989. Рис. 5, 7, 8; Кияшко А., 2003. Рис. 2; Мимоход, 2004. Рис. 1; Сергацков, Скрипкин, Клепиков, Дьяченко, 2006. Рис. 10, 5; 11, 6). Количество криволукских комплексов с пряжками возрастает, и уже можно ставить вопрос о бытовании в посткатакомбной среде Нижнего Поволжья не только бабинских (Жареный Бугор 3/1, Власовский I 7/1, Линево 6/6), но и собственных криволукских модификаций ранних кольцевых пряжек (Верхний Балыклей 4/4, Большая Дмитриевка II 1/6, Дмитриевка 1/1, Евстратовский II 3/2, 4/3).

В этом отношении обнаружение в погребении 3 кургана 4 мог. Паницкое 6 нижней части многоваликового сосуда становится особенно важным. Он, возможно, дополняет немногочисленный перечень криволукских погребений, с которыми связаны находки многоваликовой керамики. Сейчас он состоит всего из двух комплексов. В раннем криволукском комплексе Жареный Бугор 3/1 присутствует многоваликовый сосуд бабинского облика. Правда, он обладает определенной спецификой, и в бабинских материалах «прямые аналогии ему найти довольно сложно» (Литвиненко, 1999. С. 70). Еще один фрагмент многоваликовой керамики происходит из кургана 4 II Евстратовского могильника, где он связан с ранним криволукским погребением 3 (раскопки А.А. Глухова 2007 года).

Таким образом, есть основания предполагать, что именно многоваликовая керамика посткатакомбного облика составляет основу собственного керамического комплекса криволукской культурной группы. Это еще более станет вероятным, если учесть, что на территории распространения криволукских памятников имеется серия поселений, где зафиксирована посткатакомбная многоваликовая керамика (Фисенко, 1968. Рис. 7; 8, 1–3, Фисенко, Синицын, 1969. Рис. 24; Юдин, 1997. Рис. 2, 6; 2001. Рис. 25, 1, 2; 2003. Рис. 6, 6; 7, 1–4, 13; Малов, Филипченко, 1995. Рис. 2, 15–18, 21, 24–38; Отрощенко, 2001. С. 83, 86; Гуренко, Кияшко А., Шендаков, 2001. С. 401, рис. 2, 2, 3; Лапшин, 2003. Рис. 2, 12–15; 3; Тупалов, 2007. С. 172).

Несмотря на большую вероятность принадлежности этой поселенческой керамики в Нижнем Поволжье именно носителям криволукской культурной традиции, однозначно делать такой вывод все же нельзя. Как уже было отмечено, слишком мало такой посуды достоверно связано с криволукскими погребальными комплексами. К тому же нельзя не отметить, что в саратовском Поволжье имеется криволукский курган, из которого происходит верхняя часть сосуда, совершенно немноговаликового облика, орнаментированного в пережиточных традициях волго-донской катакомбной культуры (Рунталь 1/1) (Лопатин, 1983; Жемков, Лопатин, 2007. С. 102, рис. 4, 3, 4). Решить вопрос о специфике керамики посткатакомбных памятников Нижнего Поволжья если получится, то только в будущем с накоплением новых источников. Когда был выделен пласт посткатакомбных захоронений в Поволжье, я намеренно дал ему название «криволукская культурная группа» (Мимоход, 2004, 2004а; 2005), а не культура. Это было продиктовано только тем, что оставался неясным характер керамического комплекса. К сожалению, как уже говорилось, неясен он и сейчас. На проблему

криволукского керамического комплекса в последнее время обратили внимание и саратовские исследователи (Жемков, Лопатин, 2007. С. 109). Как только удастся достоверно установить его характер и связать с криволукскими погребениями какие-то поселенческие памятники средней бронзы, которых в регионе предостаточно, «криволукская культурная группа» превратится в полноправную археологическую культуру. Поэтому я не совсем согласен с коллегами, которые уже сегодня оперируют термином «криволукская культура» (Сухорукова, 2006. С. 85; Кияшко А., Хабарова, 2007. С. 50, 78, 93; Рысин, 2007. С. 194).

Хронологическую последовательность погребальных комплексов эпохи бронзы могильника Паницкое 6 можно представить в виде колонки (илл. 23). Она выстроена на основе стратиграфических наблюдений и сравнительного типологического анализа обрядово-инвентарных характеристик исследованных захоронений. Все комплексы относятся к среднему периоду бронзового века. Самый ранний горизонт представлен основными погребениями во всех курганах, с которыми было связано сооружение ритуальных кольцевых ровиков (2/1, 3/3, 4/2, 5/1). По характерной керамике, ямной конструкции могил и ориентировке по общей линии северо-восток — юго-запад их можно отнести к концу развитого этапа среднедонской катакомбной культуры, ее левобережного варианта. Следующим по времени является погребение 2 в кургане 2, которое было впущено в насыпь. В культурно-хронологическом отношении оно близко горизонту основных погребений, но его более поздняя позиция в пределах этапа подтверждается стратиграфическими наблюдениями. Далее по времени следует погребение 1 кургана 4, которое по левобочному положению скелета, северо-восточной ориентировке и валиковому сосуду может быть датировано поздним этапом среднедонской катакомбной культуры. Замыкает хронологическую колонку погребение 3 кургана 4. По характерной многоваликовой посуде оно относится к посткатакомбному культурному образованию Нижнего Поволжья, к криволукской культурной группе, хотя в конечном итоге нельзя исключать и бабинскую атрибуцию этого комплекса.

Радиоуглеродная хронология. Радиокарбонным методом в Киевской радиоуглеродной лаборатории была продатирована большая часть погребальных комплексов курганного могильника Паницкое 6 (см. приложение 1.3). Для получения более корректного результата там, где это было возможно, делались парные даты по разным углеродосодержащим материалам: кость человека, кость МРС, керамика (2/1, 2/2, 4/2, 4/3). Методика радиоуглеродного датирования, проведенного Н.Н. Ковалюхом и В.В. Скрипкиным, изложена ими в печати (Skripkin, Kovalyukh, 1999; Ковалюх, Скрипкин, 2007).

Материалы кургана 3 не датировались. Обнаруженные в нем погребения не содержали инвентаря, а в основном ограбленном захоронении не прослежена даже могильная яма, что ставило под сомнение закрытость комплекса. Все данные, за исключением даты погребения 1 кургана 5, оказались вполне корректными. Дата этого комплекса (5/1) попала в диапазон XVIII–XVI вв. до н. э[14]. Она выглядит явно омоложенной и выбивается из остальных датировок среднедонской катакомбной культуры (илл. 24, 1). Дефектность этой даты объяснима. Значительная часть погребения 1 кургана 5 оказалась разрушена перекопом прошлого века (илл. 20; 22, 3). Поэтому, во-первых, нельзя было гарантировать закрытость комплекса и исключать возможности попада-

[14] В дальнейшем оперирование датами и результатами их суммирования проводится только с калибровкой в 1σ.

ния в могильную яму костей разрушенного окопом более позднего погребения. Во-вторых, что более вероятно, в результате нарушения могло произойти загрязнение образца молодой органикой. В любом случае дата погребения 1 кургана 5 не может использоваться для установления радиоуглеродного возраста среднедонской катакомбной культуры. Ситуация с этим комплексом подтвердила правильность отказа от датирования основного погребения кургана 3.

Данные ^{14}C в целом подтверждают предложенную последовательность совершения захоронений (илл. 23; 24, 1).

В этом отношении показательны даты раннего горизонта основных погребений. В одной паре 2/1 (кость МРС и фрагмент керамики) даты показали высокую степень сходимости в пределах XXV–XIV вв. до н. э. (приложение 1.3, табл. 1, 2; илл. 24, 1) В другой связке 4/2 (кость человека и кость МРС) даты разошлись на 130–170 лет, причем без отрезка наложения интервалов (приложение 1.3, табл. 6, 7; илл. 24, 1). Однако в целом диапазон всех дат из синхронных основных комплексов 2/1 и 4/2 совпадает в рамках XXV–XXIII вв. до н. э. (илл. 24, 1), что подтверждает правомерность отнесения всех основных комплексов курганного могильника Паницкое 6 к одному горизонту. Какая из дат в связке комплекса 4/2 выглядит более корректной, сказать сложно. И та и другая соответствуют паре дат из синхронного погребения 1 кургана 2, которые имеют более широкий доверительный интервал.

Связка дат, происходящая из комплекса 2/2, также демонстрирует хороший показатель совпадения в рамках XXIV–XXII вв. до н. э. Как уже отмечалось, по ряду признаков погребение 2 кургана 2 в системе относительной хронологии соответствует раннему горизонту основных захоронений, хотя стратиграфические данные показывают его более поздний характер по отношению к основной могиле того же кургана. Удивительно, но радиоуглеродные данные иллюстрируют эту ситуацию. Калиброванные интервалы радиоуглеродных дат погребения 2 кургана 2 в целом соответствуют датировкам раннего горизонта основных могил, а верхняя граница оказывается несколько более поздней по сравнению с датами комплексов 2/1 и 4/2 (приложение 1.3, табл. 1, 2, 6, 7; илл. 24, 1). Результаты стратиграфического, сравнительно-типологического и радиоуглеродного методов в данном случае согласовываются.

Радиоуглеродная дата среднедонского позднекатакомбного комплекса 4/1, полученная по кости человека, также вписывается в систему относительной периодизации могильника. Она оказалась значительно моложе данных ^{14}C основного погребения того же кургана, а также младше основного и впускного погребений кургана 2 (илл. 24, 1). Калиброванный интервал погребения 1 кургана 4 располагается в пределах XXII–XXI вв. до н. э. (приложение 1.3, табл. 5).

Данные ^{14}C посткатакомбного комплекса 4/3 криволукской культурной группы финала средней бронзы по времени следуют вслед за интервалом среднедонского позднекатакомбного погребения 1 того же кургана (приложение 1.3; илл. 23; 24, 1). Пара дат из посткатакомбного комплекса (кость МРС и фрагмент керамики) имеет отрезок наложения в пределах XX–XIX вв. до н. э., который, по-видимому, можно рассматривать как наиболее реальный в установлении радиоуглеродного возраста комплекса. Его финальный облик в материалах средней бронзы могильника очевиден. Он замыкает культурно-хронологическую колонку этой эпохи.

Серия радиоуглеродных определений среднедонской катакомбной культуры левобережного варианта, полученных для погребений курганного могильника Паницкое 6 (2/1, 2; 4/1, 2), на сегодняшний день является первой для катакомбных памятников Среднего Подонья, Волго-Донского междуречья и Нижнего Поволжья. Дат одного мо-

гильника явно недостаточно для определения радиоуглеродного возраста этой культуры в целом, тем более что исследованные в нем погребения относятся к развитому и позднему этапам. Однако уже сейчас есть смысл сопоставить полученные данные с радиокарбонными датами других синхронных катакомбных культур. В настоящее время представительные серии анализов ^{14}C имеют ингульская катакомбная культура (не менее 46 дат) (Kaiser, 1999. Fig. 2; Nikolova, 1999. Tabl. 1; Telegin, Pustovalov, Kovalyukh, 2003. Tabl. 2; Иванова, Петренко, Ветчинникова, 2005. Табл. 2, с. 98; Рассамакін, 2006. Табл. 3) и восточноманычская катакомбная культура (не менее 55 дат) (Александровский, Чичагова, Пустовойтов, Шишлина, 1997. Табл. 1; Шишлина, Александровский, Й. ван дер Плихт, Чичагова, 1999. С. 15, 16; Belinskij, Kalmykov, Korenevskij, Härke, 2000. P. 773; Shishlina, Alexandrovsky, Chichagova, J. van der Plicht, 2000. Tabl. 1, 3; Шишлина, Чичагова, Александровский, Сулержицкий, 2002. С. 260; Shishlina, 2004. Tabl. 2; Belinskij, Kalmykov, 2004. Tabl. 2; Березин, Калмыков, 2004. С. 165; Кореневский, Белинский, Калмыков, 2005. С. 143; 2007. Рис. 79; Шишлина, Й. ван дер Плихт, Хеджес, Зазовская, Севастьянов, Чичагова, 2006. Табл. 6; Шишлина, Чичагова, Й. ван дер Плихт, Зазовская, Сулержицкий, Севастьянов, Герсдорф, 2007. Табл. 8). Статистическая обработка всех имеющихся радиоуглеродных данных по ингульским и восточноманычским памятникам (функция sum_probability Ox.Cal) показывает, что они оказываются синхронными в рамках XXVI/XXV–XXI вв. до н. э. Суммирование первых дат по среднедонской катакомбной культуре могильника Паницкое 6 дает интервал 2470–2140 BC (илл. 24, 2). Он укладывается в радиоуглеродные диапазоны существования восточноманычской и ингульской катакомбных культур. В этом же диапазоне находятся две радиоуглеродные даты, полученные по образцам с поселений (Кайдащино 1, Яровая 2) и погребения (Невское 5/6) среднедонской (харьковско-воронежской по терминологии украинских коллег) культуры Восточной Украины (Санжаров, 2007. Табл. 2) Единичные радиокарбонные даты позднедонецких (3) и батуринских (3) захоронений также попадают в этот интервал (Bratchenko, 2003. Tabl. 3; Братченко, 2004. С. 186; Трифонов, 2001. Табл. 1; 2).

Таким образом, данные ^{14}C хорошо подтверждают синхронизацию восточноманычской, ингульской, батуринской, позднедонецкой и среднедонской катакомбных культур в пределах единого горизонта. К нему же относятся памятники волгодонской и западноманычской катакомбных культур, которые радиоуглеродных дат пока не имеют. Все эти культуры составляли именно тот пласт катакомбных древностей, на основе которых сформировался блок посткатакомбных культурных образований.

Отдельный интерес представляет сравнение радиоуглеродных серий горизонта позднекатакомбных культур и следующего за ним по времени посткатакомбного блока. Последний сейчас насчитывает не менее 38 корректных дат: лолинская культура (16), бабинская (13), криволукская культурная группа (6), кубанская группа (3) (Мимоход, Шишлина, 2004. Табл. 1; Калмыков, 2005. Табл., с. 80; Калмыков, Мимоход, 2005. Табл. 1; Ковалюх, Мимоход, 2007. Табл. 1; Szmyt, Chernyakov, 1999. Tabl. 1; Klochko, 1999. Fig. 10, 14; Шишлина, Чичагова, Й. лан дер Плихт, Зазовская, Сулержицкий, Севастьянов, Герсдорф, 2007. Табл. 9. Telegin, Pustovalov, Kovalyukh, 2003. Tabl. 2, 46; Лисенко, 2004. Прил. 3, 24; 2005. Табл. IV, 3; Иванова, Петренко, Ветчинникова, 2005. Табл. 2; Черных, Орловская, 2004. Табл. 4, 2). Посткатакомбные даты, сделанные в пяти лабораториях по всем углеродосодержащим материалам, при статистической обработке показывают интервал бытования блока в пределах XXIII–XVII вв. до н. э. Несложно заметить, что диапазоны существования у предшествующего горизонта позднекатакомбных культур и последующего посткатакомбного пласта памятников накладываются в пределах XXIII–XXI вв. до н. э. Это не является свидетельст-

вом их частичной синхронности. Отрезок наложения иллюстрирует возможности радиоуглеродного метода и представляет результат оперирования не точечными, а более корректными интервальными датами[15]. При желании такие же отрезки наложения можно продемонстрировать, например, для хорошо продатированных ямной и ингульской культур (Nikolova, 1999. Fig. 11; Telegin, Pustovalov, Kovalyukh, 2003. Fig. 5) или для раннекатакомбных и восточноманычских комплексов (Шишлина, 2007. С. 276, 278, табл. 5, 8). Более точный радиоуглеродный рубеж в отрезке перекрывания у последовательных культур или их блоков должен, видимо, находиться в его центре. В таком случае по всей совокупности радиоуглеродных данных горизонт позднекатакомбных культур будет датироваться в пределах XXV–XXIII/XXII вв. до н. э., а блок посткатакомбных культурных образований — в пределах XXII–XVIII вв. до н. э.

Подводя итог анализу материалов эпохи бронзы курганного могильника Паницкое 6, следует сказать, что полученные в ходе охранных раскопок материалы дополняют фонд источников по эпохе средней бронзы Волго-Донского междуречья и органично вписываются в существующую на сегодняшний день сумму знаний о динамике развития и взаимодействия культур в данном регионе. Стратиграфические и сравнительно-типологические наблюдения позволили надежно установить позиции всех комплексов на шкале относительной хронологии и выяснить последовательность их сооружения (илл. 23). Особенно важным представляется появление первых радиоуглеродных дат погребений среднедонской катакомбной культуры, а также расширение очень ограниченной радиокарбонной базы криволукской культурной группы. Следует отметить, что данные ^{14}C комплексов средней бронзы могильника Паницкое 6 хорошо согласовываются с хронологической колонкой, выстроенной на основе традиционных археологических методов.

Материалы комплексов с неясной культурной атрибуцией

К таким комплексам относятся погребения 1 и 2 кургана 3 (илл. 12, 1, 3). Оба захоронения не содержали инвентаря. Единственным атрибутирующим признаком может выступать только обряд. Погребение 1 оказалось сильно нарушенным, но по сохранившимся in situ костям таза, берцовым костям ног и позвоночному столбу (илл. 12, 1) положение умершего надежно устанавливается как вытянутое на спине с небольшим разворотом вправо. Очевидно также то, что костяк был ориентирован головой на запад. Близкие обрядовые признаки демонстрирует парное погребение 2. Оба скелета находились в вытянутом положении на спине, причем взрослый индивид был немного повернут влево. Умершие были ориентированы в противоположные стороны: костяк мужчины на восток, костяк ребенка на запад. Скорее всего, погребения 1 и 2 со схожей обрядностью были впущены в насыпь одной группой населения в короткий промежуток времени.

Четкая культурно-хронологическая атрибуция этих захоронений сталкивается с известными трудностями. Кроме отсутствия инвентаря ее осложняет обряд, который существовал у степных кочевников в разные археологические эпохи. Уверенно можно утверждать, что погребения были совершены не раньше раннего железного века. Для эпохи бронзы такой обряд не был характерен. Положение «вытянуто на

---

[15] Подробно вопросы появления и интерпретации отрезков наложения радиоуглеродных интервалов у диахронных последовательных во времени культур рассматриваются в другой работе (Мимоход, в печати).

спине» в нижневолжском регионе встречается крайне редко в памятниках РБВ – начала СБВ. Погребения 1 и 2 были впущены в курган, сооруженный над захоронением среднедонской катакомбной культуры. Для более поздних периодов бронзового века Волго-Донского междуречья вытянутая позиция костяка не присуща ни одной культуре.

Обряд погребений 1 и 2 широко начинает распространяться в южнорусских степях лишь с предскифского времени. В этой связи одним из наиболее вероятных вариантов культурно-хронологической атрибуции наших комплексов является их отнесение к киммерийскому периоду, ко времени перехода от финальной бронзы к раннему железному веку. Вытянутое трупоположение сейчас рассматривается либо в рамках позднего этапа черногоровской культуры (Дубовская, 1986. С. 37–39; 1996. С. 115, 116; 1997. С. 199, 201, 211; Dubovskaja, 1997. P. 328;), либо традиционно в рамках новочеркасского культурного типа (Махортых, Иевлев, 1991. С. 25, 26; Скорий, 1991. С. 23, 24; 1991а. С. 160, 161; Махортых, Скорый, 2004. С. 235, 254; Махортых, 2006. С. 297; 2007. С. 279). Действительно, в предскифских древностях можно подобрать достаточно точные аналогии обряду впускных погребений кургана 3. Особенно это касается некоторых нюансов положения взрослого индивида в погребении 2. К ним относятся небольшой разворот вбок в верхней части туловища, нахождение черепа на боку и характерное положение рук (илл. 12, 3). Эти детали довольно часто в разных сочетаниях, наряду с широтной ориентировкой, фиксируются в погребениях предскифского времени (Ромашко, 1981. Рис. 1, 4, 5; Дворниченко, 1982. Рис. 1, 8; Кореняко, 1982. Рис. 1, IV; Dubovskaja, 1997. Abb. 5, 1; 8, 5; 9, 6, 11; 11, 2; 12, 7; Лукьяшко, 1999. Рис. 33, 43, 56, 65, 67, 88, 89, 90; Махортых, 2007. Рис. 1, 1). Территория обнаружения наших комплексов является северо-восточной периферией ареала памятников «новочеркасской группы» (Дубовская, 1997. Рис. 1; Потапов, 2000. Рис. 1).

К сожалению, киммерийская атрибуция безынвентарных погребений только по обрядовым характеристикам представляет собой проблему. Общеизвестно, что положение костяка может совпадать у носителей разных культурных традиций как во времени, так и в пространстве. При отсутствии других диагностичных признаков (элементы устройства ямы, насыпи и др.) сопоставлять их особого смысла не имеет. Особенно это актуально, когда речь идет о простых и широко распространенных позициях типа «адорации» или «вытянуто на спине»[16]. К примеру, определить культурную принадлежность скорченных адоративных погребений в Северном Причерноморье и степном Предкавказье при отсутствии инвентаря и четких стратиграфических или планиграфических данных достаточно сложно. В зависимости от территории они могут являться срубными, сабатиновскими, белозерскими, бабинскими, лолинскими, черногоровскими или даже позднемайкопскими комплексами (Литвиненко, 1999а. С. 155–159; Мимоход, 2002. С. 232; Отрощенко, 2004. С. 361). Схожая ситуация возникает и при культурно-хронологической идентификации безынвентарных комплексов «новочеркасского типа», раннескифских, сарматских и поздних кочевнических погребений средневекового времени. В свое время В.И. Мамонтов, опираясь только на обряд, атрибутировал предскифским временем серию безынвентарных погребений в Нижнем Поволжье (Мамонтов, 1980). Это вызвало справедливую критику (Дворниченко, 1982. С. 60; Кореняко, 1985). В выборку В.И. Мамонтова действительно могли попасть более поздние комплексы вплоть до средневекового времени (Дворниченко,

[16] О возможности сопоставления сложных позиций на системном уровне в совокупности с другими обрядовыми характеристиками для культур разных территорий, близких по времени, см. главу 3 § 8.

1982. С. 60; Кореняко, 1985. С. 54–56). В качестве надежных критериев культурной идентификации, в частности, предскифских комплексов было предложено считать либо показательный инвентарь, либо идеальные стратиграфические данные (Кореняко, 1985. С. 57, 61). С этим нельзя не согласиться, но следует заметить, что оперирование комплексами только с диагностичным инвентарем может привести к известной деформации картины погребальной обрядности и культуры в целом. Из нее выпадут безынвентарные погребения с «плавающей» стратиграфией (Мимоход, 2002. С. 233), которые могли составлять значительную часть погребальных древностей той или иной культуры. Как следствие, все статистические показатели, на которых выстраиваются большая часть культурно-хронологических построений и реконструкций в области социальной и религиозной сфер, будут иметь искаженный характер. Разрешить сложившееся противоречие на сегодняшнем уровне развития науки уже можно. Радиоуглеродное датирование безынвентарных погребений в определенной степени может выступать в качестве культурно-хронологической атрибуции. Если на сегодняшний день радиокарбонный метод пока не может датировать более узкие, чем культура, хронологические отрезки (Николова, 2001. С. 104; Калмыков, Мимоход, 2005. С. 231; Рассамакін, 2006. С. 153; Ковалюх, Мимоход, 2007. С. 37), то определить принадлежность к эпохе по данным ^{14}C не составляет проблемы. К сожалению, радиоуглеродное датирование безынвентарных захоронений из кургана 3 не проводилось.

В свете вышесказанного погребения 1 и 2 из кургана 3 продолжают оставаться комплексами с неясной культурной атрибуцией до проведения радиокарбонных исследований. Со схожей ситуацией мы столкнулись в одиночном кургане Паницкое 6Б. Здесь изотопный анализ подтвердил предскифскую атрибуцию погребения 4 (см. главу 2 § 2).

ПРИЛОЖЕНИЯ К ГЛАВЕ 1

Приложение 1.1 (Л.Т. Яблонский)

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ (ПОЛОВОЗРАСТНЫЕ) ОПРЕДЕЛЕНИЯ СКЕЛЕТНОГО МАТЕРИАЛА ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ КУРГАННОЙ ГРУППЫ ПАНИЦКОЕ 6

№ п/п	Номер скелета	Пол	Возраст	Примечания
1	Паницкое 6, курган 2, погр. 1 (ск. 1)	мужск.	16–17 лет	Кальвариум и фрагменты лицевого скелета
	(ск. 2)	женск.	15–16 лет	Фрагментарно
2	Паницкое 6, курган 2, погр. 2	мужск.?	12–13 лет	Искусственная деформация черепа. Кальвариум
3	Паницкое-6, курган 3, погр. 1 (ск. 1)	мужск.	35–40 лет	Фрагменты черепа, нижняя челюсть и зубы
	(ск. 2)	–	3–4 года	Фрагменты черепа
4	Паницкое 6, курган 3, погр. 2 (ск. 1)	мужск.	35–40 лет	Фрагменты мозговой коробки и длинных костей; остеохондроз коленного сустава
	(ск. 2)	–	5–6 лет	Фрагменты черепа
5	Паницкое 6, курган 3, погр. 3 (ск. 1)	мужск.	18–20 лет	Фрагменты мозговой коробки и лицевого скелета; в районе диафиза правой плечевой кости костный шип высотой до 8 мм
	(ск. 2)	–	6–8 лет	Фрагменты черепа
6	Паницкое 6, курган 4, погр. 1	–	6–8 лет	Фрагменты черепа
7	Паницкое 6, курган 4, погр. 2	–	5–6 лет	Фрагменты черепа
8	Паницкое 6, курган 5, погр. 1	мужск.	18–20 лет	Кальвариум, фрагменты лицевого скелета и нижней челюсти

Приложение 1.2 (Г.Ш. Асылгараева)

АРХЕОЗООЛОГИЧЕСКИЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КОСТЕЙ ЖИВОТНЫХ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ КУРГАННОЙ ГРУППЫ ПАНИЦКОЕ 6

Курган 4 погребение 2 (захоронение собаки)

Название кости	Количество костей
Череп	1
Нижняя челюсть	2
Лопатка	1
Таз	2
Плечо	2
Лучевая	2
Локтевая	2
Бедренная	2
Большеберцовая	2
Малоберцовая	2
Пяточная	1
Таранная	1
Метаподии	16
Фаланга I	26
Фаланга II	6
Фаланга III	12
Доб. кости запястья и заплюсны	18
Ребра	9
Позвонки	9
Всего	*116*

Всего диагностировано 116 костных фрагментов. Кости принадлежали одной особи собаки старше 6 лет.

Курган 5 погребение 1

Мелкий рогатый скот

Название кости	Количество костей
Лучевая	4
Локтевая	4
Фаланга I	16
Фаланга II	15
Фаланга III	12
Доб. кости запястья и заплюсны	70
Всего	*121*

Всего диагностирован 121 костный фрагмент. Кости принадлежали двум особям мелкого рогатого скота в возрасте 2,5–3 года и старше 3 лет.

Приложение 1.3 (Н.Н. Ковалюх, В.В. Скрипкин)

РЕЗУЛЬТАТЫ РАДИОУГЛЕРОДНОГО ДАТИРОВАНИЯ ОБРАЗЦОВ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ КУРГАННОЙ ГРУППЫ ПАНИЦКОЕ 6

№	Комплекс	Лабораторный номер	Возраст ^{14}C BP	Возраст ^{14}C BC
1	Паницкое 6, к. 2 п. 1, фрагменты керамики	Ki-12888	3940 ± 110	1σ 2580–2280 BC 2σ 2900–2050 BC
2	Паницкое 6 к. 2 п. 1, астрагалы МРС	Ki-12889	3850 ± 80	1σ 2460–2200 BC 2σ 2600–2000 BC
3	Паницкое 6 к. 2 п. 2, астрагалы МРС	Ki-12887	3800 ± 120	1σ 2460–2120 BC 2σ 2600–1850 BC
4	Паницкое 6 к. 2 п. 2, кость человека	Ki-12879	3820 ± 60	1σ 2350–2190 BC 2σ 2470–2130 BC
5	Паницкое 6 к. 4 п. 1, кость человека	Ki-12878	3720 ± 60	1σ 2200–2030 BC 2σ 2300–1940 BC
6	Паницкое 6 к. 4 п. 2, кость человека	Ki-12881	3970 ± 70	1σ 2580–2390 BC 2σ 2700–2200 BC
7.	Паницкое 6 к. 4 п. 2, астрагалы МРС	Ki-12885	3840 ± 50	1σ 2350–2200 BC 2σ 2470–2190 BC
8.	Паницкое 6 к. 4 п. 3, фрагмент керамики	Ki-13003	3600 ± 90	1σ 2050–1870 BC 2σ 2200–1650 BC
9.	Паницкое 6 к. 4 п. 3, астрагал МРС	Ki-13004	3530 ± 70	1σ 1940–1740 BC 2σ 2040–1680 BC
10.	Паницкое 6 к. 5 п. 1, кость человека	Ki-12880	3380 ± 70	1σ 1750–1580 BC 2σ 1880–1510 BC

Глава 2

ИССЛЕДОВАНИЕ ОДИНОЧНОГО КУРГАНА ПАНИЦКОЕ 6Б

§ 1. ОДИНОЧНЫЙ КУРГАН ПАНИЦКОЕ 6Б

Описание кургана

Курган находился на краю первой надпойменной террасы правого берега р. Карамыш, в 1 км к ССЗ от станции Паницкая, в 880 м в ЮЮЗ от пикета 57/58 км, расположенного на железной дороге Саратов—Волгоград (илл. 25). В 950 м на ССВ находилась курганная группа Паницкое 6, результаты раскопок которой охарактеризованы в предыдущей главе. В 175 м на СЗ расположена курганная группа Паницкое 6А, открытая в 1989 году С.И. Четвериковым. Одиночный курган находился между лесополосой и грунтовой дорогой, ведущей от ст. Паницкая к ст. Горючка. Насыпь была задернована, курган имел округлую полусферическую насыпь (илл. 26). Высотные отметки составили у С полы –48 см, у Ю полы — –44 см, у В полы — –40 см, у З полы — –42 см.

Координаты кургана: N51°12′30,27″ E045°31′02,90″.

Снятие насыпи проводилось скрепером с оставлением одной центральной бровки. Бровка была ориентирована по линии север-юг с отклонением на 15° к северо-западу. Линия направления в градусной сетке — 165–345°. Данная ориентировка бровки была обусловлена расположением кургана вплотную к лесополосе (илл. 25; 26). Проходы скрепера могли осуществляться только вдоль нее. Ширина бровки составила 110 см.

Описание бровки север-юг

Восточная сторона (илл. 27). Верхний слой представлен гумусовым горизонтом толщиной 4–8 см. Ниже располагался слой светло-серого суглинка с обильными включениями крошки мергеля (насыпь 2). Его толщина в центральной части составляла 20–25 см, по полам 25–30 см. На участке 0С–480–0Ю–415 см ниже предыдущего слоя залегал слой светло-серого суглинка с редкими включениями мергельной крошки (насыпь 1). Его мощность в центральной части составляла 25–30 см. На поверхности насыпи 1 залегали небольшие дискретные линзы материкового суглинка толщиной 3–10 см. Наиболее крупная из них прослежена на отрезке 0С–294–395 см. Данные линзы не являются выкидами из погребений[17]. Скорее всего, это остатки конструктивных элементов, связанных с укреплением поверхности насыпи 1 материковым грунтом. Под насыпью 1 прослежены горизонты погребенной почвы. На отрезке 0С–120–228 см зафиксированы участки гумусового горизонта погребенной почвы А1 белесого цвета. Его толщина 4–5 см. На отрезке 0С–503–0Ю–412 см насыпь 1 подсти-

---

[17] Все погребения в кургане либо располагались в предматериковом слое, либо едва заходили в материк.

лал горизонт В1 погребенной почвы, представленный темно-серым суглинком. Его мощность составляла 15–25 см. Ниже слоя погребенной почвы находился материк — желтый суглинок. Он залегал на глубине 70–75 см.

Западная сторона (илл. 27). Верхний слой представлен гумусовым горизонтом толщиной 4–8 см. Ниже располагался слой светло-серого суглинка с обильными включениями крошки мергеля (насыпь 2). Его толщина в центральной части составляла 20–25 см, по полам 25–30 см. На участке 0С–600–0Ю–398 см ниже предыдущего слоя залегал слой светло-серого суглинка с редкими включениями мергельной крошки (насыпь 1). Его мощность в центральной части составляла 20–30 см. На поверхности насыпи 1 залегали дискретные линзы материкового суглинка толщиной 3–10 см. Наиболее крупная из них прослежена на отрезке 0С–162–0Ю–48 см. Ее толщина 8–18 см. Под насыпью 1 прослежены горизонты погребенной почвы. На отрезке 0Ю–332–375 см зафиксированы участки гумусового горизонта погребенной почвы А1 белесого цвета. Его толщина 4–5 см. На отрезке 0С–600–0Ю–410 см насыпь 1 подстилал горизонт В1 погребенной почвы, представленный темно-серым суглинком. Его мощность составляла 15–25 см. Ниже слоя погребенной почвы находился материк — желтый суглинок. Он залегал на глубине 70–75 см. В пределах отрезка 0С–55–122 см насыпь 2, насыпь 1, линзу материкового суглинка на насыпи 1, погребенную почву и материк прорезала могильная яма погребения 4. Ее заполнение — серый суглинок.

В кургане было обнаружено 7 погребений.

Описание погребений

Погребение 1 (впускное) располагалось в западном секторе кургана (илл. 27). Захоронение разрушено. Оно выявлено на глубине –105–110 см. От костяка сохранились бедренная и малая берцовая кости, ребро, фрагмент таза, локтевая кость руки. Кости анатомического порядка не имели (илл. 28, 1). Погребение принадлежало женщине в возрасте 25–30 лет. Позу и ориентировку погребенной установить невозможно. Скорее всего, погребение 1 было полностью разрушено захоронением 2.

Культурную атрибуцию комплекса установить затруднительно. Учитывая возможную стратиграфическую связку с погребением 2, можно предполагать только, что погребение 1 не датируется позже эпохи поздней бронзы.

Погребение 2 (впускное) располагалось в западном секторе кургана, на расстоянии 1 м к северу и 3,95 м к западу от центрального репера (илл. 27). Погребение выявлено на уровне –132–134 см в верхней части материкового суглинка. Могильное пятно и погребальная конструкция не прослежены.

Скелет принадлежал мужчине 35–45 лет. Умерший лежал в среднескорченном положении, на правом боку, головой на северо-восток (илл. 28, 1). Череп находился на правом боку, челюсти сомкнуты. Позвоночный столб слабо изогнут. Правая рука согнута в локтевом суставе под острым углом, предплечье супинировано. Левая рука согнута в локте под тупым углом. Нижняя часть предплечья покоится у локтевого сустава правой руки. Кости обеих кистей отсутствуют. Три фаланги пальцев располагались перед тазовыми костями. Таз лежал на правом боку. Бедренные кости находились под прямым углом к позвоночному столбу. В коленных суставах ноги были согнуты под острым углом. Кости стоп сохранились фрагментарно. По всей видимости, стопы лежали на правом боку. У черепа погребенного, в 15 см к северо-западу от него, находился сосуд, лежавший на боку (находка 1).

Описание инвентаря. Сохранившийся инвентарь представлен керамическим сосудом (илл. 28, 5).

Сосуд лепной плоскодонный. Внешняя поверхность нижней части сосуда имеет светло-коричневый цвет, верхняя часть — темно-серого цвета. Внутренняя поверхность имеет светло-коричневый цвет. В тесте фиксируется примесь мелкого шамота.

В морфологическом отношении сосуд относится к типу закрытых банок, у дна присутствует закраина. Высота изделия 16 см, диаметр по венчику 12,7 см, диаметр по дну 9,3 см.

В верхней части банки нанесен орнамент, выполненный гладким штампом. Орнаментальная композиция представлена горизонтальной линией, под которой находится ряд косо заштрихованных треугольников, подчеркнутых линией одинарного зигзага.

По характерной позе и сосуду погребение можно отнести к эпохе поздней бронзы.

Погребение 3 (впускное) находилось в северо-западном секторе кургана, на расстоянии 1,8 м к северу и 5,06 м к западу от центрального репера. Погребение выявлено на уровне –149–145 см в верхней части материкового суглинка. Могильное пятно и погребальная конструкция не прослежены.

Погребение принадлежало взрослому индивиду (илл. 28, 2). Оно оказалось полностью разрушенным, скорее всего, в результате деятельности землеройных животных. От костяка сохранилась большая берцовая кость, рядом лежали мелкие фрагменты ребер. В 20 см западнее располагались остатки черепа. Он сильно раздавлен и фрагментирован. Видимо, он лежал на затылочной части. Лицевой отдел полностью утрачен. Позу и ориентировку погребенного установить невозможно. Северо-восточнее черепа прослежены мелкие вкрапления угля. Остается непонятным, связаны ли они с данным захоронением.

Культурно-хронологическая атрибуция комплекса невозможна.

Погребение 4 (впускное) обнаружено в центральной части насыпи, на расстоянии 0,6 м к северу и 0,8 м к западу от центрального репера (илл. 27). Погребение выявлено в яме, едва заходившей в материк. Яма на уровне материка имела овальную форму неправильных очертаний. Она была вытянута по линии северо-запад — юго-восток. Ее длина 108 см, ширина 40–50 см. Дно зафиксировано на глубине 75–81 см. Юго-восточная часть могилы попала в бровку (илл. 27). Полученный разрез четко фиксирует факт впуска захоронения в курган с уровня насыпи 2. Обращает на себя внимание то, что по профилю достаточно четко прослеживается подбойная конструкция могилы.

На дне ямы совершено захоронение ребенка (илл. 28, 3). Умерший лежал вытянуто на спине, головой на северо-запад. Череп раздавлен, сильно фрагментирован, лежал на левом боку. Сохранилась только часть верхней челюсти. От позвоночного столба обнаружены нижние отделы, стыковавшиеся с тазовыми костями. От рук сохранилась левая плечевая кость, расположенная под углом к продольной оси скелета, а также верхняя часть правой плечевой кости. Таз находился в положении, соответствующем позе костяка «вытянуто на спине». Кости ног были вытянуты вперед и параллельны друг другу. Кости стоп отсутствуют.

Судя по вытянутой позиции костяка, подбойной конструкции могилы и радиоуглеродной дате (о ней см. ниже), погребение может относиться к эпохе раннего железного века.

Погребение 5 (впускное) располагалось в южном секторе кургана, на расстоянии 4,65 м к югу от центрального репера (илл. 27).

Могильное пятно имело подпрямоугольную форму с округленными углами. Его размеры 115 × 70 см. Заполнение могилы представлено темно-серым суглинком.

Яма имела подпрямоугольную форму с округленными углами. Длина ямы 115 см, ширина 65–70 см. Дно зафиксировано на глубине 148–142 см. Стенки ямы в прослеженной части вертикальные.

На дне могильной конструкции обнаружено захоронение ребенка 3–7 лет (илл. 28, 4). Умерший лежал скорченно на спине, головой на северо-восток. Череп раздавлен, лежал на затылочной части лицевым отделом вверх. От лицевых костей сохранилась только лобная часть и верхние участки глазниц. Позвоночный столб не сохранился. От костей рук удалось зафиксировать только правую плечевую кость, лежавшую на анатомическом месте, а также левую плечевую, смещенную и располагавшуюся немного выше бедренных костей. Грудная клетка полностью разрушена, от нее осталось только несколько фрагментированных ребер. Кости ног согнуты в коленных суставах: правая под тупым углом, левая под острым, колени сведены. Кости стоп отсутствуют, поэтому достоверно установить первоначальное положение нижних конечностей затруднительно. Можно предположить, что они могли располагаться коленями вверх.

Погребальный инвентарь не обнаружен.

Судя по скорченной на спине позе костяка, погребение относится к эпохе ранней бронзы.

Погребение 6 (основное) располагалось в центральной части насыпи, на расстоянии 0,9 м к северу и 2,5 м к западу от центрального репера (илл. 27).

Могильное пятно имело подпрямоугольную форму с округленными углами. Размеры пятна 202 × 130 см.

Яма имела подпрямоугольную форму с округленными углами. Погребальная конструкция сильно потревожена землеройными животными. Южный угол и часть юго-восточной стенки были нарушены крупной норой. Из-за сильной перемешанности грунтов не удалось проследить большую часть северо-западной стенки. Длина могильной ямы 202 см, предположительная ширина 120–140 см. Дно зафиксировано на глубине 148–156 см.

На дне сооружения обнаружено парное захоронение взрослого и ребенка (илл. 29, 1–2).

Скелет 1 принадлежал мужчине 35–45 лет. Умерший лежал скорченно на спине, головой на северо-восток. Череп находился на затылочной части лицевым отделом вверх. Челюсти сомкнуты. Позвоночный столб прямой. Руки вытянуты вдоль туловища. Правое предплечье пронировано, левое полупронировано, т.е. ладонная часть находилась на ребре. Подобное положение левой руки объясняется тем, что ею взрослый индивид обнимал ребенка. Таз находился в положении, соответствующем позиции костяка «на спине». Ноги согнуты в коленных суставах под острым углом. Стопы вытянуты вперед и немного развернуты вправо. Стопа левой ноги находится на основании с небольшим завалом вправо. Подобное расположение костей ног свидетельствует о том, что первоначально ноги были согнуты и поставлены коленями вверх, а впоследствии завалились вправо.

Скелет 2 принадлежал ребенку 3–7 лет. Умерший лежал скорченно на спине, с небольшим разворотом вправо, головой на северо-восток. Череп находился на правом боку, челюсти немного разомкнуты. Лобной частью череп ребенка упирался в плечевой сустав взрослого индивида. Позвоночный столб отсутствует, грудная клетка сохранилась фрагментарно. Правая рука была вытянута вдоль туловища и

немного согнута в локте, предплечье супинировано. От левой руки сохранилась только плечевая кость, вытянутая вдоль тела. Таз немного повернут вправо и находится в положении, соответствующем позе костяка «на спине». Бедренные кости согнуты по отношению к реконструируемой линии позвоночного столба под тупым углом. В коленном суставе левая нога согнута под острым углом. Кости голени правой ноги и стоп отсутствуют. Из-за этого установить первоначальное положение нижних конечностей затруднительно. Можно предположить, что они могли располагаться коленями вверх.

За черепом взрослого костяка у северо-восточной стенки могильной ямы обнаружен керамический сосуд, лежащий на боку устьем на юг (находка 1). При разборке костяков под правой плечевой костью и грудной клеткой скелета 2 найдена роговая булавка (находка 2).

Описание инвентаря. Сохранившийся инвентарь представлен керамическим сосудом и роговой булавкой.

1. Сосуд керамический лепной круглодонный (илл. 30, 1). Обжиг изделия относительно равномерный. Внешняя и внутренняя поверхности изделия имеют светло-коричневый цвет. В тесте фиксируется примесь крупной толченой раковины.

В морфологическом отношении сосуд относится к округлодонным горшкам. Он имеет раструбное горло. Дно горшка округлое, слегка уплощено. Диаметры по венчику и максимальному расширению тулова фактически совпадают и составляют соответственно 9 и 9,5 см. Высота сосуда 11,7 см.

Вся поверхность изделия покрыта орнаментом, выполненным оттисками штампа. По верхней части горла нанесены косые оттиски мелкозубчатого штампа. Ниже шейка, все тулово и дно сосуда покрыты горизонтальными круговыми линиями протащенной гребенки.

2. Роговая булавка относится к так называемым «булавкам-рогаткам» (илл. 30, 2). Длина предмета 11,6 см. Стержень изделия прямой, хорошо зашлифованный, плоский. К нижней части он суживается, окончание его закруглено и приострено. В верхней части находится вертикальная вырезка шириной 0,4 см, которая формирует два рожка. Один из них обломан. Длина сохранившегося рожка 1,3 см. В основании рогатой части булавки расположено сквозное отверстие диаметром 0,4 см. Трасологический анализ булавки см. в приложении 2.3.

По характерному обряду и инвентарю погребение относится к эпохе ранней бронзы.

Погребение 7 (выпускное, основное для насыпи 2) располагалось в центральной части кургана, на расстоянии 0,75 м к югу и 1,78 м к западу от центрального репера (илл. 27). Погребение было обнаружено по аморфному пятну темно-серого суглинка размерами 150 × 100 см. Могильное пятно было сильно нарушено норами.

Выявленная в сильно перемешанном грунте яма имела неправильную форму, близкую к подпрямоугольной. Стенки ямы читались нечетко и были сильно нарушены землеройными животными. Крупные норы повредили северо-восточную и юго-западную стенки конструкции. Сохранившиеся размеры ямы 150 × 90 см. Дно зафиксировано на глубине 182–190 см.

На дне было обнаружено парное погребение взрослого и ребенка (илл. 31, 1, 2).

Скелет 1 принадлежал женщине 25–30 лет. Большая часть костяка уничтожена землеройными животными. От скелета сохранились левая рука, фаланги пальцев правой руки, левая часть грудной клетки и часть таза. Судя по расположению этих костей, умершая лежала на спине и головой была ориентирована на северо-восток. Левая рука была вытянута вдоль туловища. Предплечье пронировано. Рядом с фа-

лангами пальцев левой руки покоилась ладонная часть правой руки. Крестец располагался в положении, соответствующем позе костяка «на спине». Кости ног не сохранились.

Скелет 2 принадлежал новорожденному младенцу в возрасте до 6 месяцев. Он находился у предплечья левой руки взрослого индивида. По сохранившимся костям можно утверждать, что умерший лежал на спине, головой на северо-восток. Череп сильно раздавлен, лежал на затылочной части лицевыми костями вверх. Грудная клетка развернута и сохранила первоначальное положение. Остальные кости (таза, рук и ног) смещены и анатомического порядка не имели.

По дну погребения у восточного угла могилы зафиксированы остатки белого и черного тлена органического происхождения. Еще один участок этого тлена обнаружен в районе расположения таза скелета 1. Под скелетами 1 и 2, частично перекрывая тлен белого и черного цветов, располагался коричневый, скорее всего, древесный тлен. В 10 см юго-восточнее таза скелета 1 зафиксирован грунтовый полусферический выступ округлой в плане формы диаметром 16 см. При расчистке он хорошо фиксировался по более плотному комковатому грунту. На поверхности выступа фиксировались следы тлена серого и белесого цветов (находка 2).

У кистей рук скелета 1 были обнаружены фрагменты двух лучевых костей мелкого рогатого скота (находка 1) (илл. 31, 3). Нередко подобные кости использовались в эпоху бронзы для изготовления проколок. Не исключено, что в могилу они могли попасть в качестве поделочного материала для этого вида изделий.

Погребение относится к эпохе ранней бронзы.

История сооружения и функционирования кургана

Курган был возведен в эпоху ранней бронзы над погребениями 6 и 7. Последовательность этих захоронений не совсем ясна. Комплексы не попали в бровку, где фиксировались две насыпи (насыпь 1 и 2). Понятно одно, что обе насыпи были связаны именно с данными захоронениями. Это хорошо документируется стратиграфической позицией раннебронзового погребения 5, которое располагалось за пределами насыпи 1, т.е. было впущено в насыпь 2. В центральной части кургана располагались только два погребения (6 и 7) ранней бронзы. Учитывая достаточно архаичный инвентарь в погребении 6, можно осторожно предположить, что насыпь 1 была возведена именно над ним. После возведения первой насыпи ее поверхность была покрыта материковым суглинком. Как уже отмечалось, линзы материка нельзя считать выкидами из могил. Погребения в кургане едва заходили в материковый суглинок. Линзы, покрывавшие насыпь 1, не смогли сформироваться за счет выборки таких неглубоких ям. В свою очередь, наличие на поверхности насыпи 1 материковых прослоек свидетельствует о том, что она была перекрыта досыпкой (насыпь 2), которая законсервировала и сохранила данный элемент курганной архитектуры. Насыпь 2 отличалась от насыпи 1 более обильными включениями крошки мергеля. К сожалению, полы насыпи 2 в профиле не отличались от фоновой почвы. После создания насыпей над погребениями 6 и 7, но также в эпоху ранней бронзы в курган было впущено погребение 5. Позднее было совершено погребение 1 и разрушившее его погребение 2 эпохи поздней бронзы. В раннем железном веке в курган было впущено погребение 4. Стратиграфическую и культурно-хронологическую позицию разрушенного погребения 3 установить затруднительно.

§ 2. КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ К МАТЕРИАЛАМ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ ОДИНОЧНОГО КУРГАНА ПАНИЦКОЕ 6Б

Материалы эпохи бронзы

Культурная атрибуция и относительная хронология. К эпохе бронзы в одиночном кургане относятся погребения 1, 2, 5, 7, 6.

Погребение 1 оказалось полностью разрушенным срубным погребением 2 (илл. 27; 28, 1). Его культурную атрибуцию установить невозможно. Понятно только то, что погребение 1 могло быть совершено не позже позднего бронзового века. Не исключено, что положение таза и бедренной кости (илл. 28, 1) может указывать на скорченную позицию скелета. Хотя уверенности в нахождении данных костей в первоначальном положении нет. Еще один разрушенный комплекс — погребение 3 (илл. 27; 28, 2). От костяка сохранился фрагментированный череп и кость конечности. Положение скелета и его культурную атрибуцию установить нельзя.

Погребения 5, 6, 7 относятся к периоду раннего бронзового века (илл. 27; 28, 4; 29–31). Очевидно, что все конструкции кургана возводили носители ямной культуры. Правда, сложно сказать, с каким из раннебронзовых погребений 6 или 7 связаны основная насыпь и досыпка. О единовременности комплексов свидетельствуют выразительный обряд «скорченно на спине» и ориентировка умерших на северо-восток. Следует обратить внимание на планировку ямных погребений. Они образуют ряд могил, ориентированных по линии северо-северо-запад — юго-юго-восток. Можно предположить, что все ямные захоронения являются близкими по времени и образуют некрополь, оставленный одной родовой группой. В этой связи примечательно, что погребения 6 и 7 представляют собой парные захоронения взрослого и ребенка, которые хорошо известны на территории Нижнего Поволжья (Кормилицын, 1996. С. 14, 15). Антропологические данные свидетельствуют, что возраст и пол взрослых индивидов и возраст детей в этих могилах соответственно различаются (см. приложение 2.1). Однако расположение детских костяков слева от взрослых в обоих случаях как будто указывает на близость похоронных ритуалов. В то же время нельзя не отметить и различные черты в обряде парных ямных погребений 6 и 7. Положение взрослого в погребении 7 реконструируется приблизительно. От костяка сохранилась только левая часть грудной клетки, левая рука, кисть правой руки и часть таза[18]. Положение рук в этом комплексе отличается от погребения 6. В последнем они вытянуты вдоль туловища, а в погребении 7 кисти рук находятся рядом, слева от таза. Это свидетельствует о том, что первоначально у взрослого индивида из захоронения 7 левая рука, скорее всего, была вытянута вдоль тела, а правая согнута в локте под тупым углом, предплечье тогда должно было покоиться на поясе. Ребенок же лежит в традиционной ямной позе скорченно на спине. Различное положение рук взрослых индивидов в обоих погребениях, возможно, связано с их полом.

Анализ обрядовых характеристик погребений одиночного кургана не может прояснить их позицию на шкале относительной хронологии ямных древностей. В свое время Н.Я. Мерперт отнес скорченные на спине скелеты с северо-восточной ориентировкой к третьей обрядовой группе, большая часть погребений которой составляет второй стратиграфический горизонт ямных памятников в Поволжье (Мерперт, 1974.

[18] Расположение всех костей достаточно четко указывает на позицию «на спине» (см. выше).

С. 45, 51). С накоплением новых источников стало понятно, что связь ориентировки костяка с хронологическими группами не является безусловной, а северо-восточный вектор встречается как в самых архаичных ямных погребениях, так и в более поздних (Дремов, Юдин, 1992. С. 26). Также не имеет жесткой корреляции с древнейшими ямными памятниками наличие перекрытия и обильная посыпка охрой. Эти признаки несут хронологическую нагрузку в тенденции, но не могут выступать в качестве независимых реперов определения времени комплекса. В такой ситуации наиболее четким хронологическим маркером может выступать только диагностичный инвентарь.

Из трех ямных погребений одиночного кургана вещи находились только в погребении 6. Это округлодонный сосуд и рогатая роговая булавка (илл. 30, 1–2). Оба предмета принадлежат к числу ярких культурно-хронологических маркеров, а их сочетание в одной могиле позволяет рассматривать данное захоронение как один из опорных комплексов периодизации раннего бронзового века Нижнего Поволжья и Волго-Уралья.

Сосуд имеет достаточно архаичный облик (илл. 30, 1) и по целому ряду признаков сопоставим с хвалынско-бережновской керамикой. Наличие в тесте крупной толченой раковины является одним из показателей посуды данного времени (Дремов, Юдин, 1992. С. 27; Васильев, 2003а. С. 66), который характерен, но в меньшей степени и для более поздней ямно-репинской керамической традиции (Салугина, 2005. С. 89, 91). По морфологии горшок можно отнести к группе колоколовидных сосудов «со слегка раздутым туловом и стянутой шейкой», или, по другой терминологии, к группе «мешковидных» сосудов, выделенной в материалах Хвалынского могильника (Агапов, Васильев, Пестрикова, 1990. С. 69, рис. 33). Резко отогнутый венчик и внутреннее ребро также находят параллели в хвалынско-бережновских памятниках. По классификации ямной керамики М.А. Турецкого паницкий сосуд можно отнести к типу III–I, где наиболее четко прослеживается отпечаток хвалынских традиций. Именно к нему отнесена керамика бережновских погребений (Турецкий, 1988. С. 85, рис. 8, 1, 2).

Не менее показательна штамповая орнаментация горшка из погребения 6, композиционное построение которой также выполнено по хвалынско-бережновским стандартам. Косые вертикальные насечки зубчатого штампа по венчику в сочетании с горизонтальными круговыми линиями по всему тулову хорошо представлены как в хвалынских погребальных и поселенческих материалах (Агапов, Васильев, Пестрикова, 1990. Рис. 32; 33; Васильев, 2003а. Рис. 2, 7; 3, 10; 4, 9 и др.; Юдин, 1999. Рис. 8, 5), так и на керамике бережновской группы курганных захоронений (Дремов, Юдин, 1992. Рис. 4). Находит прямые аналогии в хвалынской традиции и техника орнаментации тулова. По всей видимости, горизонтальные линии были выполнены протаскиванием твердого штампа в виде «колесика» с прямоугольными зубцами (Васильева, 2005. С. 79).

Следует также отметить, что при значительном морфологическом и орнаментальном сходстве сосуд из погребения 6 имеет признаки, отличающие его от основной массы хвалынско-бережновской посуды. Прежде всего, на нем отсутствует характерное воротничковое утолщение венчика. В орнаментальной композиции нет волнистого орнамента, который выступает в качестве разделителя орнаментальных зон. Эти два элемента морфологии и декора относятся к числу характерных энеолитических хвалынских признаков. Справедливости ради следует отметить, что в хвалынской керамике, равно как и в бережновской, изредка встречается керамика и без воротничкового утолщения (Васильев, 2003а. Рис. 4, 7, 9; 12, 1). В частности, отсутствует оно и на сосуде из комплекса Бережновка I 5/22 (Синицын, 1959. Рис. 17, 8; Дремов, Юдин,

1992. Рис. 3, 2), который стал эпонимным для древнейших подкурганных захоронений степного Заволжья. Кстати, профилировка верхней части бережновского сосуда наиболее близка морфологии нашего горшка.

Приведенные параллели ставят погребение 6 одиночного кургана в один ряд с подкурганными захоронениями бережновской группы. Не противоречат такой постановке вопроса северо-восточная ориентировка умершего, подпрямоугольная форма и небольшая глубина ямы. Как известно, северо-восточный вектор ориентировки и мелкие ямы встречаются не только в бережновской группе (Дремов, Юдин, 1992. С. 27, рис. 4), но и в грунтовых хвалынских могильниках (Агапов, Васильев, Пестрикова, 1990. С. 57; Васильев, 2003а. С. 64). Отсутствие охры в паницком погребении также не может быть отнесено к поздним признакам. Неокрашенные костяки хорошо известны в хвалынско-бережновских материалах (Дремов, Юдин, 1992. С. 27; Васильев, 2003а. С. 65; 2004. С. 49). Абсолютизация признака «посыпка костяка охрой» как диагностичного для ранних ямных погребений (Кузнецов, 2008. С. 318) кажется излишней. В погребении 6 один костяк принадлежал взрослому мужчине 35–35 лет, второй — ребенку (см. приложения 2.1, 2.2). Такое сочетание антропологических показателей в парном захоронении с керамикой относится к числу общих для хвалынских и ямных комплексов (Салугина, 2008. С. 340).

Итак, если сосуд из погребения 6 отсылает наш комплекс к памятникам бережновского типа древнейших подкурганных захоронений Нижнего Поволжья, то уточнить его позицию на шкале собственно ямных древностей региона позволит роговая булавка-рогатка. Это тип изделий редко, но стабильно встречается в раннебронзовых захоронениях на большой территории от Днепра до Урала. Сейчас известно более 20 комплексов с рогатыми булавками (Гей, 2002. С. 127–130).

Следует отметить, что наша булавка (илл. 30, 2), несомненно, относясь к типу рогаток, не имеет прямых аналогий. Отличают ее от основной массы этих изделий короткие рожки и очень небольшой разлет между ними. Соотношение длины ее головки до отверстия и от него до конца стержня у паницкой булавки составляет 1:5. Соответствующий индекс у большей части других древнеямных рогаток составляет 1:1,5–2. Кроме того, наш экземпляр имеет сравнительно большую длину — 12 см, в то время как восточноевропейские рогатые булавки обычно имеют длину 6–10 см (Гей, 2002. С. 133)[19].

Отнесение рогового предмета из одиночного кургана к числу наиболее ранних рогаток имеет под собой надежные основания. Довольно архаичным признаком является плоское сечение изделия. Позднейшие рогатые булавки имеют уже округлое сечение стержня (Гей, 2000. С. 169; 2002. С. 131), которое характерно для следующего звена эволюционного ряда — молоточковидных булавок. Замена уплощенного стержня на округлый хорошо фиксируется и в развитии рогатых булавок в Приуралье. В первой группе рогаток, представленных четырьмя из пяти экземпляров комплекса Герасимовка II 4/2 (Порохова, 1992. Рис. 1), стержни имеют уплощенное сечение (Богданов, 2004. Рис. 62, 1–4). Это погребение в данном регионе уверенно относят к фазе РБВ I (Богданов, 2004. С. 33), или к репинскому горизонту ямной культуры (Моргунова, 2002. С. 108; Моргунова, Краева, Матюшко, 2005. С. 22). Вторая группа булавок (Тамар-Уткуль VII 1/1, Курманаевка III 3/1, Мустаево V 9/2) более поздняя. У изде-

[19] Следует отметить, что по индексу соотношения длины головки и стержня рогатка из Паницкого стоит ближе к костяным изделиям из могильника Пасси в Восточной Франции (Гей, 2002. Рис. 2, 3, 4), однако на проблемы их соотношения с восточноевропейскими экземплярами, в том числе и хронологического характера, уже указывалось (Гей, 2002. С. 131–135).

лий рожки округлились и редуцировались, сечение стержня только округлое (Моргунова, Кравцов, 1994. Рис. 3, 2; Богданов, 1999. Рис. 3, III; Моргунова, Краева, Матюшко, 2005. Рис. 15, 5, 7). От поздней группы приуральских булавок, которые маркируют ранние памятники тамаруткульского горизонта РБВ II (Богданов, 2006. С. 11–13), или развитый «городцовский» этап ямной культуры (Моргунова, 2001. С. 98; 2002. С. 110–112; Моргунова, Краева, Матюшко, 2005. С. 22, 23), паницкое изделие отличают не только более выраженные рожки. Оно не имеет фигурно выделенной головки, как у поздних экземпляров, а отверстие расположено не в центре выделенного навершия, а ниже основания рожек, так же как у ранних образцов. Кроме того, серьезно отличается индекс соотношения длины от верхнего края до отверстия и от отверстия до конца стержня. У поздних приуральских булавок он составляет 1:11–25. Наконец, на очень ранний возраст рогатки из Паницкого указывает сочетание ее в одном погребении с архаичным горшком хвалынско-бережновско типа.

Давно уже было отмечено, что рогатые булавки в тенденции являются более ранними по сравнению с молоточковидными[20] (Кияшко В., 1976. С. 34; 1989. С. 79, 80; Васильев, 1979. С. 37, 38). Скорее всего, только наиболее поздние рогатки сосуществуют с ранними молоточковидными экземплярами. Сейчас установлено, что основная масса рогаток маркирует репинский горизонт древнеямной культуры[21] (Гей, 2002. С. 130; Турецкий, 2001а. С. 115; Богданов, 2004. С. 33, 192; Моргунова, Краева, Матюшко, 2005. С. 22; Моргунова, 2006а. С. 138). Очевидно, что наша булавка не может датироваться более поздним временем.

Проблема заключается в другом: как интерпретировать сочетание вещей хвалынско-бережновского (сосуд) и репинского (булавка) горизонтов в закрытом комплексе и, соответственно, определить его время в системе древностей позднего энеолита — раннего бронзового века?

В настоящее время памятники бережновского типа рассматриваются обычно в контексте культурного и хронологического единства с хвалынской энеолитической культурой, преимущественно с ее поздней стадией (Васильев, 1981. С. 43, 44; 2003а. С. 61; Агапов, Васильев, Пестрикова, 1990. С. 87; Трифонов, 1991. С. 104, 106; 1996. С. 4; Дремов, Юдин, 1992. С. 28; Гей, 2000. С. 193; Моргунова, 2001. С. 97; 2002. С. 107, 108; Богданов, 2004. С. 234, 235; Васильев, Кузнецов, Турецкий, 2000. С. 16; Турецкий, 2001. С. 126; Моргунова, Гольева, Краева, Мещеряков, Турецкий, Халяпин, Хохлова, 2003. С. 243, 244; Кузнецов, 2004. С. 27; Ставицкий, 2005а. С. 75; Юдин, 2006. С. 115). В результате приходится констатировать существенный хронологический разрыв в Поволжье между хвалынско-бережновскими и ранними памятниками ямной культуры репинского горизонта, особенно выраженный в калиброванной радиоуглеродной хро-

---

[20] Для приуральских изделий речь идет о первой группе классических рогаток. Вторая, поздняя, группа синхронизируется с поздними модификациями молоточковидных булавок ямной и раннекатакомбных культур более западных районов (Моргунова, Краева, Матюшко, 2005. С. 23).

[21] В одном случае (Новый 131/1) с рогатыми булавками обнаружен сосуд, который А.Н. Гей сопоставил с керамическими традициями хвалынско-бережновских памятников (2002. С. 130). Однако знакомство с отчетными материалами (Ильюков, 1983. Рис. 321) показало, что обнаруженный в ямном погребении сосуд декорирован в типичной репинской традиции. Вся его поверхность покрыта горизонтальными елочными рядами, выполненными гребенчатым штампом. Причем в основании шейки нанесен ряд ямочных вдавлений – диагностичная черта репинской орнаментации. Отдаленные хвалынско-бережновские ассоциации может вызвать только форма с округлыми боками и дном, но она также встречается в ямных памятниках репинского горизонта. На мой взгляд, инвентарь погребения из Нового полностью соответствуют стандартам ямной культуры репинского этапа.

нологии (Дремов, Юдин, 1992. С. 29; Кузнецов, 1996. С. 56; Дремов, 2001. С. 57; Трифонов, 2001. С. 79, табл. 1; Турецкий, 2001. С. 126; 2001а. С. 114; Юдин, 2006. С. 115). Неудивительно, что ставится под сомнение генетическая связь хвалынских памятников с раннеямной культурой (Шилов, 1991. С. 49; Трифонов, 1996. С. 4; Турецкий, 1997. С. 28; 1999. С. 7; 2001. С. 126; 2001а. С. 114, 115; 2006. С. 95, 96; Барынкин, 2003. С. 54–57), которую констатирует большинство исследователей (Мерперт, 1974. С. 55–60; Васильев, 1979. С. 37; 1981. С. 43, 44; 2001. С. 124, 125; 2003а. С. 63, 76; 2003б. С. 55; 2004. С. 53, 54; Васильев, Синюк, 1985. С. 65; Агапов, Васильев, Пестрикова, 1990. С. 83; Дремов, Юдин, 1992. С. 29; Гей, 1999. С. 37; Васильев, Кузнецов, Турецкий, 2000. С. 7; Моргунова, 2002. С. 107, 108; Кузнецов, 2004. С. 27). Мне тоже кажется, что эта связь прослеживается достаточно четко как в погребальном обряде, так и в вещевом комплексе. Другое дело, что все звенья этой линии до сих пор не выявлены.

В этой связи погребение 6 одиночного кургана Паницкое 6Б представляется особенно важным. Оно сочетает при относительно индифферентном обряде на рубеже позднего энеолита – ранней бронзы в Поволжье предметы, маркирующие финал предшествующей (хвалынско-бережновский сосуд) и начало последующей (рогатая булавка) эпохи. До сих пор в памятниках хвалынско-бережновского круга не выявлено ни одной рогатки, а в раннеямных (репинских) захоронениях – ни одного горшка, который бы, как паницкий сосуд, имел такой структурированный набор ярких признаков хвалынско-бережновского керамического комплекса. С другой стороны, горшок из паницкого погребения явно принадлежит к наиболее поздним репликам хвалынско-бережновской традиции и не имеет целого ряда классических признаков энеолитической керамики (воротничковый венчик, волнистый орнамент, оттиски аммонита), а рогатая булавка отличается по пропорциям и размерам от рогаток репинского этапа ямной культуры. На мой взгляд, булавка из Паницкого является самой древней среди всех рогаток, обнаруженных в погребениях со скорченным на спине положением скелета.

В свете вышесказанного погребение 6 одиночного кургана следует рассматривать в качестве одного из самых ранних ямных памятников, в обрядово-инвентарном комплексе которого хорошо прослеживается генетическая связь хвалынско-бережновской энеолитической и древнеямной культуры[22]. Постбережновский и дорепинский возраст паницкого захоронения мне представляется очевидным. По всей видимости, это погребение относится к числу крайне немногочисленных на сегодняшний день комплексов, которые отражают процесс формирования ямной культуры на территории между Доном и Уралом (Гей, 1999. С. 42, 43; Васильев, 2004. С. 54; Васильев, Фадеев, 2004. С. 43–46). Скорее всего, проблема наполнения данного периода подкурганными захоронениями заключается в скудной насыщенности инвентарем этих переходных памятников, что создает понятные трудности в их выделении (Васильев, 1981. С. 44). Если наши планиграфические наблюдения над расположением ямных могил в одиночном кургане верны, то ко времени погребения 6 могут относиться захоронения 5 и 7[23]. Они при близких обрядовых характеристиках (неглубокие ямы овальной или подпрямоугольной формы, положение «скорченно на спине», отсутствие охры, северо-восточная ориентировка, одинаковое расположение скелетов взрослых и детей в

[22] В этой связи интересно наблюдение А.А. Хохлова о том, что по краниологическим данным череп из погребения 6 является типичным для ямной культуры степного Поволжья (см. приложение 2.2).
[23] Я отдаю себе отчет, что любая планиграфическая структура в конечном итоге является системой более открытой, чем стратиграфическая последовательность.

парных погребениях 6 и 7) не имеют сопроводительных вещей. Строго говоря, если бы в захоронении 6 отсутствовал инвентарь, оно бы пополнило многочисленный список погребений с неопределенной культурно-хронологической позицией на шкале древностей позднего энеолита — ранней бронзы.

Таким образом, погребения 5, 6, 7 одиночного кургана Паницкое 6Б относятся к раннеямной культуре. Погребальные комплексы, близкие в хронологическом отношении погребению 6, в нижневолжском регионе должны составить I горизонт ямной культуры по Н.Я. Мерперту, который фактически остается пустым после отнесения памятников типа Бережновка ко времени энеолита. Погребение 6 на сегодняшний день представляется самым ярким и диагностичным в культурно-хронологическом плане захоронением этого периода. Оно может стать опорным комплексом при выделении наиболее раннего пласта ямных древностей в Волго-Уралье и Поволжье, назову его условно «паницким горизонтом». Этот период будет предшествовать ямно-репинскому и кутулукскому этапам (по П.Ф. Кузнецову (2008. С. 318)[24]) развития ямной культуры. Полученная серия радиоуглеродных дат по ямным комплексам одиночного кургана Паницкого 6Б, к сожалению, оказалась несколько специфичной, и возникает ряд проблем при ее соотнесении с данными относительной хронологии и археологического контекста (см. ниже).

Погребение 2 одиночного кургана Паницкое 6Б относится к срубной культуре эпохи поздней бронзы (илл. 27; 28, 1). Об это свидетельствует скорченная позиция, положение рук, близкое к адорации, и северо-восточная ориентировка умершего. Достаточно показательным является сосуд (илл. 28, 5), морфология которого имеет многочисленные аналогии в срубных материалах. Расположение посуды перед лицом погребенного также относится к числу стандартных черт срубного обряда. Сосуд относится к группе высоких закрытых банок. Подобная форма бытовала в рамках срубной культурно-исторической общности достаточно широко во времени и пространстве. Появляется она еще на стадии формирования срубного керамического комплекса и доживает до финала культуры. Построение узора в виде треугольников вершинами вниз, выполненных гладким штампом, также является достаточно стандартной орнаментальной схемой.

Отдельный вопрос, к какому времени в рамках существования срубной культурно-исторической общности относится погребение 2? Как уже было сказано, большинство обрядовых и инвентарных характеристик относятся к общесрубным стандартам, тем не менее ряд деталей позволяет конкретизировать хронологическую позицию комплекса. Обращает на себя внимание относительно сильная скорченность скелета и северо-во-

---

[24] П.Ф. Кузнецов предложил для первого этапа ямной культуры Волго-Уралья название «бережновский» (Кузнецов, 2008. С. 318). Мне кажется оно не очень удачным, потому что наиболее яркий комплекс Бережновка I 5/22, который сразу встает перед глазами при упоминании бережновских захоронений, относится к эпохе энеолита. Создается двусмысленная ситуация, когда один и тот же эпоним применяется для разных в культурном и хронологическом отношении памятников. Это приведет к путанице не только терминологического, но и смыслового характера. Кроме того, термин «бережновский» и без того активно используется в археологии бронзового века: хвалынско-бережновские памятники, бережновско-маевская срубная культура, бережновский горизонт срубной культуры. Более удобной представляется трехэтапная схема периодизации ямных памятников Волго-Уралья и Нижнего Поволжья, состоящая из трех условных горизонтов: паницкий, ямно-репинский и кутулукский. Первый из них, наиболее древний, демонстрирует генетическую связь хвалынско-бережновских и ямных древностей, последний объединяет позднеямные, так называемые «городцовские комплексы», которые замыкают колонку ранней бронзы.

сточная ориентировка. По этому признаку погребение 2 отличается от наиболее ранних комплексов начала позднего бронзового века, где преобладают слабая скорченность и северный вектор. Относительно поздним признаком является помещение сосуда перед лицом (Отрощенко, 2001. С. 153). В покровской традиции посуда обычно размещается за головой, за спиной, у таза, у колен, у стоп или в углах могилы. Достаточно простой ритуал вместе с обликом сосуда ставит захоронение 2 в число рядовых погребений срубной культуры с устоявшимся обрядом и выделяет его из ранних комплексов. Наконец, особенно симптоматичным является правобочное положение умершего, которое серийно начинает встречаться в позднесрубных памятниках.

Проведенное В.В. Отрощенко разделение массива срубных памятников на две культуры: покровскую срубную и бережновско-маевскую срубную (БМСК) (Отрощенко, 1994; 1997; 2000; 2001. С. 113–162; 2003) без сомнения вывело изучение позднебронзовых памятников на качественно новый уровень. Мне представляется, что на сегодняшний день это достаточно логичная и аргументированная периодизация срубных древностей. В соответствии с ней погребение 2 одиночного кургана относится ко второму этапу БМСК, завершающему существование культур срубной культурно-исторической общности. Именно в это время в погребальном обряде при доминировании левобочной позы в качестве устойчивой тенденции появляется обычай класть покойников на правый бок (Литвиненко, 1999б. С. 17; 2000а. С. 13; Отрощенко, 2001. С. 158; 2003. С. 83, 84). Для орнаментации керамики становятся характерными композиции из треугольников вершинами вниз, простые одинарные зигзаги (Литвиненко, 1999б. С. 17). По всей видимости, правы те исследователи, которые связывают распространение правобочной позы с импульсами из федоровско-черкаскульской и сусканской среды, где такой обряд имел широкое распространение (Мыськов, 1992. С. 93, 95; Отрощенко, 2001. С. 161; Шарафутдинова, 2002. С. 251; Колев, Седова, 2004. С. 214; Жемков, Лопатин, 2007. С. 111; Максимов, Лопатин, 2007. С. 153). В Нижнем Поволжье погребения поздней бронзы с умершими на правом боку составляют всего 3,5% (Мыськов, 1992. С. 93). Именно в срубных правобочных комплексах с восточной и северо-восточной ориентировкой костяков встречена представительная часть посуды федоровско-черкаскульского облика или сосуды с отдельными восточными элементами на широкой территории от Урала до Днепра (Волкобой, 1980. Рис. 1, 12, 13; 2, 1-3; Бойков,1989. Рис. 1; 2, 3, 4; Мыськов, 1992. Рис. 4; Мамонтов, 1994. Рис. 1, 1, 4; Отрощенко, 1999. Рис. 1; Моргунова, 1999. Рис. 10, 2, 4; 13, 1, 3; Халяпин, Богданов, 1999. Рис. 10, 14; Литвиненко, 2000а. Рис. 5, 1, 3; Мимоход, 2000. Рис. 3, 2, 3; Парусимов, 2002. Рис. 2, 1, 2; Прокофьев, 2004. Рис. 26, 4, 6; Мыськов, Кияшко, Лапшин, 2006. Рис. 11; Колев, Седова, 2004. Рис. 3; и др.). Орнамент на банке из погребения 2 особенно не выбивается из общесрубных стандартов. Однако следует заметить, что одинарный горизонтальный зигзаг и свисающие косо заштрихованные треугольники более характерны все-таки не для срубных, а общеандроновских орнаментальных композиций (Кузьмина Е., 1987. С. 52). Прямые аналогии орнаменту на сосуде из погребения 2 в чисто срубных материалах найти довольно сложно. В то же время сосуд, по морфологии и орнаменту почти полностью тождественный нашему, происходит из курганного могильника Провалье, где он сопровождал умершего, похороненного в позе адорации на правом боку с восточной ориентировкой. Это захоронение справедливо относится к позднему этапу поздней бронзы, в котором отчетливо прослеживаются импульсы сусканско-федоровского культурного мира (Литвиненко, 2000. С. 86, рис. 4; Отрощенко, 1999. С. 193; 2001. С. 159, 161; Колев, Седова, 2004. С. 214, рис. 3, 16, 17). В таком же ракурсе следует рассматривать и наш комплекс. Близкие аналогии орнаментации на-

шего сосуда можно отыскать и в материалах самой сусканской культуры (Колев, 2000. Рис. 6, 17, 18; 13, 6). Таким образом, распространение правобочной позиции совпадает с появлением федоровско-сусканско-черкаскульских импульсов в срубной среде и надежно маркирует заключительный этап БМСК. Об этом свидетельствует и радиоуглеродная дата погребения 2 одиночного кургана Паницкое 6Б (см. ниже).

Радиоуглеродная хронология

По погребениям одиночного кургана в Киевской радиоуглеродной лаборатории была получена серия из шести дат (см. приложение 2.4). Из них 4 определения имеют древнеямные захоронения 6 и 7, по два каждый комплекс.

Данные ^{14}C погребений раннего бронзового века оказались достаточно противоречивыми. В погребении 6 были продатированы кости обоих индивидов (взрослый и ребенок: 1σ 3370–3020 и 1σ 2820–2660 BC). Даты разошлись по нижней границе на 550, а по верхней — на 360 лет. Еще большую разницу, соответственно 710 и 520 лет, мы получили для погребения 7, где радиоуглеродному анализу были подвержены кость взрослого индивида и кость МРС (1σ 2150–1940 и 1σ 2860–2460 BC). Сложно сказать, с чем связан такой разлет датировок. Объяснения, как и во многих других подобных случаях, могут быть самыми разными: от лабораторных ошибок до плохого качества образцов и невозможности их удовлетворительной очистки.

Применительно к нашей ситуации следует обратить внимание на два обстоятельства, которые естественным образом могли сказаться на качестве дат. Во-первых, необходимо отметить, что три даты BP, сделанные по ямным комплексам, имеют большой доверительный интервал — 100–120 лет (Ki–13049, Ki–13050, Ki–14744), что может свидетельствовать о недостаточном количестве коллагена, который удалось выделить для датирования. Во-вторых, все ямные могилы имели очень небольшую глубину и были сильно повреждены норами землеройных животных. Как известно, многочисленные нарушения закрытых погребальных комплексов плохо сказываются на точности радиоуглеродного анализа происходящих из них образцов. Например, из наших материалов хорошим подтверждением этому выступает явно омоложенная дата из погребения 1 кургана 5 мог. Паницкое 6, которое было ограблено, скорее всего, в древности, а потом сильно пострадало от перекопа прошлого века (см. главу 1). Кроме того, мне кажется, что причины неоднократно отмечавшихся случаев существенного расхождения дат из одного погребения, нередко даже одного костяка, все-таки следует искать в сфере самого радиоуглеродного датирования, а не пытаться их объяснять общеизвестными штампами типа «образец был загрязнен молодой органикой». В конце концов вопросы очистки образца — это задача лабораторных химических, а не археологических исследований.

Чисто археологической проблемой является вопрос, какие из ^{14}C дат можно рассматривать как корректные, а какие как явно дефектные? Без сомнения, сразу можно отбросить дату из погребения 7, сделанную по кости человека (Ki–13051). Ее интервал в рамках XXII–XX вв. до н. э. является слишком молодым для времени существования ямной культуры. Как уже отмечалось, даты с таким диапазоном серийно представлены в радиоуглеродной хронологии блока посткатакомбных культурных образований. Он имеет надежно установленную позицию в системе периодизации бронзового века в рамках финала средней бронзы (Мимоход, 2005; 2007. Рис. 5) и отделен от позднейших ямных памятников Волго-Уралья по суммированию их радиоуглеродных данных не менее чем на два века (Черных, Орловская, 2004а. С. 94), хотя реально этот интервал значительно больше.

Иначе дело обстоит с остальными ямными датами одиночного кургана, которые более-менее хорошо согласовываются с радиоуглеродной хронологией ямной культуры на всей территории общности (Черных, Орловская, 2004а. Рис. 2). Их соотнесение с археологическим контекстом и достаточно ранней позицией паницких комплексов на шкале относительной хронологии ямной культуры осложняется двумя обстоятельствами. Во-первых, это уже отмеченное серьезное расхождение связки дат из погребения 6. Во-вторых, что, на мой взгляд, более проблематично, это то, что дата из погребения 7 (Ki-14744) совпала с одной из дат захоронения 6 (Ki-13049) в рамках XXIX–XXV вв. до н. э. Казалось бы, подобное совпадение, притом что неоднократно отмечалась возможная синхронность погребений 6 и 7, должно указывать на реальный возраст ямного горизонта в одиночном кургане. Однако принятие этого интервала входит в противоречие не только с предложенной выше относительной хронологической позицией погребения 6, но и с другими калиброванными радиоуглеродными данными по ямной культуре Волго-Уралья, если рассматривать их в не виде суммирования вероятностей всех имеющихся дат, а с учетом культурного и хронологического контекста. Помимо этого, определение возраста погребений по принципу «две даты против одной» в нашем случае не совсем корректно. Дело в том, что две совпавшие даты все-таки происходят из разных комплексов, а в каждом отдельно взятом погребении парные даты разошлись, т.е. в лучшем случае в каждой связке могла быть только одна корректная дата. Для того чтобы надежно верифицировать датами одного погребения даты другого синхронного захоронения, нужно, чтобы в каком-либо из комплексов совпали обе даты. При соответствии одной из дат второго комплекса двум датам первого можно уверенно констатировать корректность всех трех датировок и ошибочность четвертой. В нашем случае такого мы не имеем. Наконец, нельзя забывать, что синхронность погребений, установленная только по данным планиграфии, всегда уязвима для критики. Ситуация в одиночном кургане не является исключением. Действительно, при известном консерватизме ямного обряда северо-восточная ориентировка, размеры и форма ям, позиция «скорченно на спине» даже при расположении могил в ряд делают синхронность погребений только вероятной. Окончательно нельзя исключить их разновременности, тем более что частично об этом свидетельствуют стратиграфические данные. Поэтому как еще один возможный вариант разнобоя дат из погребений 6 и 7 можно рассматривать их сооружение в разные хронологические периоды ямной эпохи, хотя я все же склонен рассматривать их в рамках одного хронологического горизонта, а обе даты погребения 7 как дефектные.

Из всего вышесказанного следует, что корректность какой-либо из дат ямных комплексов Паницкого должна определяться не сравнением ее с другими, а из того, насколько она соответствует современным представлениям о хронологии древностей эпохи ранней бронзы.

Даты, очертившие диапазон XXIX–XXVII/XXV вв. до н. э. (Ki-13049, Ki-14744), представляются слишком молодыми для установленной постхвалынской и дорепинской хронологической позиции погребения 6. Он скорее соответствует времени бытования более поздних памятников. В пределах первой половины III тысячелетия до н. э. в системе калиброванных значений сейчас датируются по разной терминологии раннеполтавкинские, позднеямные, тамаруткульские, ямные утевского этапа комплексы[25] (Кузнецов, 2000. С. 98; 2003. С. 109; 2007а. С. 204; Трифонов, 2001. Табл. 1;

[25] В.В. Ткачев предложил еще одно название для этой своеобразной культурной группы: «утевско-жаман-каргалинская» (2001. С. 112, 113).

Черных, Орловская, 2004. Рис. 2; Богданов, 2006. С. 11; 2006б. С. 151; Моргунова, 2006. С. 69; Турецкий, 2007. С. 125, 126; 2008. С. 359). Этот горизонт памятников является более поздним по сравнению с репинским этапом ямной культуры, который, как уже отмечалось, маркируется рогатыми булавками. Он более поздний и по отношению к позднеямным памятникам с ранними типами молоточковидных булавок, который будет соответствовать кутулукскому этапу по П.Ф. Кузнецову (2008. С. 318). Проявление же хвалынских керамических традиций в памятниках горизонта РБВ II по С.В. Богданову при всем имеющимся разнообразии их культурной атрибуции просто немыслимо.

Таким образом, из четырех радиоуглеродных дат, полученных для ямных погребений одиночного кургана, ориентироваться можно только на дату, сделанную по кости взрослого индивида из погребения 6: Ki-13050 1σ 3370–3020 BC. Ее интервал более всего соответствует атрибуции этого комплекса как древнейшего в рамках ямной культуры. В этой связи актуальным является сравнение этой даты с наиболее ранними данными ^{14}C ямной культуры в волго-уральском регионе, который является частью ядра формирования ЯКИО. Прежде всего, интересным представляется сопоставление нашей даты с датами репинского горизонта, особенно в свете предлагаемой дорепинской хронологической позиции паницкого комплекса. К сожалению, данных для этого совсем мало.

Относительно недавно Н.Л. Моргунова и соавторы отнесли к репинскому этапу три кургана (к. 2, 3, 4) I Шумаевского могильника. По одному комплексу (3/6) была получена радиоуглеродная дата (Ле-4300 ± 150 л. н.) с интервалом 1σ 3300–2600 BC[26] (Моргунова, Гольева, Краева, Мещеряков, Турецкий, Халяпин, Хохлова, 2003. С. 241). Позже Н.Л. Моргунова пересмотрела хронологическую позицию этого комплекса в сторону омоложения и отнесла его к I хронологической группе или началу развитого этапа ямной культуры (по ее периодизации), наряду с комплексами Мустаево V 8/2, 9/2 (Моргунова, 2006. С. 68; 2006б. С. 424; 2007. С. 213). Еще ряд погребений могильников Мустаево V (1/1), Шумаево II (6/6, 3/7, 4/2, 5/3), Першин (1/4), Курманаевка III (3/1) и одиночного кургана Шумаево II (п. 2) также были отнесены к развитому этапу (II хронологическая группа), но расположены они были после «начала развитого периода» (Моргунова, 2006. С. 69). Подобное разделение в целом одновременных комплексов, которое подтверждается не только обрядовыми характеристиками, но и, например, нахождением поздних узко датирующихся типов приуральских булавок в погребениях I и II хронологических групп (Мустаево V 9/2; Курманаевка III 3/1), было произведено, по всей видимости, исключительно на основании радиоуглеродных данных. Исследовательнице показалось, что данные ^{14}C погребений I группы древнее II группы. Выше уже отмечалось, что радиоуглеродный метод не в силах пока точно датировать микрохроноинтервалы. Особенно в рамках таких границ, как «начало развитого периода» и, соответственно, видимо, «конец развитого периода», но дело даже не в этом. Если еще раз обратиться к датам, опубликованным Н.Л. Моргуновой, то станет понятным, что оснований для разделения синхронных комплексов на две хронологические группы нет. Удревнение комплексов I группы до XXXIV–XXX вв. до н. э. произошло в основном за счет дат, полученных по гумусу погребенных почв. Известно, что даты по гуминовым кислотам в археологии являются самыми проблемными с

[26] Осталось совершенно непонятным, чем руководствовались авторы работы, которые сопоставили широкий интервал 3400–2500 cal. BC именно с репинским этапом ямной культуры (Моргунова, Гольева, Краева, Мещеряков, Турецкий, Халяпин, Хохлова, 2003. С. 241).

большими доверительными интервалами. Они почти всегда оказываются значительно древнее дат самих погребений. Причем Н.Л. Моргунова оперирует датами по гумусу, вычитая от их реальных значений от 1000 до 1200 лет со ссылкой на соответствующую методику. Только тогда они попадают в раннюю бронзу. При таких подсчетах о какой точности дат по гумусу может идти речь? Датирование погребенных почв — это важное направление в развитии радиоуглеродного метода, почвоведения и археологии. Но если говорить о четких радиокарбонных датах, а тем более разрабатывать на их основе периодизацию, то следует пользоваться датировками, полученными по хорошо апробированным углеродосодержащим материалам, происходящим из комплексов самих могил.

Для I хронологической группы по Н.Л. Моргуновой имеются четыре даты. Из них две (Шумаево I 3/6 и Мустаево V 9/2) сделаны по кости и дают интервал XXXI–XXVII вв. до н. э.[27] Две датировки получены по гумусу (Мустаево V к. 8 и к. 9). Они разместились в диапазоне XXXV–XXX вв. до н. э (Моргунова, 2006. С. 67). Очевидно, что даты по гумусу являются более древними, даже когда от их реального возраста уже отняли 1200 лет. Относительно корректными здесь могут быть признаны только даты по кости.

II хронологическая группа датируется Н.Л. Моргуновой в пределах XXIX–XXV вв. до н. э., что не вызывает возражений в свете опубликованных дат. Однако большая часть интервала существования I хронологической группы, которая имеет по сути всего две корректные даты, совпадает с интервалом II группы в рамках XXIX–XXVII вв. до н. э. На мой взгляд, комплексы I и II групп являются одновременными и должны датироваться в пределах XXIX–XXVII вв. до н. э. Это подтверждает и попадание поздних приуральских булавок в погребения обеих групп. Таким образом, обе хронологические группы Н.Л. Моргуновой, имеющие радиоуглеродные даты, относятся к одному горизонту, который соответствует памятникам тамаруткульского типа (Богданов, 2004. С. 282; 2006. С. 11; 2006б. С. 351, 352). Радиоуглеродная хронология этого периода в рамках первой половины III тысячелетия до н. э., которая является более молодой по сравнению с датами древнеямных памятников, хорошо аргументирована П.Ф. Кузнецовым (2007. С. 219–221).

Пространный комментарий в отношении приуральских дат напрямую связан с определением радиоуглеродной хронологии погребения 6 из Паницкого 6Б. Его целью было показать, что оснований для датировки ранних памятников утевско-тамаруткульского типа в рамках XXXIII–XXX вв. до н. э. (Моргунова, 2006. С. 70) на сегодняшний день мы не имеем. Это важно с учетом явно более поздней хронологической позиции тамаруткульского горизонта по сравнению с репинским и кутулукским этапами развития ямной культуры (Богданов, 2004. С. 282; 2006б. С. 351; Кузнецов, 2008. С. 318). Нижняя граница радиоуглеродного интервала утевско-тамаруткульских комплексов в рамках XXIX/XXVIII вв. до н. э. должна, по-видимому, выступать в качестве terminus ante quem для верхнего рубежа ямных памятников кутулукского этапа по терминологии П.Ф. Кузнецова. Интересно, что ямно-репинские слои поселений в Подонцовье по радиокарбонным датам датируются близким интервалом (Манько, Телиженко, 2003. С. 61; Телиженко, 2003. С. 75). Принимая во внимание специфику дат из многослойных поселений, все же следует отметить, что в данном случае они также про-

[27] В публикации калиброванный интервал для комплекса Шумаево I 3/6 указан в пределах 1σ 3300–2600 BC. При калибровке этой даты (Ле-4300 ± 150 л. н.) в программе Ox.Cal ее диапазон с вероятностью 65,5% размещается в интервале 3100–2600 BC.

тиворечат удревнению «городцовского» этапа ямной культуры (по Н.Л. Моргуновой) или памятников тамаруткульского типа (по С.В. Богданову и П.Ф. Кузнецову), которое уводит их в последнюю треть IV тысячелетия до н. э. (Моргунова, 2006. С. 70).

Конечно, пролить свет на абсолютную хронологию погребений репинского этапа ямной культуры могут только их радиоуглеродные даты. К сожалению, таких данных почти нет, хотя ямные погребения этого горизонта, в том числе с репинской керамикой, известны в Поволжье и Приуралье. Исключение представляет радиоуглеродная дата погребения Лопатино I 31/1 в Самарском Поволжье, в котором обнаружен сосуд репинского облика. Ее интервал (1σ 3295–2923 ВС) (Кузнецов, 2007. Рис. 3), возможно, больше всего соответствует времени существования репинского горизонта ямной культуры, хотя единичная дата решить ничего не может.

Следует все же обратить внимание, что дата погребения 6 одиночного кургана (1σ 3370–3020 ВС) с хвалынским сосудом и рогатой булавкой более древняя по сравнению с лопатинским комплексом, в котором обнаружен репинский сосуд (1σ 3295–2923 ВС), хотя различие между ними не такое существенное. С датой паницкого захоронения лучше всего соотносятся радиоуглеродные данные ямных погребений, которые М.А. Турецкий отнес к раннему этапу Iа в волго-уральском регионе (2007. Табл. 1, с. 119, 120). К нему относятся 4 комплекса (Лопатино I 35/1, Полудни II 2/7, Нижняя Орлянка I 1/5, 4/2). Они датируются в пределах XXXIV–XXXII вв. до н. э.[28] Все эти комплексы безынвентарные, в трех случаях умершие лежат скорченно на спине, в одном — вытянуто на спине, ориентированы на В-СВ. Не исключено, что такие комплексы и составляют единый горизонт с ямными погребениями одиночного кургана Паницкое 6Б, но отсутствие в них инвентаря не позволяет их идентифицировать и заполнить соответствующую лакуну начального звена развития ямной культуры. Следующий репинский этап более всего будет соответствовать раннему горизонту Iб[29] по М.А. Турецкому (2007. Табл. 1, с. 120). По-видимому, он должен датироваться в пределах XXXII–XXXI/XXX вв. до н. э. Время бытования позднеямных памятников кутулукского этапа, на мой взгляд, должно определяться в рамках XXX–XXIX вв. до н. э., что хорошо иллюстрируется датой эпонимного комплекса Кутулук I 4/1 (Кузнецов, 1996. С. 56; 2007. С. 220; Турецкий, 2007. Табл. 1, с. 120).

Единичность дат дорепинского (паницкого) горизонта ямной культуры, в котором присутствуют позднейшие черты хвалынско-бережновской традиции, не снимает существенных противоречий в калиброванной радиоуглеродной хронологии хвалынских памятников и древнейших ямных, выраженной в разрыве в более чем 1000 лет. Эта проблема не решается и с постановкой вопроса о наличии «резервуарного эффекта» в костях человека Хвалынских могильников и, соответственно, их удревнении (Шишлина, Й. ван дер Плихт, Зазовская, Севастьянов, Чичагова, 2006. С. 138, 139). Возможно, что приблизиться к разрешению проблемы поможет радиоуглеродное датирование погребальных комплексов типа Бережновки. К сожалению, они до сих пор

---

[28] М.А. Турецкий к этому этапу отнес еще и комплекс Мустаево V к. 8, где получена дата по гумусу (5680 ± 100–1200 лет). Выше уже говорилось о проблемах, которые возникают при использовании подобных дат при построении периодизаций.

[29] Из таблицы радиоуглеродных дат данного этапа, приведенного в работе М.А. Турецкого, следует исключить комплекс Мустаево V 9/2, который является более поздним. Он содержит позднюю модификацию приуральских булавок и относится к памятникам утевско-тамаруткульского типа. Это подтверждает и его радиоуглеродная дата, которая является в целом более молодой в сравнении с остальными датировками комплексов раннего этапа Iб (Турецкий, 2007. Табл. 1, с. 120).

не имеют ни одной даты. В результате наиболее взвешенная, на мой взгляд, позиция И.И. Дремова и А.И. Юдина о следовании бережновских памятников за комплексами Хвалынских могильников (Дремов, Юдин, 1992. С. 29, 30) остается пока гипотезой.

Радиоуглеродная дата, полученная по погребению 2 (1σ 1320–1120 ВС), полностью подтверждает относительную хронологию данного комплекса. БМСК сейчас датируется в пределах XV–XIII вв. до н. э. (Отрощенко, 2001. С. 159, 162; 2003. С. 81). Этой датировке в целом соответствуют и калиброванные радиоуглеродные данные. Правда, немногочисленные бережновско-маевские даты ^{14}C укладываются в более широкий диапазон XVII–XIII вв. до н. э. (Chernykh, Polin, Otroshchenko, 2003. Tabl. 1). Кроме того, выход на радиоуглеродную хронологию БМСК дают серии дат первого этапа покровской срубной культуры (ПСК) и алакульских памятников, синхронных концу первого и второму этапу ПСК. Так, комплексы второго этапа ПСК в самарском Поволжье датируются в пределах XVII–XVI вв. до н. э., а последующая сусканская культура с XV–XIV в. до н. э. (Кузнецов, 1996. С. 58; 2004. С. 26; Kouznetsov, 1999. Shem. 1). Радиоуглеродные даты поселения Горный уложились в интервал XVII–XV вв. до н. э. (Каргалы, 2002. С. 127), который четко соответствует хронологии ПСК (Отрощенко, 2003. С. 76). Такой же интервал дают покровские срубные и алакульские памятники Волго-Уралья и южного Зауралья (Обыденнова, 2001. С. 39; Епимахов, 2004. С. 94; Епимахов, Хэнкс, Ренфрю, 2005. Рис. 3; Обыденнова, Шутелева, Щербаков, Хохлова, Ковалюх, Скрипкин, 2008. Табл. 1, с. 437). Указанный диапазон является terminus post quem для датировок второго этапа БМСК, т.к. первый этап последней синхронизируется со вторым этапом ПСК в рамках XV в. до н. э. (Отрощенко, 2003. С. 89). Иными словами, перекрестное сравнение радиоуглеродных серий с разных территорий в системе относительной хронологии выводит нас на предложенную В.В. Отрощенко абсолютную хронологию БМСК.

В этой связи дата погребения 2 достаточно показательна. Как уже отмечалось, этот комплекс относится ко второму, заключительному этапу развития БМСК. До этого радиоуглеродная хронология культуры была представлена только датами ^{14}C, полученными для бережновско-маевских погребений Нижнего Поднепровья (Chernykh, Polin, Otroshchenko, 2003. Tabl. 1). Кроме того, есть две даты из позднесрубного горизонта Iб поселения Глубокое Озеро, которые обозначили отрезок XIV–XII вв. до н. э. (Гершкович, 1998. Табл. 1). Радиоуглеродная дата погребения 2 одиночного кургана располагается в интервале XIV–XIII вв. до н. э. Она как нельзя лучше согласовывается с абсолютным возрастом второго этапа БМСК, предложенного В.В. Отрощенко.

Верхняя дата БМСК также может определяться данными ^{14}C комплексов последующего хронологического периода степной зоны Волго-Днепровского междуречья и Предкавказья, т.е. той территории, где до этого были распространены бережновско-маевские памятники. Культурный облик этого пласта остается дискуссионным, пожалуй, за исключением Поволжья, где располагаются памятники хвалынско-ивановского типа. Он относится к позднейшей срубной культуре (Шарафутдинова Э., 1991. С. 184–196; 1996а. С. 50; Горбов, 1996. С. 13–21; 2000. С. 150, 168; Ромашко, 1999. С. 119–135; 1999а. С. 37–39), белозерско-безыменской, срубно-белозерской культуре (Ромашко, 1996. С. 69; 2001. С. 53), восточному варианту белозерской культуры (Отрощенко, 2001. С. 186). Несмотря на расхождения, авторы в целом сходны в датировке этого горизонта в пределах XII–X вв. до н. э. Сейчас все более вырисовывается постсрубный характер этих комплексов и их самостоятельный культурный статус (Потапов, 1997. С. 129; 1998. С. 62, 63; 2001. С. 227; 2003. С. 162; 2005. С. 148). К сожалению, радиоуглеродные данные этого пласта представлены пока тремя датами трех

погребений Большого Ипатовского кургана (Кореневский, Белинский, Калмыков, 2007. Табл. 4). Одна из них (п. 9 с диагностичным ножом белозерского времени) явно удревнена и соответствует предшествующему периоду. Другая дата (п. 8) имеет слишком большой доверительный интервал и располагается в диапазоне XIV–X вв. до н. э. Третья, похоже, наиболее корректная (п. 5), очерчивает отрезок XI–IX вв. до н. э. В любом случае можно отметить тяготение первых более-менее корректных радиоуглеродных датировок постсрубного времени к периоду XII–X вв. до н. э., который уже давно очерчен для финала бронзового века традиционной абсолютной хронологией.

Материалы раннего железного века

К этому периоду можно отнести погребение 4 (илл. 28, 3). Благодаря тому, что часть ямы попала в бровку (илл. 27), удалось зафиксировать подбойную конструкцию могилы. Скелет ребенка лежал вытянуто на спине, черепом ориентирован на северо-запад. Подбойная конструкция могилы и вытянутая позиция костяка хорошо представлены в материалах предскифского времени «новочеркасского типа» (Гошко, Отрощенко, 1986. С. 176–180) или позднего этапа черногоровской культуры по О.Р. Дубовской. К специфическим деталям трупоположения в погребении 4 относятся нахождение черепа на боку и характерное положение ног, при котором одна нога прямая, а вторая едва согнута в коленном суставе и стопой повернута в сторону. Прямые аналогии такой позиции представлены в «новочеркасской группе» (Dubovskaja, 1997. Abb. 8, 5; 13, 9; Лукьяшко, 1999. Рис. 30, 65, 89, 90; Потапов, 2000. Рис. 5; Махортых, 2007. Рис. 1, 1). Для этой группы основным вектором ориентировки погребенных является западный, но встречается и северо-западный, представленный в нашем комплексе. Причем это направление нередко наблюдается в погребениях с подбойной конструкцией могилы (Dubovskaja, 1997. Abb. 4, 2; 6, 6; 9, 9). Следует отметить, что большая часть подбойных киммерийских могил концентрируется на территории Украины в Северном Причерноморье и Приазовье (Гошко, Отрощенко, 1986. Рис. 8; Потапов, 2000. С. 9). Восточнее этот тип погребального сооружения встречается значительно реже, спорадически он обнаруживается и в Поволжье (Гошко, Отрощенко, 1986. Рис. 8). Нужно напомнить, что в силу известных обстоятельств не всегда удается проследить подбойную конструкцию могилы. Особенно это актуально для предскифских древностей. Могилы киммерийского времени, за редким исключением, впускные в более древние курганы и неглубокие. Часто они располагаются в насыпи или едва заходят в материк, что мешает точной идентификации могильной конструкции. Подбойную могилу погребения 4 одиночного кургана удалось зафиксировать только потому, что яма попала в бровку и в фасе оказался ее разрез. В этой связи можно предполагать, что подбойных могил на северо-восточной периферии киммерийского мира могло быть и больше. Правда, это никак не изменит уже давно сделанного наблюдения о тяготении камерных погребений этого времени к украинской степи.

Здесь следует еще раз вернуться к проблеме, затронутой в первой главе, в связи с культурной атрибуцией погребений 1 и 2 кургана 3 мог. Паницкое 6. Обряд, зафиксированный в погребении 4 одиночного кургана, может являться как предскифским, так и раннескифским, сарматским или средневековым. Отутствие инвентаря и радиоуглеродных определений при такой обрядности превращает погребение в комплекс с неясной культурной атрибуцией, что и произошло с впускными погребениями кургана 3 мог. Паницкое 6. Ситуация с погребением 4 одиночного кургана оказывается иной. Для этого комплекса имеется радиоуглеродная дата, сделанная в Киевской радиоугле-

родной лаборатории, — 1σ 900–780 ВС (см. приложение 2.4). Данный интервал четко соответствует предскифской хронологии. Радиоуглеродная дата вместе с обрядовыми характеристиками, на мой взгляд, являются достаточным основанием для отнесения погребения 4 к поздней черноговорской культуре по О.Р. Дубовской или новочеркасской группе по традиционным представлениям.

Говорить что-либо определенное в отношении того, к какому этапу развития киммерийских древностей может принадлежать погребение 4, не представляется возможным. Во-первых, потому что радиоуглеродный диапазон даты покрывает большую часть киммерийского периода. Как уже отмечалось, радиокарбонный метод сталкивается с известными проблемами при датировках более дробных, чем культура периодов. Во-вторых, сейчас доказанным является тот факт, что вытянутый «новочеркасский» обряд появляется достаточно рано, в начале предскифского периода, и бытует вместе с черногоровским. Последний, в свою очередь, доживает до конца киммерийской эпохи. Иными словами, оба ритуала — скорченный (черногоровский) и вытянутый («новочеркасский») — синхронны в пределах предскифского периода. Хронологический характер имеют тенденции их распространения. На раннем этапе доминирует черногоровский обряд, на позднем — «новочеркасский» (Потапов, 2000. С. 9). К тому же сейчас все больше исследователей склоняется в пользу полной синхронизации черногоровских и «новочеркасских» групп (Махортых, Иевлев, 1991. С. 25, 26; Полин, 1994. С. 156, 157; Махортых, Скорый, 2004. С. 252, 253; Махортых, 2007. С. 279). Отсутствие датирующих вещей в погребении 4 оставляет открытым вопрос о месте этого комплекса на шкале относительной хронологии предскифского периода.

Появление новой радиоуглеродной даты по предскифскому комплексу вызывает несомненный интерес. Дело в том, что датирование киммерийских памятников восточноевропейской степи проводилось эпизодически. Мне известны всего три радиоуглеродные даты из комплексов предскифского времени восточноевропейской степи, расположенные за пределами Северного Кавказа. Две даты черногоровского и новочеркасского погребений происходят из кургана Высокая Могила в Поднепровье. Они дают интервал X–IX вв. до н. э. (Евразия... 2005. С. 123–126). Еще одна дата ^{14}C этого пласта памятников происходит из захоронения, исследованного на территории Калмыкии (Му-Шарет 4 4/1). Умерший захоронен в яме, скорченно на левом боку, в позе адорации, головой на запад. Недалеко от черепа лежали кости ног и ребра мелкого рогатого скота (Шишлина, Цуцкин, Фирсов, 2001. Рис. 33). Данный комплекс с западной ориентировкой и характерным для предскифского времени анатомическим составом костей животного определенно относится к черногоровской культуре, к комплексам так называемого среднего этапа по О.Р. Дубовской. Авторы раскопок, несмотря на западную ориентировку и набор костей животного, характерный для предскифского времени, атрибутировали его ошибочно как срубный (Шишлина, Цуцкин, Фирсов, 2001. С. 25). Дата комплекса 828–797 ВС, полностью соответствующая предскифской атрибуции, была объявлена дефектной (Шишлина, Чичагова, Александровский, 2001. С. 104, 106). Значительно лучше сейчас продатированы протомеотские погребения Северного Кавказа, где имеется 15 дат, расположившихся в интервале XI–VI вв. до н. э. (Эрлих, 2007. Табл. 9).

Безусловно, единичность черногоровско-новочеркасских дат оставляет открытым вопрос о радиоуглеродной хронологии этого горизонта, но их появление актуализирует один важный момент. С введением калибровки в радиоуглеродную хронологию удревнилась на 150–250 лет вся свита культур эпохи бронзы. Это вызвало негативную реакцию со стороны специалистов, занимающихся изучением культур начала желез-

ного века, прежде всего кавказоведов. Их абсолютные даты были четко определены благодаря ближневосточным привязкам. Возникало серьезное опасение, что с введением калибровки удревнятся и кавказские материалы. Это вступило бы в серьезные противоречия с письменными источниками. Такие же опасения возникали и в отношении культур финала поздней бронзы, привязанных к гальштатской периодизации (Ha-A-B). Анализ всей совокупности данных ^{14}C для восточноевропейской степи-лесостепи показывает, что эти опасения, возможно, напрасны и калибровка удревнила не все культуры. Как видно, предскифские радиоуглеродные даты вполне соответствуют традиционным представлениям об абсолютной хронологии киммерийских древностей. Несущественно, с учетом погрешностей радиоуглеродного метода, по данным ^{14}C, удревнился киммерийский горизонт в Средней Европе, соответствующий периодам Ha-B2-B3 (Хохоровски, 1994. С. 159–161). Калиброванные даты белозерской культуры укладываются в диапазон XII–X/IX вв. до н. э. (Lászlo, 1993. Fig. 1; Otroshchenko, 2003. Tabl. 1, 2, P. 364), что также вписывается в систему традиционной абсолютной хронологии финала бронзы. На 100–150 лет древнее оказываются радиоуглеродные даты погребений финала бронзы Зауралья (Епимахов, 2004. С. 95; 2008. С. 399; Костюков, Епимахов, 2005. С. 71, рис. 3, 4), но их относительная периодизация нуждается в дальнейшем уточнении.

Создается все-таки впечатление, что цепная реакция удревнения серийно коснулась культур ранней, средней бронзы и начала позднего бронзового века (памятники потаповского, синташтинского, покровского и петровского типов). Комплексы финала бронзы и раннего железного века с введением калибровки сохранили свои позиции абсолютного датирования. Таким образом, возникший люфт должен компенсироваться радиоуглеродной хронологией культур расцвета поздней бронзы. Именно этот период неоднократно отмечавшейся стабильности и стандартизации основных культурных параметров оказался растянутым во времени и заполнил возможный хиатус, который образовала калибровочная поправка. Калиброванные радиоуглеродные даты бережновско-маевской срубной Нижнего Поднепровья, как уже неоднократно отмечалось, располагаются в интервале XVII–XIII вв. до н. э. (Chernykh, Polin, Otroshchenko, 2003. Tabl. 1). Сабатиновская культура по многочисленным аналогиям с карпато-дунайскими культурами, имеющими представительные серии определений ^{14}C, датируется в пределах XVII/XVI–XIII вв. до н. э. (Савва, 2002. С. 223; 2003. С. 149). Этот же диапазон дают радиоуглеродные даты культуры Hoya, которая синхронна сабатиновским памятникам (Lászlo, 1993. Tabl. 2, fig. 1; Kaiser, Sava, 2006. Tabl. 1, s. 147). Иными словами, радиоуглеродная хронология показывает, что классические позднебронзовые культуры на два века бытовали дольше, чем считалось раньше в рамках конвенционной абсолютной хронологии. Радиоуглерод здесь хорошо выявляет ритмы культурных изменений. Период стабилизации и стагнации развитых позднебронзовых культур был более длительным по сравнению с активными культурными изменениями в начале и конце поздней бронзы. При подобной постановке вопроса снимается противоречие, связанное с удревнением бронзовых культур и надежно установленной абсолютной хронологией культур финала бронзы и предскифских памятников.

ПРИЛОЖЕНИЯ К ГЛАВЕ 2

Приложение 2.1 (Р.М. Галеев)

Исследование антропологических материалов из одиночного кургана Паницкое 6Б

Представленная для изучения серия (6 погребений, 8 индивидов) происходит из Паницкого одиночного кургана, раскопанного в 2005 г. В задачи исследования входило определение пола и возраста погребенных, а также выявление и диагностика патологических изменений костных останков.

Определения пола и возраста производились путем визуально-морфологического исследования по стандартной методике черепа и посткраниального скелета, учитывалось состояние зубной системы, степень срастания черепных швов, синостозирования эпифизов длинных костей скелета, состояние суставных поверхностей, рельеф ушковидной поверхности и лобкового симфиза тазовых костей (Алексеев, Дебец, 1964; Алексеев, 1966).

При определении возраста использовалась следующая рубрикация:

Таблица 1

Новорожденный		<1 года
Раннее детство		1–3 года
1 детство	Infantilis I	3–7 лет
2 детство	Infantilis II	7–12 лет
Подросток	Juvenis	13–15 лет
Возмужалый	Adultus	20–35 лет
Зрелый	Maturus	35–55 лет
	Maturus I	35–45 лет
	Maturus II	45–55 лет
Старческий	Senilis	> 55 лет

Описание погребений

Погребение 1

Фрагменты таза и верхних конечностей женщины. Adultus.

Погребение 2

Скелет и череп мужчины, maturus I. Остеохондроз позвонков поясничного отдела.

Погребение 4

Фрагментированный скелет и череп ребенка, 2 — 3 года.

Погребение 5

Скелет и череп. Infantilis I.

Погребение 6

скелет 1

Скелет и череп мужчины, Maturus I. Остеохондроз позвонков поясничного и грудного отдела.

скелет 2

Скелет и череп. Infantilis I.

Погребение 7

скелет 1

Фрагменты черепа, таза и нижних конечностей женщины. Adultus.

скелет 2

Фрагментированный скелет новорожденного (до 6 месяцев).

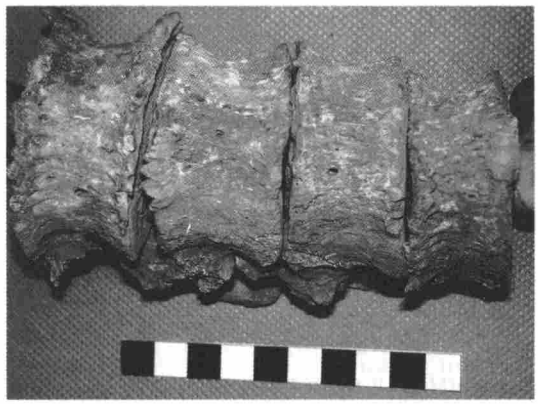
Таким образом, в результате проведенного исследования удалось получить данные по полу (таблица 3) и возрасту (таблица 4) погребенных из Паницкого одиночного кургана.

Таблица 2

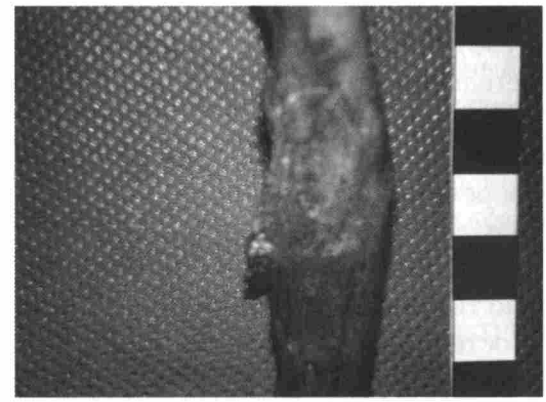
Дети	Подростки	Мужчины	Женщины	Пол не определен
4	0	2	2	0

Таблица 3

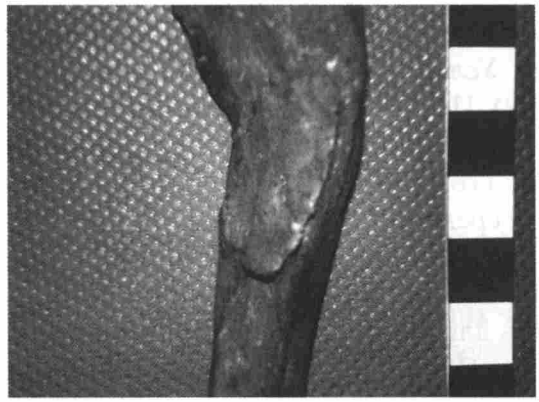
Inf + Juv	Ad	Mat I	Mat II	Sen
4	2	2	0	0



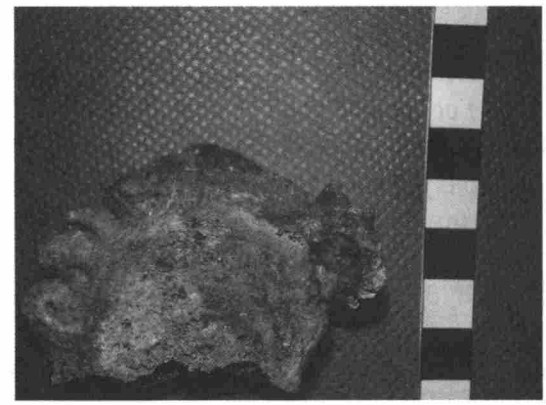
Паницкое 6Б. Одиночный курган. Погребение 6. Скелет 1. Остеохондроз



Паницкое 6Б. Одиночный курган. Погребение 6. Скелет 1. Перелом ключицы



Паницкое 6Б. Одиночный курган. Погребение 6. Скелет 1. Перелом ключицы



Паницкое 6Б. Одиночный курган. Погребение 2. Остеохондроз

*Приложение 2.2 (А.А. Хохлов)**

Характеристика физического развития человека ямной культуры эпохи ранней бронзы из погребения 6, одиночного кургана Паницкого 6Б

Скелет 1 погребения 6 сравнительно полный. Некоторые кости, что естественно, разрушены. Череп фрагментирован на большие части. Реставрирован. К сожалению, отсутствуют важные детали — верхняя половина носовой области, лобная кость и примыкающие к ней участки мозгового отдела. Все же получить определенное представление о краниологическом комплексе можно.

Череп довольно массивный, имеющиеся элементы макрорельефа развиты значительно (сосцевидный отросток — 3б, затылочный бугор — 2,5б). Мозговая коробка среднеширокая по поперечному диаметру (141 мм) и очень широкая в основании (131 мм). Затылочная кость выдается кзади из общего контура мозговой коробки — черта, довольно характерная для многих черепов ямной культуры.

Лицевой отдел большой по верхней (107 мм) и скуловой (142 мм) ширине. При этом ширина орбиты (41,5 мм) и грушевидного отверстия (24,9 мм) средние. Верхняя высота лица определяется только визуально, скорее, она не была высокой, особенно относительно его ширины. Профилировка лицевого отдела, по всей видимости, была в пределах европеоидных значений. Следует отметить сильно развитый подносовой шип (5б) и выраженный профиль грушевидной вырезки, что в совокупности может свидетельствовать о сильном выступании носа.

Нижняя челюсть по размерам достаточно велика, в частности по поперечным диаметрам и особенно по ширине ветви (43,0 мм). Высота тела при этом средняя (31,5 мм). Макрорельеф значительный.

В целом краниологический комплекс массивный, умеренно гиперморфный, европеоидный. Несмотря на отсутствие ряда признаков, череп можно определить как довольно типичный для ямной культуры степного Поволжья.

Кости посткраниального скелета выглядят весьма внушительно, как по вертикальным размерам, так и по широтным и охватным. На основании продольных диаметров длинных костей (H_1 — 352/346 мм, R_1 — .../260 мм, Fe_1 — 496,5/503 мм, Fe_2 — 496/501 мм, T_1 — 413/410 мм) был вычислен рост индивида. По формулам 4 авторов (К. Пирсон и А. Ли; М. Троттер и Г. Глезер; В.В. Бунак; Г.Ф. Дебец) он оказался в пределах 175,2–181,7 см, в среднем 178,4 см. Указатели прочности длинных костей достаточно большие, их макрорельеф значителен. Условный показатель объема скелета (УПОС) составил высокую цифру (10,713 дм^3). Исходя из нее, условный вес человека мог бы быть около 95 кг, что свидетельствует о большой плотности телосложения, особенно с учетом вероятного роста мужчины (178,4 см в среднем). Соответствующая УПОСу ширина плеч около 42,3 см — в целом средняя.

По пропорциям следует отметить средние лучеплечевой (.../75,3) и плечебедренный (71,8/69,6) указатели, несколько повышенный берцовобедренный (82,8/82,0).

Имеющиеся ключицы (165/165,5 мм) очень длинные, их суммарная величина оценивается (по градациям В.В. Бунака/Мамонова, 1986) как очень большая. Ключично-подвздошный указатель (.../90,7) типично мужской, но, пожалуй, может свидетельствовать о некоторой широкотазости. Ширина плеч, вычисленная на основании длин ключиц

* *Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 06-01-91100 а/У.*

(по ф-ле Д.И. Ражева, 2003), составила 39,9 см. Для данного роста, пожалуй, ниже среднего. Собственно, эта цифра несколько ниже той, что должна была соответствовать УПОС (42,3 см).

В итоге можно резюмировать, что человек был высокого роста, весьма крепкого и плотного телосложения, пропорциональным по продольным сегментам тела, примерно средним по ширине плеч и таза, правда, с некоторой тенденцией к увеличению поперечного диаметра тазового пояса.

Следует также отметить ряд патологических изменений на скелете. Часть нижних грудных и особенно поясничные позвонки имеют значительное развитие остеитов на телах, уплощение некоторых тел — спонлилез, и, по всей видимости, присутствовал остеохондроз. Впрочем, фиксируется некоторая изношенность и суставных поверхностей отростков некоторых позвонков, а также на некоторых длинных костях скелета. На нижней поверхности у акромиального окончания левой ключицы, в области прикрепления ключично-клювовидных связок и латеральной части хвоста подключичной мышцы, фиксируется значительное патологическое развитие костной ткани в виде уплощенной костной бляшки. Вероятно, вследствие бывшей в прошлом чрезмерной нагрузки на данную часть верхнего пояса конечностей.

На скелете фиксируется ряд травм. На левой плечевой кости перелом кпереди латерального надмыщелка — следствие чрезвычайно сильного и, видимо, резкого давления. На правой локтевой кости в нижней трети диафиза последствия зажившего перелома (без смещения) и одновременно деформация нижней суставной поверхности, с развитием патологического изменения на дистальный лучелоктевой сустав. Медиальный шиловидный отросток отсутствует, вероятно, был сломан. Возможно, в данном случае мы наблюдаем бывший в прошлом одномоментный перелом правой локтевой кости сразу в двух местах, с вывихом кисти в лучезапястном суставе. Суставная поверхность первой плюсневой кости правой стопы имеет значительные остеитные разрастания по краям, а также отчетливое залощение в верхней трети по центру. Здесь очевидно патологическое поражение плюснефалангового сустава в виде деформирующего артроза, вследствие повышенной нагрузки на сустав, которая происходит, к примеру, от частой и активной ходьбы. Впрочем, это может быть связано и с другой причиной, с холодовым стрессом, который на самом деле может сработать как в корреляции с высокой физической активностью, так и, напротив, являться генератором патологического процесса.

Приложение 2.3 (В.Б. Панковский)

Результаты трасологического анализа булавки из погребения 6 одиночного кургана Паницкое 6Б

Материал — цельный рог, вероятнее всего — компактный слой ветви.

Техника моделировки: скобление кремневым орудием, уплощение мелкозернистым абразивом (размер действующих частиц до 0,3 мм), который использовался как активно, так и стационарно. Более регулярны следы активного абразива на вогнутой стороне. Пазы в верхней части проскоблены кремневым орудием после того, как просверлили отверстие. Отверстие просверлено кремневым острием вручную с двух сторон. Верхушка изделия была вильчатой, двузубой. Поверхность равномерно и слабо залощена. Практически нет залощенности на верхушке; кончик залощен чуть интенсивнее. Отверстие без следов сработанности.

Приложение 2.4 (Н.Н. Ковалюх, В.В. Скрипкин)

РЕЗУЛЬТАТЫ РАДИОУГЛЕРОДНОГО ДАТИРОВАНИЯ ОБРАЗЦОВ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ ОДИНОЧНОГО КУРГАНА ПАНИЦКОЕ 6Б

№ п/п	Комплекс	Лабораторный номер	Возраст ^{14}C BP	Возраст ^{14}C BC
1	Паницкое 6Б, одиночный курган, п. 2, кость человека	Ki–13048	3010 ± 70	1σ 1320–1120 2σ 1420–1020
2	Паницкое 6Б, одиночный курган, п. 6, скелет 2 (реб.), кость человека	Ki–13049	4250 ± 110	1σ 2820–2660 2σ 3350–2450
3	Паницкое 6Б, одиночный курган, п. 6, скелет 1 (взр.), кость человека	Ki–13050	4500 ± 120	1σ 3370–3020 2σ 3550–2850
4	Паницкое 6Б, одиночный курган, п. 7, кость человека (взр.)	Ki–13051	3680 ± 80	1σ 2150–1940 2σ 2300–1750
5	Паницкое 6Б, одиночный курган, п. 7, кость МРС	Ki–14744	4050 ± 100	1σ 2860–2460 2σ 2900–2300
6	Паницкое 6Б, одиночный курган, п. 4, кость человека	Ki–13052	2660 ± 60	1σ 900–780 2σ 940–750

Глава 3

ИССЛЕДОВАНИЕ ЗОЛОТОГО КУРГАНА (КУРГАН 3 КУРГАННОЙ ГРУППЫ ЗОЛОТОЙ)

В июле — августе 2006 года Отдельным отрядом Волжской археологической экспедиции ИА РАН были проведены охранные раскопки кургана 3 курганной группы Золотой в Хвалынском район Саратовской области (илл. 1; 34; 35). Работы проводились в связи со строительством второго пути Приволжской железной дороги в Хвалынском районе.

Курганная группа была открыта в ходе разведок экспедиции Саратовского государственного университета под руководством А.И. Юдина (Юдин, 1987). Было зафиксировано 3 кургана. Снят глазомерный план группы и произведено фотографирование самого крупного кургана 3 (илл. 36, 1). Группа была названа Золотой по хутору, который располагался рядом с могильником. Местное население называло самый большой курган 3 данной группы Золотым курганом. Как свидетельствуют архивные данные, на конец 80-х гг. курганная группа находилась в значительно лучшем состоянии, чем на момент раскопок. Так, курганы 1 и 2 были менее распаханы, и их высота составляла соответственно 1 и 0,3 м (Юдин, 1987). Сейчас курган 2 почти полностью снивелирован пахотой. Через курган 3 проходил один путь Приволжской железной дороги, построенной еще в 1942 году (илл. 36, 1). На северо-западной части кургана находилась ЛЭП, которая теперь снесена. В 2005 года через курган был проложен второй путь железной дороги (илл. 36, 2). В результате строительных работ был уничтожен участок насыпи в месте прокладки полотна. Значительная часть кургана к юго-востоку от железной дороги была срыта тогда же строителями при заборке грунта (илл. 36, 2).

§ 1. ОПИСАНИЕ КУРГАННОЙ ГРУППЫ ЗОЛОТОЙ

Курганная группа Золотой располагается на первой надпойменной террасе левого берега р. Терешка, которая является правым притоком р. Волги. Группа находится в 1,5 км к юго-востоку от русла Терешки, в 7 км к юго-западу от села Старая Кулатка, в 9,85 км к северо-востоку от х. Дубовый Гай, в 26 км к западу от г. Хвалынск (илл. 34; 35; 37).

Курганная группа состоит из трех курганов. Расположены они в цепочку, вытянутую по линии север-юг (илл. 37). Через курганную группу проходит Приволжская железная дорога, соединяющая Саратов и Самару. С юго-запада к могильнику примыкают остатки хутора Золотой, заброшенного во второй половине XX в. Курганы 1 и 2 находятся на пахотном поле и систематически распахиваются. Сохранившиеся нетронутыми участки насыпи кургана 3 задернованы (илл. 36, 2).

Курган 1 располагался в 240 м к северо-северо-западу от технического железнодорожного моста-переезда (илл. 37). Он имел округлую полусферическую форму. Его диаметр составлял 30 м, высота 0,7 м. Поверхность кургана сильно распахана.

Координаты кургана 1: N52°33,6820′ E047°43,3224′.

Курган 2 располагался в 405 м к югу от кургана 1 и в 150 м к юго-юго-западу от моста-переезда (илл. 37). К моменту фотофиксации насыпь была почти полностью распахана и фиксировалась по распространению мергельной крошки белого цвета, которая входила в состав насыпи кургана. Судя по всему, курган имел округлую форму. Его диаметр составлял 17 м, современная высота 0,1–0,2 м.

Координаты кургана 1: N52°33,4426′ E047°43,3301′.

§ 2. ОПИСАНИЕ КУРГАНА 3

Курган 3 располагался в 190 м к юго-западу от кургана 2 (илл. 37). Он имел округлую в плане форму. Его длина по линии восток-запад составляла 155 м, по линии север-юг — 145 м. Высота кургана 5 м от современной поверхности.

Курган сильно поврежден в результате строительных работ и хозяйственной деятельности обитателей хутора Золотой (илл. 38; 39). Через курган проходит двухпутная железная дорога (Приволжская ж.д.). Она разрушила участок насыпи в центральной и северо-восточной частях кургана. Ширина полосы разрушения составила около 40 м. Железная дорога делит курган на две неравные части: юго-восточную, большую, шириной 80 м и северо-западную (меньшую) шириной 40 м.

В результате прокладки железной дороги и уничтожения участка кургана образовались осыпи по обеим сторонам от железнодорожного полотна. Осыпь к юго-востоку от железной дороги на момент раскопок имела вид покатого склона, покрытого сформировавшимся дерновым слоем. Эта осыпь образовалась еще в 1942 году при прокладке первого железнодорожного пути. Вторая осыпь располагалась к северо-западу от дороги. Она образовалась в конце 2005 года, когда был проложен второй путь железнодорожной ветки. На момент раскопок эта осыпь была слабо задернованной, а нижняя ее часть обильно поросла высокой сорной травой. Кроме того, вдоль железнодорожного полотна с обеих сторон были установлены опоры ЛЭП. Еще одна ныне действующая ЛЭП располагалась вдоль центральной оси кургана на его вершине в районе расположения основного центрального раскопочного репера в 17 м к юго-востоку от юго-восточного железнодорожного пути, построенного во время Великой Отечественной войны. В 9 м к юго-востоку от данной ЛЭП проходил кабель связи федерального значения, отмеченный на поверхности соответствующими железобетонными столбиками. До начала 90-х гг. ЛЭП проходила и по северо-западной части кургана.

Особенно сильные повреждения были нанесены юго-восточной части кургана при сооружении второго ж.д. пути в 2005 году. Строителями при заборке грунта была срыта большая часть юго-восточной половины кургана (илл. 38; 39). Нетронутой осталась только полоса шириной 14,4–21,6 м, которая сохранила свою первоначальную конфигурацию и дерновый слой на поверхности. К юго-востоку от этой, не потревоженной строителями части кургана насыпь была срыта на площади размерами 120 × 70 м (илл. 39). Как показали дальнейшие исследования, насыпь кургана была уничтожена примерно на 2/3 его высоты. Площадка, которая образовалась после срытия, была относительно ровной, незадернованной. На момент раскопок она поросла редкими кустами сорной травы. Осыпь, которая возникла в юго-восточной части кургана в результате забора грунта для строительных работ, была достаточно пологой. Дерн на ней также отсутствовал.

В 32 м к востоку от восточной полы юго-восточной части кургана находилась западина (илл. 38), образовавшаяся, скорее всего, в результате выемки грунта при

строительстве железной дороги в 1942 году. Ее размеры 80 × 32 м, глубина 1,2–2 м. Западина находится за пределами кургана; работы, которые привели к ее образованию, курган не повредили.

Часть кургана, расположенная к северо-западу от железной дороги, также подверглась значительным нарушениям. При строительных работах в результате забора грунта была существенно подрезана северная пола кургана. Причем это нарушение произошло незадолго до начала археологических раскопок, т.к. образовавшееся вследствие этого обнажение насыпи кургана не успело даже порасти редкой травой и выглядело свежим (илл. 36, 2). Длина данного обнажения составила 40 м. Насыпь была срезана вглубь на 10–15 м. Высота обнажения составила 1,9 м. Кроме того, вся северо-западная пола была повреждена многочисленными перекопами (илл. 39), образовавшимися в результате строительства железной дороги и деятельности населения Золотого, которое активно использовало часть кургана, непосредственно примыкающую к хутору, в хозяйственных целях. Следы этих перекопов и отвалов фиксировались во всех бровках, оставленных при исследовании северо-западной части кургана. В центре этой части насыпи располагалась достаточно глубокая западина от погреба прошлого века, который был сооружен на кургане (илл. 39). Размеры западины 14 × 6 м, ее глубина 2,8 м.

Координаты кургана: N52°33,4117′ E047°43,0729′; N52°33,4036′ E047°43,1579′; N52°33,3431′ E047°43,1489′; N52°33,3579′ E047°43,0604′; N52°33,3814′ E047°43,1038′.

§ 3. МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Раскопки Золотого кургана оказались чрезвычайно трудоемкими и сложными. Дело даже не в огромных размерах, хотя Золотой — это самый крупный курган из когда-либо изучавшихся в Поволжье. До последнего времени самым крупным исследованным курганом эпохи бронзы в данном регионе признавался курган 1 могильника Утевка I (Большой Утевский курган), который имел диаметр 110 м и высоту около 3,5–4 м (Васильев, 1980. С. 35, 54; 1999а. С. 135; Кузнецов, Плаксин, 2004. С. 78, 83; Кузнецов, Кузьминых, 2006. С. 225). Одну из главных проблем представляла большая поврежденность насыпи Золотого кугана. Это создавало серьезные трудности в фиксации стратиграфии и последующей реконструкции этапов сооружения конструкции. Поэтому в ходе полевых исследований приходилось тщательно фиксировать детали и применять методы, которые зачастую игнорируются в курганной археологии эпохи бронзы (зачистка выкидов в плане, перпендикулярные бровкам ручные разрезы на важных участках, разрезы заполнения могильных ям и др.). С точки зрения организации работ землеройными машинами большую проблему представляла проходящая через курган железная дорога. Ближайший удобный переезд, через который можно было переправить технику с одной части кургана на другую, а такая необходимость, как известно, постоянно возникает при работе с курганными объектами, располагался в 10 км от Золотого у х. Дубовый Гай. Кроме того, через курган проходило около полутора десятка поездов в день, и существовала серьезная угроза сохранности высоких профилей. Они могли обрушиться в любой момент, что периодически и происходило. Это требовало не только соблюдения особых мер предосторожности при работе, но и оперативной фиксации разрезов. К счастью, все высокие бровки удалось фотографически и графически задокументировать до их обрушения. Проблемы создавала и лесополоса, располагавшаяся вплотную к юго-восточной поле кургана, мешавшая проходам техники, что существенно тормозило темпы работ. Наконец, после окончания

исследования потребовалось не только планирование раскопанной площади, но и проведение мероприятий по обеспечению консервации нераскопанной центральной части кургана, по которой проходили коммуникации федерального значения.

Охарактеризованные сложности требовали выработки адекватной методики раскопок такого неординарного объекта, поэтому кратко остановлюсь на ее характеристике.

До начала исследования была проведена фотофиксация состояния курганной группы Золотой и инструментальная съемка могильника с составлением детального топоплана кургана 3 со всеми повреждениями (илл. 38). Железная дорога прорезала курган по линии северо-восток — юго-запад, разделив его на северо-западную (меньшую) и юго-восточную (большую) части. По центральной части кургана проходила ЛЭП и кабель связи федерального значения. По этой причине исследование этой части кургана оказалось на данный момент невозможным. Также не представлялось возможным вскрыть южную полу кургана, которая оказалась под лесополосой. При исследовании кургана 3 использовался скрепер «МоАЗ» и бульдозер ДТ, прежде всего для работы на осыпях. Направление движения скрепера в юго-восточной части кургана могло осуществляться только с северо-востока на юго-запад. При этом в юго-западном конце траншеи необходимо было место для резкого поворота техники с полным ковшом для вывоза грунта за пределы кургана. Это место примыкало непосредственно к лесополосе. Таким образом, конфигурация лесопосадки и площадки вдоль нее, необходимой для поворота скрепера, обуславливали ту площадь полы кургана, которую нельзя было исследовать, и она осталась законсервированной (илл. 39). Курган раскапывался на снос. Насыпь снималась пластами 7–10 см. Репер был установлен в условном центре кургана, за который принималась его визуально фиксируемая высшая точка. В тексте он фигурирует «как центральный репер кургана». Его координаты: N52°33,3782′ E047°43,1067′. Все замеры глубин проводились от уровня этого центрального репера. Он располагался в 3,5 м к юго-западу от опоры ЛЭП в юго-восточной части кургана. Погребения и находки в насыпи, ввиду работы на больших площадях, привязывались к центральным реперам (нулевая отметка) ближайших бровок. При исследовании было оставлено 10 параллельных бровок, ориентированных по линии северо-восток — юго-запад (илл. 39). Подобная ориентировка была продиктована направлением железной дороги, которая прорезала курган. В юго-восточной части кургана было оставлено 7 бровок. 1-я юго-восточная бровка представляла собой фактически зачистку обнажения, возникшего после срытия насыпи строителями в юго-восточной части кургана. Вскрывать неповрежденную строительными работами часть кургана к юго-востоку от железной дороги было категорически запрещено, т.к. представляло угрозу функционированию коммуникаций. В результате абрис зачистки 1-й юго-восточной бровки оказался неровным по отношению к разметочной линии северо-восток — юго-запад (илл. 39). Ширина бровок в юго-восточной части кургана составила 1 м.

В северо-западной части кургана толщина высоких 1-й и 2-й северо-западных бровок составила 3 м. Ввиду этого проводилась нивелировка не только центральной оси бровки, но и ее краев. Аналогично на 1-й юго-восточной бровке, кроме нивелировки разметочной оси, отнивелирован и край зачистки. В случае обнаружения выкида производилась его зачистка и фиксация в плане. Над выкидом погребения 5 была произведена врезка вручную с последующей зачисткой его поверхности и поверхности участка насыпи 1, примыкающего к нему. Для установления стратиграфического соотношения выкида и насыпи на этом участке сделан вручную разрез, перпендикулярный линии ориентировки бровок, т.е. он был ориентирован по линии северо-запад — юго-восток.

После окончания исследования раскопанная площадь была спланирована. Для обеспечения сохранности нераскопанной центральной части кургана была произведена подсыпка профиля 1-й юго-восточной бровки на всю его высоту (около 4,5 м), которая предотвратила возможность его обрушения.

Как уже отмечалось, при вскрытии насыпи кургана было оставлено 10 бровок, ориентированных по линии северо-восток — юго-запад. Семь бровок располагались в юго-восточной и три — в северо-западной частях кургана (илл. 39).

§ 4. ОПИСАНИЕ БРОВОК

Юго-восточная часть кургана

1-я юго-восточная бровка

У этой бровки была зачищена только юго-восточная сторона. Как было сказано выше, бровка представляла собой зачистку обнажения, которое возникло в результате срытия насыпи строителями. Это обусловило ее неровный абрис по отношению к разметочной линии (илл. 39).

Протяженность профиля составила 118 м (илл. 41; 76, 1).

Верхний слой представлен дерном толщиной 5–10 см. Ниже, на участках 0СВ–64–0ЮЗ–28,5 м и 0ЮЗ–44,5–54 м, залегал слой *насыпи 6*, представленный светло-серым суглинком. На участке 0ЮЗ-28,5–44,5 м сразу под дерновым слоем находилась поверхность насыпи 3, сложенной из сильно гумусированного темно-серого суглинка. Мощность насыпи 6 в центральной части кургана составляла 0,7–0,8 м. Насыпь 6 в данном профиле перекрывала насыпи 1–5.

На участке 0СВ–26,9–0ЮЗ–16,25 м располагалась *насыпь 1*. Ее поверхность залегала на глубине 1,15–1,25 м, а основание покоилось на погребенной почве, на глубине –5–5,2 м. Данная насыпь была сложена из светло-серого суглинка с обильными включениями светло-желтого материкового суглинка. В профиле четко фиксировалось, что эта конструкция была сложена из грунтовых блоков[30]. Она имела достаточно сложную конфигурацию. Вершина ее была плоской, юго-западный край покатым, а северо-восточный край ступенчатым. Всего фиксируется три своеобразных выступа. На поверхности нижней ступени на участке 0СВ–19,95–26,15 м фиксировалась тонкая прослойка материкового суглинка толщиной 0,03–0,05 м. В верхней части насыпи 1 прослежены две достаточно мощные прослойки темно-серого суглинка. Одна располагалась на участке 0СВ–9,15–16,55 м. Ее толщина 0,6–0,7 м. Она фиксировалась с поверхности насыпи 1 и языком уходила в глубь ее толщи. Вторая прослойка располагалась на участке 0СВ–12,75–19,30 м. Ее толщина 0,4–0,8 м. Эта прослойка находилась в верхней части ступенчатой стороны насыпи 1. Данной прослойкой был оформлен верхний уступ, ведущий на поверхность насыпи 1.

На участке 0СВ–16–40,8 м располагалась *насыпь 2*. Она состояла из темно-серого суглинка с включениями материкового суглинка. Конструкция была также сложена

---

[30] Основная часть грунтовых сооружений в кургане (насыпи 1–4, валы 1 и 2), по мнению А.В. Борисова, была сложена из блоков, вырезанных из верхнего слоя зональных почв. Причем срезалась и верхняя часть гумусового профиля, и почвообразующая порода. Характер сохранности почвенно-грунтовых блоков позволяет предположить, что основная часть памятника создавалась во влажный период года.

из грунтовых блоков. Основание данной досыпки находилось на погребенной почве. Насыпь 2 была пристроена к северо-восточной части насыпи 1 и в общих чертах повторяла здесь ее абрис, хотя и не имела столь выраженных уступов в оформлении конструкции.

На участке 0СВ–21,15–41,20 м располагалась *насыпь 4а*, состоящая из светло-серого суглинка. Она перекрывала северо-восточный край насыпи 2. Мощность насыпи 4а — 1,75–2,25 м.

На участке 0СВ–36,25–53,95 м находилась *насыпь 4б*, состоящая из темно-серого суглинка. Она перекрывала северо-восточный край насыпи 4а. Мощность насыпи 4б[31] — 1,5–2,25 м.

На участке 0СВ–41–49,95 м располагался *вал 3*. Он был сложен из серого суглинка и имел слоистую структуру. Скорее всего, вал сооружался из переувлажненного грунта, поверхность которого в определенные моменты заглаживалась в соответствии с архитектурными замыслами создателей памятника. В результате он приобрел характерную слоистость. В разрезе его юго-западная часть была достаточно крутой, северо-восточная — пологой. Основание вала находилось на погребенной почве, в юго-западной части в основании фиксировались прослойки серого суглинка. Высота вала 3 1,3 м, ширина 8,95 м. Вал 3 непосредственно примыкал к подошве насыпи 2 и был полностью перекрыт насыпями 4а и 4б.

На участке СВ–47,9–60,5 м располагалась *насыпь 5*. Она состояла из слоев светло-серого суглинка с обильными включениями желто-бурого суглинка, между которыми находился слой темно-серого суглинка. Толщина насыпи 1,6 м. Подобное чередование слоев, в котором преобладает светло-серый суглинок с обильными материковыми включениями, иногда с прослойками чистого материкового суглинка, является характерным для структуры насыпи 5. В отличие от большинства грунтовых конструкций насыпь 5 имела действительно насыпную структуру. Она перекрывала частично насыпь 4б и в свою очередь была перекрыта насыпью 6. Другой край насыпи 5 зафиксирован в противоположной части профиля на участке 0ЮЗ–46,5–53,6 м. Здесь насыпь 5 ложилась на край насыпи 3 и также была перекрыта насыпью 6.

На участке 0ЮЗ–10,1–18 м располагалось грунтовое сооружение, пристроенное с юго-западной стороны к краю насыпи 1. Оно было сооружено из серо-коричневого суглинка и в плане на разрезе имело треугольную форму. Внутри этой структуры находилась линза темно-серого гумусированного суглинка размерами 2,75 × 1,25 м, аналогичного тому, из которого сложена насыпь 3. Еще одна прослойка гумусированного темно-серого суглинка располагалась на 40 см глубже предыдущей. Она являлась небольшой локальной подсыпкой на краю насыпи 1. Как выяснилось, грунтовое сооружение из серо-коричневого суглинка, пристроенное к юго-западному краю насыпи, являлось частью вала 1. Его пристройка к насыпи 1 сделала край первоначальной конструкции близким к отвесному.

На участке 0ЮЗ–16,1–50–15 м располагалась *насыпь 3*. Она была сооружена из темно-серого гумусированного суглинка.

---

[31] Как выяснилось в ходе исследований, насыпи 4а и 4б являются двумя структурами, состоящими из разных грунтов (темно-серый и светло-серый суглинки), единой большой досыпки (насыпь 4) в северо-восточной части кургана (илл. 23). Для того чтобы различать структурные элементы насыпи 4 — слои темно-серого (насыпь 4а) и светло-серого (насыпь 4б) суглинков, а также фиксировать их стратиграфическую последовательность, в описание введены соответственные буквенные обозначения.

На отрезке 0ЮЗ–16–22,4 м в верхней части насыпи 3 был зафиксирован участок *грабительской ямы*, которая частично нарушила погребение 5 (илл. 41, 2). В профиле яма имела линзовидную форму, ее заполнение состояло из серого суглинка, перемешанного с материковым суглинком. Очевидно, что попытка ограбления произошла в древности, т.к. в профиле четко видно, что грабительский вкоп перекрыт насыпью 6.

Несмотря на общую визуальную однородность насыпи 3, в ней выделяется участок, на котором прослеживаются интересные конструктивные детали. Этот участок располагается на отрезке 0ЮЗ–24–36,5 м. Здесь отчетливо фиксируются тонкие светло-серые, возможно илистые, прослойки, пространство между которыми заполнено темно-серым сильно гумусированным суглинком. Можно предположить, что данный участок насыпи был сложен из вальков, сформованных из переувлажненного грунта. Размеры их приблизительно могли составлять 30 × 20 см. Участок, на котором четко фиксируется конструкция из вальков, располагался над валом 1. Насыпь 3 перекрыла валы 1 и 2, а также выкид из погребения 5. Не вызывает сомнения, что досыпка из темно-серого гумусированного суглинка связана с данным захоронением. Юго-западный край насыпи 3 на участке 0ЮЗ–47–25–50,1 м лежал на погребенной почве.

На участке 0ЮЗ–24,7–34,95 м располагался *вал 1*. Он был сооружен из серо-коричневого плотного суглинка. На отрезке 0ЮЗ–24,7–27,5 м он перекрывал выкид из погребения 5 и прослойку темно-серого суглинка, лежавшего на выкиде. Остальная часть подошвы вала 1 покоилась на погребенной почве. Вал имел форму трапеции, на северо-восточном краю которой находился выступ треугольной формы («зубец»). Высота вала в центральной части 1,2 м, в месте нахождения «зубца» – 2,5 м. Ширина вала составила 10,25 м.

На участке 0ЮЗ–40,5–47,25 м находился *вал 2* (илл. 41, 1–2). Его подошва располагалась на погребенной почве. В разрезе он имел форму полуовала. Юго-западный склон был более крутым, чем северо-восточный. Высота вала 2 в центральной части 1,05 м, его ширина 6,75 м. Между валами 1 и 2 на участке 0ЮЗ–34–41,95 м зафиксирована подсыпка серого суглинка толщиной 0,45 м. Она лежала на погребенной почве и перекрывала полы валов 1 и 2.

На участке 0ЮЗ–19,3–27,5 м находился выкид из погребения 5, состоящий из желтого материкового суглинка (илл. 41, 2). Он лежал на погребенной почве. Толщина выкида в центральной части 0,55 м, по краям 0,05–0,1 м. Выкид был покрыт перекрытием органического происхождения, состоящим из коры и тростника толщиной 0,03–0,05 м. Оно зафиксировано на участке 0ЮЗ–13,5–26 м. В профиле четко видно, что перекрытие на отрезке 0ЮЗ–16,9–19,3 м ложится на край насыпи 1, а на отрезке 0ЮЗ–13,5–16,9 м расположено в нижней части толщи насыпи вала 1, того его участка, который был пристроен к насыпи 1. Это свидетельствует о том, что перекрытие над выкидом и погребением 5 было сооружено позже строительства насыпи 1 и в процессе сооружения вала 1. С другой стороны, стратиграфические данные свидетельствуют о том, что вал 1 возводился только после того, как была вырыта яма погребения 5, т.к. он перекрыл выкид.

На участке 0ЮЗ–50,65–0СВ–53,15 м зафиксирована *погребенная почва*. Она залегала на глубине –4,95–5,67 м. Погребенная почва состояла из двух горизонтов. Горизонт А1 является древним гумусовым горизонтом, имеет характерный белесый цвет. Горизонт В1 погребальной почвы представлен серым суглинком, мощностью 0,1–0,2 м. Горизонт А1 сохранился отдельными участками на всем протяжении профиля. Его толщина 0,03–0,05 м. Интересно, что под выкидом на всем его протяжении гумусовый горизонт погребенной почвы отсутствовал. Аналогичная картина фиксировалась и в

профилях 2-й юго-восточной бровки. Скорее всего, перед рытьем ямы погребения 5 на околомогильной площадке был снят дерн.

Материк представлен желтым суглинком. Он залегал на глубине –5,75–5,2 м. На участке 0СВ–14–19 м наблюдалось достаточно резкое повышение материка. Здесь отсутствовал горизонт В1 погребенной почвы, а имелся в наличии только слабо выраженный погребенный дерновый горизонт. Подобные резкие локальные повышения материка были зафиксированы еще в нескольких профилях как в юго-восточной, так и северо-западной частях кургана. Внешне они отчасти даже напоминали выкиды, но на самом деле являлись элементами естественного строения почвенного горизонта на подкурганном пространстве. Об этом свидетельствуют наличие на таких поднятиях материка только гумусового горизонта. По всей видимости, на подобных материковых возвышениях трава росла плохо, поэтому эти участки задерновывались слабо, а горизонт В1 вообще отсутствовал либо также был очень слабо выражен. В ряде случаев, материковый слой мог выходить даже на поверхность в виде линз суглинка, возвышавшихся среди дерна, как это четко видно в профиле в юго-западной части (участок между 21 и 29 м) 5-й юго-восточной бровки (илл. 45, 1–2). Строение таких материковых локальных возвышений четко соответствовало естественному, а не переотложенному состоянию почвы. Это показала и их контрольная прокопка. По заключению А.В. Борисова, в древности памятник мог быть приурочен к участку центральной или прирусловой части поймы. В таких условиях рельеф, как правило, достаточно выровненный. На этом фоне выделяются относительно приподнятые участки — гривы, и понижения — лога. Форма их достаточно вариабельна — от вытянутых до округлых. Локальные поднятия материка, зафиксированные в нескольких профилях, являются остатками таких грив.

При дальнейшем описании бровок я буду оперировать понятиями «насыпь» и «вал» без указания, из каких грунтов они состояли. Во всех профилях грунты, использовавшиеся для сооружения насыпей и валов, идентичны тем, которые зафиксированы в профиле 1-й юго-восточной бровки. Там, где такого соответствия не наблюдалось или в профиле были прослежены детали грунтов, не имеющие аналогий в 1-й юго-восточной бровке, они описываются при характеристике соответствующего участка профиля.

2-я, 3-я, 4-я и 5-я юго-восточные бровки располагались в той части насыпи кургана, которая приблизительно на две трети высоты была уничтожена строителями при прокладке второго пути железной дороги (илл. 39). В результате все профиля этих бровок оказались усеченными, зафиксировать стратиграфическую картину и основные грунтовые сооружения возможно было только в нижней части кургана.

2-я юго-восточная бровка

Центральный репер 2-й юго-восточной бровки находился в 10 м к юго-востоку от центрального репера 1-й юго-восточной бровки. Протяженность профиля по юго-восточной стороне составила 108 м, по северо-западной — 112 м (илл. 39; 42, 1–2). Различие в длине профилей было вызвано следующим обстоятельством. Как уже отмечалось, юго-западная пола юго-восточной части кургана оказалась под лесополосой. В результате при выборке 1-й юго-восточной траншеи местонахождение лесополосы позволило технике продвинуться дальше на юго-запад, чем во второй юго-восточной траншее. Соответственно северо-западный профиль 2-й юго-восточной бровки оказался длиннее юго-восточного.

Ширина 2-й юго-восточной бровки составила 1 м.

Юго-восточная сторона (илл. 42, 1). На участке 0ЮЗ–7,7–0СВ–15,95 м находилась *насыпь 1*[32]. По всей видимости, в северо-восточной части она имела уступчатую поверхность, которая хорошо фиксировалась в профиле 1-й юго-восточной бровки. На участке 0СВ–9–15,95 м располагался нижний уступ насыпи 1. Его длина 6,95 м, толщина 0,3–0,5 м. На участке 0СВ–8,85–10 м наблюдалась нижняя часть второго уступа. Основание насыпи 1 находилось на погребенной почве. Длина данного сооружения 23,65 м.

На участке 0СВ–8,85–19,75 м находилась *насыпь 2*. На участке 0СВ–8,85–15,95 м она перекрывала насыпь 1, а на участке 0СВ–16,6–19,75 м подошва насыпи 2 находилась на погребенной почве. В толще насыпи 2 на участке 0СВ–18–19,5 м зафиксирована линза серо-коричневого суглинка. Она располагалась на 0,5 м выше уровня древнего горизонта. Длина линзы 1,5 м, толщина 0,45 м. Внутри нее находилась тонкая прослойка темно-серого суглинка толщиной 0,07 м. По всей видимости, данная линза являлась остатками какого-то сформованного грунтового блока, использованного при строительстве насыпи 2. Напомним, что серо-коричневый суглинок являлся основным строительным материалом для валов 1 и 2.

На участках 0СВ–18,95–34,55 м и 0СВ–41,45–48,85 м находилась *насыпь 4б*[33]. На участках 0СВ–19,75–28,9 м и 0СВ–44,5–48,85 м она лежала на погребенной почве. Насыпь 4б перекрывала край насыпи 2 и полностью вал 3. В нижней части насыпи 4б на участке 0СВ–23–29,8 м в 0,05–0,15 м выше погребенной почвы находилась прослойка светло-серого суглинка толщиной 0,05–0,07 м.

На участке 0СВ–29,55–44,5 м находился *вал 3*. Его основание располагалось на погребенной почве. В разрезе форма вала остается непонятной. Можно только сказать, что в нижней части он имел покатые склоны. Ширина вала составляла 14,95 м. На отрезке 0СВ–29,25–30,45 м на краю вала находилась линза материкового суглинка и серого суглинка с обильными материковыми включениями. Ее длина 1,2 м, толщина 0,25–0,3 м.

На участке 0СВ–44–50,95 м располагалась *насыпь 5*. В ее толще фиксировались две прослойки желтого материкового суглинка толщиной 0,05–0,1 м. Насыпь 5 перекрывала полу насыпи 4б.

На участке 0СВ–47,85–58,4 м располагалась *насыпь 6*. Она перекрывала насыпь 5. Основание насыпи 6 покоилось на древнем горизонте.

На участке 0СВ–54,75–61,1 м находился слой темно-серого суглинка, образовавшегося в процессе делювиального смыва. Такие слои нередко фиксируются в процессе раскопок больших курганов (Александровский, Хохлова, Седов, 2004. С. 62).

На участке 0СВ–55,5–64 м зафиксирован слой серого суглинка — естественный горизонт современной почвы.

На участках 0ЮЗ–6,75–12,45 м, 0ЮЗ–24,3–32,25 м и 0ЮЗ–35,85–44 м зафиксирована нижняя часть *насыпи 3*. На двух последних отрезках насыпь 3 имела слоистую структуру. В ее теле отмечены прослойки светло-серого, серого и темно-серого суглинков толщиной 0,07–0,25 м. Насыпь 3 перекрывает насыпь 1, валы 1 и 2. Ее основание, за исключением участков, где располагались валы, находилось на погребенной почве.

---

[32] Мощность насыпей в профилях 2-й, 3-й, 4-й и 5-й бровок в большинстве случаев в тексте не указывается, потому что профили являются усеченными и высота грунтовых сооружений не реконструируется.

[33] Насыпь 4а в этой бровке и во всех последующих юго-восточных бровках отсутствовала.

На участке 0ЮЗ–12,15–26,75 м располагалась нижняя часть *вала 1*. Он перекрывал выкид из погребения 5. Его подошва, за исключением участка, на котором располагался выкид, покоилась на погребенной почве. Северо-восточный край вала был фактически отвесным, юго-западный — пологим. Ширина вала составила 14,6 м.

На участке 0ЮЗ–32–44 м находился *вал 2*. Здесь вал был сооружен из двух видов грунтов. На отрезке 0ЮЗ–32–35,85 м он состоял из серо-коричневого суглинка, основного грунта, который использовался для строительства валов 1 и 2. На отрезке 0ЮЗ–34,4–44 м вал состоял из гумусированного, более темного по цвету, суглинка. На участке 0ЮЗ–34,65–38,55 м на погребенной почве в основании вала 2 лежала прослойка темно-серого суглинка толщиной 0,07–0,11 м. На отрезке 0ЮЗ–39–41,15 м на том же уровне находились две прослойки гумусированного темно-серого суглинка толщиной 0,05–0,07 м. Ширина вала 2 в данном профиле составила 12 м. Юго-западный его край располагался в законсервированной, не раскопанной части кургана.

На участке 0ЮЗ–12,15–24,35 м располагался *выкид* из погребения 5. Его толщина в центральной части составила 0,48 м. Выкид состоял из двух слоев. Нижний толщиной 0,1–0,2 м представлял собой материковый плотный суглинок желтого цвета, верхний (0,3–0,45 м) — более рыхлый серо-желтый суглинок. На данном участке выкид демонстрировал обратный порядок залегания слоев по сравнению с естественным состоянием почвы, что является характерным для выкидов из достаточно глубоких могильных ям. На участке 0ЮЗ–16,55–24,15 м на поверхности выкида зафиксированы остатки перекрытия погребения 5 из коры и тростника. Они сохранилась в виде тонкого слоя толщиной 0,02–0,03 м белого цвета. Выкид из погребения 5 лежал на погребенной почве и был полностью перекрыт конструкцией вала 1. Под выкидом, за исключением его северо-восточного края, отсутствовал горизонт А1 погребенной почвы. Как уже отмечалось, скорее всего, дерновый слой был снят намеренно на околомогильной площадке до начала сооружения могильной ямы погребения 5.

На участке 0СВ–56,95–0ЮЗ–38–65 м зафиксирован слой *погребенной почвы*. В большей части профиля он представлен двумя горизонтами — верхним горизонтом А1 белесого цвета толщиной 0,02–0,05 м (погребенный дерн) и горизонтом В1 толщиной 0,07–0,2 м, состоящим из серого суглинка.

Под слоем погребенной почвы располагался *материк*. Он залегал на глубине –5,15–5,9 м.

Северо-западная сторона (илл. 42, 2; 76, 4). На участке 0СВ–18,6–0ЮЗ–6,15 м находилась *насыпь 1*. В северо-восточной части она имела уступчатую поверхность, которая была зафиксирована в противоположном профиле и в разрезе 1-й юго-восточной бровки. На участке 0СВ–8,65–18,6 м зафиксирован нижний уступ насыпи 1. Его длина 9,95 м, высота 0,7–0,9 м. На отрезке 0СВ–8,65–9 м прослежено начало нижней части второго уступа. Юго-западный край насыпи — отвесный. Основание насыпи 1 находилось на погребенной почве. Длина данного сооружения в профиле 24,75 м.

На участке 0СВ–8,65–36,9 м находилась *насыпь 2*. На отрезке 0СВ–8,65–18,6 м она перекрывала насыпь 1, а на отрезке 0СВ–29,75–36,9 м — конструкцию вала 3. Основание насыпи 2 на участке 0СВ–18,6–29,75 м располагалось на погребенной почве.

Насыпь 4б в данном профиле не отмечена. Однако она фиксировалась в последующих двух профилях 3-й юго-восточной бровки. По всей видимости, в месте нахождения северо-западного профиля 2-й юго-восточной бровки насыпь 4б, перекрывавшая насыпь 2 и вал 3, могла располагаться выше и поэтому не попала в усеченный профиль.

На участке 0СВ–29,75–45,85 м находился *вал 3*. Его основание располагалось на погребенной почве. В разрезе форма вала остается непонятной. Можно только сказать, что в нижней части он имел покатые склоны. Остатки такой же конфигурации вала 3 прослежены в противоположном профиле. Ширина вала в месте разреза составляла 16,1 м.

На участке 0СВ–44,25–50,45 м располагалась пола *насыпи 5*. В ее толще на участке 0СВ–45,45–47,15 м находилась прослойка темно-серого суглинка толщиной 0,15–0,2 м, на ней лежала тонкая прослойка материкового суглинка. Ее толщина 0,02–0,04 м. Пола насыпи 5 в данном участке профиля лежала не на насыпи 4б, которая в профиле не прослежена, а на поле вала 3. Данное наблюдение и еще ряд обстоятельств, которые будут охарактеризованы ниже, позволяют сделать вывод о том, что насыпь 5 также была составной частью единого архитектурного ансамбля из насыпей 1–4, валов 1–3. Скорее всего, она представляла собой последний этап его сооружения — материковую подсыпку-крепиду по всему периметру конструкции.

На участке 0СВ–48,6–56,75 м располагалась нижняя часть *насыпи 6*. Она перекрывала насыпь 5. На участке 0СВ–50,45–55,4 м основание насыпи 6 находилось на древнем горизонте.

На участке 0СВ–54,1–59,25 м зафиксирован слой темно-серого суглинка, образовавшегося в процессе делювиального смыва.

На участке 0СВ–56,2–64 м зафиксирован слой серого суглинка — естественный горизонт современной почвы.

На участках 0ЮЗ–5,9–12 м, 0ЮЗ–22,8–32 м и 0ЮЗ–34,85–48 м зафиксирована нижняя часть *насыпи 3*. На двух последних участках насыпь 3 имела слоистую структуру. В ее теле отмечены прослойки серого суглинка толщиной 0,07–0,12 м. Насыпь 3 перекрывала валы 1 и 2. Ее основание, за исключением участков, где располагались валы, находилось на погребенной почве. Следует отметить, что стык в профиле насыпей 1 и 3 является практически вертикальным. Это свидетельствует в пользу того, что между их сооружением не было длительного перерыва, за который могло бы произойти оплывание насыпи 1.

На участке 0ЮЗ–44,4–48 м располагалась *насыпь 5*. В данной части профиля она состояла из слоя темно-серого суглинка толщиной 0,15–0,25 м и лежавшего на нем слоя светло-серого суглинка с обильными включениями материкового суглинка толщиной 0,4–0,55 м. Насыпь 5 перекрывала полу насыпи 3.

На участке 0ЮЗ–46,5–48 м прослежен фрагмент *насыпи 6*. Она перекрывала насыпь 5.

Полы насыпей 3, 5, 6 не исследовались, т.к. располагались под лесополосой, на законсервированной части кургана (илл. 39).

На участке 0ЮЗ–11,2–25,15 м находился *вал 1*. Он перекрывал выкид из погребения 5. Его подошва, за исключением участка, на котором располагался выкид, покоилась на погребенной почве. Северо-восточный край вала был фактически отвесным и даже с небольшим наклоном в северо-восточную сторону, юго-западный — пологим. Ширина вала в месте разреза составила 13,95 м.

На участке 0ЮЗ–28,5–45,75 м находился *вал 2*. Здесь вал был сооружен из двух видов грунтов. Аналогичные составляющие в конструкции вала фиксировались и на противоположной стороне бровки. На отрезке 0ЮЗ–28,5–35,40 м он состоял из серо-коричневого суглинка, основного грунта, который использовался для строительства валов 1 и 2. На отрезке 0ЮЗ–35,1–45,75 м конструкция была сложена из гумусированного, более темного по цвету, суглинка. Внутри этой части вала фиксировались отдельные про-

слойки темно-серого суглинка толщиной 0,02–0,03 м. Следует отметить, что часть вала, сложенная из серо-коричневого суглинка, в разрезе имела форму трапеции, а на отрезке 0ЮЗ–34,8–35,1 м фиксировался выраженный уступ при переходе к части, сооруженной из серо-коричневого гумусированного суглинка. Это дает основание предположить, что северо-восточная часть могла быть оформлена в виде «зубца», который впоследствии был срезан при заборе грунта в процессе прокладки железнодорожного полотна.

На участке 0ЮЗ–11,25–25,95 м на погребенной почве лежал *выкид* из погребения 5. Он состоял из двух линз. Первая, северо-восточная, линза располагалась на отрезке 0ЮЗ–11,25–19,4 м. Ее мощность в центральной части 0,27 м. Она состояла из плотного желтого материкового суглинка, который располагается в верхней части материкового горизонта. Вторая, юго-западная, линза находилась на отрезке 0ЮЗ–19,7–25,95 м. Ее мощность в центральной части составляла 0,18 м. Она состояла из более рыхлого серо-желтого суглинка, который в естественном почвенном слое обычно залегает ниже плотного суглинка желтого цвета. На участках 0ЮЗ–20,5–25,1 м и 0ЮЗ–9,7–16,7 м на поверхности выкида зафиксированы фрагменты перекрытия погребения 5 из тростника толщиной 0,02–0,03 м. Выкид из погребения 5 был полностью перекрыт конструкцией вала 1. Под выкидом, за исключением его северо-восточного края, отсутствовал горизонт А1 погребенной почвы.

На участке 0СВ–55,4–42 м под насыпными структурами располагался горизонт В1 *погребенной почвы* толщиной 0,06–0,2м. Горизонт А1 толщиной 0,02–0,05м сохранился только в центральной части профиля на участке 0СВ–28–0ЮЗ–10,15 м.

Под слоем погребенной почвы располагался *материк*. Он залегал на глубине –5,2–5,9 м.

3-я юго-восточная бровка

Центральный репер 3-й юго-восточной бровки располагался в 4,6 м к юго-востоку от центрального репера 2-й юго-восточной бровки. Протяженность бровки по обеим сторонам составила 108 м. Толщина бровки 1 м (илл. 39).

Юго-восточная сторона (илл. 43, 1). На участке 0СВ–14,55–0ЮЗ–7,25 м располагалась *насыпь 1*. Основание насыпи 1 находилось на погребенной почве. Длина в разрезе данного сооружения 21,8 м. Уступов в северо-восточной части конструкции, зафиксированных в профилях 1-й и 2-й юго-восточных бровок, в данном и последующих профилях 4-й и 5-й юго-восточных бровок не прослежено, вероятно, потому что здесь поверхность нижнего уступа могла находиться выше сохранившегося профиля и соответственно была срезана при строительных работах. О такой возможности свидетельствует небольшая высота 3-й, 4-й, 5-й юго-восточных бровок в пределах 0,6–1,1 м, а также конфигурация насыпи 1 в плане в той части, где эти уступы могли быть расположены (илл. 39). На плане четко видно, что эта часть конструкции является фигурной, поэтому нельзя исключать того, что она также была оформлена в виде ступенчатых пандусов.

На участке 0СВ–13,05–21,95 м находилась *насыпь 2*. На отрезке 0СВ–13,05–14,55 м она перекрывала насыпь 1. Подошва остальной части насыпи 2 располагалась на погребенной почве.

На участке 0СВ–21,1–32,5 м находилась *насыпь 4б*. Ее юго-западный край перекрывал насыпь 2. Остальная часть ее основания покоилась на древнем горизонте. Северо-восточный край насыпи лег на юго-западный край вала 3. В толще насыпи 4б прослеживались прослойки серого и темно-серого гумусированного суглинков тол-

щиной 0,05–0,15 м. Достаточно крупная линза серого суглинка отмечена на отрезке 0СВ–26,5–32,55 м. Она частично лежала на материке, частично на погребенной почве, а юго-западный ее край заходил в толщу насыпи 4б. Длина линзы составила 6,05 м, толщина 0,15–0,25 м.

На участке 0СВ–29,8–47,9 м находилась *насыпь 3*. Она перекрыла северо-восточный край насыпи 4б и полностью вал 3. В противоположном северо-западном профиле насыпь 3 уже не зафиксирована. Таким образом, на данном участке граница этой грандиозной досыпки из темно-серого гумусированного суглинка находилась в толще 3-й юго-восточной бровки (илл. 39).

На участке 0СВ–31,3–39,95 м располагался *вал 3*. Его основание находилось на погребенной почве. Он полностью перекрыт насыпью 3. В разрезе он имел форму полуовала. Его ширина в профиле составила 8,65 м, высота 0,45 м.

На участке 0СВ–39,6–47,65 м находилась *насыпь 5*. В юго-западной ее части зафиксированы две линзы материкового суглинка. Их толщина 0,2 и 0,1 м. Насыпь 5 перекрыла полу насыпи 3.

На участке 0СВ–45,45–53,05 м располагалась *насыпь 6*. Она перекрывала северо-восточные полы насыпей 5 и 3.

На участке 0СВ–50,8–63,3 м находился слой темно-серого суглинка, образовавшегося в процессе делювиального смыва.

На участке 0СВ–62,15–64 м зафиксирован слой серого суглинка — естественный горизонт современной почвы.

На участках 0ЮЗ–7,1–16,2 м и 0ЮЗ–26,7–43,85 м располагалась *насыпь 3*. На последнем отрезке она имела выраженную слоистую структуру. В ее теле зафиксированы достаточно мощные прослойки светло-серого и темно-серого суглинков, а также единичные тонкие прослойки желтого материкового суглинка. Прослойки светло- и темно-серого суглинков находились преимущественно в нижней части насыпи. На отрезках 0ЮЗ–28,25–31,65 м, 0ЮЗ–32,5–35,15 м и 0ЮЗ–36,85–39,5 м они лежали на погребенной почве. Их толщина 0,07–0,12 м. Стык насыпи 3 и насыпи 1 в нижней части был фактически вертикальным. Насыпь 3 перекрывала валы 1 и 2. Она была пристроена к насыпи 1. Ее основание, за исключением участков, где располагались валы, находилось на погребенной почве. Длина насыпи в юго-западной части профиля составила 36,75 м.

На участке 0ЮЗ–15,85–28,2 м располагался *вал 1*[34]. Он находился на погребенной почве и был перекрыт насыпью 3. Северо-восточный край вала был отвесным с наклоном в северо-восточную сторону, юго-западный край был покатым. Длина вала 1 в разрезе составила 12,35 м.

На участке 0ЮЗ–38,1–43,1 м располагалась *насыпь 5*. Она перекрывала насыпь 3.

На участке 0ЮЗ–42–44 м зафиксирован фрагмент *насыпи 6*. Она перекрывала насыпи 5 и 3. Пола насыпи 6 недоисследованна, т.к. оказалась под законсервированной (не копавшейся) частью кургана.

На участке 0СВ–45–0ЮЗ–43,95 м под насыпными структурами кургана располагался горизонт *погребенной почвы* толщиной 0,7–0,25 м. На участках 0СВ–14,6–20 м, 0СВ–10–0ЮЗ–12,25 м и 0ЮЗ–16,6–41 м сохранились остатки гумусового горизонта А1 толщиной 0,04–0,08 м.

---

34 Вал 2 в юго-восточном профиле 3-й юго-восточной бровки не фиксировался, но присутствовал в северо-западном профиле.

Материк залегал на глубине –5–5,3 м. На участке 0ЮЗ–10,35–16 м наблюдается локальное поднятие материка (грива) до глубины –4,95 м.

Северо-западная сторона (илл. 43, 2). На участке 0СВ–7–0ЮЗ–17,1 м располагалась *насыпь 1*. Основание насыпи находилось на погребенной почве. Длина сооружения в разрезе 24,1 м. Северо-восточный край насыпи лежал на прослойке серого суглинка толщиной 0,05–0,07 м. Он был оформлен в виде небольшого уступа длиной 1м и высотой 0,15–0,3 м.

На участке 0СВ–15,25–22,85 м находилась *насыпь 2*. На участке 0СВ–15,25–15,8 м она перекрывала насыпь 1. Остальная часть подошвы насыпи 2 покоилась на погребенной почве. Длина насыпи в разрезе составила 10,8 м.

На участке 0СВ–23,7–29,2 м находилась *насыпь 4б*. Она перекрывала насыпь 2 и часть вала 3, юго-западный край которого на данном участке профиля располагался впритык к северо-восточному краю насыпи 2.

На участке 0СВ–28–31,6 м зафиксирована нижняя часть какой-то структуры, сложенной из серого суглинка. Она имела в разрезе форму полуовала. Ее толщина в центральной части составила 0,55 м. Что это за структура, и с какой из насыпей она была связана, сказать сложно из-за усеченности профиля. Она имела вид какой-то засыпки из серого суглинка между насыпью 2 и валом 3.

На участке 0СВ–22,8–40 м находился *вал 3*. Его основание располагалось на погребенной почве. Верхняя часть вала уничтожена при строительных работах. Он имел пологие края. Ширина вала в разрезе составила 17,2 м.

На участке 0СВ–39–45,65 м находилась *насыпь 5*. Она перекрывала северо-восточную часть вала 3. На отрезке 0СВ–39–39,9 м на поверхности вала лежала прослойка желтого материкового суглинка толщиной 0,03–0,05 м. Основание насыпи 5, за исключением участка, где она перекрывала вал 3, находилось на погребенной почве.

На участке 0СВ–44,15–53,85 м находилась *насыпь 6*. Она перекрывала насыпь 5.

На участке 0СВ–52,35–63,3 м располагался слой темно-серого суглинка, образовавшегося в процессе делювиального смыва.

На участке 0СВ–61,55–64 м зафиксирован слой серого суглинка — естественный горизонт современной почвы.

На участках 0ЮЗ–7–15,65 м, 0ЮЗ–25,3–44 м располагалась *насыпь 3*. В толще насыпи первого участка на отрезке 0ЮЗ–11,8–12,5 м в 0,4 м выше горизонта погребенной почвы зафиксированы две тонкие прослойки материкового суглинка толщиной 0,02 и 0,04 м. На втором участке структура насыпи 3 имела слоистый характер. В ее толще на отрезке 0ЮЗ–31–41 м находились прослойки серого суглинка толщиной 0,1–0,25 м. Насыпь 3 перекрывала валы 1 и 2. Стык насыпи 3 и насыпи 1 в профиле был почти вертикальным. Основание насыпи, за исключением участков, на которых находились валы, располагалось на погребенной почве, кроме ее юго-западного края, где древний горизонт не прослеживался.

На участке 0ЮЗ–15,5–26,25 м находился *вал 1*. Северо-восточный край вала был отвесным, юго-западный — пологим. На участке 0ЮЗ–19,15–21 м в верхней части сохранившегося профиля зафиксирована небольшая линза темно-серого гумусированного суглинка. Очевидно, что это фрагмент насыпи 3, перекрывавшей вал. Расположение этого фрагмента на данном участке косвенно может свидетельствовать о том, что северо-восточный край вала 1 мог быть оформлен в виде «зубца». Ширина вала 1 в разрезе составила 10,75 м.

На участке 0ЮЗ–31,2–38,25 м зафиксированы остатки *вала 2*. Он представлен в виде линзы серо-коричневого суглинка толщиной 0,1–0,15 м, лежавшей на погребен-

ной почве. Ширина вала в разрезе составила 7,05 м. В противоположном юго-восточном профиле вал 2 не фиксировался, а его продолжение прослежено в профилях 4-й юго-восточной бровки. Вероятно, на участке между 3-й и 4-й юго-восточными бровками вал 2 прерывался. Возможно, здесь был оформлен проход.

На участке 0ЮЗ–15,8–22,75 м на погребенной почве располагалась тонкая линза материкового суглинка — юго-восточный край *выкида* из погребения 5. Его толщина 0,01–0,03 м. Выкид полностью перекрыт валом 1. Это единственный участок, где под выкидом был зафиксирован гумусовый горизонт А1 толщиной 0,03 м. Соответственно край выкида лег за пределы околомогильной площадки, где был срезан дерн.

На участке 0ЮЗ–40,85–44 м располагалась *насыпь 5*. Она перекрывала насыпь 3. Полы насыпей 3 и 5 уходили под законсервированную не копавшуюся часть кургана.

На участке 0СВ–45,4–0ЮЗ–40,75 м под насыпными структурами кургана располагался горизонт В1 *погребенной почвы* толщиной 0,7–0,25 м. На отрезках 0СВ–28,2–13,4 м, 0СВ–2–0ЮЗ–27,15 м сохранились остатки гумусового горизонта А1 толщиной 0,03–0,08 м.

На глубине –5–5,3 м залегал *материк*.

4-я юго-восточная бровка

Центральный репер 4-й юго-восточной бровки находился в 4,6 м юго-восточнее центрального репера 3-й юго-восточной бровки. Протяженность профиля по обеим сторонам составила 108 м. Толщина бровки 1 м (илл. 39).

Юго-восточная сторона (илл. 44, 1). На участке 0СВ–14,65–0ЮЗ–8,4 м располагалась *насыпь 1*. Основание насыпи 1 находилось на погребенной почве. Длина в разрезе данного сооружения 23,05 м. Юго-западный ее край отвесный, северо-восточный наклонный.

На участке 0СВ–13,65–21,15 м находилась *насыпь 2*. На отрезке 0СВ–13,65–14,65 м она перекрывала насыпь 1. В нижних частях насыпей 1 и 2 на отрезке 0СВ–3,4–21,6 м на древнем горизонте лежала прослойка темно-серого суглинка толщиной 0,03–0,06 м. По всей видимости, это остатки какой-то тонкой локальной подсыпки на горизонте до возведения насыпей 1 и 2.

На участке 0СВ–19,55–43,6 м располагалась *насыпь 3*. Она перекрывала северо-восточный край насыпи 2[35]. За исключением участка перекрывания, основание насыпи 3 находилось на погребенной почве. Насыпь 3 имела слоистую структуру. В ее теле на отрезке 0СВ–20–28,9 м зафиксированы прослойки серого суглинка толщиной 0,05–0,1 м.

На участке 0СВ–33,7–43,1м располагалась *насыпь 5*. Она состояла из прослойки темно-серого суглинка толщиной 0,1–0,2 м, лежавшей на склоне насыпи 3, линзы материкового суглинка толщиной 0,2 м и основного слоя светло-серого суглинка с обильными включениями материкового суглинка. Подобная слоистость насыпи 5 прослеживалась в ряде других профилей кургана. Насыпь 5 перекрывала северо-восточную полу насыпи 3. Северо-восточный ее край лежал на погребенной почве.

На участке 0СВ–43,3–51,85 м находилась *насыпь 6*. Она перекрывала полу насыпи 5.

На участке 0СВ–48,9–61,3 м находился слой темно-серого суглинка, образовавшегося в процессе делювиального смыва.

---

[35] В профилях 4-й юго-восточной бровки насыпь 4 и вал 3 отсутствовали.

На участке 0СВ–52,3–64 м зафиксирован слой серого суглинка — естественный горизонт современной почвы.

На участках 0ЮЗ–8,25–12,05 м, 0ЮЗ–17,85–23,2 м и 0ЮЗ–28,8–43,7 м находилась насыпь 3. На последнем отрезке она имела слоистую структуру. В ее толще прослеживались прослойки серого суглинка толщиной 0,05–0,3 м. Насыпь 3 перекрывала валы 1 и 2. Ее основание, за исключением участков, на которых расположены валы, покоилось на погребенной почве.

На участке 0ЮЗ–8,55–11,5 м в верхней части профиля была отмечена линза суглинка серого цвета, находившаяся на насыпи 3. Мощность линзы составила 0,5 м.

На участке 0ЮЗ–12,05–17,85 м зафиксирована нижняя часть *вала 1*. Его северо-восточный край отвесный, юго-западный покатый. Основание вала находилось на погребенной почве. Ширина данного сооружения в разрезе составила 5,8 м.

На участке 0ЮЗ–23,2–30 м располагался *вал 2*. Он имел в разрезе конфигурацию, аналогичную валу 1. Подошва вала 2 также располагалась на погребенной почве. Ширина конструкции в разрезе составила 6,8 м.

На участке 0ЮЗ–36,07–44 м располагалась *насыпь 5*. Она имела двухслойную структуру, состоявшую из серого и светло-серого суглинка с обильными включениями материкового суглинка. Причем слой серого суглинка находился между слоями основного грунта, использовавшегося для сооружения насыпи 5, — светло-серого суглинка с обильными включениями материкового суглинка. Толщина полы насыпи 5 составила 0,3–0,4 м. Насыпь 5 перекрывала полу насыпи 3.

На участке 0ЮЗ–41,45–44 м располагалась *насыпь 6*. Она перекрывала насыпь 5. Пола насыпи 6 не исследована и располагалась в законсервированной части кургана.

На участке 0СВ–44,65–0ЮЗ–44 м зафиксирован горизонт В1 *погребенной почвы* толщиной 0,1–0,2 м. На участках 0СВ–31,95–0ЮЗ–43,75 м сохранился гумусовый горизонт А1 толщиной 0,02–0,5 м.

Материк располагался на глубине –5–5,75 м. На участке 0ЮЗ–34–38,25 м зафиксировано локальной поднятие материка до уровня –5,25 м. В этой части профиля общий горизонт материка располагался на глубине –5,7–5,75 м.

Северо-западная сторона (илл. 44, 2). На участке 0СВ–11,4–0ЮЗ–8,5 м располагалась *насыпь 1*. Ее основание находилось на погребенной почве. Длина сооружения в разрезе составила 19,9 м.

На участке 0СВ–10,35–21,3 м располагалась *насыпь 2*. На отрезке 0СВ–10,35–11,4 м насыпь 2 перекрывала насыпь 3. Остальная часть основания насыпи 2 лежала на погребенной почве.

На участке 0СВ–20,45–38,05 м находилась *насыпь 3*. Она перекрывала северо-восточный край насыпи 2. Подошва насыпи 3, за исключением участка перекрывания насыпи 2, покоилась на погребенной почве. Насыпь 3 имела выраженную слоистую структуру. В ее толще на участке 0СВ–23,05–27,35 м прослеживались прослойки серого суглинка толщиной 0,1–0,3 м.

На участке 0СВ–34,9–43 м находилась *насыпь 5*. Она имела трехслойную структуру, аналогичную той, которая была зафиксирована в этой части бровки в юго-восточном профиле. Основание насыпи 5, за исключением участка перекрывания насыпи 3, лежало на погребенной почве.

На участке 0СВ–41,5–51,45 м располагалась *насыпь 6*. Она перекрывала полу насыпи 5.

На участке 0СВ–48,75–61,75 м находился слой темно-серого суглинка, образовавшегося в процессе делювиального смыва.

На участке 0СВ–52,3–64 м зафиксирован слой серого суглинка — естественный горизонт современной почвы.

На участках 0ЮЗ–7,85–12,85 м, 0ЮЗ–16,9–22,2 м и 0ЮЗ–29,15–43,5 м располагалась *насыпь 3*. На последнем отрезке насыпь 3 имела слоистую структуру. В ее теле отмечены прослойки серого суглинка толщиной 0,05–0,15 м. Насыпь 3 перекрывала валы 1 и 2. Ее подошва, кроме участков расположения валов, находилась на погребенной почве. Стык насыпи 3 и насыпи 1 был наклонный в сторону насыпи 1. Из-за усеченности профиля сложно понять их стратиграфическое соотношение. Как зафиксировано во всех остальных профилях, насыпь 3 пристраивалась к насыпи 1. Скорее всего, и в этом профиле последовательность сооружения данных структур была такой же. Начиная с этого профиля можно наблюдать появление какой-то грунтовой структуры, сложенной из серого суглинка. Здесь она представлена в виде прослойки в верхней части профиля на участке 0ЮЗ–8,35–11,3 м. Ее толщина 0,15–0,2 м. Напомню, что в противоположном юго-восточном профиле фиксировалась уже внушительная линза данного грунта. Но что это такое, сказать сложно из-за отсутствия верхней части бровки.

На участке 0ЮЗ–12,05–17,4 м находился *вал 1*. В профиле он имел форму параллелограмма. Ширина конструкции в разрезе составила 5,35 м. Основание вала располагалось на погребенной почве.

На участке 0ЮЗ–22,2–30,25 м находился *вал 2*. Его северо-восточный край был отвесным, юго-западный пологим. Ширина вала в разрезе составила 8,3 м.

На участке 0ЮЗ–37,3–41,1 м располагалась *насыпь 5*. Она перекрывала полу насыпи 3.

На участке 0ЮЗ–41–44 м располагалась *насыпь 6*. Она перекрывала насыпь 5.

На участке 0ЮЗ–42–44 м находился слой темно-серого суглинка, образовавшегося в процессе делювиального смыва.

Пола насыпи 6 оказалась в неисследовавшейся законсервированной части.

На участке 0СВ–44–0ЮЗ–43,3 м под насыпными структурами располагалась *погребенная почва*. Почти на всем ее протяжении, помимо горизонта В1, сохранился и гумусовый горизонт А1. Толщина погребенной почвы составила 0,1–0,25 м.

На глубине –5,1–5,75 м залегал *материк*.

5-я юго-восточная бровка

Центральный репер 5-й юго-восточной бровки находился в 9 м к юго-востоку от центрального репера 4-й юго-восточной бровки. Протяженность бровки по обеим сторонам составила 102 м. Толщина бровки 1 м (илл. 39).

Юго-восточная сторона (илл. 45, 1). На участке 0СВ–2,35–0ЮЗ–7,6 м располагалась *насыпь 1*[36]. В данной бровке четко фиксировалось, что здесь она сооружалась из двух видов грунтов: серого суглинка с включениями материкового суглинка (основной строительный материал насыпи 1) и темно-серого суглинка. О том, что сооружение этого участка насыпи шло параллельно из двух видов грунтов, свидетельствовало то, что темно-серый суглинок лежал на слое серого суглинка с включениями материкового суглинка и частично перекрыт им, а также то, что язык темно-серого суглинка вклинивался глубоко в толщу грунта, основного для насыпи 1. Основание насыпи 1 находилось на древнем горизонте. Длина конструкции в разрезе составила 9,95 м.

[36] Насыпь 2 в 5-й юго-восточной бровке отсутствовала.

На участке 0СВ–1,75–31,75 м находилась *насыпь 3*. На участке 0СВ–1,75–2,35 м она перекрывала насыпь 1. На остальном отрезке расположения насыпи 3 ее подошва находилась на погребенной почве. В центральной части насыпи на участке 0СВ–16–20,15 м в ее теле фиксировались отдельные прослойки темно-серого суглинка толщиной 0,05–0,07 м.

Интересно, что *насыпь 5*, которая фиксировалась в предыдущих и последующей бровках, в юго-восточном профиле 5-й юго-восточной бровки не прослежена. Следует учесть, что это самый низкий профиль. Его высота составляла всего 0,4–0,6 м. Остальная часть уничтожена строителями. Возможно, что слой насыпи 5 мог залегать немного выше сохранившейся части и в профиль не попал. Например, тот факт, что насыпь 5 не везде могла доходить до погребенной почвы, хорошо прослеживается в обоих профилях 2-й северо-западной бровки (см. ниже). В целом же анализ распространения насыпи 5 во всех бровках кургана свидетельствует о том, что она была достаточно неравномерной по мощности и представляла собой материковую крепиду, укреплявшую полы предыдущих конструкций.

На участке 0СВ–29,65–44,75 м располагалась *насыпь 6*. Она перекрывала насыпь 3.

На участке 0СВ–40,55–58 м находился слой темно-серого суглинка, образовавшегося в процессе делювиального смыва.

На участке 0СВ–49,35–58 м зафиксирован слой серого суглинка — естественный горизонт современной почвы.

На участках 0ЮЗ–6,15–12,9 м и 0ЮЗ–19,05–31,95 м располагалась *насыпь 3*. Стык между насыпями 3 и 1 был почти вертикальным. В толще юго-западной части насыпи 3 в 0,01–0,02 м выше погребенной почвы прослеживались прослойки серого суглинка толщиной 0,03–0,05 м. Насыпь 3 перекрывала вал 1[37].

На участке 0ЮЗ–12,15–15,25 м расположен *вал 1*. Его основание находилось на погребенной почве. Он имел более крутой северо-восточный край и более пологий юго-западный. Ширина конструкции в разрезе составила 3,1 м. На участке 0ЮЗ–15,25–22 м располагалась какая-то конструкция, сложенная из темно-серого суглинка. Внутри нее на отрезке 0ЮЗ–18,5–20,8 м отмечена прослойка серо-коричневого суглинка толщиной 0,2 м[38].

На участке 0ЮЗ–30,4–35,2 м находилась *насыпь 5*. Она перекрывала полу насыпи 3.

На участке 0ЮЗ–34,45–44 м располагалась *насыпь 6*. Она перекрывала полу насыпи 5.

На участке 0ЮЗ–35,75–44 м находился слой темно-серого суглинка, образовавшегося в процессе делювиального смыва.

Пола насыпи 6 не исследовалась, так как попала в законсервированную часть.

На участках 0СВ–30,75–0ЮЗ–21,15 м и 0ЮЗ–28–44 м отмечена *погребенная почва*, представленная горизонтами А1 и В1. Ее мощность составила 0,07–0,15 м.

Материк залегал на глубине –5,1–5,8 м. На участке 0ЮЗ–21,15–28 м зафиксировано самое крупное локальное поднятие материка (грива) до уровня –5,15 м при об-

---

[37] Вал 2 в данном профиле уже не фиксировался.

[38] Как уже отмечалось, 5-я юго-восточная бровка являлась самой низкой из всех. Конструкцию в районе вала, сооруженную из темно-серого суглинка, нигде больше проследить не удалось. Данных для ее реконструкции просто нет, хотя очевидно, что она как-то могла быть связана с валом. В этой связи на общем плане в месте нахождения 5-й юго-восточной бровки границы валов проведены по нахождению в профилях конструкций из серо-коричневого суглинка — основного вида грунта для валов 1 и 2 (илл. 39).

щем уровне горизонта в данном профиле –5,4–5,55 м. На этом участке отсутствовал горизонт погребенной почвы.

Северо-западная сторона (илл. 45, 2). На участке 0СВ–2,7–0ЮЗ–8,3 м располагалась *насыпь 1*. Ее основание находилось на погребенной почве. Здесь, как и в противоположном профиле, насыпь состояла из двух видов грунтов — серого суглинка с включениями материкового суглинка и темно-серого суглинка. Стратиграфическое их соотношение вроде бы указывает, что в рамках одновременного строительства вначале сооружался участок из темно-серого суглинка. Кроме того, на участке 0ЮЗ–5–8,45 м ниже конструкции из темно–серого суглинка на погребенной почве лежала крупная линза серого суглинка толщиной 0,1–0,15 м. Следует отметить, что в 5-й юго-восточной бровке конструкция насыпи 1 была отлична от той, что мы наблюдали в предыдущих профилях. К сожалению, усложненный участок этого сооружения пришелся на профиль, который фиксирует максимальное срытие насыпи строителями, поэтому что-либо определенное в отношении характера юго-восточного края насыпи 1 сказать сложно. Нельзя исключать и того, что в профилях 5-й юго-восточной бровки мы сталкиваемся не с самой насыпью 1, а с какими-то конструкциями, пристроенными к ней из схожего грунта[39].

На участке 0СВ–2–37,1 м располагалась *насыпь 3*. Она перекрывала северо-восточный край насыпи 1. Основание насыпи 3 находилось на погребенной почве. В толще насыпи фиксировались редкие прослойки темно-серого и серого суглинков толщиной 0,02–0,05 м.

На участке 0СВ–31,25–46,5 м располагалась достаточно мощная конструкция *насыпи 5*. Она перекрывала северо-восточную полу насыпи 3.

На участке 0СВ–42,1–46,4 м находилась *насыпь 6*. Она перекрывала полу насыпи 5.

На участке 0СВ–45,05–58 м располагался слой темно-серого суглинка, образовавшегося в процессе делювиального смыва.

На участке 0СВ–46,8–58 м находился слой серого суглинка — естественный горизонт современной почвы.

На участках 0ЮЗ–8,3–13 м и 0ЮЗ–19,6–32,75 м располагалась *насыпь 3*. Стык между насыпями 1 и 3 фактически вертикальный. На отрезках 0ЮЗ–20–22 м и 0ЮЗ–26,15–30,25 м наблюдались участки со слоистой структурой. Насыпь 3 перекрывала валы 1 и 2.

На участке 0ЮЗ–12,2–17,45 м находился *вал 1*. Его подошва покоилась на погребенной почве. В разрезе вал имел форму трапеции, верхняя его часть срезана при заборке грунта строителями. Вал имел покатые края. Ширина конструкции в разрезе составила 5,25 м.

На участке 0ЮЗ–19,5–20,7 м располагался *вал 2*. Его основание находилось на погребенной почве. В разрезе вал имел форму прямоугольного треугольника, вершина его была уничтожена в результате срытия насыпи. Не вызывает сомнения, что вал 2 был оформлен в виде «зубца». Его реконструируемая высота могла составить 0,6 м. Интересно, что аналогичным образом был оформлен вал 2 по данным юго-восточного профиля 1-й северо-западной бровки (см. ниже). Между валами 1 и 2 располагалась конструкция, сложенная из темно-серого суглинка. Ее остатки были

---

[39] На общем плане контуры насыпи 1 замкнуты все-таки по тем конструкциям, что были зафиксированы в 5-й юго-восточной бровке (илл. 39), хотя полной уверенности в правильности этого по объективным обстоятельствам у меня нет.

прослежены и в противоположном, юго-восточном, профиле бровки. С уверенностью можно сказать, что она была сооружена позже вала 1, т.к. перекрыла его юго-западный край.

На участке 0ЮЗ–29,75–44 м располагалась *насыпь 5*. Она перекрыла полу насыпи 3, а также прослойку темно-серого суглинка толщиной 0,15 м, лежавшей на погребенной почве на отрезке 0ЮЗ–32,2–34,4 м.

На участке 0ЮЗ–30–44 м насыпь 5 была перекрыта *насыпью 6*.

На участке 0ЮЗ–41,4–44 м располагался слой темно-серого суглинка, образовавшегося в процессе делювиального смыва. Полы насыпей 5 и 6 располагались в нераскопанной, законсервированной части кургана.

На участках 0СВ–35–0ЮЗ–21 м и 0ЮЗ–28,15–44 м под грунтовыми конструкциями располагался горизонт *погребенной почвы* толщиной 0,1–0,15 м. На участках 0СВ–35–0ЮЗ–21 м и 0ЮЗ–28,15–34,4 м сохранился гумусовый горизонт А1 толщиной 0,02–0,04 м.

Материк залегал на глубине –5,1–5,75 м. На участке 0ЮЗ–21–28,15 м зафиксировано локальное поднятие материка до отметки –5,2 м при общем уровне материкового горизонта в данной части профиля –5,4–5,65 м.

6-я юго-восточная бровка

Центральный репер 6-й юго-восточной бровки располагался в 13 м юго-восточнее центрального репера 5-й юго-восточной бровки. Протяженность бровки по обеим сторонам составила 80 м. Толщина бровки – 1 м (илл. 39).

Юго-восточная сторона (илл. 46, 1). Верхняя часть профиля представлена современным дерновым слоем толщиной 0,05–0,1 м. Он зафиксирован почти на всем протяжении профиля за исключением участка 0ЮЗ–19,6–40 м. Таким образом, в профилях 6-й и 7-й юго-восточных бровок зафиксированы полы насыпи, которые не были повреждены при заборе грунта. Только в верхней ее части фиксировались перекопы на участках 0СВ–28,75–32,3 м, 0ЮЗ–19,1–27 м глубиной 0,2–0,25 м. Внутри них прослеживались тонкие прослойки материкового суглинка толщиной 0,05–0,07 м. Данные неглубокие перекопы, по всей видимости, возникли в результате прохода по поле кургана тяжелой техники во время строительства железной дороги в 2005 году.

Ниже дернового слоя на всем протяжении почвы располагался горизонт В1 современной почвы, представленный серым суглинком. Его толщина 0,1–0,25 м.

Ниже, на участке 0СВ–38,8–0ЮЗ–40 м располагался слой темно-серого суглинка, образовавшегося в процессе делювиального смыва

Ниже, на участке 0ЮЗ–6,35–40 м залегал слой *насыпи 6*. Ее толщина составила в центральной части профиля 0,45–0,5 м. Она перекрывала полу насыпи 5. Основание насыпи 6, за исключением участка перекрывания насыпи 5, располагалось на погребенной почве там, где в профиле она была зафиксирована.

На участке 0СВ–21,05–0ЮЗ–8,7 м располагалась *насыпь 5*. Толщина насыпи 5 в центральной части составила 0,7 м. Ее подошва покоилась на погребенной почве.

Ниже, на участке 0СВ–21,15–0ЮЗ–24,9 м находился горизонт *погребенной почвы* В1. Его толщина составляла 0,1–0,3 м.

Материк залегал на глубине –5,25–5,85 м.

Северо-западная сторона (илл. 46, 2) по основным структурным элементам соответствует юго-восточной стороне бровки.

7-я юго-восточная бровка

Центральный репер 7-й юго-восточной бровки располагался в 13 м к юго-востоку от центрального репера 6-й юго-восточной бровки. Ее протяженность по обеим сторонам составила 82 м. Толщина бровки 1 м (илл. 39).

Юго-восточная сторона (илл. 47, 1). Верхняя часть профиля представлена дерновым слоем толщиной 0,03–0,05 м. Он зафиксирован фактически на всем протяжении профиля. Его частично повредили небольшие перекопы, связанные со строительными работами. Они отмечены на участках ОСВ–27–41,9 м и 0ЮЗ–5–32,65 м. Глубина их 0,15–0,3 м.

Ниже дернового слоя на всем протяжении почвы находился горизонт В1 современной почвы, представленный серым суглинком. Его толщина 0,1–0,25 м.

Еще ниже располагался слой темно-серого суглинка, образовавшегося в процессе делювиального смыва

Материк находился на глубине –5,5–5,9 м.

Северо-западная сторона (илл. 47, 2). По структуре северо-западная сторона бровки идентична юго-восточной. Фактически на всем протяжении верхняя часть профиля была нарушена перекопами, которые образовались здесь от проезда тяжелой техники. На участке 0СВ–16,95–0ЮЗ–3,65 м профиль полностью прорезал перекоп глубиной 0,4–0,5 м. Заполнение его представляло собой темно-серый гумусированный суглинок. В плане он читался как узкая канава шириной 0,5 м (илл. 39). По всей видимости, перекоп связан с хозяйственной деятельностью жителей хутора Золотой. В профиле на его дне прослеживалась тонкая прослойка перегнившей травы толщиной 0,02–0,04 м.

Северо-западная часть кургана

1-я северо-западная бровка

Центральный репер 1-й северо-западной бровки располагался в 44,5 м к северо-западу от центрального репера кургана. Протяженность профиля по юго-восточной стороне составила 104 м, по северо-западной — 96 м. Различие в длине профилей объясняется нарушениями насыпи строительными перекопами. Ширина бровки составила 3 м (илл. 39).

Юго-восточная сторона (илл. 48, 1; 76, 2). Верхний слой представлен дерном. Его толщина — 5–10 см. Ниже, на участках 0ЮЗ–3,7–0СВ–33 м и 0СВ–40,6–41,9 м, залегал слой насыпи 5. Его мощность 0,45–0,5 м. На отрезках 0СВ–1,2–2,1 м и 0СВ–3,25–6,02 м насыпь 5 нарушена поздними перекопами, оставленными, скорее всего, жителями ныне заброшенного хутора Золотой. Северо-восточнее 42-го м насыпь была полностью уничтожена строителями железной дороги. Насыпь 5 перекрывала насыпи 3, 4а и 4б.

На участке 0СВ–2,1–16 м под насыпью 5 располагалась *насыпь 4а*[40], а на участке 0СВ–16–41,5 м находилась *насыпь 4б*. Причем стратиграфическое соотношение обеих насыпей в этом профиле свидетельствует, что они сооружались одновременно. Так, на отрезке 0СВ–6,35–10,5 м язык насыпи 4б уходил в толщу насыпи 4а. Толщина этого слоя в теле насыпи 4а составляла 0,45–1 м. В свою очередь, на отрезке

[40] Насыпи 1 и 2 в бровках северо-западной части кургана уже отсутствовали.

0СВ–2,1–10,45 м основание насыпи 4а находилось на погребенной почве. В то же время на отрезке 0СВ–10,5–16 м ее подошва уже перекрывала слой насыпи 4б. Основание последней на участке 0СВ–10,5–24,25 м также располагалось на древнем горизонте. На отрезке 0СВ–15,1–16,55 м находился почти вертикальный стык обеих грунтовых структур. В профиле он имел вид ломаной зигзагообразной линии, образованной заходившими друг на друга языками насыпей 4а и 4б. На отрезке 0СВ–35,25–37,65 м насыпь 4б нарушена поздним перекопом. Возможно, что его нижняя часть частично задела вал 3.

На отрезке 0СВ–27,45–58,4 м находился *вал 3*. Он был полностью перекрыт насыпью 4б. Подошва вала покоилась на погребенной почве. Только его северо-восточный край лежал на линзе серого суглинка с включениями материкового суглинка. В данном профиле вал состоял из двух частей. Нижняя часть представлена низкой широкой платформой. Ее ширина 30,95 м, высота — 0,4–0,95 м. В ее северо-восточной части на отрезке 0СВ–32,45–36,4 м находилась высокая площадка. Северо-восточная часть этой площадки нарушена перекопом. Реконструируемая ее ширина могла составить 3,5–4 м. Высота вала в это части равнялась 1,85 м. Между высокой площадкой и низкой платформой фиксировались тонкие прослойки темно-серого суглинка. К юго-западу от вала 3 на отрезке 0СВ–24,2–30,5 м располагалась *конструкция 1* сложной формы. Она была сооружена из светло-серого суглинка, аналогичного грунту насыпи 4а. На отрезке 0СВ–24,2–27,45 м ее основание находилось на древнем горизонте, а на отрезке 0СВ–27,45–30,5 м она перекрывала юго-западную часть вала 3. В разрезе конструкция имела симметричную дуговидную форму. На участке 0СВ–22,5–25 м от этой конструкции в толщу насыпи 4б уходила дуговидная линза светло-серого суглинка, того же грунта, из которого сложено сооружение, перекрывавшее в юго-западной части вал 3. Длина этой линзы 2 м, толщина — 0,4–0,5 м. На отрезке 0СВ–26,75–29 м сверху данной своеобразной пристройки к валу 3 располагалась *конструкция 2* подпрямоугольной формы с выраженной слоистой структурой, состоявшая из темно-серого суглинка с вкраплениями материкового суглинка. Ее размеры 2,1 × 1,1 м. Конструкции 1 и 2 больше не прослеживались ни в одном из профилей кургана. По всей вероятности, они были какими-то локальными элементами сооружения, возможно, связанными здесь с конструкцией вала 3.

На участке 0СВ–4–0ЮЗ–48,85 м располагалась *насыпь 3*. Ее мощность составляла 2–3,5 м. На отрезке 0ЮЗ–3,7–8 м насыпи 5 и 3 прорезал погреб первой половины XX в. с остатками деревянной столбовой конструкции. Его глубина составляла около 2 м. В насыпи 3 на участке 0ЮЗ–15,35–24,25 м хорошо прослеживался участок, сложенный из вальков, сформованных из переувлажненных грунтов. Он имел подпрямоугольную форму, его длина 8,9 м, высота — 2–2,2 м. Непосредственно к его юго-западному краю примыкал участок насыпи, имевший выраженную слоистую структуру. Он располагался на отрезке 0ЮЗ–24,25–43,05 м и имел дуговидную симметричную форму. Его длина составляла 18,8 м, высота в центральной части — 1,05 м. Наличие внутри насыпи 3 участков, на которых фиксировалось использование различных строительных техник, свидетельствует о том, что огромная досыпка, сложенная из темно-серого гумусированного суглинка, также могла представлять собой определенную систему конструкций, которую сложнее распознать из-за однородности строительного материала. Особого внимания заслуживает участок 0СВ–3–4 м, где прослеживался стык насыпей 3 и 4а. Здесь видно, что насыпь 3 пристраивалась к насыпи 4б.

На участке 0СВ–3,1–0ЮЗ–12,6 м располагался *вал 1* (илл. 48, 2). Подошва вала находилась на погребенной почве, а его северо-восточный край на отрезке

0СВ–2,1–3,1 м перекрывал полу насыпи 4а. Вал 1 имел сложную фигурную форму. На отрезке 0СВ–3–0ЮЗ–1,5 м его поверхность была относительно ровной, а на отрезке 0ЮЗ–1,5–11,5 м волнистой, с тремя четко выраженными гребнями. Ширина вала 1 составляла 9,5 м, высота — 0,9–1,2 м. При возведении вала 1 помимо основного грунта, представленного серо-коричневым суглинком, использовался и темно-серый гумусированный суглинок, из которого была возведена насыпь 3. Линза этого грунта толщиной 0,5–0,75 м хорошо фиксировалась на отрезке 0ЮЗ–1,6–3,45 м внутри тела вала 1. Слой серо-коричневого суглинка толщиной 0,7–0,8 м залегал на поверхности насыпи 4а на отрезке 0СВ–3,95–8,2м.

На участке 0ЮЗ–13,35–15,4 м находился *вал 2* (илл. 48, 2). В разрезе он имел треугольную форму, т.е. был оформлен в виде «зубца». Его ширина по основанию 2 м, высота — 0,75 м. Интересно, что основание вала 2 находилось не на древнем горизонте, а на прослойке темно-серого гумусированного суглинка толщиной 5–7 см и частично на прослойке серого суглинка, отделявших погребенную почву от подошвы вала. Использование грунта насыпи 3 при возведении валов 1 и 2 свидетельствует также в пользу того, что все эти структурные элементы курганной насыпи сооружались в относительно короткий промежуток времени в ходе реализации единого архитектурного проекта.

На участке 0ЮЗ–39,25–45,95 м находилась *насыпь 5*. Ее мощность в этой части профиля — 1,75 м. Она полностью перекрывала полу насыпи 3.

На участке 0ЮЗ–43,95–53,85 м располагалась *насыпь 6*. Здесь ее толщина составляла 1,1–1,2 м. На участке 0ЮЗ–43,95–46 м она перекрывала насыпь 5, на участке 0ЮЗ–46–48,85 м — насыпь 3. На участке 0ЮЗ–48,85–53,85 м она находилась на погребенной почве. Верхняя часть насыпи 6 и остальная часть кургана юго-западнее отметки 0ЮЗ–54 м уничтожены поздними строительными перекопами.

На участке 0СВ–42–0ЮЗ–48–58 м зафиксирован горизонт *погребенной почвы*. Северо-восточнее отметки 0СВ–42 м он полностью уничтожен строительными работами. Толщина погребенной почвы — 0,05–0,2 м. Погребенная почва здесь была представлена только горизонтом В1, гумусовый горизонт А1 на всем протяжении профиля отсутствовал. Возможно, в этой части подкурганной площадки он был срезан.

На глубине –5,25–5,35 м находился *материк*. На участках 0СВ–3–10 м и 0ЮЗ–18,5–22,5 м зафиксированы его локальные повышения (гривы) до уровня –4,95 м. Причем на первом участке сохранился тонкий слой погребенной почвы толщиной 0,03–0,04 м, на втором она отсутствовала.

Северо-западная сторона (илл. 49, 1). Верхний слой представлен дерном. Его толщина 5–10 см.

На участке 0СВ–4,6–0ЮЗ–1,2 м под дерном залегал слой *насыпи 5*. Его мощность здесь составляла 0,4–0,45 м.

На участке 0СВ–4,6–27,6 м под дерновым слоем располагалась *насыпь 4а*. Ее юго-западный край был перекрыт насыпью 5. На участке 0СВ–17,4–42,05 м находилась *насыпь 4б*. Стратиграфическое соотношение насыпей 4а и 4б демонстрирует картину, близкую прослеженной на противоположной стороне бровки. Она свидетельствует об одновременном сооружении обеих структур. Следует отметить, что данный профиль скорее показывает несколько более ранее сооружение участка насыпи 4б, т.к. здесь нет ярко выраженных слоев темно-серого суглинка, вклинивавшихся в толщу светло-серого суглинка насыпи 4а. Тем не менее, безусловно, обе насыпи представляли собой единый строительный горизонт. На участке 0СВ–4,35–12,5 м основание насыпи 4а находилось на погребенной почве, остальная часть насыпи 4а перекрывает насыпь 4б (илл. 49, 3). Последняя на отрезке 0СВ–12,5–27,6 м имела уступчатую форму. Четко

фиксировались два уступа. Первый из них располагался на отрезке 0СВ–12,5–17,7 м. Длина уступа 5,2 м, высота — 0,25–0,6 м. Второй уступ находился на участке 0СВ–17,7–26,45 м. Его длина 8,75 м, высота — 1,85–2,4 м. Подошва насыпи 4б на отрезке 0СВ–12,5–26 м покоилась на погребенной почве.

На участке 0СВ–28,5–39,45 м находился *вал 3*. Он был полностью перекрыт насыпью 4б. Подошва вала располагалась на погребенной почве. Вал в разрезе имел вид узкой и длинной трапеции с плоской немного вогнутой к центру вершиной. Его ширина 10,95 м, высота — 0,5–0,75 м. На отрезке 0СВ–36,5–39,2 м на поверхности северо-восточного окончания вала лежала линза серого суглинка с включениями материкового суглинка. Ее длина 2,7 м, толщина — 0,3–0,6 м. Еще одна такая же линза, примыкающая к юго-западному краю вала 3, зафиксирована на участке 0СВ–25,95–28,5 м. Ее длина 1,45 м, толщина — 0,35–0,5 м. Эта линза находилась на древнем горизонте.

На участке 0СВ–40,95–45,7 м зафиксирован еще один фрагмент *насыпи 5*. Она перекрывала край насыпи 4б. На участке 0СВ–43,25–45,7 м насыпь 5 лежала на погребенной почве.

На участке 0СВ–42,2–46 м располагалась *насыпь 6*. Она перекрывала насыпь 5, а на отрезке 0СВ–45,7–46 м находилась на погребенной почве.

Верхние части насыпей 4б, 5, 6 нарушены поздними перекопами. Северо-восточнее отметки 0СВ–46 м насыпь полностью срыта при строительстве железной дороги.

На участке 0СВ–4,5–0ЮЗ–45,35 м располагалась *насыпь 3*. Ее мощность составляла 2–3,5 м. На участке 0ЮЗ–1,1–9 м насыпь 3 прорезал погреб первой половины XX в. с остатками деревянной столбовой конструкции. Частично он срезал и насыпь 5, перекрывавшую здесь насыпь 3. В насыпи 3 на отрезке 0ЮЗ–16,55–37,85 м прослеживался участок, который был сложен из вальков, сформованных из переувлажненных грунтов. В разрезе он имел подпрямоугольную форму. Его длина 21,3 м, высота — 1,5–3 м. На отрезке 0ЮЗ–23,15–37,6 м располагался участок, который имел выраженную слоистую структуру. Он имел дуговидную симметричную форму. Его длина 14,45 м, высота в центральной части — 1,9 м. В данном профиле участок насыпи из вальков перекрывал участок со слоистой насыпной структурой. Большая часть насыпи 3 располагалась на погребенной почве, за исключением отрезков, где она перекрывала валы 1 и 2.

На участке 0СВ–4,15–4,5 м находился стык насыпей 4а и 3. Он представлен фактически вертикальной линией с небольшим наклоном в сторону насыпи 3 (илл. 49, 2). На мой взгляд, это свидетельствует о том, что насыпь 4 и насыпь 3 также сооружались в ходе реализации единого строительного проекта. И если в юго-восточном профиле 1-й северо-западной бровки можно наблюдать ситуацию, когда насыпь 3 пристроена к насыпи 4, то уже через 3 метра, т.е. в северо-западном профиле той же бровки, мы видим фактически вертикальный стык между этими грунтовыми структурами. Данный стык не мог образоваться, если бы насыпи были последовательно сооружены через какой-либо серьезный промежуток времени, в результате которого неизбежно произошло бы руинирование и оплывание более раннего грунтового сооружения.

На участке 0СВ–4,45–0ЮЗ–5,05 м располагался *вал 1*. Его подошва находилась на погребенной почве. Стык вала с насыпью 4 также выглядел как вертикальная линия. Вал 1 имел здесь вид узкой длинной платформы. Его ширина 9,5 м, высота 0,95 м. Юго-западное окончание вала покатое. Помимо основного грунтового компонента — серо-коричневого суглинка, при сооружении вала 1 использовалась грунты, состоявшие из темно-серого суглинка. Линза данного строительного материала находилась на отрезке 0ЮЗ–0,8–3,5 м в толще серо-коричневого суглинка. Ее длина 2,7 м, толщина 0,75 м.

На участке 0ЮЗ–6,25–9,65 м находился *вал 2*. Он также был сооружен на погребенной почве. В разрезе вал имел неправильную подтрапециевидную форму. Его ширина 3,4 м, высота 0,6–0,7 м.

На участке 0ЮЗ–9,55–38,15 м в 0,05–0,1 м выше погребенной почвы фиксировались прослойки серо-коричневого суглинка — того же материала, из которого были сложены валы 1 и 2. Толщина прослоек 0,05–0,2 м. По всей видимости, на древнем горизонте до строительства насыпи 3 были совершены небольшие подсыпки-подушки из плотного суглинка.

На участке 0ЮЗ–37,3–44,2 м располагалась *насыпь 5*. Внутри тела насыпи отмечены две достаточно мощные прослойки желтого материкового суглинка. Их толщина 0,15–0,25 м. Насыпь 5 перекрывала полу насыпи 3.

На участке 0ЮЗ–41,45–45,25 м находилась *насыпь 6*. Она покрывала насыпь 5. Большая часть этой досыпки была повреждена поздними строительными перекопами. Профиль юго-западнее отметки 0ЮЗ–45,25 м полностью уничтожен.

На участке 0СВ–46–0ЮЗ–39,35 м под грунтовыми конструкциями располагалась *погребенная почва*, представленная горизонтом В1. Его толщина составляла 0,05–0,15 м. Горизонт А1 на всем протяжении профиля отсутствовал.

Материк находился на глубине –5,2–5,35 м.

2-я северо-западная бровка

Центральный репер 2-й северо-западной бровки находился в 7 м к северо-западу от центрального репера 1-й северо-западной бровки. Протяженность профиля 2-й северо-западной бровки по юго-восточной стороне составила 84 м, по северо-западной — 82 м. Различие в длине сторон бровки объясняется нарушениями профилей поздними перекопами. Ширина бровки 3 м (илл. 39).

Юго-восточная сторона (илл. 50, 1). Верхний слой представлен дерном. Его толщина — 5–10 см.

Под ним на участках 0СВ–4,6–0ЮЗ–2,2 м и 0СВ–7,6–23,25 м находилась *насыпь 5*. Ее толщина в северо-восточной части кургана 0,25–0,35 м. Она перекрывала насыпи 3 и 4.

Под насыпью 5 на участке 0СВ–8,45–28,90 м располагалась *насыпь 4а*[41]. Ее мощность в этой части профиля около 2 м.

Под насыпью 4а на участке 0СВ–14,15–29,65 м находился *вал 3* (илл. 50, 2). Его структура в данном профиле является гораздо более сложной, чем в предыдущих. Верхняя часть вала на участке 0СВ–14,15–26,75 м сложена из серого суглинка с выраженной слоистой структурой. Толщина этого слоя 0,3–0,85 м. Именно из такого грунта вал 3 был сложен в юго-восточной части кургана и отчасти в северо-западной (профиля 1-й северо-западной бровки). Нижнюю часть вала составлял слой темно-серого гумусированного суглинка с редкими прослойками светло-серого суглинка. Его мощность 1,1 м. Основной грунт нижней части вала очень близок строительному почвенному материалу, использовавшемуся при возведении насыпи 3. На участке 0СВ–26,75–30,7 м находилась третья составляющая вала 3. В разрезе она представлена холмиком светло-серого суглинка. Его длина по основанию 3,95 м, высота 1,1 м. Общая ширина вала 3 — 12,5 м. На участке 0СВ–16,7–29,65 м основание вала покоилось на погребенной почве. На участке 0СВ–14,15–16,7 м можно наблюдать стык двух

---

[41] Насыпь 4б в данном профиле уже отсутствовала.

структур — вала 1 и вала 3. Причем на этом отрезке четко видно, что юго-западный край вала 3 перекрывает северо-восточную оконечность вала 1. На участке 0СВ–28,75–34 м фиксировалась подсыпка из слоя гумусированного темно-серого суглинка, мешанного с серым суглинком. Ее толщина 0,8–0,9 м. Эта подсыпка перекрывала северо-восточный край вала 3. Не исключено, что она также являлась еще одним структурным элементом данной конструкции. Северо-восточнее отметки 0СВ–34 м насыпи кургана были срыты строителями.

На участке 0СВ–14,15–0ЮЗ–41,7 м находилась *насыпь 3*. Ее мощность в центральной части составляла 3,5 м. На отрезке 0ЮЗ–3,2–11 м насыпь 3 прорезал погреб первой половины XX в. с остатками деревянной столбовой конструкции. В данном профиле особого внимания заслуживает стратиграфическое соотношение насыпи 3 и насыпи 4а, зафиксированное на участке 0СВ–8,45–14,15 м. Здесь хорошо видно, что насыпь 4а ложилась на насыпь 3, т.е. первая пристраивалась к последней. Следует еще раз напомнить, что в юго-восточном профиле 1-й северо-западной бровки мы наблюдали обратную ситуацию — насыпь 3 пристраивалась к насыпи 4а (илл. 48,1), а через 3 м в северо-западном профиле зафиксирован фактически вертикальный стык насыпей 3 и 4а (илл. 49). Прослеженная динамика изменения стратиграфического соотношения данных грунтовых структур на отрезке конструкции шириной 7 м хорошо документирует единовременный процесс их возведения. Основание насыпи 3 на всем протяжении, за исключением валов 1 и 2, которые она перекрывала, располагалось на древнем горизонте.

На участке 0СВ–8,8–16,7 м находился *вал 1*. Подошва вала располагалась на погребенной почве. В разрезе вал имел трапециевидную форму с наклонной плоской вершиной, повышавшейся к северо-востоку. Его ширина 7,9 м, высота 0,75–1,45 м. При сооружении данной конструкции помимо основного грунта, представленного серо-коричневым суглинком, использовался и темно-серый суглинок. Дуговидная прослойка данной почвы отмечена на отрезке 0СВ–7,2–12,55 м. Ее толщина 0,1–0,4 м. Причем северо-восточная половина этой прослойки находилась в теле вала 1, а ее юго-западный конец вклинивался в тело вала 2. Это является еще одним подтверждением в пользу того, что оба вала строились одновременно и были элементами одной конструкции.

На участке 0СВ–7,3–0ЮЗ–0,4 м находился *вал 2*. Он был возведен на погребенной почве. Вал имел форму трапеции, на северо-восточном краю которой находился выступ треугольной формы («зубец») (илл. 50,2). Высота вала в центральной части 1,2 м, в месте нахождения «зубца» — 2,25 м. Ширина вала составила 7,7 м. Следует отметить, что оба вала были соединены на участке 0СВ–7,3–8,8 м перемычкой, сложенной из того же грунта, что и сами валообразные сооружения. Ее длина 1,5 м, толщина 0,15 м.

На участках 0ЮЗ–0,9–21,5 м, 0ЮЗ–22,3–27,95 м и 0ЮЗ–30,5–35,35 м в 0,05–0,1 м выше погребенной почвы фиксировались прослойки серо-коричневого суглинка — того же материала, из которого были сложены валы 1 и 2. Толщина прослоек 0,05–0,2 м. По всей видимости, это следы подсыпок на древнем горизонте.

На участке 0ЮЗ–36,45–37,7 м отмечена линза светло-серого суглинка с обильными включениями материкового суглинка. Она лежала на насыпи 3. Ее длина 1,25 м, толщина 0,05–0,12 м. Скорее всего, это фрагмент *насыпи 5*. Подсыпки, сделанные из светло-серого суглинка с обильными включениями материкового суглинка, иногда крупными суглинистыми прослойками, идентифицируемыми нами как насыпь 5, лежали на полах насыпей 3 и 4б.

На участке 0ЮЗ–36,25–48,85 м находилась *насыпь 6*. Она перекрывала полу насыпи 5. Ее толщина 0,7 м. На участке 0ЮЗ–41,95–48,85 м насыпь 6 лежала на древнем горизонте.

На участке 0ЮЗ–45–49,2 м располагался слой темно-серого суглинка, образовавшегося в процессе делювиального смыва. Юго-западнее отметки 0ЮЗ–50 м пола кургана полностью уничтожена.

На участке 0СВ–34–0ЮЗ–49,35 м под грунтовыми конструкциями находился горизонт погребенной почвы, представленный горизонтом В1. Его толщина составляла 0,05–0,15 м. Горизонт А1 на всем протяжении профиля отсутствовал.

Материк находился на глубине –5,2–5,3 м.

Северо-западная сторона (илл. 51, 1; 76, 3). Верхний слой — дерн. Его толщина 5–10 см.

Под ним на участке 0СВ–3,9–32 м находилась *насыпь 4а*. Помимо основного строительного материала, представленного светло-серым суглинком, при возведении насыпи 4а использовался гумусированный темно-серый суглинок, мешанный с серым суглинком. Этот слой хорошо фиксировался на отрезке 0СВ–7,5–15,7 м в центральной части тела насыпи 4а. В результате наличия достаточно мощного (до 1,7 м) слоя темно-серого суглинка, мешанного с серым суглинком, визуально насыпь 4а делилась на 3 структуры, по которым устанавливается последовательность ее сооружения на данном участке. Сначала был возведена конструкция, расположенная на участке 0СВ–4,5–15 м. Ее подошва находилась на погребенной почве. Она имела в разрезе волнистую поверхность с двумя выраженными гребнями. Ее длина 10,5 м, высота в месте высокого гребня 1,5 м. Скорее всего, одновременно с охарактеризованной конструкцией был сооружен участок насыпи 4а, находившийся на отрезке 0СВ–15,45–32 м, состоявший также из светло-серого суглинка. Он полностью перекрыл вал 3. Затем при дальнейшем строительстве в качестве стройматериала был использован гумусированный темно-серый суглинок, мешанный с серым суглинком. Им была подсыпана конструкция насыпи 4а, основание которой находилось на древнем горизонте. В результате данной подсыпки была выровнена волнообразная поверхность. После этого в строительстве опять был использован светло-серый суглинок. Из него была сооружена верхняя часть насыпи, которая располагалась прямо под дерном на участке 0СВ–3,9–14,75 м. Длина этой части конструкции 10,85 м, толщина 1,7–2 м.

На участке 0СВ–14,5–28,55 м находился *вал 3*, полностью перекрытый насыпью 4а (илл. 51, 2). Подошва вала располагалась на погребенной почве. Как и в противоположном профиле, конструкция вала 3 состояла из двух слоев. Верхний представлен серым суглинком с выраженной слоистой структурой. Его толщина 0,5–0,7 м. Нижняя часть сооружена из темно-серого гумусированного суглинка, который также имел слоистую структуру. Его толщина 0,7–0,75 м. Вал 3 в разрезе имел трапециевидную форму с плоской вершиной. Его длина 14,05 м, высота 1,2 м.

Северо-восточнее отметки 0СВ–32 м насыпь срыта строителями.

На участке 0СВ–8–0ЮЗ–39 м под дерновым слоем располагалась *насыпь 3*. Ее мощность в центральной части составляла 3,25 м. На участке 0ЮЗ–5,9–12,1 м насыпь 3 прорезал погреб первой половины XX в. с остатками деревянной столбовой конструкции. Основание насыпи покоилось на древнем горизонте. На участке 0СВ–3,9–8 м прослежено стратиграфическое соотношение насыпей 3 и 4а. Оно подтвердило выводы о единовременном сооружении этих структур, сделанные при описании предыдущего профиля. На данном участке был зафиксирован достаточно мощный язык насыпи 3, клином входивший в тело насыпи 4а (илл. 51, 1). Длина языка 4 м, толщина — 0,3–0,75 м. Сам стык между насыпями 4а и 3 близок к вертикальному.

На участках 0СВ–4,15–0ЮЗ–19,35 м и 0ЮЗ–20,7–33,5 м в 0,05–0,1 м выше погребенной почвы фиксировались прослойки серо-коричневого суглинка — того же ма-

териала, из которого были сложены валы 1 и 2. Толщина прослоек 0,05–0,2 м. По всей видимости, на древнем горизонте до строительства насыпи 3 на этом участке были совершены небольшие подсыпки-подушки из плотного суглинка.

На участке 0ЮЗ–31,85–39 м зафиксирован фрагмент *насыпи 5*. Он лежал на поле насыпи 3. Его толщина 0,15–0,2 м, длина 2,1 м.

На участке 0ЮЗ–29,1–43,3 м находилась *насыпь 6*. Ее мощность 0,7–0,8 м. Она полностью перекрывала фрагмент насыпи 5 и на отрезке 0ЮЗ–29,1–31,85 м — насыпь 3.

На участке 0ЮЗ–39,35–50 м располагался слой темно-серого суглинка, образовавшегося в процессе делювиального смыва. Его толщина 0,75 м. Юго-западнее отметки 0ЮЗ–50 м пола кургана полностью уничтожена перекопом.

На участке 0СВ–31–0ЮЗ–40,25 м под насыпными структурами находился горизонт погребенной почвы, представленный горизонтом В1. Его толщина составляла 0,05–0,15 м. Горизонт А1 на всем протяжении профиля отсутствовал.

Материк находился на глубине –5,2–5,3 м.

3-я северо-западная бровка

Центральный репер 3-й северо-западной бровки находился в 13 м к северо-западу от центрального репера 2-й северо-западной бровки. Протяженность бровки составила 48 м. Ширина бровки 1,5 м. Бровка сильно повреждена перекопами, возникшими в ходе хозяйственной деятельности населения хутора Золотой и строителей железнодорожного полотна (илл. 39).

Юго-восточная сторона (илл. 52, 1). На участках 0СВ–8,95–0ЮЗ–10 м и 0ЮЗ–12,1–25,1 м верхнюю часть профиля представляли переотложенные в результате хозяйственной деятельности грунты (перекопы и отвалы). Они повредили насыпи 6, 5 и 3[42]. На участке 0ЮЗ–25,25–32 м сохранился гумусовый горизонт (дерн) толщиной 0,05–0,1 м. На участке 0ЮЗ–26,75–32 м под дерновым слоем находился слой серого суглинка — естественный горизонт современной почвы. Его толщина 0,2–0,25 м.

Ниже перекопа на участке 0СВ–8,25–0ЮЗ–1 м располагался слой темно-серого суглинка, образовавшегося в процессе делювиального смыва. Он также зафиксирован на участке 0ЮЗ–8,9–24 м. Его толщина 0,7–0,9 м.

На участке 0СВ–6,95–16 м располагалась *насыпь 6*. Ее толщина составила 0,8 м. Насыпь 6 перекрывала насыпь 5 и на отрезке 0СВ–8,8–16 м — насыпь 3.

Под насыпью 6 на участке 0СВ–8,25–0ЮЗ–1,2 м находилась *насыпь 5*. Ее мощность 0,3–0,5 м. Насыпь 5 перекрывала на данном участке насыпь 3.

На участке 0СВ–16–0ЮЗ–22,95 м находилась *насыпь 3*. Ее толщина в центральной части составила 0,75–0,8 м. Основание насыпи 3 лежало на погребенной почве, за исключением участка 0СВ–5–16 м, на котором обнаружен достаточно мощный слой серо-коричневого суглинка толщиной 0,3–0,5 м. Напомню, что из аналогичного грунта были сложены валы 1 и 2. Скорее всего, в данном профиле мы имеем дело не с остатками вала, а с более мощной подсыпкой-подушкой из серо-коричневого суглинка, произведенной до сооружения насыпи. Аналогичные прослойки этого грунта фиксировались в профилях 1-й и 2-й северо-западных бровок. В пользу этого свидетельствует то, что на данном участке мы не наблюдаем конструктивных элементов оформления валов, в виде платформ, хорошо прослеженных в других профилях, как в северо-западной, так и в юго-восточной частях кургана. Кроме того, на участке 0СВ–4,7–0ЮЗ–2 м прослежива-

[42] Насыпь 4, валы 1, 2, 3 в профилях 3-й северо-западной бровки отсутствовали.

лась прослойка серо-коричневого суглинка толщиной 0,05–0,1 м, залегавшая на 0,05–015 м выше погребенной почвы, так же как эти прослойки залегали в профилях 2-й северо-западной бровки. Таким образом, можно заключить, что после снятия дернового слоя в северо-западной части кургана была произведена подсыпка подкурганной площадки тонким слоем темно-серого гумусированного суглинка, аналогичного грунтам насыпи 3, и сверху серо-коричневым суглинком, из которого сооружены валы 1 и 2. Северо-восточнее отметки 0СВ–16 м насыпь была срыта строителями.

На участке 0СВ–16–0ЮЗ–27,75 м под насыпными структурами находился слой погребенной почвы, представленный горизонтом В1. Его толщина составляла 0,05–0,15 м. Горизонт А1 на всем протяжении профиля отсутствовал.

Материк находился на глубине –5,15–5,25 м.

Северо-западная сторона (илл. 52, 2) по основным структурным элементам соответствовала юго-восточной стороне бровки.

§ 5. НАХОДКИ В НАСЫПИ

В процессе вскрытия насыпи было обнаружено 5 находок.

Находка 1 обнаружена в юго-восточной части кургана (7-я юго-восточная траншея) на расстоянии 4,6 м к юго-западу и 3,94 м к юго-востоку от центрального репера 7-й юго-восточной бровки (илл. 39). На глубине –532 см найдено керамическое пряслице. Поверхность изделия серого, местами светло-серого цвета. В тесте фиксируется примесь мелкой известняковой крошки.

Пряслице имеет биконическую форму (илл. 53, 3). Местонахождение отверстия оформлено с обеих сторон манжетовидными утолщениями округлой в плане формы диаметром 1,8–1,9 см. Отверстие сквозное продольное, нанесено по сырой глине. Длина изделия 2,7 см, диаметр по ребру 3,5 см.

По морфологическим особенностям пряслице можно отнести к раннему железному веку.

Находка 2 обнаружена в северо-западной части кургана (1-я северо-западная траншея) на расстоянии 14,5 к северо-востоку и 1,58 м к юго-востоку от центрального репера 1-й северо-западной бровки (илл. 39). На глубине –155 см найден фрагментированный лепной сосуд. Поверхность имеет серый цвет, местами коричневый. На внутренней стороне прослеживаются остатки нагара. На внешней стороне имеются следы от вертикального заглаживания поверхности. В тесте присутствует шамот.

Сосуд стройных пропорций горшковидной формы (илл. 53, 1). Венчик отогнут. Профиль имеет S-видную форму. Максимальное расширение тулова приходится на верхнюю треть. Дно сосуда узкое, без закраин. У самого дна находится выщерблина. Реконструируемая высота сосуда 35,5 см. Диаметр по венчику 21 см, диаметр в месте максимального расширения тулова 27 см, диаметр дна 8,5 см.

Сосуд относится к раннему железному веку.

Находка 3 обнаружена в комплексе вместе с находкой 2. На глубине –153 см найдены фрагменты венчика лепного сосуда. Поверхность фрагментов темно-серого цвета, обжиг неравномерный. На внутренней стороне венчика заметны следы нагара. В тесте фиксируется редкая примесь шамота. В изломе черепка видны множественные следы от выгоревшей органики.

Фрагменты принадлежали сосуду горшковидной формы (илл. 53, 2). Венчик достаточно резко отогнут. В месте перехода от шейки к плечикам фиксируется выражен-

ное внутреннее ребро. По всей видимости, горшок имел раздутое тулово. Реконструируемый диаметр сосуда по венчику 25 см.

Срез венчика орнаментирован косыми вдавлениями овальной формы, выполненными, скорее всего, оттиском ногтя.

Сосуд относится к раннему железному веку.

Находка 4 обнаружена в юго-восточной части кургана (1-я юго-восточная траншея) на расстоянии 24,3 м к юго-западу и 3,4 м к северо-западу от центрального репера 2-й юго-восточной бровки (илл. 39). На глубине –464 см обнаружен фрагмент нижней челюсти особи мелкого рогатого скота.

Находка 5 обнаружена в северо-западной части кургана (1-я северо-западная траншея) на расстоянии 42,5 м к северо-востоку и 2 м к юго-востоку от центрального репера 1-й северо-западной бровки (илл. 39). На глубине –375 см найден фрагмент трубчатой кости крупного копытного животного.

§ 6. ОПИСАНИЕ ПОГРЕБЕНИЙ

В результате раскопок кургана было обнаружено 5 погребений.

Погребение 1 (впускное). Располагалось в юго-восточной части кургана (1-я юго-восточная траншея) на расстоянии 14 м к юго-западу и 3,5 м к юго-востоку от центрального репера 1-й юго-восточной бровки (илл. 39). Кости зафиксированы на глубине –218–230 см. Они принадлежали мужчине 30–40 лет.

Скелет представлен черепом и обломком кости руки (илл. 54, 1). Череп лежал на левом боку и был ориентирован на северо-восток. Нижняя челюсть и 1-й левый резец верхней челюсти отсутствовали. В 55 см к юго-западу от черепа находился фрагмент длинной кости руки.

Между этой костью и черепом располагался фрагмент деревянной плахи размерами 25 × 20 см, толщиной 2–3 см. Под ее юго-восточным краем зафиксированы вкрапления угля.

Погребение 1 было полностью разрушено при срытии насыпи строителями железной дороги. Сложно сказать, относятся ли фрагменты дерева к обнаруженному здесь черепу.

Культурно-хронологическая атрибуция погребения затруднена.

Погребение 2 (впускное). Располагалось в юго-восточной части кургана (1-я юго-восточная траншея) на расстоянии 6,9 м к северо-востоку и 3,6 м к юго-востоку от центрального репера 1-й юго-восточной бровки (илл. 39). Погребение было большей частью уничтожено строителями при срытии насыпи. Кости зафиксированы на глубине –184–186 см. Предположительно они могли принадлежать женщине зрелого возраста (см. приложение 3.6).

Описание положения скелета. От костяка сохранились только часть костей нижних конечностей, параллельных друг другу и вытянутых по линии северо-северо-запад — юго-юго-восток (илл. 54, 2). Зафиксированы пяточные, таранные, предплюсневые и плюсневые кости. Фаланги пальцев левой ноги смещены. Судя по расположению сохранившихся костей, умерший, скорее всего, лежал вытянуто на спине, черепом мог быть ориентирован в южный сектор.

У пяточной кости правой ноги обнаружен фрагментированный сосуд, стоявший на дне.

Описание инвентаря. Сосуд керамический сероглиняный круговой сильно фраг-

ментированный (находка 1) (илл. 54, 3). Поверхность серого цвета, имеет следы лощения, обжиг равномерный. В тесте фиксируется примесь известняковой крошки.

Форма полностью не восстанавливается, отсутствуют горло и венчик. Возможно, горло было цилиндрическим. Тулово раздутое, бока округлые. Дно без закраин, немного выгнуто. Высота сохранившейся части 15,7 см, диаметр в месте максимального расширения 18,6 см, диаметр дна 9 см.

От верхней части сосуда сохранился фрагмент, на котором имеется рельефный орнамент — налеп S-видной формы. Длина налепа 3 см. По всей видимости, на сосуде он располагался горизонтально, где-то в районе горла или плечиков. К сожалению, фрагмент не подклеивается и четко установить его расположение на сосуде затруднительно.

Погребение относится к раннему железному веку.

Погребение 3 (впускное). Располагалось в юго-восточной части кургана (4-я юго-восточная траншея) на расстоянии 50 м к северо-востоку и 3,15 м к юго-востоку от центрального репера 4-й юго-восточной бровки (илл. 39).

Могильное пятно имело подовальную форму. Размеры пятна 210 × 150 см. Заполнение ямы — темно-серый суглинок.

Яма имела подовальную форму с прямой юго-западной стенкой. Размеры ямы 210 × 150 см. Стенки прямые. Дно немного наклонное, находилось на глубине –530–541 см.

На дне ямы находились два скелета особей крупного рогатого скота (илл. 55, 1).

Скелет 1 лежал на правом боку, головой ориентирован на запад. Череп лежал на правом боку. Челюсти сомкнуты. Позвоночный столб прямой в области шеи и немного изогнут в остальной части. Таз находился на правом боку. Кости передних конечностей согнуты в коленных суставах: правая нога согнута под острым углом, левая под прямым. Фаланги и копыто правой ноги отсутствовали. Задние ноги вытянуты и сложены вместе. Правая нога согнута в суставе, соединявшем плюсневую и пястную кости.

Скелет 2 лежал на левом боку. Он имел неполный анатомический состав. Отсутствовала задняя часть скелета: таз и кости конечностей. Череп ориентирован на запад. Шея животного изогнута, так что голова находилась на правом боку, челюсти разомкнуты. Кость левой передней конечности вытянута. Она находилась под скелетом 1. От правой ноги сохранилась только плечевая кость. Очевидно, что в яму сначала был помещен скелет 2, а потом скелет 1.

При снятии скелетов выяснилось, что кости в изломе имеют красноватый цвет, характерный для очень молодых захоронений. По рассказам местных жителей, в 70-е гг. XX в. у кургана на располагавшемся здесь железнодорожном переезде поездом было сбито несколько особей крупного рогатого скота. Не исключено, что исследованное нами погребение 5 является захоронением животных прошлого века. К сожалению, погребение 5 не попало в бровку, и судить о его стратиграфической позиции не представляется возможным. Следует заметить, что во время проходов скрепера до материка могильное пятно в насыпи не прослеживалось.

Погребение 4 (впускное). Располагалось в северо-западной части кургана (1-я северо-западная траншея) на расстоянии 4 м к юго-западу и 1,7 м к юго-востоку от центрального репера 1-й северо-западной бровки (илл. 39).

Могильное пятно в насыпи не прослеживалось. Погребение было обнаружено при появлении остатков деревянных конструкций на глубине –220–225 см (илл. 55, 2; 56, 1–2).

Описание деревянной конструкции. Конструкция представляет собой двухкамерное деревянное решетчатое гробовище прямоугольно-подтрапециевидной формы (илл. 56, 1–2). Размеры конструкции ввиду ее частичной сохранности восстанавливаются приблизительно: длина гробовища по оси северо-восток — юго-запад около 180 см,

ширина северо-восточной стенки 115–120 см, юго-западной стенки — 140–145 см. Хорошо сохранилась поперечная северо-восточная плаха конструкции толщиной не менее 9 см, длиной около 115–120 см. Очевидно, несохранившаяся поперечная юго-западная плаха была такой же толщины. Таким образом, поперечные довольно толстые плахи выполняли роль несущих элементов конструкции, в то время как продольные более тонкие плахи были двойные, составляя «дно» и «крышку» сооружения. Тонкая плашка «дна» частично сохранилась в юго-западной части конструкции: ширина ее 5–6 см, длина сохранившейся части 37 см. Толщина этой плашки около 3 см. Практически такая же по толщине плаха, но чуть более широкая (до 8 см) составляла продольную стенку гробовища сверху («крышка»). Длина верхней плахи северо-западной продольной стенки около 68 см. Продольная северо-западная стенка состояла из верхней и нижней плах. Это подтверждается тем, что под остатками верхней плахи сохранились мелкие фрагменты нижней плашки. Система крепления тонких продольных плах и толстой поперечной неясна, т.к. углы конструкции не сохранились. Возможно, имела место система крепления в пазы. Юго-восточная продольная стенка гробовища сохранилась хуже, чем северо-западная. Неясно, существовала ли здесь аналогичная система из двух плах; возможно, сохранилась часть только верхней плахи. Длина сохранившейся ее части 51 см, ширина до 8 см, толщина до 2 см. Восточная часть этой плахи, равно как и восточный угол стыка этой плахи (2 плах?) с поперечной, не сохранились, в основном из-за прошедшей здесь кротовины.

Гробовище делилось на две камеры довольно толстой продольной плахой, ориентированной по линии северо-восток — юго-запад. В одной камере находился погребенный, в другой — большая часть сопровождающего инвентаря. Южная камера для костяка имела прямоугольную форму. Ее длина 160 см, ширина 55 см. Северная камера имела трапециевидную форму. Ее длина 160 см, ширина в северо-восточной части 35 см, в юго-западной — до 60 см. Размеры центральной продольной плахи (сохранившийся участок): длина 109 см, ширина 9 см, толщина не менее 5 см. Хорошо сохранилась сучковатость в центральной части плахи. Очевидно, она была неровной после обработки. Система стыков центральной продольной плахи и поперечных неясна, но, судя по соотношению глубин залегания обеих плах (северо-восточная поперечная и центральная продольная), это, скорее всего, не паз, а стык.

Дно деревянной конструкции реконструируется с определенной долей условности. Отмечено, что в северной трапециевидной камере практически посередине проходила длинная продольная плашка шириной 4–5 см в юго-западной и 2 см в северо-восточной части. В южной камере под скелетом каких-либо плашек не прослежено. Здесь зафиксирован берестяной (?) тлен под черепом и бело-серый органический тлен под всем костяком. Очевидно, в качестве дна погребальной конструкции использовалась какая-то плотная органическая подстилка, размером больше площади южной камеры, поскольку бело-серый тлен проходил под северо-восточной поперечной плашкой и над ней. Возможно, вокруг этой плашки был завернут длинный край подстилки. Разница в оформлении дна обеих камер еще более подчеркивает их назначение: с подстилкой — для тела; без нее — для сопроводительного инвентаря. Дно южной камеры располагалось на уровне 231–232 см, северной — 235–236 см.

Помимо разного оформления дна, зафиксировано и разное оформление «крышки» конструкции обеих камер. Над скелетом прослеживались узкие продольные плашки, которые по длине, очевидно, соответствовали длине южной камеры. Сохранились довольно длинные (49–56 см) фрагменты от них, шириной 4–6 см и толщиной до 6 см. Зазор между плашками соизмерим с их шириной. В районе северо-восточно-

го угла южной камеры сохранились участки трех планок, расстояние между которыми составляло около 5 см. Направление некоторых продольных плашек в погребальной камере нарушено ходом кротовины. Стык тонких плах «крышки» с поперечными плахами осуществлялся при помощи пазов. Особенно четко это фиксировалось в юго-западном углу северной (для инвентаря) камеры: тонкие продольные плашки заходили в пазы поперечной плахи (илл. 57, 1–2). Пазы в поперечной северо-восточной плахе имеют длину до 0,6–0,7 см и ширину 0,9–1,1 см. Глубина пазов не менее 4,5–5 см. В некоторых пазах сохранились концы продольных плашек (илл. 57, 1). Особенность пазов в том, что они шли не по прямой линии, а немного или сильно под углом. Возможно, что «крышка» погребальной конструкции была не плоской, а наклонной. Не исключено, что она имела шатровую (?) конструкцию.

В юго-западной части погребальной камеры зафиксирована поперечная тонкая плаха, лежавшая под продольной плахой. Длина тонкой плахи реконструируется в пределах 70 см. Судя по тому, что поперечный фрагмент плашки лежал под фрагментами тонких продольных плашек, вся поперечная тонкая плаха находилась под продольными, являясь для них своеобразной опорой. Таким образом, можно реконструировать решетчатую конструкцию верха погребального сооружения. Торец поперечной плашки закруглен, т.е. ее край, лежавший на продольной плахе, обрамлявшей внешнюю сторону южной камеры, являлся более узким. Ширина края этой плахи 4 см, ширина самой плахи 5 см, толщина 1 см. На краю данной детали в 2 см от торца вырезано отверстие подпрямоугольной формы. Его размеры 2,4 × 1,3 × 1,1 см. В это отверстие был вставлен деревянный штифт уплощенной формы размерами 3 × 2,1 × 0,8 см. Верхняя часть штифта закруглена подрезкой. Пройдя через отверстие в поперечной плахе, штифт входил в небольшой паз, вырезанный в продольной плахе (илл. 58, 1–2). Размеры паза 2,25 × 1 см, глубина паза 1 см. Очевидно, поперечная планка опиралась вторым концом на центральную продольную плаху. Однако система крепления этого края неясна. Отсутствие паза в центральной продольной плахе вроде бы свидетельствует о том, что здесь крепления с помощью штифта не было. Возможно, еще одна поперечная плашка находилась и в районе головы погребенного, поскольку глазницы черепа частично были перекрыты мелкими фрагментами дерева, а также сохранились детали именно поперечной тонкой планки (ширина до 3 см, толщина до 1 см) на участке камеры между черепом и центральной продольной плахой, делившей гробовище на две камеры.

Внутри погребальной конструкции, в южной камере, обнаружено погребение женщины 18–19 лет (илл. 55, 2; 56, 2).

Описание положения скелета. Скелет располагался вытянуто на спине, черепом ориентирован на юго-запад. Череп имел следы искусственной деформации (см. приложение 3.6), лежал на затылочной кости с небольшим завалом на левую височную кость. Челюсти сомкнуты. Часть грудной клетки (грудина, ребра, грудные позвонки), а также кисть правой руки и правая подвздошная кость таза снесены норой землеройного животного. Позвонки поясничного отдела вытянуты по линии северо-восток — юго-запад, с 1-го по 4-й завалились на правую сторону. Кости рук вытянуты вдоль туловища. Правая рука немного согнута в локтевом суставе, предплечье пронировано, т.е. кисть располагалась ладонной частью вниз. Левая рука прямая, кисть находилась возле левой подвздошной кости таза. Предплечье левой руки также пронировано. Кости ног вытянуты и параллельны друг другу. Стопа правой ноги вытянута и находилась на основании, левая стопа находится на боку и развернута влево.

Под черепом умершего зафиксирован тлен белесого цвета, возможно берестяной. Его размеры 15 × 10 см. Возле правой плечевой кости под фибулой располагался пиг-

мент желтого цвета. Под костяком находилась органическая подстилка, представленная бело-серым органическим тленом. Она покрывала все дно южной камеры.

В погребении обнаружен сопровождающий инвентарь. У левой плечевой кости скелета располагалась бронзовая фибула с фрагментом кожаного ремешка (находка 1) и коралловой бусиной. В 50 см к северо-западу от черепа у юго-западной стенки северной камеры находился комплекс предметов, состоявший из двуручного сосуда-кувшина (находка 4), курильницы (находка 2) и куска мела (находка 3). Здесь же лежал обломок ножной кости МРС (находка 5). В 10 см к юго-востоку от правого плеча обнаружены фрагменты железных ножниц (находка 6). В северо-восточной части северной камеры зафиксированы остатки деревянного предмета (находка 7), скорее всего, от деревянной лопаты. Возможно, она была положена на «крышку» гробовища и провалилась своей узкой частью вниз, вовнутрь камеры. Об этом свидетельствует глубина расположения предмета. Широкая часть находилась на глубине –224 см, а узкая — на глубине –232 см, т.е. расположение предмета in situ на момент раскопок было близко к вертикальному.

Описание инвентаря

1. Фибула бронзовая с фрагментом кожаного ремешка и коралловой бусиной (находка 1) (илл. 59, 5). Фибула сильнопрофилированная, с крючком для тетивы. Имеет округлую в сечении спинку, украшенную в основании (в районе пружины) и посередине бусинами биконической формы. На конце дужки в районе приемника находится бусина грибовидной формы диаметром 0,9 см и высотой 0,7 см. Приемник широкий, изготовлен из прокованной пластины с загнутым для захвата иголки краем. Он имеет в плане трапециевидную форму. Его размеры 2 × 1,7 см. Иголка длиной 5,7 см имеет округлую в сечении форму. Ее окончание закручено в пружинную спираль, обмотанную вокруг железного стержня, которая крепится к крюку, расположенному на основании спинки изделия. Длина пружинной спиральной части 4 см, диаметр 0,9 см. Длина железного стерженька 4,8 см, диаметр 0,5 см. Оба конца стерженька расплющены для предотвращения слета спирали.

К пружинной части вплотную примыкала бусина, изготовленная, скорее всего, из коралла. Она имела цилиндрическую форму. Ее длина 1,4 см, диаметр 0,8 см. Бусина имела сквозное продольное отверстие диаметром 0,2 см.

В районе пружинной части изделия при расчистке были обнаружены остатки кожаного ремешка коричневого цвета. Возможно, он являлся элементом крепления изделия к одежде.

2. Курильница керамическая лепная (находка 2) (илл. 59, 3). Обжиг относительно равномерный, поверхность светло-коричневого цвета. Создается впечатление ангобированности поверхности, которая покрылась мелкими трещинами. В тесте фиксируется примесь крупнозернистого песка.

Курильница имеет баночную форму, подквадратную, приталенную в плане. Дно плоское без закраин, стенки конические, расширяются к верху. Размеры по верху 3,7 × 3,7 см, по дну 3 × 2,5 м. Высота сосуда 4,7 см. На одной стенке имеется сквозное отверстие округлой формы диаметром 0,6 см.

3. Кусок мела белого цвета линзовидный в сечении. В плане он имел неправильную форму, близкую к полуовалу (находка 3) (илл. 59,2). Его размеры 6,5 × 5,6 см, толщина 4,2 см.

4. Сосуд керамический круговой сероглиняный (находка 4) (илл. 59, 1). Поверхность серого цвета без следов лощения. Обжиг равномерный. В тесте фиксируется обильная примесь известняковой крошки. Особенно ее много на донной части сосуда.

В морфологическом отношении сосуд относится к кувшиновидной посуде. Он имеет цилиндрическое горло с резко отогнутым наружу венчиком и раздутое круглобокое тулово. Наибольшее его расширение приходится на середину сосуда. Здесь на тулове располагаются две петлевидные ручки. Дно кувшина плоское без закраин. Высота сосуда 19,8 см, диаметр по венчику 8,3 см, в месте максимального расширения тулова 17 см, по дну — 9,8 см.

Сосуд орнаментирован проглаженными канелюрами. Сдвоенными желобками украшено основание шейки. Три ряда сдвоенных желобков располагаются на тулове. Причем две пары образованы параллельными канелюрами, а третья сделана небрежно — проглаженные желобки пересекаются.

5. Фрагменты железных ножниц представлены верхней частью изделия (находка 6) (илл. 59, 4), которая состоит из пружинного кольца и оснований лезвий. Сечение кольца подпрямоугольное, лезвий — линзовидное. Длина сохранившейся части изделия 6,3 см. Кольцо имеет овальную форму, возможно, деформировано. Его размеры 4,5 × 3,5 см.

6. Фрагменты деревянного предмета (находка 7) являлись, возможно, остатками деревянной лопаты, подноса (?) (илл. 55, 2; 56, 2). Предмет имеет грушевидную в плане форму и желобчатую в сечении. Его длина 31 см, ширина в широкой части 22 см, в узкой — 16 см. Сохранность его неудовлетворительная. Изделие фиксировалось по древесному тлену.

Погребение 4 относится к раннему железному веку.

Погребение 5 (основное, для насыпи 3) располагалось в юго-восточной части кургана (1-я юго-восточная траншея) на расстоянии 20 м к юго-западу и 4,32 м к юго-востоку от центрального репера 1-й юго-восточной бровки (илл. 39).

Описание могильной конструкции. При проходе скрепера в 1-й юго-восточной траншее на участке 0ЮЗ–10–15 м на глубине –348–410 см были выявлены следы перекрытия погребения 5. Так как уже было понятно, что именно в этой части находится важный стратиграфический участок с точки зрения установления последовательности сооружения погребения 5 и насыпи 1, было решено сделать здесь контрольную врезку вручную и зачистить поверхность перекрытия (илл. 60, 1–3; 61, 1–2). Врезка имела прямоугольную форму и короткой стороной была сориентирована по направлению бровок, т.е. по линии СВ–ЮЗ. Ее размеры 8 × 5,4 м (илл. 60, 1; 61, 1). После зачистки выяснилось, что перекрытие погребения, представлявшее собой настил из коры и тростника, покрывало не только могильную яму, но и погребальную площадку вокруг нее с большей частью выкида (илл. 60, 1, 2; 61, 1–2). Кроме того, стало понятно, что, скорее всего, могильная яма погребения 5 была перекрыта поперечным бревенчатым накатом, которой был уложен поверх покрытия из коры и тростника. В юго-западной части врезки фиксировались отпечатки 4 бревен шириной 30–35 см, ориентированные по линии ССЗ–ЮЮВ (илл. 60, 3; 61, 1). Впоследствии выяснилось, что данная ориентировка остатков деревянной конструкции четко соответствует ориентировке ямы по короткой стороне. В древности погребение 5 было перекрыто насыпью 3, состоящей из темно-серого сильно гумусированного суглинка, которая сооружалась с использованием ила и других вязких пластичных компонентов (грязь и т.д.). В подобной влажной среде дерево сохранилось в основном в виде отпечатков. Только разборка этой части конструкции вручную позволила зафиксировать следы бревенчатого перекрытия. Во врезке на поверхности перекрытия фиксировались также отпечатки тонких плашек шириной 5–6 см. Четыре такие планки, параллельные друг другу и ориентированные по линии ВСВ–ЗЮЗ, т.е. так же как длинная ось ямы, были за-

фиксированы у юго-восточной стенки врезки, ближе к ее северо-западному углу. Они располагались перпендикулярно отпечаткам бревен перекрытия (илл. 61, 1). Не исключено, что бревенчатый поперечный накат по периметру был обложен конструкцией из тонких деревянных планок. Отдельные едва уловимые отпечатки плашек фиксировались и у северо-западной стенки врезки.

После зачистки поверхности перекрытия во врезке оказалось, что оно накрывает не только выкид, но и часть насыпи 1. Как на этом участке стратиграфически соотносятся между собой выкид и насыпь 1, оставалось непонятным. В разрезе 1-й юго-восточной бровки это соотношение также не устанавливалось, потому что в месте нахождения этого профиля выкид погребения 5 и насыпь 1 в плане не накладывались друг на друга и находились здесь на одном уровне — на погребенной почве (илл. 41, 1–2; 76, 1). Для прояснения вопроса соотношения выкида и насыпи 1 во врезке был сделан разрез А-А1 по линии СЗ-ЮВ. Фактически он являлся перпендикулярной бровкой, расположенной между отметками 0ЮЗ-14 м 1-й и 2-й юго-восточных бровок (илл. 61, 1). С помощью разреза удалось четко установить, что выкид из погребения 5 частично перекрыл край насыпи 1, которая на этом участке была представлена слоем темно-серого гумусированного суглинка, лежавшего на сером суглинке с включениями материкового суглинка (илл. 62, 1–2). Перекрытие из коры и тростника также частично легло на край насыпи 1. Таким образом, можно уверенно утверждать, что яма погребения 5 была сооружена позже насыпи 1.

Еще один фрагмент поверхности выкида с перекрытием и участок вала 1 был горизонтально зачищен во 2-й юго-восточной траншее на участке 0ЮЗ–16–20 м (илл. 60, 2; 61, 2). Перекрытие здесь было представлено только настилом из коры и тростника без остатков деревянных конструкций. Причем на данном участке оно зафиксировано не на всей поверхности выкида, а только в его северо-западной части в виде полосы шириной 40–50 см у бровки.

Таким образом, погребение 5 было сооружено у полы насыпи 1 и окружено кольцевым материковым выкидом. Яма и околомогильная площадка, включая выкид и край насыпи 1, были укрыты настилом органического происхождения из коры и тростника, затем над погребальной камерой был сооружен поперечный бревенчатый накат.

Могильное пятно имело прямоугольную форму и было длинной осью вытянуто по линии ВСВ-ЗЮЗ (илл. 77, 1). Ее размеры 385 × 295 см. Заполнение при зачистке по материку было представлено темно-серым сильно гумусированным суглинком. У западного края могильного пятна фиксировался участок мешанного с материковым суглинком грунта — остатки грабительского вкопа. Верхняя часть грабительской ямы хорошо фиксировалась на участке 0ЮЗ–16–22,4 м в верхней части профиля 1-й юго-восточной бровки (илл. 41, 1–2). При выборке 1-й юго-восточной траншеи грабительская яма прослеживалась в плане до выхода на материк.

Яма имела прямоугольную форму и была длинной осью вытянута по линии ВСВ-ЗЮЗ. Ее размеры 385 × 295 см. Дно располагалось на уровне –747–752 см. Стенки погребальной камеры вертикальные, немного сужались ко дну. Размеры могилы по дну 330 × 230 см.

Для фиксации структуры заполнения могильной ямы был оставлен разрез А-А1 (илл. 68, 1–2). Заполнение погребения было достаточно сложным. На разрезе хорошо видны остатки грабительской ямы. Она клином вошла в западную часть могилы. Заполнение вкопа представлено материковым суглинком, мешанным с серым суглинком. Грабители не дошли всего 10 см до просевшего перекрытия захоронения. Заполнение могилы до перекрытия делилось на две части (илл. 68, 1–2). Западная часть за-

полнена темно-серым гумусированным суглинком. Эта часть заполнения доходит до уровня, на котором находилась подстилка из коры и погребенный. Восточная часть заполнения имеет ярко выраженную слоистую структуру, основу которой составлял гумусированный серо-коричневый суглинок, аналогичный тому, из которого были сложены валы 1 и 2. Внутри него прослеживается множество прослоек светло-серого цвета. Под этим слоем располагались остатки просевшего в могильную яму перекрытия из коры и тростника. Хорошо сохранившийся участок перекрытия находился в центральной части ямы и плавно подымался к ее восточной стенки. Фрагменты перекрытия фиксировались и в верхней части заполнения ямы, у стенок. Пространство между уровнем просевшего перекрытия и уровнем залегания костяка заполнено темно-серым суглинком. Наличие в яме до уровня перекрытия двусоставного заполнения позволяет предполагать, что после совершения захоронения пространство ямы оставалось полым, а затем, после проседания перекрытия, сюда попали грунты, из которых сооружена насыпь 3 (темно-серый гумусированный суглинок) и располагающийся в непосредственной близости от могилы вал 1 (серо-коричневый суглинок). На уровне нахождения костяка прослеживались остатки подстилки от коры, тростника, темно-красной и ярко-красной охры. Ниже по всей длине разреза от уровня костяка до материкового дна фиксировалась подсыпка из светло-серого суглинка. Ее мощность 30–35 см.

При разборке погребения была произведена фиксация по 3 уровням.

1-й уровень — зачистка просевшего в могилу перекрытия (илл. 63, 1–2). Оно представлено листами коры, в древности, вероятно, сшитыми, сверху которых находился тростниковый настил. Данное перекрытие, как уже отмечалось, покрывало не только яму, но и окружающую площадку, в том числе выкид и край насыпи 1. Непосредственно в могильной яме следы бревенчатого наката, который сохранился в виде отпечатков в контрольной врезке на краю могилы, естественно, не зафиксированы. Перекрытие из коры и тростника просело в могилу, что четко видно на разрезе (илл. 68, 2). Уровень его фиксации в центральной части ямы –665–703 см.

При разборке 1-го уровня были обнаружены фрагменты керамики в северной половине ямы над уровнем просевшего перекрытия на глубине –649–656 см (находки 1, 3, 5). Еще один фрагмент керамики располагался в 60 см к востоку от западной стены. Он находился в той части могилы, которая была нарушена грабительской ямой на глубине –704 см (находка 4). Все фрагменты керамики принадлежат одному сосуду. В 17 см к северу от южной стенки на глубине –648 см зафиксирован обломок трубчатой кости МРС (находка 2) (илл. 63, 2).

2-й уровень зачистки был произведен после обнаружения скелета (илл. 64, 1–2; 77, 2). Ее уровень располагался на глубине –712–720 см. Зачистка была произведена по уровню пола, на котором находилась умершая. Он маркировался подстилкой из коры и тростника, находившейся под скелетом, и обильной охристой подсыпкой.

Как выяснилось, могильная яма имела два пола, первый из них соответствовал 2-му уровню зачистки. Размеры могильной ямы по дну на этом уровне 350 × 295 см.

3-й уровень зачистки (илл. 67, 1–2; 77, 4). После снятия скелета и вещей выяснилось, что умерший был положен на подсыпку, состоявшую из светло-серого легкого суглинка (илл. 68, 2). Эта подсыпка была сооружена по всей площади ямы. Ее толщина 32–35 см. После разборки данной материковой подушки была произведена зачистка всей площади погребальной камеры (уровень 3 — пол 2). Оказалось, что до сооружения подсыпки в дне ямы были сделаны углубления, которые впоследствии были перекрыты данной подушкой. Это две канавки, сооруженные вдоль северной и южной стен, и ямка-бофр у западной стенки (илл. 67, 1–2; 77, 4). Канавки были выкопаны вдоль длин-

ных стен. Ширина углублений колебалась от 10 до 45 см. Стенки канавок вертикальные. Дно северной канавки расположено на глубине 767–778 см, дно южной — на глубине 783–792 см. При разборке заполнения канавок были прослежены углубления, связанные с деревянной конструкцией, которая облицовывала стенки могильной ямы. Они были покрыты на всю высоту тонкими плашками и столбиками. Их вертикальные отпечатки фиксировались на всех бортах могильного сооружения (илл. 64, 1; 67, 1; 77, 2, 4). Основания этих деталей вдоль длинных стен были установлены в канавки. Наиболее крупные столбики находились по углам. В северо-западном, северо-восточном и юго-восточном углах обнаружены округлые ямки от опорных столбов, которые не сохранились. Диаметр ямки в северо-западном углу 20 см, в северо-восточном углу — около 20 см, в юго-восточном углу ее размеры составили 30 × 25 см. Кроме того, углубления от тонких столбиков зафиксированы вдоль западной стенки: здесь их три, и одно углубление обнаружено у центра восточной стенки (илл. 67, 2). Несмотря на то, что деревом были облицованы все стенки ямы, древесный тлен сохранился только в отдельных местах. Удалось зафиксировать две плашки на длинной и короткой стенках у юго-восточного угла, а также плашку в центральной части западной стены. Судя по этим остаткам, в конструкцию облицовки ямы входили плашки шириной 7–15 см и толщиной 3–5 см. Прослеженные особенности заполнения могильной ямы на 2-м и 3-м уровнях зачистки позволяют утверждать, что деревянная облицовочная конструкция была установлена до сооружения подсыпки, на которую был уложен костяк.

Также до сооружения подсыпки было выкопана и ямка-бофр, которая располагалась в 30 см к востоку от центра западной стенки могилы (илл. 67, 1–2; 77, 4). Она имела округлую форму. Ее диаметр составил около 25 см. Стенки ямки расширялись ко дну, т.е. в разрезе она имела грушевидную форму. Диаметр ямки по дну 33 см. Ямка, так же как и канавки, была заполнена светло-серым суглинком, т.е. она была перекрыта подсыпкой и подстилкой, которая находилась под умершим. Иными словами, стратиграфические наблюдения показали, что функционального назначения в конструктивном оформлении могилы ямка не имела и не являлась, в частности, столбовой. Об этом свидетельствует и грушевидная ее форма. Скорее всего, данное углубление являлось ритуальным, и ямку следует рассматривать как бофр. Находок в ней не обнаружено.

В центральной части ямы обнаружен скелет женщины 30–40 лет (илл. 64, 1–2; 77, 2). Как уже было отмечено, костяк располагался на подушке из светло-серого суглинка (2-й уровень зачистки).

Описание положения скелета. Скелет лежал вытянуто на спине с завалом на правый бок, черепом ориентирован на ВСВ. Сохранность костей плохая.

Сильно фрагментированный череп располагался поверх грудной клетки. Нижняя челюсть находилась между ключицами. Судя по ее расположению, голова умершей в древности была уложена на какую-то высокую подушку, так что череп находился практически на основании и был лицом обращен на запад или юго-запад. Впоследствии черепная коробка завалилась на грудь. Позвоночный столб довольно сильно изогнут. Позвонки завалены на правую сторону. Однако кости плечевого пояса при этом соответствовали положению тела на спине. Кости рук вытянуты вдоль тела, согнуты в локтевых суставах под тупым углом. Предплечье правой руки супинировано, левой — пронировано. Кисть левой руки, по всей видимости, была сжата в кулак. Ладонь правой руки прямая. Первоначальное расположение рук было симметрично по отношению к центральной оси скелета. Впоследствии левая плечевая кость была смещена и нарушено локтевое сочленение. Правое крыло таза и крестец завалены на спину. Ле-

вое крыло сохранило позицию, соответствовавшую положению тела на правом боку. Левая нога была вытянута вперед по линии ЗСЗ–ВЮВ. Стопа вытянута вперед, находилась на левом боку и слегка развернута влево. Правая нога согнута в коленном суставе под тупым углом и завалена на правый бок. Стопа находилась на боку и была развернута вправо.

Пол 1 (2-й уровень зачистки) могильной ямы был покрыт подстилкой из коры и тростника. Большая часть дна и костяк были посыпаны охрой. Подсыпка из темно-красной охры занимала центральную часть. Она имела подпрямоугольную форму. Ее размеры 300 × 245 см. По периметру данной подсыпки в нескольких местах были зафиксированы отпечатки тонких плашек, которые сохранились в виде узких канавок глубиной 3–6 см, шириной 4–6 см. Вдоль южного края лежали две плашки общей длиной 233 см. Вдоль восточного края сохранился отпечаток плашки длиной 130 см, вдоль северного края лежала плашка длиной 50 см и еще одна плашка, длина которой не реконструируется. Вдоль западного края подсыпки из темно-красной охры остатков плашек не прослежено. Фрагмент отпечатка продольной плахи шириной 7 см зафиксирован только у юго-западного угла. Ярко-красной охрой был посыпан участок дна ямы, на котором размещался костяк. Его размеры 180 × 117 см. В районе нахождения производственного набора располагался участок желтого тлена или пигмента неправильной формы размерами 17 × 12 см, толщиной до 0,5 см.

В погребении обнаружен разнообразный и многочисленный инвентарь. У северной стенки ямы ближе к северо-западному углу располагалась вверх дном глиняная курильница на каркасном поддоне (находка 7) (илл. 77, 3). В центральной части ямы, посередине между скелетом и северной стенкой, находилось скопление предметов (илл. 65, 1–2). В 25 см к северу от правого колена располагался производственный набор, состоящий из медного ножа (находка 17), медного шила (находка 16), костяного орудия (находка 14), каменных абразивов (находки 19 и 18), каменного растиральника (находка 15), отщепа кремня с ретушью (находка 9), предмета из биллона неясного назначения (находка 13). Здесь же находилась ископаемая раковина-аммонит (находка 10). Компактное размещение данных вещей (илл. 65, 1–2), свидетельствует о том, что в древности они, скорее всего, находились в каком-то футляре. Возможно, именно от него остался тлен желтого цвета. Еще три предмета располагались в непосредственной близости от компактного скопления (илл. 65, 1–2). В 20–25 см к северу от него находились фрагмент еще одной раковины-аммонита (находка 11) и еще одно костяное орудие (находка 12), в 15 см к востоку обнаружен развал баночного сосуда (находка 8), который в древности стоял на дне. В 80 см к северу от черепа погребенного найдено медное шильце (находка 6) (илл. 64, 2). В области груди и черепа находились украшения (илл. 66, 1–2). Они представлены серебряными пружинными пронизями (12 шт.) (находка 20). Шесть пронизей располагались между ключицей и правой плечевой костью, 5 пронизей находились между нижней челюстью и левым плечом, одна найдена в заполнении придонной части могильной ямы в районе черепа. Во втором скоплении пронизей обнаружено серебряное височное кольцо в 1,5 оборота (находка 21). Судя по расположению украшений из серебра, они входили в единый набор, который, скорее всего, мог украшать голову погребенной. После того как череп в процессе разложения мягких тканей завалился на грудь, украшения также оказались в районе костей плечевого пояса. При разборке скелета у правой ветви нижней челюсти найден еще один отщеп кремня с ретушью и естественным отверстием (находка 22). Скорее всего, данный предмет также входил в состав гарнитура украшений, либо служил своего рода амулетом, который подвешивался за отверстие.

Описание инвентаря

1. Спиральные пружинные пронизи, изготовленные из серебра (12 шт.) (находка 20) (илл. 69, 1, 2), сделаны из тонкой проволоки, округлой в сечении, диаметром 0,05–0,07 см. Сохранность их хорошая. Они представлены фрагментами (6 шт.) и целыми изделиями, имеют дуговидную форму, размеры предметов составляют от 0,5–2,5 см. Диаметр спиралек 0,3–0,5 см.

2. Серебряное височное кольцо в 1,5 оборота (находка 21) (илл. 69, 2, 3). Изделие имеет округлую в плане форму. Его диаметр 2,2 см. Кольцо изготовлено из округлого в сечении прутка диаметром 0,25 см. Концы подвески раскованы в виде лопастей с продольным ребром. Ширина лопастей 0,5–0,7 см. Длина раскованной части 1,4–1,5 см.

3. Предмет из биллона неясного назначения (находка 13) (илл. 70,4) представляет собой коррозированную бляшку. Она имеет подпрямоугольную форму с сильно округленными углами. Один из концов оформлен в виде небольшого жальца длиной 0,35 см, плоским в сечении. Размеры изделия 2,1 × 1 см. Сечение основной части подпрямоугольное, толщина предмета 0,4 см. Функциональное назначение данной вещи остается непонятным. Несмотря на не очень хорошую сохранность предмета, можно сказать, что перед нами, скорее всего, законченное изделие.

4. Костяные орудия (находка 12 и 14) (илл. 71, 6–8) являются так называемыми «каламами» (см. приложение 3.2). В качестве сырья использованы локтевые кости лошади. Проксимальные концы обоих орудий обломаны.

Одно изделие хорошей сохранности (находка 12) (илл. 71, 7, 8). Его длина 9,1 см. Дистальный конец предмета сохранился полностью. В нем вырезан паз. Его длина 1,2 см, ширина между зубцами на конце орудия 0,02 см.

Второй предмет сохранился не полностью, утрачена рабочая часть с пазом (находка 14) (илл. 71, 6). Длина фрагмента изделия 8,2 см. Дистальный конец орудия обломан. Скорее всего, рабочий конец был оформлен так же, как и у первого орудия.

Оба орудия в охре, которой обильно было посыпано захоронение. Однако следует отметить, что частицы охры особенно глубоко вошли в компакту на дистальном, узком, конце орудия.

5. Каменный абразив (находка 19) (илл. 71, 1) изготовлен из обломка песчаника неправильной в плане формы размерами 9 × 8,5 см. Основание, нерабочая часть, имеет относительно ровную естественную поверхность камня. Рабочая часть наклонная, гладкая от утилизации. На участке размерами 5,5 × 3,5 см отчетливо фиксируются следы использования в виде четырех перекрещивающихся канавок. Их ширина 0,3–0,4 см. Они являются следами заточки орудий типа шильев (проколок) (см. приложение 3.2). Нижняя (нерабочая часть) обильно покрыта охрой. Отдельные следы охры фиксируются на рабочей поверхности.

6. Каменное орудие (находка 15) (илл. 71, 2) представляет собой изделие подквадратной формы с округленными углами, изготовленное из камня кристаллической породы. Его размеры 7,2 × 7,1 × 4,1 см. На поверхности фиксируются следы шлифовки. Орудие могло выполнять роль растиральника для охры (см. приложение 3.2).

7. Каменное орудие (находка 18) (илл. 71, 3) является абразивом, изготовленным из обломка камня кристаллической породы. Предмет имеет подтреугольную форму, его размеры 8 × 7,3 × 2,3 см. Рабочей является только одна сторона, которая, по всей видимости, использовалась для заточки инструментов (см. приложение 3.2). Ее размеры 7 × 6,3 см. Противоположная сторона и участок слома не имеют следов обработки и сохраняют естественную структуру камня.

8. Изделие из темно-серого кремня (находка 9) представляет собой патинированный первичный отщеп со среднефасеточной полукрутой дорсальной ретушью на одной из сторон (илл. 71, 4). Предмет имеет подпрямоугольную приталенную в плане форму размерами 3 × 2,5 × 1–1,5 см. Выемка, обработанная ретушью, имеет полукруглую форму. Скорее всего, данное изделие могло использоваться для обработки древков стрел.

9. Изделие из темно-серого кремня (находка 22) представляет собой патинированный первичный отщеп с естественным отверстием в центральной части со следами утилизации в виде отвесной дорсальной ретуши, нанесенной с боковых сторон (илл. 71, 5). Он имеет трапециевидную в плане форму размерами 3 × 1,5–2,5 см. Толщина предмета 1–1,3 см. В функциональном отношении изделие могло являться скобелем. Кремень имеет естественное отверстие диаметром 0,2 см. Как уже было отмечено, данный предмет был обнаружен в районе черепа, где расположены украшения. Учитывая наличие отверстия, можно предположить, что в погребальном обряде кремневое изделие было подвешено и входило в состав украшения.

10. Нож медный (находка 17) имеет листовидную форму (илл. 70, 1). Черешок прямой, на конце имеет расковку в плане. Сечение черешка прямоугольное, его толщина 0,3 см. Длина данной детали 4,5 см, ширина в месте расковки 1,2 см, посередине 1 см, в месте соединения с лезвием — 1,8 см. Лезвие листовидное, максимальное его расширение приходится на верхнюю часть клинка. По центру лезвия фиксируется ребро жесткости. Сечение лезвийной части линзовидное. Кончик клинка обломан. Длина реконструируемой лезвийной части 13,7 см, ширина в месте наибольшего расширения 4,3 см.

11. Шило медное (находка 16) (илл. 70, 2) изготовлено из прута, прямоугольного в сечении. Изделие состоит из двух функциональных частей: короткого насада и длинной рабочей части. Они отделены друг от друга слабо выраженным упором. Толщина шила в месте упора 0,5 см. Насад суживается к окончанию, его длина 3 см. Рабочая часть также суживается к окончанию. Кончик изделия обломан. Длина сохранившейся рабочей части 7,6 см, реконструируемой — 8,6 см. Длина всего изделия 11,8 см.

12. Медное шильце (находка 6) изготовлено из прутка, прямоугольного в сечении (илл. 70,3). Изделие состоит из двух функциональных частей: из более короткого насада и более длинной рабочей части. Они отделены друг от друга выраженным упором в виде тонкого ободка. Толщина шила в месте упора 0,35 см. Насад имеет тупой конец, его длина 1,2 см, лезвийная часть суживается к окончанию. Кончик шила не сохранился. Длина сохранившейся части всего изделия 2,8 см, реконструируемой — 3,9 см[43].

13. Сосуд лепной (находка 8) плохой сохранности (илл. 73, 1). Обжиг неравномерный. Поверхность сосуда имеет темно-коричневый цвет. На ней фиксируются многочисленные следы выгоревшей органики. В тесте присутствует примесь толченой раковины.

Профиль реконструируется полностью. Сосуд имеет баночную форму с прямыми стенками, венчик плоский т-видной формы. Дно без закраин. Реконструируемый диаметр венчика 8,4 см, дна — 7,3 см. Высота сосуда 5,3 см. Толщина стенок 0,6–0,8 см, дна — 0,7 см.

Всю поверхность сосуда покрывает орнамент, нанесенный среднезубчатым штампом. Композиция представлена прямыми горизонтальными замкнутыми линиями,

---

[43] Если это орудие было стрекалом (см. ниже), то рабочей частью могла выступать короткая притупленная часть предмета.

пространство между которыми заполнено коротким вертикальными отрезками. Насчитывается три орнаментальных фриза. Первый, узкий, находится под венчиком, второй, широкий, покрывает среднюю часть сосуда, третий украшает придонную часть. Последний образован только рядами горизонтальных линий.

14. Курильница глиняная лепная (находка 7) (илл. 72, 1–2). Обжиг такой же плохой, как и баночного сосуда. Поверхность имеет коричневый цвет. В тесте фиксируется примесь мелкотолченой раковины.

В морфологическом отношении курильница относится к типу чаш без отделений с четырьмя раздельными ножками, сросшимися в основании. Чаша имеет круглую форму. Ее диаметр 20 см, высота 3,5 см. Стенки чаши немного суживаются кверху. Диаметр по венчику 18,1 см. Основание поддона имеет квадратную приталенную форму размерами 9 × 9 см. Отверстие в поддоне также имеет подпрямоугольную с округленными углами форму размерами 5 × 4 см. Ножки курильницы немного расширяются кверху. Их толщина 2–2,8 см. Высота поддона 4,7 см. Высота всего изделия 8,2 см.

Вся внешняя поверхность курильницы и срез венчика покрыты орнаментом. Срез венчика украшен короткими вертикальными оттисками шнура. На поверхности чаши нанесен шнуровой и рельефный орнамент. Под венчиком находятся две горизонтальные замкнутые линии, выполненные оттисками шнура. Ниже стенки чаши украшены рельефным узором. Он представляет собой два ряда жемчужин, опоясывающих сосуд. Они выполнены путем несквозного прокола с внутренней части чаши, после чего изнутри проколы были замазаны глиной. Нижняя часть чаши и дно поддона орнаментированы сдвоенными горизонтальными линиями, выполненными отпечатками шнура. Также орнаментировано и основание поддона.

15. Ископаемые раковины-аммониты (находки 10 и 11). Меньшая раковина почти целая. Ее диаметр 2,6 см (илл. 71, 10). Большая представлена половиной (илл. 71, 9). Реконструируемый диаметр этой раковины 4,9 см.

16. Фрагменты керамики (находки 1, 3, 4, 5) (илл. 73, 2) обнаружены в заполнении могильной ямы. Возможно, фрагменты относятся к одному сосуду. Поверхность керамики варьирует от светло-коричневого до темно-коричневого. Поверхность с внутренней и внешней сторон покрыта крупными горизонтальными расчесами. В тесте фиксируется примесь толченой раковины. На одном, самом мелком обломке прослеживается фрагмент орнаментации сосуда. Она представляет собой косой крест, выполненный мелкозубчатым штампом.

Погребение 5 относится к раннему этапу среднего бронзового века. Следует отметить, что фрагменты из заполнения ямы отличаются от посуды, найденной со скелетом, по тесту, обжигу, обработке поверхности и мелкозубчатой орнаментации. Судя по этим признакам, керамика из заполнения может относиться к началу поздней бронзы (памятникам покровского типа), т.е. времени более позднему, чем само захоронение. Не исключено, что в верхнюю часть заполнения могильной ямы фрагменты могли попасть в результате попытки ограбления. Напомню, что стратиграфическая картина, зафиксированная в 1-й юго-восточной бровке, показывает, что грабительский вкоп является древним, т.к. он перекрыт поздней досыпкой насыпи 6[44].

После окончания исследования были проведены мероприятия по планировке раскопанной части и консервации профиля 1-й юго-восточной бровки. Юго-во-

[44] Следует оговориться, что покровская атрибуция керамики из заполнения могильной ямы погребения 5 является предположительной, т.к. при характерных покровских признаках мы не имеем формы посуды.

сточная и северо-западная части кургана после окончания исследования были спланированы. Для предотвращения обрушения высокого профиля 1-й юго-восточной бровки и соответственно разрушения той части кургана (не копавшейся), где проходят кабель федерального значения и ЛЭП, была произведена подсыпка профиля на полную его высоту. Борта не копавшихся участков кургана, которые находились под посадкой и под полосой, необходимой для разворота скрепера, были засыпаны в ходе планирования юго-восточной части кургана. Таким образом, после окончания исследования остались законсервированными центральная часть и южная пола насыпи.

Курган продолжает находиться на государственном учете в местном органе охраны памятников. Коллеги, путешествуя по Приволжской железной дороге из Среднего Поволжья и Зауралья на юг, между станциями Старая Кулатка и Дубовый Гай, это около 2 часов езды после Сызрани, вы будете проезжать через Золотой курган. Посмотрев на левую сторону, можно увидеть его нераскопанную часть и воочию оценить масштабы работ, проведенных древними строителями.

На мой взгляд, то, что центральная часть кургана осталась нераскопанной и находится в состоянии надежной консервации, представляет большую удачу и имеет огромное значение. Этот участок рано или поздно подвергнется изучению в будущем. Комплексный подход в исследовании археологических объектов уже сегодня становится нормой. Методика изучения археологических памятников, в особенности естественно-научные методы, совершенствуются с каждым годом. Появляются все новые и новые виды анализов, которые расширяют информационные возможности источника. Учитывая темпы развития этих областей знаний, можно не сомневаться, что уже в недалеком будущем количество данных, получаемых при раскопках памятника, будет на несколько порядков выше, чем сейчас. В этой связи значение законсервированного участка центральной части Золотого кургана, самого крупного в Поволжье, который является уникальным памятником древней грунтовой архитектуры, сложно переоценить. Надеюсь, будущие исследования позволят вывести наши знания об этом археологическом памятнике на принципиально новый уровень, внесут еще большую ясность во фрагментарную стратиграфическую картину, имеющуюся на сегодняшний день, и должным образом скорректируют реконструируемую по нашим данным историю сооружения и функционирования кургана.

§ 7. ИСТОРИЯ СООРУЖЕНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КУРГАНА

В ходе исследования было выделено 7 этапов строительства и функционирования кургана. Под этапами подразумевается последовательность действий по сооружению грунтовых конструкций и погребальных комплексов, которую удалось установить в результате стратиграфического и планиграфического анализа.

Первые пять этапов связаны с возведением единого архитектурного ансамбля носителями одной культурной традиции.

I этап. Начало сооружения кургана было связано со строительством насыпи 1, сложенной из светло-серого суглинка с обильными включениями светло-желтого материкового суглинка. Конструкция была возведена из грунтовых блоков (илл. 74, 1). Во всех профилях в юго-восточной части кургана, где она была зафиксирована, ее подошва находилась на погребенной почве. В бровках северо-западной части кургана эта насыпь уже отсутствовала, что свидетельствует о том, что ее северная половина распола-

гается под законсервированной частью кургана, а также разрушена железной дорогой[45]. Высота насыпи 1 составила 3,7–3,8 м. В плане удалось зафиксировать только ее южную часть. Судя по всему, насыпь имела фигурную форму, ориентировочные ее размеры 80 × 50 м. В профилях 1-й и 2-й юго-восточных бровок четко прослеживалась ступенчатая конструкция ее восточного склона. В полном профиле 1-й юго-восточной бровки насчитывалось три уступа, ведущих на вершину конструкции. Вершина насыпи 1 была плоской и ровной. Ее западный край был наклонным и даже отвесным, как это было прослежено в ряде усеченных профилей юго-восточных бровок. При нанесении насыпи на план ее конфигурация оказалась соответствующей ее форме в разрезе. Иными словами, именно с восточной стороны, где прослеживались в профиле уступы, на плане образовалось три выступа. В свою очередь, там, где в разрезе наблюдался ровный склон, в западной части насыпи 1, в плане конструкция оказалась также ровной. Это позволяет сделать достаточно обоснованный вывод о том, что восточный склон насыпи был оформлен в виде пандусов, (возможно, трех) ведущих на ее вершину, а последняя представляла собой ровную и плоскую площадку. Конфигурация насыпи на неисследованной части кургана могла быть, а скорее всего, и была также фигурной[46]. Следует отметить, что топографический центр данного сооружения, возможно, располагается под законсервированной ненарушенной частью кургана. С большой долей вероятности можно прогнозировать нахождение здесь основного погребения, связанного с данной конструкцией. На мой взгляд, время сооружения насыпи 1 близко времени сооружения погребения 5 раннего этапа средней бронзы. Об этом свидетельствует то, что западный край насыпи 1 был близок к отвесному, т.е. пристройка насыпи 3 в этой части кургана началась до начала разрушения (оплывания) грунтовой архитектуры насыпи 1. Кроме того, насыпь 2 повторяла ступенчатую конфигурацию насыпи 1. Насыпь 2, в свою очередь, перекрыла вал 3, связанный с сооружением погребения 5 (см. ниже).

II этап. После возведения насыпи 1 у ее южной полы было сооружено погребение 5 (илл. 74,2). Выкид из него лег кольцом вокруг могильной ямы. Он покрыл площадку размерами 15 × 14 м. Выкид был накрыт перекрытием из тростника и коры. Сама яма была перекрыта бревенчатым поперечным накатом. Перекрытие из коры и тростника, а также край выкида легли на полу насыпи 1, что четко документирует более поздний возраст погребения 5 относительно данной грунтовой конструкции.

III этап. Сразу после совершения погребения 5, а скорее всего, одновременно с ним, стали сооружаться валы 1, 2 и 3 (илл. 74, 3). В профилях 1-й, 2-й и северо-западном профиле 3-й юго-восточных бровок зафиксировано перекрывание валом 1 выкида погребения 5 (илл. 41, 1–2; 42, 1–2; 43, 2; 76, 1, 2). В профиле 1-й юго-восточной бровки видно, что перекрытие из коры и тростника, укрывавшее околомогильную площадку, заходило в нижнюю часть толщи вала 1, а также оно прослеживалось в толще той части конструкции вала, которая была непосредственно пристроена к стене насыпи 1, превратив ее почти в отвесную (илл. 41, 1–2). Это свидетельствует в пользу того, что строительство вала 1 шло одновременно с сооружением тростникового настила над погребением 5. Не вызывает сомнения, что валы 1 и 2, сложенные из идентичного се-

---

[45] На неисследованной части кургана контуры насыпей и валов нанесены гипотетически. Для того, чтобы акцентировать внимание на этом, на рисунках (илл. 74; 75) данная часть кургана покрыта косой штриховкой.

[46] На плане (илл. 39; 74) контур насыпи 1 на неисследованной части замкнут в виде круга, т.к пытаться реконструировать ее фигурные очертания бессмысленно. Соответственно, я просто пытался показать границы ее возможного расположения.

ро-коричневого суглинка, подошвы которых располагались на погребенной почве, сооружались одновременно. Вал 3, окружавший полукольцом насыпь с северо-восточной стороны, также строился одновременно с валами 1 и 2. Его подошва тоже находилась на погребенной почве. Валы 1 и 2 шли параллельно друг другу. В месте стыка вала 3 и вала 1 в юго-восточном профиле 2-й северо-западной бровки видно, что вал 3 был пристроен к уже готовой конструкции вала 1 (илл. 50, 1–2). Это не свидетельствует об их разновременном сооружении, а означает только то, что северный участок вала 3 был возведен несколько позже северной оконечности вала 1 в рамках единого строительного акта. Стыковка валов 1 и 3 и нахождение их подошв на древнем горизонте однозначно свидетельствует, что они сооружались до возведения всех последующих грунтовых конструкций (насыпи 2–5). Об одновременности всех валов свидетельствует и планиграфия. Они кольцом с разрывом в юго-восточной части охватили насыпь 1 (илл. 74, 3).

Валообразные сооружения имели достаточно сложную фигурную конструкцию. Так, валы 1 и 2 в нескольких местах имели выраженные «зубцы» треугольной формы. Они хорошо фиксировались в разрезах 1-й юго-восточной, 1-й и 2-й северо-западных бровок (илл. 41, 1–2; 48, 1–2; 50, 1–2; 76, 1). Возможно, нижняя часть срезанного строителями «зубца» прослеживалась также в северо-западном профиле 3-й юго-восточной бровки (илл. 43, 2) В целом форму валов 1 и 2 можно определить как уплощенные платформы шириной 2–6,5 м, высотой 1–1,5 м, на которой в отдельных местах были построены возвышения в виде «зубцов». Здесь их высота достигала 2,25–2,4 м. В плане южные оконечности валов 1 и 2 также имели усложненный вид (илл. 74, 3). Так, на участке между 2-й и 3-й юго-восточными бровками фиксировался разрыв в конструкции вала 2 шириной около 4 м. По-видимому, таким образом мог быть оформлен проход на площадку между валами 1 и 2. Второй проход шириной 2,5 м располагался между окончаниями валов в южной части. Вал 1 в южной части разветвлялся и полукольцом охватывал погребальную площадку захоронения 5. Часть его была пристроена к краю насыпи 1. Эту часть, пристроенную к краю насыпи 1, собственно, сложно назвать валом. Это действительно пристройка на всю высоту насыпи 1, но сложена она была из того же грунта, что и платформы с «зубцами». Где заканчивалась эта часть пристройки, сказать сложно, так как она ушла в неисследованную часть кургана.

Вал 3, который окружал насыпь 1 с северо-восточной стороны, был шире валов 1 и 2. Он имел также форму платформы с плоской вершиной. Его ширина составляла 7,2–15 м, а высота — 1,3–1,5 м. В северной части в месте нахождения юго-восточного профиля 1-й северо-западной бровки фиксировалась усложненная конструкция данного вала (илл. 48, 1). Здесь он состоял из низкой платформы, на которой было построено более высокое сооружение ступенчатой в разрезе формы. Высота вала в этой самой высокой его точке составила 1,85 м. Особого внимания заслуживает форма в плане северного конца вала 3. Он имел вид двух выступов, образованных выемкой. Подобное выемчатое окончание грунтовых сооружений в данном кургане встречено неоднократно. Оно имело вполне определенное функциональное назначение с точки зрения строительной техники, которое будет охарактеризовано ниже.

IV этап. После завершения строительства валов к восточной части насыпи 1 была пристроена насыпь 2, сложенная из темно-серого суглинка с включениями материкового суглинка (илл. 74, 4). Она, как и насыпь 1, была также возведена из грунтовых блоков. Насыпь 2 краем легла на вал 3, что и позволило в рамках большого комплекса строительных работ выделить ее в отдельный этап. В полном профиле 1-й юго-восточной бровки видно, что конфигурация насыпи 2 повторяет ступенчатую форму восточной части насыпи 1, хотя уступы здесь не так четко выражены (илл. 41, 1; 76, 1).

Отчасти это фиксируется и в плане. Край насыпи 2 имеет фигурную форму с двумя выраженными выступами (илл. 74,4). По всей видимости, после сооружения пристройки к насыпи 1 в виде насыпи 2 центральная конструкция продолжала сохранять в восточной части ступенчатую форму.

V этап. Это самый сложный и грандиозный по трудозатратам этап строительства основного комплекса сооружений кургана. Во время него одновременно сооружаются 3 мощные грунтовые структуры: насыпи 3, 4а и 4б[47] (илл. 75, 1–3). Последние две насыпи являлись структурными элементами, состоящими из разных видов грунта (светло-серый и темно-серый суглинки), одной конструкции — насыпи 4, которая была пристроена с северо-востока к центральной части сооружения (насыпи 1 и 2). Насыпи 4а и 4б, сооруженные из грунтовых блоков, были возведены единовременно. Стратиграфические данные, подтверждающие этот факт, уже были охарактеризованы при описании профилей 1-й и 2-й северо-западных бровок. Насыпь 4 полностью перекрыла вал 3. Ее высота составила 3,5 м.

Одновременно с нею с южной, юго-западной, западной и северо-западной сторон центральной конструкции шло строительство самой большой в кургане грунтовой конструкции — насыпи 3, сложенной из темно-серого сильно гумусированного суглинка. В разрезах насыпи 3 при раскопках фиксировались участки, выполненные в разной строительной технике. Особенно показательными являются конструкции, которые были сложены из специально сформованных грунтовых «вальков» размерами 30 × 20 см (илл. 41, 1–2; 48, 1; 49, 1). Высота насыпи 3 составляла 3,5 м. Она полностью перекрыла валы 1 и 2, а также выкид погребения 5, что является веским доказательством синхронности захоронения и возведенной над ним грандиозной грунтовой конструкции.

Отдельного комментария заслуживают некоторые конструктивные особенности насыпей данного строительного горизонта. Прежде всего обращает на себя внимание совершенно идентичная конфигурация северных окончаний насыпей 3 и 4а (илл. 75, 1, 2). В плане они были оформлены в виде двух выступов, образованных выемкой. Напомним, что аналогичную выемчатую форму имело северное окончание вала 3 (илл. 74, 3). Принципиально важным является тот факт, что стык насыпей 3 и 4а при завершении строительства этих одновременно возводившихся полукольцевых структур был осуществлен именно с помощью их выемчатых окончаний (илл. 75, 2). Иными словами, выступы одной насыпи вошли в выемки другой. Это очень напоминает систему крепления «в паз», или «в лапу», хорошо известную для деревянных конструкций. Подобный стык насыпей 3 и 4а не мог являться случайным. Это вполне определенный конструктивный прием, использованный древними строителями, очевидно, для более прочной сцепки двух достаточно мощных грунтовых сооружений. Еще раз напомню, профили 1-й и 2-й северо-западных бровок однозначно свидетельствуют о том, что стык данных конструкций был произведен одновременно. В 4 профилях первых двух северо-западных бровок можно наблюдать подобную систему сцепки в разрезе, когда на отрезке длиной 10 м прослеживаются фактически вертикальные стыки между конструкциями с небольшим наклоном то в сторону насыпи 3, то в сторону насыпи 4. А на участке 0СВ–3,9–8 м в северо-западном профиле 2-й северо-западной бровки зафиксирован мощный язык насыпи 3, клином входящий в тело насыпи 4а (илл. 51, 1). Зафиксированная в профилях и в плане система жесткой сцепки еще раз может сви-

[47] Насыпи 3, 4а и 4б, которые сооружались одновременно, показаны отдельно на илл. 75. Это сделано для того, чтобы нагляднее продемонстрировать их некоторые планиграфические и, соответственно, конструктивные особенности.

детельствовать о том, что насыпи 3 и 4 сооружались не просто из насыпного грунта, а из грунтовых блоков.

Обращают на себя внимание еще два момента. Во-первых, выемка в северном окончании вала 3 (илл. 74, 3) также оказалась конструктивно обусловленной. Окончание насыпи 4а, оформленное в виде клина, частично вошло в выемку вала 3 (илл. 75, 2). Вероятно, так обеспечивалась устойчивость нижней части насыпи 4. Следует отметить, что вал 3 был сложен из серого суглинка с выраженной слоистой структурой, значительно более плотной, чем тело насыпи 4. Во-вторых, на противоположном восточном окончании насыпи 3 в юго-восточной части кургана можно наблюдать аналогичную выемчатую форму (илл. 75, 1). Попробую предположить, что, возможно, планировалась пристройка еще одной грунтовой конструкции, которая по каким-то причинам не состоялась[48].

Таким образом, во время V этапа строительства вокруг первоначальной конструкции была возведено мощное кольцевое сооружение, состоящее из насыпей 3, 4а и 4б. Оно перекрыло возведенные ранее валы 1, 2, 3 и погребение 5. Погребальное сооружение приобрело почти правильную округлую форму диаметром 120 м (илл. 75, 3) и высотой 3,5–4 м.

VI этап. После возведения насыпей 3, 4а и 4б по полам конструкции была совершена подсыпка (насыпь 5), состоящая из светло-серого суглинка с обильными включениями желто-бурого суглинка, иногда с достаточно крупными линзами чистого материка (илл. 75, 4). В юго-восточной части кургана, по всей вероятности, эта подсыпка располагалась только на полах предыдущего сооружения. В профилях северо-западной части кургана можно наблюдать эту подсыпку и в центральной части конструкции. Скорее всего, она была неравномерной, что подтверждается и разной мощностью прослоек, зафиксированных в профилях. Данные стратиграфии показывают, что насыпь 5 была совершена позже насыпей 3, 4а и 4б. В стратиграфическом отношении важной является северо-восточная часть северо-западной стороны 2-й юго-восточной бровки (илл. 42, 2). На данном участке насыпь 5 частично перекрыла вал 3, т.е. грунт насыпи заполнил небольшой участок пустого пространства шириной 2–3 м и длиной 16 м (коридор?) между конструкциями 4б и 3 (илл. 75, 4). Получается, что возведение насыпи 5 производилось еще до начала разрушения грунтовых сооружений 3 и 4б. Данное наблюдение позволяет сделать вывод о том, что насыпь 5 также была составной частью единого архитектурного ансамбля из насыпей 1–4, валов 1–3. Скорее всего, она представляла собой последний этап его сооружения — материковую подсыпку-крепиду по всему периметру конструкции. После совершения насыпи 5 диаметр кургана увеличился до 130 м.

Позже произошла попытка ограбления погребения 5. Стратиграфическая позиция *грабительской ямы* является достаточно четкой. Она была выкопана с поверхности насыпи 3 и перекрыта поздней досыпкой (насыпь 6). Таким образом, мы имеем дело с древним грабительским вкопом. Время его установить сложно. Уже неоднократно говорилось о нахождении в верхней части заполнения погребения 5, куда вошла яма грабителей, мелких фрагментов керамики, возможно, покровского облика. Если ее покровская атрибуция верна и обнаружение данной керамики в могиле связано с деятельностью грабителей, то можно утверждать, что попытка ограбления погребения 5 была осуществлена не ранее начала поздней бронзы, т.е. не раньше чем через 500–600 лет после сооружения захоронения.

---

[48] Конечно, можно пытаться интерпретировать прослеженные в плане формы валов и насыпей с точки зрения зооморфизма и т.д., но я оставляю эту возможность для любителей подобных интерпретаций и еще раз отмечу, что речь в первую очередь идет о важных элементах строительной техники сложнейшей грунтовой архитектуры раннего этапа средней бронзы.

VII этап. Последний этап сооружения кургана связан с насыпью 6 (илл. 39), возведенной из светло-серого суглинка. Она имела мощность в центральной части 1,5 м. Скорее всего, она полностью перекрыла юго-восточную часть кургана. В верхних частях 1-й и 2-й северо-западных бровок эта насыпь не прослеживалась, а зафиксирована только в полах кургана. Возможно, досыпка была неравномерной и в северо-западной части более тонкой, в результате чего она полностью под воздействием природных явлений сползла и фиксировалась здесь только в полах. Погребальные комплексы, связанные с этой насыпью, в раскопанной части кургана обнаружены не были. Данная досыпка увеличила диаметр кургана. Он приобрел овальную форму. Его размеры в плане составили до 142 × 128 м, высота около 5 м.

В верхней части кургана зафиксированы *погребения 1, 2, 4.* Очевидно только то, что они были впущены в курган после сооружения грандиозной конструкции раннего этапа средней бронзы (насыпи 1–5, валы 1–3; этапы I–VI). Как по времени эти захоронения связаны с последней досыпкой, остается непонятным. В кургане, кроме погребения 5 эпохи бронзы, обнаружены сарматские захоронения 2 и 4. Впрочем, это не может являться даже косвенным аргументом в пользу отнесения поздней досыпки к данному периоду. Скорее всего, какие-то захоронения были уничтожены при строительных работах.

В XX в. площадь кургана использовалась в хозяйственных целях жителями хутора Золотой. В северо-западной части кургана был вырыт погреб, а в юго-восточной поле — узкая траншея непонятного назначения. Кроме того, в северо-восточной поле кургана были закопаны две павшие особи крупного рогатого скота (погребение 3).

Приходится отдавать себе отчет, что предложенная история сооружения Золотого кургана начального этапа СБВ отчасти носит гипотетический характер. Это касается реконструкции стратиграфической картины в юго-восточной части кургана, где из-за варварских действий строителей железной дороги были зафиксированы только нижние части профилей. Еще больше это относится к законсервированной центральной части насыпи и участка, полностью разрушенного железнодорожным полотном. Тем не менее приведенным выше заключениям придают объективность хорошо сохранившиеся на всю высоту профиля 1-й юго-восточной, 1-й и 2-й северо-западных бровок. Выявленные в них основные структурные элементы состыковали юго-восточную и северо-западную части кургана, а прослеженные соответствия в усеченных бровках основным конструкциям, зафиксированные в полных разрезах, позволяют надеяться, что предложенная реконструкция истории сооружения Золотого близка к достоверной. Так ли это, покажут работы археологов будущего, когда будет доисследована самая важная центральная часть кургана.

§ 8. КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ К МАТЕРИАЛАМ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ ЗОЛОТОГО КУРГАНА

Материалы эпохи бронзы

Культурная атрибуция и относительная хронология. К эпохе бронзы в кургане относится погребение 5. Этот комплекс выделяется своей неординарностью, которая выражается в грандиозной курганной архитектуре, сложной могильной конструкции, своеобразной позе погребенного, богатстве и разнообразии погребального инвентаря. Его культурно-хронологическая атрибуция представляется крайне важной для периодизации памятников эпохи бронзы Волго-Уралья.

Прежде всего обращают на себя внимание сложнейшие грунтовые конструкции, которые связаны с погребением 5. Как уже отмечалось, весь архитектурный комплекс, состоящий из насыпей 1–5 и валов 1–3, сооружался в относительно короткий промежуток времени носителями одной культурной традиции. Это документируется многочисленными стратиграфическими и планиграфическими наблюдениями. Стратиграфия также четко свидетельствует, что с этим архитектурным ансамблем связано погребение 5. Учитывая его планиграфическое расположение, можно предположить, что, скорее всего, под нераскопанной частью кургана или участка, разрушенного железной дорогой, может находиться как минимум еще одно погребение такого же культурно-хронологического контекста, с которым связано возведение насыпи 1[49].

Мощные грунтовые конструкции, которые демонстрируют высокий уровень развития строительного дела от проектирования и разнообразных способов подготовки и использования стройматериалов до создания сложных фигурных сооружений, в нашем случае могут выступать в качестве культурно-хронологического индикатора. Следует отметить размеры сооружения. В древности высота конструкции была более 4 м, диаметр ее составлял около 130 м. Такие монументальные курганные сооружения в волго-уральском регионе существуют только в определенный период рубежа раннего — среднего бронзового века. В Поволжье они относятся к полтавкинской или ямно-полтавкинской культуре. Самым крупным из них является Большой Утевский курган, который на момент раскопок имел диаметр 110 м и высоту 3,5 м, а первоначально мог быть и выше. И.Б. Васильев считал его самым большим в Поволжье (Васильев, 1980. С. 35, 54; 1999а. С. 135). В один ряд по метрическим параметрам с крупными ямно-полтавкинскими курганами и Золотым встают так называемые большие позднеямные курганы Приуралья. Они относятся к памятникам тамаруткульского типа РБВ II по периодизации С.В. Богданова (2004. С. 282), архаичные комплексы которых соответствуют рубежу раннего и среднего бронзового века. Эти сооружения выделяются в IV группу приуральских курганов, куда включены насыпи диаметром от 40 до 60 м, высотой от 3 до 6 м (Моргунова, 1992. С. 12; Моргунова, Кравцов, 1994. С. 102; Богданов, 2004. С. 141). Самым крупными здесь являются Большой Барышниковский курган высотой 3,3 м и диаметром 40 м (Моргунова, Турецкий, 1998. С. 4), Большой Болдыревский курган высотой 5–6 м и диаметром 64 м (Моргунова, 2000. С. 55), Большой Дедуровский Мар высотой около 7 м и диаметром 70–75 м (Богданов, 1998. С. 17). Золотой курган уступает по высоте Болдыревскому и Дедуровскому курганам, но превышает их диаметр почти в два раза. Учитывая сложность архитектуры Золотого кургана и его размеры, его по праву можно считать на сегодняшний день самым грандиозным сооружением в ряду больших курганов рубежа ранней — средней бронзы в волго-уральском регионе.

Элементы сложной архитектуры также прослеживаются в ряде курганов этого периода в Поволжье и Приуралье. Она выражается в наличии рвов, валов и обваловок насыпей, сооруженных из материкового суглинка (Васильев, 1979. С. 29, 32; Васильев, Кузнецов, 1989. С. 73, рис. 2, 1; Кузнецов, 1989. С. 16; Богданов, 1998. С. 21; 2000. С. 12; 2004. С. 73, 80, 81, 100, 144, 146; Качалова, 2002. С. 122). Последние два элемента в раз-

---

[49] Косвенно об этом может свидетельствовать то, что в Поволжье и Приуралье с наиболее крупными курганами этого периода высотой более 3 м всегда связаны захоронения зрелых мужчин (Богданов, 2004. С. 143). В погребении 5 Золотого кургана находилась женщина в возрасте 30–40 лет (см. приложение 3.6). Попробую предположить, что это погребение может быть связано с мужским захоронением, которое пока не обнаружено.

витой форме зафиксированы в конструкции Золотого: три фигурных вала (вал 1, 2, 3) и материковая крепида (обваловка) (насыпь 5). Слабо выраженная уплощенность вершины кургана зафиксирована в Большом Дедуровском Маре (Богданов, 1998. С. 21; 2004. С. 101). Этим он отчасти близок ступенчатой конструкции с плоской вершиной (насыпи 1 и 2), лежащей в основе грунтовых конструкций Золотого кургана[50]. Однако следует отметить, что прямых аналогов столь развитой архитектуре Золотого мы не имеем в памятниках рубежа ранней – средней бронзы Волго-Уралья.

Значительно больше сходства между Золотым курганом и комплексами тамаруткульского типа можно увидеть не столько в морфологии грунтовых конструкций (у последних она значительно проще), сколько в строительной технике. И в том и другом случае в качестве строительного материала использовались специально вырезанные грунтовые блоки. Этот важный элемент был прослежен С.В. Богдановым вместе с почвоведом И.М. Нигматуллиным во время раскопок приуральских курганов времени РБВ II (Богданов, 1998. С. 20, 21; 2004. С. 71, 72, 74, 99, 147; 2006а. С. 209, 210, 213). Насыпи 1, 2, 4а, 4б Золотого кургана были сложены из блоков, вырезанных из верхнего слоя зональных почв. Причем срезались и верхняя часть гумусового профиля, и почвообразующая порода. Размеры блоков, как уже отмечалось, 20 × 30 и 30 × 40 см. Их структура и размеры полностью идентичны грунтовым монолитам, из которых сооружалась, например, насыпь курганов 1 и 2 IV Ефимовского могильника (Богданов, 2006а. С. 209, 210, 213)[51].

Использование грунтовых блоков в курганном строительстве хорошо известно в эпоху бронзы и раннего железного века (Бессонова, Черных Л., Куприй, 1984. Рис. 3; Зданович, Иванов, Хабдулина, 1984. Рис. 4; Тощев, Самар, 1990. С. 63; Самар, 1991. С. 133; Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991. С. 29, рис. 17; Генинг В.Ф., Зданович, Генинг В.В., 1992. С. 276, 277, 339; Пустовалов, 1993. С. 28, рис. 4; 1999. С. 108, 109; Pustovalov, 1994. Fig. 24; Ковалева, 1994. С. 85; Ольховский, 1999. С. 125; Борисов, Журавлев, Шинкарь, Кривошеев, Сергацков, 2007. С. 113–116). Чаще всего они применялись при строительстве монументальных сооружений, таких как скифский царский курган Чертомлык или Молочанское святилище позднего этапа средней бронзы. По своим масштабам комплекс грунтовых конструкций Золотого и наиболее крупные курганы памятников утевско-тамаруткульского типа вполне сопоставимы с этими объектами. В каждую конкретную эпоху монументальные погребальные сооружения, возведенные из грунтовых блоков, маркировали определенный хронологический период. В волго-уральском регионе – это первая треть III тысячелетия до н. э. в калиброванных значениях. Именно в это время наблюдается всплеск курганного строительства и выраженная социальная дифференциация общества. Материалы Золотого

---

[50] Возможно, грунтовое сооружение с плоской вершиной было возведено над погребением одиночного кургана Шумаевский II. Его очертания хорошо прослеживаются в западном профиле центральной бровки (Моргунова, Гольева, Краева, Мещеряков, Турецкий, Халяпин, Хохлова, 2003. Рис. 3).

[51] Скорее всего, грунтовые блоки, аналогичные тем, из которых была сложена насыпь 3 Золотого кургана, использовались при сооружении одиночного кургана Кашпирский III, расположенного в Самарском Поволжье. Об этом может свидетельствовать то, что в «части первичной насыпи содержалось значительное количество илистого материала в виде размытых пятен и комков более темного (до черного) цвета, чем основной грунт насыпи. Возможно, часть грунта для насыпи была взята с берега реки (ил?)» (Васильева, Козин, Кулакова, Салугина, 2003. С. 165). «Вальки», из которых сложена насыпь 3 Золотого кургана, по мнению А.В. Борисова, сформованы из лугово-дерновых почв, развитых в западинах на пойменных участках.

кургана это подтверждают. К сожалению, нет информации, удалось ли проследить использование грунтовых блоков при сооружении курганов этого времени в Поволжье. Для этого нужна особая тщательность фиксации и участие в раскопках почвоведа. На присутствие этого элемента стали обращать внимание сравнительно недавно. В частности, по информации А.В. Кияшко, в крупных курганах 2 и 3 мог. Перекопка-3 (раскопки 2007 года А.А. Глухова) в Волгоградской области, которые датируются, скорее всего, позднеямным—раннекатакомбным временем, данный строительный прием был зафиксирован (Борисов, Журавлев, Шинкарь, Кривошеев, Сергацков, 2007. С. 114). Как видно, ситуация с монументальной грунтовой архитектурой на рубеже РБВ-СБВ в Поволжье и Приуралье была сходной, что свидетельствует о близости культурных традиций населения обоих регионов.

Следует отметить, что во второй половине IV — начале III тысячелетия до н. э. стремительное развитие масштабной курганной архитектуры фиксируется особенно ярко в Предкавказье. В материалах новотитаровской культуры хорошо известны довольно крупные насыпи высотой до 7 м. Особо следует отметить, что при сооружении новотитаровских курганов использовались дерновые вальки (Гей, 2000. С. 112). Другой чертой, сближающей курганную архитектуру Золотого и новотитаровских памятников, является фигурное оформление насыпей. Для прикубанских курганов характерно сооружение конструкций в виде усеченного конуса с плоской вершиной, что находит аналогии у памятников того же круга Крыма и Нижнего Поднепровья (Гей, 2000. С. 112). По такой же модели сооружена насыпь 1 Золотого кургана, с тем лишь отличием, что северо-восточная ее часть была ступенчатой. Можно отметить, что наличием плоской вершины, которая, скорее всего, в древности использовалась как ритуальная (храмовая?) площадка, Золотой ближе стоит к прикубанским сооружениям, чем к приуральским Большим курганам. Модель кургана с плоской вершиной сохраняется в Предкавказье и в последующую раннекатакомбную эпоху (Кореневский, Белинский, Калмыков, 2007. С. 27, 28), к которой относится время сооружения Золотого кургана. Известна она и в северокавказской культуре (Андреева, Новикова, 2001. С. 28, 47). Примечательно, что некоторые Большие раннекатакомбные курганы также были сложены из грунтовых блоков. Здесь известны и фигурные зубчатые сооружения, близкие по конструкции валам Золотого кургана. Последние проявления традиции монументальной архитектуры с использованием грунтовых блоков эпизодически фиксируются в Предкавказье на раннем этапе восточноманычской катакомбной культуры (ВМКК) (Геннадиев, Державин, Иванов, Смирнов Ю., 1989. С. 132–137).

Очевидно, что истоки грандиозных насыпей с плоскими вершинами и пандусами связаны с традициями майкопской культуры, где прослеживаются фактически все структурные элементы сложной архитектуры (Кореневский, 2004. С. 15; 2005. С. 23; Ростунов, 2007), известные в новотитаровской культуре и отчетливо выраженные в Золотом кургане. По всей видимости, часть грунтовых конструкций Больших майкопских курганов также сооружалась из специально подготовленных грунтовых блоков. Именно с их помощью можно было оформить сложные ступенчатые конструкции. К сожалению, информации об этой строительной технике в публикациях, посвященных Большим майкопским курганам, почти нет. Скорее всего, в свое время на это просто не обращали внимания. Вероятно, неоднократно отмечавшаяся исследователями «зебристость» структуры насыпей наиболее крупных майкопских курганов, которая образована линзовидными включениями желтого суглинка (Кореневский, Наглер, Ростунов, 2008. С. 627; Кореневский, 2004. С. 20, Ростунов, 2004. С. 31, рис. 2г; 2007. С. 172, 174; 2007а. С. 114, 115), является как раз свидетельством использования

при строительстве грунтовых блоков. Она образовывалась за счет того, что при вырезании дерновых монолитов захватывался фрагмент подстилающего материкового суглинка. Очень хорошо подобная «зебристость» прослеживается в структуре грунтовых конструкций Золотого (илл. 41, 2). Прямым указанием на использование блоков при сооружении майкопских насыпей может служить наблюдение В.Л. Ростунова за стратиграфией кургана 1 у с. Заманкул. Автор отмечает, что «в центральной бровке хорошо прослеживаются громадные куски обрушившейся первой насыпи, с острыми гранями, не размытые дождями» (Ростунов, 2007. С. 58). Очевидно, это и есть фрагменты грунтовых блоков, из которых была сложена насыпь 1. При любой другой технике сооружения насыпи «куски с острыми краями» в профиле образоваться бы не смогли.

Таким образом, в Предкавказье прослеживается формирование и развитие традиции строительства фигурных насыпей с плоскими вершинами из грунтовых блоков. Время подобных сооружений здесь относится к ранней — началу средней бронзы. На рубеже раннего — среднего бронзового века архитектура этого типа появляется в Волго-Уралье. Из всех больших курганов этого периода, исследованных в данном регионе, именно в архитектуре Золотого отчетливее всего прослеживается южный (предкавказский) импульс в сложении монументального курганного строительства утевско-тамаруткульских памятников. Это подтверждает предположение о возрождении в Волго-Уралье традиций больших майкопских курганов и связанных с ней социальных структур (Кузнецов, 1992. С. 73; Кияшко А., 2002. С. 32).

Достаточно показательной с точки зрения культурно-хронологической атрибуции является сложная система устройства могильной ямы и околомогильной площадки погребения 5. Очень крупные могилы с широтной ориентировкой, перекрытые поперечным деревянным накатником, в Поволжье характерны для так называемых ямно-полтавкинских комплексов. Хорошо представлены они и в комплексах этого времени в Приуралье. Нередко в утевско-тамаруткульских памятниках волго-уральского региона фиксируется обычай перекрытия околомогильной площадки и могильной ямы разнообразными подстилками из тростника и коры (Васильев, 1979. С. 32; Моргунова, 1991. С. 125, 126; Моргунова, Турецкий, 1998. С. 6; Васильев, Кузнецов, Турецкий, 2000. С. 27).

Могильная яма погребения 5 относится к ямам со сложным устройством, которые являются одной из визитных карточек комплексов утевско-тамаруткульского группы памятников. В нашем случае отсутствуют заплечики и уступы, но имеются другие детали, находящие полные аналогии в сложных могильных конструкциях Среднего Поволжья и Приуралья. Причем оформление могилы Золотого совпадает с устройством погребений утевско-тамаруткульского типа вплоть до деталей. К примеру, стенки ямы погребения 5 были укреплены вбитыми в дно кольями. Наиболее крупные ямки находились в углах могилы. Аналогичные конструкции прослежены в целом ряде ямно-полтавкинских комплексов юга Среднего Поволжья (Кузнецов, 2003. С. 109). Особенно близка нашему случаю система устройства, зафиксированная в погребении 4 кургана 4 Владимировского могильника и погребении 2 кургана 1 мог. Утевка I (Васильев, Кузнецов, 1989. С. 75, рис. 2, 3; Васильев, 1980. С. 40, рис. 5). В обоих случаях, как и в Золотом, колья были вбиты в канавки, вырытые вдоль длинных стен. Схожими приемами оформлены стенки у нашего комплекса и погребения из Утевского кургана 3 (Васильев, 1980. С. 43), которые были обложены тростником, прижатым вертикальными деревянными плашками. Драпировка органическими материалами стенок погребальной камеры известна и в других погребениях рубежа ранней — средней бронзы в Волго-Уралье.

Сложные могильные конструкции волго-уральского региона находят поразительные соответствия в предкавказских памятниках, в особенности новотитаровской культуры, на что уже не раз обращалось внимание (Васильев, 1979. С. 41, 44; Гей, 1999. С. 41; 2000. С. 117; Васильев, Кузнецов, Турецкий, 2000. С. 35; Ткачев, 2000. С. 38, 39; Ткачев, Гуцалов, 2000. С. 35; Кузнецов, 2003. С. 109; Богданов, 2004. С. 250; Моргунова, Турецкий, 2003. С. 156). Важно отметить, что конструктивные особенности могильной ямы из Золотого проявляют большее сходство именно с ямно-полтавкинскими (утевскими) памятниками Поволжья и новотитаровскими погребениями. Оно выражается прежде всего в наличии узких канавок вдоль стенок могилы, иногда со столбовыми ямками по периметру. Этот элемент, фактически неизвестный в приуральских комплексах, хорошо представлен в Самарском Заволжье и Прикубанье (Васильев, 1979. С. 32; 1980. С. 40, рис. 5; Васильев, Кузнецов, 1989. С. 75, рис. 2, 3; Кузьмина, Михайлов, Фадеев, 2003. Рис. 4; 2003а. Рис. 4; 5; Кузнецов, 2003. С. 109; Гей, 2000. С. 116–118, рис. 2, 2; 8, 1; 22–24; Юдин, 2007. С. 165, рис. 3, 1).

Любопытно отметить еще одну деталь погребения Золотого, которая имеет аналогии главным образом уже в приуральских комплексах. Речь идет о сооружении на дне по всей площади ямы материковой подсыпки (илл. 68, 2), на которую была уложена умершая. Собственно, прямых аналогий такой материковой подушке нет, но именно для тамаруткульских комплексов характерна забутовка придонной части ямы материковым суглинком, как считается, в целях маскировки костяка (Богданов, 1990. С. 54; Моргунова, 1991. С. 125; 1992. С. 6, 8, 10; 1995. С. 121; Моргунова, Кравцов, 1991. С. 40, 42, 44; 1994. С. 61, 62; Кравцов, 1992. С. 10). В свете погребения из Золотого, где костяк был уложен сверху забутовки придонной части, можно предположить, что материковая подсыпка в нижней части ямы в комплексах Приуралья могла иметь и сугубо ритуальный характер.

Обильная посыпка охрой всего костяка и дна могилы также отсылает погребение из Золотого к памятникам утевско-тамаруткульской группы, где использование красной краски является одним из диагностичных признаков погребальной обрядности. Посыпка всего скелета и дна красной охрой характерна как для поволжских, так и для приуральских захоронений.

Достаточно архаичным признаком в положении скелета является сильная приподнятость черепа, который находился на основании, а затем завалился на грудь. Причем нижняя челюсть сохранила свою первоначальную позицию (илл. 64, 1–2; 66, 1–2). Подобное расположение свидетельствует о том, что под головой умершей находилась какая-то довольно высокая подушка, изготовленная, вероятно, из органических материалов. По всей видимости, в древности приподнятым был не только череп, но и плечевой пояс. В таком случае положение скелета можно рассматривать как близкое к полусидячему. Об этом свидетельствует и дугообразный изгиб позвоночника, который часто является индикатором вышеуказанной позы (Гей, 2000. С. 125).

Приподнятость черепа в погребениях нередко встречается в комплексах эпохи ранней бронзы. С развитого периода среднего бронзового века обычай укладывания черепа на высокую подушку фактически отмирает и не фиксируется вплоть до конца эпохи. Пик распространения этой черты погребальной обрядности приходится на рубеж ранней — средней бронзы. Она хорошо известна в поволжских ямно-полтавкинских (утевских) комплексах (Скарбовенко, 1999. С. 146; Васильев, Кузнецов, Турецкий, 2000. Рис. 8, 1; Барынкин, Зудина, Крамарев, Салугина, Цибин, Хохлов, 2006. Рис. 4, 2). Довольно часто этот элемент отмечается исследователями для погребений тамаруткульского типа Приуралья (Кравцов, Моргунова, 1991. С. 130; Моргунова,

Кравцов, 1991. С. 42; 1994. С. 42, 52; Богданов, Кравцов, Моргунова, 1992. С. 81; Моргунова, 2000. С. 56; 2008. С. 330; Богданов, 2004. С. 53, 54, 56, 58, 60, 93; 2005. С. 33).

Особенно широкое распространение обычай укладывать черепа на подушки получает в памятниках степного Предкавказья. Он выступает в качестве дигностичной черты похоронного ритуала у носителей раннекатакомбной культуры. Совершенно справедливо именно с расположением черепов на высоких подушках из органических материалов связывается их посмертное смещение после распада мягких тканей (Шишлина, 2007. С. 152, 154, 160, 167). Причем периодически в раннекатакомбных и северокавказских погребениях в расположении костей черепа фиксируется ситуация, аналогичная той, что прослежена в захоронении Золотого: нижняя челюсть сохраняет свое первоначальное положение, а череп смещается (например, Островной 3/25, Большой Ипатовский курган п. 164, 167, Красногвардейское од. кург./9, Айгурский 2 23/7 и др.) (Каминский, 1985; Шишлина, Матюхин, Цуцкин, 2002. С. 22; Кореневский, Белинский, Калмыков, 2007. С. 50, 54, рис. 36; 43; Березин, Калмыков, 1998. С. 62; рис. 12; Kalmykov, 2007. Abb. 17). Приподнятость головы умершего, которая опиралась на какую-то подушку из органических материалов, характерна для больших ям с заплечиками раннекатакомбного времени так называемого архаринского горизонта Северо-западного Прикаспия (Шилов, 1985. С. 19). Эта деталь обряда характерна и для большинства погребений новотитаровской культуры. Известны здесь и захоронения с приподнятостью верхней части туловища, которые рассматриваются как полусидячие (Гей, 2000. С. 125).

В целом поза скелета в погребении 5 Золотого кургана выглядит необычной (илл. 64, 1–2; 77, 2). Точные аналогии такому расположению костяка в памятниках утевско-тамаруткульского типа, с которым соотносится наш комплекс, подыскать довольно сложно. Для них характерно, главным образом, скорченное положение скелета на правом боку или скорченно на спине. Объединяет погребение из Золотого с утевско-тамаруткульскими комплексами восточная ориентировка умершего, которая доминирует в волго-уральском регионе в эпоху ранней и начале средней бронзы.

Необычность позы костяка в погребении Золотого выражена прежде всего в положении рук и ног. Руки согнуты в локтевых суставах под тупым углом и разведены в стороны. Расположение их относительно оси скелета почти симметричное. Левая нога вытянута вперед, а правая согнута в колене под тупым углом. Причем такое положение было изначальным, а не образовалось в результате завала ног, которые могли находиться в скорченном положении коленями вверх. Это подтверждает расположение остатков стоп.

В Волго-Уралье, похоже, только в Самарском Заволжье можно подобрать отдельные аналогии общему положению костяка в погребении Золотого кургана. Скорее всего, близкую позицию мог иметь скелет в погребении 1 кургана 1 мог. Утевка I (Васильев, 1980. С. 34, 35, рис. 3, 1). К сожалению, костяк в этом комплексе сохранился плохо, тем не менее поза восстанавливается. Умерший лежал на спине головой на восток. Положение ног в утевском погребении точно соответствует позиции скелета в нашем комплексе: левая нога ровная, вытянута вперед, правая согнута под тупым углом в коленном суставе. Причем в Утевке мы фиксируем фактически аналогичную позицию черепа. Посмертно он сместился и скатился в район живота немного ниже груди. Судя по рисунку (Васильев, 1980. С. 35, рис. 3, 1), нижняя челюсть, как и в Золотом, осталась в районе своего первоначального расположения и так же, как и в нашем случае, по обе стороны от нее в утевском погребении располагались украшения (Васильев, 1980. С. 35, рис. 3, 1). Все это недвусмысленно свидетельствует о том, что предположение И.Б. Васильева о преднамеренном расчленении трупа в комплексе

Утевка I 1/1 (1980. С. 35) неверно, на что уже обращалось внимание (Богданов, 2000. С. 15). В этом погребении мы наблюдаем положение костяка очень близкое тому, что зафиксировано в Золотом кургане, — костяк лежал вытянуто на спине, череп и, возможно, верхняя часть туловища были приподняты. Положение рук в захоронении из Утевки четко не устанавливается. Судя по всему, оно было отличным от того, что зафиксировано в Золотом, т.к. левая рука скелета из утевского захоронения была согнута в локтевом суставе, а кисть располагалась на тазе (Васильев, 1980. С. 34, рис. 3, 1).

Фактически комплексом Утевка I 1/1 и исчерпываются близкие аналогии положению костяка из Золотого кургана в волго-уральском регионе. Можно еще отметить уже упоминавшееся погребение 4 кургана 4 Владимировского могильника (Васильев, Кузнецов, 1989. Рис. 2, 3). На более точном чертеже захоронения (Васильев, Кузнецов, Турецкий, 2000. Рис. 6, 2) видно, что при положении скелета на спине с ориентировкой на ВСВ позиция ног также близка прослеженной в погребении Золотого. Однако во владимировском комплексе нельзя исключить того, что это все-таки завал ног, первоначально стоявших коленями вверх, т.к. левая нога немного согнута в колене, а стопы вытянуты вперед. Положение рук в комплексе Владимировка 4/4, видимо, такое же, как и в утевском погребении. Оно отличается от позиции рук нашего комплекса.

Таким образом, общая поза скелета погребения 5 Золотого кургана для волго-уральского региона не является характерной. Аналогии в Приуралье ей отсутствуют вовсе. Изредка близкая, но не идентичная позиция встречается только в памятниках Самарского Заволжья. Полного же соответствия положению костяка в Золотом мы не находим в памятниках утевско-тамаруткульской группы.

Поиск прямых аналогий уводит нас опять в Предкавказье. И дело даже не в том, что в конце ранней — начале средней бронзы именно здесь широко распространяется вытянутый обряд захоронения, который хорошо известен в новотитаровских, северокавказских и раннекатакомбных комплексах[52]. Значительно более важным представляется то, что в предкавказских памятниках удается найти точные аналогии позе скелета из захоронения Золотого кургана. Здесь в северокавказских и раннекатакомбных погребениях при вытянутом обряде, помимо прочих уже отмечавшихся черт, встречается раскинутое расположение согнутых рук симметрично относительно тела и положение ног, при котором одна нога вытянута, а другая согнута в колене (Галанина, 1982; Лимберис, Марченко, 1984; Цокур, 2004. Рис. 11, 13; Шишлина, 2007. Рис. 57, 11; 59, 1; Державин, 1989. Рис. 7, 2).

Однако полное тождество положению скелета в погребении 5 из Золотого демонстрируют только некоторые новотитаровские комплексы. В погребении 61 кургана 2 мог. Лебеди I (Гей, 2000. Рис. 8, 4) наблюдается исключительно точная (вплоть до деталей) аналогия. В могиле находился скелет ребенка вытянуто на спине. Он «ориентирован головой на ЮВ. Череп на левом виске и перекрывает верхнюю часть грудной клетки, как если бы верх туловища был слегка приподнят. Руки вытянуты и отставлены в сторону от тела. Ноги расставлены, правая почти вытянута и развернута коленом вправо, левая слегка согнута и развернута влево» (Гей, 2000. С. 38). Близкая позиция зафиксирована в погребении 100 кургана 1 мог. Останний (Гей, 2000. Рис. 23, 1) и у одного из скелетов коллективного погребения 4 кургана 22 мог. Веселая Роща (Державин, 1989. Рис. 7, 6). Список новотитаровских захоронений с подобным положением скелета легко может быть продолжен: Брюховецкая I 3/20, Батуринская II 2/7, Днепровская I 3/1 и др. (Боч-

[52] Обряд вытянутого трупоположения спорадически встречается и в памятниках ранней бронзы Поволжья (Мерперт, 1974. С. 45; Васильев, Кузнецов, Турецкий, 2000. Рис. 2, 6).

карев, 1978; 1980; Бочкарев, Трифонов, Бестужев, 1982; Бочкарев, Бестужев, Бианки, Трифонов, 1991. Рис. 44, I). К примеру, кроме ориентировки, совершенно невозможно найти даже мелких различий в положении костяков в новотитаровской могиле Анапская I 2/2 (Бочкарев, Трифонов, Бестужев, 1982) и Золотом кургане. Обычай расположения скелета в позе, которая находит аналогии в нашем комплексе, бытует на всем протяжении развития новотитаровской культуры. Такое удивительное сходство, учитывая целый ряд других параллелей в обряде и курганной архитектуре между Золотым курганом и новотитаровскими погребениями, вряд ли имеет случайный характер.

Таким образом, анализ зафиксированной обрядности погребения 5 Золотого кургана показал, что этот комплекс можно уверенно отнести к рубежу ранней — средней бронзы в волго-уральском регионе, ко времени горизонта памятников Утевка — Тамар-Уткуль. Кроме того, очевидным представляется наличие в похоронном ритуале Золотого выраженных черт культурных образований этого времени степного Предкавказья, прежде всего новотитаровской культуры.

Конкретизировать позицию захоронения из Золотого на шкале относительной хронологии позволяет его сопровождающий инвентарь. Достаточно диагностичными в этом отношении являются предметы из металла. Особенно показательно присутствие в инвентаре погребения 5 Золотого кургана украшений из белого металла: пружинных спиральных пронизей и височного кольца в 1,5 оборота. Как показал спектральный анализ (см. приложения 3.4; 3.5), они изготовлены из серебра. Особенно чистым является металл височного кольца.

Использование серебряных вещей в погребальном убранстве характерно для памятников ранней — начала средней бронзы юга Восточной Европы. Этот период даже получил образное название «серебряно-бронзовый» или «серебряный» век (Братченко, 2001. С. 27; Иванова, 2007. С. 85). Начало расцвета традиции помещать серебряные вещи в захоронения связывается с майкопско-новосвободненской общностью (Кореневский, 2004. С. 47, 48) и усатовскими комплексами (Яровой, 1990. Рис. 27, 3, рис. 41, 2, С. 217). В дальнейшем серебряные украшения встречаются в ямных погребениях Северного Причерноморья и Приазовья (Дергачев, 1986. С. 56; Седова, Яровой, 1987. Рис. 34, 3; Яровой, 1990. Рис. 35, 2, рис. 63, 6, рис. 79, 3, с. 220; Ольговский, 1988. С. 137; Санжаров, 2001. С. 34, 37; Иванова, 2007. С. 85). Ярко проявляется эта традиция в Предкавказье, в памятниках новотитаровской культуры (Гей, 1991. С. 59, 60; 2000. С. 159; Трифонов, 1991. С. 134), особенно второго и третьего этапов развития. Позже в этом регионе серебряные украшения представлены в материалах восточноприазовской (Гей, 2000. С. 159; Коваленко, 2001. С. 389), северокавказской[53] (Кореневский, 1990. С. 56; Трифонов, 1991. С. 136, 138; Шишлина, 2007. С. 134, рис. 64, 8, 13) и раннекатакомбной культур (Березин, Калмыков, 1998. Рис. 6, 6; 11, 4, 5; Шишлина, 2007. Рис. 85, 7), в комплексах преддонецкого и раннедонецкого периодов на Дону и в Подонцовье (Братченко, 1976. С. 53; 1996. Рис. 5; 2001. С. 26, 27; Санжаров, Бритюк, 1996. С. 81, рис. 13, 5, С. 87, 90, рис. 18, 1, 2, 4, 5; С. 110, рис. 33, 4–6; Смирнов А., 1996. С. 10, 34; Кияшко А., 2001. С. 95; Санжаров, 2001. С. 60; Власкин, 2005. Рис. 3, 6, 7; рис. 4, 4, 5; Парусимов, 2005. С. 196, рис. 7, 3; и др.). Изредка серебряные изделия встречаются в позднеямных, полтавкинских и раннекатакомбных памятниках Поволжья (Васильев, 1979. С. 33; 1980. С. 41; Мамонтов, 1997. С. 110; Сергацков, 2000; Кузьмина О., Михайлова, Фадеев, 2003. С. 199, 201; Кияшко А., Хабарова, 2007. С. 54, 60, 61, 64). В разви-

[53] В северокавказских памятниках Закубанья около 80% всех височных подвесок сделаны из серебра или сплавов на его основе (информация А.А. Клещенко).

тых катакомбных культурах обычай помещения в погребения серебряных украшений изживается, и их находки становятся единичными (Братченко, 2001. С. 27; Братченко, Санжаров, 2001. Рис. 21, 8; Федосов, 2007а. С. 27). Следующий всплеск использования серебряных украшений наблюдается только на рубеже средней — поздней бронзы в среде лесных и лесостепных племен абашевской культуры Волго-Уралья и в турбинских памятниках (Ефименко, Третьяков, 1961. С. 59, 60; Халиков, 1961. С. 215; Сальников, 1962. С. 66; 1967. С. 56, 63, 64, 102; Черных, 1964. С. 98, 106; 1967. С. 201; Бадер, 1970. С. 65; Кузнецов, 1983. С. 112; Кузьмина О., 1992. С. 51, 52; 2000. С. 97, 102; 2000а. С. 95; 2002. С. 179; Соловьев, 2000. С. 66; Большов, 2003. С. 32; 2006. С. 57), которые имели, по всей видимости, общий рудный источник (Черных, 1967. С. 201; Черных, Кузьминых, 1989. С. 172). В генетически связанных с Абашевом памятниках потаповского, покровского и синташтинского типа мы вновь наблюдаем затухание этой традиции: при единичности серебряных (или на основе серебра сплавов) украшений (Порохова, 1992. С. 101; Васильев, Кузнецов, Семенова, 1994. Рис. 26, 9; Кузнецов, Семенова, 2000. С. 125; Генинг В.Ф., Зданович, Генинг В.В., 1992. Рис. 99; Бушмакин, 2002. С. 138, табл. 3; Дегтярева, 2008. С. 300) происходит замещение их бронзовыми и изредка золотыми экземплярами (Кузьмина О., 1992. С. 57; 1995. С. 46; 2000. С. 104; 2002. С. 179; Малов, 1992).

Таким образом, на юге Восточной Европы достаточно четко прослеживаются два периода активного использования серебряных украшений в погребальном обряде: конец ранней — начало средней бронзы и финал средней — начало поздней бронзы[54]. Причем разграничены они и территориально. В первом случае это огромная, преимущественно степная, зона, во втором — лесная и лесостепная, отчасти степная, зоны Поволжья и Урала. Очевидно, что происхождение этих традиций, разделенных во времени на полтысячелетия, имеет разные корни. Первый период, по крайней мере в восточной части ареала (днепро-волжский регион и Предкавказье), традиционно связывается с Кавказом[55], и его следует рассматривать в рамках модели кавказского очага культурогенеза, который определял основные тенденции развития металлокомплекса в эпоху ранней — средней бронзы на юге Восточной Европы. Южное происхождение серебра в этот период, кроме широкого бытования серебряных украшений в эпоху ранней — средней бронзы на самом Кавказе (Марковин, 1960. С. 97; 1994. Табл. 79, 17, 18, 27–29; Кореневский, 1984. Табл. II; Гаджиев, Кореневский, 1984. С. 19; Ростунов, Хашегульгов, 1985. С. 45; Ростунов, 1988. С. 25, 27; 2007а. С. 37; Галибин, 1991. С. 61, 62, табл. 2, 4; Мунчаев, 1994. С. 39; Магомедов, 2000. С. 78; и др.), подтверждается территориальным распределением изделий из этого металла в степной и лесостепной зонах. Оно выявляет тенденцию сокраще-

---

[54] Большая часть изделий, фигурирующих в публикациях как серебряные, не имеет спектральных определений. Выше речь шла об изделиях из белого металла ранней — начала средней бронзы, которые названы серебряными по визуальным признакам археологами-авторами соответствующих работ. Скорее всего, подавляющее большинство таких определений правильно, что подтверждают немногочисленные данные спектральных анализов (Черных, 1966. Табл. III, XI; Кореневский, 1977. С. 45, табл. 3; 1980. С. 65, табл.; Галибин, 1991. Табл. 2, 4). Возможно, часть из них является изделиями из биллона, но все равно это сплав на основе серебра, которое придает изделию белый цвет. Правда, белый цвет могут иметь и изделия из сурьмы. Однако сурьмяные украшения появляются значительно позже, только в финале средней бронзы (Гак, Калмыков, Мимоход, 2008. С. 120). Что касается абашевских украшений, то их металл, серебро или биллон, установлены в целом ряде случаев естественно-научными методами (Черных, 1964. С. 98, 106; 1970. С. 28; 2007. С. 81; Черных, Кузьминых, 1989. С. 220).

[55] Правда, рудные источники золота и серебра не определены и для самого Северного Кавказа (Черных, 1988. С. 5; Кореневский, 2004. С. 97).

ния количества серебряных украшений с юга на север. В предкавказских новотитаровских, восточноприазовских и северокавказских памятниках они используются повсеместно. Значительно реже, но стабильно серебряные украшения встречаются на Нижнем Дону и в Подонцовье. На Среднем Дону и в Поволжье их находки единичны. В частности, на юге Среднего Поволжья известно всего три случая обнаружения серебряных предметов в погребениях рубежа ранней — средней бронзы Утевка I 2/1, Уваровка 2 2/2 и Золотой курган (Васильев, 1980. С. 41; Кузьмина О., Михайлова, Фадеев, 2003. С. 199, 201). В Приуралье серебряные украшения этого периода отсутствуют вовсе. Это особенно интересно, если учесть наличие в Волго-Уралье ямно-полтавкинского металлургического очага, базировавшегося на медистых песчаниках южного Приуралья (Черных, 1970. С. 106, 107; 1978. С. 64; 2007. С. 47–49). Иными словами, при местной металлургии медных изделий серебряные украшения производились, похоже, из импортного сырья. Именно так можно объяснить единичность украшений из серебра на юге Среднего Поволжья и отсутствие их в Приуралье. По всей видимости, в первый период медно-серебряные рудники типа Никольского на Южном Урале (Черных, Кузьминых, 1989. С. 172) еще не разрабатывались. Начало их функционирования связано со вторым периодом использования серебряных изделий, когда они широко распространяются в абашевской и турбинской среде.

Достаточно показательным с точки зрения связей с Кавказом является характер затухания ранней традиции использования серебряных украшений в похоронном ритуале. Как уже отмечалось, в развитых и поздних катакомбных культурах находки серебряных изделий становятся единичными. В более поздних посткатакомбных образованиях, которые генетически связаны с предшествующим катакомбным субстратом, сохраняются основные стандарты Циркумпонтийской металлургической провинции и кавказские мышьяковые бронзы. Однако изделия из серебра здесь уже неизвестны, хотя в лолинских памятниках Предкавказья в это время встречаются украшения из электрума, золота и сурьмы (Гак, Мимоход, 2007. С. 92; Гак, Калмыков, Мимоход, 2008. С. 119–123). Все это однозначно указывает на то, что первый период распространения серебряных украшений в погребальном обряде следует рассматривать именно в контексте кавказского импульса, который стимулировал всплеск появления изделий из серебра в раннем — начале среднего бронзового века. Эта «серебряная» составляющая кавказского импульса затухает в позднекатакомбное время и полностью исчезает на посткатакомбном этапе.

С этой точки зрения немаловажным является еще одно обстоятельство. Дело в том, что широкое распространение серебряных украшений в абашевской культуре (второй период) оказывается полностью или частично синхронным времени полного исчезновения этого металла в степных культурах финальной стадии функционирования кавказского очага культурогенеза. Абашевские памятники Поволжья и Урала синхронизируются с блоком посткатакомбных культурных образований (Мимоход, 2005. С. 72; 2007. Рис. 5). Из этого факта следует, что второй период распространения серебряных украшений никак не связан с первым и, соответственно, с кавказским очагом. По всей видимости, абашевцы использовали уже уральское серебро (Черных, 2007. С. 81), а сама культура находилась у истоков возникновения волго-уральского очага культурогенеза и Евразийской металлургической провинции. Отсутствие выраженного кавказского вектора в абашевской среде документируется характером металла, который является не кавказским, а местным, поволжского и уральского происхождения (Черных, 1964. С. 103, 104; 1970. С. 108, 109; 1978. С. 75; 2007. С. 80–82; Сальников, 1967. С. 65; Кузьминых, Агапов, 1988. С. 48, 49; Черных, Кузьминых, 1989. С. 220; Дегтярева, Кузьминых,

2003. С. 293)[56]. Да и типы серебряных абашевских украшений имеют иные генетические линии по сравнению с ямными и катакомбными образцами (Кузьмина О., 2002. С. 181; 2002а. С. 166). Кроме того, уральское происхождение серебряных изделий в абашевской культуре подтверждается тем, что в синхронных культурных образованиях в рамках постшнурового блока вольско-лбищенской и воронежской культурных групп (Мимоход, 2005. С. 72; 2007. Рис. 5), расположенных южнее и западнее абашевского ареала, данные предметы встречены в единичных случаях. Это серебряные височные подвески, кстати, абашевского типа, с дюны «Человечья Голова» (Васильев, 1999. С. 69, рис. 22, 13, 15)[57] и подвеска в комплексе воронежской культуры Хохольский 1/1 (Черных, 1970. Табл. VIII, С. 154; Пряхин, Синюк, 1983. С. 197, рис. 2, 16).

Самым распространенным изделием из серебра или сплава на его основе в оба периода являлись височные подвески. Значительная их часть представлена кольцами в 1,5 оборота. Морфология изделия из погребения 5 Золотого кургана однозначно указывает на то, что оно относится ко времени первого периода распространения серебряных украшений. Оно существенно отличается от более поздних абашевских подвесок, имеющих мелкие размеры (0,8–1,4 см) и желобчатые ложковидные окончания (Кузьмина О., 2002. С. 179; 2002а. С. 157).

Важным морфологическим признаком, позволяющим уточнить время предмета из Золотого на шкале относительной хронологии первого периода, является характерная расковка концов подвески с намеченным ребрышком. При обсуждении комплекса погребения 5 Золотого кургана О.В. Кузьмина высказала предположение, что расковка окончаний нашей серебряной подвески является элементом технологии «вербового листа», хорошо представленной в Центральной Европе и иногда встречающейся в лесной зоне, в частности в памятниках фатьяновской культуры. Именно так я и охарактеризовал эту расковку в предварительном сообщении о результатах раскопок Золотого кургана (Мимоход, Панковский, Усачук, Данилов, Загайнова, в печати).

Более детальный анализ и подбор аналогий показал, что наша серебряная подвеска отношения к технологии «вербового листа» не имеет, хотя отдельные элементы расковки концов изделия с ней сопоставимы. Наличие ребрышка и разная ширина раскованных лопастей достаточно характерный признак изделий подобного рода. В качестве наиболее близкого территориально примера височной подвески, выполненной в технике «вербового листа», можно привести изделия из Северо-Бирского могильника (Сальников, 1967. Рис. 2, 20, 21, 25), которые сейчас чаще всего рассматриваются в контексте вольско-лбищенской культурной группы (Васильев, 1999. С. 73; Ткачев, 2006. С. 7; 2006а. С. 71; 2007. С. 212, 213) и сопоставляются с височными кольцами «шнуровых культур» Средней и Восточной Европы, в частности унетицкой культуры (Сальников, 1967. С. 120; Бадер, 1971. С. 69; Гадзяцкая, 1976. С. 68; Кузьмина О., 2001. С. 155; Василь-

---

[56] Попытки С.А. Григорьева доказать искусственный характер содержания мышьяка в абашевско-синташтинском металле (группа ТК) и связать этот металл с традициями ближневосточной и кавказской металлургии (Григорьев, 1996. С. 33, 34; 1999. С. 126, 127; 2001. С. 246, 247; 2007. С. 176) вызывают острую критику (Черных, 2007. С. 82). Вопрос о естественном или искусственном происхождении примесей мышьяка в этой группе, видимо, действительно сложен (Бушмакин, 2002. С. 143) вплоть до того, что в одной и той же работе можно встретить определение группы ТК как «низколегированной мышьяковой бронзы», «естественной мышьяковой бронзы» и «меди ТК» (Дегтярева, Кузьминых, 2003. С. 306, 293).

[57] Правда, принадлежность металлических находок с этого памятника вольско-лбищенской культурной группе оспаривается. В частности, О.В. Кузьмина относит этот комплекс к средневолжской абашевской культуре (Кузьмина, 2000. Рис. 2; 2000а. С. 86).

ев, 2003. С. 109). Здесь также присутствуют ребра на лопастях, которые имеют расковку разной ширины. Однако сравнение височного кольца из Золотого и северобирских «вербоволистных» подвесок при одинаковых размерах выявляет существенные различия между ними. Важным диагностичным признаком техники «вербового листа» выступает ширина расковки, которая, собственно, и придает концам подвески характерную листовидную форму. Так, у северобирских экземпляров ширина максимально раскованной лопасти составляет 1,1 см, а у подвески из Золотого она в два раза меньше и составляет 0,5 см. Совершенно разные у этих предметов оказываются индексы соотношения толщины нераскованной части прутка и ширины лопастей: у нашей подвески 1:2,5, а у подвесок из Бирска 1:10. И это не исключение. Те же самые параметры и индексы фиксируются у большинства фатьяновских височных подвесок в 1,5 оборота, выполненных в стиле «вербового листа» (Крайнов, 1972. Рис. 53, 1; 54, 1; Гадзяцкая, 1976. Табл. XXXI, 1; XXXII, 9, 10). Причем большинство этих изделий изготовлены из пластины, а не из круглого прутка, как в нашем случае. Кроме того, все «вербоволистные» подвески, обнаруженные в фатьяновских и вольско-лбищенских комплексах, сделаны из меди, равно как и среднеевропейские экземпляры (Kadrow, 2000. S. 141), и только более поздние абашевские модификации, которые, строго говоря, уже не представляют технику «вербового листа» (Кузьмина О., 2002. С. 181; 2002а. С. 157), выполнены из серебра. Однако последние по морфологии, технике изготовления и размерам не имеют ничего общего с серебряной височной подвеской из Золотого кургана.

Еще больше ясности в вопрос о правомерности сопоставления нашего предмета с фатьяновскими, вольско-лбищенскими и среднеевропейскими височными подвесками в 1,5 оборота вносит хронология индустрии «вербового листа». На сегодняшний день она достаточно хорошо разработана. Расцвет этого стиля в Средней Европе приходится на период BrA1–A2, что в калиброванных значениях соответствует XXIII–XVIII вв. до н. э. (Kadrow, 2000. S. 142; Братченко, 2001. С. 47). Известны «вербоволистные» изделия и на Кавказе. Особенно часто они встречаются в гинчинской культуре средней бронзы Северо-восточного Кавказа (Гаджиев, 1969. Рис. 22, 37; 27, 5; Магомедов, 1998. С. 119). Судя по всему, кавказские украшения датируются временем, соответствующим среднеевропейскому периоду BrA1. Считается, что самые древние образцы, выполненные в стиле «вербового листа», обнаружены в Уре и датируются XXVI–XXV вв. до н. э. (Kadrow, 2000. S. 144). Именно с Ближнего Востока этот стиль одновременно распространился в Европу и на Кавказ. Причем интересно, что эта мода совершенно не прижилась в синхронных культурах степной зоны. Импульс из европейского эпишнурового мира прошел по лесной полосе и отразился в вольско-лбишенских и фатьяновских комплексах. Не вышли «вербоволистные» украшения в степь и с Кавказа. Поздние катакомбные и посткатакомбные культуры оказались не восприимчивы к этому стилю. Даже в погребениях бабинской культуры, в формировании которой ощутим достаточно сильный шнуровой импульс (Литвиненко, 2002. С. 78; 2006а. С. 233, 234), украшения, сделанные в этой технике, неизвестны. Пожалуй, единственным исключением здесь является среднедонская катакомбная культура, в материалах которой имеются присущие только ей сферические подвески с усиками. Данные изделия специалисты рассматривают как проявление стиля «вербового листа» (Братченко, 2001. С. 47; Кияшко А., 2007)[58]. Впрочем, это неудивитель-

[58] Скорее всего, это правильно, и среднедонские катакомбные подвески если не прямо, то опосредованно связаны с этой техникой, видимо, так же как и желобчатые абашевские височные кольца (Кузьмина, 2002. С. 181).

но, т.к. среднедонская культура является северной периферией катакомбного мира. Она находилась в непосредственном контакте с культурами шнурового круга, откуда и могло произойти заимствование обсуждаемой техники. Отражение контактов с фатьяновско-балановскими группами в материальной культуре среднедонских катакомбников неоднократно отмечалось исследователями (Березуцкая, 1999. С. 64–66; Кияшко А., 2002. С. 134; 2003а. С. 104; Мочалов, 2003а. С. 119; Матвеев, 2005. С. 101; Федосов, 2007а. С. 26). Следует отметить, что сферические подвески с усиками, неизвестные вне среднедонского катакомбного контекста[59], маркируют поздний, возможно, конец среднего этапа развития культуры (Синюк, 1983. Рис. 43; 1996. Рис. 41). Это подтверждается их встречаемостью в одном комплексе с поздними типами курильниц (Павловск 38/3) (Синюк, 1983. 1996. Рис. 24, 1–9), бородавчатым бисером (Ширяевский 3/1) (Погорелов, 1985. Рис. 2, 2–6), костяками в позе адорации (Павловск 38/2, 56/6, Новомеловатский 2/3) (Синюк, 1983. Синюк, Матвеев, 2007. Рис. 117, 1,2). Удревнение нижней границы их бытования до развитого этапа среднедонской культуры вряд ли оправданно, особенно в тех периодизациях, где время этих подвесок полностью ограничивается развитым этапом без захода в поздний (Матвеев, 1980. Рис.; 2005. С. 96; Пряхин, Матвеев, Беседин, 1991. Рис. 3). Это полностью противоречит хронологии распространения стиля «вербового листа» в Европе. Именно поздний период среднедонской катакомбной культуры, который в калиброванной системе датируется XXIV–XXIII вв. до н. э.[60], синхронен началу распространения «вербоволистных» изделий. Как уже было отмечено, сферические подвески в большинстве случае встречаются в погребениях с поздними обрядовыми и инвентарными признаками[61]. В этом плане интересен факт обнаружения в комплексе Павловский 38/3 двух подвесок с усиками, сделанных из серебра (Синюк, 1983. 1996. С. 131, рис. 24, 2–9). По всей видимости, появление серебряных изделий в этом захоронении следует рассматривать в контексте катакомбно-абашевских взаимосвязей и второго периода распространения украшений из этого металла. Катакомбно-абашевские контакты прослеживается именно в комплексах заключительного этапа среднедонской катакомбной культуры, т.к. ранние абашевские памятники синхронны поздним катакомбным (Матвеев, 1998.

---

59 Отнесение О.В. Кузьминой серебряной подвески из воронежского комплекса Хохольский 1/1 к типу сферической с усиками, характерному для среднедонской катакомбной культуры (Кузьмина, 2001. С. 158), возможно, ошибочно. Здесь мы имеем дело с иным типом украшения. Этот свернутый в колечко пруток, один из концов которого раскован в щиток. К сожалению, в археологическом музее Воронежского государственного университета, где хранится коллекция Хохольского могильника, обнаружить это изделие мне не удалось. В экспозиции выставлена прорисовка этого украшения, из которой видно, что щиток не сферический, а плоский.

60 Этот диапазон устанавливается, благодаря представительной базе радиоуглеродных дат посткатакомбного блока и первым полученным датам среднедонской культуры (см. главу 1).

61 Сферические подвески с усиками не переживают позднюю среднедонскую катакомбную культуру. В посткатакомбный период они неизвестны. Отнесение комплексов Караяшник 3/7 и Павловск 56/6 к бабинской культуре (Братченко, 2006. Рис. 110, 8, 10) вызывает недоумение. Их культурно-хронологическая атрибуция в рамках поздней среднедонской катакомбной культуры не подвергается сомнению. Помимо самих подвесок, которые являются этнографическим маркером данной культуры, это подтверждает классический среднедонской сосуд из комплекса Караяшник 3/7 (Матвеев, Медведев, 1979. Рис. 2, 8). Адоративное положение костяка (Павловск 56/6) встречается в среднедонской культуре вместе с катакомбной посудой (Синюк, 1983. 1996. Рис. 33, 6–9; Погорелов, 1985. Рис. 2, 4, 6; 1988. Рис. 1, 4), в том числе в ямах и с южной ориентировкой. Кстати, в том же Павловском могильнике в кургане 38, погребении 3 аналогичные сферически подвески с усиками обнаружены в могиле катакомбной конструкции и с поздней курильницей (Синюк, 1983.).

С. 18; Кузьмина О., 2001. С. 157; Литвиненко, 2001. Табл. 1; Кияшко А., 2003. С. 105; Федосов, 2007а. С. 27). В контексте связей с абашевским металлургическим очагом следует рассматривать и появление серебряного украшения в комплексе Хохольский 1/1 воронежской культуры, которая синхронна поздней среднедонской катакомбной культуре и блоку посткатакомбных культурных образований.

Итак, анализ хронологической позиции распространения техники «вербового листа» указывает на то, что она стала известна в Средней и Восточной Европе значительно позже времени погребения 5 Золотого кургана. Даже самые ранние, ближневосточные, образцы, судя по корректным радиоуглеродным данным нашего комплекса (см. ниже), оказываются моложе погребения Золотого. Морфология серебряной подвески и характер расковки лопастей хотя имеют отдельные признаки стиля «вербового листа», тем не менее отличаются от него по главным структурным элементам.

Техника, в которой выполнено височное кольцо из Золотого, имела широкое распространение в конце ранней — начале средней бронзы. Именно в этот период на территории Предкавказья и Днепро-Волжского междуречья распространяются подвески в 1,5 и более оборотов, изготовленные из округлого или плоского в сечении прутка с раскованными концами. Они хорошо представлены в позднеямных, новотитаровских, восточноприазовских, северокавказских, раннекатакомбных, полтавкинских, преддонецких и раннедонецких памятниках (Санжаров, 1992. Рис. 6, 6; Дьяченко, 1992. С. 82, рис. 2, 6; Смирнов А., 1996. Рис. 16–18 Кияшко А., 1999. С. 80, рис. 93, 9, 10, 16, 17; 94, 5; Гей, 2000. Рис. 48, 9–17; Братченко, 2001. Рис. 3, 7; 4, 8; 9, 3, 4; 14, 2; 28, 4; 30, 5; 35, 5; 60, 7; 63, 10, 11; 74, 8; 104, 10, 12–14; Качалова, 2001. С. 44; Кияшко А., 2002. Табл. XIX, 3; Власкин, 2005. Рис. 3, 6, 7; рис. 4, 4, 5; Парусимов, 2005. С. 196, рис. 7, 3; и др.)[62]. Именно на эти типы изделий приходится большинство предметов, сделанных из серебра, первого периода распространения в погребальном обряде серебряных украшений на юге Восточной Европы. В некоторых комплексах этого этапа встречаются подвески с неравномерной расковкой лопастей, как и у кольца из Золотого (Гей, 2000. Рис. 48, 10, 12; Братченко, 2001. Рис. 30, 6; 35, 5; 60, 7).

По всей видимости, расковка лопастей у височных подвесок в какой-то мере может выступать хронологическим индикатором. В тенденции этот морфологический элемент маркирует именно конец ранней — начало средней бронзы, хотя встречается она и позже в развитых катакомбных культурах. Так, в новотитаровской культуре кольца в 1,5 оборота с раскованными лопастями III типа по А.Н. Гею, к которому относится и подвеска из Золотого кургана, серийно появляются только на втором этапе и переходят в восточноприазовскую культуру (Гей, 1991а. С. 32; 2000. Рис. 48, С. 161). Наше изделие, по всей видимости, можно отнести к III группе височных колец ранней бронзы Северного Кавказа по классификации В.Л. Ростунова и Б.М. Хашегульгова, в которую входят подвески «из круглой или слегка раскованной проволоки иногда с расплющенными концами» (Ростунов, Хашегульгов, 1985. С. 49). Важно, что исследователи эту группу определяют как самую позднюю, а группы I и II, в которых расковка лопастей еще не фиксируется, относят к более раннему времени. Время появления височных подвесок с

---

[62] Пожалуй, самая широкая расковка лопастей у подвесок этого периода наблюдается у кольца в 1,5 оборота из погребения 2 кургана 8 Ильменского могильника (Качалова, 1970. Рис. 11, 6), которое относится к ямно-катакомбному времени (Погорелов, 1989. Рис. 5, 18) или к наиболее архаичным памятникам среднедонской катакомбной культуры (Пряхин, Матвеев, Беседин, 1991. Рис. 3). Однако индекс нераскованной части прутка и ширины лопастей здесь составляет 1:5, что уступает в два раза индексам «вербоволистных» подвесок.

раскованными лопастями на Северном Кавказе они относят к посткуроаркссному времени (Ростунов, Хашегульгов, 1985. С. 53). Для территории степи—лесостепи это будет соответствовать началу средней бронзы, преддонецкому и раннедонецкому периодам, что подтверждается совместными находками таких колец с северокавказскими украшениями (шнуровидными подвесками, кольцевыми медальонами и т.д.).

Индексы соотношения расковки лопастей и диаметра нераскованной части прутка близки у большинства колец этого типа, распространившихся в культурах Северного Кавказа и степной—лесостепной зон. Они в целом соответствуют аналогичным параметрам серебряной подвески из Золотого. Признаком, который несколько выделяет наше изделие из очерченного круга типологических параллелей, является наличие выраженного ребра на внешних сторонах лопастей. Для подавляющего большинства северокавказских и степных/лесостепных височных подвесок в 1,5 оборота эта деталь исследователями не отмечается. Тем не менее она изредка встречается на изделиях этого хронологического горизонта. В качестве примера можно привести височные кольца, правда другого типа, из раннедонецких комплексов Нижнего Подонья, на которых имеется ребрышко на внешней поверхности (Кияшко, А., 1999. Рис. 97, 18, 28).

Серебряная подвеска в 1,5 оборота с раскованными концами из Золотого кургана на сегодняшний день, по-видимому, является самой северной находкой изделий подобного типа в Волго-Донском междуречье. В ямно-полтавкинских (утевских) комплексах Самарского Поволжья, насколько мне известно, изделия такого типа пока не встречены. Отсутствуют они и в тамаруткульских памятниках Приуралья. Здесь имеются медные подвески в 1,5 и 2,5 оборота, но без характерной расковки концов (Моргунова, Кравцов, 1994. Рис. 31, 18, 19; Богданов, 2004. Рис. 57, 10, 11). Серия подвесок с расплющенными концами сосредоточена южнее Золотого в памятниках начала средней бронзы Нижнего Поволжья, Нижнего Дона и Подонцовья. Еще более широкое распространение они получили в Предкавказье и на Кавказе. Нетрудно заметить, что количественное и территориальное распределение подвесок с раскованными в лопасти концами и украшений из серебра первого периода оказывается очень близким. Иными словами, и те и другие изделия единичны на юге Среднего Поволжья, на Среднем Дону и неизвестны в Приуралье, на территориях наиболее удаленных от кавказского региона. Подобное распределение хорошо иллюстрирует, как и в случае с серебряными изделиями вообще, исходный импульс распространения подвесок с раскованными концами и вектор его направленности.

Таким образом, серебряная подвеска в 1,5 оборота с раскованными концами из Золотого кургана очерчивает достаточно широкий диапазон сооружения погребения 5, который синхронен новотитаровской культуре II и III этапов, раннекатакомбной восточноприазовской культуре, преддонецким и раннедонецким памятникам, где подобные изделия встречаются чаще всего. Более узкой даты наше височное кольцо не дает. Ребро на внешней стороне подвески, как уже говорилось, встречается на изделиях из раннедонецких комплексов Нижнего Дона. Однако там эти подвески представлены серебряными кольцами с обратным разворотом (Кияшко А., 1999. С. 82; рис. 97, 18, 28). С другой стороны, по мнению А.В. Кияшко, в раннедонецкий период в этом регионе кольца в 1,5 оборота изготовляются только из бронзы, которые замещают более ранние (преддонецкие) серебряные экземпляры (Кияшко А., 1999. С. 82). Вряд ли такое разделение по периодам подвесок в 1,5 оборота (серебряные — преддонецкие, бронзовые — раннедонецкие) имеет столь жесткий характер. По крайней мере, в волго-донском междуречье известны захоронения раннедонецкого времени с серебряными височными кольцами с раскованными концами (Дьяченко, 1992. С. 82, рис. 2, 6).

Другой тип серебряных украшений, обнаруженный в погребении 5 Золотого кургана, представлен пружинными дуговидными пронизями, свернутыми из тонкой округлой в сечении проволоки. Как показал спектральный анализ, металл пронизок менее чистый, чем у височного кольца, и содержит до 6% примеси меди (см. приложение 3.4). Поиск прямых аналогий этим изделиям сталкивается с определенными трудностями. В целом спиральные пронизи имеют достаточно широкое распространение. Особенно часто в эпоху средней бронзы встречаются они на Северном Кавказе. В частности, известны эти украшения в склеповых (Гинчи, Великент, Галгалатли и др.), грунтовых и курганных могильниках (Гоно, Миатли, Лечинкай, Чегем и др.). Однако кавказские образцы отличаются от нашего изделия по нескольким существенным признакам. Они сделаны из бронзы, имеют прямую, а не дуговидную форму, достигают довольно крупных размеров и свернуты из пластины. Последний признак имеет немаловажное значение. Именно из пластины, а не из проволоки сделано большинство степных изделий.

В степной—лесостепной зоне спиралевидные пронизи немногочисленны и связаны обычно с определенным хронологическим и культурным контекстом. Особый всплеск их использования в погребальном обряде наблюдается в финале средней бронзы. Спиралевидные пронизи, изготовленные из пластины, маркируют раннебабинские (Литвиненко, 1997. С. 32) и раннелолинские (Мимоход, 2007. С. 149) комплексы. Известна спирально-ленточная пронизь и в комплексе с воронежской керамикой (Пряхин, Синюк, 1983. Рис. 2–9). Особо следует отметить, что изделия этого периода, по-видимому, можно отнести к проявлениям кавказских влияний в посткатакомбное время. Об этом свидетельствует их прямая форма и техника изготовления украшения из пластины, которые находят полные аналогии в кавказских образцах, бытующих на протяжении всего среднего бронзового века. Это же подтверждает и территориальное распределение спиральных пронизей. В Бабино их всего две в комплексах днепро-донской бабинской культуры, в лесостепном Подонье — одна, а в материалах лолинской культуры Предкавказья известно пять погребений с украшениями этого типа (Гак, Мимоход, 2007. С. 92).

В этот же период происходит и распространение спиральных пронизей в волго-уральском регионе в среде абашевской культуры. При внешнем сходстве абашевские изделия отличаются от посткатакомбных и кавказских. Волго-уральские пронизи изготовлены как раз из проволоки (Кузьмина О., 1992. С. 50; 2002а. С. 158). Причем в погребениях они нередко встречаются целыми наборами, а не по одной-две, как в посткатакомбных погребениях. Среди абашевских изделий встречаются и серебряные экземпляры. Эти украшения продолжают бытовать в синташтинской культуре (Ткачев, 2007. С. 197). Очевидно, что происхождение данного типа изделий в Волго-Уралье было иное в сравнении с посткатакомбными культурными образованиями. Об этих тенденциях уже говорилось выше при анализе возникновения традиции использования серебряных украшений в абашевской культуре.

Подходя формально, пронизи из Золотого можно сопоставить с абашевскими пронизями. Их объединяет то, что они серебряные и сделаны из проволоки. Кроме того, нельзя не отметить и относительную территориальную близость. Наиболее южные памятники средневолжской абашевской культуры известны уже в самарском Поволжье (Кузьмина О., 2000а). Однако морфология изделий погребения 5 Золотого кургана принципиально иная. Абашевские изделия в основной массе прямые и не имеют дуговидной изогнутости, характерной для наших пронизей. Кроме того, время сооружения Золотого кургана отделяет от ранних памятников абашевской культуры не ме-

нее 400 лет. В лесостепи это один из самых древний комплексов со спиралевидными пронизками. Поэтому связь наших проволочных украшений с абашевскими представляется сомнительной.

В синхронных Золотому инокультурных образованиях точных аналогий серебряным проволочным пронизям, насколько мне известно, нет. Наиболее близкими оказываются изделия, происходящие из степного Предкавказья, которые появляются здесь в постмайкопское время (Рысин, 2007. С. 197). В материалах северокавказской культуры обнаружены прямые бронзовые спиральные пронизи, сделанные из проволоки (Нечитайло, 1978. Рис. 33, 9; Батчаев, 1984. Рис. 17, 38; Мизиев, 1984. С. 108, рис. 13, 19, 20; Кореневский, 1990. С. 54, 58, 59, рис. 11, 3; 42, 25). В комплексах эти изделия чаще всего встречаются вместе с металлическими украшениями, характеризующими расцвет северокавказской культуры (медальоны, разнообразные подвески, металлические молоточковидные и посоховидные булавки), который синхронен раннедонецкому периоду.

В материалах памятников тамаруткульского типа Приуралья известны также спиральные пронизи, свернутые из округлой в сечении медной проволоки (Тамар-Уткуль VII 6/1). Обнаружены здесь и железные экземпляры (Донгузский II 2/1) (Богданов, 2004. С. 187, 188, рис. 56, 13, 14). Эти изделия, как и северокавказские, типологически близки пронизям из Золотого и, по всей видимости, могут выступать в качестве датирующей категории инвентаря, которая маркирует в Предкавказье и Волго-Уралье памятники начала средней бронзы. Как уже отмечалось, для последующего периода СБВ, этапа существования развитых катакомбных культур, этот вид украшений не является характерным. Вновь серийно они появляются в степной зоне только в финале средней бронзы.

При типологической близости северокавказских и тамаруткульских (приуральских) пронизей украшениям Золотого следует отметить их различия. Во-первых, привлекаемые в качестве аналогий изделия не имеют характерной дуговидной изогнутости, как у наших экземпляров. Во-вторых, они изготовлены не из серебра. Единственная известная мне полная аналогия серебряным спиралевидным пружинным пронизям из Золотого кургана происходит из I Утевского могильника, расположенного на расстоянии около 200 км к ВСВ от нашего памятника. Здесь в погребении 1 кургана 2 в парном захоронении при костяке взрослого человека обнаружено не менее 8 спиральных пронизей, которые сделаны из проволоки и имеют дуговидную изогнутость (Васильев, 1980. С. 40, 41, рис. 6, 2). Спектральный анализ двух изделий показал, что они сделаны из серебра, в одном имеется примесь золота (Кореневский, 1977. С. 45, табл. 3; 1980. С. 65, табл.) Расположение украшений по отношению к костяку в утевском комплексе идентично ситуации, зафиксированной в погребении Золотого кургана. В обоих случаях они находились в районе черепа и, по всей видимости, входили в состав украшений головы умерших[63]. Еще целый ряд других черт погребального обряда сближает комплексы Золотой 3/5 и Утевка I 2/1. В последнем захоронении у взрослого костяка «позвоночник был неестественно сильно согнут, почти под прямым углом», кости плечевого пояса смещены (Васильев, 1980. С. 40). Такое расположение костей может указывать на первоначальное полусидячее положение умершего (Гей, 2000. С. 125). Интересны особенности позиции и детского скелета. Его «череп

[63] К сожалению, нет антропологических данных о поле и возрасте скелета взрослого человека из комплекса Утевка I 2/1. Напомню, что в погребении 5 Золотого кургана по определению А.А. Хохлова была похоронена женщина 30–40 лет (см. приложение 3.6). В погребении 1 кургана 2 Утевского могильника взрослый скелет сопровождался захоронением ребенка 2–2,5 года (Васильев, 1980. С. 40).

находился в 30 см к юго-западу от костяка, нижняя челюсть на груди» (Васильев, 1980. С. 40). Как уже отмечалось выше, эта позиция костей черепа in situ убедительно свидетельствует о том, что первоначально голова умершего находилась на высокой подушке и после разложения мягких тканей сместилась, а нижняя челюсть сохранила свое исходное расположение. Именно такая ситуация зафиксирована и в погребении Золотого. Кроме того, сближает утевский и наш комплексы обильная посыпка охрой костяка, широтная ориентировка могильной ямы со сложной конструкцией, наличие канавок вдоль длинных стен, столбовых ямок, камышовых подстилок и перекрытий. Нельзя не отметить также близость состава погребального инвентаря. В обоих случаях в комплексах сочетаются украшения головы, два шила, нож, каменные орудия, плоскодонные сосуды, орнаментированные крупнозубчатым штампом.

Учитывая столь яркие параллели комплексов Утевка I 2/1 и Золотой 3/5 и наличие в составе инвентаря полностью идентичных спиралевидных серебряных пронизей, прямые аналогии которым больше пока не обнаруживаются, на мой взгляд, следует констатировать их синхронность. В таком случае установление относительной хронологии погребения из Золотого будет взаимосвязано с определением хронологической позиции утевского захоронения. В этой связи следует обратить внимание на осторожный вывод И.Б. Васильева о более позднем возрасте погребения 1 кургана 2 по отношению к хорошо известному комплексу Большого Утевского кургана (Васильев, 1980. С. 52, 53). В целом же все основные погребения могильника датируются им в рамках ямно-полтавкинского периода (Васильев, 1980. С. 53).

Особого внимания с точки зрения культурно-хронологической идентификации комплекса Золотого заслуживают морфология и сочетание орудий труда, обнаруженных в составе погребального приданного. Они представлены двумя каменными абразивами, растиральником, орудиями на кремневых отщепах, двумя однотипными костяными интсрументами, медными шильями и ножом.

Большая часть этих предметов располагалась компактно на дне могилы, между северной стенкой и костяком (илл. 61, 1-2). Под скоплением прослеживались следы желтого пигмента. Плотное расположение предметов впритык друг к другу может свидетельствовать о том, что в древности орудия могли располагаться в каком-то футляре либо были завернуты в материал органического происхождения. Традиция подобной упаковки производственного инвентаря, видимо, уходит корнями в эпоху ранней бронзы, но наибольшего расцвета достигает в катакомбный период, когда часто начинают встречаться компактные скопления производственного инвентаря, остатки различных футляров, подносов с бортиками и кошелей-мешочков (Санжаров, 2008. С. 36, 37). Трасологический анализ орудий, входящих в этот набор, показывает, что они не составляли комплекта одной функциональной направленности (см. приложение 3.2). По всей видимости, только каменные абразивы (илл. 71, 1, 3), использовавшиеся, по мнению А.Н. Усачука, для заточки острых и плоских металлических изделий, и, соответственно, шилья и нож связаны между собой в рамках единого производственного процесса. Орудия на отщепах кремня, одно из которых использовалось и в качестве украшения, по характерным выемчатым рабочим частям с ретушью (илл. 71, 4, 5), можно интерпретировать как орудия для деревообработки, возможно, изготовления древков стрел. Именно так, по данным трасологического анализа, определяется функциональное назначение типологически близких орудий Среднего Подонья (Килейников, 2005. С. 60, рис. 21, 7, 8, 13, 14). Их обнаружение в составе инвентаря можно рассматривать в контексте зарождения традиции помещения в могилу специализированных инструментов мастеров — изготовителей стрел, достигшей своего расцвета в

развитый и поздний катакомбный периоды (Смирнов Ю., 1983. С. 176, 177; Санжаров, 2008. С. 28, 29, 68, 69). Возможно, с орудиями на отщепах функционально связаны и находки ископаемых раковин, которые нередко рассматриваются исследователями в контексте стрелочных наборов (Смирнов Ю., 1983. С. 171; Санжаров, 2008. С. 41–43)[64]. С.Н. Братченко предполагает, что и бронзовые стержни-шилья могли использоваться при кремнеобработке (1995. С. 80–81, 88). Костяные орудия (илл. 71, 6–8), одно из которых находилось в скоплении производственного инвентаря, интерпретированы А.Н. Усачуком как инструменты для рисования охрой («каламы»), т.е. они никак в производственном отношении не связаны ни с абразивами, ни с орудиями на отщепах. Их следует рассматривать в контексте функционального единства вместе с еще одним каменным орудием — растиральником для охры (илл. 71, 2).

Таким образом, в «производственном наборе» Золотого выделяются не менее трех функциональных блоков. Первый представлен каменными абразивами и медными орудиями (шилья и нож), в таком виде он связан с металлообрабатывающим производством. Второй — это орудия на отщепах, которые, скорее всего, являлись деревообрабатывающими инструментами и могли использоваться, в частности, для изготовления древков стрел. В качестве варианта функциональной связи с этим блоком можно рассматривать и ископаемые раковины, хотя, скорее всего, в инвентаре они несли исключительно ритуальную нагрузку. Наконец, костяные орудия для рисования охрой и растиральник представляют самостоятельный функциональный блок, не связанный с указанными производственными циклами. К явно непроизводственным предметам относится и изделие из биллона, обнаруженное в наборе[65].

В итоге можно полностью согласиться с выводом А.Н. Усачука, что совокупность орудий из погребения Золотого кургана можно считать «если не непроизводственным, то неполным производственным набором» (см. приложение 3.2). На сегодняшнем уровне изученности проблемы, связанной с идентификацией и интерпретацией производственных наборов в погребениях эпохи бронзы, можно только констатировать, что в совокупности предметов из Золотого мы видим отражение отдельных производственных циклов. Однако принципы формирования набора, которыми руководствовались устроители захоронения, и, соответственно, его семантика в погребальном ритуале остаются предметом дальнейших исследований.

Нас в первую очередь интересуют вопросы хронологической и культурной атрибуции предметов, входящих в этот набор.

Отчасти показательным является обнаружение в могиле абразивов. Эти орудия в большей степени характерны для инвентаря катакомбных захоронений, в то время как

---

[64] Следует заметить, что подобным образом интерпретируются, главным образом, створки раковин, имеющих острые и зазубренные края. Это позволяет рассматривать их как деревообрабатывающий инструментарий (Смирнов Ю., 1983. С. 171; Кравец, Татаринов, 1997. С. 96; Черных Л., 1991. С. 145; Разумов, Шевченко, 2007. С. 110). Раковины из Золотого не створчатые и не имеют характерных рабочих поверхностей. Однако предлагаются и другие варианты использования раковин в кремнеобработке: получение шлифовального порошка, вымачивание кремневого сырья (Кияшко В., Яценко, 2001. С. 285; Санжаров, 2008. С. 42). На мой взгляд, нахождение в наборе орудий Золотого изделия из биллона явно не производственного назначения дает возможность рассматривать его вместе с раковинами как сугубо ритуальные предметы.

[65] Напомню, что один отщеп с ретушью в погребальном обряде использовался как украшение или амулет. Он имел природное отверстие, за которое, по всей видимости, привязывался. Это орудие на отщепе обнаружено у черепа вместе с серебряными изделиями (илл. 66, 2), что говорит о том, что оно входило в составное украшение головы умершей.

для памятников тамаруткульского типа Приуралья отмечается фактически их полное отсутствие (Богданов, 2004. С. 176). В единичных случаях они встречаются в поволжских полтавкинских комплексах (Васильев, 1980. Рис. 6, 10; Сухорукова, 2008. С. 14), но не составляют там функциональных наборов, даже неполных, как в Золотом.

Костяные орудия, определенные как инструменты для рисования охрой, не несут узкой культурно-хронологической нагрузки. Развернутый анализ и достаточно полный список аналогий этим изделиям представлен в работе А.Н. Усачука (см. приложение 3.2). Орудия с раздвоенными концами встречаются в погребениях ранней и значительно чаще средней бронзы, вплоть до позднекатакомбного времени. Для нас представляет интерес обнаружение таких предметов в погребениях начала средней бронзы, близких по времени Золотому кургану. Здесь следует отметить орудия из преддонецкого комплекса Центральный VI 11/9 в Нижнем Подонье (Братченко, 2001. Рис. 78, 1–8), раннекатакомбного погребения 165 Большого Ипатовского кургана (Кореневский, Белинский, Калмыков, 2007. С. 52, рис. 39, 4), захоронения раннедонецкого времени Лысянский II 1/5 (Парусимов, 1997. С. 20, 21). Вероятно, к этому периоду может относиться и комплекс Золотые Горки IV 2/3 (Парусимов, 2002а. С. 14, рис. 31, 4). Важно обратить внимание и на то, что находки Золотого — это первый случай обнаружения «каламов» в памятниках утевско-тамаруткульского типа. На сегодняшний день наш комплекс — самый северный пункт распространения данных изделий. Все остальные орудия этого типа найдены южнее и связаны в основном с культурами катакомбного круга.

Медные стержни-шилья, аналогичные изделиям из Золотого кургана (илл. 70, 2, 3), достаточно широко распространены во времени и пространстве и часто встречаются в памятниках ранней — средней бронзы. Подобные орудия с утолщением, смещенным к одному из окончаний, а также с выраженным упором изготовлены в традициях Циркумпонтийской металлургической провинции (Черных, 2007. С. 43; Черных, Авилова, Орловская, Кузьминых, 2002. Рис. 6). В Золотом примечательна не столько их стандартная морфология, сколько сочетание в одном погребении длинного шила с утолщением и короткого с выраженным кольцевым упором. Различие параметров и формы, по всей видимости, может свидетельствовать о разном функциональном назначении этих предметов. В какой-то мере это находит подтверждение в их ситуативном расположении в могиле. Длинное шило находилось в одном наборе с ножом и каменными металлообрабатывающими инструментами, короткое с упором — у северной стенки могилы на существенном расстоянии от скелета и остального инвентаря (илл. 64, 1–2). Месторасположение и морфология первого экземпляра не оставляет сомнений, что это действительно шило. Оно входит в стандартную комбинацию вещей для погребального обряда эпохи средней бронзы: шило и нож к тому же в связке с каменными абразивами для заточки острых и плоских металлических изделий. Второе изделие может быть наконечником стрекала, что в определенной степени объясняет его обособленное расположение в могиле[66]. Отчасти подтверждает это и морфология изделия: один конец явно притуплен и, возможно, был рабочей частью, которая от упора выступала из древка (Отрощенко, Черных Л., 1998, С. 59). Наконечники стрекал найдены в погребениях ямной культуры. Особенно часто встречаются они в катакомбных захоронениях (Отрощенко, Черных Л., 1998. С. 59).

---

[66] Следует также отметить, что in situ этот стержень лежал параллельно северной стенке погребальной камеры. Это позволяет предположить, что все орудие с несохранившимся древком могло лежать к северу от умершей вдоль длинной стены могилы.

Необходимо отметить, что близкое сочетание металлических стержней зафиксировано в неоднократно упоминавшемся комплексе Утевка I 2/1. Здесь в составе инвентаря обнаружены также два медных стержня: один короткий с упором, второй — длинный с утолщением, смещенным к одному из окончаний (Васильев, 1980. Рис. 6, 8, 9). В морфологическом отношении эти изделия очень близки орудиям из Золотого, однако превышают их размеры почти в два раза[67].

Более точные культурно-хронологические привязки комплекса из Золотого кургана дает медный нож (илл. 70, 1). Он имеет достаточно крупные размеры, его длина составляет 18,2 см. Орудие относится к 3-й группе (листовидные с широким лезвием) ножей по классификации С.Н. Кореневского (1978. С. 40). По основным метрическим и морфологическим показателям клинок из Золотого сопоставим в первую очередь с двумя ножами из Самарского Поволжья ямно-полтавкинского времени, которые занимают явно обособленную позицию в рамках 3-й группы (Кореневский, 1978. С. 40, рис. 6, 1, 2). Они отличаются от остальной серии более крупными размерами, высоко поднятыми плечиками с наибольшим расширением лезвия в месте сочленения плечиков и лезвийной части, наличием ребра жесткости и заостренностью окончания клинка. Подобные ножи хорошо представлены в памятниках конца ранней — начала средней бронзы волго-уральского региона. Наш экземпляр можно отнести к 2-му типу металлических ножей с листовидными клинками пологими плечиками и довольно длинными черенковыми рукоятями периодов РБВ I-II по типологии С.В. Богданова (2004. С. 185, 186). Эти ножи в Волго-Уралье представлены в памятниках утевско-тамаруткульского типа. В качестве наиболее близких аналогий следует назвать клинки из комплексов Тамар-Уткуль VII 4/9, 8/4 (Моргунова, Кравцов, 1994. Рис. 6, 1; 9,1) и особенно Болдырево I 2/1 (Кравцов, Моргунова, 1991. Рис. 4, 11; Моргунова, 2000. Рис. 6, 2). Эта же модификация ножа, только с более широким лезвием, представлена в Утевке I 1/1 (Васильев, 1980. Рис. 4, 6), Изобильном 3/1 (Моргунова, Кравцов, 1994. Рис. 24, 1) и Владимировском 1/6 (Васильев, Кузнецов, 1989. С. 76, рис. 1, 6; Васильев, Кузнецов, Турецкий, 2000. Рис. 10, 1). По сути, ножи Болдырево-Золотой и Утевка-Изобильное представляют собой два отдельных типа в рамках реализации одной модели ножа-кинжала, восходящей к кавказским традициям (Кореневский, 1980. С. 66). Возможно, эта модель развивалась во времени и клинки типа Утевка-Изобильное являются более ранними по отношению к изделиям из комплексов Болдырево I 2/1 и Золотой 3/5.

Интересно, что волго-уральские ножи типа Утевка-Изобильное отнесены А.В. Кияшко к первому типу этих орудий андрюковского этапа кавказской металлообработки по его периодизации (Кияшко А., 2002. С. 22, рис. 4)[68]. Он соответствует постновосвободненскому этапу и началу средней бронзы: первым двум периодам позднеямного — раннекатамбного времени Нижнего Подонья, второй из которых синхронен преддонецкому горизонту (Кияшко А., 2002. С. 22, рис. 4, 8, 10; 28; 1999. С. 78–81). В то же время металлические ножи типа Болдырево-Золотой датированы как андрюковским, так и успенским этапами (Кияшко А., 2002. Рис. 4, 4; 6, 14; 28). Последний относится исследователем к третьему периоду позднеямного — раннекатакомбного времени, который соответ-

---

[67] Длинный стержень (25 см) из этого комплекса, названный «штыковидным орудием» (Васильев, 1980. С. 42), возможно, и не относится к разряду шильев.

[68] А.В. Кияшко называет их собственно андрюковским типом. Это, безусловно, правильно, т.к. нож из комплекса у ст. Андрюковская проявляет большую морфологическую близость к экземплярам из Волго-Уралья, в частности к экземплярам из Утевки I 1/1 и Изобильного 3/1. Однако последние отличаются от кубанского изделия более крутыми и менее округленными плечиками.

ствует раннедонецкому горизонту. Иными словами, ножи типа Болдырево-Золотой, появившись на преддонецком этапе, а возможно, и раньше, продолжают бытовать и в раннедонецкое время, в то время как более архаичные широкие клинки типа Утевка-Изобильное, похоже, не датируются позже преддонецкого горизонта. Это подтверждает в тенденции более поздний возраст в волго-уральском регионе ножа из Золотого 3/5, а скорее всего, и Болдырево I 2/1[69], в сравнении с более архаичными широкими клинками.

Ножи типа Утевка-Изобильное и Болдырево-Золотой М.Б. Рысин рассматривает в рамках успенского этапа кавказской металлообработки, куда им включены орудия как преддонецкого, так и раннедонецкого периодов. Однако он указывает, что первые характерны для комплексов начала успенского этапа, что соответствует андрюковскому этапу по А.В. Кияшко (Рысин, 2007. С. 187, 196–197)[70]. Для ножей финала успенского этапа (раннедонецкий горизонт) в качестве хронологической тенденции исследователь отмечает при сходной морфологии большую узость листовидного клинка (Рысин, 2007. С. 202). Да и сам нож из комплекса у с. Успенское, который стал эпонимным для постновосвободненского этапа кавказской металлообработки (Рысин, 1996. С. 82; 1996б. С. 80), относится к тому же типу, что и экземпляр из Золотого. Комплекс из Успенского А.В. Кияшко синхронизирует с раннедонецким этапом (2002. С. 19).

В этой связи обратим внимание, что и комплекс Болдырево I 2/1, из которого происходит нож, аналогичный орудию Золотого кургана, Н.Л. Моргунова и А.Ю. Кравцов справедливо отнесли к числу позднейших ямных (по их терминологии) памятников западного Оренбуржья (Моргунова, Кравцов, 1994. Рис. 32), а клинок из Изобильного 3/1 занял в ямной периодизации более раннюю хронологическую позицию (Моргунова, 1991. Рис. 1). Правда, исследователи высказывались и о полной синхронности этих погребений (Моргунова, Кравцов, 1994. С. 83). Это верно, если рассматривать комплексы утевско-тамаруткульского типа в рамках начала средней бронзы без более дробной хронологической дифференциации. Интересно, что и Н.К. Качалова клинок из Болдырева I 2/1 отнесла не к раннему, а ко второму этапу периодизации полтавкинских (по ее терминологии) памятников Приуралья, правильно сопоставив его с первым привольненским типом ножей (Качалова, 2001. Рис. 6, С. 51).

Еще одной показательной особенностью ножа из Золотого является раскованная в плане пятка черенка. Можно заметить, что в тенденции этот морфологический элемент

---

[69] Хронологическую позицию этого ограбленного комплекса мог бы прояснить сосуд, происходящий из грабительского вкопа (Моргунова, 2000. Рис. 6, 1). А.Ю. Кравцов и Н.Л. Моргунова связывают его с основным погребением, из которого происходит нож, и датируют его третьим этапом ямной культуры Приуралья (Кравцов, Моргунова, 1991. С. 125; Моргунова, Кравцов, 1994. Рис. 32). Вслед за ними А.В. Кияшко также рассматривает сосуд и нож как единый комплекс и датирует его началом средней бронзы (Кияшко А., 2002. Табл. IX, 13, 14). Напротив, В.В. Ткачев разносит нож и сосуд по разным хронологическим периодам. Первый предмет он относит к основному погребению и датирует началом СБВ, второй — к позднекатакомбной группе Приуралья финала СБВ (Ткачев, 2005. С. 130; 2006. Рис. 12, 7; 2006а. Рис. 36, 1; 2006б. Рис. 1, 1; 2007. С. 234, 235), что находит поддержку и других исследователей (Лопатин, 2008. С. 417). Со своей стороны отмечу, что объявление изделий, не составляющих закрытого комплекса, синхронными всегда будет спорно, точно так же как отсутствие обряда и в целом непонятный археологический контекст находки сосуда не позволяет однозначно интерпретировать его как впускное позднекатакомбное погребение (Ткачев, 2006. С. 34). Что касается морфологии и орнаментации этого горшка, то их можно сопоставить не только с позднекатакомбной керамикой, но и с посудой, которую сам В.В. Ткачев относит к раннедонецкому времени (Ткачев, Гуцалов, 2000. Рис. 3, 2, 3).

[70] М.Б. Рысин предлагал свои названия для начала успенского этапа: «латентный период» (Рысин, 1996а. С. 36) или «успенский-А» (Рысин, 2007. С. 187; 2008. с. 197).

широко начинает встречаться в эпоху средней бронзы, в комплексах развитых и поздних катакомбных культур. На более ранних этапах в ямных и раннекатакомбных сериях этот прием в изготовлении ножей фиксируется реже. У большей части экземпляров ранней — начала средней бронзы пятка в плане не имеет расковки, хотя она встречается в преддонецких материалах (Смирнов А., 1996. Рис. 6, 2) и в комплексах II периода позднеямно-катакомбного периодов Нижнего Подонья (Кияшко А., 1999. Рис. 95, 19, 24). По наблюдениям А.Н. Гея, ножи с раскованным концом черенка становятся характерны только для третьего периода развития новотитаровской культуры (Гей, 2000. С. 151). Подчеркну, что наличие этой характерной детали выделяет орудие из Золотого среди ножей рубежа ранней — средней бронзы юга Среднего Поволжья и Приуралья. Не отмечена она в ямно-полтавкинских комплексах Среднего Поволжья (Васильев, Кузнецов, Турецкий, 2000. Рис. 10). Черенки ножей из комплексов тамаруткульского типа, в том числе и Болдырево I 2/1, не имеют характерной расковки в плане, а только приострены (Богданов, 2004. С. 185, рис. 54; 55). В свете этого как на более точную аналогию клинку Золотого можно указать на орудия из комплексов Центральный VI 2/6 и Константиновка, курган «Баба», ССХIII, погр. 3[71] Нижнего Подонья. Здесь обнаружены ножи данного типа, идентичные по морфологии и размеру нашему экземпляру, с характерной расковкой в плане пятки черенка (Кияшко А., 1999. Рис. 96, 7, 26; 2002. Рис. 6, 13; табл. XVIII, 5). Эти погребения относятся к раннедонецкому времени, а ножи, соответственно, к успенскому этапу, по А.В. Кияшко, кавказской металлообработки.

В контексте вышеизложенного особо следует обратить внимание на нож из Большого Болдыревского кургана (Болдырево I 1/1) и хронологическую позицию данного комплекса. Это представляется немаловажным с точки зрения уточнения хронологии Золотого и всего тамаруткульского горизонта. Приуральские археологи с самого начала этот комплекс синхронизировали с ранней полтавкинской культурой Поволжья (Моргунова, 1991. С. 126; Моргунова, Кравцов, 1991. С. 47, 48; 1994. С. 83). В последнее время А.В. Кияшко, а вслед за ним и М.Б. Рысин стали ошибочно датировать Большой Болдыревский курган костромским этапом кавказской металлообработки, т.е. временем позднекатакомбных и посткатакомбных культурных образований (Кияшко А., 2002. С. 30, рис. 8, 6; 2003а. С. 105; Рысин, 2007. С. 207). К позднекатакомбному времени, похоже, отнес Большой Болдыревский курган в одной из последних работ и С.В. Богданов (2006б. С. 351). Основанием для такой поздней датировки послужили ромбовидное окончание черенка ножа, характерное для абашевских клинков (Кияшко А., 2002. С. 30), и копье со свернутой втулкой, сопоставимое с позднекатакомбным и абашевскими образцами (Рысин, 2007. С. 207, 209; Богданов, 2006б. С. 351).

Явным диссонансом с такой хронологией и сопоставлениями выглядит архаичный обряд начала средней бронзы, полностью соответствующий всем основным канонам памятников утевско-тамаруткульского типа: огромный курган высотой 5–6 м, яма со сложным устройством, посыпка охрой, перекрытие из коры, правобочное положение, приподнятость головы и восточная ориентировка умершего. Архаичность обряда, никак не вписывающегося в стандарты позднекатакомбного времени, подчеркнул и А.В. Кияшко (2002. С. 30). Монументальная курганная архитектура явно противоречит позднекатакомбному культурному контексту Приуралья, где в это время вообще изживается традиция сооружения насыпей, на что уже обращалось внимание (Братченко, Санжаров, 2001. С. 82).

---

[71] Орудие из этого комплекса С.Н. Братченко приводит в качестве иллюстрации ножей первого привольненского типа (1976. С. 49, рис. 24, 1).

При предметном разборе состава и морфологии инвентаря Болдырево I 1/1 становится ясным, что и он вполне соответствует датировке комплекса в рамках раннего СБВ. Комбинация из двух медных стержней, ножа, каменного орудия и орудия на кремневом отщепе, как уже отмечалось, достаточно характерна для комплексов утевско-тамаруткульской группы. Орудийный набор, обнаруженный в Большом Болдыревском кургане, по своему составу вполне сопоставим, например, с набором из Золотого. Ярким культурно-хронологическим маркером утевско-тамаруткульских памятников является наличие в составе погребального инвентаря такой редчайшей категории вещей, как изделия из железа. Эти находки в волго-уральских комплексах составляют серию и, кроме Болдырево I 1/1, обнаружены в комплексах Утевка I 1/1 (Васильев, 1980. С. 38), Болдырево IV 2/6 (Моргунова, Кравцов, 1991. С. 130), Тамар-Уткуль VII 8/4 (Моргунова, Кравцов, 1994. С. 22), Кардаилово II 1/2 (Моргунова, 1996. С. 20), Донгузский II 2/1 (Богданов, 2004. С. 93).

Нож из Болдырево I 1/1, на мой взгляд, безусловно, относится к типу ножей Болдырево-Золотой. Здесь представлена та же модель черешкового листовидного узкого кинжала-клинка. К сожалению, предмет подвергся деформации. Края лезвия и рукояти ножа были обломаны перед погребением (Моргунова, 2000. С. 57), «края и черен ножа... оббиты ударами о камень» (Богданов, 2004. С. 188). Понятно, что в результате таких воздействий первоначальная форма черенка ножа изменилась. Следы искусственной деформации орудия перед помещением его в могилу ошибочно были приняты за ромбическую расковку черенка (Кияшко А., 2002. С. 30), которая действительно характерна для абашевских, синташтинских, потаповских и покровских ножей. Никто из уральских археологов, которые непосредственно работали с вещью (Н.Л. Моргунова, С.В. Богданов), не упоминают о подобной расковке и не проводят сопоставлений болдыревского экземпляра с серией ножей рубежа средней — поздней бронзы. Характерно, что В.В. Ткачев, неоднократно публиковавший подборку приуральских листовидных ножей без перекрестья с ромбической пяткой черенка, в которых прослеживается взаимодействие носителей позднекатакомбных и абашевских традиций, ни разу не включил в нее нож из Большого Болдыревского кургана (Ткачев, 2006. Рис. 14; 2006а. Рис. 36; 2006б. Рис. 1; 2007. Рис. 73). В типологии уральских ножей-кинжалов Д.В. Нелина болдыревский нож также не попал в группу орудий с ромбической пяткой черенка (2000. С. 102, табл. 1). Нет никаких данных о ромбической расковке черенка и у А.Д. Дегтяревой, которая проводила металлографический анализ этого изделия (Дегтярева, 2003. Рис. 2, 5, С. 369, 370). Все это неудивительно, т.к. морфология и размеры ножа из Болдырево I 1/1, а также сопутствующий контекст недвусмысленно свидетельствуют, что это комплекс утевско-тамаруткульского типа, который никакого отношения к позднекатакомбным древностям Приуралья не имеет.

Копье со свернутой разомкнутой втулкой, которое, по мнению С.В. Богданова, превращает болдыревское погребение в загадку (2004. С. 188), по-видимому, хронологического плана, используется в качестве второго аргумента для поздней датировки комплекса в рамках финала средней бронзы (Кияшко А., 2002. С. 30; Рысин, 2007. С. 207). Действительно, большинство копий со свернутой втулкой обнаружено в комплексах позднекатакомбного и абашевского времени. Однако, сопоставление болдыревского наконечника с копьями позднего этапа средней бронзы корректно только отчасти. Его отличие от поздних абашевских копий верхнекизильского типа очевидно. Больше сходства проявляет изделие из Болдырева I 1/1 с более ранними типами абашевских копий, изготовленных из кованой пластины со свернутой втулкой, открытой сверху и снизу, и с пером подромбической формы (Кузьмина О., 2000. С. 91, рис. 20,

2–8). Примыкают к этой серии и наконечники из позднекатакомбных комплексов (Ляхов, 1996. Рис. 2; Ткачев, 2007. Рис. 73, 7). Тем не менее болдыревское копье отличается и от данной подборки, прежде всего соотношением длины пера до начала втулки и длины втулки. У него этот индекс составляет 1:1, в то время как у абашевских и позднекатакомбных экземпляров он — 1:1,5–2. Есть и другие отличия.

Из всех известных копий с раскованной втулкой Поволжья и Урала, на мой взгляд, наконечник из Болдырева I 1/1 корректнее всего сопоставлять с копьем из городища Ош Пандо (Степанов, 1950. Рис. 17; 1966. Рис. 3, 1; 1967. Табл. IV-Б, 1; Кузьмина О., 2000. Рис. 20, 1). У них фактически одинаковые размеры и близкие индексы вышеуказанного соотношения. Кроме того, оба наконечника снабжены у основания втулки отверстиями для крепления. Отличает ошпандинское копье от болдыревского орнамент на втулке и более укороченное перо. Эти два изделия исследователи сопоставляли неоднократно (Орловская, 1994. С. 112; Моргунова, 2000. С. 58; Богданов, 2004. С. 188). Л.Б. Орловская и С.В. Богданов специально подчеркивали, что типологически это самое близкое копье из фатьяновско-балановских памятников, остальные копья этого круга относятся к иным типам (Орловская, 1994. С. 112; Богданов, 2004. С. 188). Однако никто не обратил внимания на очень важное наблюдение Б.Г. Тихонова почти пятидесятилетней давности о том, что «копье с городища Ош Пандо производит архаичное впечатление. Не прослеживается ребро на пере копья, перо почти не отделяется от втулки, которая по отношению к перу довольно коротка, что может свидетельствовать о начальных этапах выработки нового типа оружия» (Тихонов, 1960. С. 31). Эти характеристики в полной мере можно отнести и к наконечнику из Болдырево I 1/1. Таким образом, он сопоставим только с наиболее архаичным наконечником в типологическом ряду фатьяновско-балановских копий. В свою очередь болдыревское изделие, обнаруженное в комплексе тамаруткульского типа, подтверждает правильность наблюдения Б.Г. Тихонова. Этим выводам не противоречит хронологическое соотношение фатьяновских древностей и степных — лесостепных памятников средней бронзы. В материалах последних присутствуют свидетельства контактов с культурами фатьяновско-балановского круга, которые в погребениях степных культур начинают фиксироваться с раннедонецкого времени (Кияшко А., 2002. С. 134; 2003а. С. 104). В частности, это подтверждает обнаружение посуды лесного облика в степном погребении раннедонецкого горизонта (Мамонтов, 2001. Рис. 4, 4, 9).

Подводя итог, следует сказать, что никаких оснований для датировки комплекса Болдырево I 1/1 костромским и даже привольненским этапом кавказской металлообработки нет. Это погребение органично вписывается в круг памятников утевско-тамаруткульского типа. Возможно, что его датировку в рамках этого горизонта уточняет копье со свернутой втулкой, находящее аналогии среди архаичных фатьяновско-балановских наконечников. В таком случае болдыревское захоронение может относиться к наиболее поздним утевско-тамаруткульским памятникам и датироваться не позже раннедонецкого горизонта или III периода позднеямного — раннекатакомбного времени по периодизации Нижнего Подонья. Сейчас утевско-тамаруткульский возраст Большого Болдыревского кургана подтвержден и радиоуглеродными датами (Моргунова, 2008а).

В системе относительной хронологии комплекс Болдырево I 1/1, по-видимому, синхронен погребению 5 Золотого кургана, которое обладает целым рядом поздних признаков в рамках утевско-тамаруткульского горизонта. Н.Л. Моргунова синхронизирует в I Болдыревском могильнике с погребением 1 кургана 1 погребение 1 кургана 2 (Моргунова, 2000. С. 58), в котором, как уже неоднократно отмечалось, был найден нож, аналогичный клинку из Золотого кургана. Мне представляется, что при таком

подходе, который дифференцирует в хронологическом отношении материалы утевско-тамаруткульского горизонта, комплекс Болдырево I 1/1 перестает быть «хронологически невнятным» (Кияшко А., 2002. С. 50; Богданов, 2004. С. 188, 189) и занимает вместе с комплексом Золотого позднюю позицию в системе периодизации памятников этой культурной группы Волго-Уралья начала СБВ.

Возвращаясь к ножам типа Болдырево-Золотой, уместно остановиться на их территориальном распространении. Как было сказано, они представлены в памятниках начала средней бронзы волго-уральского региона. Присутствуют они в комплексах раннедонецкого времени в Нижнем Подонье и Нижнем Поволжье (Кияшко А., 1999. Рис. 96, 7, 26; 2002. Рис. 6, 13, 15, 16). Причем именно из нижнедонского региона происходят ножи раннедонецкого времени с характерной расковкой в плане пятки черенка. В Подонцовье точных аналогий ножам типа Болдырево-Золотой мало. На преддонецком периоде здесь доминируют ножи I типа, по А.М. Смирнову, «с клинком удлиненно-листовидной формы и наибольшим расширением у черенка в виде полукруга» (Смирнов А., 1996. С. 11, 12, рис. 6, 1–5; Братченко, 2001. Рис. 71). Эти ножи типологически очень близки орудиям Болдырево-Золотой, но отличаются от него удлиненным черенком и более округлыми плечиками. В раннедонецкое время здесь доминируют клинки пятиугольной схемы (александровский тип, по А.В. Кияшко (2002. С. 25)) (Смирнов А., 1996. Рис. 12, 1–7; Братченко, 2001. Рис. 72). В Среднем Подонье ножи нашего типа, по всей видимости, отсутствуют.

Представительная серия ножей типов Утевка-Изобильное и Болдырево-Золотой происходит из Предкавказья. Реже они встречаются в северо-западном Прикаспии. Клинок первого типа представлен в позднеямных материалах (Шишлина, Цуцкин, Фирсов, 1999. Рис. 8, 1; Шишлина, 2007. Рис. 51, 1), синхронных преддонецкому горизонту, нож второго типа происходит из северокавказского погребения (Шишлина, 2007. Рис. 68). В более позднее время в материалах восточноманычской катакомбной культуры эти ножи фактически не известны (Гак, 2002. Рис. 2–6)[72]. Значительно чаще они встречаются в комплексах ранней — начала средней бронзы Западного Предкавказья. Андрюковский тип клинка (Утевка-Изобильное) характерен для раннего этапа новотитаровской культуры (Гей, 2000. С. 151, рис. 46, 17, 18). Тип Болдырево-Золотой, как уже отмечалось, в тенденции более поздний, однако типологически близкие ему ножи появляется также в ранних новотитаровских комплексах (Гей, 2000. С. 151, рис. 46, 12, 16). Отличает ранние новотитаровские ножи от орудий из Золотого 3/5 и Болдырева I 2/1 только более удлиненный черешок. Позже клинки типа Болдырево-Золотой представлены в погребениях северокавказской культуры Закубанья. Они составляют основное содержание типа 1 подтипа 3 по классификации А.А. Клещенко (Клещенко, рукопись диссертации. Рис. 27). Прямые аналогии ножу Золотого кургана происходят из комплексов северокавказской культуры с вытянутыми костяками: Садовый 1/33, Келермесский 4/5, Михайловский 11/9, Владимировский 9/45 (Беглова, 2004; Галанина, 1982; Каминский, 1985; 1991). Причем орудия из двух последних погребений имеют раскованную в плане пятку черенка. Хронологическая позиция этого типа ножей, равно как и их соотношение с ножами андрюковского типа (Утевка-Изобильное) в Закубанье, требует дальнейшей разработки. Сейчас можно лишь отметить, что из богатого набора северокавказских украшений вместе с ножами типа Болдырево-Золотой в закубанском комплексе встречены только шнуровидные подвески (Михайловский 11/9). Пока это свидетельствует о том,

[72] Мне известно только два ножа из ранних восточноманычских погребений, близких нашим типам (Андреева, 1989. Рис. 7, 5; Андреева, Новикова, 2001. Рис. 17, 3).

что данные ножи могут датироваться здесь преддонецким временем в системе синхронизации с культурами Подонцовья и волго-донского региона. Кроме того, на эту же хронологию указывает и стратиграфическая ситуация, зафиксированная в кургане 4 Келермесского могильника. Здесь более раннее погребение 5 с ножом типа Болдырево-Золотой перекрыто погребением 2 с клинком типа Утевка-Изобильное, серебряной подвеской в 1,5 оборота и подвеской-стерженьком. По всей видимости, в Предкавказье ножи типа Болдырево-Золотой продолжают бытовать и позднее (Трифонов, 1991. Рис. 19, 16). В.И. Марковиным они выделены во II тип ножей, который характерен для периода расцвета северокавказской культуры (Марковин, 1960. Рис. 4, 6–8, с. 92).

Таким образом, можно сделать вывод, что самые архаичные ножи охарактеризованных типов представлены в Предкавказье. Здесь они известны уже в ямно-новотитаровских комплексах и генетически, видимо, восходят к майкопско-новосвободненским кинжалам. На Нижнем Дону и в Волго-Уралье ножи типов Утевка-Изобильное и Болдырево-Золотой распространяются позже, в основном на преддонецком этапе (II период по периодизации А.В. Кияшко). Именно этим временем должны датироваться ранние комплексы памятников утевско-тамаруткульского типа. Здесь встречены ножи обоих типов. В раннедонецкое время (III этап по А.В. Кияшко) продолжают бытовать ножи типа Болдырево-Золотой, которые встречаются как собственно в раннедонецких погребениях, так и в поздних утевско-тамаруткульских комплексах. Юго-западный импульс в распространении ножей андрюковского типа (Утевка-Изобильное) и типа Болдырево-Золотой представляется вполне очевидным и закономерным.

Если морфология орудий из Золотого кургана вполне соответствует стандартам кавказской металлообработки, то спектральный анализ металла показал их местное производство. Кроме того, полученные данные на своем уровне как нельзя лучше диагностируют культурно-хронологическую принадлежность комплекса эпохи бронзы Золотого кургана. Как показали лабораторные исследования, нож и шилья изготовлены из «смешанной» группы чистой меди «Cu*» (см. приложение 3.3). Она, по мнению Е.Н. Черных, образовывалась за счет подмешивания при плавке к химически чистой меди небольшого количества лома, иного по составу металла (2007. С. 66). Эта «смешанная» группа рассматривается им вместе с группой чистой меди «Cu» в рамках общей химической группы МП, которая связана с медистыми песчаниками Приуралья, в частности с Каргалинским горнометаллургическим центром (Черных, 2007. С. 48, 66, 67).

Как известно, наличие целой серии изделий из металла группы МП рубежа ранней — средней бронзы в волго-уральском регионе позволили выделить здесь ямно-полтавкинский металлургический очаг (Черных, 1970. С. 106, 107; 1978. С. 64; 2001. С. 121; 2007. С. 47–49). Подавляющее большинство металлических орудий из комплексов утевско-тамаруткульских памятников принадлежит группе МП (Кореневский, 1977. С. 44, 45; 1980. Табл.; Орловская, 1994. Табл. 3; Дегтярева, 2003. Табл.; 2006. С. 34, 35). Химический состав металла ножа и шильев из Золотого, наряду с морфологией, полностью соответствует стандартам ямно-полтавкинского металлургического очага, а это является еще одним немаловажным аргументом в пользу датировки нашего комплекса началом средней бронзы и рассмотрения его в культурном контексте памятников утевско-тамаруткульского типа.

Итак, металлические орудия труда, происходящие из погребения 5 Золотого кургана, в морфологическом отношении сопоставимы с кавказскими прототипами. Это главным образом касается ножа. В то же время изготовлены они из металла группы МП. В нашем комплексе еще раз находит подтверждение неоднократно отмечавший-

ся исследователями факт, что мастера ямно-полтавкинского очага металлургии были связаны с Кавказом, а южный импульс хорошо прослеживается в морфологии волго-уральских орудий, которые производились из местного сырья — медистых песчаников, скорее всего, Приуралья (Черных, 1966. С. 87; 1970. С. 106, 107; 1978. С. 64; Кореневский, 1977. С. 44–46; 1980. С. 64; Кузнецов, 2003. С. 110; Кузьминых, 1983. С. 27; Кузьминых, Агапов, 1988. С. 47; Моргунова, 1999а. С. 98; Васильев, Кузнецов, Турецкий, 2000. С. 23, 34, 35; Ткачев, 2000. С. 38; Ткачев, Гуцалов, 2000. С. 34, 35; Кияшко А., 2002. С. 33; Рысин, 2001. С. 100, 101; 2007. С. 191, 196, 197; 2008. С. 225).

Особое своеобразие погребению 5 Золотого кургана придает его керамический комплекс. Он представлен баночным сосудом (илл. 73, 1) и курильницей (илл. 72, 1–2). Отдельные фрагменты, происходящие из верхней части заполнения могильной ямы (илл. 73, 2), как уже было сказано выше, отличаются от обнаруженной в захоронении посуды по обработке поверхности, качеству обжига и орнаментации. Они, на мой взгляд, не составляют закрытого комплекса с погребением и, скорее всего, попали в заполнение могилы при попытке ограбления.

Общеизвестно, что керамика нередко выступает в качестве решающего фактора в культурной и хронологической атрибуции того или иного комплекса. Это подтверждает и посуда, происходящая со дна погребения 5. Она имеет не только специфические культурно определяющие черты, но и выступает в качестве надежного хронологического индикатора всего комплекса.

Баночный сосуд, орнаментированный по всему тулову вертикальными и горизонтальными оттисками среднезубчатого штампа (илл. 73, 1), надежно соотносится с раннеполтавкинской керамической традицией, которая в Среднем Поволжье является одним из основных компонентов, составляющих феномен памятников утевско-тамаруткульского типа. Это подтверждает наличие в тесте толченой раковины, которая традиционно использовалась в рецептуре формовочных масс полтавкинских сосудов (Турецкий, 1988. С. 80; Салугина, 2006. С. 78; 2007. С. 102, 106; Мочалов, 2008. С. 41). По морфологии сосуд из Золотого относится к баночному типу, который хорошо представлен в памятниках начала средней бронзы Поволжья и Приуралья. Плоскодонность банки может свидетельствовать о датировке комплекса не раньше преддонецкого времени. Повсеместно этот морфологический элемент распространяется на раннедонецком этапе (Кияшко А., 2002. С. 129, 131). Только наиболее архаичные полтавкинские сосуды имеют уплощенное дно (Мочалов, 1996. С. 16; 2003. С. 53). Характерно, что именно в полтавкинском керамическом комплексе лесостепного Волго-Уралья представлены миниатюрные банки (тип БI-1 по О.Д. Мочалову) высотой от 3,8 до 12,5 см и диаметром 7,3–15 см (Мочалов, 2006. Рис. 2; 2008. С. 43). Высота нашего сосуда 5,3 см, диаметр венчика 8,4 см. Наблюдение о том, что полтавкинские «банки изготовлены наиболее грубо, имеют слабую механическую прочность фактуры» (Мочалов, 2008. С. 43), полностью относится и к баночному сосуду из Золотого, у которого довольно плохой обжиг, и он легко ломается.

Орнаментация также соответствует полтавкинским стандартам украшения посуды. Достаточно архаичным признаком является декорирование всей поверхности банки, выполненное зубчатым штампом. Последний является самым распространенным инструментом нанесения узора на полтавкинскую посуду. Композиция декора, представленная сочетанием горизонтальных разделительных линий и вертикальных отрезков, находит четкие параллели в орнаментике начала средней бронзы Заволжья (Кияшко А., 2007а. С. 25). Наш сосуд можно отнести к группе керамики, выделенной О.Д. Мочаловым, которая орнаментирована прямыми линиями и косыми (и верти-

кальными. — *Р.М.*) отрезками (Мочалов, 2008. С. 71, рис. 18). Как раз в этой группе мы находим довольно близкие аналогии орнаментации банки из Золотого. В частности, чрезвычайно близка декору нашего сосуда система узора на горшке из комплекса Кутулук III 1/2 (Мочалов, 2008. Рис. 18, 7). Здесь так же украшена вся поверхность оттисками среднезубчатого штампа, такое же достаточно плотное расположение элементов и близкая композиция, основу которой составляют горизонтальные разделительные линии с вертикальными отрезками между ними. Близкие орнаментальные схемы можно обнаружить на полтавкинских сосудах из комплексов Утевка VI 1/1 и Лопатино I 32/1 (Мочалов, 2008. Рис. 18, 1, 6). Присутствует подобный декор и на сосудах баночной формы (Кияшко А., 2002. Рис. 92, 3). Характерно, что в рамках периодизации полтавкинской культуры Самарского Заволжья подобная орнаментация характерна именно для посуды раннеполтавкинских (по терминологии И.Б. Васильева, О.Д. Мочалова) комплексов (Мочалов, 2008. Рис. 21а), которые сейчас вместе с соответствующими памятниками Приуралья, на мой взгляд, корректнее рассматривать как отдельное культурное образование начала СБВ — памятники утевско-тамаруткульского типа (Ткачев, 2001. С. 112, 113; Богданов, 2004. С. 282; 2006б. С. 350, 351; Кузнецов, 2007. С. 222). Особенно важным представляется то, что орнаментация нашего сосуда из горизонтальных и вертикальных оттисков зубчатого штампа, покрывающая всю поверхность сосуда, по мнению А.В. Кияшко, является новацией III ямно-раннекатакомбного периода, т.е. распространяется именно на раннедонецком этапе (Кияшко А., 2002. С. 131). Наиболее полная по технике нанесения и композиции аналогия орнаментации баночного сосуда из Золотого происходит из утевско-тамаруткульского комплекса Уваровка 2 2/2, который по характерному инвентарю датируется раннедонецким временем (Кузьмина О., Михайлова, Фадеев, 2003. С. 202, рис. 6, 9).

Очень существенным с точки зрения установления относительной хронологии Золотого кургана является обнаружение в погребении курильницы (илл. 72, 1–2). Уже само попадание чаши в погребальный комплекс, расположенный на границе Саратовской и Ульяновской областей (илл. 1), придает ему исключительность. На сегодняшний день погребение 5 Золотого кургана является самым северным пунктом на юге Восточной Европы, где обнаружены курильницы эпохи средней бронзы. Основной массив этих ритуальных сосудов среднедонской катакомбной культуры находится южнее. Самым северным погребением здесь является комплекс Туголуковский 1/7, расположенный на юге Тамбовской области (Синюк, Матвеев, 2007. Рис. 1). На этой же широте немного севернее г. Воронежа известны случаи обнаружения курильниц на поселении Северовосточное 1 и Губаревском городище (Пряхин, 1982. Рис. 1, 2, 4; Ивашов, 2003. Рис. 1; 2005. Рис. 5, 8, 9), которые относятся липецкими археологами к памятникам верхнедонского типа (Козмирчук, 1999. С. 56, 57; Ивашов, 2003. С. 94–96; 2005. С. 110–116). В Верхнем Подонье самый северный пункт обнаружения курильницы — поселение Замятино 10 (Ивашов, 2003. С. 95, рис. 1; 2005. Рис. 5, 7). Только этот памятник находится на одной широте с Золотым курганом, но и то приблизительно на 20 км южнее него.

Еще более уникальным является обнаружение нашей курильницы для Волжского бассейна. Здесь курильницы большая редкость. Все известные чаши в Волго-Донском междуречье (их около двух десятков) находятся на левых притоках р. Дон. По моим подсчетам, непосредственно в долине Волги их всего четыре. Фрагменты двух происходят из слоя катакомбных поселений Еланский ручей и Терновское городище, расположенных на правом берегу реки (Малов, Филипченко, 1995. Рис. 1, 2, 20; Гуренко, Кияшко А., Шендаков, 2001. Рис. 2, 4), третья, в Заволжье, упоминается в рабо-

те А.В. Кияшко (2002. С. 133)[73], четвертая – чаша из Золотого кургана, который находится на р. Терешка, правом притоке Волги.

Все курильницы в Волго-Донском междуречье и правобережье Волги связаны с катакомбным культурным контекстом. Единственное исключение представляет наш сосуд. Как уже неоднократно отмечалось, культурный облик погребения 5 Золотого кургана не катакомбный. Этот комплекс по всем основным параметрам относится к памятникам утевско-тамаруткульского типа, и это первый случай обнаружения курильницы катакомбного облика в материалах этой культурной группы начала СБВ в волго-уральском регионе.

В морфологическом отношении курильница из Золотого кургана представляет собой округлую приземистую чашу без отделения на четырех раздельных сросшихся в основании ножках (илл. 72, 1–2)[74]. Основание поддона в плане квадратное, слегка приталенное.

Соотнесение морфологии нашего изделия с существующими на сегодняшний день типологиями курильниц сталкивается с некоторыми проблемами, в особенности хронологического порядка. Первая заключается в том, что выстраивание типологических рядов эволюции курильниц только на основе их формы без опоры на сопутствующий контекст и взаимовстречаемость с другими диагностичными элементами обряда и датирующими категориями инвентаря приводит к противоречивым результатам. Достаточно сравнить полностью противоположные классификации В.Г. Егорова и А.А. Иерусалимской. В первой курильницы на раздельных ножках определены как самые древние и начинают линию развития этих изделий (Егоров, 1970. Рис. 2), во второй – этот же тип оказывается самым поздним (Иерусалимская, 1958. С. 40, рис. 1). Другая проблема выходит на первый план, когда выясняется, что тип курильницы, представленный в погребении Золотого кургана, не обособлен в самостоятельный культурно-хронологический таксон ни в одной из известных классификаций.

Если подходить формально к сопоставлению нашей курильницы с существующими типологическими схемами, то выясняется, в частности, что ритуальный сосуд из Золотого относится к 9-му типу по классификации В.Г. Егорова. В него входят чаши без отделения «на подставке в виде четырех удлиненных ножек, сросшихся в квадратном по форме основании» (Егоров, 1970. С. 161). Причем там это позднейший тип курильницы, который завершает эволюционный ряд. Остальные типологии курильниц в той или иной мере опираются на схему В.Г. Егорова, не потерявшую своей актуальности и на сегодняшний день. Сосуд из Золотого будет относиться в разных классифика-

---

[73] Обстоятельства находки мне неизвестны.

[74] Такой поддон, на мой взгляд, правильнее называть каркасным, а не полым (Панасюк, Мимоход, 2004. С. 141; Панасюк, 2005. С. 64, 65). Последний представляет собой вполне конкретный тип подставки, который изредка встречается, главным образом среди ранних типов курильниц, на что обратил внимание С.Н. Братченко (1976. С. 56). Такой поддон представляет собой ножку округлой, квадратной (приталенной) или крестовидной в плане формы, которая внутри действительно является полой. В качестве примеров сошлюсь на подобные курильницы из комплексов Орешкин 1 4/1, Краматорск 2/14, Славянск CCLIII/8, Красное Знамя II 1/6, Большой Ипатовский курган/168 и др. (Дьяченко, 1997. Рис. 4, 4; Братченко, 2001. Рис. 112, 5, 9; Андреева, Петренко, 1998. Рис. 6, 2; Кореневский, Белинский, Калмыков, 2007. Рис. 51, 5). Этот вид полой ножки в типологических построениях важно отличать от цельного поддона. Почему-то данный существенный морфологический (цельный или полый поддон) элемент фактически не учтен ни в одной из существующих детальных типологических схем курильниц (Иерусалимская, 1958. С. 40, 41; Егоров, 1970; Нечитайло, 1978. С. 124–125; Аринчина, 1988. С. 78; Березуцкая, 2003. С. 34; Кайзер, 2003. С. 99; 2005. С. 122, 123; Маслихова, 2005. С. 105; Панасюк, 2005).

циях ко II типу по А.Л. Нечитайло, II типу по Т.Ю. Березуцкой, к IV типу по Л.И. Маслиховой (Нечитайло, 1978. Рис. 44; Аринчина, 1988. С. 78; Маслихова, 2005. С. 105). Сюда исследовательницы включили округлые чаши на каркасном поддоне, который имеет квадратное в плане основание. Как отдельный тип рассматриваются такие курильницы в работах Н.В. Панасюк и соавторов (Панасюк, Мимоход, 2004. С. 141; Панасюк, 2005а. С. 193–196; Клещенко, Панасюк, 2006. С. 190, 191). Однако фактически все чаши, попавшие в эти типы, относятся к позднекатакомбному времени и выступают в качестве его маркеров, что отметил еще В.Г. Егоров. Они встречены в поздних памятниках восточноманычской, батуринской, верхнекубанской, среднедонской катакомбных культур. Это выступает в качестве немаловажного аргумента в пользу синхронизации заключительных этапов этих культур в пределах горизонта костромского металла (Гей, 2000. Рис. 58; Литвиненко, 2001. Табл. 1; Кияшко А., 2002. Рис. 128; Клещенко, Панасюк, 2006. С. 191; Мимоход, 2007. Рис. 5; Андреева, 2008. С. 6).

Попадание, согласно известным классификациям, курильницы Золотого в группу заведомо поздних чаш говорит только о несовершенстве типологий и, соответственно, недостаточности признаков, положенных в основу построений. Вряд ли у кого-то возникнет желание на этом основании, например, констатировать позднекатакомбный возраст монументальной архитектуры Золотого кургана, когда почти в принципе изживается традиция курганного строительства.

Попробуем рассмотреть морфологию нашего сосуда с учетом дополнительных признаков, которые уточнят его хронологическую позицию в эволюционной линии курильниц юга Восточной Европы. Сходство чаши из Золотого с группой позднекатакомбных курильниц, на мой взгляд, имеет большое значение, но не свидетельствует об их однотипности. При построении вышеуказанных классификаций в качестве типообразующих не рассматривались метрические данные, а именно индекс соотношения высоты поддона и диаметра чаш. Если сравнить соответствующие показатели поздних курильниц на каркасном поддоне и нашей чаши, станет очевидно их существенное различие. Курильница Золотого имеет более приземистые пропорции с невысоким поддоном, большой и неглубокой чашей. Соответствующий индекс у нее 1:3,7. Для поздних экземпляров характерны стройные пропорции, меньший диаметр и большая глубина чаш. Их усредненный индекс соотношения высоты поддона и диаметра чаши составит 1:1–1,5. Если задаться целью и составить график соотношения высоты поддона, глубины и диаметра чаш для поздних курильниц с каркасным поддоном и сосуда из Золотого, то в точечном выражении мы получим относительно единый кластер для поздних экземпляров и обособленное положение метрической структуры нашего изделия. Это и будет свидетельствовать об их типологическом различии. Кроме того, курильницу Золотого кургана отличает от поздних изделий важный, уже чисто морфологический элемент — это оформление основания поддона. Дело в том, что у позднекатакомбных образцов оно монолитное, в нашем случае этот элемент оформлен в виде квадратного каркаса.

Все эти существенные отличия позволяют утверждать, что курильница из Золотого в морфологическом отношении представляет собой отдельный тип, который необходимо отделять от серии поздних чаш с каркасным поддоном.

Курильница Золотого пока единственная в рамках выделенного типа, который имеет вполне конкретное хронологическое содержание. В этом отношении и по некоторым структурным элементам морфологии и декора близки нашему сосуду еще две курильницы.

Очень похожая чаша происходит из погребения 10 кургана 16 могильника ВМПБ 1967 в Калмыкии (Эрдниев, 1982. Рис. 16, 3). В монографии Н.И. Шишлиной пред-

ставлена ее прорисовка (Шишлина, 2007. Рис. 63, 3). Курильница из Восточного Маныча имеет приземистые пропорции, округлую, не очень глубокую чашу и низкий полый квадратный поддон. Причем основание подставки выглядит в плане как каркасный квадрат, что, как уже отмечалось, является одним из важных типообразующих и хронологически диагностичных признаков. Показательно и размещение орнамента. Он нанесен на внешнюю поверхность чаши, отсутствует на ножках и покрывает основание поддона. Нетрудно заметить, что орнаментальные зоны у курильниц из Золотого и Восточного Маныча совпадают до деталей. В обоих случаях узор нанесен оттисками шнура: сдвоенного (Золотой 3/5) и строенного (ВМПБ 1967 16/10). Отличается только композиция. Калмыцкая курильница украшена в типичном предкавказском стиле, чаша из Золотого орнаментирована в соответствии с волго-донскими традициями (об их различиях см. ниже).

В свете явного типологического сходства курильниц из комплексов Золотой 3/5 и ВМПБ 1967 16/10 особое значение приобретает культурно-хронологическая атрибуция последнего. Это парное погребение, совершенное в яме, в котором скелет взрослого индивида лежал вытянуто на правом боку головой на юг, а костяк ребенка — вытянуто на спине головой на север (Эрдниев, 1982. С. 37). Оно относится к степной северокавказской культуре начального этапа СБВ (Шишлина, 2007. С. 134, 135). Для нас особенно показательным является зафиксированное в кургане 16 могильника ВМПБ 1967 стратиграфическое соотношение разных типов курильниц. Основное северокавказское погребение 10 с курильницей, близкой по форме изделию Золотого, было перекрыто погребением 9 ВМКК, которое сопровождалось «классической» курильницей на крестовидной ножке и с отделением внутри чаши (Эрдниев, 1982. С. 36, 37, рис. 16, 1). Кроме того, из погребения 10 происходит плохо сохранившийся бронзовый нож (Эрдниев, 1982. Рис. 16, 2), который, возможно, сопоставим с волго-уральскими клинками типа Утевка-Изобильное и Болдырево-Золотой. Еще одним ранним признаком в морфологии самой курильницы из Восточного Маныча является наличие двух отверстий в стенке чаши. Этот, по всей видимости, конструктивный элемент выступает как своеобразная визитная карточка предкавказских курильниц начала средней бронзы (Панасюк, 2007. С. 73, 74).

Вторая курильница происходит из комплекса Сидоры 4/8, расположенного в Волго-Донском междуречье. В работе С.Н. Братченко содержится не совсем верная прорисовка чаши из этого погребения (Братченко, 2001. Рис. 112, 3). Исходя из него, сосуд из Сидор полностью аналогичен курильнице Золотого. На рисунке С.Н. Братченко показан каркасный поддон, которого на самом деле нет. Подставка у нее цельная с намеченными рельефными ножками, а не каркасная. Отнести ее полностью к нашему типу нельзя. Более корректная прорисовка этого сосуда, на которой показан цельный поддон, дана в работах Т.Ю. Березуцкой (Аринчина, 1988. Рис. 4, 6; Березуцкая, 2003. Рис. 57, 13), что подтверждает и недавно опубликованная фотография (Кияшко А., Хабарова, 2007. С. 95). Несмотря на эти отличия, сидорская чаша по метрической структуре, отсутствию отделения и квадратной форме поддона полностью соответствует нашей курильнице. Причем ее цельную подставку с рельефно выделенными ножками и валиком по периметру основания можно рассматривать как своеобразную имитацию каркасности. Важно и то, что она украшена круговыми оттисками шнура и нитки (Кияшко А., Хабарова, 2007. С. 95), которые покрывают всю внешнюю поверхность изделия. Стилистика орнаментации у нее типично волго-донская, такая же как и на чаше Золотого кургана. Комплекс Сидоры 4/8 хорошо датируется в рамках раннедонецкого горизонта, благодаря находке в погребении ножа пятиугольной схемы.

На фотографии орудия четко видны прокованные фаски на лезвийной части, доходящие до середины изделия (Кияшко А., Хабарова, 2007, С. 95).

Таким образом, хронологическая позиция комплексов с курильницами ВМПБ 1967 16/10 и Сидоры 4/8, наиболее близких чаше Золотого, представляется очевидной. Она полностью соответствует возрасту нашего кургана, а курильница на каркасном поддоне из погребения 5 является самой ранней из всех чаш этой линии развития.

Важным хронологическим маркером для курильницы Золотого является отсутствие отделения в чаше. Исследователи давно и неоднократно отмечали тот факт, что наличие или отсутствие этого элемента, который в ряде классификаций выступает как типообразующий, не позволяет рассматривать его в качестве хронологического индикатора. В частности, отделение нередко отсутствует в позднекатакомбных курильницах (Егоров, 1970. Рис. 2; Панасюк, Мимоход, 2004. С. 140), в то же время одна из самых архаичных на сегодняшний день чаш имеет даже два отделения (Шишлина, 2007. Рис. 79; 84, 4). Однако наличие кармашка для курильниц начала средней бронзы — это скорее исключение, чем правило. На пару десятков чаш этого периода мне известны только три сосуда с отделением (Темрта III 1/1, Красное Знамя II 1/6; ВМПБ 1967 16/10) (Шишлина, 2007. Рис. 84, 4; Андреева, Петренко, 1998. Рис. 6, 2, 7, 1, 2; Эрдниев, 1982. С. 37), причем все они находятся в Предкавказье. Это свидетельствует о том, что как системное явление отсутствие кармашка в чаше четко маркирует начальный этап эволюции курильниц, что было подмечено достаточно давно (Егоров, 1970. Рис. 2).

Те же тенденции характерны и для северной периферии распространения курильниц, Волго-Донского междуречья и Подонцовья. У позднекатакомбных изделий этого региона, в частности стройных чаш с каркасным поддоном, мы фиксируем как наличие отделения, так и отсутствие[75]. Однако все без исключений курильницы раннедонецкого горизонта из этого региона лишены такой характерной детали (Смирнов А., 1996. С. 31, рис. 11, 13–14; Братченко, 2001. С. 24, рис. 69, 5; С. 32, рис. 82, 3; С. 55; Кияшко А., 2002. Табл. XXV, 5; Кияшко А., Хабарова, 2007. С. 95). Нет керамического кармашка и у чаш, которые относятся к начальному этапу среднедонской катакомбной культуры (Матвеев, 1980, рис. 14; Пряхин, Матвеев, Беседин, 1991, С. 6; Синюк, 1996, рис. 123,126).

Таким образом, отсутствие отделения у курильницы из Золотого кургана, наряду с ее морфологией, свидетельствует о ее датировке не позже начала средней бронзы. Это подтверждает и орнаментация, которая для курильниц выступает как один из ведущих культурно-хронологических признаков. Своеобразие декору придает сочетание рельефного и шнурового орнамента (илл. 72, 1–2).

Рельефный узор представлен двумя рядами внешних жемчужин. Наличие жемчужной орнаментации на курильнице Золотого, с одной стороны, свидетельствует об ее архаичности, с другой, задает вектор поиска аналогий в первую очередь на территории Верхнего и Среднего Подонья. Именно здесь наиболее широко был распространен подобный тип рельефного узора. В этом регионе он имеет давние традиции и является одним из маркеров репинской керамики начала ранней бронзы, связанной с предшествующими энеолитическими культурами (Синюк, 1981. С. 9–11, рис. 2, 3, 11–20). Затем эта орнаментация представлена на керамике из ямно-катакомбных (по В.И. Погорелову) погребений (Погорелов, 1989. Рис. 3, 7) и на посуде памятников так называемых терновского и верхнедонского типов (Погорелов, 1984. С. 144, рис. 7, 1, 4, 8, 10, 15; 1991. С. 88;

---

[75] Для примера сошлюсь на курильницы заключительного этапа среднедонской катакомбной культуры без отделений из комплексов Туголуковский 1/7, Второй Прилепский 2/1, 3/4 (Синюк, Матвеев, 2007. Рис. 10, 2 31, 2, 32, 3).

Тихонов, Мавтеев, 1981. С. 76; Пряхин, 1982. С. 35, 37, 93, рис. 6, 5; 7, 5–8; Синюк, 1996. С. 76, рис. 16, 3; Козмирчук, 1999. С. 54; Ивашов, 1999. С. 63; 2003а. С. 95; 2005. С. 108–114). Жемчужный орнамент нередко встречается и на сосудах среднедонской катакомбной культуры. Причем он характерен для памятников раннего этапа и чаще фиксируется на поселенческой керамике (Матвеев, 1982. С. 12; 2005. С. 95; Пряхин, 1982. С. 93; Пряхин, Матвеев, Беседин, 1991. С. 6; Синюк, 1996. С. 128; 1999. С. 59; Беседин, Матвеев, 2003. С. 139; Маслихова, 2006. С. 153). Если подбирать курильницу самую близкую по характеру композиции и стилю орнаментации нашей чаше, то ею окажется сосуд из среднедонского комплекса Ильмень 8/3 (Качалова, 1970. Рис. 16, 1), который В.И. Погорелов относит к числу ямно-катакомбных захоронений (Погорелов, 1989. Рис. 5, 6). Кроме Золотого, это единственная ранняя курильница, на которой присутствует жемчужный орнамент[76]. Жемчужины здесь соединены попарно в четыре группы на широком венчике. Система рельефного узора здесь, конечно, несколько иная, но нужно отметить, что на курильнице Золотого кургана это тоже орнамент из парных рядов жемчужин, находящийся непосредственно под венчиком. Сближает оба сосуда и орнаментальная композиция, покрывающая внешнюю поверхность чаш. Она представляет собой круговые опоясывающие оттиски тесьмы (Ильмень 8/3) и сдвоенного шнура (Золотой 3/5) с четырьмя вертикальными разделителями. Последние в первом случае сделаны также тесьмой, во втором — проглаженными желобками (канелюрами). Стоит обратить внимание и на то, что у обоих изделий неорнаментированными остаются поддоны. У нашей курильницы орнаментировано только основание подставки. Показательно также, что у сравниваемых чаш отсутствует отделение. Как уже было сказано, в комплексе с другими признаками это говорит в пользу датировки их началом средней бронзы.

Публикуя материалы Ильменских курганов, Н.К. Качалова отметила, что орнамент курильницы «не имеет точных аналогий в кругу подобных сосудов» (Качалова, 1970. С. 31). Накопленный за последующие тридцать лет материал показал, что ильменская чаша является типичной курильницей среднедонской катакомбной культуры. Однако замечание исследовательницы продолжало сохранять свою актуальность в том смысле, что и чаша из Ильменя 8/3 оставалась единственной, на которой присутствовала орнаментация в виде округлых налепов-жемчужин. Сосуд, обнаруженный в Золотом кургане, стал второй курильницей с жемчужным декором. Становится понятным, что подобная рельефная орнаментация маркирует ранние курильницы Волго-Донского междуречья.

Наконец, следует обратить внимание на технику, которой оформлены жемчужины курильницы Золотого кургана. Они были проколоты изнутри по сырой глине, после чего отверстия были замазаны. Именно такое оформление жемчужин А.Т. Синюк зафиксировал на сосуде в раннем среднедонском катакомбном погребении 2 Новохарьковского кургана. Исследователь отметил, что этот «прием впервые встречается на сосудах Среднего Дона, тогда как в Предкавказье и на Северном Кавказе он получил распространение с периода энеолита — ранней бронзы» (Синюк, 1999. С. 59). Дейст-

[76] Правда, техника его оформления другая, по данным автора публикации, здесь это налепы-шишечки с отверстиями (Качалова, 1970. С. 29, рис. 16, 1). Однако нельзя исключать того, что это также жемчужины только со сквозными проколами, входные отверстия которых изнутри венчика также были замазаны. Следует отметить, что отдельные налепы-шишечки еще встречаются на курильницах верхнекубанской катакомбной группы (Нечитайло, 1978. Рис. 42, 6; 44, 28), но там это позднейшие типы чаш и их рельефный орнамент связан, скорее всего, со специфической закубанской керамической традицией.

вительно, например, в материалах новотитаровской и северокавказских культур встречаются случаи орнаментации рядами жемчужин стенок сосудов, в том числе в технике, аналогичной нашей (Гей, 2000. Рис. 40, 15, 20, 27). В свете приведенных выше параллелей материалам Золотого кургана из предкавказского региона подобный прием нанесения жемчужного орнамента не должен вызывать удивления. Однако еще раз отмечу, что на ранних предкавказских курильницах такого орнамента нет, а само построение жемчужин плотными опоясывающими рядами на нашей чаше очень близко системе жемчужной орнаментации, представленной на керамике ранней — начала средней бронзы Верхнего и Среднего Подонья, прежде всего местной раннекатакомбной культуры. Поэтому и неудивительно, что на курильнице Золотого, которая, как уже говорилось, является самой северной из всех известных в восточноевропейской лесостепи, присутствует этот тип рельефного орнамента, маркирующий в культурном отношении северную периферию культур катакомбного круга.

О местных традициях орнаментации нашей курильницы свидетельствует и шнуровой узор. На стенках сосуда и основании каркасного поддона — это опоясывающие сдвоенные линии, выполненные отпечатками шнура. Подобная круговая орнаментация, сделанная оттисками шнура или тесьмы, наиболее характерна для курильниц Волго-Донского междуречья, Среднего и Верхнего Подонья (Попова, 1957. Рис. 4, 1; Аринчина, 1988. Рис. 3; Ивашов, 2005. Рис. 5, 8). На ранних предкавказских курильницах шнуровые узоры также хорошо известны, но имеют иное композиционное построение. Там в основе орнаментации, как правило, лежат треугольные и угловые фестоны (Попова, 1957. Рис. 7, 3; 9, 2; Державин, 1989. С. 37, рис. 4, 1, рис. 6, 1; Лимберис, Бочковой, Марченко, 2001. Рис. 10, 4; Шишлина, 2007. Рис. 63, 2, 84, 4, 5; Панасюк, 2007. С. 74). Как правило, у них отсутствует ярко выраженная горизонтальная зональность в виде многорядных поясков, присущая северным чашам (Панасюк, 2008).

Итак, курильница из погребения 5 Золотого кургана, без сомнения, относится к числу ранних чаш начала СБВ. Ее морфология представляет собой самостоятельный, редко встречающийся тип приземистой курильницы на каркасном поддоне без отделения в чаше. Наиболее близкие по пропорциям и некоторым особенностям оформления квадратного поддона курильницы, которые мне известны, происходят из северокавказского погребения Северо-западного Прикаспия (ВМПБ 1967 16/10) и катакомбного захоронения в Волго-Донском междуречье (Сидоры 4/8). Оба комплекса можно синхронизировать с раннедонецким временем. Орнамент на сосуде из Золотого кургана полностью соответствует стандартам украшения этого типа ритуальной посуды Волго-Донского междуречья, Среднего и Верхнего Подонья, что, безусловно, свидетельствует о местных истоках декора на нашей курильнице.

Отнесение чаши Золотого, в общем, к началу средней бронзы на фоне детальных хронологических периодизаций памятников этого этапа Волго-Донья, Нижнего Дона и Подонцовья (Смирнов А., 1996; Кияшко А., 1999; 2002) сейчас уже вряд ли может нас удовлетворить. Попробуем уточнить хронологическую позицию курильницы и, соответственно, всего комплекса в рамках горизонта ранних среднебронзовых памятников.

Для этого необходимо остановиться на вопросе хронологического членения ранних типов курильниц, которые в этом отношении обычно рассматриваются недифференцированно. Широко бытует мнение о том, что курильницы появляются только на раннедонецком этапе. Анализ материалов Предкавказья показывает, что это не так, и мы имеем достоверные случаи обнаружения курильниц в погребениях, которые уверенно синхронизируются с преддонецким (II раннекатакомбный — позднеямный период по А.В. Кияшко) горизонтом. Сейчас к ним можно отнести не менее трех комплексов: Тем-

рта III 1/1 (Шишлина, 2007. Рис. 79), Веселая Роща I 4/7 (Державин, 1989. Рис. 4, 1; 5, 7) и Веселая Роща III 4/7 (Романовская, 1979). Первый из них относится к раннекатакомбной культуре, два других — к северокавказской. Их преддонецкий возраст обосновывается обнаружением вместе с курильницами роговых булавок: двух молоточковидных с сигаровидным стержнем (Темрта III 1/1, Веселая Роща III 4/7) и одной прямой гвоздевидной (Веселая Роща I 4/7). Все изделия покрыты поздней резной орнаментацией в виде косо заштрихованных ромбов и зигзагов. Кроме того, в погребениях отсутствовал развитый гарнитур украшений северокавказского типа, который характерен для расцвета северокавказской культуры. В Нижнем Подонье, Подонцовье и Волго-Донском междуречье он маркирует раннедонецкое время. Металлические украшения обнаружены только в комплексе Веселая Роща III 4/7 — это бронзовые молоточковидная булавка, спиральные пронизки и каплевидные подвески. Сочетание этих вещей (подгруппа 1 по С.Н. Кореневскому) в тенденции маркируют ранние северокавказские погребения (Кореневский, 1990. С. 90, 97) и не противоречат преддонецкому возрасту комплекса.

Еще более очевидной станет синхронность всех трех упомянутых захоронений, если сравнить обнаруженные в них курильницы. Они все принадлежат к одному своеобразному типу и представляют собой низкие приземистые чаши с раздельными, широко посаженными умбоновидными ножками. Оформление ножек является особенно показательным. Они не ровные и четко выделенные, как у более поздних экземпляров, а представляют собой округлые или грибовидные налепы, напоминающие умбоны, которые расположены не в центре, а ближе к краям чаши. Близка и стилистика орнаментации этих чаш в виде заштрихованных геометрических фигур, вертикальных и зигзагообразных поясков, треугольных фестонов, выполненных оттисками шнура.

Этот тип курильниц очень специфичен и легко распознается. В трех комплексах данные сосуды встречены с другими датирующими категориями инвентаря, в частности булавками, что позволяет отнести к преддонецкому горизонту еще несколько захоронений с чашами такой же морфологии: Веселая Роща I 29/4, Веселая Роща III 1/4, 10/5, 15/1 (Державин, 1989. Рис. 4, 2–4), Ипподромный 1/2 (Жупанов, 1990)[77], Китаевка 8/4 (Найденко, 1972). Все перечисленные погребения относятся к раннекатакомбной и северокавказской культурам Предкавказья и будут датироваться временем, предшествующим расцвету последней. Это подтверждает и отсутствие в данных захоронениях характерных северокавказских украшений, которые маркируют в волго-донском регионе комплексы раннедонецкого горизонта.

Важно отметить, что курильницы на умбоновидных ножках, условно назову их тип Темрта-Ипподромный, не обнаружены в Волго-Донском междуречье, Подонцовье и Нижнем Подонье. Все исследователи памятников начала СБВ этого региона единодушны в том, что курильницы здесь появляются только на раннедонецком этапе (III позднеямный—раннекатакомбный период по А.В. Кияшко) (Смирнов А., 1996. С. 31, 40, рис. 11, 1–4; Братченко, 2001. С. 24, 32; Кияшко А., 2001. С. 28; 2002. С. 133). Отсутствие на этих территориях архаичных курильниц типа Темрта-Ипподромный, в то время как все остальные типы предкавказских курильниц здесь представлены, лишний раз подтверждает преддонецкий возраст чаш на умбоновидных ножках. Все это недвусмысленно указывает, что генезис традиции использования в погребальном обряде курильниц на поддонах связан с предкавказским регионом и культурной средой ранних раннекатакомбных и северокавказских памятников.

---

[77] В этом комплексе присутствует еще и бронзовый нож с широким лезвием, который близок типу Утевка-Изобильное, но отличается от него более мелкими размерами.

В последующий раннедонецкий период мы наблюдаем всплеск формотворчества курильниц на обширной территории. На этом этапе спонтанно появляются все основные типы чаш на поддонах разной формы, которые бытуют затем синхронно вплоть до позднекатакомбного времени. Для доказательства одновременного возникновения курильниц с различными подставками приведу ряд опорных комплексов раннедонецкого времени, в которых встречены эти чаши.

Курильница на округлом монолитном поддоне обнаружена в комплексе Три брата 9/8, жертвенник с посудой раннедонецкого времени и моделью повозки (Синицын, 1948. С. 147–155). Еще три комплекса с этим типом чаши (Николаевка 7/12, Славянск 253/8, Вербовка 5/3) относятся к раннедонецкой культуре Подонцовья (Смирнов А., 1996. Рис. 11, 12–14). Чаша на округлом полом поддоне происходит из раннекатакомбного погребения 6 кургана 1 мог. Красное Знамя II на Ставрополье. Здесь она находилась в комплексе с ножом пятиугольной схемы и северокавказским сосудом времени расцвета этой культуры (Андреева, Петренко, 1998. Рис. 5; 6, 2; 8, 1, 2)[78].

С таким же типом ножа в комплексе Сидоры 4/8 встречена курильница на квадратном монолитном поддоне (Кияшко А., Хабарова, 2007. С. 95), которая, как уже отмечалось, по ряду признаков довольно близка сосуду из Золотого. Чаша на квадратном полом поддоне обнаружена в комплексе Покровское 205/6 с раннедонецким кубком (Смирнов А., 1996. Рис. 11, 10, 11). Еще одна курильница с таким видом подставки происходит из уже упоминавшегося северокавказского комплекса ВМПБ 1967 16/10. Она украшена строенными оттисками шнура. Такой прием орнаментации появляется на керамике раннедонецкого времени (Кияшко А., 2001а. С. 27; 2001б. С. 135; 2002. С. 127, 129).

Тип чаши на раздельных ножках в раннедонецкий период продолжает линию развития архаичных курильниц на умбоновидных раздельных ножках, время существования которых, по всей видимости, ограничивается преддонецким горизонтом. В комплексах раннекатакомбной культуры Ставрополья Расшеватский-I 21/8 и 27/2 курильницы на раздельных ножках были обнаружены вместе с бронзовыми посоховидными булавками, медальонами, лапчатыми подвесками (Ростунов, 2000). В северокавказском погребении 9 кургана 10 мог. Уляп в Закубанье курильница этого типа находилась в одном комплексе с ножом раннедонецкого облика пятиугольной схемы (Лесков, 1983)[79].

Именно в раннедонецкий период возникают чаши на крестовидном поддоне, который нередко именуют «классическим». Курильница на цельной крестовидной подставке обнаружена в комплексе Лысянский II 1/5 вместе с бронзовыми посоховидными булавками и моделью повозки (Парусимов, 1997. С. 20–21). В погребении 168 Большого Ипатовского кургана чаша на полом крестовидном поддоне обнаружена вместе с развитым гарнитуром северокавказских украшений, включающим бронзовые дисковидные,

---

[78] Этот комплекс близок по времени в этом же кургане раннекатакомбному погребению 7, где найден развитый набор северкавказских украшений (медальоны, подвески разных типов) и нож, аналогичный орудию из погребения 6. Оба захоронения авторы раскопок синхронизировали с раннедонецким горизонтом (Андреева, Петренко, 1998. С. 32).

[79] В отчете приведен только абрис изделия. Этот клинок был просмотрен мною в фондах Государственного музея народов Востока (единица хранения 662 М-IV). Он является «классическим» образцом реализации пятиугольной схемы. У него имеются кованые фаски от острия до середины лезвия, которые являются характерным признаком этого типа ножей (Гак, 2002а. С. 124). Пользуясь случаем, благодарю хранителя фондов бронзы Кавказа О.А. Брилеву за предоставленную возможность и организацию работы с коллекцией.

кольцевые медальоны, веерообразные, ложковидные подвески, и ножом пятиугольной схемы (Кореневский, Белинский, Калмыков, 2007. С. 60–62, рис. 48–51)[80]. Курильница на каркасном крестовидном поддоне происходит из комплекса с типичной новотитаровской обрядностью Нововеличковская 2 1/4 в Прикубанье (Лимберис, Бочковой, Марченко, 2001. Рис. 7–13). Авторы раскопок отнесли это погребение к финалу новотитаровской культуры (Limberis, Marčenko, 2002. P 11, 20). По А.Н. Гею, он будет относиться к постновотитаровским комплексам, когда в начале катакомбной эпохи наблюдается переживание прежних форм обряда (Гей, 2000. С. 204). А.В. Кияшко, на мой взгляд, правильно синхронизирует это захоронение с раннедонецким горизонтом, опираясь на поздний облик керамического комплекса и нож пятиугольной схемы (александровский тип) (Кияшко А., 2002. С. 133). В свете уже сказанного, наличие в этом комплексе курильницы на каркасном крестовидном поддоне также можно рассматривать как раннедонецкий хронологический маркер. В этой связи следует обратить пристальное внимание на возможность синхронизации заключительного этапа новотитаровской культуры с преддонецким горизонтом (Ткачев, 2000. С. 41; 2001. С. 113) и соответственно постновотитаровских погребений с раннедонецкими памятниками[81]. О синхронности постновотитаровских комплексов и захоронений восточноприазовской культуры свидетельствуют случаи их обратной стратиграфии (Гей, 2000. С. 197; Коваленко, 2001. С. 393).

Вышеприведенного перечня комплексов, по-моему, вполне достаточно для иллюстрации того, что раннедонецкий период — это время возникновения всех основных форм поддонов курильниц[82]. Причем следует отметить, что все сосуды, относящиеся

---

[80] Для наших рассуждений важно подчеркнуть, что в этом кургане погребение 168 (насыпь 10) раннекатакомбной культуры, синхронное раннедонецкому горизонту, было совершено позже раннекатакомбного погребения 167 (насыпь 5). В этом захоронении обнаружена роговая молоточковидная булавка с сигаровидным стержнем, орнаментированная косыми заштрихованными треугольниками и зигзагами, что позволяет относить комплекс к преддонецкому времени.

[81] Еще в одном постновотитаровском комплексе Пролетарский-86 5/10 обнаружена курильница на раздельных цилиндрических ножках (Шевченко, 1987; Гей, 2000. С. 148). В этой связи следует отметить немаловажный факт — в материалах собственно новотитаровской культуры курильницы пока не обнаружены.

[82] В этой связи следует прокомментировать еще три захоронения с курильницами на классическом крестовидном поддоне из Калмыкии, опубликованные Н.И. Шишлиной как ямные (Шишлина, 2007. Рис. 23, 6; 32; 42, 2–4). В комплексе ВМЛБ II 1965 22/3 вместе с курильницей находились бронзовые нож и шило. Умерший похоронен в яме, скорченно головой на юг по восточноманычской обрядности (Синицын, 1965). Видимо, завал на спину костяка был интерпретирован исследовательницей как ямный обряд. Курильница, найденная в этом погребении, является типичной восточноманычской, тип черешкового листовидного ножа также не выпадает из стандартов ВМКК и продолжает бытовать в посткатакомбное время (Гак, 2002. Рис. 2, 15). Комбинация инвентаря: курильница + нож и шило является характерной именно для ВМКК (Андреева, 2004. Рис. 5), а не для ямной культуры. Нет никаких оснований выносить это погребение за пределы восточноманычского катакомбного контекста. То же самое можно сказать и в отношении комплекса ВМЛБ II 1966 33/11, который также, на мой взгляд, относится к ВМКК. Третий комплекс Цаган-Усн VII 2/1 — это действительно погребение ямной культуры, в котором, кроме характерного обряда, обнаружены бронзовая и роговая молоточковидные булавки, бронзовые и костяные бляхи, костяные пронизи со спиральной нарезкой (Шишлина, 2007. Рис. 32, 1–13). Однако включение в этот комплекс фрагмента курильницы на крестовидном поддоне (Шишлина, 2007. Рис. 32, 14) и отнесение его к ямной культуре неправомерно. В отчете указано, что обломок чаши был обнаружен в насыпи кургана (Шилов, 1987) и соответственно не составляет закрытого комплекса с погребением. В кургане присутствуют и захоронения ВМКК. Облик поддона курильницы сопоставим с ранними восточноманычскими экземплярами. Таким образом, достоверных случаев обнаружения курильниц в погребениях ямной культуры Северо-западного Прикаспия пока мы не имеем.

достоверно к этому горизонту, за исключением чаш из комплексов Красное знамя II 1/6 и ВМПБ 1967 16/10, не имеют отделений.

Итак, наиболее архаичной является линия развития курильниц на отдельных ножках. У ее истоков стоит тип Темрта-Ипподромный, который включает самые ранние северокавказские и раннекатакомбные чаши Предкавказья из погребений, синхронных преддонецкому горизонту. У курильниц этой линии раннедонецкого этапа меняется форма ножек – из округлых и умбоновидных налепов они превращаются в узкие и цилиндрические. О генетической связи обоих типов свидетельствует налепы в виде небольших упоров на стенке чаши, иногда с отверстием, которые известны и в той и в другой группе (Веселая Роща I 4/7, Веселая Роща III 4/7, Ипподромный 1/2, Светлоград 2/4 (Державин, 1989. Рис. 4, 1; Романовская, 1979; Жупанов, 1990; Андреева, 1986. Рис. 2, 1). Линия развития курильниц на раздельных ножках, вопреки общепринятому мнению, основанному на типологии В.Г. Егорова (1970), доживает до позднекатакомбного времени. В качестве подтверждения сошлюсь на случаи обнаружения курильницы на четырех раздельных ножках в комплексах Анапская I 7/4 батуринской и Москва I 1/13 западноманычской катакомбных культур (Трифонов, 1991а. Рис. 3, 7; Потапов, 2007. Рис. 6, 1).

Все остальные линии развития курильниц на разных поддонах (на круглом цельном и полом; квадратном цельном, полом и каркасном; крестовидном цельном, полом и каркасным), как уже отмечалось, возникают синхронно в пределах раннедонецкого этапа. Они также развиваются параллельно на протяжении развитого и позднего периодов культур катакомбного круга. В ходе эволюции меняются их метрическая структура и орнаментация. Хронологическими индикаторами этапов развития могут выступать такие дополнительные элементы, как упоры или отверстия на стенках и в ножке (ранние признаки), наличие отделения (в тенденции поздний признак) и др. Однако идея подставки определенной формы сохраняется, и проблема всех выстроенных на данный момент классификаций курильниц заключается в том, что в них не учтена эта многолинейность синхронного развития разных форм поддонов, которая, как мне кажется, должна быть поставлена во главу типологических построений.

Столь развернутый, но далеко не полный комментарий к проблеме возникновения и эволюции курильниц необходим был для того, чтобы показать, что чаша Золотого кургана не может датироваться раньше раннедонецкого горизонта. Уже то, что она является самой северной из всех известных курильниц и украшена в местном стиле, не позволяет относить ее к более раннему времени, когда курильницы появляются только в Предкавказье, имеют специфическую и полностью отличную от нашего сосуда форму и орнаментацию. Узор на чаше Золотого из сгруппированных оттисков одинарного шнура, как было отмечено, является характерным именно для керамической традиции раннедонецкого периода (Кияшко А., 2001а. С. 27; 2001б. С. 135; 2002. С. 127, 129). Жемчужный орнамент и зональная горизонтальная орнаментация широко распространены на керамике культурных типов и курильницах периода сложения среднедонской катакомбной культуры. Диапазон мнений относительно времени ее формирования достаточно широк: от раннедонецкого (Синюк, 1983. С. 148; 1996. С. 137) до позднедонецкого (Кияшко А., 2002. Рис. 128; Матвеев, 2005. С. 99; Федосов, 2007а. С. 26). Однако никто не пытается сейчас удревнить сложение среднедонской культуры до периода бытования поздних типов молоточковидных булавок.

Таким образом, можно констатировать, что курильница из Золотого является самой архаичной в рамках развития линии чаш на каркасном квадратном поддоне. Она относится ко времени, когда происходит становление всех форм подставок, за исклю-

чением линии поддона на раздельных ножках, чьи истоки находятся в Предкавказье в культурах преддонецкого горизонта. Позиция нашей чаши на шкале относительной хронологии в рамках начала СБВ предкавказского и волго-донского регионов позволяет синхронизировать Золотой курган с раннедонецким этапом или III позднеямным — раннекатакомбным периодом. Как было показано выше, такой датировке не противоречат и остальные обрядово-инвентарные характеристики нашего комплекса.

Итак, подведем итоги. Золотой курган и погребение 5 являются на сегодняшний день одним из опорных памятников для культурно-хронологической периодизации древностей начала средней бронзы степной и лесостепной полосы юга Восточной Европы. Облик комплекса Золотого своеобразен и сочетает черты предкавказских и местных волго-донских и волго-уральских культурных образований, тем не менее основной культурный контекст нашего памятника представляется достаточно прозрачным. Монументальная архитектура, сложная конструкция ямы, положение костяка, обильное использование охры и другие признаки позволяют отнести Золотой курган к памятникам утевско-тамаруткульского типа. Причем наибольшее сходство в элементах обрядности наш комплекс имеет с захоронениями утевской группы Самарского Заволжья, что, впрочем, неудивительно, учитывая месторасположение Золотого. Металлические изделия, обнаруженные в погребении 5, полностью вписываются в стандарты утевско-тамаруткульских памятников. В частности, прямые аналогии довольно редкому типу украшений — спиральным дуговидным пронизям — происходят из комплекса Утевка I 2/1. Серия аналогий медному ножу из Золотого кургана также происходит из памятников начала средней бронзы Волго-Уралья. То, что все металлические орудия нашего комплекса изготовлены из металла группы МП, лишний раз подтверждает правильность предложенной культурной атрибуции.

Рассматривая Золотой курган в контексте памятников утевско-тамаруткульского типа, нельзя не отметить целый ряд черт, который придает выраженное своеобразие нашему комплексу в рамках этой волго-уральской культурной группы. В первую очередь это касается самой сложной курганной архитектуры из всех так называемых Больших позднеямных курганов Волго-Уралья, которая имеет наиболее близкие аналогии в Предкавказье. Нет в утевско-тамаруткульских комплексах и прямых аналогий серебряному кольцу в 1,5 оборота с раскованными лопастями. Все изделия этого типа происходят из памятников западных и юго-западных территорий: Волго-Донского междуречья, Нижнего Подонья, Подонцовья и Предкавказья. Особую специфику нашему комплексу придает керамика. Если баночный сосуд из погребения 5 вполне вписывается в стандарты раннеполтавкинской посуды, которая и представляет собой в Самарском Заволжье керамический комплекс утевско-тамаруткульских памятников, то курильница явно выглядит инокультурным компонентом. Ее декор полностью соответствует орнаментальным традициям катакомбной посуды этого типа Волго-Донья, Среднего и Верхнего Дона. Необычной выглядит только техника оформления жемчужин, имеющая аналогии на Северном Кавказе, но их расположение плотными опоясывающими рядами, возможно, говорит о местном ее происхождении и связи с северной периферией катакомбных культур. К проявлениям контактов с западными и юго-западными катакомбными культурными образованиями следует отнести комплекс орудий для рисования охрой и набор абразивов для металлообработки. Еще раз отмечу, что такие предметы, как курильница, «каламы», серебряное кольцо с расковкой лопастей, впервые встречены в памятниках утевско-тамаруткульской группы. Наличие черт раннекатакомбных культур в инвентарном комплексе погребения 5 не должно вызывать удивления. Они объясняются месторасположением

Золотого кургана. На сегодняшний день это самый западный утевско-тамаруткульский памятник и единственный, который расположен на правобережье Волги. Именно здесь и находилась зона контакта с раннекатакомбными культурами. Этим же, на мой взгляд, следует объяснять и более выраженный «предкавказский след» в обрядности Золотого кургана. Из всех утевско-тамаруткульских памятников наш комплекс ближе всего расположен к этому региону.

Особенно важной представляется хронологическая позиция Золотого. Большая часть обрядовых и инвентарных характеристик кургана определяет его возраст в целом в рамках начального этапа эпохи средней бронзы. К ним относятся грандиозное курганное строительство, устройство могильной ямы и положение костяка. Из вещей на эту хронологическую позицию указывают серебряные украшения: спиральные пронизи и височное кольцо в 1,5 оборота с раскованными лопастями. Все эти черты рубежа РБВ-СБВ, присущи памятникам преддонецкого и раннедонецкого горизонтов степного Предкавказья, Подонцовья и Волго-Донского междуречья. Более диагностичным выглядит медный нож, который в тенденции имеет поздний облик и чаще встречается в погребениях раннедонецкого времени. Однако этот тип клинка известен и в более архаичных комплексах. Окончательно уточняет хронологию Золотого кургана посуда, происходящая из погребения. Морфология и орнаментация керамики позволяют отнести наш комплекс к раннедонецкому горизонту, что подтверждают и радиоуглеродные данные (см. ниже).

Таким образом, в системе относительной хронологии Золотой курган можно синхронизировать с ранней донецкой катакомбной культурой, III периодом позднеямного — раннекатакомбного времени Нижнего Подонья и Волго-Донского междуречья, с развитым и частично поздним этапом северокавказской культуры Закубанья, Центрального Предкавказья и Северо-западного Прикаспия, с поздними памятниками архаринского горизонта Калмыкии, поздними памятниками раннекатакомбной культуры Калмыкии и Ставрополья, с постновотитаровскими и поздними восточноприазовскими катакомбными памятниками Прикубанья.

Раннедонецкий возраст Золотого актуализирует еще один важный аспект периодизации памятников начала СБВ волго-уральского региона. Речь идет о внутренней хронологии утевско-тамаруткульских памятников. Теперь все более становится очевидным, что поздний этап этой культурной группы синхронен раннедонецкому горизонту, что предполагалось и раннее (Ткачев, 2000. С. 43). Таким образом, периодизация волго-уральских памятников начала СБВ должна состоять не менее чем из двух этапов, которые синхронны памятникам преддонецкого и раннедонецкого периодов. Комплексы первого этапа будут маркировать погребения типа Утевка I 1/1, Изобильное 3/1, Тамар-Уткуль VII 8/4, Першин 1/4, Барышниковский 3/6, Нижняя Павловка V 1/2 и др., в материалах которого содержатся архаичные типы металлических орудий начала успенского (по М.Б. Рысину) или андрюковского (по А.В. Кияшко) этапов кавказской металлобработки и сосуды с уплощенным дном. Сюда же будут относиться и комплексы с поздними роговыми булавками: Тамар-Уткуль VII 1/1, Курманаевка III 3/1, Мустаево V 9/2. Ко второму этапу сейчас можно отнести комплексы Золотой 3/5, Уваровка 2 2/2, Болдырево I 1/1, 2/1, Жаман-Каргала 1 1/7, возможно, Утевка I 2/1, в которых находятся более поздний по облику металл и плоскодонная посуда. В материальном комплексе поздних утевско-тамаруткульских памятников начинают отчетливо прослеживаться контакты с культурами катакомбного круга раннедонецкого горизонта западных и юго-западных территорий и, возможно, с фатьяновско-балановской культурной средой.

В заключение культурно-хронологического комментария к материалам эпохи бронзы Золотого кургана хотелось бы остановиться на вопросе, который, пожалуй, является наиболее наболевшим и дискуссионным в археологии рубежа ранней — средней бронзы Волго-Уралья. Речь идет о генезисе памятников утевско-тамаруткульского типа. Напомню, что существуют три основные точки зрения на эту проблему. Суть первой сводится к тому, что эта своеобразная культурная группа сформировалась в результате импульса из Северо-западного Предкавказья, который привел к распространению близких форм обрядности в целом ряде культурных образований Северного Причерноморья, Нижнего Поднепровья, Степного Крыма, Калмыкии и Волго-Уралья (Гей, 1991. С. 68, 69; 1999. С. 40, 41; 2000. С. 202, 203). Об этом импульсе пишут и исследователи памятников Волго-Уралья (Бытковский, Ткачев, 1996. С. 73; Кузнецов, 2000. С. 99; 2007. С. 222; 2008. С. 318; Григорьев, 1999. С. 355). Особенно активно эта концепция развивается П.Ф. Кузнецовым, который прямо говорит о дальней дистанционной миграции из Предкавказья в Волго-Уралье (Кузнецов, 1996а. С. 66; 2003. С. 111; Кузнецов, Мочалов, 2001. С. 86; Кузнецов, Плаксин, 2004. С. 76). Другая гипотеза, выдвинутая Н.Л. Моргуновой и М.А. Турецким, предполагает конвергентное и синхронное развитие сходных элементов погребального обряда в обоих регионах (Моргунова, Турецкий, 2003. С. 156, 157; 2003а. С. 87; 2004. С. 128; Моргунова, 2005. С. 135). Наконец, есть третий вариант культурно-генетических процессов, сформулированный С.В. Богдановым, который полностью противоположен первому: «население степного Приуралья совершило массированную миграцию в юго-западном направлении», и, соответственно, новотитаровская культура своим происхождением связана с Приуральем (Богданов, 2004. С. 250). Ситуация с реконструкциями направленности миграций в регионе в какой-то момент показалась В.В. Ткачеву настолько сложной, что в конечном итоге, признавая их наличие, он предпочел четкий вектор не определять (Ткачев, 2000. С. 39).

Следует заметить, что наиболее слабо аргументирована позиция С.В. Богданова, на что уже обращалось внимание (Моргунова, 2005. С. 136, 137). Ее ущербность заключается в необоснованном удревнении памятников тамаруткульского типа РБВ II до позднего новосвободненского этапа. (Богданов, 2004. С. 198). Ситуация не меняется даже при оговорке, что поздним новосвободненским памятникам синхронны только самые ранние тамаруткульские памятники. В любом случае синхронизация комплексов РБВ II по С.В. Богданову с ранними этапами новотитаровской культуры не имеет под собой оснований. Она основана главным образом на сопоставлении некоторых типов медных орудий труда, прежде всего топоров и молотов, с майкопско-новосвободненскими экземплярами (Богданов, 2004. С. 181–183). Недавно М.Б. Рысин развернуто показал некорректность подобных сопоставлений и установил, что фактически все аналогии металла утевско-тамаруткульских памятников находятся в хронологических рамках успенского этапа кавказской металлообработки начала СБВ (Рысин, 2007. С. 196–199, рис. 4; 5), что до этого им излагалось в тезисной форме (Рысин, 2001. С. 101). Хронологический приоритет ранних новотитаровских памятников по отношению к утевско-тамаруткульским достаточно очевиден и доказывается многими фактами (Гей, 2000), в том числе и присутствием ранних типов молоточковидных булавок, которых нет в Приуралье, не говоря уже об обнаружении в новотитаровском погребении рогатой булавки (Гей, 2002. С. 128, 130), которые в Волго-Уралье маркируют репинский горизонт РБВ I. Таким образом, если и можно констатировать какую-то миграцию населения, то только из Предкавказья в Волго-Уралье, но не наоборот. Кстати, в Приуралье совершенно отсутствует основа сложения грандиозной утевско-тамаруткульской курганной архитектуры, в то время как в Предкавказье она хорошо представлена Большими май-

копскими курганами ранней бронзы, а традицию сооружения монументальных насыпей продолжают носители новотитаровской культуры.

Первая гипотеза о миграции с юго-запада находит все больше подтверждений. Доказательства уже не ограничиваются констатацией поразительного сходства погребального обряда утевско-тамаруткульских и новотитаровских памятников. Делаются попытки выделения в волго-уральском регионе типов посуды, которые сопоставимы с новотитаровскими образцами (Бытковский, Ткачев, 1996. С. 72; Ткачев, 2000. С. 39; Кузнецов, Мочалов, 2001. С. 86, 67; Мочалов, 2007. С. 164; 2008. С. 74, 75). Пришлый компонент, который не является доминирующим, но тем не менее присутствует в составе населения Приуралья рубежа ранней — средней бронзы, фиксируется по данным технологии изготовления посуды (Салугина, 2007. С. 106). Особенно отчетливо он выражен по сравнению с древнеямной культурой, популяции которой в свете исследований керамического производства выглядят более однородными (Салугина, 2006. С. 79; 2006а. С. 449, 450). Все это не противоречит, а, наоборот, соответствует тому, что посуда утевско-тамаруткульских памятников в морфологии и декоре выглядит вполне самостоятельно и сформировалась главным образом на местной основе. О связях утевско-тамаруткульского металлокомплекса с кавказской металлообработкой при выраженной местной специфике также говорилось уже неоднократно.

В вопросе о генезисе этой культурной группы нельзя не учитывать данные антропологии. Краниологические исследования показывают явно неоднородный состав носителей утевско-тамаруткульских традиций. В этот период хорошо фиксируется привнесенный компонент южноевропеоидного краниокомплекса (долихокранные и гипердолихокранные черепа), связанного своим происхождением с южными районами Восточной Европы (Хохлов, 2001. С. 360, 361; 2003. С. 194, 195; 2006. С. 102). Правда, проблема выявления возможной миграции по данным антропологии осложнена отсутствием краниологических исследований черепов новотитаровской культуры. Тем не менее кавказский компонент в краниологических сериях Поволжья хорошо фиксируется вплоть до посткатакомбного времени (Хохлов, Мимоход, в печати).

Что касается конвергентного развития столь схожих на системном уровне обрядов в Прикубанье и Волго-Уралье, то эту гипотезу сложно как подтвердить, так и опровергнуть. В том виде, в каком эта концепция сформулирована авторами, она ничего не объясняет. Кроме того, у нее есть также свои слабые стороны. Во-первых, это игнорирование явного хронологического приоритета новотитаровских памятников по сравнению с утевско-тамаруткульскими. Во-вторых, утверждать, что «новотитаровская и приуральская ямная группы не соответствуют такому важному критерию, позволяющему говорить о миграции, как совокупность всех черт погребальной обрядности, присущей обеим культурам» (Моргунова, Турецкий, 2003. С. 157), не совсем верно. Еще раз подчеркну, что новотитаровский и утевско-тамаруткульский обряды демонстрируют поразительное сходство на структурном уровне, которое не может носить случайный характер, — от деталей в положении костяка и оформления могильных ям до архитектурных проектов монументальных курганов. Материалы Золотого кургана лишнее тому подтверждение. Специфику же керамического комплекса памятников начала средней бронзы Волго-Уралья никто не отрицает, равно как и тот факт, что в формировании утевско-тамаруткульской группы в количественном отношении доминирующими были, скорее всего, местные популяции, что и придало самостоятельный культурный облик группе. В противном случае речь бы шла о новотитаровской культуре. Действительно, если убрать керамику из комплекса Золотого или, например, Большого Утевского кургана, то при обнаружении этих комплексов, напри-

мер, в Прикубанье появились бы сомнения в их новотитаровской культурной атрибуции?[83] Думаю, что нет.

Иными словами, гипотеза о направленности миграционного процесса из Северо-западного Предкавказья в волго-уральский регион представляется сейчас наиболее вероятной. Речь идет о трансляции целого комплекса идеологических представлений и социальных структур, находящих археологическое отражение в погребальной обрядности, появление которых в Волго-Уралье трудно себе представить без представителей той культурной среды, где они возникли и имели генетическую подоснову сложения. Это ни в коем случае не противоречит участию местных и, возможно, более северных и северо-западных популяций в формировании утевско-тамаруткульской группы, что и нашло отражение в специфике керамического комплекса и краниологических материалах. Данная ситуация вполне соответствует варианту миграции, когда пришлые группы, которые необязательно должны быть многочисленными, навязывают или вплетают элементы своей идеологии и социальных отношений в местную культурную среду и воспринимают частично или полностью ее материальный комплекс (Кузьмина Е., 2008. С. 112). Для эпохи средней бронзы с ее общими циркумпонтийскими стандартами в металле последнее чаще всего фиксируется именно в керамической посуде.

Итак, рассмотрим, какой же вклад в дискуссию о происхождении утевско-тамаруткульской группы вносят материалы Золотого кургана? Я вполне отдаю себе отчет, что один комплекс, каким бы ярким он ни был, не может решить все вопросы и закрыть столь сложную тему. Однако позволю себе ряд замечаний. Золотой курган, на мой взгляд, является именно тем комплексом, который органично вписывается в теорию о юго-западном миграционном импульсе. Прежде всего это, конечно, проявляется в обрядовых характеристиках.

При уже неоднократно отмечавшемся поразительном сходстве оформления могильной конструкции у утевских памятников Самарского Заволжья, Золотого и новотитаровских погребений следует обратить особое внимание на положение костяка в нашем комплексе. Как уже было сказано, оно достаточно специфическое и встречается сравнительно редко. Наиболее точные аналогии такой позиции происходят из погребений северо-западного Предкавказья, где она фиксируется значительно чаще и выступает как один из элементов наглядного образа новотитаровской погребальной обрядности. Столь ярко выраженное «предкавказское» положение скелета, кажется, больше не встречается в погребениях утевско-тамаруткульской группы.

Другой немаловажный аргумент в пользу предкавказского миграционного импульса — это архитектура Золотого кургана. Она является наиболее сложной из всех известных грунтовых надмогильных сооружений рубежа ранней — средней бронзы Волго-Уралья. Н.Л. Моргунова в критическом отзыве на книгу С.В. Богданова отметила, что «не следует преувеличивать сложность конструктивных особенностей насыпей ямных (по терминологии рецензента. — *Р.М.*) курганов. Хотя среди них есть достаточно грандиозные по своим размерам сооружения типа Болдыревских и Утевских курганов, следует отметить, что особой «замысловатостью» они не отличаются» (Моргунова, 2005. С. 133). Это наблюдение справедливо только отчасти и только при сравнении с архитектурой Золотого кургана и Больших курганов Предкавказья. На самом деле, несмотря на упрощенность подавляющего большинства утевско-тамаруткульских монументальных сооружений по сравнению с предкавказскими насыпями, они представляли собой бес-

[83] Что касается сосуда из комплекса Утевка I 1/1, так и ему можно подобрать достаточно близкие аналогии в поздних новотитаровских материалах (Гей, 2000. Рис. 41, 1).

прецедентные для региона достаточно сложные как по трудозатратам, так и по строительной технике конструкции, что убедительно показал С.В. Богданов. Строительство таких грандиозных сооружений выявляет не только существование особых социальных структур, способных мобилизовать большие коллективы людей на длительный срок для возведения этих грунтовых «пирамид», но и демонстрирует существование вполне сформировавшихся архитектурных и строительных традиций у их создателей. Ни того, ни другого у волго-уральских древнеямных коллективов не было. Спонтанное возникновение в местной среде столь развитого строительного дела и связанной с ним системы социальных отношений представить сложно. Большие утевско-тамаруткульские курганы предстают как целостные архитектурные сооружения, созданные по давно апробированным и устоявшимся проектам. Мне представляется, что комплекс умений, навыков, приемов при строительстве и проектировании таких сооружений, как Большие утевско-тамаруткульские курганы, по своей сложности и, соответственно, потенциалу в выявлении миграционных процессов может сравниться, например, с технологией изготовления керамики или металлургическим производством.

Возвращаясь к архитектуре Золотого, следует обратить внимание на то, что именно на примере этого кургана мы можем говорить о сложности проектов и разнообразии строительных приемов, известных в Предкавказье со времен майкопской культуры. Модели сооружения больших насыпей с плоской вершиной, ступенчатым оформлением склонов, возведением дополнительных грунтовых конструкций в виде фигурных валов и разнообразных платформ из специально созданных грунтовых блоков настолько схожи у Золотого и Больших курганов Предкавказья, в том числе и новотитаровской культуры, что не остается сомнений в общем источнике их происхождения и генетической связи. Реализацию же столь масштабных архитектурных замыслов сложно представить без наличия профессионалов-зодчих, владеющих сложившимся комплексом соответствующих знаний и умений. Причем, как показывает хронология Золотого кургана, предкавказская строительная традиция в возведении насыпей сохраняется до конца существования утевско-тамаруткульской группы памятников.

Наконец, месторасположение Золотого добавляет еще один аргумент в пользу миграционной теории. Ее противники в качестве одного из основных доводов в пользу конвергентного происхождения обрядности в Прикубанье и Волго-Уралье приводят тот факт, что на пути предполагаемого следования мигрирующих групп в курганах соответствующего периода нет характерных признаков предкавказской обрядности (Моргунова, Турецкий, 2003. С. 157). Иными словами, между ареалами новотитаровской культуры и утевско-тамаруткульской группы находится лакуна в распространении соответствующих типов погребений, которые, по мнению авторов, неминуемо бы появились, если предполагать миграцию с юго-запада на северо-восток. Здесь следует заметить, что одним из типов передвижения древних коллективов, охарактеризованных Е.Е. Кузьминой, является проходная миграция, «при которой этническая группа, возможно небольшая, не задерживаясь, проходит в другой регион. Археологически такая миграция на проходной территории не фиксируется» (Кузьмина Е., 2008. С. 113). С одной стороны, не исключено, что именно такой тип миграции и привел к формированию столь своеобразной группы начала СБВ в Волго-Уралье, с другой, можно предположить, что памятники, маркирующие продвижение, еще не выявлены либо не опознаны. В этой связи симптоматичным становится то, что Золотой курган, как уже отмечалось, является первым ярко выраженным комплексом утевско-тамаруткульского типа, находящимся на правобережье Волги. Иначе говоря, после раскопок Золотого кургана ареал этой культурной группы расширился на юго-запад.

В вопросе о миграции я намеренно не касаюсь инвентарного комплекса погребения 5. Многочисленные аналогии ему с территории Предкавказья приводились выше. Сам по себе инвентарь о передвижении социумов с юго-запада не свидетельствует. Серебряное кольцо в 1,5 оборота и нож — это формы диагностичные в хронологическом, но не культурном отношении. Они без сомнения связаны со стереотипами кавказской металлообработки, но встречаются в целой свите культур конца ранней — начала средней бронзы. Керамический комплекс, как уже отмечалось, местный и не связан с южными территориями. Возможно, исключение составляет только оформление жемчужин на курильнице. Если наблюдения А.Т. Синюка верны, и на чаше Золотого мы фиксируем кавказскую технику их нанесения, которая не характерна для Среднего и Верхнего Подонья (Синюк, 1999. С. 59), то это, пожалуй, будет единственный не транскультурный южный элемент в инвентарном комплексе нашего кургана. Причем на курильнице он оказывается вписанным в местную традицию жемчужной и шнуровой орнаментации.

Показательны краниологические данные погребения 5 (см. приложение 3.6). Череп является брахикранным и связан с краниологическими сериями северных европеоидов. Получается, что в кургане была похоронена женщина, как раз не имеющая отношения к носителям южного краниокомплекса, который хорошо представлен в других утевско-тамаруткульских погребениях и который является одним из возможных показателей миграционных процессов. По информации А.А. Хохлова, брахикранные черепа изредка встречаются и в других захоронениях этой культурной группы. Однако эти антропологические данные ни в коем случае не опровергает все то, что было сказано выше. Наоборот, наличие в погребении Золотого кургана женщины северного антропологического типа свидетельствует о сложных процессах смешения населения и традиций.

Образно выражаясь, Золотой курган с ярко выраженной предкавказской обрядностью и архитектурой, сосудами местной керамической традиции, серебряными украшениями и орудиями кавказских форм, изготовленными из металла группы МП Приуралья, и северным европеоидным краниокомплексом как нельзя лучше отражает суть такого своеобразного явления, как утевско-тамаруткульская культурная группа.

Радиоуглеродная хронология

Всего для комплекса эпохи бронзы Золотого кургана было получено 4 даты — в лаборатории Института географии РАН (3 даты) и Киевской радиоуглеродной лаборатории (1 дата). На анализ были предоставлены образцы погребенной почвы (ИГАН-3359), тростниковой подстилки (ИГАН-3224) и кости человека (ИГАН-3545, Ki-14741) (см. приложения 3.8, 3.9).

Как и следовало ожидать, дата по почве оказалась сильно удревненной — 1σ 4456–4345 ВС (см. приложение 3.8). О трудностях соотношения дат по гуминовым кислотам с археологическим контекстом уже говорилось в § 2 главы 2. К сожалению, явно дефектной оказалась и дата, полученная по образцу подстилки из могилы. Ее интервал 1σ 1410–1113 ВС, соответствующий датировкам позднебронзовых памятников, явно омоложен по сравнению с реальным возрастом комплекса. Как считают аналитики, дата, полученная по фрагменту тростниковой подстилки, оказалась значительно завышена, благодаря присутствию педогенных карбонатов (см. приложение 3.8). В дальнейшем ее использование для установления реального радиоуглеродного возраста комплекса не имеет смысла.

Образцы по кости человека были сданы в разные лаборатории. К сожалению, интервалы дат не совпали. В Киевской радиоуглеродной лаборатории получена дата с интервалом в 1σ Ox.Cal 2880–2660 ВС, в лаборатории Института географии РАН — 1σ

Calib 2625–2342 BC. Здесь мы опять сталкиваемся с проблемой расхождения дат из одного комплекса и малоприятной необходимостью выбора одной из них как отражающей реальный возраст комплекса. Правда, в нашем случае ситуация несколько смягчена тем, что нижний рубеж даты ИГАН–3545 близок верхней границе диапазона даты Ki–14741.

Если выбирать из двух дат, то не вызывает сомнения, что в интервальном выражении более всего археологическому возрасту Золотого кургана соответствует дата Ki–14741. Большая часть интервала даты ИГАН–3545 укладывается в отрезок XXVI–XXIV вв. до н. э. Он совпадает с радиоуглеродным калиброванным возрастом начала существования поздних катакомбных памятников: восточноманычской, западноманычской, позднедонецкой, среднедонской, батуринской культур (см. главу 1, § 6).

Дата Ki–14741 помещает радиоуглеродный возраст Золотого в интервале XXIX–XXVII вв. до н. э. Он как нельзя лучше соответствует совокупности радиоуглеродных данных (их около 20) утевско-тамаруткульских погребений, согласно наиболее полным подборкам результатов радиоуглеродного датирования памятников РБВ — начала СБВ Волго-Уралья, которые недавно опубликовали П.Ф. Кузнецов и М.А. Турецкий (Кузнецов, 2007. С. 219, 220; Турецкий, 2007. С. 122, 123).

Сопоставление киевской даты с радиоуглеродными данными сопредельных территорий показывает правильность относительной хронологической позиции Золотого кургана в системе синхронных культурных образований, которая была аргументирована выше. Обозначенный интервал в пределах XXIX–XXVII вв. до н. э. соответствует немногочисленным датам ранних катакомбных комплексов Подонцовья (Bratchenko, 2003. Tabl. 3). Этот же диапазон дает большая часть корректных дат северокавказской и раннекатакомбной культур степного Предкавказья (Нечитайло, 1978. С. 58; Шишлина, 2007. Табл. 5; 6; Кореневский, Белинский, Калмыков, 2007. Табл. 3).

Большой интерес представляло бы сопоставление радиоуглеродных дат Золотого кургана и новотитаровских памятников. Однако возможности здесь крайне ограничены. А.Н. Гей опубликовал серию из 5 новотитаровских дат, из которых три оказались явно дефектными (Гей, 2000. Табл. 3, С. 198). Если же откалибровать (Ox.Cal) две корректные даты из могильника Останний, то они дадут интервалы: 2/12 — 1σ 2920–2870 BC и 1/160 — 1σ 3320–3010 BC. Несложно заметить, что эти интервалы являются более древними по сравнению с датой Золотого кургана, что вполне соответствует относительной хронологии новотитаровских и поздних утевско-тамаруткульских памятников[84].

Я не склонен рассматривать дату ИГАН–3545 1σ 2625–2342 BC как полностью дефектную. Уже было отмечено, что ее нижний рубеж чрезвычайно близок верхней границе даты Ki–14741, хотя отрезка наложения нет[85]. Тем не менее для того, чтобы сузить интервал, на мой взгляд, следует ориентироваться на время стыка обоих временных отрезков. Об этом же свидетельствуют и пики вероятностей в пределах одной сигмы киевской даты. Наибольшая вероятность (47%) располагается в интервале 2790–2660 BC[86]. Можно предположить, что точечная дата Золотого кургана будет ле-

---

[84] Мне кажется, что сомнения А.В. Николовой относительно корректности даты комплекса Останний 1/160 напрасны (Николова, 2006. С. 85). Ее верхний рубеж вполне соответствует относительной хронологии новотитаровской культуры.

[85] Суммирование или комбинирование (Ox.Cal) этих дат дает широкий диапазон — 1σ 2860–2580 BC.

[86] Именно этот интервал Н.Н. Ковалюх и В.В. Скрипкин поместили в таблицу как наиболее вероятный (см. приложение 3.9).

жать в пределах середины XXVII в. до н. э. Этот возраст хорошо соответствует раннедонецкой хронологической позиции Золотого кургана.

Для подтверждения этого обратимся к немногочисленным данным ^{14}C комплексов, которые можно достоверно атрибутировать как раннедонецкие или по характерному инвентарю синхронизировать с этим периодом. В Сватовских курганах Подонцовья исследована группа раннедонецких погребений, чей возраст хорошо определяется по обряду, характерной керамике и ножам пятиугольной схемы (Братченко, 2004). Серия калиброванных дат из этих комплексов располагается в диапазоне XXVIII–XXVI вв. до н. э. (Bratchenko, 2003. Tabl. 3).

Из материалов утевско-тамаруткульской группы захоронению 5 Золотого кургана синхронен комплекс Уваровка 2 2/2, который по характерному инвентарю справедливо отнесен авторами раскопок к раннедонецкому времени (Кузьмина О., Михайлова, Фадеев, 2003. С. 202, рис. 6). Оба комплекса являются опорными в установлении верхнего рубежа существования утевско-тамаруткульской группы. Даты из погребений Уваровки и Золотого фактически совпали. Интервал комплекса Уваровка 2 2/2 составил 1σ (80%) 2815–2693 BC (Кузьмина О., Михайлова, Фадеев, 2003. С. 202).

Из Предкавказья происходит еще один комплекс, имеющий радиоуглеродную дату, который можно синхронизировать с раннедонецким горизонтом. Речь идет о раннекатакомбном погребении 168 Большого Ипатовского кургана, в инвентаре которого присутствуют кольцевые медальоны, веерообразные, лапчатые и ложковидные подвески, а также курильница без отделения на полом крестовидном поддоне и нож пятиугольной схемы (Кореневский, Белинский, Калмыков, 2007. Рис. 188–191). Корректная некалиброванная дата этого комплекса (4150 ± 80 BP) фактически полностью совпала с киевской датировкой Золотого (4160 ± 50 BP). Калиброванный интервал ипатовского погребения — 1σ 2880–2581 BC (Кореневский, Белинский, Калмыков, 2007. С. 94, табл. 3) хорошо соотносится со временем раннедонецкого горизонта. Не исключено, что к этому же периоду относится и комплекс Ильинский-1 1/5 со Ставрополья, в котором обнаружен топор, аналогичный изделию из Бичкин-Булука (Калмыков, Кореневский, 2001. С. 52–57, 61). Дата ильинского погребения 1σ 2866–2465 BC чрезвычайно близка датировке Золотого

Наконец, следует отметить, что данные ^{14}C утевско-тамаруткульских погребений, которые достоверно можно отнести к преддонецкому времени по находкам ранних форм металла и поздних типов костяных булавок: Курманаевка III 3/1 — 2911–2696 BC, Мустаево V 9/2 — 3100–2700 BC, Першин 1/4 — 2910–2660 BC, Нижняя Орлянка I 1/4 — 2920–2670 BC (Турецкий, 2007. Табл. 1), демонстрируют несколько более архаичные интервалы по сравнению с поздними комплексами этой группы Уваровка 2 2/2 и Золотой 3/5. Таким образом, можно предположить, что в абсолютных значениях ранний этап утевско-тамаруткульских памятников, синхронный преддонецкому горизонту, будет датироваться в пределах XXIX–XXVIII вв. до н. э., поздний период, соответствующий времени раннедонецкого периода, следует ограничивать XXVII–XXVI вв. до н. э.

Материалы раннего железного века

К этому периоду относятся погребения 2 и 4, а также находки в насыпи № 1–3. Культурно-хронологический комментарий к этим материалам представлен в работе С.В. Демиденко (приложение 3.1).

ПРИЛОЖЕНИЯ К ГЛАВЕ 3

Приложение 3.1 (С.В. Демиденко)

Материалы раннего железного века из кургана 3 могильника Золотой

В процессе исследования насыпи кургана 3 могильника Золотой в 2006 году были обнаружены два впускных погребения, а также ряд отдельных предметов, относящихся к эпохе раннего железного века и принадлежащих позднесарматской археологической культуре, занимавшей во II–III вв. н. э. обширные степные пространства от Южного Приуралья до Дуная.

Остановимся прежде всего на погребальном обряде исследованных захоронений. Погребения 2[87] (илл. 54, 2, 3) и 4 (илл. 56–59) были впущены в насыпь кургана (илл. 39). Как отмечают исследователи, впускные погребения в позднесарматское время достаточно редки. В Нижнем Поволжье они в целом составляют 7,7% от общего числа захоронений (Скрипкин, 1984. С. 65), в Северном Причерноморье на раннем этапе — 5,9%, на позднем — 3,2% (Симоненко, 2004. С. 149). Погребенные были ориентированы головами в южный сектор (п. 2 — ЮЮЗ, п. 4 — ЮЗ). Подобная ориентировка также в целом не характерна для позднесарматской культуры. В Нижнем Поволжье она встречается в основном на ранних этапах (рубеж I–II вв. — третья четверть II в. н. э.) и в течение II в. н. э. сменяется на северную (Скрипкин, 1984. С. 80–82). В Северном Причерноморье, на Верхнем Дону, в Южном Приуралье также со II в. н. э. начинает распространяться северная ориентировка погребенных (Симоненко, 2004. С. 149–150; Малашев, Яблонский, 2008. С. 44–47; Медведев, 1990. С. 156–160). Интересен и тот факт, что на черепе молодой женщины (18–20 лет) из п. 4 отмечены следы искусственной деформации (см. приложение 3.6). По мнению А.С. Скрипкина, распространение обычая деформации черепов напрямую связано с увеличением северной ориентировки и начинается со II в. н. э. (Скрипкин, 1984. С. 81–82).

Остатки каких-либо сложных деревянных конструкций в позднесарматских погребениях немногочисленны. Известны захоронение в долбленой колоде с крышкой (с. Боаро, курганный могильник на Калмыцкой горе, к. Е24) (Синицын, 1946. С. 90), 3 случая захоронений в прямоугольных дощатых гробах, у которых доски по углам соединялись в шип (С. Блюменфельд, к. А5, Б7, В2) (Скрипкин, 1984. С. 75). Все они расположены в Заволжье. Своеобразные внутримогильные конструкции с использованием деревянных настилов с глиной и камнем и решетчатые деревянные перекрытия могильных ям зафиксированы в Ново-Никольском курганном могильнике на Верхнем Дону (Медведев, 1990. С. 156–165). Однако двухкамерная деревянная конструкция из погребения 4 Золотого кургана встречена впервые.

Нередки в позднесарматских погребениях и следы органических подстилок, как в южной камере погребения 4 (Скрипкин, 1984. С. 75).

С какими-то ритуальными действиями связано помещение в захоронение кусков мела (погребение 4) (илл. 59, 2). По мнению исследователей, они, как правило, являются атрибутами женских могил (Малашев, Яблонский, 2008. С. 66). В погребении 4 мел также обнаружен в захоронении девушки (см. приложение 3.6)

---

[87] In situ сохранились берцовые кости ног и развал глиняного сосуда.

Погребальный инвентарь Золотого кургана позднесарматского времени составляют керамика, курильница, орудия труда и украшения.

Лепная керамика представлена двумя экземплярами.

Фрагментированный глиняный лепной сосуд яйцевидной формы с высоким отогнутым наружу венчиком, найденный в насыпи кургана (находка 2) (илл. 53, 1), относится к I типу лепных плоскодонных горшков по классификации А.С. Скрипкина, время бытования которого рубеж I–II — вторая половина II в. н. э. (Скрипкин, 1984. С. 49, рис. 8, 1). Однако очень близкие по форме лепные сосуды обнаружены в к. 2 п. 1 могильника Подстанция Фроловская I, дата — вторая половина II — первая половина III в. н. э. (Фроловский р-н, Волгоградская обл.) (Демиденко С., Ситников, 2001. С. 219, рис. 3, 10), и в к. 1 п. 1 могильника Глинище, дата — первая половина III в. н. э. (Михайловский р-н, Волгоградская обл.) (Демиденко Ю., 1994. С. 140, рис. 4).

Фрагмент венчика лепного глиняного сосуда, украшенный по верхней кромке наколами, также найденный в насыпи (находка 3) (илл. 53, 2), вероятно, может относиться к III или IV типу лепных плоскодонных горшков по классификации А.С. Скрипкина (Скрипкин, 1984. Рис. 8, 3, 4). Аналогичные горшки известны на всех территориях существования позднесарматской культуры второй половины II — первой половины III в. н. э., например, в Заволжье — к. 1 п. 1 могильника Колобовка III (Сергацков, Клепиков, 2001. Рис. 3, 4), в Южном Приуралье — к. 100 могильника Покровка 10 (Малашев, Яблонский, 2008. Рис. 198, 6).

Круговая керамика представлена также двумя экземплярами.

Сильно фрагментированный серолощенный сосуд из погребения 2 (илл. 54, 3), возможно, относится к одному из типов кувшинов центральнокавказского происхождения, распространившихся на территории позднесарматской культуры во II — первой половине III в. н. э.

Сероглиняный сосуд без следов лощения (илл. 59, 1) (погребение 4) относится к I типу двуручных кувшинов по классификации А.С. Скрипкина (Скрипкин, 1984. Рис. 6, 2). Подобные сосуды центральнокавказского происхождения хорошо известны в позднесарматских комплексах II — середины III в. н. э. в Заволжье — к. 1 п. 1 могильника Колобовка III (Сергацков, Клепиков, 2001. Рис. 3, 2), в Южном Приуралье — к. 9 могильника Покровка 2 (Малашев, Яблонский, 2008. Рис. 195, 8), на Нижнем Дону (Гугуев В., Гугуев Ю., 1989. С. 67–74; Гугуев Ю., 1994. С. 114–139).

Лепная глиняная курильница усеченно-пирамидальной формы (илл. 59, 3) (погребение 4) относится по классификации А.С. Скрипкина к типу II, бытовавшему на всем протяжении существования позднесарматской культуры (Скрипкин, 1984. С. 55, рис. 11, 20–24). Однако практически идентичный экземпляр, отличающийся только наличием двух отверстий и орнаментом в виде косого креста, найден в к. 90 могильника Покровка 10, которое по лучковой подвязной фибуле датируется второй половиной II — серединой III в. н. э. (Малашев, Яблонский, 2008. С. 60–63, рис. 177, 13).

Железные пружинные ножницы (илл. 59, 4) (погребение 4) являются одним из обычных предметов в женских позднесарматских погребениях. Наиболее характерны для периода второй половины II — первой половины III в. н. э. (Скрипкин, 1984. С. 52). Известны в Волго-Донском междуречье — к. 11 п. 1 могильника Нагавский II (Сергацков, Мыськов, 1994. С. 183), на Нижнем Дону — к. 18 п. 1 могильника Высочино V (Беспалый, 2000. Рис. 4, 5).

Глиняные пряслица бытуют на всех этапах существования позднесарматской культуры (илл. 53, 3). Пряслице, обнаруженное в насыпи кургана 3 (находка 1), нахо-

дит близкие аналогии на Нижнем Дону — к. 2 могильника Веселый III (Сергацков, Мыськов, 1994. С. 183) и в Южном Приуралье — к. 90 могильника Покровка 10 (Малашев, Яблонский, 2008. С. 60–63, рис. 177, 9). Дата обоих комплексов укладывается в рамки второй половины II — середины III в. н. э.

К предметам украшения следует отнести бронзовую сильнопрофилированную фибулу с крючком для тетивы, так называемого причерноморского типа, которая, безусловно, является самым примечательным предметом из комплекса погребения 4 (илл. 59, 5). Изучению типологии и хронологии данного типа фибул посвящены работы многих исследователей. По классификации А.К. Амброза она относится к группе 1 серии I варианту 1. Дата — вторая половина I — первая половина II в. н. э. (Амброз, 1966. С. 40). Наиболее ранние экземпляры встречены в римской Дакии и в восточной части Северного Причерноморья (Амброз, 1966. С. 40). По последней классификации Cociş подобные фибулы, обнаруженные на территории Дакии, на основе морфологических признаков и размеров (длина до 5 см) выделены в тип 7a1 и датированы концом I — первой половиной II в н. э. (Cociş, 2004. P. 44–45, pl. III/40–41, pl. IV/42). А.С. Скрипкин на материалах Нижнего Поволжья аналогичные экземпляры выделил в тип I вариант 1 сильнопрофилированных фибул и предположил его преимущественное распространение в первой половине II в. н. э. (Скрипкин, 1977. С. 109–114). На Верхнем Дону распространение сильнопрофилированных фибул А.П. Медведев вслед за А.С. Скрипкиным относит ко II в. н. э. (Медведев, 1990. С. 152–153; 2004. С. 90). В.М. Косяненко на материалах некрополя Кобякова городища на Нижнем Дону подобные экземпляры выделяет в группу I тип I вариант 2 и отмечает, что они найдены в комплексах второй трети I в. н. э. (Косяненко, 1987. С. 46–47; 2008. С. 85–86). Аналогичные фибулы в Центральном Предкавказье обнаружены в катакомбном погребении 77 могильника Нижний Джулат (Абрамова, 1993. С. 122–123, рис. 42–43) в комплексе с двухчастным наконечником-подвеской группы I по В.Ю. Малашеву, датирующемся не ранее второй половины II в. н.э. (Малашев, 2000, С. 198–199). На территории же Южного Приуралья, по мнению М.Г. Мошковой и В.Ю. Малашева, дата сильнопрофилированных фибул может даже глубже заходить в III в. н. э. (Мошкова, 2000. С. 187; Малашев, Яблонский, 2008. С. 60–63).

Коралловая цилиндрическая бусина (илл. 59, 5), располагавшаяся на фибуле (погребение 4), относится к типу II по классификации А.С. Скрипкина. Подобные бусы существуют во II — первой половине III в. н. э. (Скрипкин, 1984. С. 32, 55).

Таким образом, судя по сочетанию признаков погребального обряда и инвентаря, материалы эпохи раннего железного века кургана 3 могильника Золотой можно датировать в рамках второй половины II в. н. э. и, возможно, самого начала III в. н. э.[88]

---

[88] К сожалению, проведенный радиоуглеродный анализ остатков деревянной конструкции погребения 4 не позволяет уточнить время сооружения погребений. Дата, полученная при исследовании, относится к рубежу эр (1σ 110 BC-30 AD; 2σ 170 BC-60 AD).

Приложение 3.2 (А.Н. Усачук)

Функциональный анализ каменных и костяных изделий из погребения 5 кургана 3 могильника Золотой

Среди инвентаря погребения 5 кургана 3 могильника Золотой найдено три каменных и два костяных орудия. Проведен трасологический анализ этих изделий при помощи микроскопов МБС-2 и «Микко».

Два каменных орудия представляют собой абразивы. Один из них (рис. 1, 1) – довольно массивный фрагмент крупнозернистого песчаника неправильной формы с разнонаправленными узкими (шириной до 0,5 см), иногда клиновидными в плане желобками (рис. 1, 1А). В качестве сырья специально подобран материал, обладающий хорошей выкрашиваемостью (ср.: Килейников, 1984. С. 120), что позволяло довольно эффективно затачивать острия. Судя по ровной поверхности желобков, отсутствию своеобразного яркого «костяного» блеска (Коробкова, Шапошникова, 2005. С. 190), абразив пассивного действия использовался для заточки тонких металлических изделий (ср.: Килейников, 1984. С. 120).

Помимо разнонаправленных желобков, на границе рабочей грани с боковыми поверхностями фиксируются группы слабых углубленных царапин (рис. 1, 1Б). Эти следы также оставлены от заточки металлических острий (ср.: Коробкова, Виноградов, 2004. С. 67).

Абразив активного действия на обломке сланцевой породы (рис. 1, 2) имеет только одну рабочую грань (рис. 1, 2А). Довольно плоская узкая боковая грань (рис. 1, 2Б) не использовалась. Обратная сторона орудия (рис. 1, 2В) локально завальцована: выступающие части рельефа немного сглажены. Подобное вполне подходит для залощенности от кожи рук. На твердой рабочей поверхности следы почти не читаются, однако локально здесь сохранился металлический блеск. Рабочая грань абразива могла служить для заточки и направки лезвий металлических изделий с плоской поверхностью (ср.: Коробкова, Шаровская, 1983. С. 89, 91; Коробкова, Виноградов, 2004. С. 71).

Заметим, что в погребение положены два вида абразивов: для заточки острых и плоских металлических изделий. Кроме того, абразивы подобраны по принципу использования: активного и пассивного действия. Интересно, что среди орудий металлообработки выбраны только абразивы при отсутствии других групп металлообрабатывающих орудий – молотков, молоточков, подставок-наковаленок, гладилок и прочего (Зданович, Коробкова, 1988. С. 62–67; Коробкова, Виноградов, 2004. С. 83–84; и др.). Возможно, при составлении инвентаря погребения 5 важно было подчеркнуть последнюю стадию изготовления металлических изделий – шлифовку и доводку.

Каменное орудие подквадратной формы, уплощенное в разрезе, с закругленными краями (рис. 1, 3). Выбрана заготовка определенных размеров, чтобы орудие удобно удерживалось ладонью работающего. Рабочая поверхность – сплошная (обе плоскости и все торцы). Под залощенностью орудия прослежены локальные следы пикетажа, нанесенного с целью улучшения сцепления поверхностей с обрабатываемым материалом (ср.: Коробкова, Виноградов, 2004. С. 60). Неровности поверхности на плоскостях орудия сильно затерты. Складывается впечатление, что эта затертость не только рабочая. Очевидно, плоскости изделия выравнивались на стадии изготовления. Следы использования орудия на всех поверхностях почти одинаковы.

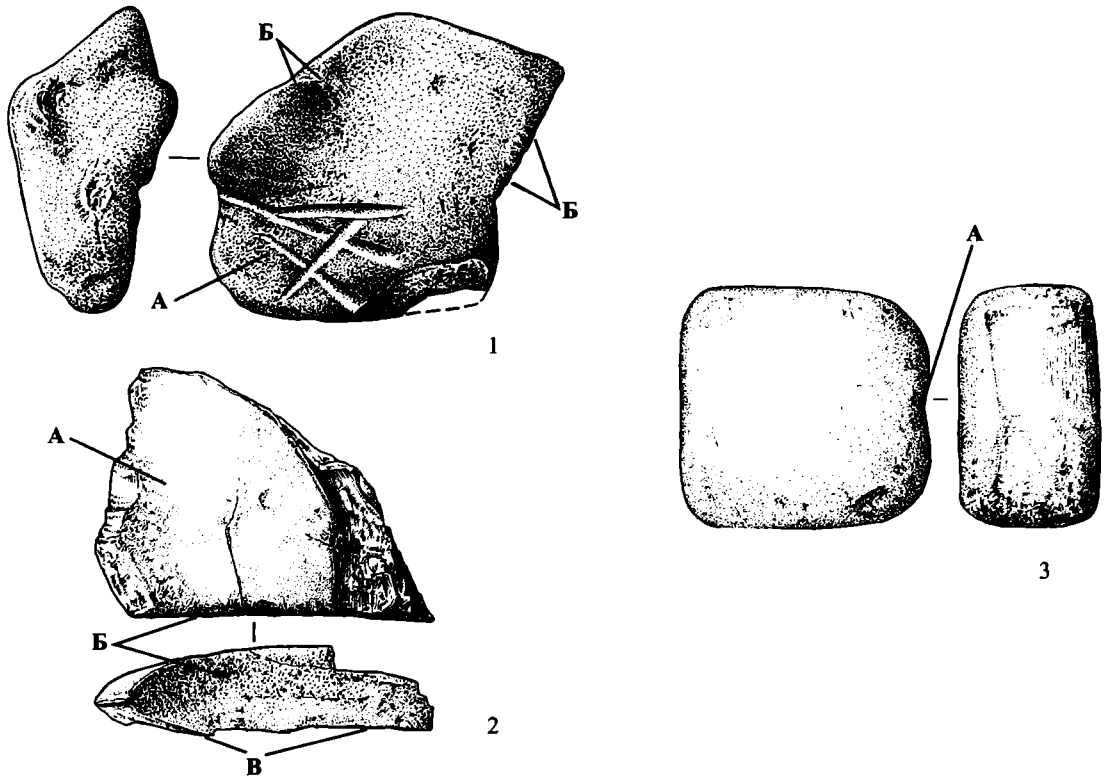


Рис. 1. Каменные орудия. *1, 2 — абразивы; 3 — растиральник*

На плоскостях и немного больше — на торцах фиксируются небольшие участки следов забитости, а также разнонаправленные группы мелких и тонких царапин утилизации. Следов забитости немного больше на слегка вогнутом торце (рис. 1, 3А). Группы царапин и разновеликие углубления на плоскостях орудия заполнены остатками порошка охры. Судя по следам использования, орудие можно интерпретировать в качестве растиральника (и отчасти — песта, когда «работали» торцевые грани) для охры (ср.: Коробкова, Виноградов, 2004. С. 60; Коробкова, Шапошникова, 2005. С. 209).

Костяные орудия из погребения 5 кургана 3 (рис. 2) являются парными. Сохранность орудий плохая (осыпается слой компакты). Оба изготовлены из локтевых костей (ulna) лошади. Локтевые отростки (проксимальные концы) обоих орудий утрачены, однако на сохранившихся участках поверхности фиксируются следы залощенности, доходящей до заполировки (рис. 1, 1А; 2, 2А), а участок тела кости (рис. 2, 1Б) заполирован до частичного обесцвечивания.

Обработанная часть дистального конца одного орудия (рис. 2, 1В) сохранилась полностью. Собственно, этот конец орудия и является рабочим. На втором предмете точно так же оформленный рабочий конец (рис. 2, 2Б) фиксировался во время расчистки в положении изделия in situ.

Оформление рабочего конца целого орудия восстанавливается полностью. Сначала тело локтевой кости было укорочено в дистальной части подрезкой. Получившийся узкий конец будущего орудия обработан на мелкозернистом абразиве (поперечные и диагональные следы). Затем на сформированном рабочем конце произведена вырезка продольного паза. Мастер резал паз аккуратно, с остановками лезвия. Перепад дав-

ления на режущую кромку оставил небольшие уступы в компакте кости при изготовлении паза. Судя по разновеликим параллельным следам резки, использовалось кремневое лезвие.

Рабочий конец второго орудия оформлялся, скорее всего, так же, как рабочий конец первого. Об этом свидетельствуют, в частности, следы мелкого абразива, сохранившиеся в районе слома изделия (рис. 2, 2В).

Оба орудия окрашены охрой. Частицы охры глубоко вошли в компакту кости, особенно интенсивно — на участках узких рабочих концов. Сочетание сильной залощенности проксимальных концов орудий (от кожи рук) с пазами на узких, интенсивно окрашенных охрой рабочих концах позволяет интерпретировать эти изделия как своеобразные инструменты для рисования: твердые перья или «каламы». Паз на рабочем конце позволял задерживаться определенной дозе жидкого красящегося вещества — в данном случае раствору охры. Использование подобных «каламов» давало возможность наносить слои краски на твердые и эластичные (кожа, ткань) поверхности.

Нами были проведены опыты с репликой подобного орудия, изготовленного при помощи современных инструментов из свежей локтевой кости лошади[89]. Использовались два вида раствора охры: жидкий и более насыщенный густой. В обоих случаях жидкость красящего вещества хорошо задерживается в районе острия благодаря пазам.

Узоры раствором охры наносились на кожу. Толщина линий обоих растворов от 0,6 до 0,8 см. Длина линий составляет от 8 до 12 см (жидкий раствор) или 6–7 см (густой раствор). В процессе опыта стало ясно, как увеличить длину цветной линии. Для этого нужно вести одной стороной рабочего конца под довольно острым углом к обрабатываемой поверхности (рис. 2, 1Г), затем точно так же другой стороной (рис. 2, 1Д). «Каламом» удобно наносить как прямые, так и волнистые линии. В случае с густым красящим раствором у нанесенных линий узора получались более четкие края.

Своеобразные костяные орудия с раздвоенными концами изредка встречаются в погребениях эпохи ранней (редко) и средней бронзы различных территорий: Малокатериновка, к. 30, п. 1 (Плешивенко, 1996. С. 42), Шалаши, к. 10, п. 14 (Колотухин, Тощев, 2000. С. 55), Набережное, к. 1, п. 8 (Санжаров, 2001. С. 97), Золотые Горки IV, к. 2, п. 3 (Парусимов, 2002. С. 14), Мухин II, к. 6, п. 9 (Беспалый Е., Беспалый Г., 2002. С. 51), Керчик, к. 16, п. 15 (Парусимов, 1999. С. 20), Лысянский II, к. 1, п. 5 (Парусимов, 1997. С. 20–21). Два двузубых костяных орудия найдены в раннекатакомбном погребении 9 кургана 11 могильника Центральный IV (Братченко, 2001. С. 80, рис. 78, 4, 5). Возможно, к этому списку следует добавить еще и краткую информацию о комплексе из п. 4 кургана 10 могильника Грушевская (три костяных штампа; их форма — ?) (Мельник, 1991. С. 129).

Орудия из Золотого кургана следует отличать от другой разновидности костяных инструментов с раздвоенными концами — «пинцетов». Последние, как правило, изготовлялись из локтевой или пястной кости МРС и имели глубокий до половины длины изделия и более вырез. Концы таких орудий пружинили, и их действительно можно было использовать как своеобразные пинцеты. Этот тип орудий также имел широкое хронологическое и территориальное распространение. «Пинцеты» известны в комплексах средней бронзы разных этапов Предкавказья, Нижнего Подонья и Подонцовья (Романовская, 1978. Рис. 46; Стеганцева, 1999. С. 108; Лимберис, Бочковой,

---

[89] Воссоздание древних приемов оформления рабочего конца «калама» не входило в наши задачи, при изготовлении экспериментального образца использовались современные инструменты. Впрочем, изготовление даже такого простого орудия требует определенных навыков и заставляет задуматься о степени профессионализма при обработке кости (ср. Чечушков, 2007. С. 423).

Марченко, 2001. Рис. 11, 2; Братченко, 2008. Рис. 29, 20). Следует отметить, что в комплексе Нововеличковская-2 1/4 рабочие концы одного из пинцетов были окрашены охрой (Лимберис, Бочковой, Марченко, 2001. С. 106). Это может свидетельствовать о том, что и эти орудия могли использоваться для рисования охрой. Но еще раз подчеркнем, что морфология и сырье, которое использовалось для изготовления «пинцетов», существенно отличаются от орудий из Золотого кургана.

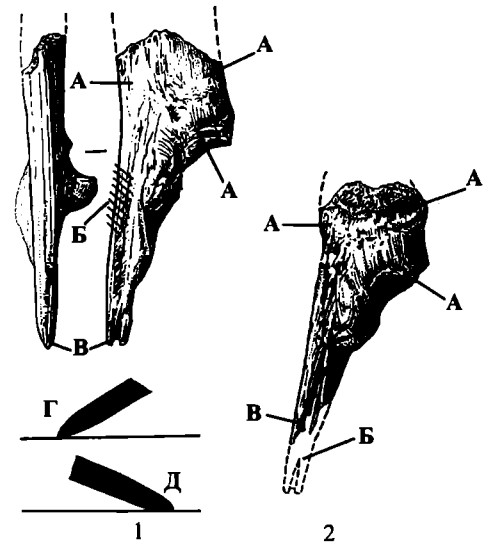


Рис. 2. Костяные изделия («каламы»)

Интересно проанализировать, как различные исследователи интерпретируют острия с раздвоенными концами. А.Г. Плешивенко отмечает, что залощенный раздвоенный конец изделия из Малокатериновки окрашен красной охрой, и считает орудие штампом для нанесения орнамента (Плешивенко, 1996. С. 42). Подобно орудию из этого комплекса, на изделии из раннебронзового погребения могильника Лысянский II расщепленный конец тоже окрашен охрой (Парусимов, 1997. С. 20). Правда, давая только описание исследованных комплексов, в данном случае И.Н. Парусимов никак не называет орудие. Зато описывая подобное орудие из Керчика, И.Н. Парусимов называет его «швайкой» из локтевой барана» (Парусимов, 1999. С. 20), то есть кочедыком (Даль, 1980. С. 625). С.Ю. Кулик, обратив внимание на производственный комплекс из Керчика, считает, что двузубое орудие служило для правки тетивы лука (Кулик, 1996. С. 50; 1997. С. 49). Со ссылкой на мнение С.Ю. Кулик, подобную трактовку принимает С.Н. Санжаров, говоря не только о комплексе из Керчика[90], но упоминая и подобное орудие из могильника Золотые Горки IV (Санжаров, 2008. С. 57). И.Н. Парусимов орудие из Золотых Горок IV называет двузубым штампом (Парусимов, 2002. С. 14). Орудие из Мухина II исследователи в описании именуют привычно проколкой (Беспалый Е., Беспалый Г., 2002. С. 51), следуя за формальными морфологическими признаками изделия (ср.: Смирнова, 2000. С. 236). Два инструмента с прорезью на зауженных концах из Набережного С.Н. Санжаров интерпретирует как орудия для «нанесения слоя краски определенной ширины» (Санжаров, 2001. С. 97), акцентируя внимание как раз на раздвоенных рабочих концах изделий. С.Н. Кореневский, А.Б. Белинский и А.А. Калмыков предполагают, что орудие с раздвоенным концом из п. 165 Большого Ипатовского кургана «является инструментом для нанесения краски (рисования)» (Кореневский, Белинский, Калмыков, 2007. С. 52). Интересно, что исследователи обращают внимание на большое количество охры рядом с двузубым орудием, рассматривая минерал «...как запас сырья для прижизненной производственной деятельности погребенной» (Кореневский, Белинский, Калмыков, 2007. С. 52). В.А. Колотухин и Г.Н. Тощев осторожно называют два орудия с раздвоенными концами из Шалашей (Крым) «кистями» (Колотухин, Тощев, 2000. С. 55), подразумевая нанесение краски при помощи этих «про-

[90] С.Н. Санжаров комплекс из Керчика называет комплексом из Мелеховской (Санжаров, 2008. С. 57).

колок» (опять случай использования привычного термина). Заметим, что помимо изделий из Шалашей, в Крыму в катакомбном погребении 9 кургана 1 могильника Краснознаменка обнаружено орудие в виде полой кости с двумя отверстиями и следами красной охры на внутренних стенках. Исследователи предполагают, что это орудие является капиллярным карандашом (Колтухов, Кислый, Тощев, 1994. С. 9).

Разумеется, определение функций двузубых орудий в каждом конкретном случае должно сопровождаться трасологическим анализом. Пока же мы можем сказать, что вряд ли подобные изделия могли служить пинцетами: прорези на рабочих концах не столь глубоки, да и сами рабочие концы не плоские, а, как отмечают многие, заостренные (зауженные, приостренные). Безусловно, двузубые изделия могут являться кочедыками, однако в таких случаях вырезы должны быть достаточно глубокие и широкие, вплоть до аркообразных (ср.: Усачук, Бровендер, 1993. С. 182, рис. 4, 7, 8), или кочедыки не должны вообще иметь вырезов (Флерова, 2001, С. 74; Алексашенко, 1999. С. 164; и др.). Мы же фиксируем на раздвоенных рабочих концах орудий неглубокие узкие продольные пазы. Вряд ли эти пазы оставались бы всегда узкими и неглубокими, если двузубые орудия служили бы для правки тетивы лука. Впрочем, это как раз тот случай, когда обосновать или опровергнуть подобную интересную идею возможно только после трасологического анализа. Пока же заметим, что на рабочем конце целого орудия из Золотого следов правки тетивы нет. Добавим, что, говоря о других подобных орудиях, исследователи довольно часто отмечают уплощение или заострение рабочего конца. Как показали опыты, своеобразное плавное заострение рабочего конца на орудиях из Золотого позволило лучше наносить линии красящего раствора (рис. 2, 1Г, Д). Очевидно, немного приостренные рабочие концы иных двузубых изделий служили той же цели (напомним о случаях, когда раздвоенные концы различных орудий были окрашены охрой или о ситуации в п. 165 Большого Ипатовского кургана, когда орудие лежало рядом с большим запасом охры).

Попытка объяснить назначение двузубых изделий в качестве орудий мастера-лучника основана на том факте, что комплексы из Керчика и, в меньшей степени, из Золотых Горок IV воспринимаются как наборы инструментов и сырья мастеров-стрелочников/лучников (Кулик, 1996. С. 49–51; 1997. С. 48–49; Санжаров, 2008. С. 57). Действительно, почти все двузубые орудия найдены в погребениях с какими-либо производственными наборами. Однако все эти наборы вслед за С.Н. Санжаровым (2008. С. 30–38) можно назвать неполными (даже особенно яркий комплекс из Керчика). А, к примеру, довольно богатый комплекс из Лысянского II (модель «повозки», три бронзовые посоховидные булавки и литые полусферы, курильница, птичьи кости, пронизи, бронзовое шило, кусок мела) (Парусимов, 1997. С. 20–21) вообще нельзя назвать производственным. Также если не непроизводственным, то неполным производственным набором является и комплекс из п. 5 кургана 3 могильника Золотой.

Приложение 3.3 (В.Ю. Луньков)

Результаты спектрального анализа металла из погребения 5 кургана 3 могильника Золотой

В Лаборатории естественно-научных методов Института археологии РАН анализ химического состава металла проводится на портативном анализаторе элементарного состава модели X-MET3000TX. Определение состава изделий основывается на энергодисперсионном методе рентгеновской флуоресценции с использованием портативной рентгеновской трубки в качестве источника возбуждения.

Специфика используемого прибора позволяет проводить анализ как специально подготовленных навесок (методика отбора проб приведена в книге: Черных, 1966. С. 30), так и применять неразрушающую методику исследования целых изделий. В последнем случае результаты получаются искаженными в связи с целым рядом факторов, влияющих на точность измерений. Среди них: размер изделия, мощность окисленного слоя и др. (более подробно см.: Черных, Луньков, 2009. В печати). Но в целом ряде случаев для проведения полноценного анализа невозможно получить достаточное количество металлических опилок, существенно не повредив изделие. В этой связи по возможности проводятся два типа анализов: по специально подготовленной навеске, содержащей только металлические опилки, и по целому предмету. На основании сравнения полученных данных можно заключить, в какой степени определение состава металла по целым предметам отражает его истинный состав.

Из погребения 5 кургана 3 могильника Золотой проанализированы 4 изделия:
— нож, находка № 17 (лабораторные № анализов 49172–49173);
— шило, находка № 16 (лабораторные № анализов 49174–49175);
— изделие, находка № 13 (лабораторный № анализа 49176);
— шило, находка № 6 (лабораторный № анализа 49177).

Химический состав металла образцов приведен в таблице:

№ лабораторный	Предмет	CU	SN	PB	ZN	BI	AG	SB	AS	FE	NI	CO	Химико-металлургическая группа
49172	нож	ОСН	–	0,06	–	0,03	0,07	0,02	–	<0,05	0,01	–	Cu*
49173[1]		ОСН	–	<0,04	1,03	–	0,13	0,01	0,02	0,19	0,16	–	
49174	шило	ОСН	–	0,06	–	0,03	0,03	0,01	–	<0,02	0,01	–	Cu*
49175[1]		ОСН	–	0,07	0,32	–	0,02	0,03	0,04	0,31	0,02	–	
49176	изделие	ок. 46,7	+	–	–	–	ок. 50,1	–	–	+	–	–	Ag+Cu
49177[1]	шило	ОСН	–	0,04	0,16	?	0,18	0,09	0,01	0,23	–	–	Cu*

Примечание: [1] — состав образца определялся по целому предмету, не очищенному от патины.

Результаты анализов № 49172 (нож) и 49174 (шило) практически идентичны и соответствуют химической группе чистой меди (Черных, 1966, стр. 63). Данные, полученные при анализе этих же предметов целиком (№ 49173 и 49175), отличаются от состава, определенного по стружке. Цинк и мышьяк, совершенно отсутствующие в пробах, фиксируются только при анализе целых образцов с окисленными поверхностями. Висмут, наоборот, в подобных образцах не обнаружен. Для ряда элементов (свинец, серебро, сурьма) тенденции изменения концентраций различаются. Подобные различия нужно связывать как с разной толщиной окисленного слоя, так и с размерами и формой предметов.

Состав маленького шила с кольцевым упором было возможно определить только по целому предмету (№ 49177). В целом он сопоставим с результатами анализов № 49173 и 49175. Это позволяет считать, что химический состав металла обоих шильев и ножа принципиально между собой не различается.

Изделие (анализ № 49176) изготовлено из серебряно-медного сплава. В небольших концентрациях зафиксированы также олово и железо.

В составе металла ножа и шильев отмечено незначительное присутствие свинца, серебра и сурьмы, что дает возможность отнести эти образцы к «смешанной группе» «Cu*», включающей изделия из чистой меди с добавлением лома металлических предметов иного химического состава (Черных, 2007, стр. 66). Рудные источники этой группы связываются с медистыми песчаниками Приуралья, конкретно с Каргалинским горно-металлургическим центром (Черных, 2007, стр. 66).

Среди проанализированных на сегодняшний день образцов древнеямного и ямно-полтавкинского металла изделия групп «Cu*» и «Cu» в сумме составляют более 46%. Они отмечены на значительной территории Восточной Европы, но преобладают в волго-уральском регионе. В памятниках катакомбной общности подобный металл отмечен значительно реже — менее чем в 10% случаев и территориально тяготеет к более юго-западным районам (Черных, 2007, стр. 66, табл. 4.3 и 4,4, рис. 4.9 и 4.10). По имеющимся данным катакомбные мастера не вели собственных разработок на Каргалинских рудниках, а «...медь «каргалинского характера» ...попадала в катакомбную среду лишь через посредство ямно-полтавкинской общности, — по преимуществу заключительной фазы последней» (Черных, 2007, стр. 63).

В целом полученные результаты позволяют связывать металл исследованных изделий с ямно-полтавкинским металлургическим очагом. Этот вывод не противоречит и авторской интерпретации комплекса.

Приложение 3.4 (А.Н. Егорьков)

Результаты эмиссионно-спектрального анализа спиральной пронизи из погребения 5 кургана 3 могильника Золотой

Эмиссионно-спектральный анализ проведен в Лаборатории археологической технологии ИИМК РАН.

№	предмет	CU	SN	PB	ZN	BI	AG	SB	AS	FE	NI	CO	AU
811–57	Пронизь	6,0%	–	–	–	0,03%	Осн.	–	–	–	–	–	–

Приложение 3.5 (Р.А. Митоян)

Результаты рентгено-спектрального анализа височного кольца из погребения 5 кургана 3 могильника Золотой

Анализ проведен в рентгено-спектральной лаборатории геологического факультета МГУ.

предмет	CU	SN	PB	ZN	BI	AG	SB	AS	FE	NI	CO	AU
Височное кольцо	0,59%	–	–	–	–	99,41%	–	–	–	–	–	–

*Приложение 3.6 (А.А. Хохлов)**

Антропологические материалы кургана 3 могильника Золотой

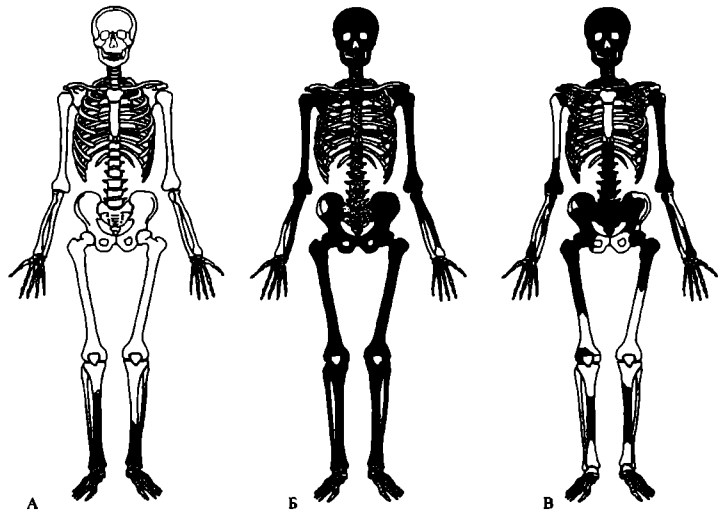


Рис. 1. Имеющиеся в наличии кости (окрашены серым цветом):
А — скелет 3/2, Б — скелет 3/4, В — скелет 3/5

На рисунке № 1 представлена сохранность антропологического материала.

Курган 3, погребение 1 (скелет мужской, возраст 35–45).

Имеется только череп. Мозговая коробка в основном средняя по размерам горизонтального сечения, суббрахикранная, высокая. Лобная кость сильно наклонная. Впечатление о наличии незначительной искусственной деформации головы, хотя скорее форма все же результат естественного развития. Лицевой отдел среднеширокий и очень высокий, резко уплощенный на верхнем горизонтальном уровне и умеренно на среднем, мезогнатный. Орбиты также очень высокие, а нос широкий абсолютно, но узкий относительно. Носовые кости узкие в симотической части, в сечении крышевидной формы, выступают слабо.

* *Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 06-01-91100 а/У.*

Краниологический комплекс монголоидный, напоминает дальневосточный вариант.

Курган 3, погребение 2 (скелет женский? возраст зрелый).

Скелет неполный. Имеются только фрагменты нижних конечностей: нижние половины берцовых костей, пяточные, отдельные кости предплюсны, плюсны, фаланги.

Курган 3, погребение 4 (скелет женский, возраст 18–19 лет).

Скелет в целом хорошей сохранности. Недостает отдельных костей. Некоторые неполные (рис. 1).

Череп характеризуется большими размерами, суббрахикранный. Лицевой отдел высокий абсолютно и относительно, уплощенный на среднем уровне, мезо-прогнатный, имеет средневысокие орбиты, широкое грушевидное отверстие, умеренно выступающие, большие по симотическим величинам носовые кости.

Фиксируется искусственная деформация мозгового отдела, а в структуре черепа — комбинация европеоидных и монголоидных черт. Черепа данного типа, с наличием искусственной деформации, хорошо известны среди краниологических серий позднесарматского или так называемого гунно-сарматского времени Приуралья и Поволжья.

Посткраниальный скелет характеризуется, в определенной мере, грацильностью костей, средними пропорциями сегментов конечностей. Бедренные кости в верхней части диафиза сильно уплощены (гиперплатимерия), в средней части слабо выраженным пилястром. Большеберцовая кость в диафизе широкая (мезо- и эурикнемия). Рост, определенный по длинным костям на основании 4 формул (К. Пирсон и А. Ли; М. Троттер и Г. Глезер; В.В. Бунак; Г.Ф. Дебец: Алексеев, 1966) в среднем составил 156,7 см. На основании УПОС (условного показателя объема скелета: Дебец, 1964) вес приблизительно был около 52,4 кг. Это в принципе соответствует росту молодой девушки и свидетельствует о предрасположенности скорее к среднему развитию костно-мускульной компоненты.

Курган 3, погребение 5 (скелет женский, возраст 30–40 лет).

Скелет неполный. Сохранность имеющихся костей плохая. Среди целых костей: ряд позвонков, отдельные кости дистальных отделов конечностей, правая ключица.

Череп реставрирован. Оказался, в определенной степени, посмертно деформированным. Он довольно крупный. Мозговая коробка брахикранная, с высоким сводом. Лицевой отдел широкий и относительно низкий, умеренно профилирован на верхнем горизонтальном уровне.

Краниологический комплекс находит аналогии среди тех черепов, обладатели которых генетически связаны в целом с группами северного ареала европеоидов. Среди краниологических серий ранней и средней бронзы черепа такого типа фиксируются как в материалах ямной культуры Поволжья и Подонья, так и в последующих по времени, относящихся к катакомбной культуре.

Среди длинных костей удалось составить только левую плечевую. Ее длина соответствует росту 157,1 см ± 4,45 см (по ф-ле М. Троттер и Г. Глезер: Алексеев, 1966). Однако это условная цифра.

Плечевая кость, как и фрагменты других длинных, достаточно массивна, охватные размеры относительно продольных диаметров достаточно велики. Можно говорить о довольно плотном и физически крепком развитии индивида.

На телах нижних грудных и поясничных позвонков выраженные остеитные разрастания — следствие нарушения обменных процессов. На суставных поверхностях имеющихся костей, в том числе и позвонков, особых патологических изменений не фиксируется. Следует, однако, отметить хорошо выраженный, крупноячеистый остеопороз суставных поверхностей костей, составляющих крестцово-подвздошные суставы. Возможно, одной из причин патологического изменения в данном случае являлись родовые нагрузки.

Приложение 3.7 (Э.П. Зазовская, А.А. Гольева)

Результаты исследования погребенных почв кургана 3 могильника Золотой

Для палеопочвенных исследований были отобраны образцы погребенной под курганной насыпью почвы и также образцы фоновой почвы. Было определено содержание гумуса, фосфора этих почв. Проведены биоморфные исследования.

Радиоуглеродный возраст погребенной почвы, рассчитанный с использованием даты полученной по фоновой почве, позволяет говорить о том, что эта почва не соответствует времени формирования кургана (табл. 1). Верхняя часть гумусового горизонта была удалена в процессе сооружения кургана. Биоморфные и химические данные показывают, что курган формировался на естественной, не нарушенной поверхности. Биоморфные данные, а также морфологические наблюдения и химические свойства показывают, что погребенная почва формировалась в климатических условиях, близких к современным. Однако в локальном ландшафте процент древесной растительности был выше, чем в настоящее время. Также можно сделать вывод о более интенсивном увлажнении, возможно, это связано с другим режимом поемности территории.

Таблица 1

РЕЗУЛЬТАТЫ РАДИОУГЛЕРОДНОГО ДАТИРОВАНИЯ ПОЧВ

Лабораторный № ИГАН	Происхождение образца	Образец	Радиоуглеродный возраст, лет назад	Интервал калиброванного возраста, на 1σ: CAL BC-лет до н. э., CAL BP-лет назад, [start: end] relative area [91]
3252	Фоновая почва, нижняя часть гумусового горизонта 20–30 см	ГК	1450 ± 100	[440 AD:485 AD] 0,157152 [532 AD:669 AD] 0,842848 [1281 BP:1418 BP] 0,842848 [1465 BP:1510 BP] 0,157152
3559	Погребенная почва 40–50 см от поверхности погребенной почвы	ГК	5560 ± 70	[6294 BP:6405 BP] 1, [4456 BC:4345 BC] 1,

Биоморфным методом было исследовано 9 образцов. Результаты исследования представлены в таблицах 1–3. Ниже приводится описание образцов и полученные на основе анализа выводы по каждому из рассмотренных объектов.

[91] CALIB RADIOCARBON CALIBRATION PROGRAM*
Copyright 1986–2005 M Stuiver and PJ Reimer

Почвенный разрез 1-я СЗ бровка (ПР 1 СЗ)

10–20 см. Образец содержит большое количество травянистого детрита, аморфную органическую массу, единичные корни трав. Содержание фитолитов небольшое, значительная часть их обуглена. В небольших количествах присутствуют спикулы губки и отломки панцирей диатомовых водорослей (4% и 2% соответственно).

Вывод по образцу. Образец сформирован на аллювиальных отложениях. Возможно, часть фитолитов была принесена водами в период формирования породы.

40–50 см. Образец содержит большое количество мелкого травянистого и древесного детрита, аморфную органическую массу, гифы грибов, корни трав. Фитолитов немного. Единично присутствуют фрагменты панцирей диатомовых водорослей и спикулы губок. Состав фитолитного комплекса сложный, многокомпонентный. Значительная доля (19%) представлена неопределенными фрагментами.

Вывод по образцу. Биоморфный комплекс типичен для почвенных гумусовых горизонтов. Можно диагностировать исходную породу как аллювиальную.

50–60 см. Образец содержит большое количество детрита, аморфную органическую массу, гифы грибов, корни трав. Единично присутствует спикула губки. В составе фитолитного комплекса есть как степные, так и лесные формы (12% и 5% соответственно).

Вывод по образцу. Содержание фитолитов не соответствует глубине отбора пробы — слишком велико для данных глубин. Возможно, это объясняется историей формирования толщи. Сложный состав фитолитного комплекса связан с формированием толщи и дополнительно свидетельствует о сложном генезисе исследованной толщи.

70–80 см. Образец содержит большое количество детрита, аморфную органическую массу, гифы грибов, корни трав. Содержание кремниевых биоморф невелико, при этом доля спикул губок составляет 11%. Фитолитный комплекс характеризует степную флору.

Вывод по образцу. Образец сформировался на аллювиальных отложениях. Небольшое количество фитолитов соответствует величинам, характерным для данных глубин сильно гумусированных почв.

80–90 см. Образец содержит обилие обугленного древесного и травянистого детрита, аморфную органическую массу, единичные корни трав. Содержание фитолитов небольшое, значительная часть их обуглена. Фитолитный комплекс представлен формами, характерными для водной флоры — камыша и/или тростника. Единично присутствует хорошо сохранившаяся древняя спикула губки.

Вывод по образцу. Образец сформирован на аллювиальных отложениях. Возможно, часть фитолитов принесена водами в период формирования породы.

90–100 см. Образец содержит большое количество мелкого растительного детрита, аморфную органическую массу. Фитолитов мало.

Вывод по образцу. Состав биоморфной фракции типичен для нижней части гумусового горизонта почвы.

100–110 см. Образец содержит большое количество растительного детрита, аморфную органическую массу. Фитолитов немного, значительная часть их обуглена. В фитолитном комплексе присутствуют формы, характерные для водной флоры — камыша и/или тростника, а также хорошо сохранившиеся древние спикулы губки (10% от общего количества кремниевых биоморф).

Вывод по образцу. Образец сформирован на аллювиальных отложениях. Возможно, часть фитолитов принесена водами в период формирования породы.

120–140 см. Образец содержит детрит единично. Он мелкий, т.е. переотложенный. Встречен один фитолит.

Вывод по образцу. Состав биоморфной фракции типичен для нижней части органно-минеральных горизонтов почв.

Почвенный разрез 2-я СЗ бровка (ПР 2 СЗ)

Образец содержит большое количество мелкого травянистого детрита, аморфную органическую массу. Фитолитов мало, значительная часть их обуглена.

Вывод по образцу. Состав биоморфной фракции характерен для нижней части органно-минеральных горизонтов почв.

Таблица 2

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПОЛУКОЛИЧЕСТВЕННОЕ СОДЕРЖАНИЕ БИОМОРФ

Образец, глубина, см	Детрит	Кутик слепки	Фитолиты	Спикулы губок	Диатомные водоросли
ПР. 1. СЗ 10–20	+++	–	+++	+	Ед.
40–50	+++	–	+++	+	Ед.
50–60	+++	–	+++	Ед.	–
70–80	+++	–	++	+	–
80–90	+++	–	+	Ед.	–
90–100	+++	–	+	–	–
100–110	+++	–	++	+	–
120–140	Ед.	–	Ед.	–	–
Пр. 2 СЗ	+++	–	+	–	–

Примечание. Крестиками показано сравнительное полуколичественное содержание частиц: +++ много; ++ средне; + мало; Ед. — единично; — отсутствуют.

Таблица 3

СОДЕРЖАНИЕ КРЕМНИЕВЫХ БИОМОРФ

Образец	Всего		Фитолиты		Спикулы губок		Диатомные водоросли	
	Шт.	%	Шт.	%	Шт.	%	Шт.	%
ПР. 1. СЗ								
10–20	135	100	128	94	6	4	3	2
40–50	279	100	271	97	6	2	2	1
50–60	327	100	324	99	3	1	–	–
70–80	78	100	69	89	9	11	–	–
80–90	17	100	15	94	2	6	–	–
90–100	39	100	39	100	–	–	–	–
10–110	61	100	54	90	7	10	–	–
120–140	2	100	2	100	–	–	–	–
Пр. 2 СЗ	32	100	32	100	–	–	–	–

Таблица 4

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ДИАГНОСТИЧЕСКИХ ГРУПП ФИТОЛИТОВ

Образец	Всего	Травы	Лесные двудольные	Луговые злаки	Степные злаки	Камыш	Мох	Неопределенные формы
ПР. 1. СЗ 10–20	100	52	9	21	9	–	9	–
40–50	100	53	5	3	17	3	–	19
50–60	100	59	5	11	12	7	8	–
70–80	100	61	–	3	9	–	26	–
80–90	100	84	2	4	3	7	–	–
90–100	100	92	–	–	–	–	8	–
100–110	100	78	–	1	–	11	–	–
120–140	100	65	–	12	100	–	–	–
Пр. 2 СЗ	100	91	9	–	–	–	–	–

Приложение 3.8 (Э.П. Зазовская, О.А. Чичагова)

Результаты радиоуглеродного датирования образцов из погребения 5 кургана 3 могильника Золотой

Из погребения 5 были отобраны образцы подстилки и кость человека для радиоуглеродного анализа. Также был отобран образец подстилки для биоморфного анализа — определения материала подстилки и ее происхождения.

Биморфный анализ сделан д.г.н. А.А. Гольевой, подготовка препаратов проведена в химической лаборатории института географии РАН.

Результаты биоморфного анализа образца подстилки

Образец содержит большое количество растительного детрита, аморфную органическую массу. Фитолитов много, значительная часть их представлена специфическими формами, образующимися в эпидермальных клетках стеблей камыша (71% от общего числа фитолитов). Выявлены крупные кутикулярные слепки камыша. Присутствуют целые и фрагментарные панцири диатомовых водорослей (5% от общего количества кремниевых биоморф) и спикулы губок (4%).

Вывод по образцу. Подстилка была создана из стеблей камыша. Наличие других фитолитов может указывать на незначительную примесь других трав при создании подстилки, а присутствие аморфной органической массы в искусственно созданном образце свидетельствует о том, что кроме растительной использовалась и животная органика, например, камышовая подстилка была перекрыта сверху чем-либо из кожи или шерсти (войлоком). Диатомовые водоросли были привнесены вместе с камышом. Их наличие свидетельствует о том, что стебли камыша были на момент создания подстилки свежими. Данные определения приведены в таблице 1.

Таблица 1

РЕЗУЛЬТАТЫ БИОМОРФНОГО АНАЛИЗА ОБРАЗЦА ПОДСТИЛКИ

Сравнительное полуколичественное содержание биоморф	Детрит	Кутик слепки	Фитолиты	Спикулы губок	Диатомовые водоросли
	+++	+	+++	+	+

Содержание кремниевых биоморф	Всего		Фитолиты		Спикулы губок		Диатомовые водоросли	
	Шт.	%	Шт.	%	Шт.	%	Шт.	%
	338	100	307	91	14	4	17	5

Распределение диагностических групп фитолитов (%)	Всего	Травы двудольные	Лесные злаки	Луговые злаки	Камыш	Степные злаки	Мох	Неопределенные формы
	100	9	2	3	11	71	–	4

Таблица 2

РЕЗУЛЬТАТЫ РАДИОУГЛЕРОДНОГО ДАТИРОВАНИЯ ОБРАЗЦА ПОДСТИЛКИ

Лабораторный № ИГАН	Радиоуглеродный возраст, лет назад	Радиоуглеродный возраст с поправкой на изотопное фракционирование, лет назад	Интервал калиброванного возраста, на 1σ: CAL BC-лет до н.э., CAL BP-лет назад, [start: end] relative area[92]
3224	2800 ± 120	3010 ± 120	[1410 BC:1113 BC] 0,97061 [1099 BC:1089 BC] 0,026968 [1061 BC:1060 BC] 0,002421 [3009 BP:3010 BP] 0,002421 [3038 BP:3048 BP] 0,026968 [3062 BP:3359 BP] 0,97061

Интерпретация полученного результата

Образец для радиоуглеродного датирования представлял собой труху растительного происхождения с примесью минерального материала, сильно карбонатный (очень бурно вскипал от 10% раствора соляной кислоты). Мелкие растительные остатки буквально пропитаны карбонатами. Образец был отмыт от минеральной части и в течение месяца обрабатывался слабым раствором соляной кислоты при пониженной температуре (холодильник) для удаления карбонатов. Невозможно было полностью удалить карбонатный материал, так как вместе с карбонатами, несмотря на мягкую обработку, удалялся и материал самого образца. В связи с вышесказанным полученная дата может быть не синхронна событию — стебли камыша были свежими на момент совершения погребения, однако примесь почвенных карбонатов при датировании могла как удревнить, так и омолодить полученную дату. Полученное из образца значение $\delta^{13}C$ –12,01% указывает на высокое содержание в нем углерода педогенных карбонатов. Изотопный состав углерода педогенных карбонатов варьирует обыч-

[92] CALIB RADIOCARBON CALIBRATION PROGRAM*
Copyright 1986–2005 M Stuiver and PJ Reimer.

но от 8–11%, изотопный состав камыша от –23% до –26%. Таким образом, можно предположить, что полученная дата значительно омоложена присутствием педогенных карбонатов.

Для датирования в лабораторию радиоуглеродного датирования Института географии РАН был передан образец кости человека из погребения.

Для датирования был выделен препарат коллагена. Выделение коллагена проводилось по методике Л.Д. Сулержицкого (1997). Дополнительно были проведены обработки для удаления минеральных красителей с поверхности кости и почвенного органического вещества. Исследование изотопного состава углерода коллагена проводилось в институте геохимии и аналитической химии им. В.И. Вернадского. Результаты приведены в таблице 3. Результат датирования приведен с поправкой на изотопное фракционирование.

Таблица 3

РЕЗУЛЬТАТЫ РАДИОУГЛЕРОДНОГО ДАТИРОВАНИЯ ОБРАЗЦА КОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Лабораторный № ИГАН	Материал	$\delta^{13}C$	Радиоуглеродный возраст, лет назад BP	Интервал калиброванного возраста, на 1σ: CAL BC-лет до н.э., CAL BP-лет назад, [start: end] relative area
3545	Коллаген	–19,73	3985 ± 90	[2828 BC:2824 BC] 0,009221 [2625 BC:2342 BC] 0,990779 [4291 BP:4574 BP] 0,990779 [4773 BP:4777 BP] 0,009221

Приложение 3.9 (Н.Н. Ковалюх, В.В. Скрипкин)

Результаты радиоуглеродного датирования образцов из погребений кургана 3 могильника Золотой

№	Комплекс	Лабораторный номер	Возраст ^{14}C BP	Возраст ^{14}C BC
1.	Золотой, курган 3, п. 4, дерево	Ki–14740	2040 ± 40	1σ 110 BC-30 AD 2σ 170 BC-60 AD
2.	Золотой, курган 3, п. 5, кость человека	Ki–14741	4160 ± 50	1σ 2790–2660 BC 2σ 2890–2580 BC

Литература и источники

Абрамова М.П., 1993. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н. э. — IV в. н. э.). — М.

Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И., 1990. Хвалынский энеолитический могильник. — Саратов. — 160 с.

Акимова С.В., 2006. Охранные раскопки у с. Липовка Бобровского района Воронежской области // АПВЕ. — Воронеж. — Вып.12. — С. 93–99.

Акимова С.В., 2007. Охранные раскопки кургана эпохи бронзы в Бобровском районе Воронежской области // АО 2005 года. — М. — С. 95–97.

Александровский А.Л., Хохлова О.С., Седов С.Н., 2004. Большой Ипатовский курган глазами почвоведа // РА. — № 2. — С. 61–70.

Александровский А.Л., Чичагова О.А., Пустовойтов К.Е., Шишлина Н.И., 1997. Методика и методология радиоуглеродных исследований археологических объектов степных регионов России // Степь и Кавказ (культурные традиции). — М. — С. 9–21.

Алексашенко Н.А., 1999. Изделия из кости и рога Туманского I селища // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. — Екатеринбург. — Вып. 3. — С. 153–166.

Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р., 1991. Чертомлык. — Киев. — 416 с.

Алексеев В.П., 1966. Остеометрия. — М. — 251 с.

Алексеев В.П., Дебец Г.Ф., 1964. Краниометрия. Методика антропологических исследований. — М.

Амброз А.К., 1966. Фибулы юга Европейской части СССР // САИ — М. — Вып. Д1-30. — 112 с.

Андреева М.В., 1986. Курганы эпохи бронзы у г. Светлограда // КСИА. — № 188. — С. 106–114.

Андреева М.В., 1989. Курганы у Чограйского водохранилища (материалы раскопок экспедиции 1979 г.) // Древности Ставрополья. — М. — С. 24–124.

Андреева М.В., 2004. Курильницы, ножи и шилья в контексте погребальных памятников восточноманычской катакомбной культуры // Проблемы первобытной археологии Евразии: К 75-летию А.А. Формозова. — М. — С. 187–201.

Андреева М.В., 2008. Восточноманычская катакомбная культура (анализ погребальных памятников): Автореферат дисс. канд. ист. наук. — М. — 27 с.

Андреева М.В., Новикова Л.А., 2001. Курганы у села Спасского Ставропольского края // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. — М. — Вып. II. — С. 5–51.

Андреева М.В., Петренко В.Г., 1998. Комплекс эпохи бронзы из кургана у хутора «Красное знамя» // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. — М. — Вып. I. — С. 7–54.

Аринчина Т.Ю., 1988. Культовая керамика среднедонской катакомбной культуры // Исследование памятников археологии Восточной Европы. — Воронеж. — С. 74–88.

Бадер О.Н., 1970. Бассейн Оки в эпоху бронзы. — М. — 176 с.

Бадер О.Н., 1971. Погребения на Владычинской стоянке и вопрос о фатьяновской бронзе // СА. — № 1 — С. 55–72.

Баринов Д.Г., 1996. Новые погребения эпохи средней бронзы в Саратовском Заволжье // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. — Саратов. — С. 84–97.

Барынкин П.П., 2003. Северный Прикаспий в период энеолита и ранней бронзы // ВАП. — Самара. — Вып. 3. — С. 47–60.

Барынкин П.П., Зудина В.Н., Крамарев А.И., Салугина Н.П., Цибин В.А., Хохлов А.А., 2006. Исследование курганов эпохи бронзы у пос. Подлесный на р. Самаре // ВАП. — Самара. — Вып. 4. — С. 293–313.

Батчаев В.М., 1984. Погребальные памятники у селений Лечинкай и Былым // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Памятники эпохи бронзы (III — II тыс. до н. э.) — Нальчик. — Т. 1 — С. 112–163.

Беглова Е.В., 2004. Отчет об исследовании курганного могильника Садовый в 2004 году // Архив ИА РАН.

Березин Я.Б., Калмыков А.А., 1998. Курган у села Красногвардейское Ставропольского края // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. — Ставрополь. — Вып. 1. — С. 55–95.

Березин Я.Б., Калмыков А.А., 2004. Курган у поселка Доброжеланный Ставропольского края // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. — Армавир. — Вып. 3. — С. 151–185.

Березуцкая Т.Ю., 1999. Погребение среднедонской катакомбной культуры с сосудом фатьяновско-балановского облика // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий. — Липецк. — С. 64–66.

Березуцкая Т.Ю., 2003. Среднедонская катакомбная культура и ее локальные варианты. — Воронеж. — 216 с.

Березуцкий В.Д., Гринев А.М., 2008. Россошанские курганы. — Воронеж. — 174 с.

Березуцкий В.Д., Кравец В.В., Новиков Н.Л., 2005. Древности Богучарского края. — Воронеж. — 130 с.

Березуцкий В.Д., Маслихова Л.И., 2005. Исследование курганов на юге Воронежской области // АПВЕ. — Воронеж. — С. 108–141.

Березуцкий В.Д., Маслихова Л.И., 2006. Курган эпохи бронзы у с. Старая Калитва // АПВЕ. — Воронеж. — Вып. 12. — С. 99–103.

Беседин В.И., 1981. Городище у с. Сенное // Эпоха бронзы волго-уральской лесостепи. — Воронеж. — С. 142–148.

Беседин В.И., 1984. Воронежская культура эпохи бронзы // Эпоха бронзы восточноевропейской лесостепи. — Воронеж. — С. 60–77.

Беседин В.И., 1986. Погребения воронежской культуры эпохи бронзы // Археологические памятники эпохи бронзы восточноевропейской лесостепи. — Воронеж. — С. 71–78.

Беседин В.И., 1988. Воронежская археологическая культура эпохи средней бронзы: Дисс. канд. ист. наук // Архив ИА НАНУ. — № 677. — Рукопись.

Беседин В.И., 1991. Воргольское поселение воронежской культуры // Елец и его окрестности. — Елец. — С. 89–90.

Беседин В.И., 1997. Воронежская культура эпохи бронзы: выделение и проблема исследования // АВЛ. — Воронеж. — Вып. 10: Пятьдесят полевых сезонов археологов Воронежского университета. — С. 63–69.

Беседин В.И., Матвеев Ю.П., 2003. Стратифицированное погребение репинской культуры Подгоренского могильника // АВЛ. — Воронеж. — Вып. 17: Доно-Донецкий регион в эпоху бронзы. — Воронеж. — С. 134–141.

Беспалый Е.И., 2000. Позднесарматское погребение из могильника Высочино V на водоразделе между Кагальником и Доном // Сарматы и их соседи на Дону: Материалы и исследования по археологии Дона. — Ростов-н/Д. — Вып. 1. — С. 156–168.

Беспалый Е.И., Беспалый Г.Е., 2002. Курганный могильник Мухин // Аксайские древности. — Ростов-н/Д. — С. 19–110.

Бессонова С.С., Черных Л.А., Куприй С.А., 1984. Курганы у с. Филатовка // Курганы степного Крыма. — Киев. — С. 41–68.

Богданов С.В., 1990. Парные погребения древнеямной культуры с расчлененными костяками // Археология волго-уральских степей. — Челябинск. — С. 48–60.

Богданов С.В., 1998. Большой Дедуровский Мар // АПО. — Оренбург. — С. 17–37.

Богданов С.В., 1999. Курганы начала бронзового века в окрестностях с. Курманаевка // АПО. — Вып. III. — С. 12–19.

Богданов С.В., 2000. Древнеямный некрополь в окрестностях с. Грачевка // АПО. — Оренбург. — Вып. IV. — С. 11–26.

Богданов С.В., 2004. Эпоха меди степного Приуралья. — Екатеринбург. — 287 с.

Богданов С.В., 2005. Линевский одиночный курган в урочище Лучки // Вопросы археологии Западного Казахстана. — Актобе. — С. 27–35.

Богданов С.В., 2006. Вопросы культурной детерминации древнеямных памятников волго-уральского степного субрегиона // III Городцовские чтения. Проблемы изучения ямной культурно-исторической общности. — Оренбург. — С. 9–15.

Богданов С.В., 2006а. Культурно-хронологические комплексы IV Ефимовского курганного могильника // ВАП. — Самара. — С. 209–224.

Богданов С.В., 2006б. Генезис позднеямных памятников степного Приуралья // Современные проблемы археологии России: Материалы Всероссийского археологического съезда (23–28 октября 2006 г., Новосибирск). — Новосибирск. — Т. I. — С. 350–352.

Богданов С.В., Кравцов Ю.А., Моргунова Н.Л., 1992. Курганы древнеямной культуры в левобережье р. Урал // Древняя история населения волго-уральских степей. — Оренбург. — С. 80–91.

Бойков А.А., 1989. Курган эпохи бронзы на юге Воронежской области // Проблемы археологического изучения доно-волжской лесостепи. — Воронеж. — С. 114–119.

Большов С.В., 2003. Средневолжская абашевская культура (по материалам могильников) // ТМАЭ. — Йошкар-Ола. — Т. VIII. — 184 с.

Большов С.В., 2006. Лесная полоса Среднего Поволжья в эпоху средней бронзы (проблемы культурогенеза первой половины II тыс. до н. э.). — Йошкар-Ола. — 232 с.

Борисов А.В., Журавлев А.Н., Шинкарь О.В., Кривошеев М.В., Сергацков И.В., 2007. Особенности архитектуры кургана 3 могильника Аксай III в бассейне Есауловского Аксая // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. II Международная Нижневолжская археологическая конференция. — Волгоград. — С. 111–116.

Бочкарев В.С., 1978. Отчет Прикубанской экспедиции о раскопках курганной группы Брюховецкая I в Краснодарском крае в 1978 году // Архив ИА РАН. — Р-1. № 7417.

Бочкарев В.С., 1980. Отчет о работе Новокорсунского и 2-го Батуринского отряда Кубанской экспедиции за 1980 г. в Тимашевском и Брюховецком районах Краснодарского края // Архив ИА РАН. — Р-1. № 8243.

Бочкарев В.С., Бестужев Г.Н., Бианки А.М., Трифонов В.А., 1991. Раскопки курганов у станицы Брюховецкой Краснодарского края в 1978 г. // Древние культуры Прикубанья. — Л. — С. 3–58.

Бочкарев В.С., Трифонов В.А., Бестужев Г.Н., 1982. Отчет Кубанской экспедиции 1982 г. о раскопках курганов в Тимашевском и Кореновском районах Краснодарского края // Архив ИА РАН. — Р-1. № 9605.

Братченко С.Н., 1976. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. — Киев. — 252 с.

Братченко С.Н., 1995. Соотношение каменной и бронзовой индустрий в энеолите и бронзовом веке // Донские древности. — Азов. — С. 79–92.

Братченко С.Н., 1996. До проблеми ранньобронзової індустрії Східної Європи // Древние культуры Восточной Украины. — Луганск. — С. 32–57.

Братченко С.Н., 2001. Донецька катакомбна культура раннього этапу. — Луганськ. — 196 с.

Братченко С.Н., 2004. Прадавня Слобожанщина: Сватівські могили — кургани III тис. до н. е. та майдани // МДАСУ. — № 2. — С. 65–190.

Братченко С.Н., 2006. Левенцовская крепость. Памятник культуры бронзового века // МДАСУ. — Луганськ. — № 6. — С. 32–310.

Братченко С.Н., 2008. Олександрівські могили-кургани в долині Лугані // МДАСУ. — Луганськ. — № 8 — С. 134–217.

Братченко С.Н., Санжаров С.М., 2001. Рідкісні бронзові знаряддя з катакомб Сіверськодонеччини та Донщини III тис. до н. е. — Луганськ. — 108 с.

Бушмакин А.Ф., 2002. Металлические предметы из кургана 25 Большекараганского могильника // Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника). — Челябинск. — Кн. 1. — С. 132–144.

Бытковский О.Ф., Ткачев В.В., 1996. Погребальные комплексы среднего бронзового века из восточного Оренбуржья // АПО. — Оренбург. — С. 69–84.

Васильев И.Б., 1975. «Загадочная» керамика // Краеведческие записки. Самарская Лука в древности. — Куйбышев. — Вып. III. — С. 76–83.

Васильев И.Б., 1979. Среднее Поволжье в эпоху ранней и средней бронзы (ямные и полтавкинские племена) // Древняя история Поволжья. — Куйбышев. — Т. 30. — С. 24–56.

Васильев И.Б., 1980. Могильник ямно-полтавкинского времени у с. Утевка в Среднем Поволжье // АВЛ. — Саратов. — С. 32–58.

Васильев И.Б., 1981. Энеолит Поволжья: степь и лесостепь. — Куйбышев. — 129 с.

Васильев И.Б., 1999. Поселение Лбище на Самарской Луке и некоторые проблемы бронзового века Среднего Поволжья // Вопросы археологии Урала и Поволжья: К 30-летию Средневолжской археологической экспедиции. — Самара. — С. 66–114.

Васильев И.Б., 1999а. Большие ямно-полтавкинские курганы в Волго-Уралье и проблемы социальной структуры общества // Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тыс. до н. э.: Региональные особенности в свете универсальных моделей. — Челябинск-Аркаим. — С. 135–138.

Васильев И.Б., 2001. Хвалынская энеолитическая культура и сложение классической курганной «городцовской» культуры в волго-уральской степи и лесостепи // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века Южной половины Европы», 23–28 апреля 2001 г. — Самара. — С. 123–125.

Васильев И.Б., 2003. Вольск-Лбище — новая культурная группа эпохи средней бронзы

в Волго-Уралье // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие: Материалы международной научной конференции. — Чебоксары. — С. 107–115.

Васильев И.Б., 2003а. Хвалынская энеолитическая культура волго-уральской степи и лесостепи // ВАП. — Самара. — Вып. 3. — С. 61–99.

Васильев И.Б., 2003б. Культурно-хронологическое соотношение мариупольских и хвалынских памятников в Поволжье // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном историческом музее: Тез. конф. — М. — Ч. I. — С. 55–58.

Васильев И.Б., 2004. Некоторые итоги исследования хвалынской энеолитической культуры // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. I Международная Нижневолжская археологическая конференция: Тез. докл. — Волгоград. — С. 47–55.

Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., 1989. Исследования курганов на реке Чагре в Заволжье // Проблемы археологического изучения доно-волжской лесостепи. — Воронеж. — С. 69–86.

Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., 2000. Памятники вольско-лбищенского типа // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. — Самара. — С. 65–84.

Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П, 1994. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. — Самара. — 208 с.

Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Турецкий М.А., 2000. Ямная и полтавкинская культура // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. — Самара. — С. 6–65.

Васильев И.Б., Матвеева Г.И., Тихонов Б.Г., 1987. Поселение Лбище на Самарской Луке // Археологические исследования в Среднем Заволжье: Межвузовский сборник статей. — Куйбышев. — С. 40–54.

Васильев И.Б., Синюк А.Т. 1985. Энеолит восточно-европейской лесостепи. — Куйбышев. — 118 с.

Васильев И.Б., Фадеев В.Г., 2004. Сосуд из грунтового могильника ямной культуры на юге Самарской области (к проблеме сложения ямной курганной культуры) // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. I Международная Нижневолжская археологическая конференция: Тез. докл. — Волгоград. — С. 43–46.

Васильева И.Н., 2005. Сравнительный анализ технологий керамики Съезженского и I–II Хвалынских могильников // РА. — № 3. — С. 76–84.

Васильева И.Н., Козин Е.В., Кулакова Л.С., Салугина Н.П., 2003. III Кашпирский одиночный курган // ВАП. — Самара. — Вып. 3. — С. 160–188.

Власкин М.В., 2005. Археологические исследования могильника Новопалестинский I // АЗ. — Ростов-на/Д. — Вып. 4. — С. 153–164.

Волкобой С.С., 1980. Срубные погребения с кубками в Днепровском Левобережье // Курганы степного Поднепровья. — Днепропетровск. — С. 69–75.

Гаджиев М.Г., 1969. Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы (могильник Гинчи). — Махачкала. — 178 С.

Гаджиев М.Г., Кореневский С.Н., 1984. Металл Великентской катакомбы // Древние промыслы, ремесло и торговля в Дагестане. — Махачкала. — С. 7–27.

Гадзяцкая О.С., 1976. Памятники фатьяновской культуры. Ивановско-горьковская группа // САИ — М. Вып. В1–21. — 136 с.

Гак Е.И., 2002. Металлические ножи катакомбной культуры Северо-западного Прикаспия // Могильник Островной. Итоги комплексного исследования памятников археологии Северо-западного Прикаспия. — М.; Элиста. — С. 280–299.

Гак Е.И., 2002а. Металлические ножи восточных регионов катакомбной культурно-исторической области: (к вопросу о локальных особенностях производства) // Степи Евразии в древности и средневековье: Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова. — СПб. — Кн. 1. — С. 121–125.

Гак Е.И., Калмыков А.А., Мимоход Р.А., 2008. Сурьмяные украшения в погребениях лолинской культуры юго-запада степного Ставрополья // Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Отражение цивлизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. — Владикавказ. — С. 119–123.

Гак Е.И., Мимоход Р.А., 2007. Металлокомплекс памятников посткатакомбного горизонта Предкавказья // Археология, этнография и фольклористика Кавказа. Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе. — Махачкала. — С. 89–96.

Галанина Л.К., 1982. Отчет о работе Келермесской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 1982 году // Архив ИА РАН. — Р-1. № 9103.

Галибин В.А., 1991. Изделия из цветного и благородного металла памятников эпохи ранней и средней бронзы Северного Кавказа // Древние культуры Прикубанья. — Л. — С. 59–69.

Гей А.Н., 1991. Новотиторовская культура (предварительная характеристика) // СА. — № 1. — С. 54–71.

Гей А.Н., 1991а. Височные кольца новотиторовской и раннекатакомбной культур степного Правобережья Кубани // Древности Кубани. — Краснодар. — С. 32–33.

Гей А.Н., 1999. О некоторых проблемах изучения бронзового века на юге европейской России // РА. — № 1. — С. 34–50.

Гей А.Н., 2000. Новотиторовская культура. — М. — 224 с.

Гей А.Н., 2002. Булавки-рогатки и антропоморфные шпатели «en forme de Tour Eiffel»: К вопросу о трансъевропейских связях // Проблемы археологии Евразии. К 80-летию Н.Я. Мерперта. — М. — С. 127–139.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В., 1992. Синташта. Археологические памятники арийских племен урало-казахстанских степей. — Челябинск. — Ч. 1. — 408 с.

Геннадиев А.Н., Державин В.Л., Иванов В.К., Смирнов Ю.А., 1989. О редкой форме погребального обряда в предкавказской культуре // СА. — № 2. — С. 126–141.

Гершкович Я.П., 1998. Этнокультурные связи в эпоху поздней бронзы в свете хронологического соотношения памятников (Нижнее Поднепровье — Северо-восточное Приазовье) // АА. — Донецк. — № 7. — С. 61–92.

Горбов В.Н., 1996. Финал бронзового века Северо-восточного Приазовья и некоторые проблемы региональных различий // Северо-восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит-бронзовый век): Материалы международной конференции. — Донецк. — Ч. 2. — С. 13–21.

Горбов В.Н., 2000. Парадоксы поселения у хутора Ляпичев // Проблемы археологии и архитектуры. Археология. — Донецк; Макеевка. — Т. 1. — С. 145–170.

Гошко Т.Ю., Отрощенко В.В., 1986. Погребения киммерийцев в катакомбных и подбойных могилах // СА. — № 1. — С. 168–183.

Григорьев С.А., 1996. Мышьяковистые бронзы в металлургии I фазы Евразийской металлургической провинции и этнические процессы 1-й половины II тыс. до н. э. в Восточной Европе // Доно-донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи. — Воронеж. — С. 33–35.

Григорьев С.А., 1999. Древние индоевропейцы. Опыт исторической реконструкции. — Челябинск. — 444 с.

Григорьев С.А., 2001. Проблема использования мышьяковистых бронз синташтинско-абашевскими металлургами // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века Южной половины Европы», 23–28 апреля 2001 г. — Самара. — С. 246–248.

Григорьев С.А., 2007. Проблема рудной базы, использования флюсов и организации производства в древней металлургии Южного Урала // АВЕС. — Саратов. — Вып. 5. — С. 176–198.

Гугуев В.К, Гугуев Ю.К., 1989. Керамический импорт из Центрального Предкавказья в грунтовом некрополе Кобякова городища (по материалам раскопок 1984–1985 гг.) // Известия Ростовского областного музея краеведения. — Ростов-н/Д. — С. 67–74.

Гугуев Ю.К. 1994. Центральнокавказская керамика в Танаисе во II — первой половине III в. н. э. (к постановке проблемы) // Вестник Танаиса. — Ростов-н/Д. — Вып. 1. — С. 114–139.

Гуренко Л.В., Кияшко А.В., Шендаков Г.Н., 2001. К вопросу о культурной принадлежности Терновского городища // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века Южной половины Европы», 23–28 апреля 2001 г. — Самара. — С. 400–404.

Даль В.И., 1980. Толковый словарь живого великорусского языка. P-V. — М. — Т. IV. — 683 с.

Дворниченко В.В., 1982. Погребения предскифского времени на Нижней Волге // КСИА. — № 170. — С. 59–64.

Дворниченко В.В., Лопан О.В., Мимоход Р.А., 2006. Курганный могильник Песковка 1 // Материалы по археологии волго-донских степей. — Волгоград. — С. 6–20.

Дебец Г.Ф. 1964. Опыт определения веса живых людей по размерам длинных костей // VII международный конгресс антропологических и этнографических наук. — М.

Дегтярева А.Д., 2003. Металлические изделия ямной культуры Южного Приуралья // Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Краева Л.А., Мещеряков Д.В., Турецкий М.А., Халяпин М.В., Хохлова О.С. Шумаевские курганы — Оренбург. — С. 359–377.

Дегтярева А.Д., 2006. Технология металлопроизводства ямной культуры // III Городцовские чтения. Проблемы изучения ямной культурно-исторической общности. — Оренбург. — С. 34–37.

Дегтярева А.Д., 2008. Основные черты синташтинского металлопроизводства // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. — М. — С. 299–301.

Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В., 2003. Результаты аналитического исследования металла могильника Кривое Озеро // Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. — Челябинск. — С. 285–309.

Демиденко С.В., Ситников А.В. 2001. Археологические исследования в бассейне реки Арчеда // НАВ. — Волгоград. — Вып. 4. — С. 213–230.

Демиденко Ю.В., 1994. Сарматские погребения из могильника у хутора Глинище // Древности волго-донских степей. — Волгоград. — Вып. 4. — С. 136–142.

Дергачев В.А., 1986. Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы (анализ и характеристика культурных групп). — Кишинев. — 223 с.

Державин В.Л., 1989. Погребения эпохи бронзы из курганов у хут. Веселая Роща (по материалам Ставропольской экспедиции 1980 г.) // Древности Ставрополья. — М. — С. 125–194.

Державин В.Л., 1991. Степное Ставрополье в эпоху ранней и средней бронзы. — М. — 186 с.

Дремов И.И., 1996. Грунтовые могильники эпохи средней бронзы Белогорское I, II // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. — Саратов. — С. 98–106.

Дремов И.И., 2001. Эпохи и века: противоречивые аспекты историографии степной бронзы // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века Южной половины Европы», 23–28 апреля 2001 г. — Самара. — С. 54–58.

Дремов И.И., Юдин А.И., 1992. Древнейшие подкурганные захоронения степного Заволжья // РА. — № 4. — С. 18–31.

Дубовская О.Р., 1986. О погребениях группы Новочеркасского клада // Проблемы охраны и использования памятников археологии в Донбассе. — Донецк. — С. 37–39.

Дубовская О.Р., 1996. Этапы черногоровской культуры (в плане относительной хронологии) // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н. э.: Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Александра Александровича Иессена. — СПб. — С. 115–118.

Дубовская О.Р., 1997. Об этнокультурной атрибуции «новочеркасских» погребений Северного Причерноморья // АА. — Донецк. — № 6. — С. 181–218.

Дьяченко А.Н., 1992. Раннекатакомбные памятники правобережья Медведицы // Древности волго-донских степей. — Волгоград. — Вып. 2. — С. 79–90.

Дьяченко А.Н., 1997. Памятники катакомбной культуры на Медведице // Историко-археологические исследования в Нижнем Поволжье: Сборник научных статей. — Волгоград. — Вып. 2 — С. 4–59.

Евразия... 2005. Евразия в скифскую эпоху. Радиоуглеродная и археологическая хронология. — СПб. — 290 с.

Егоров В.Г., 1970. Классификация курильниц катакомбной культуры // Статистико-комбинаторные методы в археологии. — М. — С. 156–163.

Епимахов А.В., 2004. Периодизация памятников эпохи бронзы Урала в свете радиокарбонных датировок // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. I Международная Нижневолжская археологическая конференция. — Волгоград. — С. 90–95.

Епимахов А.В., 2008. Финал бронзового века в Южном Зауралье // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. — М. — С. 398–400.

Епимахов А.В., Хэнкс Б., Ренфрю К., 2005. Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья // РА. — № 4. — С. 92–102.

Ефименко П.П., Третьяков П.Н., 1961. Абашевская культура в Поволжье // МИА. — № 97. — С. 57–110.

Жемков А.И., Лопатин В.А., 2007. Курганы Малого Карамана (по материалам раскопок 1983 года) // АВЕС. — Саратов. — Вып. 5. — С. 93–118.

Жупанов О.Ф., 1990. Научный отчет о проведении археологических исследований пяти

курганов в зоне строительства Краснодарской ГРЭС на южной окраине поселка Мыстовского Мыстовского района Краснодарского края в 1990 г. // Архив ИА РАН. — Р-1. № 7281.

Захарова Е.Ю., 2000. Сосуды со знаками срубной общности эпохи поздней бронзы. — Воронеж. — 163 с.

Зданович Г.Б., Иванов И.В., Хабдулина М.К., 1984. Опыт использования в археологии палеопочвенных методов исследования (курганы Кара-Оба и Обалы в Северном Казахстане) // СА. — № 4. — С. 35–48.

Зданович С.Я., Коробкова Г.Ф., 1988. Новые данные о хозяйственной деятельности населения эпохи бронзы (по данным трасологического изучения орудий труда с пос. Петровка II) // Проблемы археологии урало-казахстанских степей. — Челябинск. — С. 60–79.

Зеленцова О.В., Загайнова Л.П., Мимоход Р.А., 2007. Раскопки и разведки Волжского отряда ИА РАН в Красноармейском районе Саратовской области // АО 2005 года. — М. — С. 373–374.

Иванова С.В., 2007. «Серебряный век» Северо-западного Причерноморья // МДАСУ. — Луганськ. — № 7. — С. 85–91.

Иванова С.В., Петренко В.Г., Ветчинникова Н.Е., 2005. Курганы древних скотоводов междуречья Буга и Днестра. — Одесса. — 207 с.

Ивашов М.В., 1999. Раннекатакомбные материалы на территории Верхнего Дона // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий. — Липецк. — С. 62–64.

Ивашов М.В., 2003. Поселение воронежской культуры на городище в урочище «Курган» на Верхнем Дону // Проблемы древней и средневековой истории окского бассейна. — Рязань — С. 88–97.

Ивашов М.В., 2003а. Поселения раннекатакомбного времени на Верхнем Дону // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном Историческом музее. — М. — Ч. I. — С. 94–98.

Ивашов М.В., 2005. Ранний этап катакомбных древностей на Верхнем Дону // II Городцовские чтения. Труды ГИМ. — М. — Вып. 145. — С. 108–116.

Ивашов М.В., 2007. Исследование Никольского грунтового могильника эпохи бронзы (предварительная публикация) // Верхнедонской археологический сборник. — Липецк; СПб. — Вып. 3. — С. 127–141.

Иерусалимская А.А., 1958. О предкавказском варианте катакомбной культуры // СА. — № 2. — С. 34–48.

Ильюков Л.С., 1983. Отчет об исследовании курганного могильника у х. Новый Мартыновского района Ростовской области в 1983 году // Архив ИА РАН. — Р-1. № 10710, 10710а, 10710б.

Кайзер Э., 2003. Курильницы и чаши на подставках // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном историческом музее. — М. — Ч. I. — С. 98–101.

Кайзер Э., 2005. Курильницы катакомбной культуры и чаши на подставках Северного Причерноморья (к вопросу о новой типологии) // Материалы и исследования по археологии Кубани. — Краснодар. — Вып. 5. — С. 121–138.

Калмыков А.А., 2005. Роговые фигурные пряжки Егорлык-Калаусского междуречья // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. — Луганськ. — С. 78–82.

Калмыков А.А., Кореневский С.Н., 2001. Новое погребение с бронзовым топором эпохи сред-

ней бронзы из степного Предкавказья // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа — М. — Вып. II. — С. 52–63.

Калмыков А.А., Мимоход Р.А., 2005. Роговые и костяные поясные пряжки и подвески лолинской культуры // МДАСУ. — Луганськ. — № 4. — С. 201–234.

Каминский В.Н., 1985. Отчет о раскопках курганов в ст. Михайловская Курганинского района Краснодарского края в 1985 году // Архив ИА РАН. — Р-1. № 10116.

Каминский В.Н., 1991. Отчет о работах Восточно-Закубанской археологической экспедиции в бассейне р. Лабы в 1991 г. // Архив ИА РАН. — Р-1. № 16119.

Каргалы, 2002. Каргалы, т. II: Горный — поселение эпохи поздней бронзы: Топография, литология, стратиграфия: Производственно-бытовые и сакральные сооружения: Относительная и абсолютная хронология. — М. — 184 с.

Качалова Н.К., 1970. Ильменские курганы // АСГЭ. — Вып. 12. — С. 7–34.

Качалова Н.К., 2001. Относительная хронология полтавкинских памятников // АСГЭ. — СПб. — Вып. 35. — С. 32–58.

Качалова Н.К., 2002. О соотношении ямной и полтавкинской культур // Проблемы археологии Евразии: К 80-летию Н.Я. Мерперта. — М. — С. 117–126.

Килейников В.В., 1984. Каменные горнометаллургические и металлообрабатывающие орудия Мосоловского поселения // Эпоха бронзы восточноевропейской лесостепи. — Воронеж. — С. 108–123.

Килейников В.В., 2005. Функциональный анализ орудий труда и изделий из погребений эпохи бронзы курганного могильника Высокая Гора // Березуцкий В.Д., Кравец В.В., Новиков Н.Л. Древности Богучарского края. — Воронеж. — С. 60–65.

Кияшко А.В., 1996. К вопросу о культурной преемственности в эпоху средней бронзы на территории волго-донского междуречья // Древности волго-донских степей в системе восточноевропейского бронзового века: Материалы международной научной конференции. — Волгоград. — С. 20–23.

Кияшко А.В., 1999. Происхождение катакомбной культуры Нижнего Подонья. — Волгоград. — 182 с.

Кияшко А.В., 2001. О восточных пределах распространения раннекатакомбного обряда на территории волго-донского междуречья // Материалы по археологии волго-донских степей. — Волгоград. — Вып. 1. — С. 93–109.

Кияшко А.В., 2001а. Морфология и орнаментика керамики средней бронзы волго-донских степей // НАВ. — Волгоград. — Вып. 4. — С. 25–42.

Кияшко А.В., 2001б. Некоторые вопросы применения типологического метода в археологии // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века Южной половины Европы», 23–28 апреля 2001 г. — Самара. — С. 129–135.

Кияшко А.В., 2002. Культурогенез на востоке катакомбного мира. — Волгоград. — 268 с.

Кияшко А.В., 2003. Погребения пришлых культур развитой и финальной средней бронзы в курганах Волго-Донского междуречья // НАВ. — Волгоград. — Вып. 6. — С. 26–36.

Кияшко А.В., 2003а. К вопросу о катакомбно-абашевском взаимодействии // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие: Материалы международной научной конференции. — Чебоксары. — С. 103–106.

Кияшко А.В., 2007. О культурно-хронологической позиции полтавкинских памятников (в системе древностей степного Предкавказья) // Доклад 17 апреля в ИА РАН на заседа-

нии круглого стола «Катакомбная культурно-историческая общность/область: структура, номенклатура, динамика развития». — М.

Кияшко А.В., 2007а. Полтавкинская керамическая традиция: соотношение специфических и региональных признаков // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. II Международная Нижневолжская археологическая конференция. — Волгоград. — С. 23–25.

Кияшко А.В., Хабарова Н.В., 2007. Энеолит и культуры бронзового века волго-донских степей: По материалам археологических фондов Волгоградского областного краеведческого музея: Каталог. — Волгоград. — 120 с.

Кияшко В.Я., 1976. К вопросу о костяных рогатках в степных погребениях эпохи бронзы // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья (неолит и бронзовый век). — Куйбышев. — С. 33–35.

Кияшко В.Я., 1989. Рогатые амулеты раннего бронзового века // Известия Ростовского областного музея краеведения. — Ростов-н/Д. — Вып. 6. — С. 76–88.

Кияшко В.Я., Яценко В.В., 2001. Погребение с набором инструментов эпохи средней бронзы // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1999–2000 гг. — Азов. — С. 274–286.

Клепиков В.М., Кривошеев М.В., 2004. Комплексы позднесарматского времени могильника Перегрузное I // Материалы по археологии волго-донских степей. — Волгоград. — Вып. 2 — С. 169–185.

Клещенко А.А., рукопись диссертации. Северокавказская культура Северо-западного Кавказа в системе культур среднебронзового века. — Рук. дисс. канд. ист. наук.

Клещенко А.А., Панасюк Н.В., 2006. Катакомбные памятники предгорной зоны Северного Кавказа // Первая абхазская международная археологическая конференция. Древние культуры Кавказского Причерноморья: Материалы конференции. — Сухум. — С. 189–192.

Ковалева И.Ф., 1994. Курганное строительство в энеолите — раннем бронзовом веке // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н. э. — V в. н. э. — Тирасполь. — С. 84–85.

Коваленко М.А., 2001. Некоторые особенности катакомбной культуры Восточного Приазовья (на примере могильника «Кавказский 2») // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века Южной половины Европы», 23–28 апреля 2001 г. — Самара. — С. 388–393.

Ковалюх Н.Н., Мимоход Р.А., 2007. Новые радиоуглеродные даты посткатакомбных погребений Нижнего Поволжья и степного Предкавказья // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. II Международная Нижневолжская археологическая конференция. — Волгоград. — С. 35–39.

Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В., 2007. Радиоуглеродное датирование археологической керамики жидкостным сцинтилляционным методом // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях: Материалы конференции, посвященной 50-летию радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН, 9–12 апреля 2007 г., Санкт-Петербург. — СПб. — С. 120–126.

Козмирчук И.А., 1999. Материалы раннего этапа среднедонской катакомбной культуры на Верхнем Дону (по результатам исследования поселения Замятино 10) // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий. — Липецк. — С. 53–58.

Колев Ю.И., 2000. Заключительный этап эпохи бронзы в Поволжье // История Самар-

ского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. — Самара. — С. 242–301.

Колев Ю.И., Седова М.С., 2004. Погребальный комплекс заключительного этапа эпохи бронзы с территории поселения Шигоны III // Вопросы археологии Урала и Поволжья. — Самара. — Вып. 2. — С. 211–222.

Колотухин В.А., Тощев Г.Н., 2000. Курганные древности Крыма. III (по материалам раскопок Северо-Крымской экспедиции в 1983–1986 гг. Сакский район Крымской области). — Запорожье. — 245 С.

Колтухов С.Г., Кислый А.Е., Тощев Г.Н., 1994. Курганные древности Крыма (по материалам раскопок Северо-Крымской экспедиции в 1991–1992 гг.). — Запорожье. — 121 с.

Кореневский С.Н., 1977. О древнем металле бассейна р. Самары // Средневолжская археологическая экспедиция. — Куйбышев. — С. 44–65.

Кореневский С.Н., 1978. О металлических ножах ямной, полтавкинской и катакомбной культур // СА. — № 2. — С. 33–48.

Кореневский С.Н., 1980. О металлических вещах I Утевского могильника // АВЛ. — Саратов. — С. 59–66.

Кореневский С.Н., 1984. Новые данные по металлообработке докобанского периода в Кабардино-Балкарии // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Памятники эпохи бронзы (III –II тыс. до н. э.) — Нальчик. — Т. 1. — С. 254–299.

Кореневский С.Н., 1990. Памятники населения бронзового века Центрального Предкавказья (Неженские курганы эпохи бронзы района Кавказских Минеральных Вод). — М. — 174 с.

Кореневский С.Н., 2004. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. Майкопско-новосвободненская общность. Проблемы внутренней типологии. — М. — 243 с.

Кореневский С.Н., 2005. Феномен больших майкопских курганов — социально-трудовой и культовый аспекты строительства // Теоретические и методические подходы к изучению погребального обряда в современной археологии. — М. — С. 22–24.

Кореневский С.Н., Белинский А.Б., Калмыков А.А., 2005. Радиокарбонная хронология историко-культурных процессов в Кумо-Манычской впадине по данным погребений Большого Ипатовского кургана: (предварительное сообщение) // Четвертая Кубанская археологическая конференция: Тез. докл. — Краснодар. — С. 140–144.

Кореневский С.Н., Белинский А.Б., Калмыков А.А., 2007. Большой Ипатовский курган на Ставрополье как археологический источник по эпохе бронзового века на степной границе Восточной Европы и Кавказа. — М. — 230 с.

Кореневский С.Н., Наглер О.А., Ростунов В.Л., 2008. «Комаровский комплекс» кургана 1 эпохи ранней бронзы // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Крупновские чтения 1971–2006. — Вып. VIII. — М. — С. 626–628.

Кореняко В.А., 1982. Погребения предскифского времени на Восточном Маныче // КСИА. — № 170. — С. 64–70.

Кореняко В.А., 1985. Погребения эпохи перехода от бронзы к железу в степях Юго-восточной Европы (состояние источников и проблема отбора фактов) // СА. — № 4. — С. 54–62.

Кормилицын Д.В., 1996. Парные погребения ямной и полтавкинской культур волго-уральского региона // Историко-археологические изыскания: Сборник трудов молодых ученых. — Самара. — Вып. 3. — С. 13–19.

Коробкова Г.Ф., Виноградов Н.Б., 2004. Каменные и костяные орудия из поселения Кулевчи III // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Серия 1. Исторические науки. Вып. 2. — Челябинск. — С. 57–87.

Коробкова Г.Ф., Шапошникова О.Г., 2005. Поселение Михайловка — эталонный памятник древнеямной культуры (экология, жилища, орудия труда, системы жизнеобеспечения, производственная структура). — СПб. — 316 с.

Коробкова Г.Ф., Шаровская Т.А., 1983. Функциональный анализ каменных и костяных изделий из курганов эпохи ранней бронзы и станиц Новосвободной и Батуринской // Древние культуры евразийских степей: По материалам археологических работ на новостройках. — Л. — С. 88–94.

Костюков В.П., Епимахов А.В., 2005. Хронология и культурная интерпретация памятников финальной бронзы Южного Зауралья // Вопросы археологии Западного Казахстана. — Актобе. — С. 70–77.

Косяненко В.М. 1987. Бронзовые фибулы из некрополя Кобякова городища // СА. — № 2. — С. 45–62.

Косяненко В.М. 2008. Некрополь Кобякова городища. — Азов. — 544 с.

Кравец Д.П., Татаринов С.И., 1997. Новые катакомбные памятники Бахмутского края // ДАС. — Донецк. — Вып. 7. — С. 77–115.

Кравцов А.Ю., 1992. Древнеямные погребения в ямах с заплечиками в Приуралье // Древняя история населения волго-уральских степей. — Оренбург. — С. 28–42.

Кравцов А.Ю., Моргунова Н.Л., 1991. Погребения древнеямной культуры на р. Иртек в юго-западном Оренбуржье // Древности восточноевропейской лесостепи. — Самара. — С. 120–137.

Крайнов Д.А., 1972. Древнейшая история Волго-Окского междуречья. Фатьяновская культура. II тысячелетие до н. э. — М. — 276 с.

Кузнецов П.Ф., 1983. Соотношение тип — металл — памятник в абашевской культурно-исторической общности // Культуры бронзового века Восточной Европы. — Куйбышев. — С. 109–118.

Кузнецов П.Ф., 1989. Полтавкинская культурно-историческая общность. — Свердловск, Куйбышев. — 73 с.

Кузнецов П.Ф., 1992. Хронология памятников среднего бронзового века Волго-Уральского междуречья // Новые открытия и методологические основы археологической хронологии. — СПб. — С. 73–74.

Кузнецов П.Ф., 1996. Новые радиоуглеродные данные для хронологии культур энеолита-бронзового века юга лесостепного Поволжья // Археология и радиоуглерод. — СПб. — Вып. 1 — С. 56–59.

Кузнецов П.Ф., 1996а. Кавказский очаг и культуры бронзового века Волго-Уралья // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н. э. — СПб. — С. 64–66.

Кузнецов П.Ф., 2000. О хронологической позиции погребений с заплечиками Южного Урала // АПО. — Оренбург. — Вып. IV. — С. 98–99.

Кузнецов П.Ф., 2003. К истокам происхождения полтавкинской культуры // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном историческом музее. — М. — Ч. I. — С. 107–112.

Кузнецов П.Ф., 2004. Проблемы отражения параметров времени в культурах бронзовой поры степной зоны Восточной Европы // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. I Международная Нижневолжская археологическая конференция. — Волгоград. — С. 25–30.

Кузнецов П.Ф., 2007. Вольско-лбищенская культура // XVII УАС. — Екатеринбург; Сургут. — С. 151–155.

Кузнецов П.Ф., 2007а. Время новых культурных традиций в бронзовом веке Волго-Уралья

// Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. Материалы конференции, посвященной 50-летию радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН, 9–12 апреля 2007 г., Санкт-Петербург. — СПб. — С. 216–222.

Кузнецов П.Ф., 2008. Ямная культура Волго-Уралья: периодизация, хронология, межрегиональный аспект // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. — М. — С. 317–319.

Кузнецов П.Ф., Кузьминых С.В., 2006. Топор из большого Утевского кургана: историографический этюд // ВАП. — Самара. — Вып. 4. — С. 225–235.

Кузнецов П.Ф., Мочалов О.Д., 2001. Особый тип керамики как отражение миграций в среднем бронзовом века // XV УАС. — Оренбург. — С. 85–87.

Кузнецов П.Ф., Плаксин А.В., 2004. Древности Нефтегорского района. — Самара. — 176 с.

Кузнецов П.Ф., Семенова А.П., 2000. Памятники потаповского типа // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. — Самара. — С. 122–151.

Кузьмина Е.Е., 1987. О западных связях андроновских племен // Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины. — Киев. — С. 48–69.

Кузьмина Е.Е., 2008. Арии — путь на юг. — М. — 558 с.

Кузьмина О.В., 1992. Абашевская культура в Волго-Уралье. — Самара. — 128 с.

Кузьмина О.В., 1995. Соотношение абашевской и покровской культур // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита — бронзы Средней и Восточный Европы. — СПб. — Ч. 2. — С. 27–51.

Кузьмина О.В., 2000. Металлические изделия и вопросы относительной хронологии абашевской культуры // Древние общества юга Восточной Европы в эпоху палеометалла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации). — СПб. — С. 65–134.

Кузьмина О.В., 2000а. Абашевская культура в Самарском Поволжье // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. — Самара. — С. 85–121.

Кузьмина О.В., 2001. Абашевская культура в системе культур бронзового века Восточной Европы // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века Южной половины Европы», 23–28 апреля 2001 г. — Самара. — С. 153–160.

Кузьмина О.В., 2002. К вопросу о происхождении височных подвесок в 1,5 оборота абашевской культуры // Степи Евразии в древности и средневековье: Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова — СПб. — Кн. 1. — С. 178–181.

Кузьмина О.В., 2002а. Украшения абашевской культуры // Проблемы археологии Евразии: К 80-летию Н.Я. Мерперта. — М. — С. 157–174.

Кузьмина О.В., Михайлова О.В., Фадеев В.Г., 2003. Новые раскопки Уваровского курганного могильника // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие: Материалы международной научной конференции. — Чебоксары. — С. 230–238.

Кузьмина О.В., Михайлова О.В., Фадеев В.Г., 2003а. Уваровский курганный могильник (результаты раскопок 2002 года) // ВАП. — Самара. — Вып. 3. — С. 198–216.

Кузьминых С.В., 1983. Приуральские медистые песчаники и их использование в древности // Использование методов естественных и точных наук при изучении древней истории Западной Сибири. — Барнаул. — С. 26–28.

Кузьминых С.В., Агапов С.А., 1988. Производство меди в Приуральском горно-металлургическом центре в древности // Медные рудники Западного Кавказа III–I тыс. до н. э. и их роль в горно-металлургическом производстве древнего населения. — Сухуми. — С. 47–52.

Кулик С.Ю., 1996. Набор инструментария мастера-лучника из нижнедонского погребального комплекса // Северо-восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит — бронзовый век). — Донецк. — Ч. 1. — С. 49–51.

Кулик С.Ю., 1997. Инструментарий мастера-лучника из погребения катакомбной культуры Нижнего Дона // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. — Саратов. — С. 48–49.

Лапшин А.С., 2003. К вопросу о городищах эпохи средней бронзы Нижнего Поволжья // НАВ. — Волгоград. — Вып. 6. — С. 254–262.

Лесков А.М., 1983. Отчет о раскопках Кавказской археологической экспедиции Государственного музея искусства народов Востока в 1983 // Архив ИА РАН. — Р-1. № 9855.

Лимберис Н.Ю., Бочковой В.В., Марченко И.И., 2001. Раскопки курганов у ст. Нововеличковской в 1999 году // Археологические исследования на новостройках Краснодарского края. — Краснодар. — С. 80–137.

Лимберис Н. Ю., Марченко И.И., 1984. Отчет о работе Краснодарской археологической экспедиции за 1984 год // Архив ИА РАН. — Р-1. № 10316.

Литвиненко Р.А., 1996. К оценке культуры многоваликовой керамики Восточного Надазовья // Северо-восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит — бронзовый век): Материалы международной конференции. — Донецк. — Ч. 1. — С. 65–71.

Литвиненко Р.А., 1996а. Сурьмяные подвески в памятниках степной бронзы и их кавказские аналогии // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н. э.: Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Александра Александровича Иессена. — СПб. — С. 98–101.

Литвиненко Р.А., 1997. Об инвентарном комплексе древнейших погребений культуры многоваликовой керамики (КМК) // Доба бронзи доно-донецького регіону. Матеріали 3-го Українсько-Російського польового археологічного семінару. — Київ — Вороніж — Перевальск. — С. 29–33.

Литвиненко Р.А., 1999. К проблеме поиска признаков культуры многоваликовой керамики в доно-волжской лесостепи // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий: Тез. докл. — Липецк. — С. 68–72.

Литвиненко Р.А., 1999а. К проблеме истоков черногоровского обряда // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья: (К столетию Бориса Николаевича Гракова). III Граковские чтения. — Запорожье. — С. 155–160.

Литвиненко Р.А. 1999б. Периодизация срубных могильников Северо-восточного Приазовья // Древности Северо-восточного Приазовья. — Донецк. — С. 4–23.

Литвиненко Р.А., 2000. Периодизация срубных древностей доно-донецкого региона (по погребальным памятникам Северского Донца) // Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы евразийской степи и лесостепи. — Воронеж. — С. 33–34.

Литвиненко Р.А., 2000а. Поховання зрубної культури в кам'яних гробницях з горизонтальною кладкою стін // Археологія. — № 4. — С. 3–18.

Литвиненко Р.А., 2001. Культура Бабино (многоваликовой керамики) и ее место в системе бронзового века юга Восточной Европы // Бронзовый век Восточной Европы: характе-

ристика культур, хронология и периодизация: Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века Южной половины Европы», 23–28 апреля 2001 г. — Самара. — С. 161–169.

Литвиненко Р.А., 2002. Культура Бабино (многоваликовой керамики) и проблемы бронзового века бассейна Дона // АПВЕ: Межвузовский сборник научных трудов. — Воронеж. — С. 76–85.

Литвиненко Р.А., 2006. Днепро-донская бабинская культура (источники, ареал, погребальный обряд) // МДАСУ. — Луганськ. — № 5. — С. 157–187.

Литвиненко Р.А., 2006а. Опыт выявления пространственно-семантических структур в погребальном обряде культуры Бабино // Структурно-семиотические исследования в археологии. — Донецк. — Т. 3. — С. 215–236.

Литвиненко Р.А., 2008. Пам'ятки типу Бабине III: від культури до культурного кола // Нові сторінки історії Донбассу. — Донецьк. — Кн. 15/16. — С. 342–354.

Лопатин В. А., 1983. Отчет об археологических раскопках в Марксовском районе Саратовской области в 1983 году // Архив ИА РАН. — Р. 1. № 9698.

Лопатин В.А., 2008. Смеловский могильник: фрагменты локального культурогенеза // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. — М. — С. 415–420.

Лукьяшко С.И., 1999. Предскифский период на Нижнем Дону //Донские древности. — Вып. 7. — 240 с.

Луньков В.Ю., Лунькова Ю.В., 2005. Погребальные комплексы с сурьмяными подвесками эпохи поздней бронзы // АВЛ. Пастушеские скотоводы восточноевропейской степи и лесостепи эпохи бронзы (историография, публикации). — Воронеж. — Вып. 19. — С. 148–159.

Лисенко С.Д., 2004. Доповнення до археологічної карти Фастівського району (1999–2004 рр.) // Археологічни пам'ятки Фастіщини: матеріали до археологічної карти Київської області. — Фастів. — С. 85–152.

Лысенко С.Д., 2005. Абсолютная хронология восточного массива тшинецкого культурного круга // Проблемы эпохи бронзы Великой Степи. — Луганск. — С. 37–60.

Ляхов С.В., 1996. Уникальное погребение эпохи средней бронзы из кургана у пос. Сторожевка // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. — Саратов. — С. 77–83.

Магомедов Р.Г., 1998. Гинчинская культура. Горы Дагестана и Чечни в эпоху средней бронзы. — Махачкала. — 378 с.

Магомедов Р.Г., 2000. Материалы к изучению культур эпохи бронзы в приморском Дагестане. — Махачкала. — 120 с.

Максимов Е.К., Лопатин В.А., 2007. Материалы Низовских курганов // АВЕС. — Саратов. — Вып. 5. — С. 137–160.

Малашев В.Ю., 2000. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Материалы и исследования по археологии Дона. — Ростов-н/Д. — Вып. 1. — С. 194–232.

Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т., 2008. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время. — М. — 365 с.

Малов Н.М., 1979. О «загадочной» керамике вольского типа // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы: Тез. докл. — Донецк. — С. 82–83.

Малов Н.М., 1992. Покровско-абашевские украшения Нижнего Поволжья // АВЕС. — Саратов. — Вып. 3. — С. 22–54.

Малов Н.М., Филипченко В.В., 1995. Памятники катакомбной культуры Нижнего Поволжья // АВ. — № 4. — С. 52–61.

Мамонова Н.Н. 1986. Опыт применения таблиц В.В. Бунака при разработке остеометрических материалов // Проблемы эволюционной морфологии человека и его рас. — М.

Мамонтов В.И., 1980. О погребениях позднего этапа срубной культуры в Нижнем Поволжье и Волго-Донском междуречье // СА. — № 1.

Мамонтов В.И., 1994. Элитные погребения срубной культуры степной части Волго-Донского междуречья // Срубная культурно-историческая область: Материалы III Рыковских чтений. — Саратов. — С. 80–83.

Мамонтов В.И., 1997. Курганный могильник Громославка II // Историко-археологические исследования в Нижнем Поволжье: Сборник научных статей. — Волгоград. — Вып. 2 — С. 101–119.

Мамонтов В.И., 2001. Курганный могильник Первомайский VIII // НАВ. — Волгоград. — Вып. 4. — С. 179–195.

Манько В.А., Телиженко С.А., 2003. Проблемы абсолютной хронологии мезолита-неолита Подонечья // Материалы и исследования по археологии Восточной Украины. — Луганск. — С. 31–64.

Марковин В.И., 1960. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н. э.) // МИА. — М. — № 93. — 152 с.

Марковин В.И., 1994. Северокавказская культура // Археология СССР. Ранняя и средняя бронза Кавказа. — М. — С. 254–286.

Маслихова Л.И., 2005. Состав и соотношение ритуальной керамики погребений среднедонской катакомбной культуры // АВЛ. Пастушеские скотоводы восточноевропейской степи и лесостепи. — Воронеж. — Вып. 19. С. 103–108.

Маслихова Л.И., 2006. Соотношение поселенческой и погребальной керамики среднедонской катакомбной культуры // Археологическое изучение Центральной России: Тезисы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В.П. Левенка. — Липецк. — С. 152–156.

Маслихова Л.И., 2006а. Керамика погребений среднедонской катакомбной культуры как исторический источник: Автореф. дисс. канд. ист. наук. — М. — 20 с.

Матвеев Ю.П., 1980. Культурно-историческая оценка памятников с многоваликовой керамикой: (по материалам погребальных памятников среднедонской катакомбной культуры) // АВЛ. — Воронеж. — С. 66–75.

Матвеев Ю.П., 1982. История населения среднедонской катакомбной культуры: Автореф. дисс. канд. ист. наук. — М. — 24 с.

Матвеев Ю.П., 1990. Среднедонская катакомбная культура: происхождение, периодизация, дальнейшая судьба // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности. — Запорожье. — С. 46–50.

Матвеев Ю.П., 1996. Костяные пряжки и относительная хронология культур эпохи бронзы донецко-поволжского региона // Доно-донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи. — Воронеж. — С. 27–33.

Матвеев Ю.П., 1998. Катакомбно-абашевское взаимодействие и формирование срубной общности // АВЛ. Доно-донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы. — Воронеж. — Вып. 11. — С. 8–21.

Матвеев Ю.П., 2005. Среднедонская катакомбная культура в свите культур среднебронзово-

го века // АВЛ. Пастушеские скотоводы восточноевропейской степи и лесостепи эпохи бронзы (историография, публикации). — Воронеж. — Вып. 19. — С. 94–102.

Матвеев Ю.П., Левых Г.А., 1996. Курганы у села Губари // Археологические исследования высшей педагогической школы: Сборник научных трудов (к 25-летию археологической экспедиции Воронежского педуниверситета). — Воронеж. — С. 130–147.

Матвеев Ю.П., Медведев А.П., 1979. Курганы у с. Караяшник на территории Воронежской области // АВЛ. — Воронеж. — С. 124–144.

Матвеев Ю.П., Цыбин М.В., 2004. Таганский грунтовый могильник. Археологические памятники донского бассейна. — Воронеж. — Вып. 6. — 78 с.

Махортых С.В., 2006. Восточноукраинская территориальная подгруппа киммерийских памятников // МДАСУ. — Луганськ. — № 5. — С. 279–298.

Махортых С.В., 2007. Новочеркасские древности Крыма // МДАСУ. — Луганськ. — № 7. — С. 273–280.

Махортых С.В., Иевлев М.М., 1991. О путях и времени формирования раннекочевнических образований на юге европейской части СССР в позднейший предскифский период // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. — М. — С. 18–30.

Махортых С.В., Скорый С.А., 2004. О киммерийской (новочеркасской) группе памятников юга Восточной Европы // Kimirovie, skytovie, sarvaci. — Kraków. — S. 232–257.

Медведев А.П., 1990. Сарматы и лесостепь. — Воронеж.

Медведев А.П., 2004. Периодизация и хронология сарматских памятников на Среднем и Верхнем Дону // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии: Доклады к 5-й международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». — Краснодар. — С. 86–94.

Мельник В.И., 1989. Восточная периферия катакомбной общности // АВЕС. — Саратов. — С. 131–132.

Мельник В.И., 1991. Особые виды погребений катакомбной общности. — М. — 136 с.

Мерперт Н.Я., 1974. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. — М. — 168 с.

Мизиев И.М., 1984. Два кургана у селений Кишпек и Кыхбурун III // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Памятники эпохи бронзы (III–II тыс. до н. э.). — Нальчик. — Т. 1. — С. 88–111.

Мимоход Р.А., 2000. Жертвенники на срубных поселениях: вопросы классификации, происхождения и культурной специфики // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. — Донецк. — С. 86–93.

Мимоход Р.А., 2002. Погребения финала средней — поздней бронзы могильника Островной // Могильник Островной. Итоги комплексного исследования памятников археологии Северо-западного Прикаспия. — М.; Элиста. — С. 228–244.

Мимоход Р.А., 2004. Погребения финала средней бронзы Нижнего Поволжья // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. I Международная Нижневолжская археологическая конференция. — Волгоград. — С. 108–114.

Мимоход Р.А., 2004а. Криволукская культурная группа и блок посткатакомбных культурных образований: Доклад на заседании Отдела бронзового века ИА РАН 16 декабря.

Мимоход Р.А., 2005. Блок посткатакомбных культурных образований (постановка проблемы) // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. — Луганськ. — С. 70–74.

Мимоход Р.А., 2007. Лолинская культура финала средней бронзы Северо-западного Прикаспия // РА. — № 4. — С. 143–154.

Мимоход Р.А., в печати. Радиоуглеродная хронология блока посткатакомбных культурных образований // КСИА.

Мимоход Р.А., Панковский В.Б., Усачук А.Н., Данилов П.С., Загайнова Л.П., в печати. Раскопки кургана 3 мог. Золотой в Хвалынском районе Саратовской области // АО 2006 г. — М.

Мимоход Р.А., Шишлина Н.И., 2004. Радиоуглеродные данные финальнокатакомбных погребений могильника Манджикины I и некоторые вопросы датирования памятников рубежа эпохи средней и поздней бронзы Северо-Западного Прикаспия // Древний Кавказ: ретроспекция культур. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Евгения Игнатьевича Крупнова. XXIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. — М. — С. 124–127.

Монахов С.Ю., 1984. Погребение культуры многоваликовой керамики близ Саратова // СА. — № 1. — С. 241–244.

Моргунова Н.Л., 1991. К вопросу о полтавкинской культуре Приуралья // СА. — № 4. — С. 123–131.

Моргунова Н.Л., 1992. К вопросу об общественном устройстве древнеямной культуры (по материалам степного Приуралья) // Древняя история населения волго-уральских степей. — Оренбург. — С. 5–27.

Моргунова Н.Л., 1995. Элитные курганы эпохи ранней и средней бронзы в степном Оренбуржье // Культуры древних народов степной Евразии и феномен протогородской цивилизации Южного Урала. Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Ч. V. Кн. 1. — Челябинск. — С. 120–123.

Моргунова Н.Л., 1996. Курганы у сел Краснохолм и Кардаилово в Илекском районе // АПО. — Оренбург. — Вып. 1. — С. 8–43.

Моргунова Н.Л., 1999. Курганы у с. Уранбаш на Каргалинских рудниках // АПО. — Оренбург. — Вып. III. — С. 40–64.

Моргунова Н.Л., 1999а. Становление комплексного общества эпохи ранней и средней бронзы на юге лесостепи Волжско-Уральского междуречья // Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тыс. до н. э.: Региональные особенности в свете универсальных моделей. — Челябинск; Аркаим. — С. 97–99.

Моргунова Н.Л., 2000. Большой Болдыревский курган // АПО. — Вып. IV. — С. 55–61.

Моргунова Н.Л., 2001. Проблемы изучения ямной культуры Южного Приуралья // XV УАС: Тез. докл. — Оренбург. — С. 97–98.

Моргунова Н.Л., 2002. Проблемы изучения ямной культуры Южного Приуралья // Проблемы археологии Евразии: К 80-летию Н.Я. Мерперта. — М. — С. 104–116.

Моргунова Н.Л., 2005. О книге С.В. Богданова: «Эпоха меди степного Приуралья» // АПО. — Оренбург. — Вып. VII. — С. 131–140.

Моргунова Н.Л., 2006. Периодизация и хронология ямных памятников Приуралья по данным радиоуглеродного датирования // III Городцовские чтения. Проблемы изучения ямной культурно-исторической общности. — Оренбург. — С. 67–71.

Моргунова Н.Л., 2006а. Особенности костяных «булавок» ямной культуры Приуралья // XXIV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. — Нальчик. — С. 135–138.

Моргунова Н.Л., 2006б. Новые данные о ямной культуре по результатам комплексного изучения курганных некрополей в Приуралье // Современные проблемы археологии России: Материалы Всероссийского археологического съезда (23–28 октября 2006 г., Новосибирск). — Новосибирск. — Т. I. — С. 424–426.

Моргунова Н.Л., 2007. Об абсолютной хронологии развитого этапа ямной культуры // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях: Материалы конференции, посвященной 50-летию радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН, 9–12 апреля 2007 г., Санкт-Петербург. — СПб. — С. 210–215.

Моргунова Н.Л., 2008. Генезис и хронологические рамки ямного погребального обряда в Приуралье // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. — М. — С. 329–331.

Моргунова Н.Л., 2008а. Генезис и хронологические рамки ямного погребального обряда в Приуралье // Доклад 22 октября на заседании секции «Эпоха ранней и средней бронзы Евразии» на II (XVIII) Всероссийском археологическом съезде в Суздале.

Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Краева Л.А., Мещеряков Д.В., Турецкий М.А., Халяпин М.В., Хохлова О.С., 2003. Шумаевские курганы. — Оренбург. — 392 с.

Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю., 1991. Древнеямная культура Приуралья (по материалам Оренбургской области) // СА. — № 2. — С. 35–50.

Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю., 1994. Памятники древнеямной культуры на Илеке. — Екатеринбург. — 153 с.

Моргунова Н.Л., Краева Л.А., Матюшко И.В., 2005. Курганный могильник Мустаево V // АПО. — Вып. VII. — С. 5–49.

Моргунова Н.Л., Турецкий М.А., 1998. Курганная группа у х. Барышникова // АПО. — Оренбург. — Вып. II. — С. 3–16.

Моргунова Н.Л., Турецкий М.А., 2003. Ямные памятники у с. Шумаево: новые данные о колесном транспорте у населения западного Оренбуржья в эпоху раннего металла // ВАП. — Самара. — С. 144–159.

Моргунова Н.Л., Турецкий М.А., 2003а. Новые находки повозок ямной культуры в южноуральском регионе // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном историческом музее. — М. — Ч. I. — С. 84–87.

Моргунова Н.Л., Турецкий М.А., 2004. Происхождение и этапы развития ямной культуры южно-уральских степей на фоне окружающей среды // Древний Кавказ: ретроспекция культур. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Евгения Игнатьевича Крупнова. XXIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. — М. — С. 127–130.

Мочалов О.Д., 1996. О керамике полтавкинской культуры Среднего Поволжья // Древности волго-донских степей в системе восточноевропейского бронзового века: Материалы международной научной конференции. — Волгоград. — С. 15–20.

Мочалов О.Д., 2003. О керамике бронзового века бассейна р. Самары // Материальная культура населения бассейна реки Самары в бронзовом веке. — Самара. — С. 52–76.

Мочалов О.Д., 2003а. «Шахматный орнамент» и культурные связи Волго-Уралья в развитом бронзовом веке // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие: Материалы международной научной конференции. — Чебоксары. — С. 116–123.

Мочалов О.Д., 2006. К анализу форм керамики первой половины среднего бронзового века лесостепного Заволжья // ВАП. — Самара. — Вып. 4. — С. 236–246.

Мочалов О.Д., 2007. Дальние связи Южного Урала в эпоху бронзы: керамический аспект проблемы // Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся этнокультурной среде Евразии: проблемы изучения и историография. Чтения памяти К.В. Сальникова (1900–1966). — Уфа. — С. 162–169.

Мочалов О.Д., 2008. Керамика погребальных памятников эпохи бронзы лесостепи Волго-Уральского междуречья. — Самара. — 252 с.

Мошкова М.Г., 2000. Фибулы из позднесарматских погребений Южного Приуралья: вопросы хронологии и производства // НАВ. — Волгоград. — Вып. 3. — С. 187–200.

Мунчаев Р.М., 1994. Куро-аракская культура // Археология СССР. Ранняя и средняя бронза Кавказа. — М. — С. 8–56.

Мыськов Е.П., 1992. Новые памятники позднего бронзового века в Волго-Донском междуречье // АВЕС. — Саратов. — С. 86–96.

Мыськов Е.П., Кияшко А.В., Лапшин А.С., 2006. Исследование курганов в бассейне реки Медведицы // Материалы по археологии волго-донских степей. — Волгоград. — Вып. 3. — С. 81–104.

Найденко В.В., 1972. Отчет о раскопках курганов у с. Китаевка Ставропольского края // Архив ИА РАН. — Р-1. № 4886.

Нелин Д.В., 2000. Об эволюции боевых качеств ножей-кинжалов эпохи бронзы // АПО. — Оренбург. — Вып. IV. — С. 100–108.

Нечитайло А.Л., 1978. Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. — Киев. — 152 с.

Николова А.В., 2001. Хронология ямной и катакомбной культур степной Украины: некоторые вопросы датировки методом ^{14}C // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века Южной половины Европы», 23–28 апреля 2001 г. — Самара. — С. 104–107.

Николова А.В., 2006. К вопросу о культурной атрибуции погребений ранней бронзы с остатками транспортных средств в Северном Причерноморье // АПВЕ. — Воронеж. — Вып. 12 — С. 79–87.

Обыденнова Г.Т., 2001. Историография периодизации срубной культурно-исторической общности // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века Южной половины Европы», 23–28 апреля 2001 г. — Самара. — С. 34–39.

Обыденнова Г.Т., Шутелева И.А., Щербаков Н.Б., Хохлова О.С., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В., 2008. Некоторые результаты применения комплексного подхода при изучении памятника позднего бронзового века Башкирского Приуралья — Мурадымовского поселения // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. — М. — С. 435–438.

Ольговский С.Я., 1988. О цветной металлообработке у племен ямной культуры // Новые памятники ямной культуры степной зоны Украины. — Киев. — С. 140–135.

Ольховский В.С., 1999. К изучению скифской ритуалистики: посмертное путешествие // Погребальный обряд. Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. — М. — С. 114–136.

Орловская Л.Б., 1994. Цветной металл Болдыревского I могильника // Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю. Памятники древнеямной культуры на Илеке. — Екатеринбург. — С. 112–115.

Отрощенко В.В., 1994. О двух линиях развития культур племен срубной общности // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. — Запорожье. — С. 150–153.

Отрощенко В.В., 1997. К вопросу о покровской срубной культуре // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей: Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения П.Д. Рау (1897–1997), г. Энгельс, Саратовская обл., 12–17 мая 1997 г. — Саратов, 1997. — С. 70–72.

Отрощенко В.В., 1999. До питання про фінал культур зрубної спільности // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья: (К столетию Бориса Николаевича Гракова). III Граковские чтения. — Запорожье. — С. 191–194.

Отрощенко В.В., 2000. О культурах срубной общности // Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы евразийской степи и лесостепи. — Воронеж. — С. 10–13.

Отрощенко В.В., 2001. Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Европи: (культурно-стратиграфіні зіставлення). — Киев. — 288 с.

Отрощенко В.В., 2003. К истории племен срубной общности // АВЛ. Доно-донецкий регион в эпоху бронзы. — Воронеж. — Вып. 17. — С. 68–96.

Отрощенко В.В., 2004. К доистории киммерийцев // Kimirovie, skytovie, sarvaci. — Kraków. — С. 361–365.

Отрощенко В.В., Черных Л.А., 1998. Стрекала как орудия труда и атрибуты власти // VII Донская археологическая конференция «Проблемы археологии Юго-восточной Европы». — Ростов-н/Д. — С. 59–60.

Панасюк Н.В., 2005. Опыт типологического анализа катакомбных курильниц // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. — Луганськ. — С. 63–66.

Панасюк Н.В., 2005а. Особый тип катакомбных курильниц // Четвертая Кубанская археологическая конференция. — Краснодар. — С. 193–196.

Панасюк Н.В., 2007. Ранние типы курильниц степного Предкавказья // Археология, этнография и фольклористика Кавказа. Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе. — Махачкала. — С. 73–75.

Панасюк Н.В., 2008. Орнаментация курильниц катакомбной культуры — анализ композиционных схем // Homo eurasicus в глубинах и пространствах истории. — СПб. — С. 202–209.

Панасюк Н.В., Мимоход Р.А. 2004. Поздние курильницы восточноманычской катакомбной культуры // Древний Кавказ: ретроспекция культур. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Евгения Игнатьевича Крупнова. XXIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. — М. — С. 140–142.

Парусимов И.Н., 1997. Археологические раскопки в Ремонтненском районе // ТНАЭ. — Новочеркасск. — 75 с.

Парусимов И.Н., 1999. Археологические исследования у х. Озерки в 1988–1989 гг. // ТНАЭ. — Азов. — Вып. 4. — 85 с.

Парусимов И.Н., 2002. Раскопки курганов в Миллеровском и Чертковском районах // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2001 г. — Азов. — С. 29–63.

Парусимов И.Н., 2002а. Раскопки курганов у станицы Бессергеневской и хутора Мокрый Керчик // ТНАЭ. — Азов. — Вып. 4. — 104 С.

Парусимов И.Н., 2005. Раскопки курганов у хутора Ягодинка // АЗ. — Ростов-н/Д. — Вып. 4. — С. 178–184.

Плешивенко А.Г., 1996. Курганы села Малокатериновка. — Запорожье. — 113 с.

Погорелов В.И., 1984. Поселение Терновое в лесостепном Подонье // Эпоха меди юга Восточной Европы. — Воронеж. — С. 140–154.

Погорелов В.И., 1985. Ширяевский могильник бронзового века на Среднем Дону // СА. — № 1. — С. 151–159.

Погорелов В.И., 1988. Погребения катакомбного типа II Павловского могильника // Исследование памятников археологии Восточной Европы. — Воронеж. — С. 59–74.

Погорелов В.И., 1989. Ямно-катакомбные погребения Среднего Дона // СА. — № 2. — С. 108–126.

Погорелов В.И., 1991. «Терновский» тип поселений эпохи бронзы в лесостепном Подонье // Елец и его окрестности. — Елец. — С. 87–88.

Полин С.В., 1994. Вопросы хронологии черногоровских и новочеркасских древностей // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. — Запорожье. — С. 156–158.

Попова Т.Б., 1957. К вопросу о курильницах «северокавказского типа» // СА. — № 1. — С. 161–177.

Порохова О.И., 1992. II Герасимовский курганный могильник // Древняя история населения волго-уральских степей. — Оренбург. — С. 92–107.

Потапов В.В., 1997. Погребения XII–X вв. до н. э. в волго-донских степях (к проблеме отбора источников) // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей: Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения П.Д. Рау (1897–1997), г. Энгельс, Саратовская обл., 12–17 мая 1997 г. — Саратов. — С. 128–130.

Потапов В.В., 1998. Погребения белозерского хронологического горизонта в бассейне Нижнего Дона и в Северо-восточном Приазовье // VII Донская археологическая конференция «Проблемы археологии Юго-восточной Европы». — Ростов-н/Д. — С. 61–63.

Потапов В.В., 2000. Предскифские племена степей Восточной Европы // Донская археология. — Ростов-н/Д. — С. 6–21.

Потапов В.В., 2001. К вопросу о финальной дате срубной культуры // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века Южной половины Европы», 23–28 апреля 2001 г. — Самара. — С. 224–229.

Потапов В.В., 2003. Памятники финала поздней бронзы степного Подонья: проблемы культурной атрибуции // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном историческом музее: Тез. конф. — М. — Ч. I. — С. 160–163.

Потапов В.В., 2005. О культурной атрибуции памятников финала поздней бронзы Нижнего Подонья // II Городцовские чтения. Труды ГИМ. — М. — Вып. 145. — С. 138–150.

Потапов В.В., 2007. Курганы Западного Маныча // АЗ. — Ростов-н/Д. — Вып. 5. — С. 115–143.

Прокофьев Р.В., 2004. Курганы с камнем на правобережье Северского Донца // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2003 г. — Азов. — Вып. 20. — С. 240–326.

Пряхин А.Д., 1982. Поселения катакомбного времени лесостепного Подонья. — Воронеж. — 160 с.

Пряхин А.Д., Беседин В.И., 1988. Воронежская культура средней бронзы // Археологические памятники Поднепровья в системе древностей Восточной Европы. — Днепропетровск. — С. 90–109.

Пряхин А.Д., Беседин В.И., 1988а. О выделении воронежской культуры эпохи бронзы // СА. — № 3. — С. 21–36.

Пряхин А.Д., Беседин В.И., 1989. Воронежская археологическая культура // АВЛ. — Саратов. — С. 134–135.

Пряхин А.Д., Захарова Е.Ю., 1996. Знаки на сосудах средней бронзы доно-донецкого региона // Доно-донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи. — Воронеж. — С. 58–63.

Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., 1988. Курганы эпохи бронзы Побитюжья. — Воронеж. — 209 с.

Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., Беседин В.И., 1991. Среднедонская катакомбная культура: происхождение, этапы развития. — Воронеж. — 19 с.

Пряхин А.Д., Синюк А.Т., 1983. Курган эпохи бронзы у пос. Хохольский // СА. — № 3. — С. 197–202.

Пустовалов С.Ж., 1993. Деякі близькосхіді елементи в ідеології катакомбного населення Північного Причерномор'я // Археологія. — № 1. — С. 24–34.

Пустовалов С.Ж., 1999. Молочаньске святилище // Проблеми археології Подніпров'я. — Дніпропетровськ. — С. 104–118.

Разумов С.Н., Шевченко Н.П., 2007. Катакомбне поховоння з «виробничим набором» Північно-західного Надазов'я // МДАСУ. — Луганьск. — № 7. — С. 110–118.

Рассамакін Ю.А., 2006. Курган біля села Старобогданівка та деякі проблеми абсолютної хронології доби ранньої бронзи басейну р. Молочної // МДАСУ — Луганськ. — № 4. — С. 122–156.

Романовская М.А., 1978. Отчет о раскопках курганных групп Веселая Роща II и Веселая Роща III в сезон 1978 года // Архив ИА РАН. — Р-1. № 8488, 8488а.

Романовская М.А., 1979. Отчет о раскопках курганных групп Веселая Роща II и Веселая Роща III в сезон 1979 года // Архив ИА РАН. — Р-1. № 8489, 8489а, б.

Ромашко В.А., 1981. Памятники финальной бронзы — раннего железного века в материалах экспедиции ДГУ // Степное Поднепровье в бронзовом и раннем железном веках. — Днепропетровск. — С. 85–87.

Ромашко В.А., 1999. Погребальный обряд позднесрубных племен // Проблеми археології Подніпров'я. — Дніпропетровськ. — С. 119–138.

Ромашко В.А., 1999а. О погребальном обряде позднесрубных племен Украины // Матеріали Міжнародної археологічної конференції «Етнічна історія та культура населення степу та лісостепу Євразії (від кам'яного віку по раннє середньовіччя)», — Дніпропетровськ. — С. 37–39.

Ромашко В.А., 2001. Культурно-хронологическая интерпретация понятия «поздний бронзовый век» в украинской археологии: (к вопросу о месте срубной и срубно-белозерской культур в периодизации эпохи бронзы) // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века Южной половины Европы», 23–28 апреля 2001 г. — Самара. — С. 50–51.

Ростунов В.Л., 1988. Куро-аракские могильники Северной Осетии // Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа. — Орджоникидзе. — С. 21–64.

Ростунов В.Л., 2000. Отчет о раскопках курганных могильников «Расшеватский-I» и «Расшеватский-5» на территории Новоалександровского района Ставропольского края в 2000 году // Архив ИА РАН.

Ростунов В.Л., 2004. К вопросу о приемах сооружения и семантике «больших майкопских курганов» Центрального Кавказа: (по данным кургана № 3 у сел. Брут) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. — Армавир. — Вып. 4. — С. 29–45.

Ростунов В.Л., 2007. Эпоха энеолита — средней бронзы Центрального Кавказа. Т. III: Опыт реконструкции сакрального пространства ранних курганов Европы и Северного Кавказа. — Владикавказ. — 378 с.

Ростунов В.Л., 2007а. Эпоха энеолита и бронзы на территории Северной Осетии // Археология Северной Осетии. — Владикавказ. — Ч. 1. — С. 11–177.

Ростунов В.Л., Хашегульгов Б.М., 1985. К хронологии височных подвесок в 1,5–2,5 оборота эпохи ранней бронзы Северного Кавказа // Проблемы хронологии археологических памятников Северного Кавказа. — Орджоникидзе. — С. 41–55.

Рысин М.Б., 1996. К проблеме синхронизации памятников среднего бронзового века Северного и Южного Кавказа // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н. э. — СПб. — С. 81–84.

Рысин М.Б., 1996а. К проблеме синхронизации памятников начала средней бронзы на Северном Кавказе и степной зоне // Северо-восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит-бронзовый век). — Донецк. — Ч. 1. — С. 34–37.

Рысин М.Б., 1996б. Начальный этап эпохи средней бронзы на Северном Кавказе // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н. э. — СПб. — С. 78–81.

Рысин М.Б., 2001. Кавказско-степные связи и проблема культурогенеза начала средней бронзы // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века Южной половины Европы», 23–28 апреля 2001 г. — Самара. — С. 100–101.

Рысин М.Б., 2007. Связи Кавказа с волго-уральским регионом в эпоху бронзы: (проблемы хронологии и периодизации) // АВ. — СПб. — Вып. 14. — С. 184–220.

Рысин М.Б., 2008. Успенский этап кавказской металлообработки среднего бронзового века // АВ. — СПб. — № 15. — С. 193–229.

Савва Е.Н., 2002. Генезис, периодизация и абсолютная хронология культуры Ноуа: (по материалам погребального обряда) // Степи Евразии в древности и средневековье: Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова. — СПб. — Кн. 1. — С. 221–223.

Савва Е.Н., 2003. Культурно-хронологическое соотношение комплекса культур Ноуа-Сабатиновка с культурами Карпато-Подунавья // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном историческом музее: Тез. конф. — М. — Ч. I. — С. 147–149.

Салугина Н.П., 2005. Технология керамики репинского типа из погребений древнеямной культуры Волго-Уралья // РА. — № 3. — С. 85–92.

Салугина Н.П. 2006. Технология керамики населения раннего бронзового века Волго-Уралья // III Городцовские чтения. Проблемы изучения ямной культурно-исторической общности. — Оренбург. — С. 76–80.

Салугина Н.П., 2006а. Технология изготовления керамики ямной культуры с территории Самарского Поволжья // ВАП. — Самара. — Вып. 4. — С. 440–451.

Салугина Н.П., 2007. К проблеме формирования гончарства населения среднего бронзового века Волго-Уралья // АПО. — Оренбург. — Вып. VIII. — С. 98–107.

Салугина Н.П., 2008. Керамика в погребальной обрядности населения раннего бронзового века Волго-Уралья // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. — М. — С. 339–341.

Сальников К.В., 1962. К истории древней металлургии на Южном Урале // Археология и этнография Башкирии. — Уфа. — Т. I. — С. 62–74.

Сальников К.В., 1967. Очерки древней истории Южного Урала. — М. — 408 с.

Самар В.А., 1991. Курган срубного времени из Приазовья // ДСПК. — Запорожье. — Вып. II. — С. 125–136.

Санжаров С.Н., 1992. Северскодонецкие раннекатакомбные погребения с орнаментированными бляхами // Каталог археологических коллекций. — Луганск. — Вып. 1. — 55 с.

Санжаров С.Н., 2001. Катакомбные культуры Северо-Восточного Приазовья. — Луганск. — 172 С.

Санжаров С.Н., 2007. Східна Україна на рубежі середньої — пізньої бронзи: Дисс. д-ра іст. наук // Архив ИА НАНУ. — № 851. — Рукопіс.

Санжаров С.Н., 2008. Стрелочные наборы инструментов и сырья из катакомбных погребений Украины. — Луганск. — 88 с.

Санжаров С.Н., Бритюк А.А., 1996. Краснозоринский курганный могильник в бассейне Лугани // Древние культуры Восточной Украины. — Луганск. — С. 58–132.

Северный Бор, 2000. Северный Бор. Изучение кургана 1 эпохи средней бронзы могильника Северный Бор // Археологические памятники Донского бассейна. — Воронеж. — Вып. 5. — 35 с.

Седова Н.Л., Яровой Е.В., 1987. Григориопольские курганы. — Кишинев. — 154 с.

Сергацков И.В., 1992. Погребения эпохи бронзы I Барановского могильника (раскопки 1987–1988 гг.) // Древности волго-донских степей. — Волгоград. — С. 97–105.

Сергацков И.В., 2000. Отчет о раскопках Иловлинской археологической экспедиции в 2000 г. // Архив ИА РАН. — Р-1. № 22561, 22562.

Сергацков И.В. Клепиков В.М., 2001. Сарматские курганы у с. Колобовка // НАВ. — Волгоград. — Вып. 4. — С. 196–212.

Сергацков И.В., Мыськов Е.П., 1994. Позднесарматские комплексы на Нижнем Дону // СА. — № 2. — С. 179–190.

Сергацков И.В., Скрипкин А.С., Клепиков В.М., Дьяченко А.Н., 2006. Курганы у поселка Линево // Материалы по археологии волго–донских степей. — Волгоград. — Вып. 3. — С. 37–80.

Симоненко А.В., 2004. Хронология и периодизация сарматских памятников Северного Причерноморья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. — Краснодар. — С. 134–173.

Синицын И.В., 1946. К материалам по сарматской культуре на территории Нижнего Поволжья // СА. — № 8. — С. 73–95.

Синицын И.В., 1948. Памятники предскифской эпохи в степях Нижнего Поволжья // СА. — X. — С. 143–160.

Синицын И.В., 1959. Археологические исследования Заволжского отряда (1951–1953 гг.) // МИА. — № 60. — Т. I. — С. 39–205.

Синицын И.В., 1965. Отчет об археологических раскопках в Калмыцкой АССР, произведенных в 1965 году // Архив ИА РАН. — Р-1. № 3321а-г.

Синюк А.Т., 1981. Репинская культура эпохи энеолита — бронзы в бассейне Дона // СА. — № 4 — С. 8–19.

Синюк А.Т., 1983. Курганы эпохи бронзы Среднего Дона (Павловский могильник). — Воронеж. — 192 С.

Синюк А.Т., 1989. Погребения ямной и катакомбной культур Первого Власовского могильника // Проблемы археологического изучения доно-волжской лесостепи. — Воронеж. — С. 27–69.

Синюк А.Т., 1990. О происхождении и хронологии воронежской культуры эпохи бронзы // Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца. — Луганск. — С. 108–110.

Синюк А.Т., 1996. Бронзовый век бассейна Дона. — Воронеж. — 352 с.

Синюк А.Т., 1999. Курган у села Новохарьковка // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий. — Липецк. — С. 58–61.

Синюк А.Т., Березуцкий В.Д., 2001. Мостищенский комплекс древних памятников (эпоха бронзы — ранний железный век). — Воронеж. — 192 с.

Синюк А.Т., Козмирчук И.А., 1995. Некоторые аспекты изучения абашевской культуры в бассейне Дона: (по материалам погребений) // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н. э.). — Самара. — С. 37–72.

Синюк А.Т., Матвеев Ю.П., 2007. Курганные комплексы среднедонской катакомбной культуры. — Воронеж. — 221 с.

Скарбовенко В.А., 1999. Николаевка III — могильник эпохи средней бронзы в долине р. Самары // Вопросы археологии Урала и Поволжья: К 30-летию Средневолжской археологической экспедиции. — Самара. — С. 143–160.

Скорий С.А., 1991. До питання про «культурну належність» старожитностей типу Новочеркаського скарбу 1939 р. // Археологія. — № 3. — С. 14–25.

Скорый С.А., 1991а. К вопросу о «надкультурном характере» древностей типа Новочеркасского клада // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс до н. э. — V в. н. э.). — Киев. — С. 160–161.

Скрипкин А.С., 1977. Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений) // СА. — № 2. — С. 100–120.

Скрипкин А.С., 1984. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. — Саратов. — 151 с.

Смирнов А.М., 1996. Курганы и катакомбы эпохи бронзы на Северском Донце. — М. — 183 С.

Смирнов Ю.А., 1983. Погребения мастеров-изготовителей древков и кремневых наконечников стрел // Древности Дона: Материалы работ Донской экспедиции. — М. — С. 164–187.

Смирнова Л.И., 2000. Проколки (хронология и функциональное назначение) // АВ. — СПб. — № 7. — С. 236–246.

Соловьев Б.С. , 2000. Бронзовый век Марийского Поволжья // ТМАЭ. — Йошкар-Ола. — Т. VI. — 264 с.

Ставицкий В.В., 2004. Екатериновское поселение бронзового века на р. Сура и проблема происхождения вольско-лбищенских древностей // АПО. — Оренбург. — Вып. IV. — С. 16–30.

Ставицкий В.В., 2005. Бронзовый век Посурья и Примокшанья. — Пенза. — 146 с.

Ставицкий В.В., 2005а. Проблемные вопросы изучения хвалынской энеолитической культуры // II Городцовские чтения. Труды ГИМ. — М. — Вып. 145. — С. 69–78.

Стеганцева В.Я., 1999. Относительная хронология погребений катакомбной культуры в междуречье Маныча и Сала // АВ. — СПб. — Вып. 14. — С. 101–113.

Степанов П.Д., 1950. Фатьяновское поселение на Средней Суре // КСИИМК. — Вып. XXXII. — С. 62–68.

Степанов П.Д., 1966. Орудия из камня, кости, бронзы с фатьяновских поселений Мордовии // Археологический сборник. — Саратов. — С. 90–97.

Степанов П.Д., 1967. Ош Пандо. — Саранск. — 212 с.

Сулержицкий Л.Д., 1997. Радиоуглеродная хронология мамонтов Сибири и севера Восточной Европы (как субстрата для расселения человека) // Человек заселяет планету Земля. — М. — С. 184–2001.

Сухорукова Е.П., 2006. Новые аспекты в изучении полтавкинских памятников волго-дон-

ского региона // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области. III Городцовские чтения. — Оренбург. — С. 83–85.

Сухорукова Е.П., 2008. Полтавкинская и волго-донская культуры эпохи средней бронзы Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья (по материалам погребальных памятников): Автореф. дисс. канд. ист. наук. — СПб. — 22 с.

Телиженко С.А., 2003. Радиоуглеродные даты Подгоровского поселения // Материалы и исследования по археологии Украины. — Луганск. — С. 71–77.

Тихонов Б.Г., 1960. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье // МИА. — № 90. — С. 5–120.

Тихонов Б.Г., Матвеев Ю.П., 1981. Университетские поселения среднедонской катакомбной культуры в пойме р. Воронеж // Эпоха бронзы волго-уральской лесостепи. — Воронеж. — С. 75–88.

Ткачев В.В., 2000. О юго-западных связях населения Южного Урала в эпоху ранней и средней бронзы // Проблемы энеолита и бронзового века Южного Урала. — Орск. — С. 37–65.

Ткачев В.В., 2001. Относительная хронология культурных образований среднего бронзового века в степном Приуралье // XV УАС. — Оренбург. — С. 112–114.

Ткачев В.В., 2005. Курганная стратиграфия и проблема относительной хронологии комплексов эпохи средней — начала поздней бронзы в Приуралье // АВЛ. Пастушеские скотоводы восточноевропейской степи и лесостепи. — Воронеж. — Вып. 19. — С. 121–138.

Ткачев В.В., 2006. Заключительный этап эпохи средней бронзы в степном Приуралье. — Челябинск. — 75 с.

Ткачев В.В., 2006а. Степное Приуралье на рубеже эпох средней и поздней бронзы. — Челябинск. — 137 с.

Ткачев В.В., 2006б. Культурная принадлежность памятников конца среднего бронзового века в Приуралье // III Городцовские чтения. Проблемы изучения ямной культурно-исторической общности. — Оренбург. — С. 88–94.

Ткачев В.В., 2007. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. — Актобе. — 384 с.

Ткачев В.В., Гуцалов С.Ю., 2000. Новые погребения энеолита — средней бронзы восточного Оренбуржья и северного Казахстана // АПО. — Оренбург. — Вып. IV. — С. 27–53.

Тощев Г.Н., Самар В.А., 1990. Исследование курганного могильника эпохи бронзы на Херсонщине // ДСПК. — Запорожье. — Вып. I. — С. 31–66.

Трифонов В.А., 1991. Степное Прикубанье в эпоху энеолита — средней бронзы (периодизация) // Древние культуры Прикубанья. — Л. — С. 92–166.

Трифонов В.А., 1991а. Батуринский вариант предкавказской катакомбной культуры // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. — Киев. — С. 101–116.

Трифонов В.А., 1996. Репинская культура и процесс сложения ямной культурно-исторической общности // Древности волго-донских степей в системе восточноевропейского бронзового века: Материалы международной научной конференции. — Волгоград. — С. 3–5.

Трифонов В.А., 2001. Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита — средней бронзы Кавказа, степной и лесостепной зон Восточной Европы (по данным радиоуглеродного датирования) // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века Южной половины Европы», 23–28 апреля 2001 г. — Самара. — С. 71–82.

Тупалов И.В., 2007. Катакомбная керамика с городищ Саратовского Поволжья // XVII УАС. — Екатеринбург; Сургут. — С. 171–174.

Турецкий М.А., 1988. Керамика погребений ямной культуры Волго-Уральского междуречья // Проблемы изучения археологической керамики. — Куйбышев. — С. 78–91.

Турецкий М.А., 1997. Проблема сложения средневолжско-приуральского варианта ямной культуры // Эпоха бронзы и ранний железный век истории древних племен южнорусских степей: Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения П.Д. Рау (1897–1997). — Саратов. — С. 28–30.

Турецкий М.А., 1999. Средневолжско-приуральский вариант ямной культуры // АПО. — Оренбург. — Вып. III. — С. 6–11.

Турецкий М.А., 2001. О периодизации и хронологии ямных памятников Самарского Поволжья // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века Южной половины Европы», 23–28 апреля 2001 г. — Самара. — С. 125–129.

Турецкий М.А., 2001а. Раннеямные памятники Среднего Поволжья // XV УАС. — Оренбург. — С. 114–115.

Турецкий М.А., 2006. Некоторые проблемы изучения ямной культуры волго-уральского региона // III Городцовские чтения. Проблемы изучения ямной культурно-исторической общности. — Оренбург. — С. 94–100.

Турецкий М.А., 2007. Проблемы культурогенеза раннего — начала среднего бронзового века в степной зоне Волго-Уралья // АПО. — Оренбург. — Вып. VIII. — С. 116–129

Турецкий М.А., 2008. Абсолютная хронология ямной культуры волго-уральского региона и проблемы интерпретации комплексов эпохи раннего — среднего бронзового века // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. — М. — С. 358–360.

Усачук А.Н., Бровендер Ю.М., 1993. Изделия из кости поселения поздней бронзы у с. Лиман // Древние культуры Подонцовья. — Луганск. — Вып. 1. — С. 175–186.

Федосов М.Ю., 2007. К проблеме соотношения среднедонской катакомбной культуры и криволукской группы // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. II Международная Нижневолжская археологическая конференция. — Волгоград. — С. 28–32.

Федосов М.Ю., 2007а. Памятники среднедонской катакомбной культуры в Волго-Донском междуречье // АВЕС. — Саратов. — Вып. 5. — С. 15–33.

Филипченко В.В., 1994. Погребения финала средней бронзы северных районов Нижневолжского Правобережья // Срубная культурно-историческая область: Материалы III Рыковских чтений. — Саратов. — С. 24–26.

Фисенко В.А., 1968. Отчет об археологических раскопках на Утесе Степана Разина в 1968 г. // Архив ИА РАН. — Р-1. № 3660.

Фисенко В.А., Синицын И.В., 1969. Отчет об археологических раскопках на Утесе Степана Разина в 1969 г. // Архив ИА РАН. — Р. 1. № 4530, 4530а.

Флерова В.Е., 2001. Резная кость юго-востока Европы IX–XII веков: искусство и ремесло: По материалам Саркела-Белой Вежи из коллекции Государственного Эрмитажа. — СПб. — 352 с.

Халиков А.Ф., 1961. Памятники абашевской культуры в Марийской АССР // МИА. — № 97. — С. 157–241.

Халяпин М.В., Богданов С. В., 1999. Погребальные памятники эпохи бронзы с территории оренбургского Приуралья // АПО. — Оренбург. — Вып. III. — С. 75–104.

Хохлов А.А., 2001. Палеоантропологические реконструкции как источник изучения этногенетических процессов (по материалам эпохи бронзы Волго-Уралья) // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века Южной половины Европы», 23-28 апреля 2001 г. — Самара. — С. 359–363.

Хохлов А.А., 2003. О специфике антропологического типа населения Южного Приуралья в эпоху ранней и средней бронзы // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном историческом музее: Тез. конф. — М. — Ч. I. — С. 193–195.

Хохлов А.А., 2006. Основные проблемы палеоантропологии ямной культуры // III Городцовские чтения. Проблемы изучения ямной культурно-исторической общности. — Оренбург. — С. 100–104.

Хохлов А.А., Мимоход Р.А., в печати. Краниология населения Степного Предкавказья и Поволжья в посткатакомбное время // Вестник антропологии.

Хохоровски Я., 1994. Хронология киммерийских памятников в Средней Европе // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н. э. — V в. н. э. — Тирасполь. — С. 156–161.

Цокур И.В., 2004. Раскопки курганной группы Пластуновская-53 // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. — Армавир. — Вып. 4. — С. 125–165.

Черных Е.Н., 1964. О металле абашевской культуры // Памятники каменного и бронзового веков Евразии. — М. — С. 97–109.

Черных Е.Н., 1966. История древнейшей металлургии Восточной Европы. — М. — 144 с.

Черных Е.Н., 1967. Из истории металлургии племен эпохи бронзы в Поволжье и Приуралье // Памятники эпохи бронзы юга европейской части СССР. — Киев. — С. 195–212.

Черных Е.Н., 1970. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья // МИА. — М. — № 172. — 180 с.

Черных Е.Н., 1978. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // СА. — № 4. — С. 53–82.

Черных Е.Н., 1988. Кавказ в системе металлургических провинций бронзового века // Медные рудники Западного Кавказа III–I тыс. до н. э. и их роль в горно-металлургическом производстве древнего населения. — Сухуми. — С. 4–6.

Черных Е.Н., 2001. Каргалинский комплекс в системе металлургических провинций Евразии // XV УАС. — Оренбург. — С. 120–121.

Черных Е.Н., 2007. Каргалы. Т. V: Каргалы: феномен и парадоксы развития; Каргалы в системе металлургических провинций. Потаенная (сакральная) жизнь архаичных горняков и металлургов. — М. — 200 с.

Черных Е.Н., Авилова Л.И., Орловская Л.Б., Кузьминых С.В., 2002. Металлургия в циркумпонтийском ареале: от единства к распаду // РА. — № 1. — С. 5–23.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В., 1989. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). — М. — 320 С.

Черных Е.Н., Орловская Л.Б., 2004. Радиоуглеродная хронология катакомбной культурно-исторической общности (средний бронзовый век) // РА. — № 2. — С. 15–29.

Черных Е.Н., Орловская Л.Б., 2004а. Радиоуглеродная хронология древнеямной общности и истоки курганных культур // РА. — № 1. — С. 84–99.

Черных Л.А., 1991. Деревянная повозка из катакомбного погребения у г. Каменка-Днепровская // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. — Киев. — С. 137–149.

Чечушков И.В., 2007. Оголовье колесничной лошади эпохи бронзы: экспериментальное исследование // Проблемы истории, филологии, культуры. — М.; Магнитогорск; Новосибирск. — Вып. XVII. — С. 421–428.

Шарафутдинова Э.С., 1991. Памятники конца эпохи поздней бронзы на Нижнем Дону и степном Прикубанье // СА. — № 1. — С. 184–196.

Шарафутдинова Э.С., 1996. О восточной и северо-восточной границах распространения памятников бабинской культуры (КМК) // Северо-восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит-бронзовый век): Материалы международной конференции. — Донецк. — Ч. 1. — С. 56–59.

Шарафутдинова Э.С., 1996а. Эпоха поздней бронзы на Кубани // Древности волго-донских степей в системе восточноевропейского бронзового века: Материалы международной научной конференции. — Волгоград. — С. 49–52.

Шарафутдинова Э.С., 2002. О волго-уральских типах сосудов в памятниках срубной культуры // Степи Евразии в древности и средневековье: Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова — СПб. — С. 251–252.

Шевченко Н.Ф., 1987. Отчет о раскопках у хут. Пролетарский Кореновского района Краснодарского края в 1986 году // Архив ИА РАН. — Р-1. № 11359.

Шилов В.П., 1985. Курган 6 урочища Бичкин-Булук и проблема хронологии начала средней бронзы Калмыкии // СА. — № 2. — С. 17–33.

Шилов В.П., 1987. Отчет об исследованиях Волго-Донской археологической экспедиции ИА АН СССР и КНИИ ИФЭ в 1987 году // Архив ИА РАН. — Р-1. № 12351, 12351а.

Шилов В.П., 1991. Проблемы происхождения ямной культуры Нижнего Поволжья // Проблемы культур начального этапа эпохи поздней бронзы Волго-Уралья: Тезисы II Рыковских чтений. — Саратов. — С. 48–50.

Шишлина Н.И., 2007. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тыс. до н. э.) // Труды ГИМ. — М. — Вып. 165. — 400 с.

Шишлина Н.И., Александровский А.Л., Й. ван дер Плихт, Чичагова О.А., 1999. Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья: Сборник тезисов докладов конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Алексея Петровича Смирнова. — М. — С. 14–16.

Шишлина Н.И., Й. ван дер Плихт, Зазовская Э.П., Севастьянов В.С., Чичагова О.А. 2006. К вопросу о радиоуглеродном возрасте энеолитических культур Евразийской степи // ВАП. — Самара. — Вып. 4. — С. 135–140.

Шишлина Н.И., Й. ван дер Плихт, Хеджес Р.Е.М., Зазовская Э.П., Севастьянов В.С., Чичагова О.А. 2006. Резервуарный эффект и хронология восточноманычской катакомбной культуры Северо-западного Прикаспия // Исторический музей — энциклопедия отечественной истории и культуры. Забелинские научные чтения. 2005 // Труды ГИМ. — М. — Вып. 158. — С. 227–248.

Шишлина Н.И., Матюхин А.Д., Цуцкин Е.В., 2002. Исследование могильника Островной в Ики-Бурульском районе Калмыкии // Могильник Островной. Итоги комплексного исследования памятников археологии Северо-западного Прикаспия. — М.; Элиста. — С. 9–105.

Шишлина Н.И., Цуцкин Е.В., Фирсов К.Б., 2001. Археологические исследования могильников Му-Шарет в Ики-Бурульском районе республики Калмыкия // Могильники Му-Шарет в Калмыкии: комплексное исследование. — М.; Элиста. — С. 11–73.

Шишлина Н.И., Чичагова О.А., Александровский А.Л., 2001. Радиоуглеродное датирование

погребений могильников Му-Шарет-1 и Му-Шарет-4 // Могильники Му-Шарет в Калмыкии: комплексное исследование. — М.; Элиста. — С. 104–107.

Шишлина Н.И., Чичагова О.А., Александровский А.Л., Сулержицкий Л.Д., 2002. Радиоуглеродное датирование погребений эпохи бронзы — раннего железного века могильника Островной в Калмыкии // Могильник Островной. Итоги комплексного исследования памятников археологии Северо-западного Прикаспия. — М.; Элиста. — С. 259–261.

Шишлина Н.И., Чичагова О.А., Й. ван дер Плихт, Зазовская Э.П., Сулержицкий Л.Д., Севастьянов В.С, Герсдорф Й., 2007. Радиоуглеродная база данных культур эпохи энеолита — бронзового века Северо-западного Прикаспия // Шишлина Н.И. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тыс. до н. э.) // Труды ГИМ. — Вып. 165. — С. 380–394.

Эрдниев У.Э., 1982. Археологические памятники Южных Ергеней. — Элиста. — 153 с.

Эрлих В.Р., 2007. Северо-Западный Кавказ в начале железного века. Протомеотская группа памятников. — М. — 430 с.

Юдин А.И., 1987. Отчет об археологических разведках в бассейнах рек Терешки и Большого Карамана в 1987 году // Архив ИА РАН. — № Р-1. № 12319.

Юдин А.И., 1997. Поселения средней бронзы степного Заволжья // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей: Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения П.Д. Рау (1897–1997), г. Энгельс, Саратовская обл., 12–17 мая 1997 г. — Саратов. — С. 37–43.

Юдин А.И., 1999. Многослойное поселение Кумыска на р. Торгун // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1997 году. — Саратов. — Вып. 3. — С. 122–157.

Юдин А.И., 2001. Алексеевское городище в г. Саратове // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1998–2000 годах. — Саратов. — Вып. 4.— С. 22–80.

Юдин А.И., 2003. Катакомбные поселения эпохи средней бронзы в степном Заволжье // НАВ. — Волгоград. — Вып. 6. — С. 126–141.

Юдин А.И., 2006. Поздний энеолит Нижнего Поволжья и проблемы формирования ямной культуры // III Городцовские чтения. Проблемы изучения ямной культурно-исторической общности. — Оренбург. — С. 114–116.

Юдин А.И., 2007. Исследование курганов эпохи средней бронзы у с. Шумейка Энгельсского района // АВЕС. — Саратов. — Вып. 5. — С. 162–175.

Яровой Е.В., 1990. Курганы энеолита — эпохи бронзы Нижнего Поднестровья. — Кишинев. — 272 с.

Belinskij A.B., Kalmykov A.A., Korenevskij S.N., Härke H., 2000. The Ipatovo kurgan on the North Caspian Steppe (Russia) // Antiquity. — 74. — P. 773–774.

Belinskij A.B., Kalmykov A.A., 2004. Neue Wagenfunde aus Gräbern der Katakombengar-Kultur im Steppengebiet des zentralten Vorkaukasus // Rad und Wagen. Der Ursprung Innovation Wagen im Vorderen Orient und Europa. — Mainz am Rhein. — S. 201–220.

Bratchenko S.N., 2003. Radiocarbon chronology of the Early Bronze Age of the Middle Don. Svatove, Lugansk region // BPS. V. 12. The foundation of Radiocarbon Chronology of Cultures between the Vistula and Dnieper: 4000–1000 BC. — Poznan. — P. 185–208

Chernykh L.A., Polin S.V, Otroshchenko V.V, 2003. Radiocarbon chronology of monuments the Berezhnovka-Maevka srubnaya culture near the town of Ordzhonikidze // BPS. Vol. 12: The foundation of Radiocarbon Chronology of Cultures between the Vistula and Dnieper: 4000–1000 BC. — Poznan. — P. 307–335.

Cociş S., 2004. The Brooches from Roman Dacia. — Cluj-Napoca.

Dubovskaja O.R., 1997. Zur ethnischen und kulturellen Einordnung der «Novocerkassk-Gruppe» // EA. — Bd. 3. — S. 277–328.

Kadrow S., 2000. Wczesnobrązowa wytwórczość metalurgiczna w stylu wierzbowego liścia // 150 lat Muzeum Archeologicznego w Krakowie. — Kraków. — S. 141–152.

Kaiser E., 1999. Radiocarbon dates from catacomb graves // BPS. Vol. 7: The foundation of Radiocarbon Chronology of Cultures between the Vistula and Dnieper: 3150–1850 BC. — Poznan. — P. 129–150.

Kaiser E., Sava E., 2006. Die «Aschehügel» der späten Bronzezeit im Nordponticum Erste Ergebnisse eines Forschungsprojekts in Nordmoldavien // EA. — Bd. 12. — S. 137–172.

Kalmykov A.A., 2007. Tonmodelle von Weigen aus mittelbronzezeitlichen Bestattungen im Egorlyk-Kalaussk-Zwischenstromgebiet // EA. — Bd. 13. — S. 113–138.

Klochko V.I., 1999. Radiocarbon chronology of the Early and Middle Bronze Age in the Middle Dnieper Region. The Mironovka Barrows // BPS. Vol. 7: The foundation of Radiocarbon Chronology of Cultures between the Vistula and Dnieper: 3150–1850 BC. — Poznan. — P. 162–195.

Kouznetsov P. F., 1999. Chronology of cultures in Bronze Age in Russia and New Dates according to ^{14}C // Actes du 3èmè congrès international `Archéologie et ^{14}C , Lyon, 6–10 Avril 1998. Revue d' Archémétrie Suppl. — P. 239–242.

Lászlo A., 1993. Dates radiocarbone et chronologie de la civilization Noua-Sabatinovka-Coslogeni // Culture et civilization au Bas Danube. — Călăraşi. — Vol. X. — P. 23–41.

Limberis N. Ju., Marcenko I.I., 2002. Ein Kurgan der Novotitarovskaja-kultur bei Novovelickovskaja, Kuban-Gebiet, Nordwestkaukasien // EA. – Band. 8. – P. 1–37. *Otroshchenko V.V., 2003.* Radiocarbon chronology of the Bilozerka culture — based on barrows near the village of Zapovitne (The «Stehnoy» ctmtntery) // BPS. Vol. 12: The foundation of Radiocarbon Chronology of Cultures between the Vistula and Dnieper: 4000–1000 BC. — Poznan. — P. 336–364.

Nikolova A.V., 1999. Radiocarbon dating of graves of the Yamnaya and Catacomb cultures on the Dnieper right bank // BPS. Vol. 7: The foundation of Radiocarbon Chronology of Cultures between the Vistula and Dnieper: 3150–1850 BC. — Poznan. — P. 103–128.

Pustovalov S.Z., 1994. Economy and social organization of Northern Pontic steppe — forest steppe pastoral population: 2750–2000 BC (catacomb culture) // BPS. — Vol. 2. — P. 86–134.

Rau P., 1928. Neue funde aus hochergrabern des wolgadeutshen gebites. — Pokrowsk.

Shishlina N.I., 2004. North-West Caspian sea steppe: environment and migration crossroad of pastoral culture population during the third millennium BC // Impact of the Enviroment Migration in Euarasia. Ser. IV: Earth and Environvental Science. — Dordrecht; Boston; London. — Vol. 42 — P. 91–106.

Shishlina N.I., Alexandrovsky A.L., Chichagova O.A., J. van der Plicht, 2000. Radiocarbon chronology of the Kalmykia Catacomb culture of the west Eurasian steppe // Antiquity. — 74. — P. 793–799

Skripkin V.V., Kovalyukh N.N., 1999. Radiocarbon LS dating of bone micro-samples // BPS. V. 7. The foundation of Radiocarbon Chronology of Cultures between the Vistula and Dnieper: 3150–1850 BC. — Poznan. — P. 27–33.

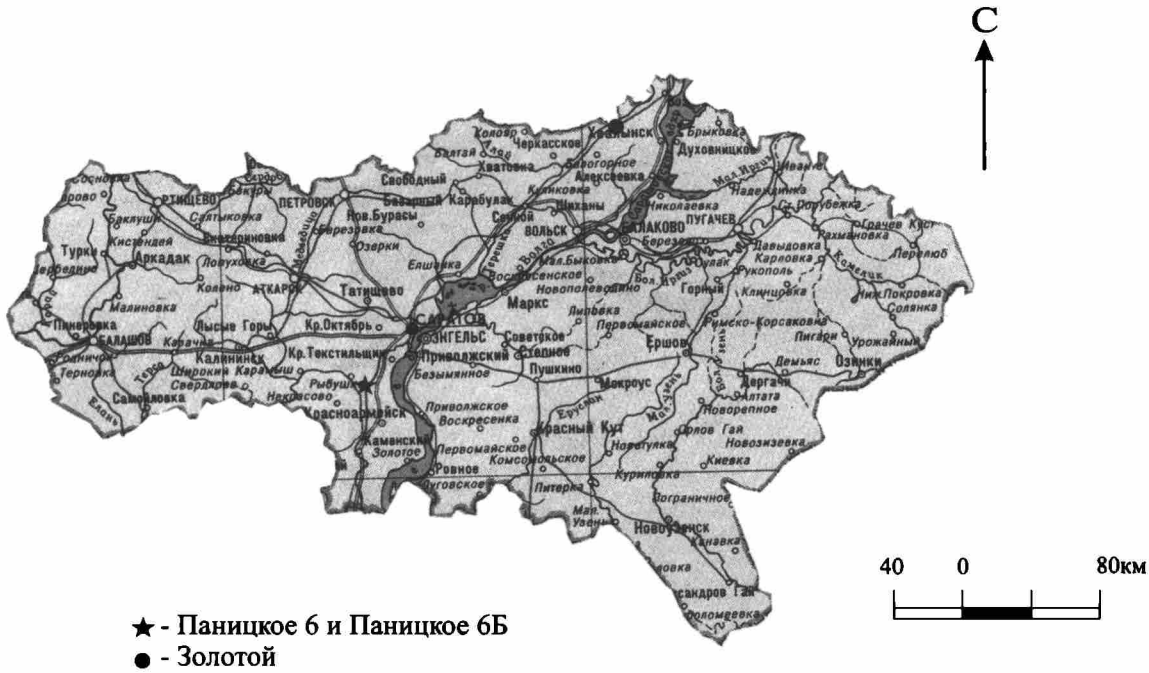
Szmyt M., Chernyakov I.T., 1999. Radiocarbon Chronology of «Akkiembetski Kurgan»: A Preliminary Report // BPS. Vol. 7: The foundation of Radiocarbon Chronology of Cultures between the Vistula and Dnieper: 3150–1850 BC. — Poznan. — P. 196–202.

Telegin D.Y., Pustovalov S.Z., Kovalyukh N.N., 2003. Relative and absolute chronology of yamnaya and catacomb monuments the issue of so–existence // BPS. Vol. 12: The foundation of Radiocarbon Chronology of Cultures between the Vistula and Dnieper: 4000–1000 BC. — Poznan. — P. 133–184.

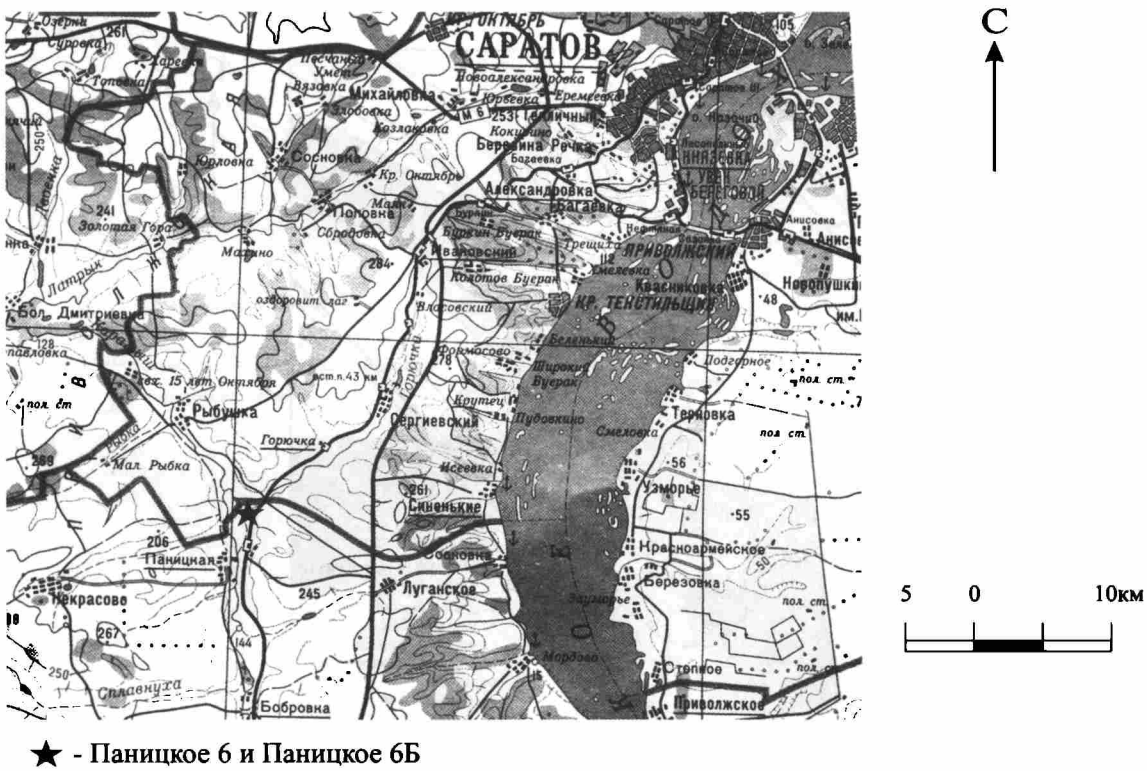
Список сокращений

АА — Археологический альманах
АВ — Археологические вести
АВЛ — Археология восточноевропейской лесостепи
АВЕС — Археология восточноевропейской степи
АЗ — Археологические записки
АПВЕ — Археологические памятники Восточной Европы
АПО — Археологические памятники Оренбуржья
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВАП — Вопросы археологии Поволжья
ГИМ — Государственный исторический музей
ДАС — Донецкий археологический сборник
ДСПК — Древности степного Причерноморья и Крыма
ИА НАНУ — Институт археологии Национальной академии наук Украины
ИА РАН — Институт археологии Российской академии наук
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МДАСУ — Матеріали та дослідження з археології Східної України
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
НАВ — Нижневолжский археологический вестник
РА — Российская археология
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
ТМАЭ — Труды Марийской археологической экспедиции
ТНАЭ — Труды Новочеркасской археологической экспедиции
УАС — Уральское археологическое совещание
BPS — Baltic-Pontic Studies
EA — Eurasia Antiqua

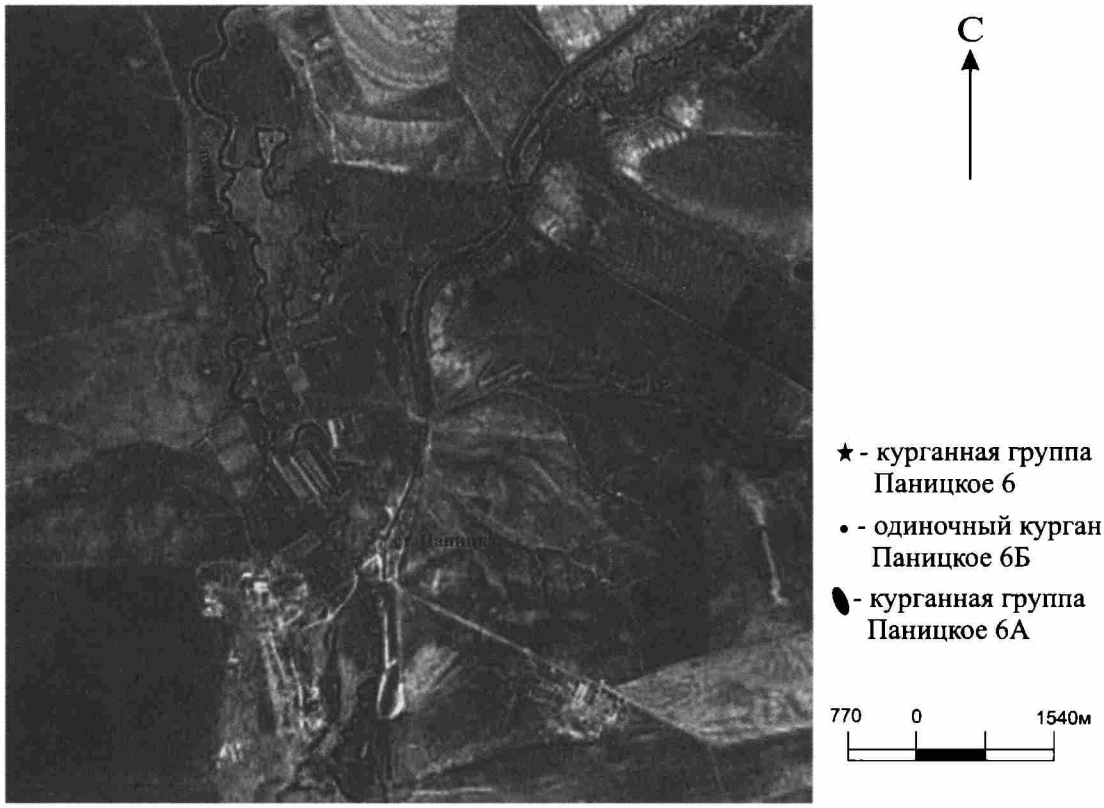
ИЛЛЮСТРАЦИИ



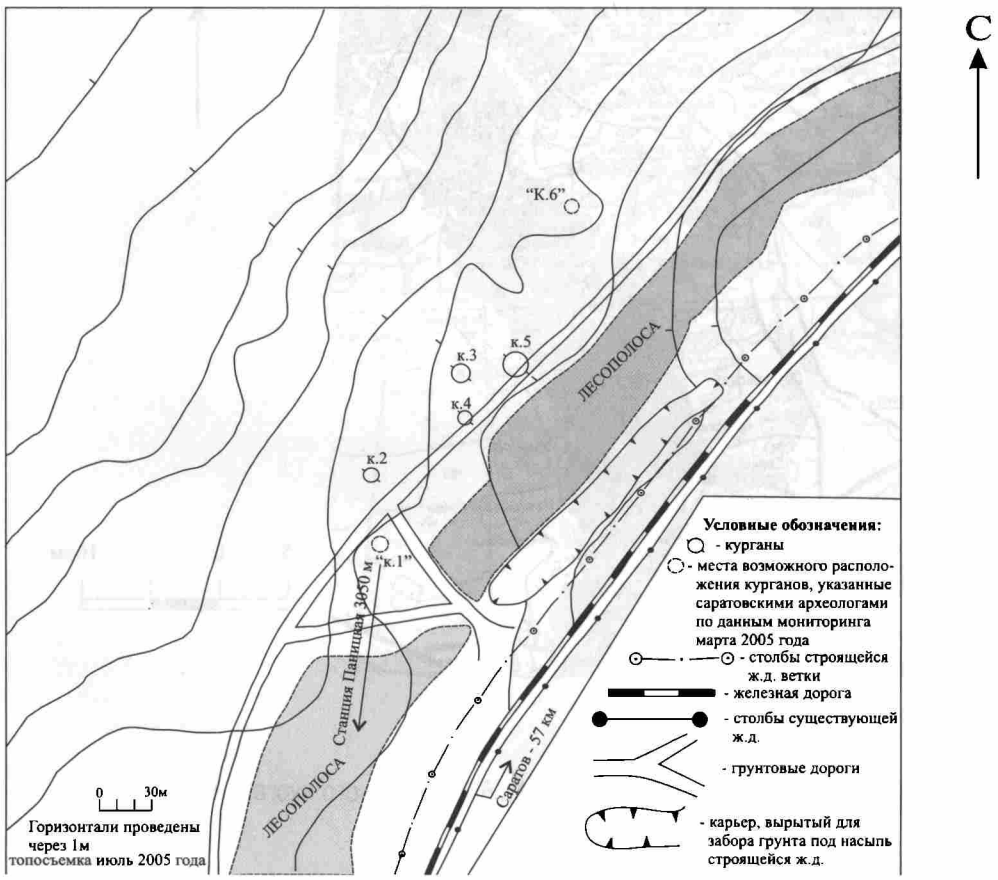
Илл. 1. Расположение районов исследований



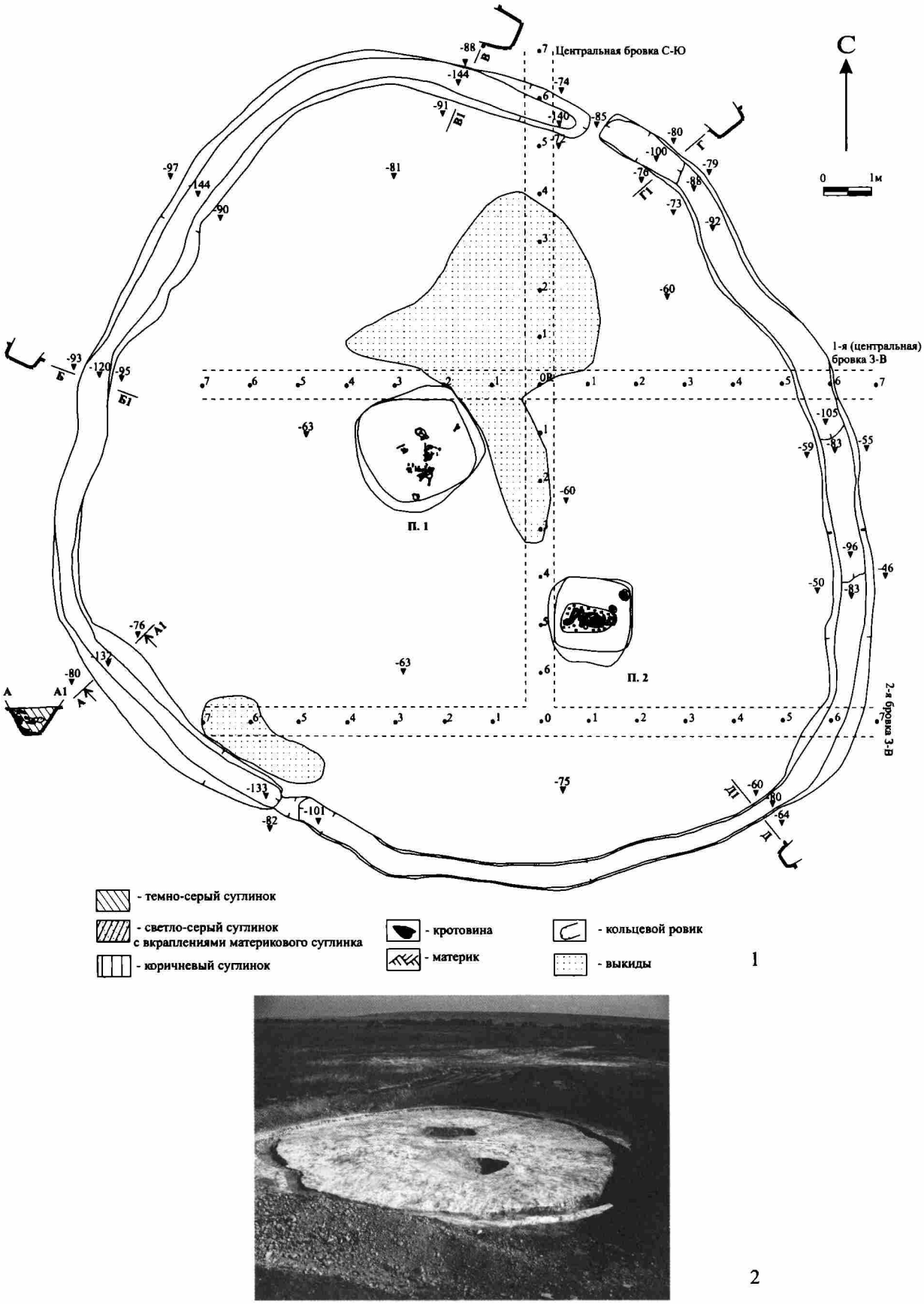
Илл. 2. Район расположения курганной группы Паницкое 6 и одиночного кургана Паницкое 6Б



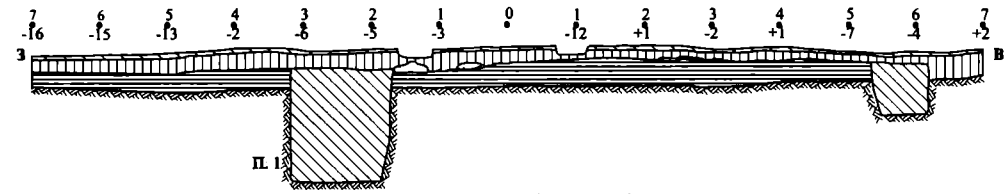
Илл. 3. Расположение курганных групп Паницкое 6 и 6А одиночного кургана Паницкое 6Б на подоснове космосъемки



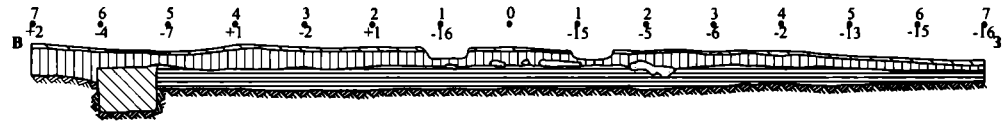
Илл. 4. Паницкое 6. Топографический план курганной группы



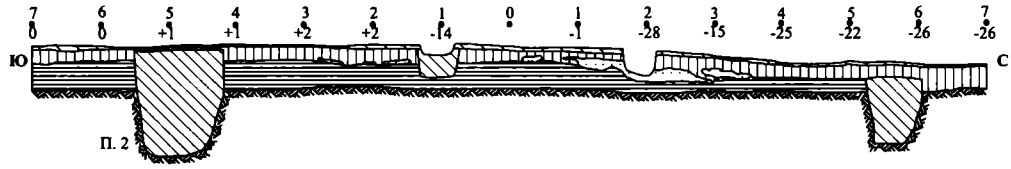
Илл. 5. Паницкое 6. Курган 2:
1 — общий план, чертеж; 2 — фото, вид с ЮВ



Центральная бровка В-З. Южная сторона

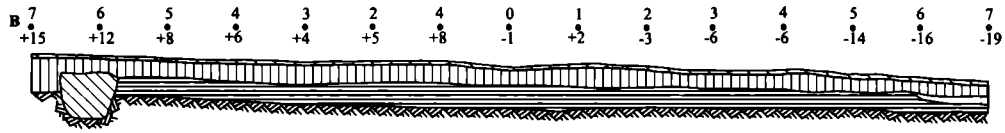


Центральная бровка В-З. Северная сторона

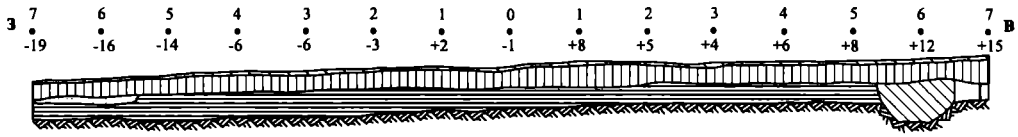


Центральная бровка С-Ю. Восточная сторона

Центральная бровка С-Ю. Западная сторона



2-я бровка В-З. Северная сторона

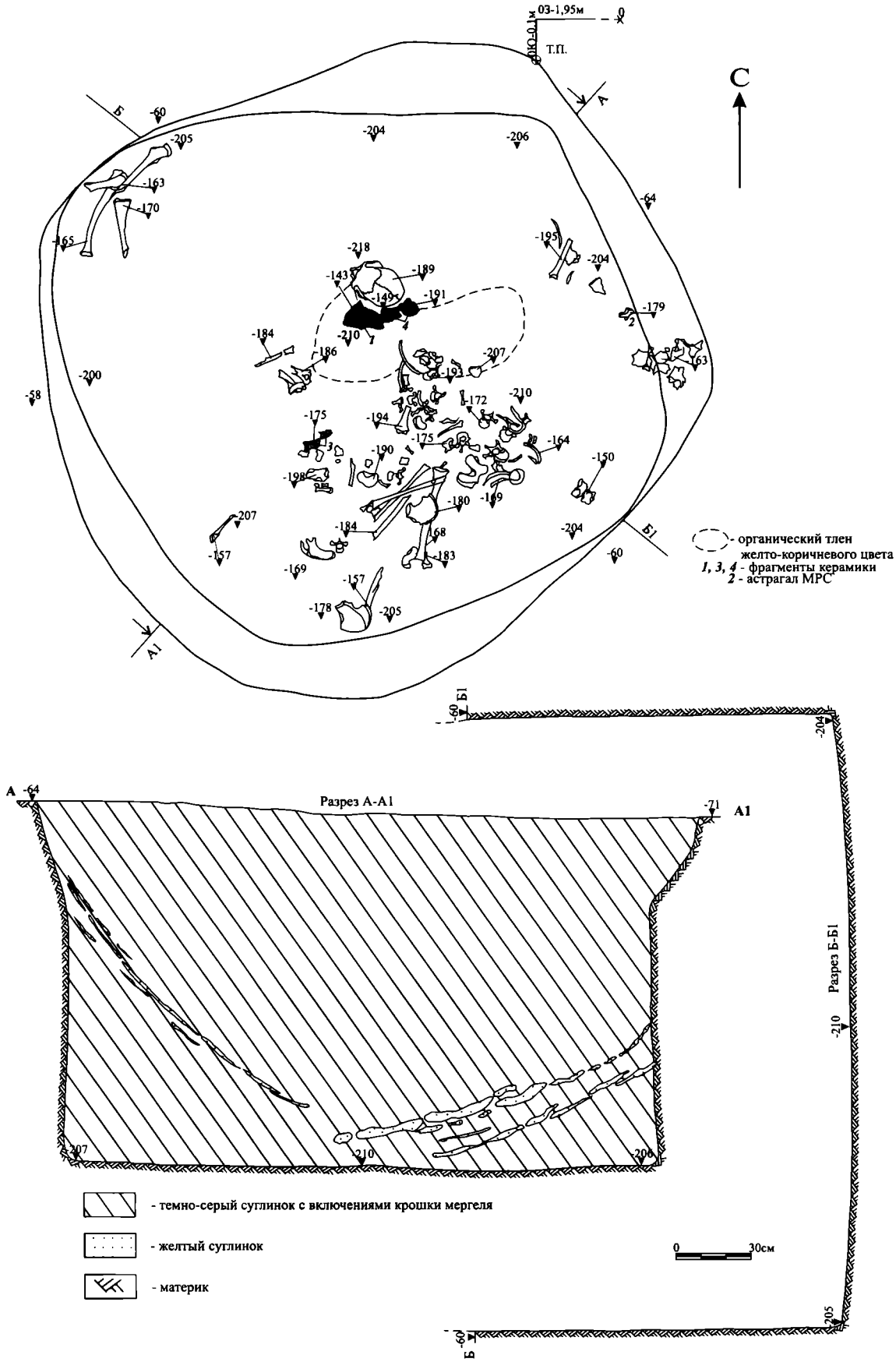


2-я бровка В-З. Южная сторона

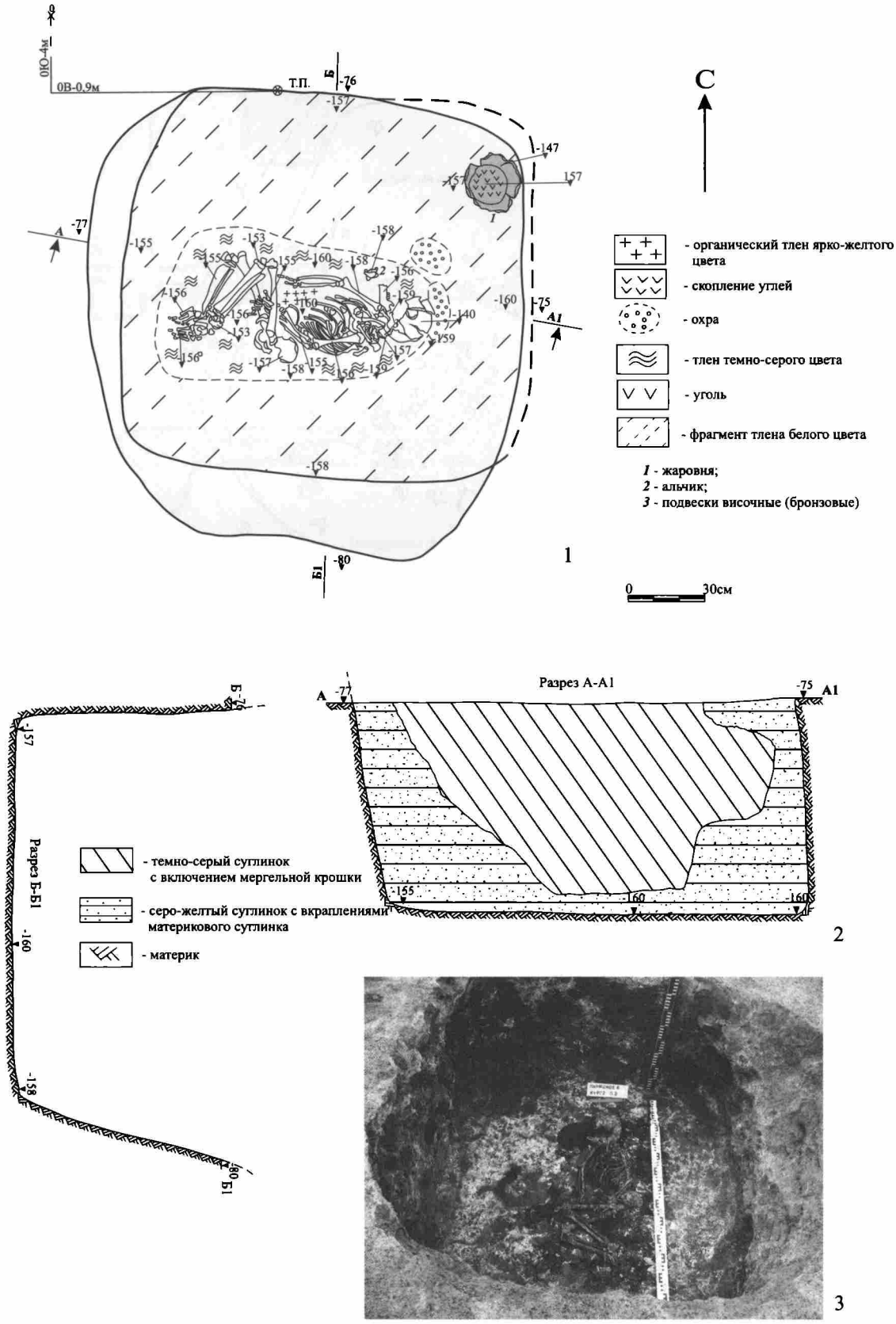
- дерновый слой
- слой серого суглинка с включениями мергельной крошки
- слой серого суглинка - горизонт погребенной почвы В1
- материковый желтый суглинок (выкид)
- гумусовый горизонт белесого цвета А1 погребенной почвы
- темно-серый суглинок
- материк - желтый суглинок

0 1м

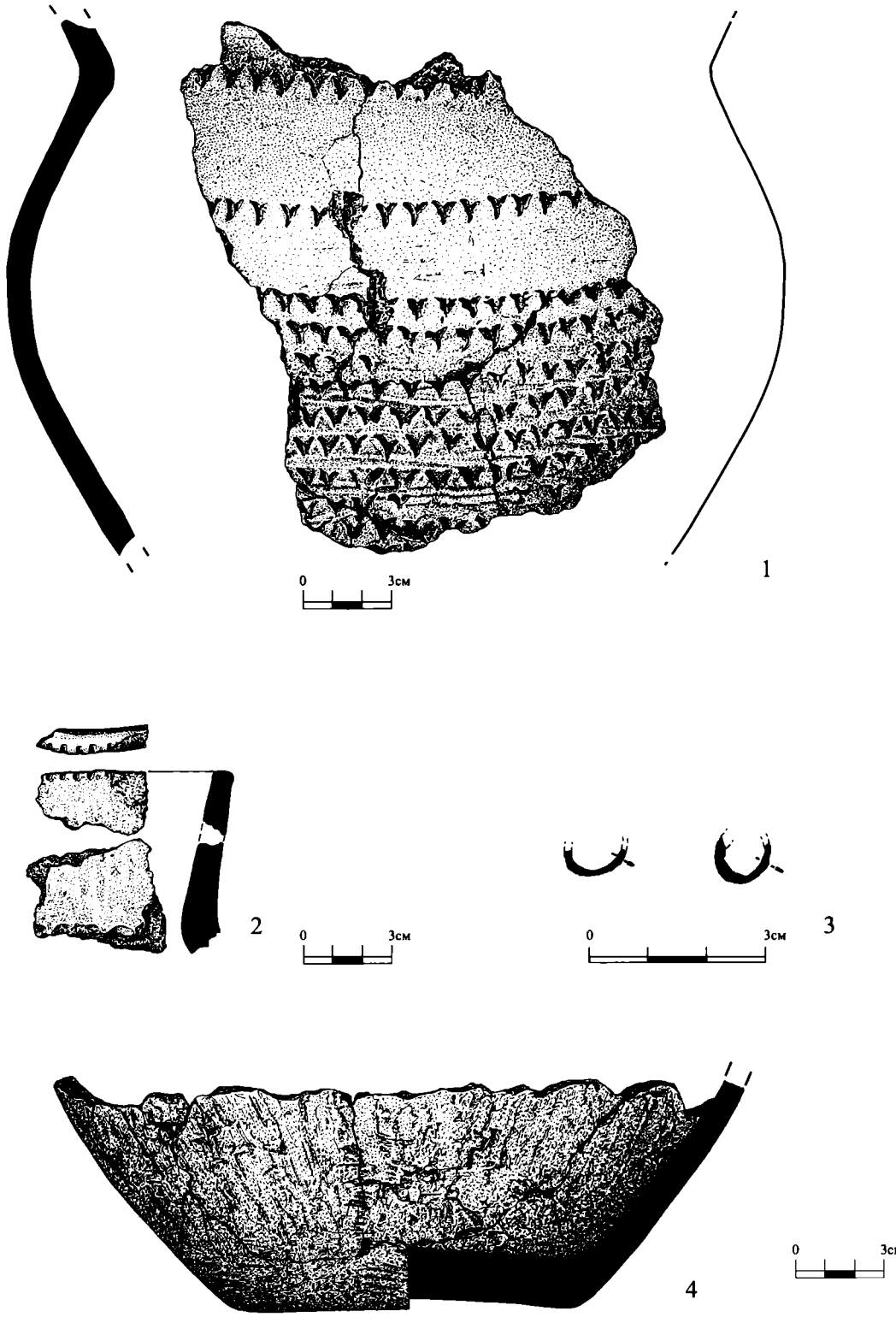
Илл. 6. Паницкое 6. Курган 2. Чертежи бровок



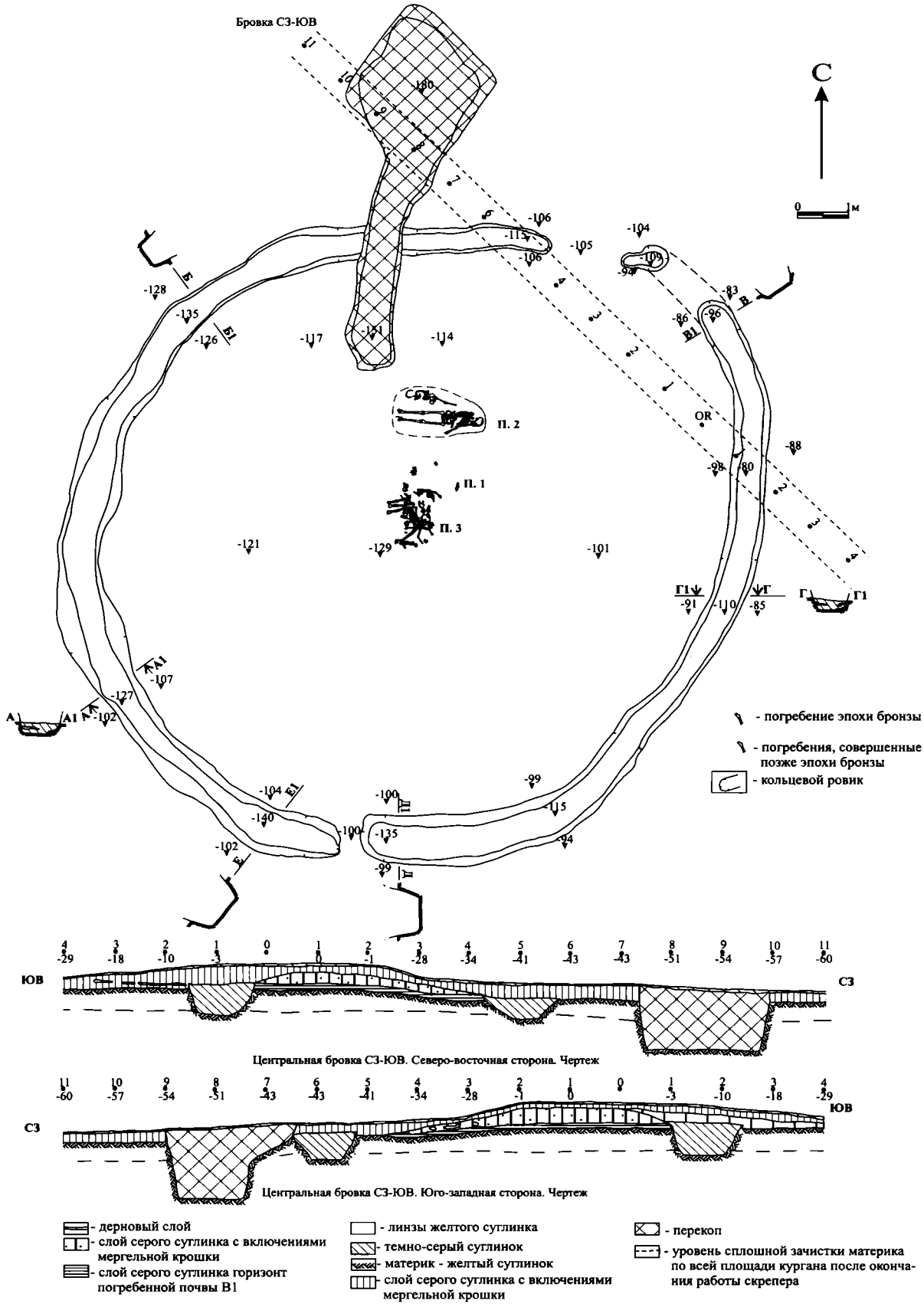
Илл. 7. Паницкое 6. Курган 2. Погребение 1. Разрезы могильной ямы. Чертеж



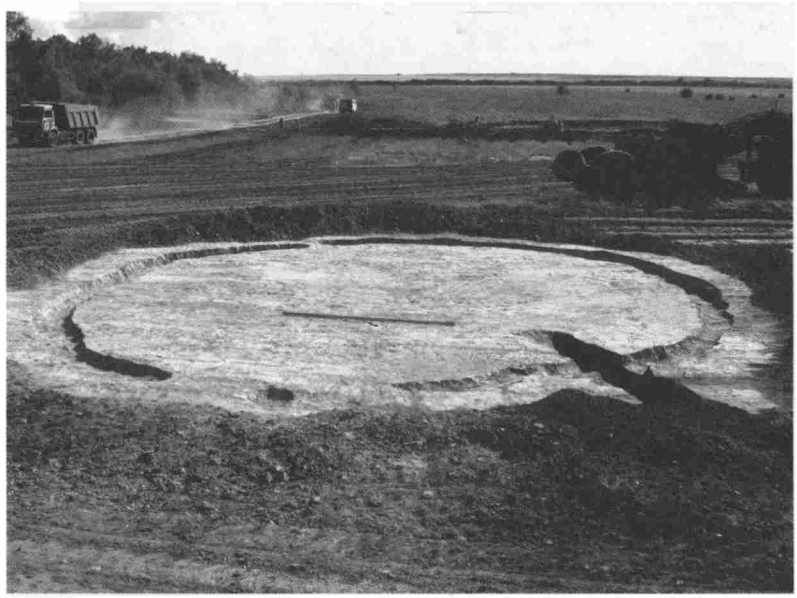
Илл. 8. Паницкое 6. Курган 2. Погребение 2:
1 — план, чертеж; 2 — разрезы ямы, чертеж; 3 — фото, вид с З



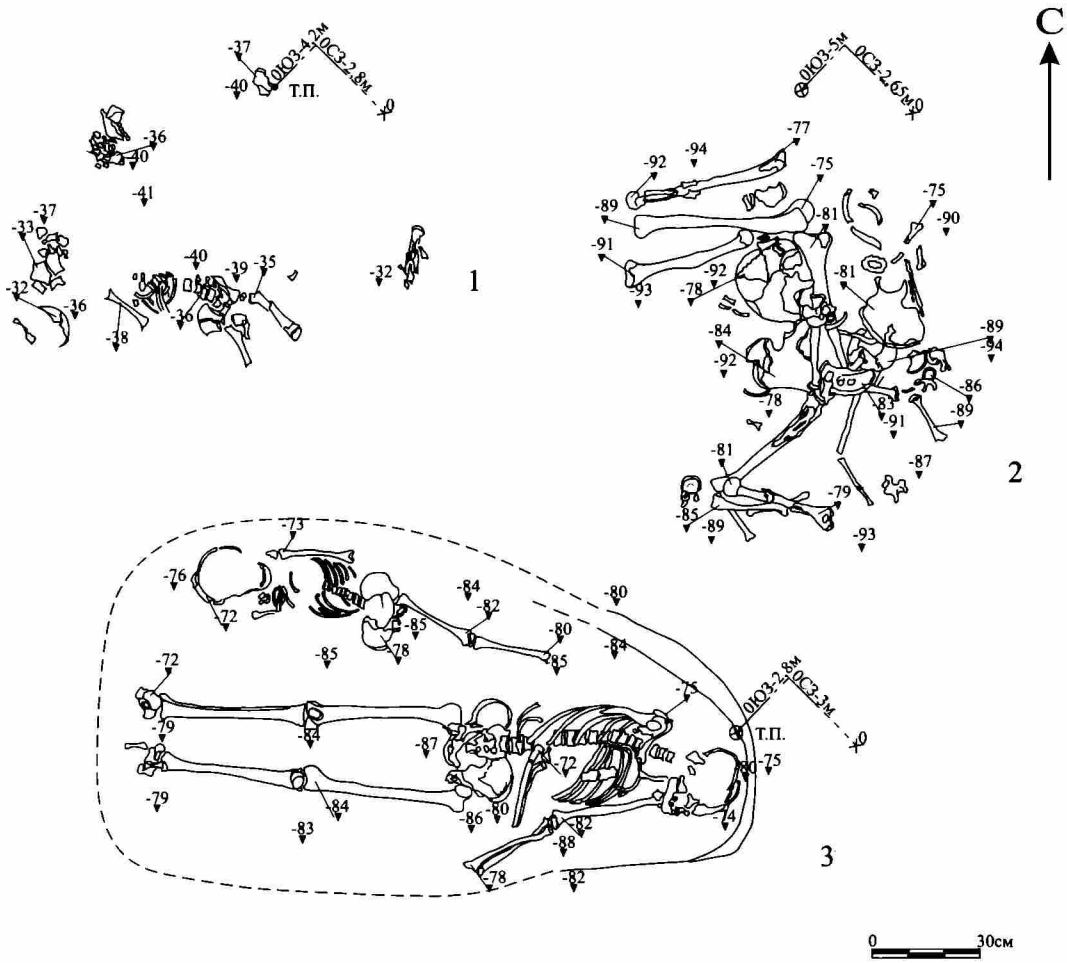
Илл. 9. Паницкое 6. Курган 2. Находки:
1, 2 — погребение 1; 3, 4 — погребение 2; 1 — фрагмент сосуда (нах. 1, 3, 4);
2 — фрагмент керамики (нах. 3); 3 — фрагменты височных бронзовых подвесок (нах. 3);
4 — жаровня керамическая (нах. 1)



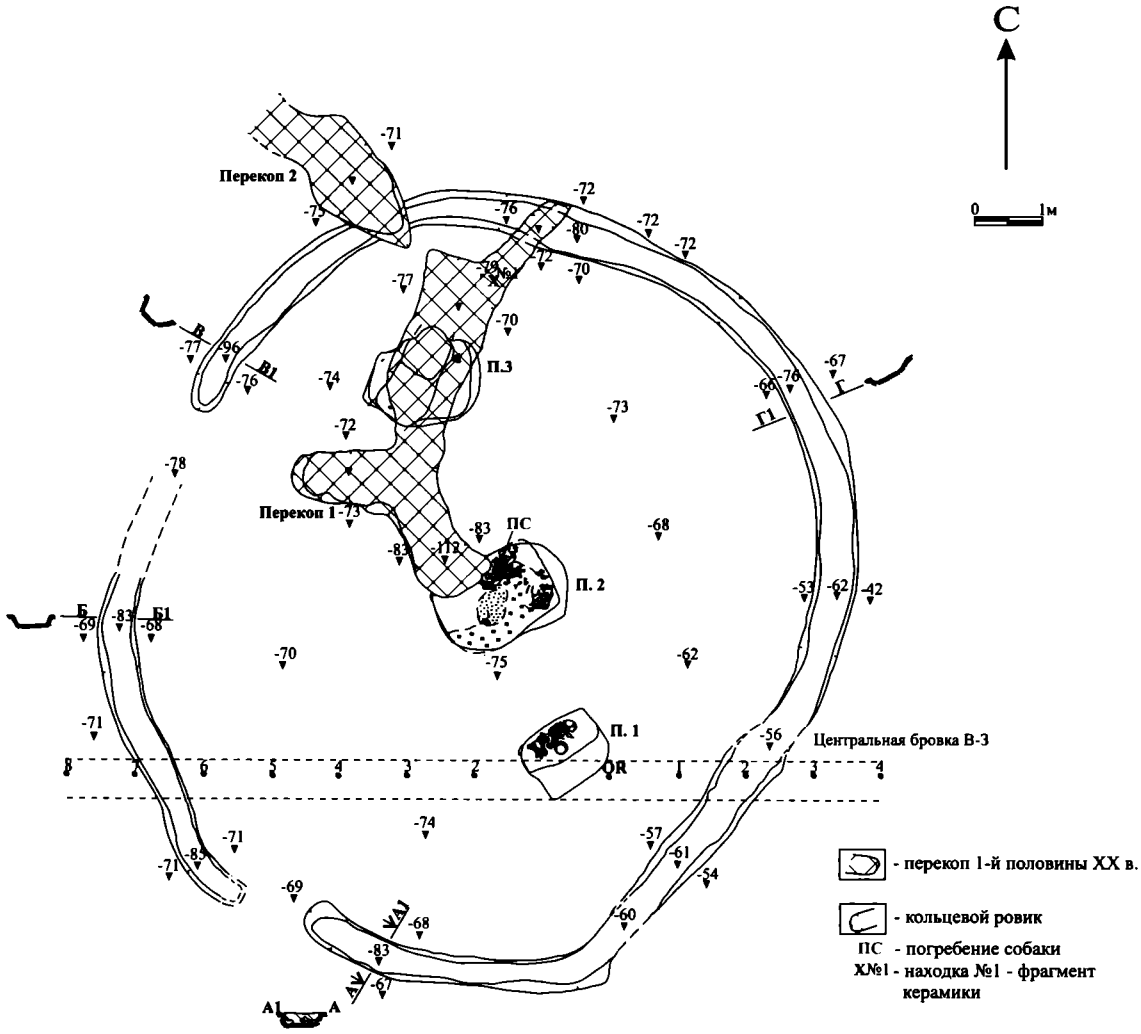
Илл. 10. Паницкое 6. Курган 3. Общий план

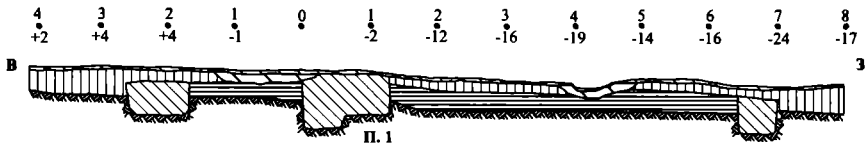


Илл. 11. Паницкое 6. Курган 3. Кольцевой ровик. Фото. Вид с северо-северо-востока

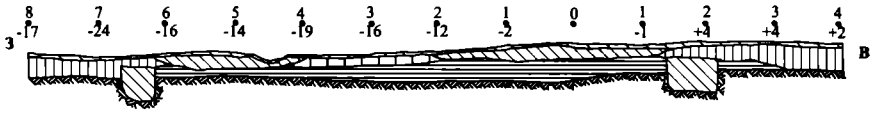


Илл. 12. Паницкое 6. Курган 3.
Погребения: *1 — погребение 1; 2 — погребение 3; 3 — погребение 2*





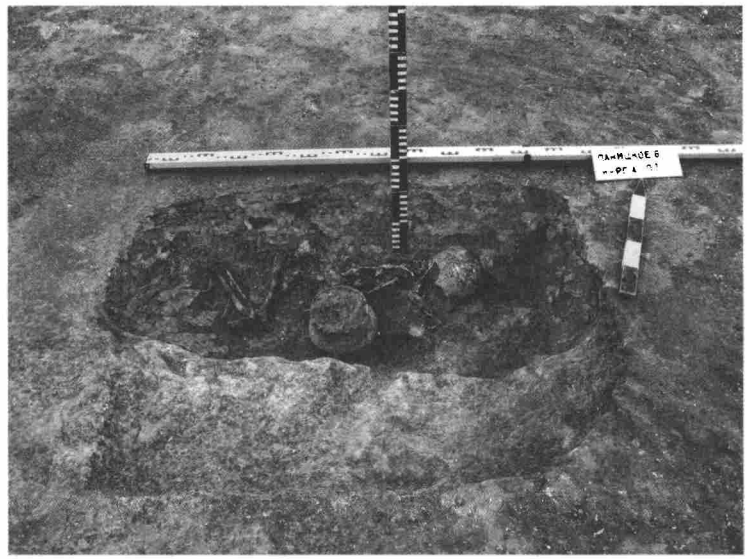
Центральная бровка В-З. Северная сторона. Чертеж



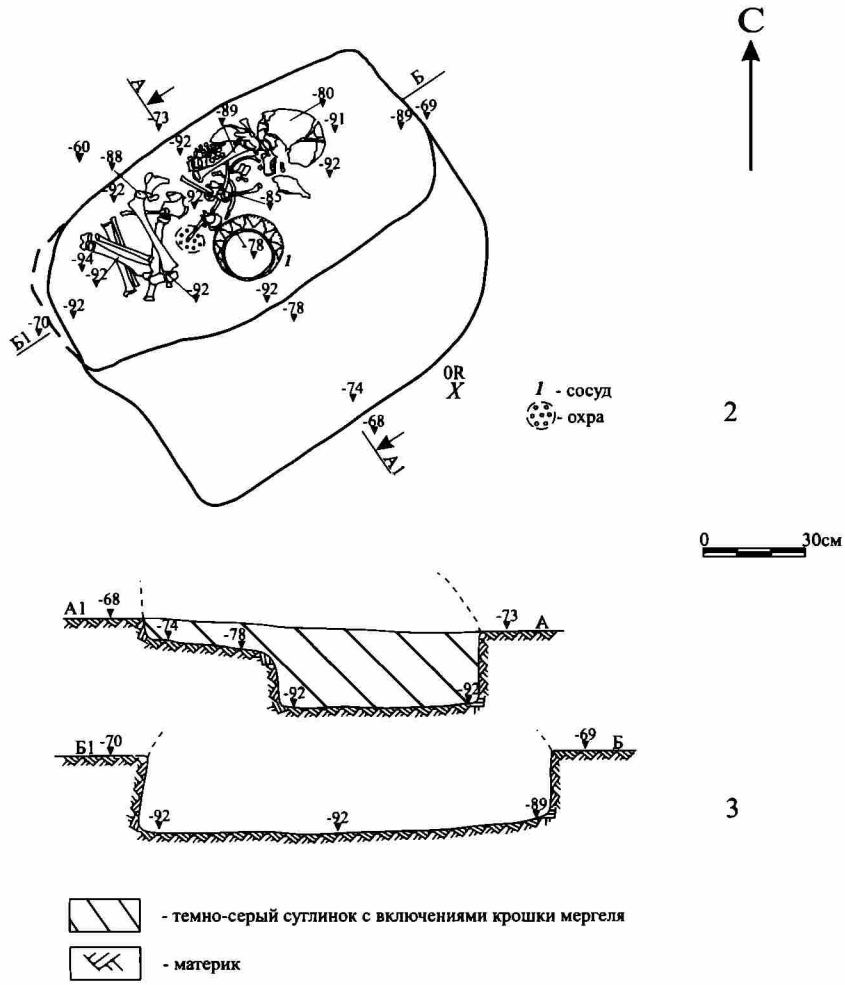
Центральная бровка В-З. Южная сторона. Чертеж

- дерновый слой
- слой серого суглинка с включениями мергельной крошки
- темно-серый суглинок
- слой серого суглинка - горизонт погребенной почвы В1
- линзы желтого суглинка
- материк - желтый суглинок

Илл. 13. Паницкое 6. Курган 4. Общий план



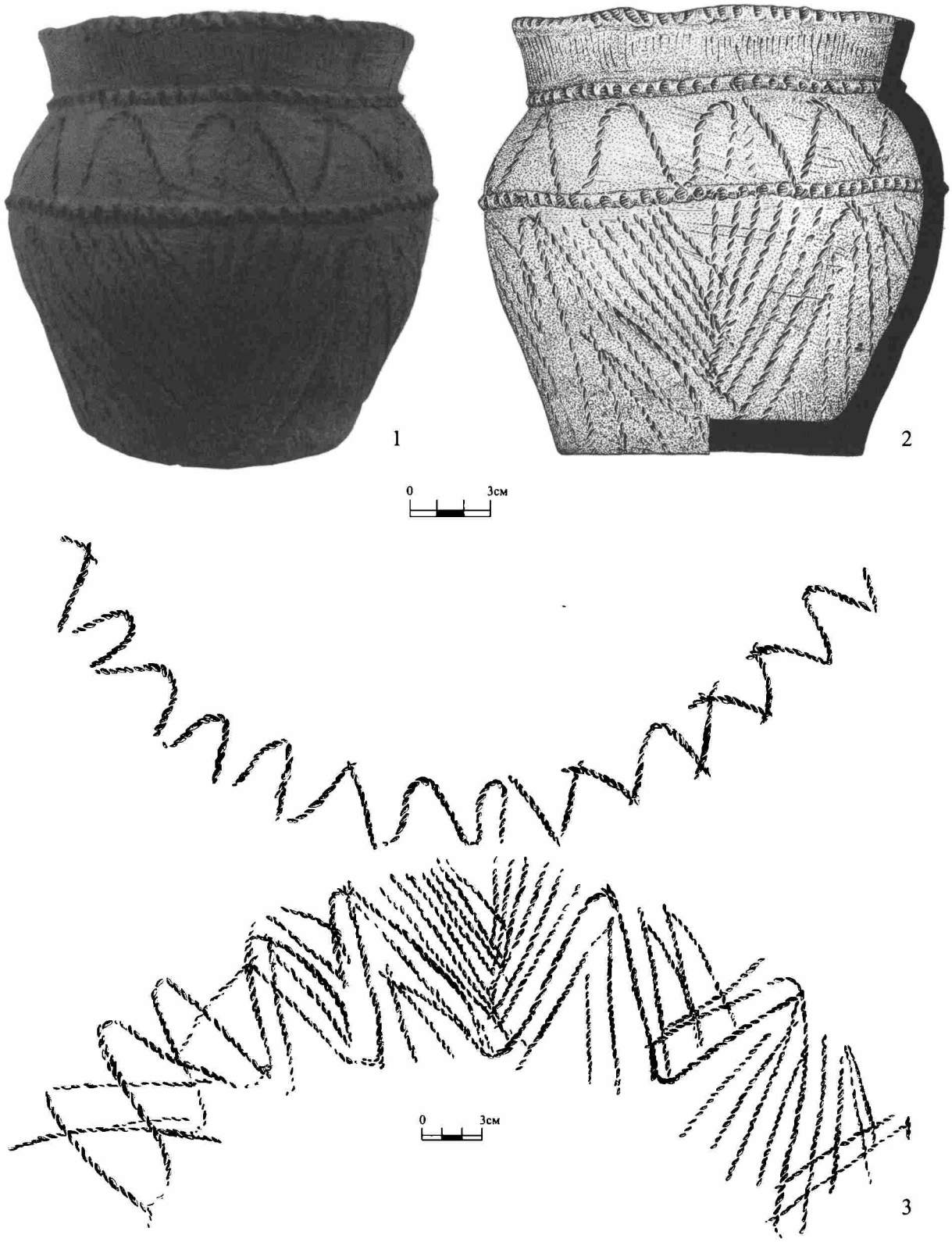
1



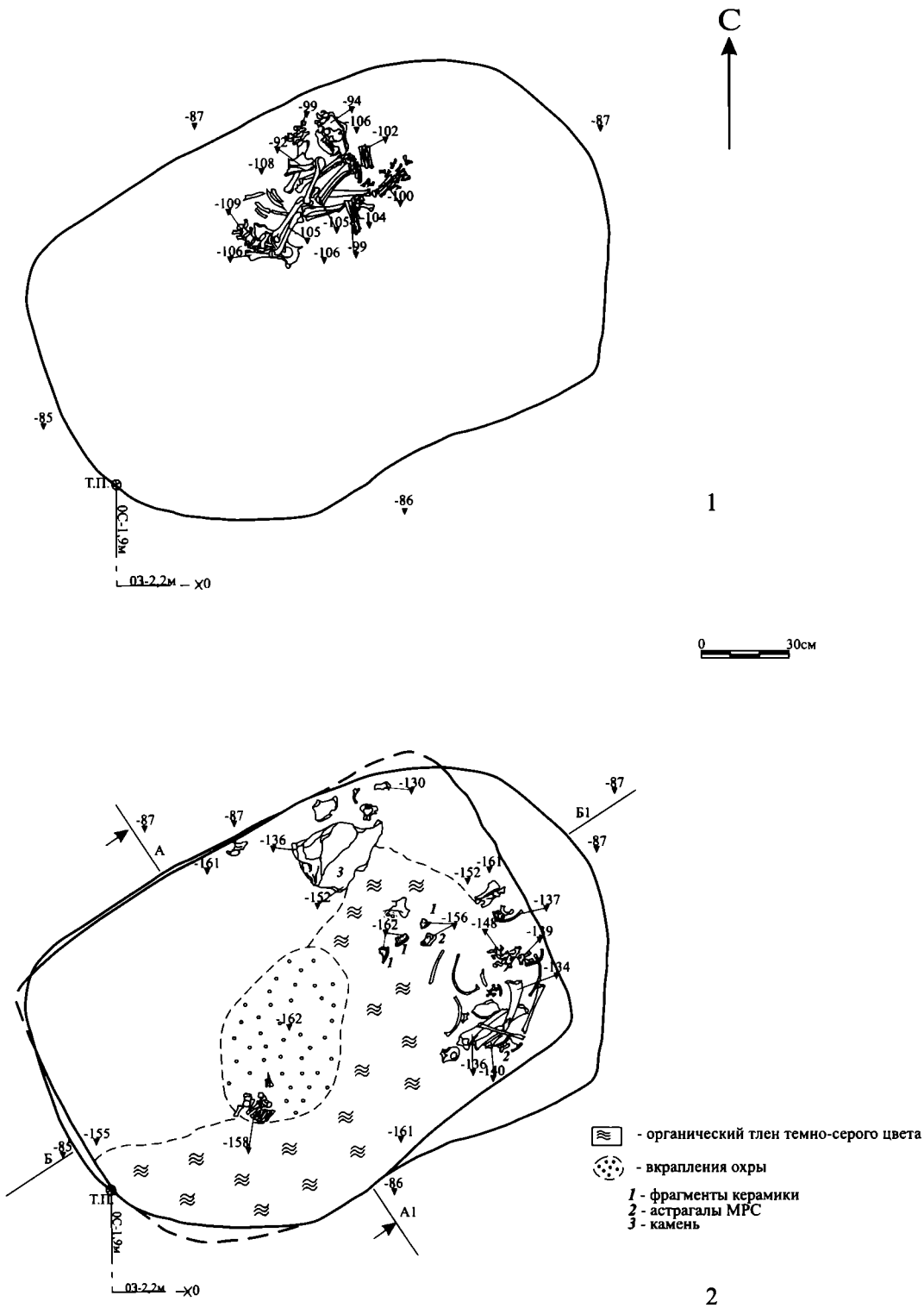
2

3

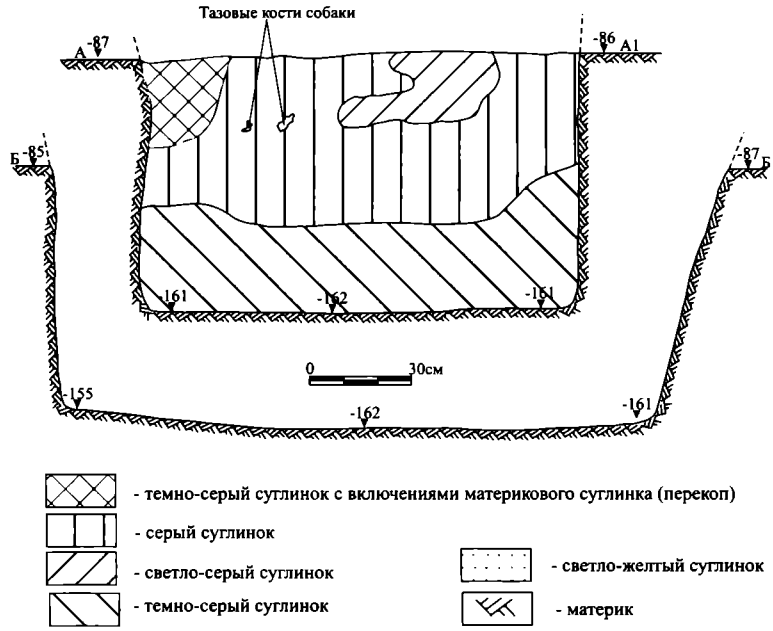
Илл. 14. Паницкое 6. Курган 4. Погребение 1:
1 — фото, вид с ЮЮВ; 2 — план, чертеж; 3 — разрезы ямы, чертеж



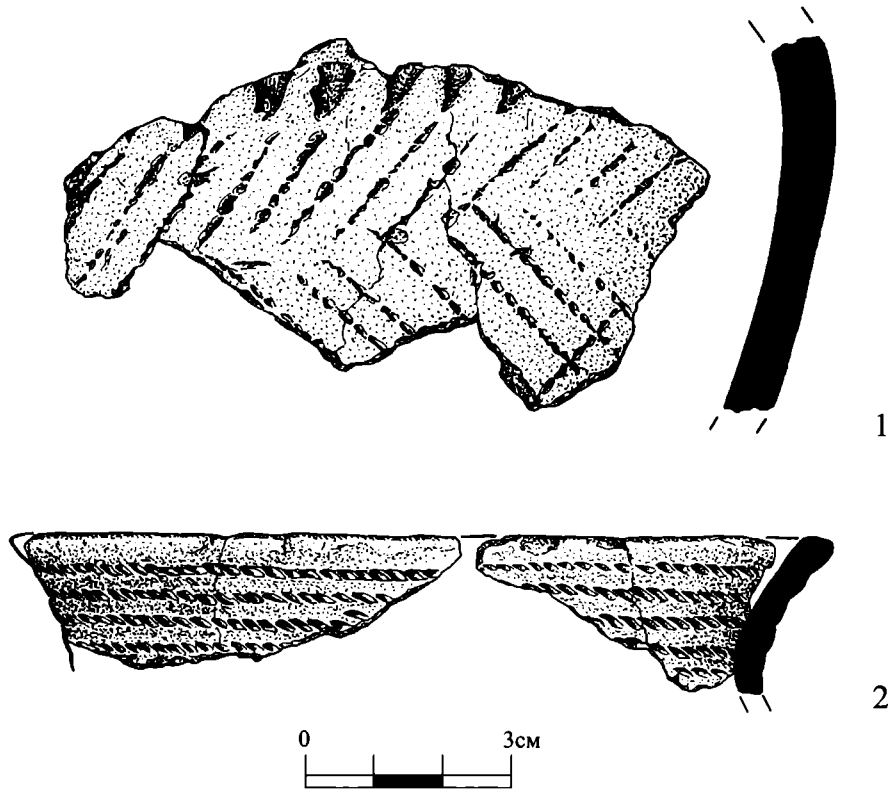
Илл. 15. Паницкое 6. Курган 4. Погребение 1.
Сосуд (нах. 1): *1 — фото; 2 — рисунок; 3 — развертка шнуровой орнаментации сосуда*



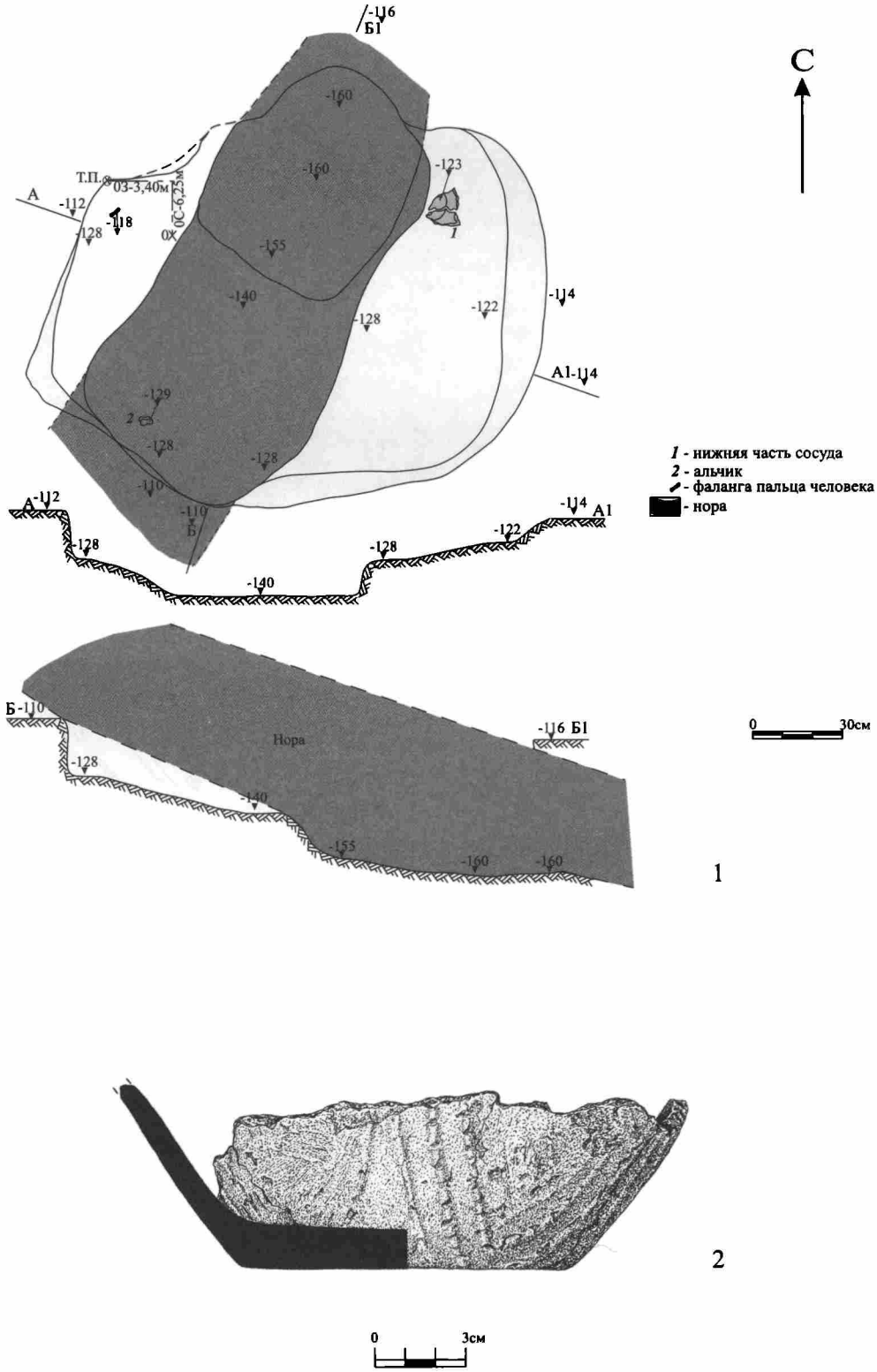
Илл. 16. Паницкое 6. Курган 4. Погребение 2:
1 — погребение собаки в заполнении могильной ямы, чертеж; 2 — погребение 2, чертеж



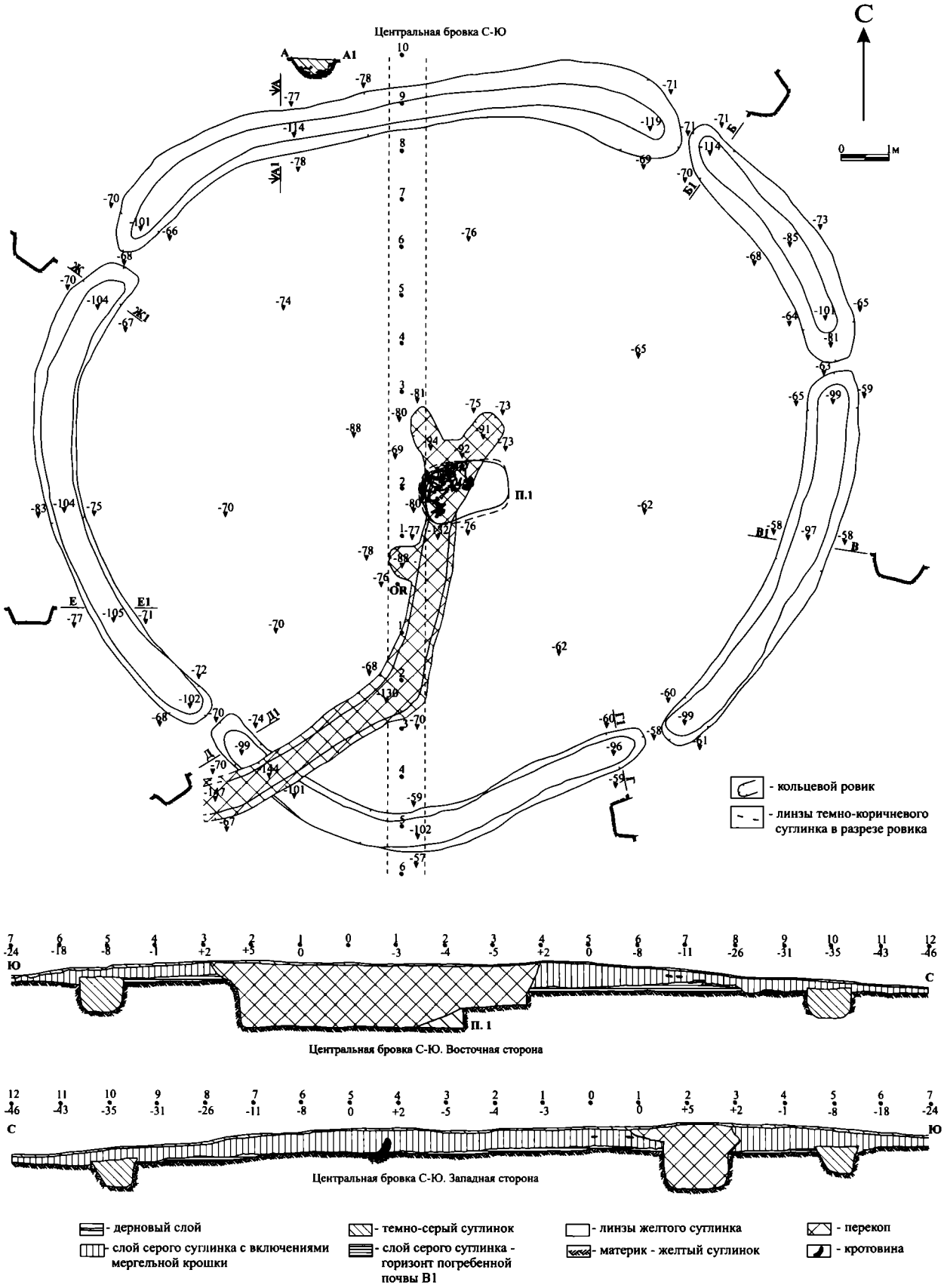
Илл. 17. Паницкое 6. Курган 4. Погребение 2.
Разрезы могильной ямы



Илл. 18. Паницкое 6. Курган 4. Находки:
1 — насыпь, фрагмент стенки сосуда (нах. 1);
2 — погребение 2, фрагмент венчика сосуда (нах. 1)

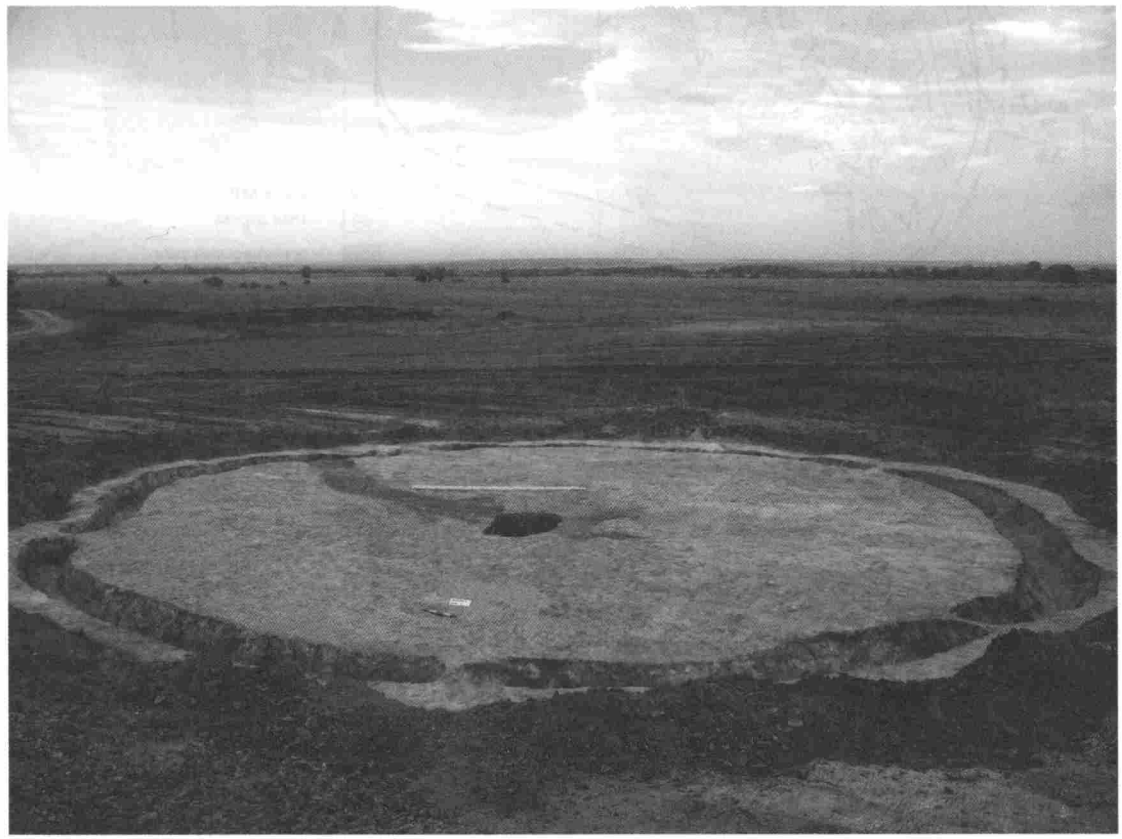


Илл. 19. Паницкое 6. Курган 4. Погребение 3:
1 — погребение, чертеж; 2 — нижняя часть сосуда (нах. 1)



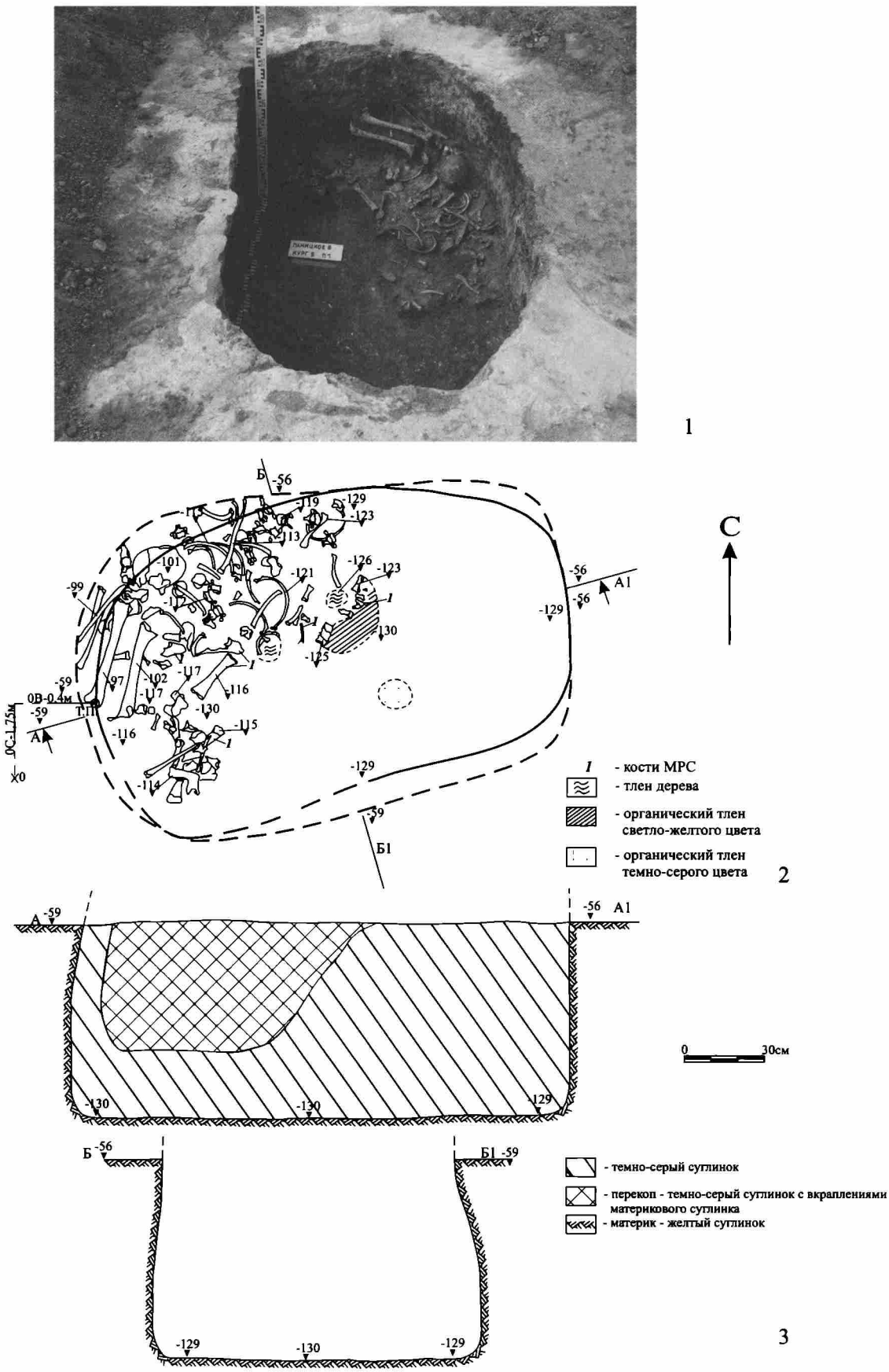
Илл. 20. Паницкое 6. Курган 5. Общий план

1

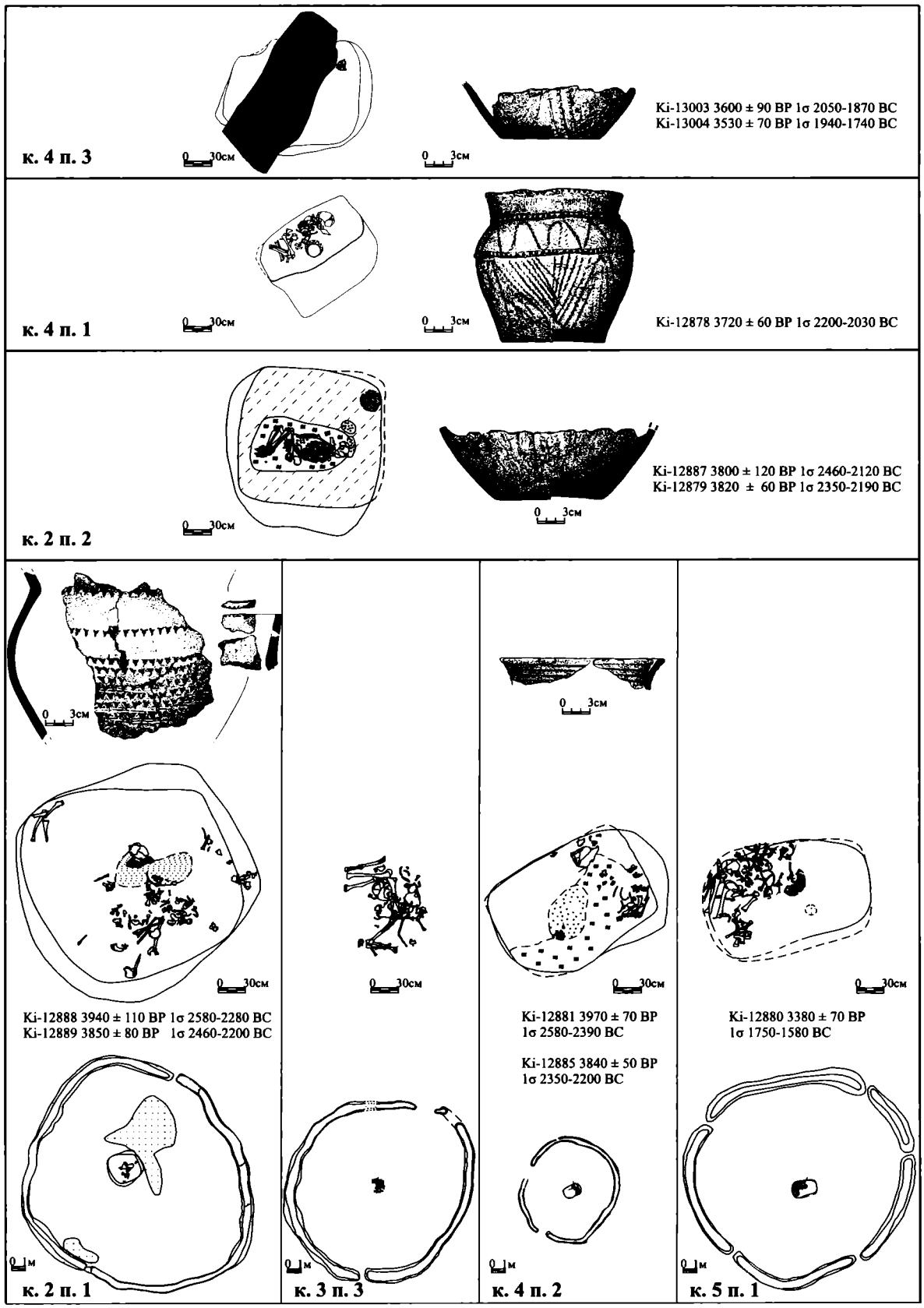


2

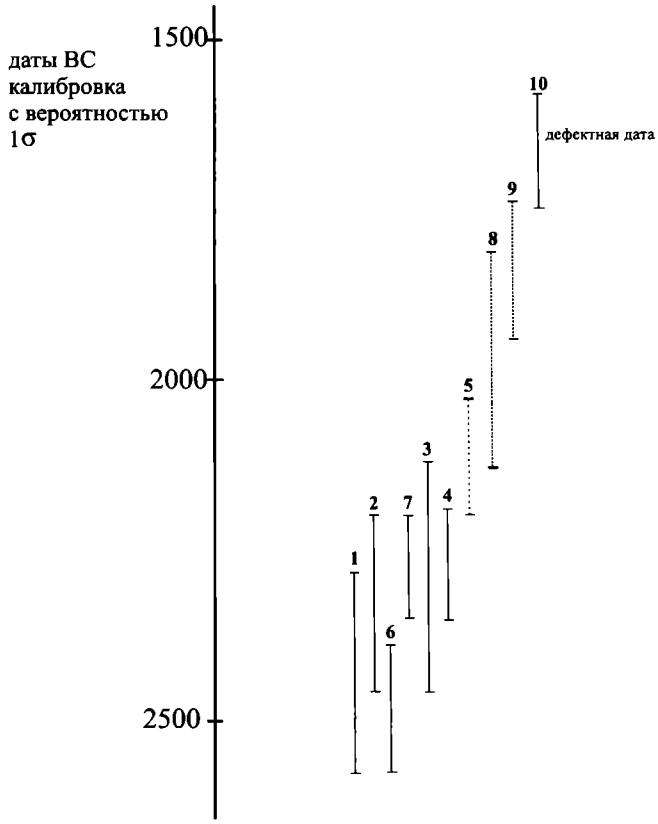
Илл. 21. Паницкое 6. Курган 5. Подкурганная площадка.
Фото: *1 — зачистка по материку, вид с северо-запада;*
2 — после выборки погребения и кольцевого ровика, вид с северо-востока



Илл. 22. Паницкое 6. Курган 5. Погребение 1:
1 — фото, вид с ВСВ; 2 — план, чертеж; 3 — разрезы ямы, чертеж



Илл. 23. Хронологическая последовательность погребальных комплексов эпохи бронзы в курганном могильнике Паницкое 6

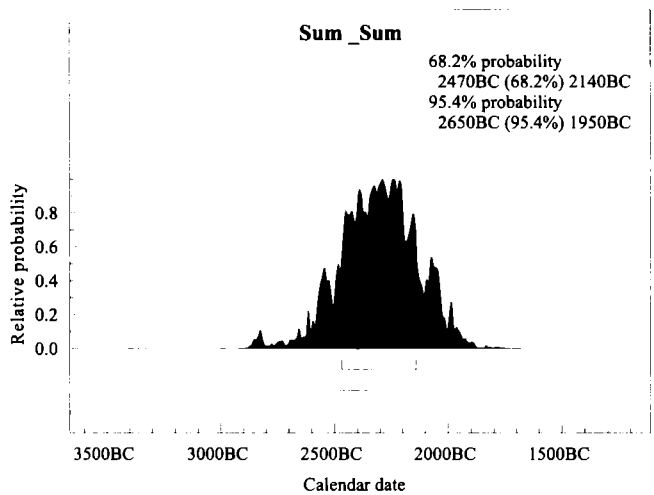


номера соответствуют нумерации в таблице приложения 1.3

- радиоуглеродные даты погребений развитой среднедонской катакомбной культуры

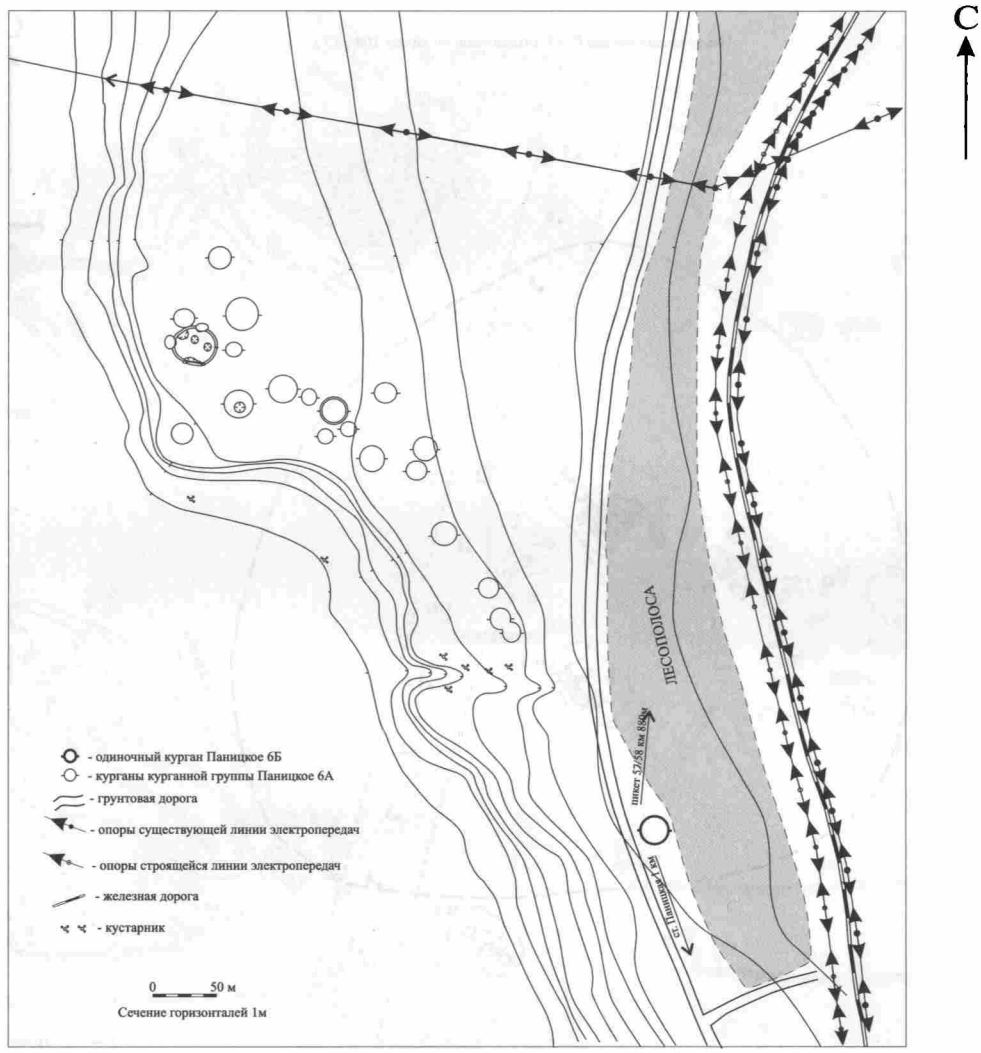
- радиоуглеродная дата поздней среднедонской катакомбной культуры

- радиоуглеродные даты криволукской культурной группы 1



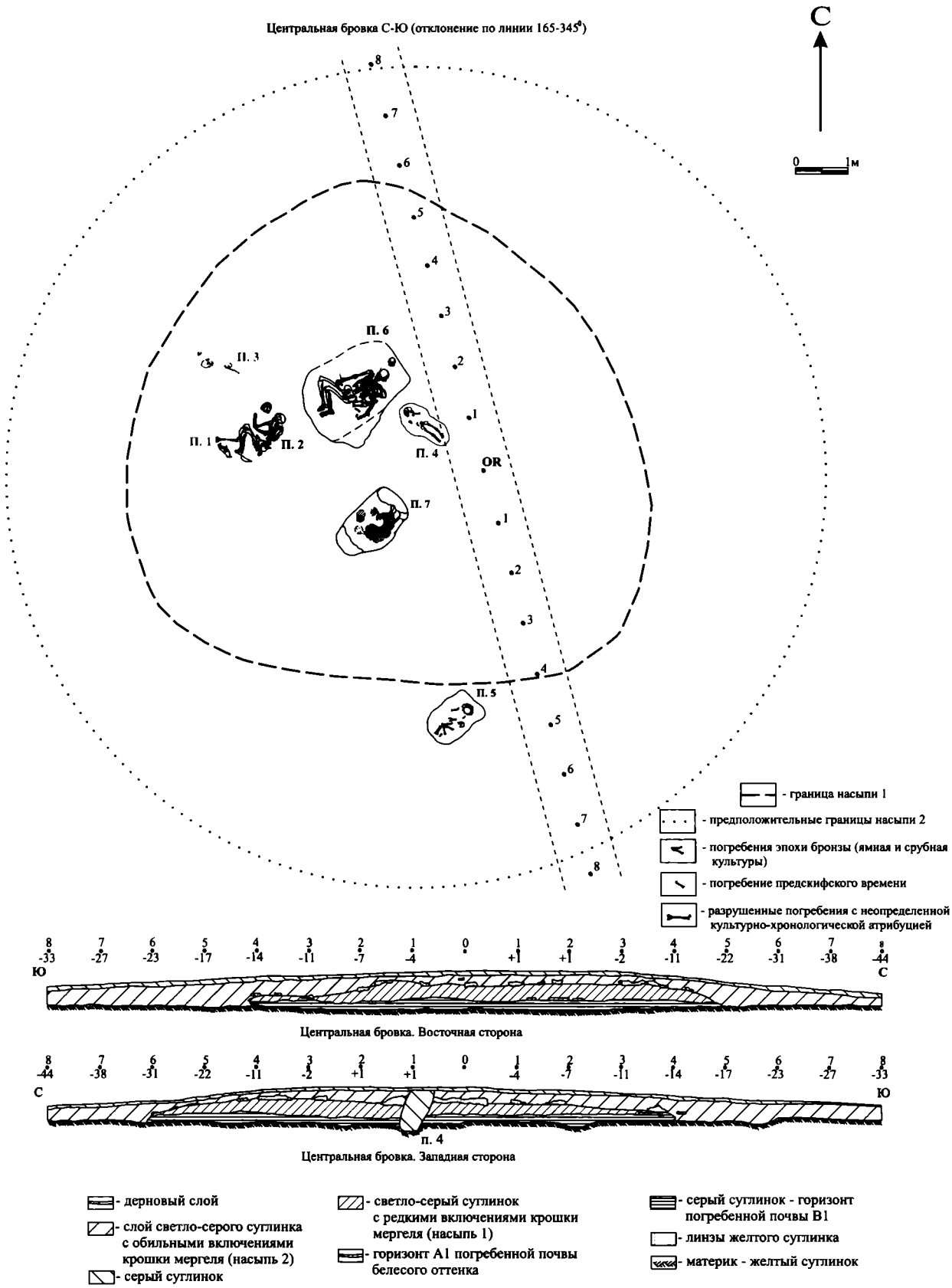
2

Илл. 24. Графики распределения радиоуглеродных дат погребений могильника Паницкое 6:
1 — график распределения данных ^{14}C калибровкой в 1 σ;
2 — диапазон существования среднедонской катакомбный культуры развитого и позднего этапов по результатам суммирования дат могильника Паницкое 6

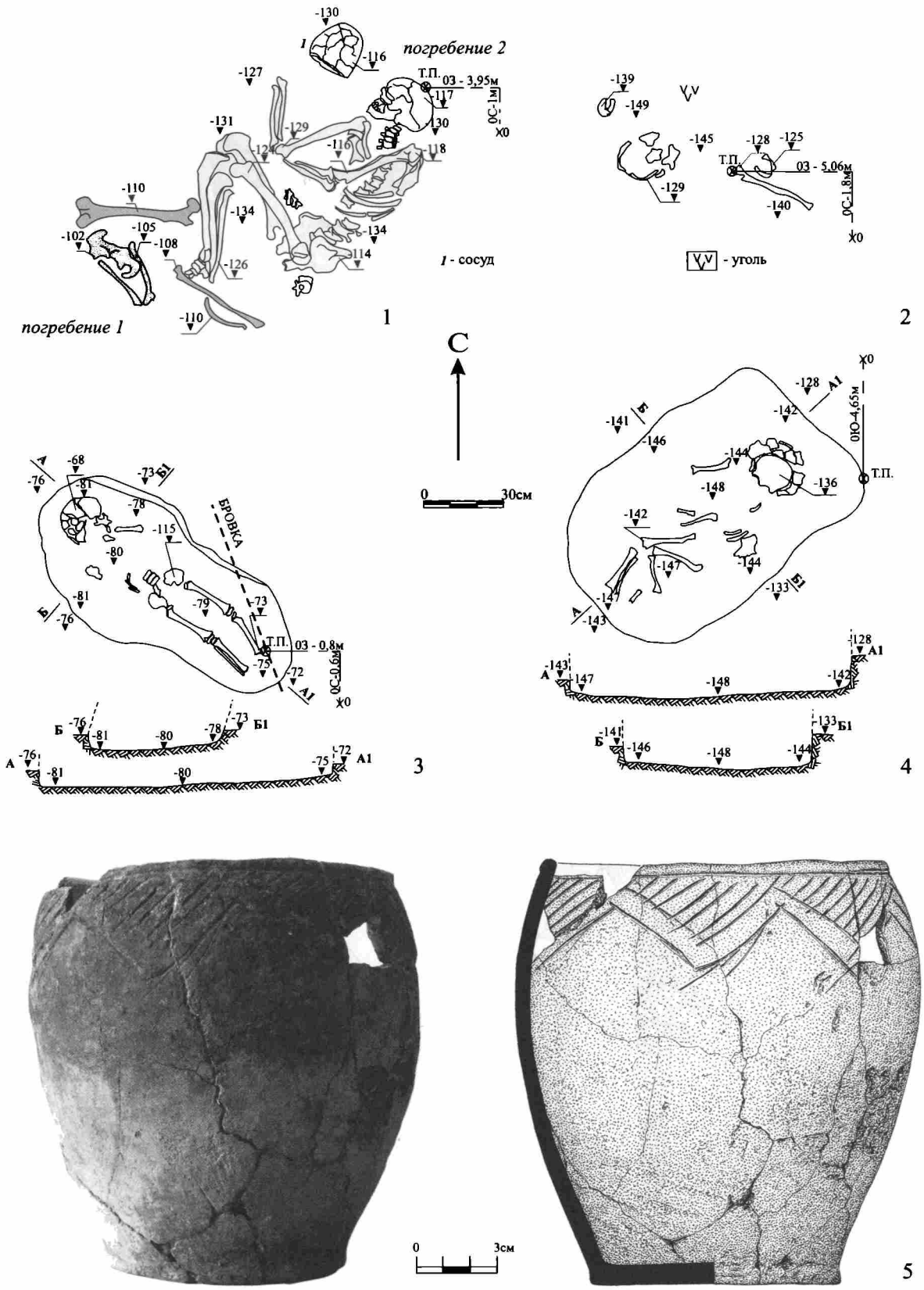


Илл. 25. Топографический план курганной группы Паницкое 6А и одиночного кургана Паницкое 6Б

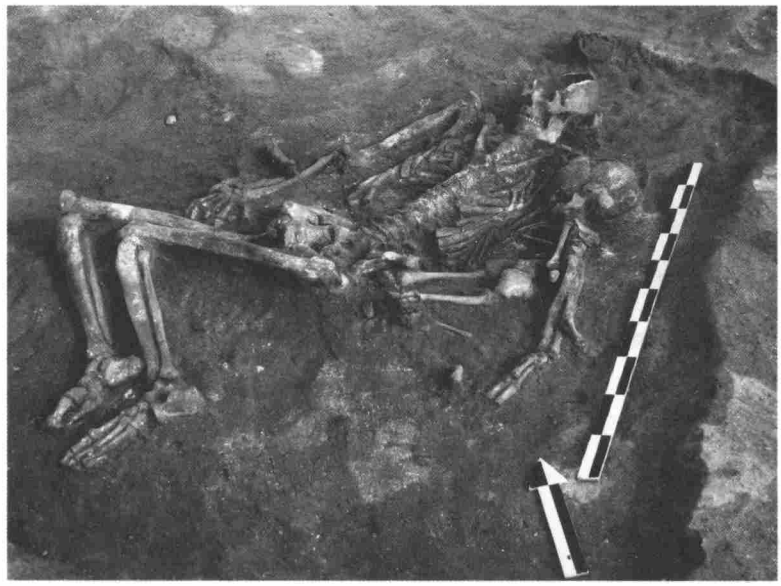
Илл. 26. Паницкое 6Б. Одиночный курган. Вид с З



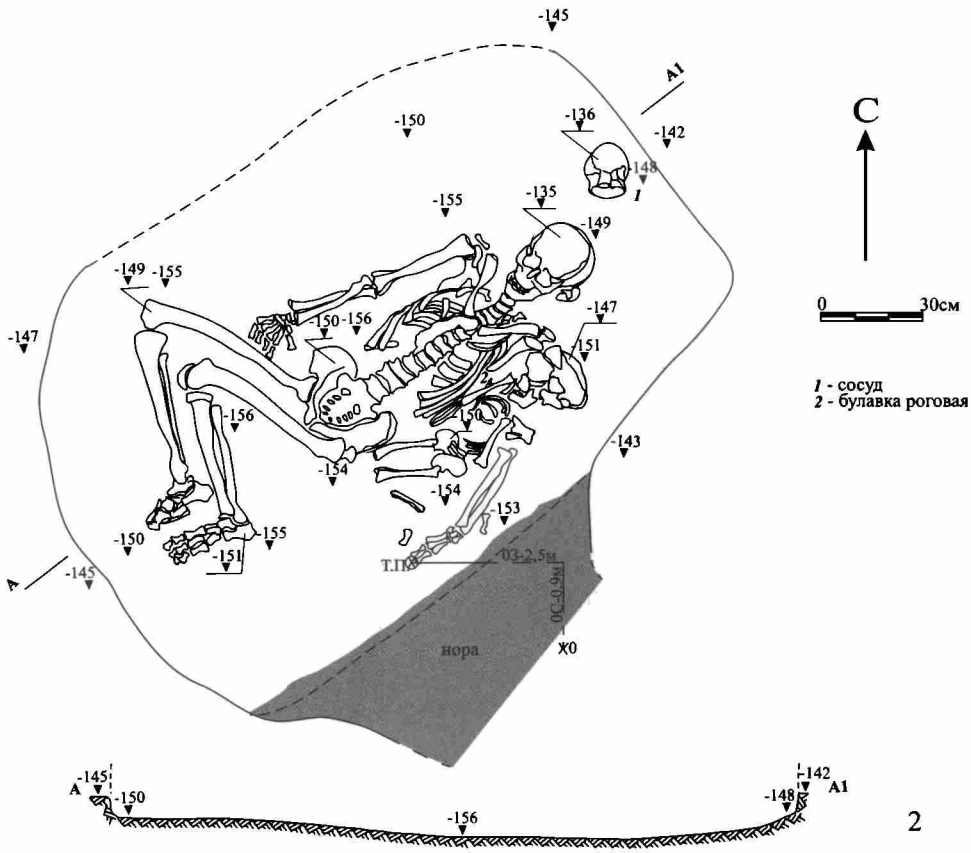
Илл. 27. Паницкое 6Б. Одиночный курган. Общий план



Илл. 28. Паницкое 6Б. Одиночный курган. Погребения 1, 2, 3, 4:
1 — погребения 1 и 2; 2 — погребение 3; 3 — погребение 4; 4 — погребение 5;
5 — погребение 2, сосуд (нах. 1)

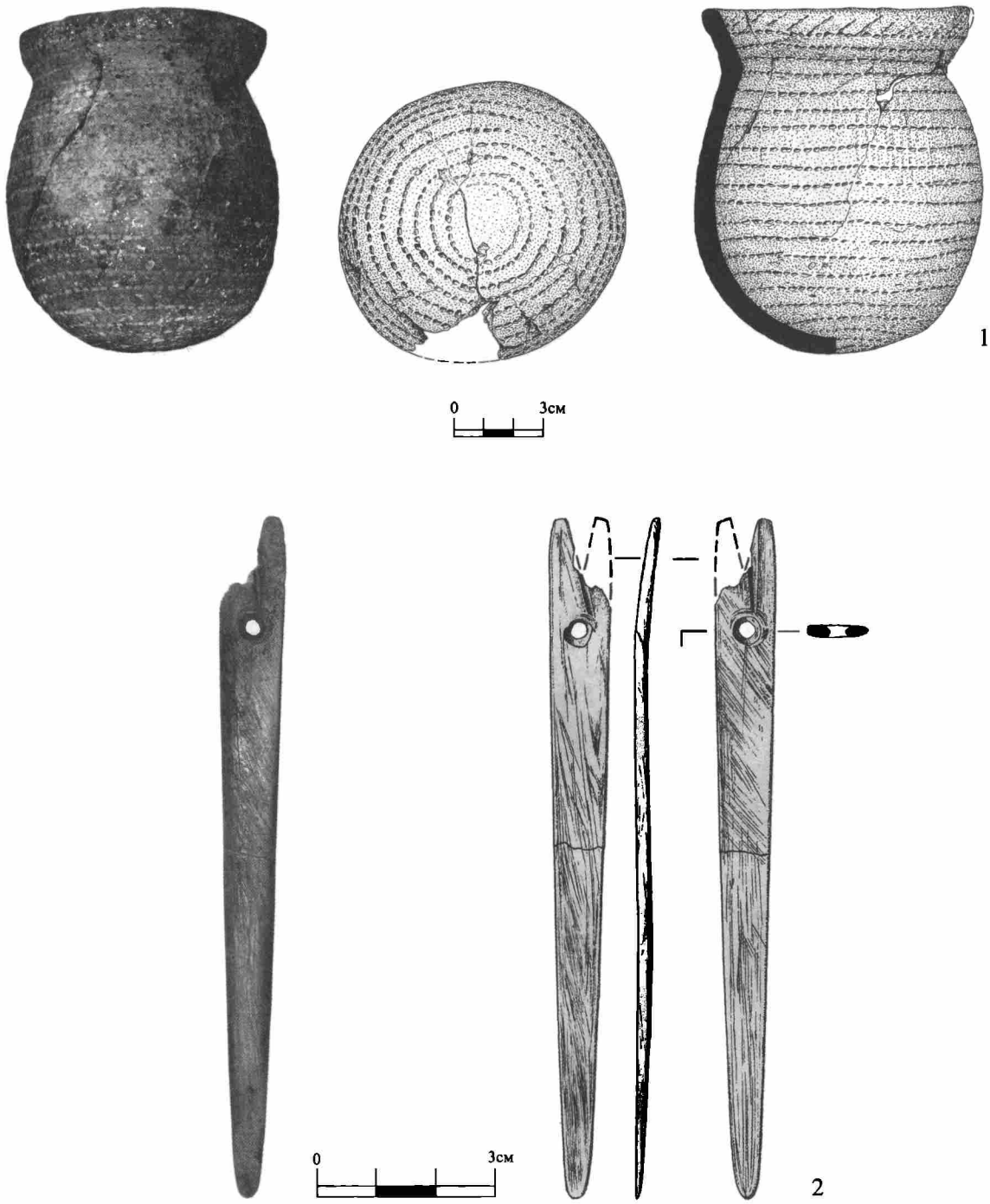


1

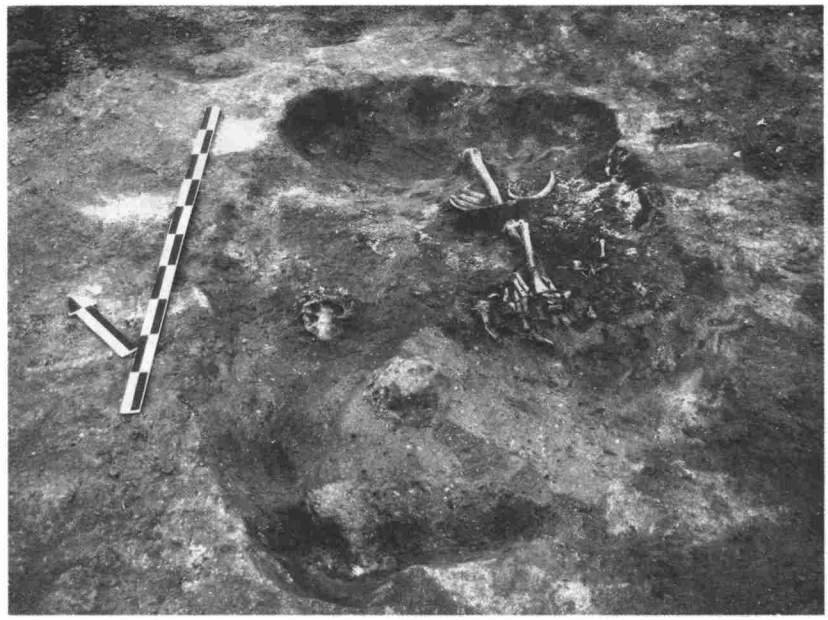


2

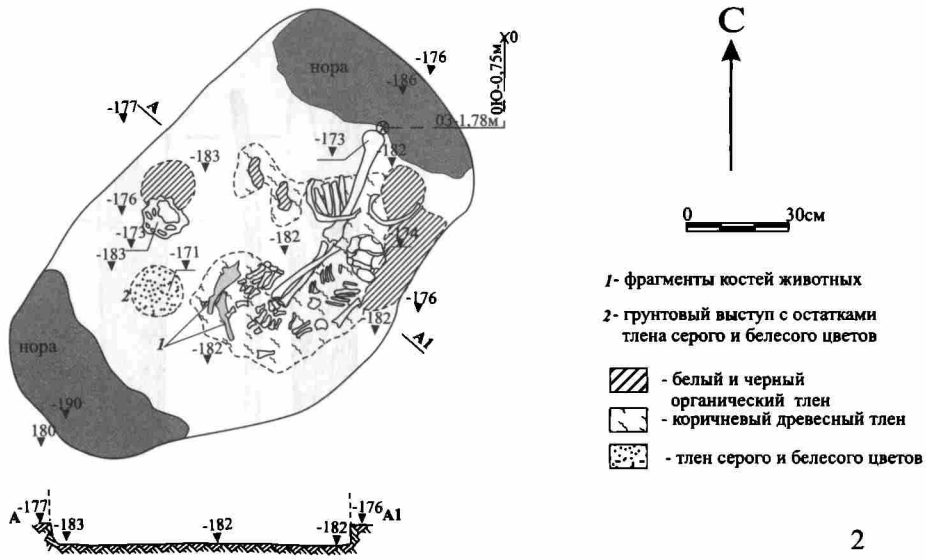
Илл. 29. Паницкое 6Б. Одиночный курган. Погребение 6:
1 — фото, вид с юга; 2 — план, чертеж



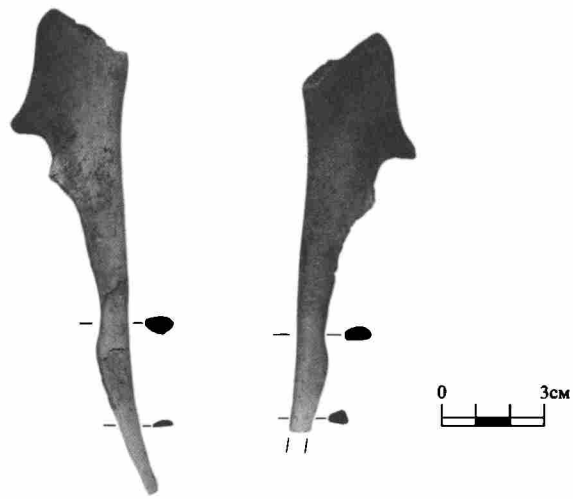
Илл. 30. Паницкое 6Б. Одиночный курган. Погребение 6. Находки:
1 — сосуд (нах. 1); 2 — роговая булавка (нах. 2)



1

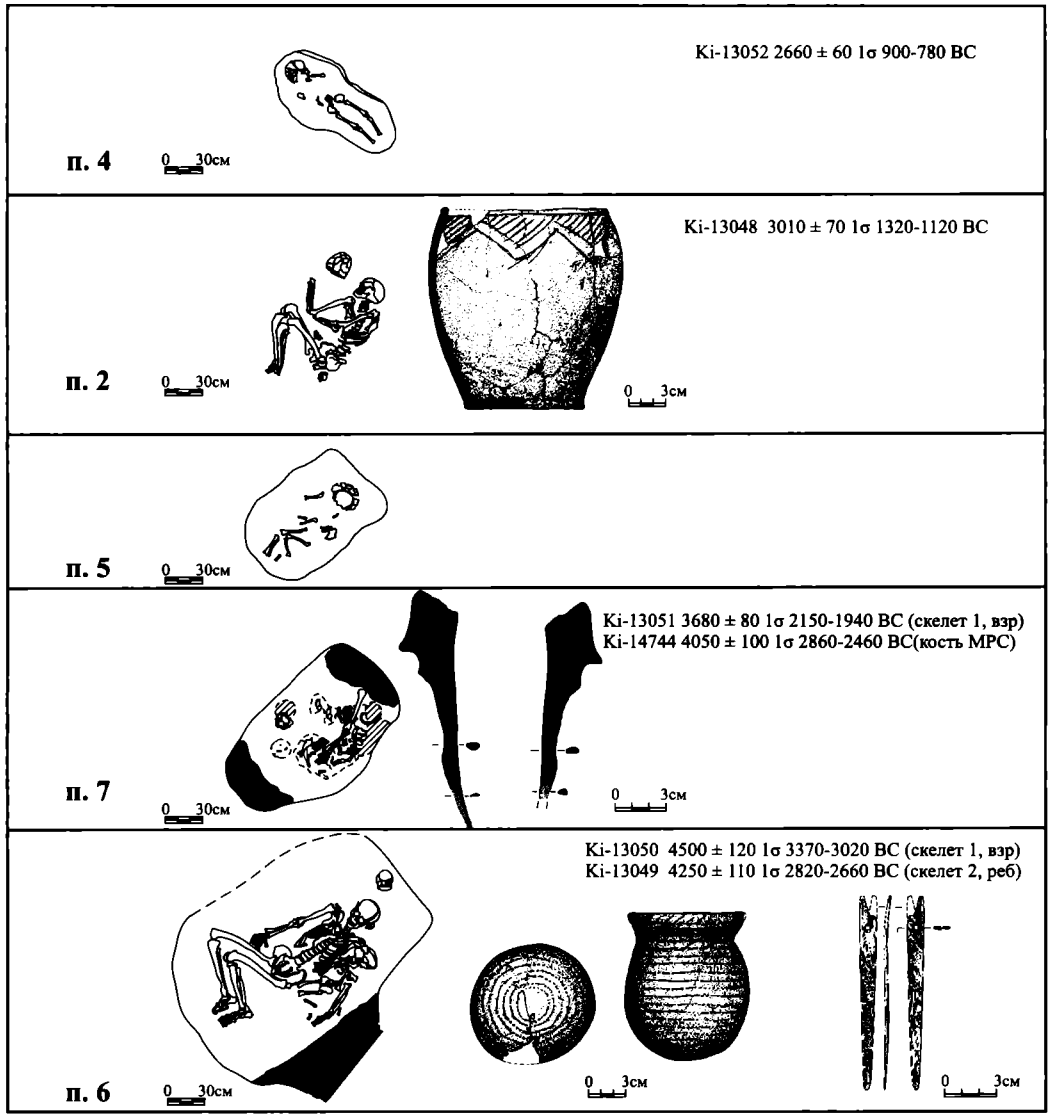


2

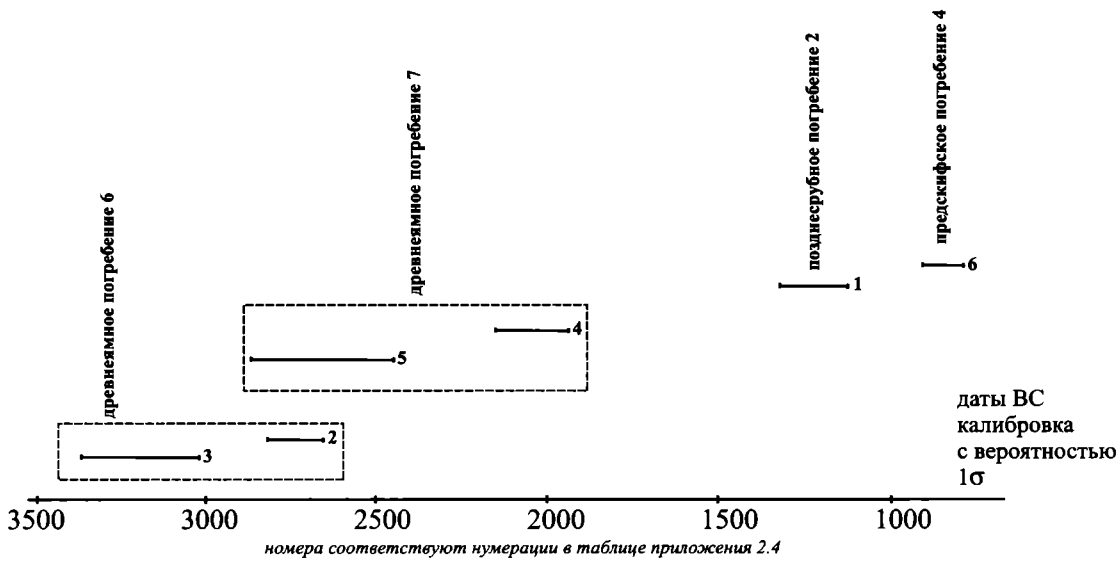


3

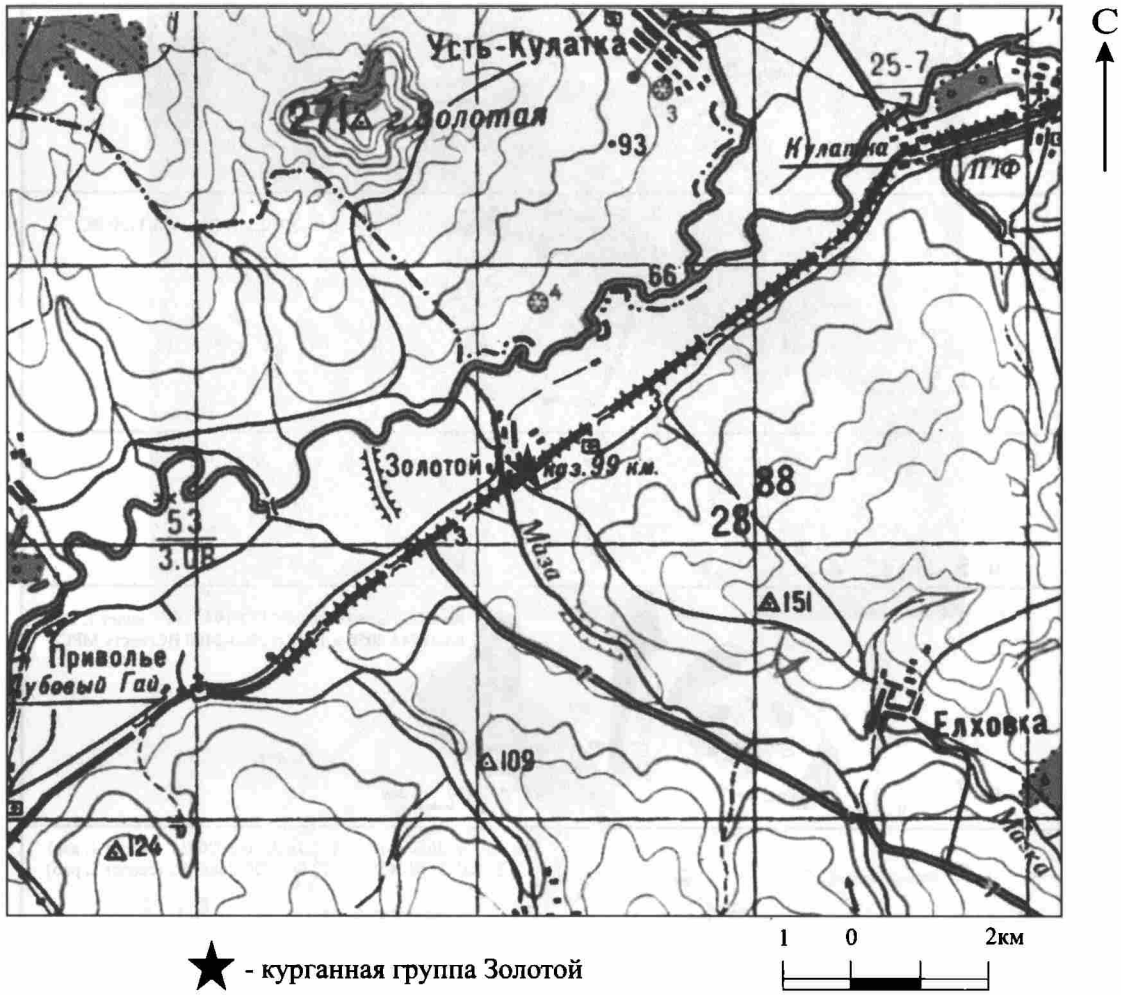
Илл. 31. Паницкое 6Б. Одиночный курган. Погребение 7:
1 — фото, вид с юго-запада; 2 — план, чертеж; 3 — кости МРС (нах. 1)



Илл. 32. Относительная хронологическая последовательность погребальных комплексов в одиночном кургане Паницкое 6Б и радиоуглеродные даты



Илл. 33. График распределения данных ^{14}C с калибровкой в 1 σ погребений одиночного кургана Паницкое 6Б

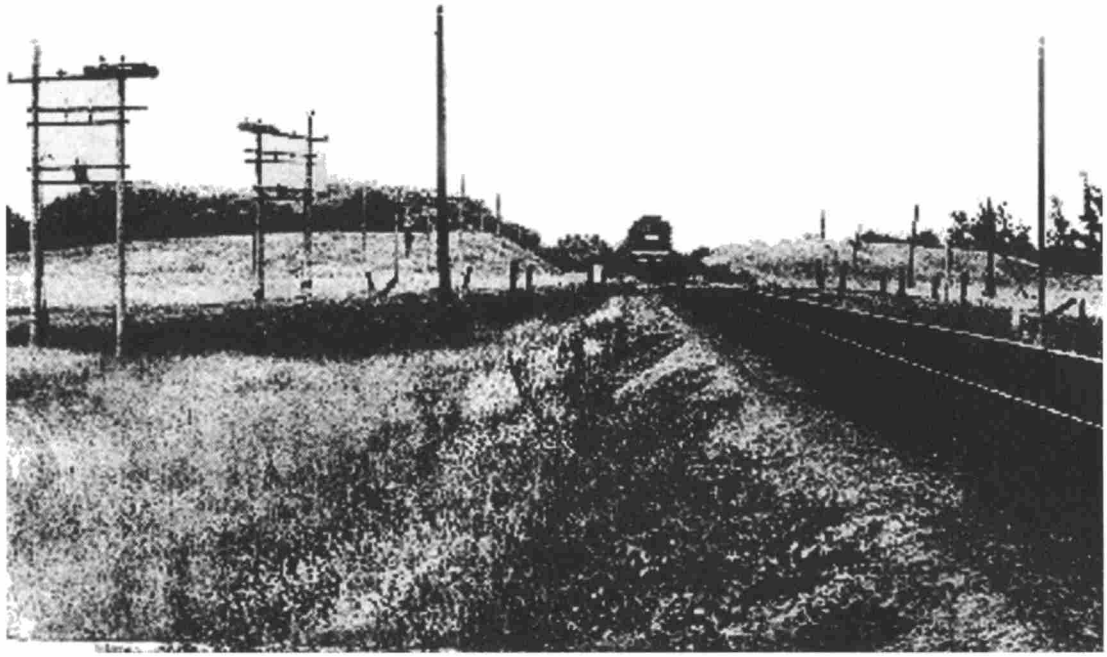


★ - курганная группа Золотой

Илл. 34. Месторасположение курганной группы Золотой

★ - курганная группа Золотой

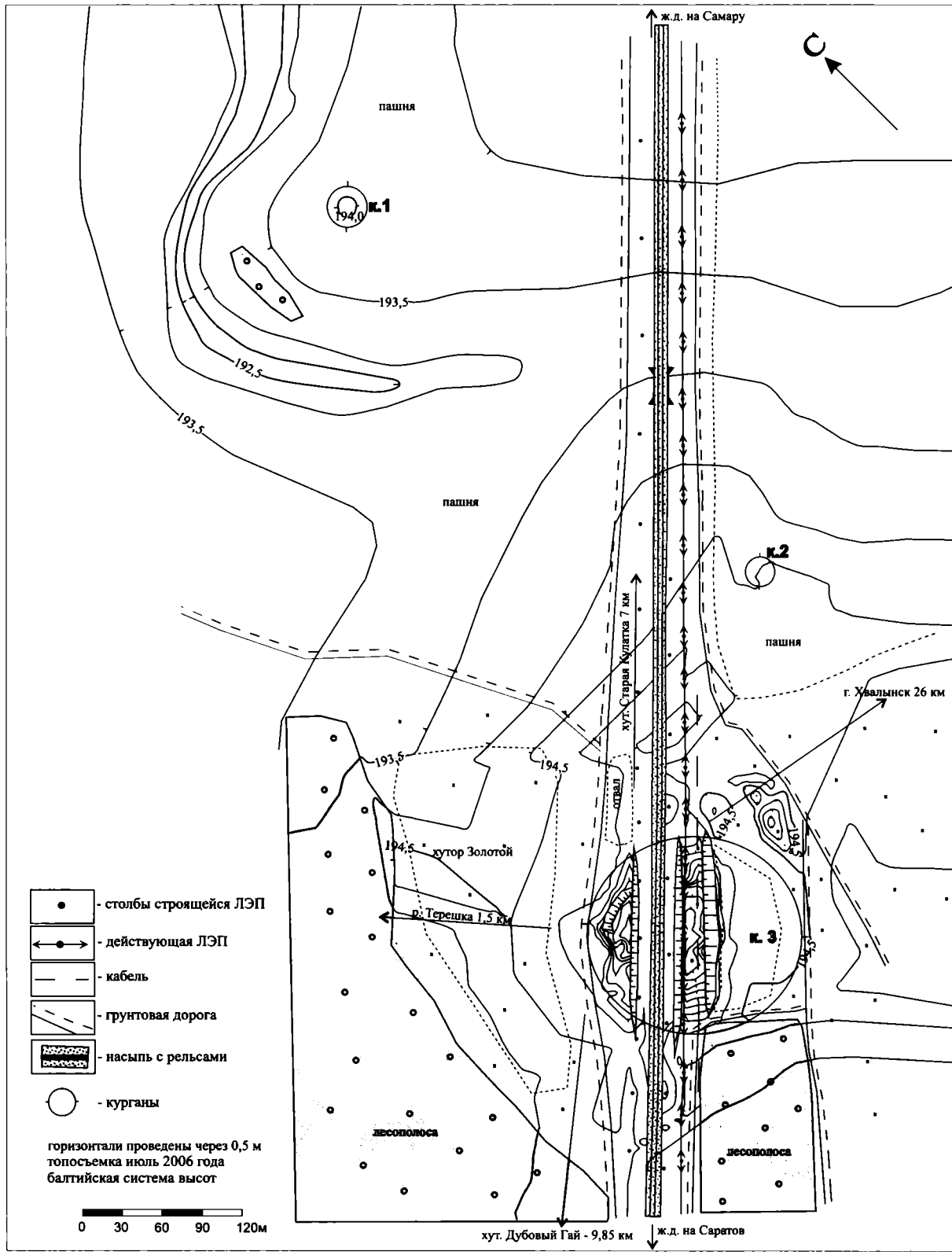
Илл. 35. Расположение курганной группы Золотой на подоснове космосъемки



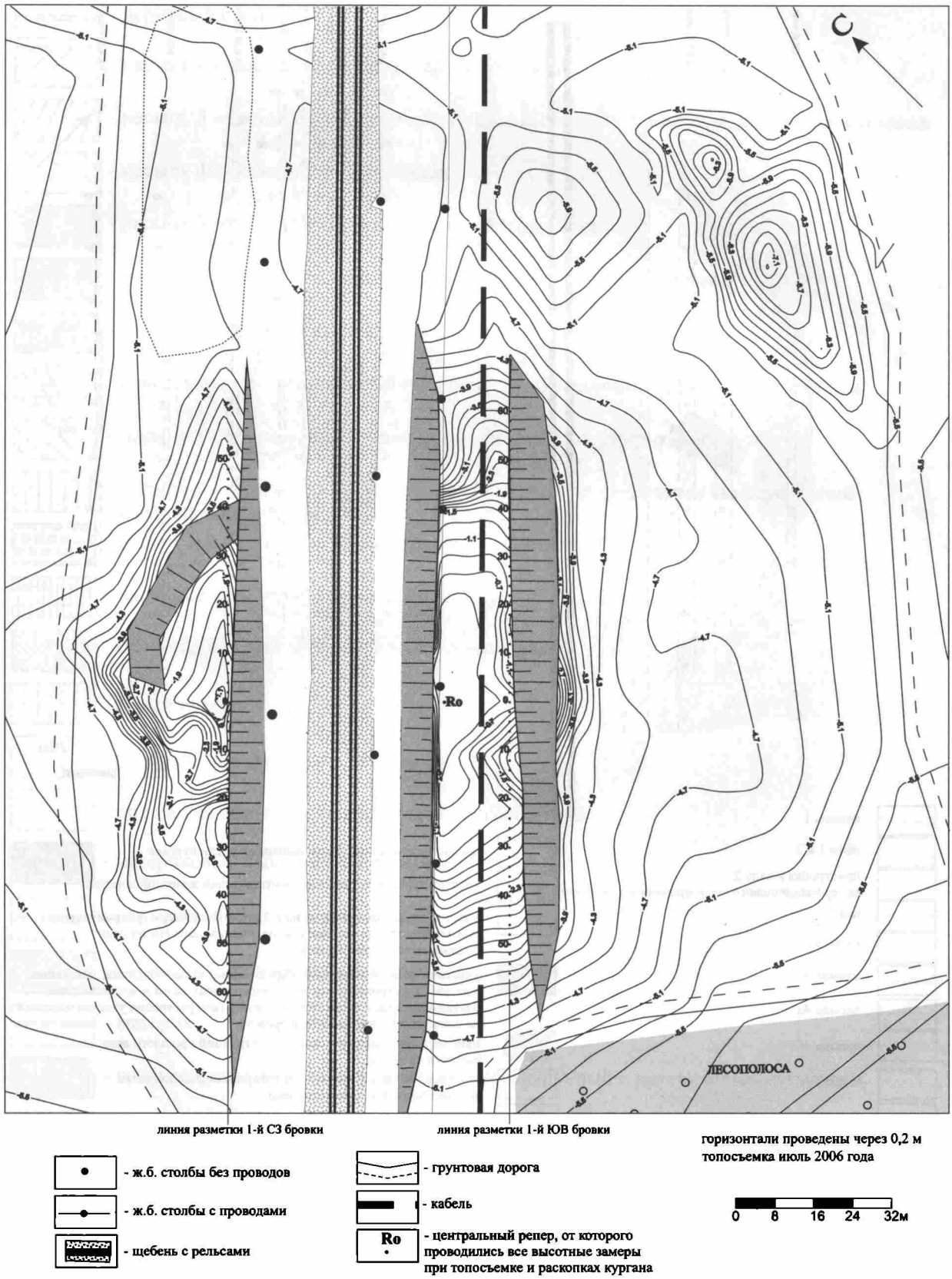
1

2

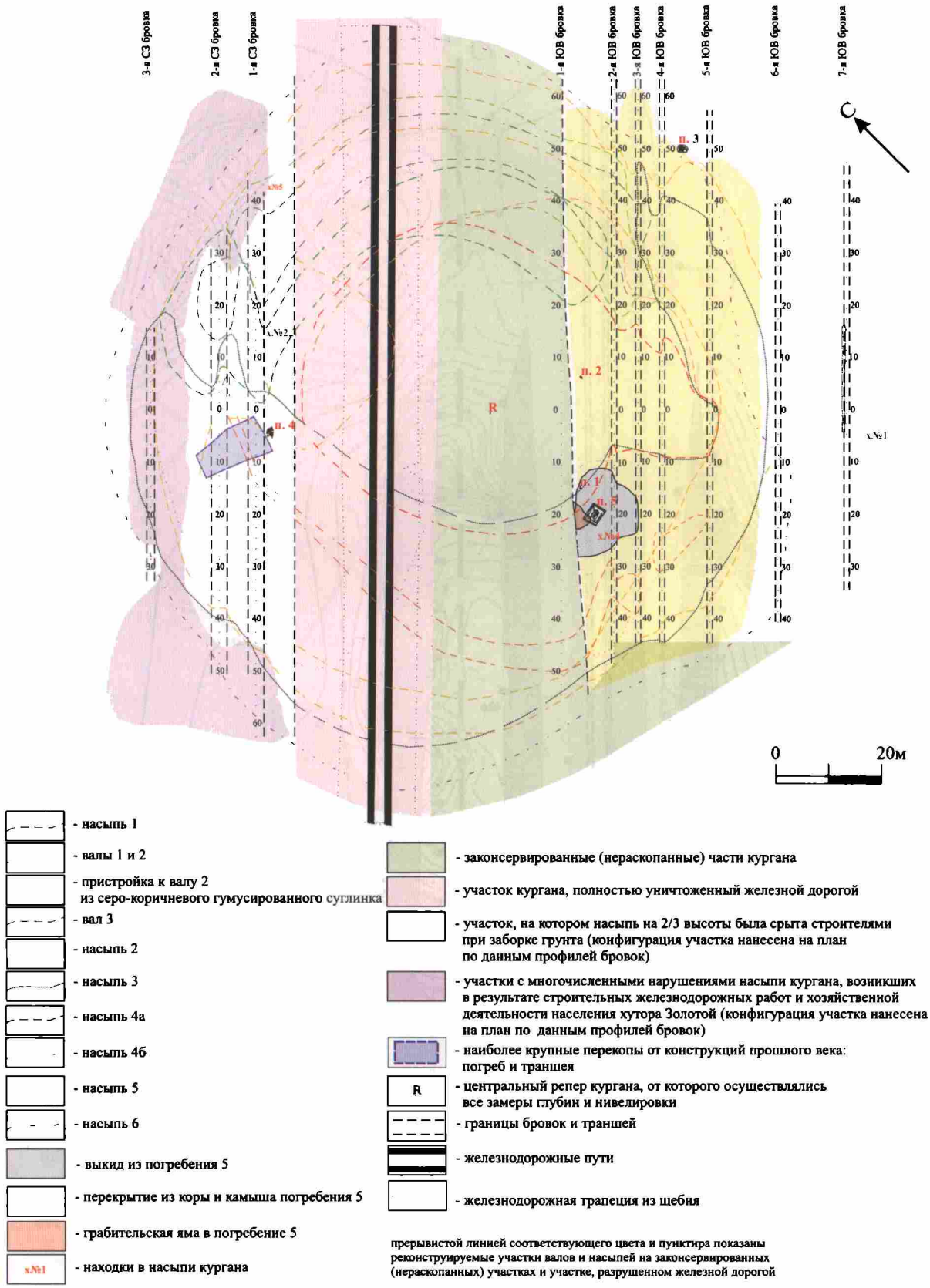
Илл. 36. Золотой. Курган 3. Фото. Вид с северо-востока:
1 — состояние на 1987 год; 2 — состояние на 2006 год



Илл. 37. Золотой. Топографический план курганной группы



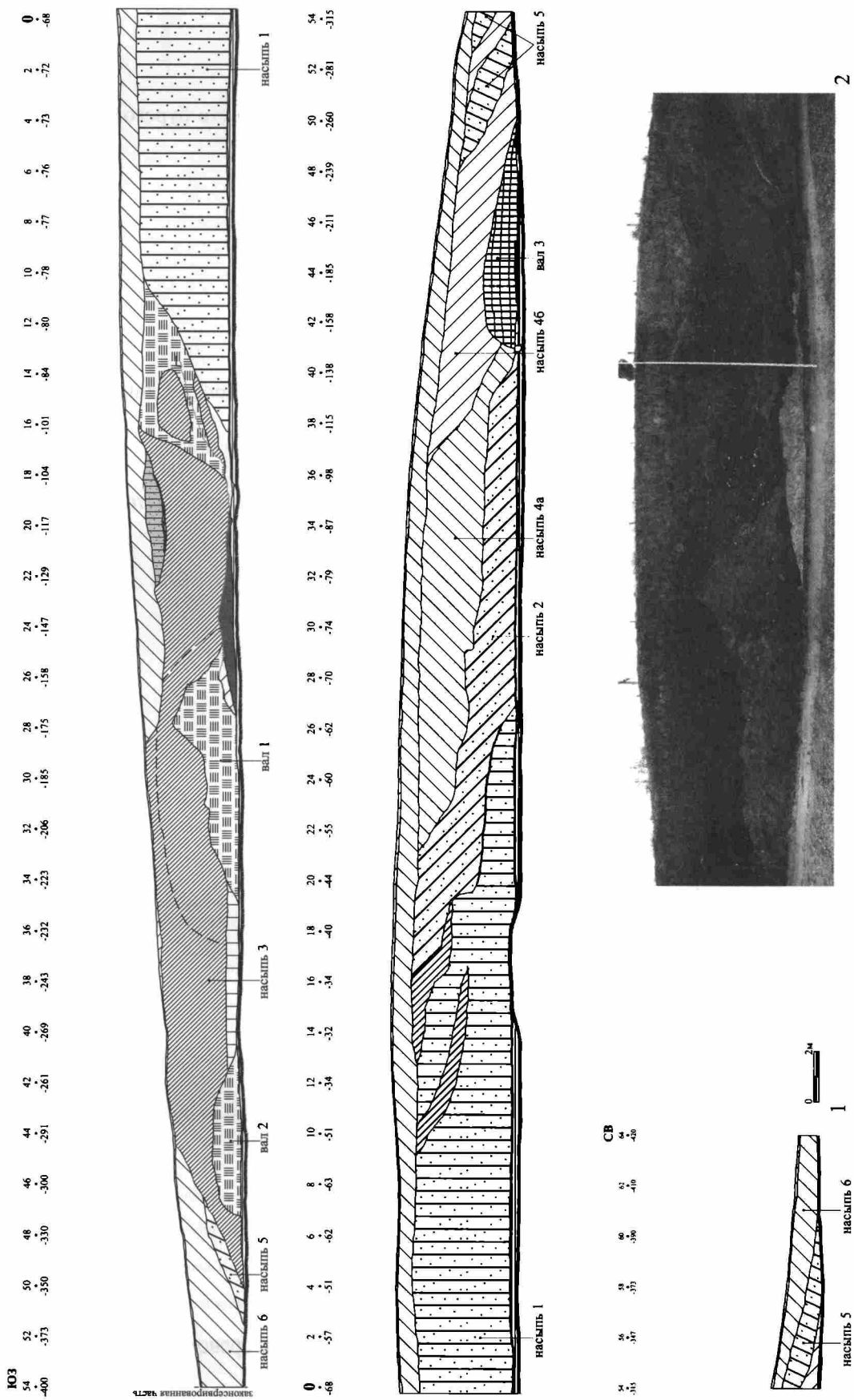
Илл. 38. Золотой. Топоплан кургана 3



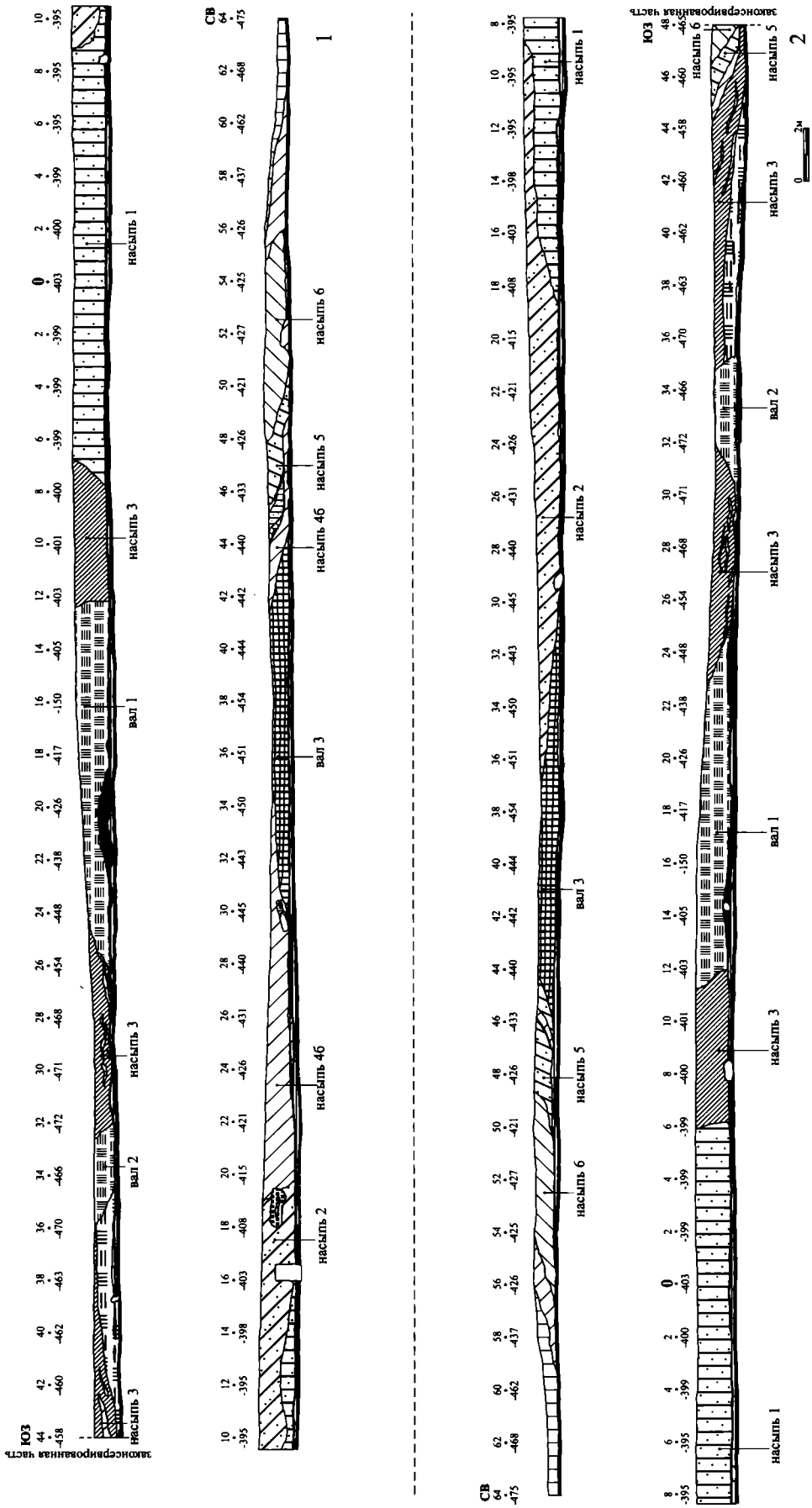
Илл. 39. Золотой. Курган 3. Общий план

- дерновый слой
- насыпь 6 и насыпь 4а - светло-серый суглинок
- насыпь 5 - светло-серый суглинок с обильными включениями желто-бурого суглинка
- насыпь 4б - темно-серый суглинок
- насыпь 3 - темно-серый гумусированный суглинок
- участок насыпи 3, сложенный из выраженных илистых “вальков”
- участок насыпи 3, с выраженной слоистой структурой
- конструкция 2 - темно-серый суглинок с включениями материкового суглинка
- насыпь 2 - темно-серый суглинок с включениями материкового суглинка
- насыпь 1 - светло-серый суглинок с обильными включениями светло-желтого материкового суглинка
- валы 1 и 2 - серо-коричневый плотный суглинок
- вал 3 - серый суглинок со слоистой структурой
- темно-серый суглинок, прослойки в насыпи 1
- серый суглинок
- материковый суглинок
- прослойка камышового перекрытия погребения 5
- материковый выкид из погребения 5
- горизонт А1 погребенной почвы
- горизонт В1 погребенной почвы
- материк
- грабительская яма - серый суглинок, перемешанный с материковым суглинком
- перекоп
- перекоп с остатками перегнившей органики
- остатки деревянного столба в перекопе

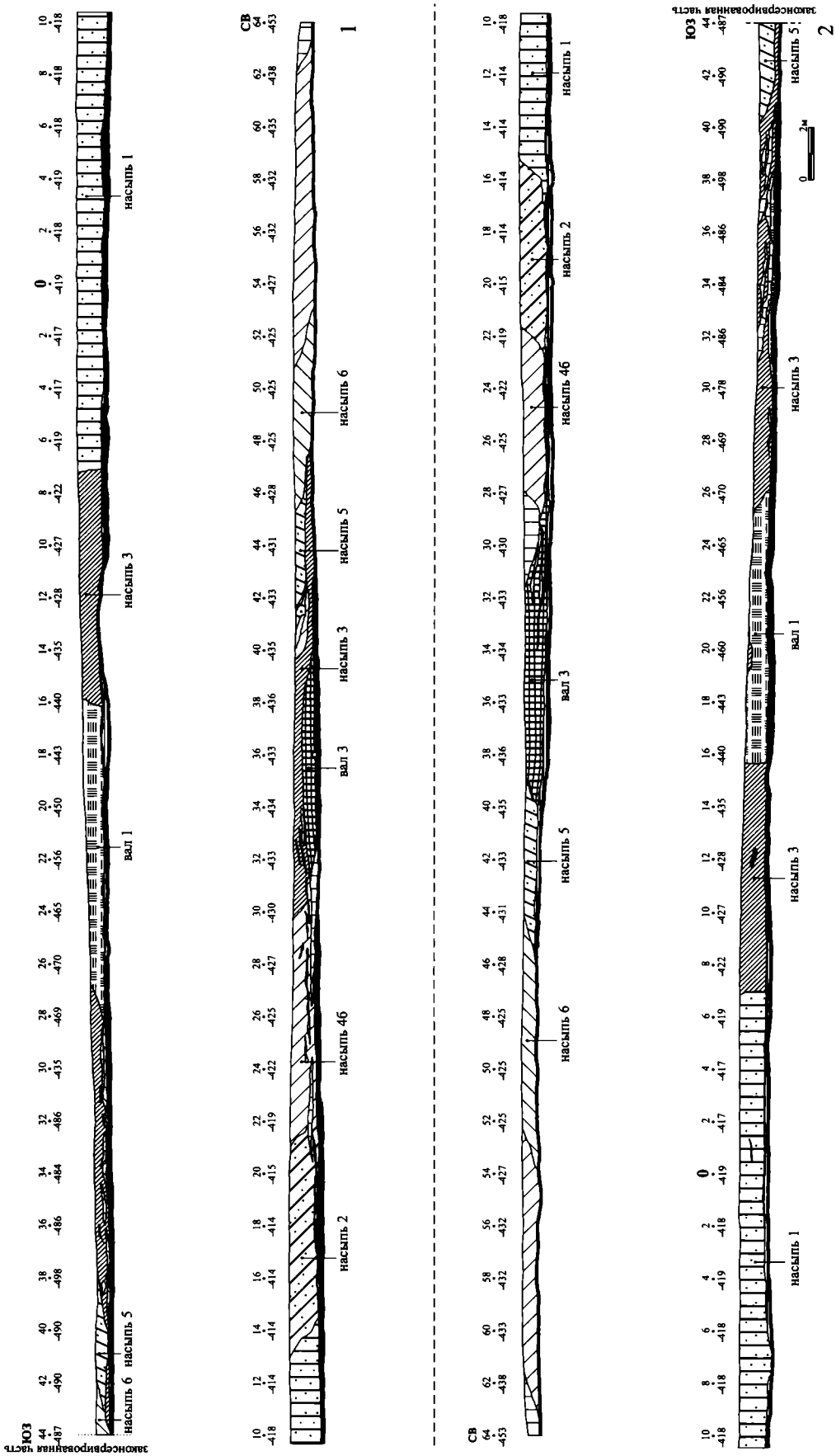
Илл. 40. Золотой. Курган 3. Условные обозначения к чертежам бровок



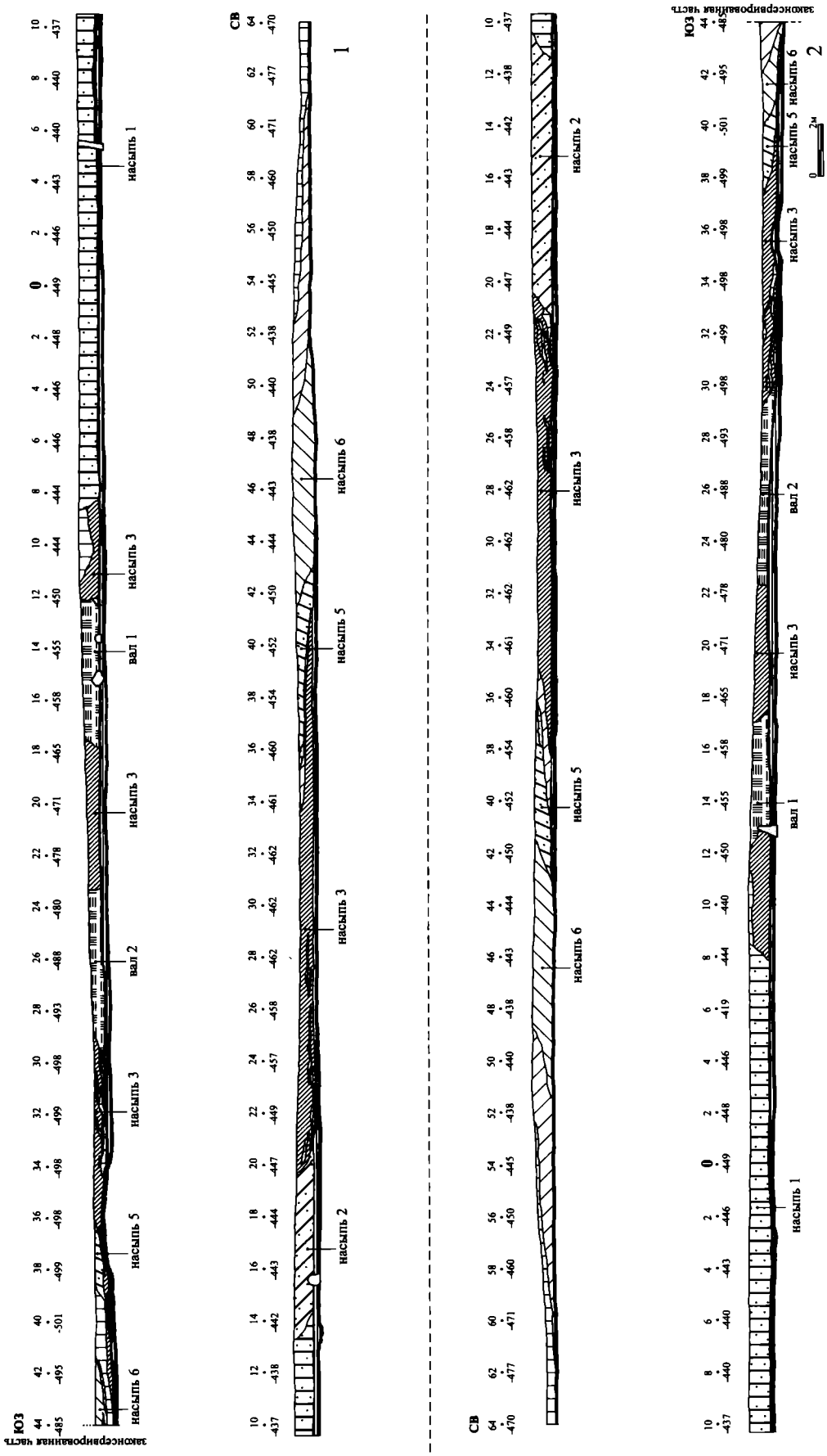
Илл. 41. Золотой. Курган 3. 1-я юго-восточная бровка. Юго-восточная сторона:
1 — чертеж; 2 — фото, вал 1, выкид из погребения 5 и грабительская яма. Участок 0ЮЗ-14-35 м



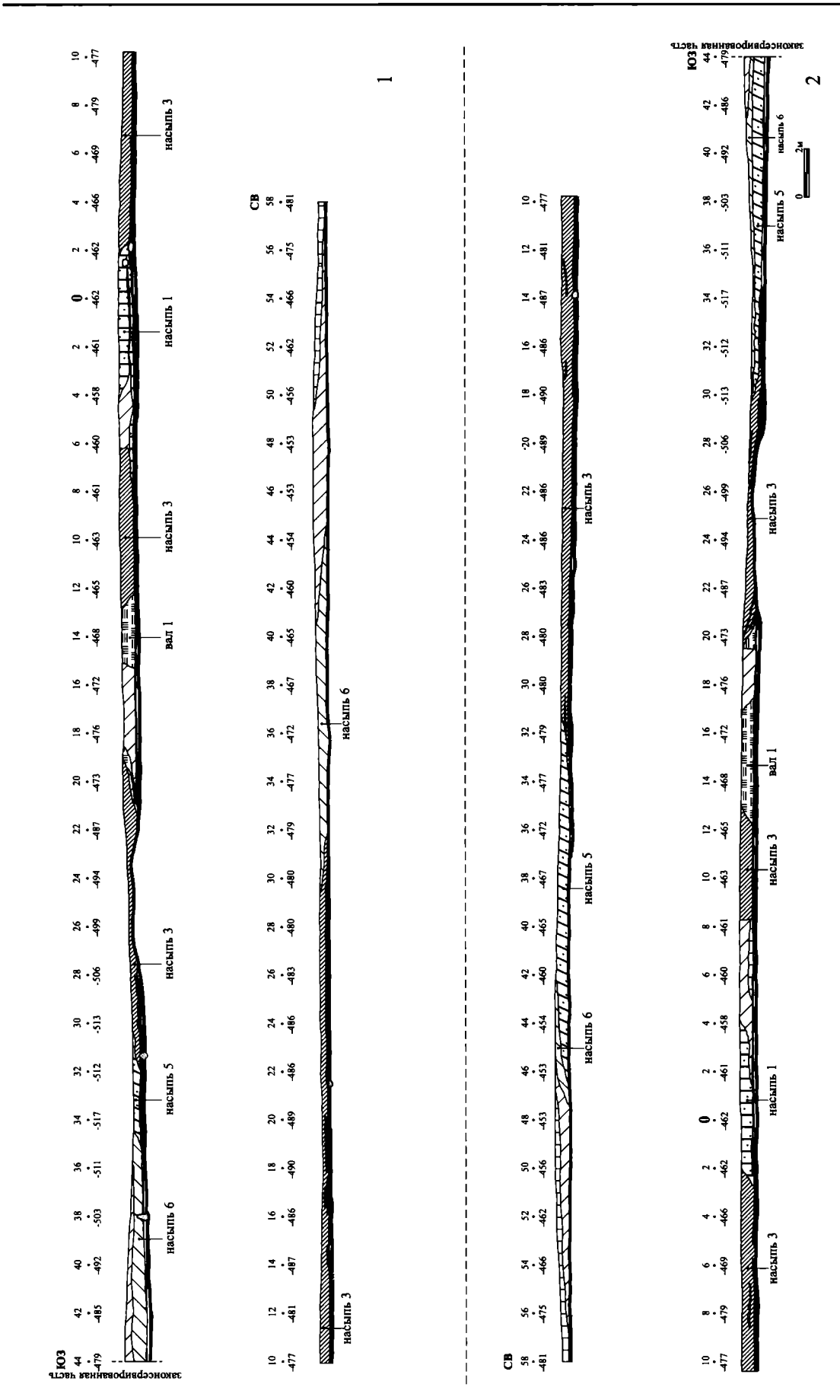
Илл. 42. Золотой. Курган 3. 2-я юго-восточная бровка:
1 — юго-восточная сторона; 2 — северо-западная сторона



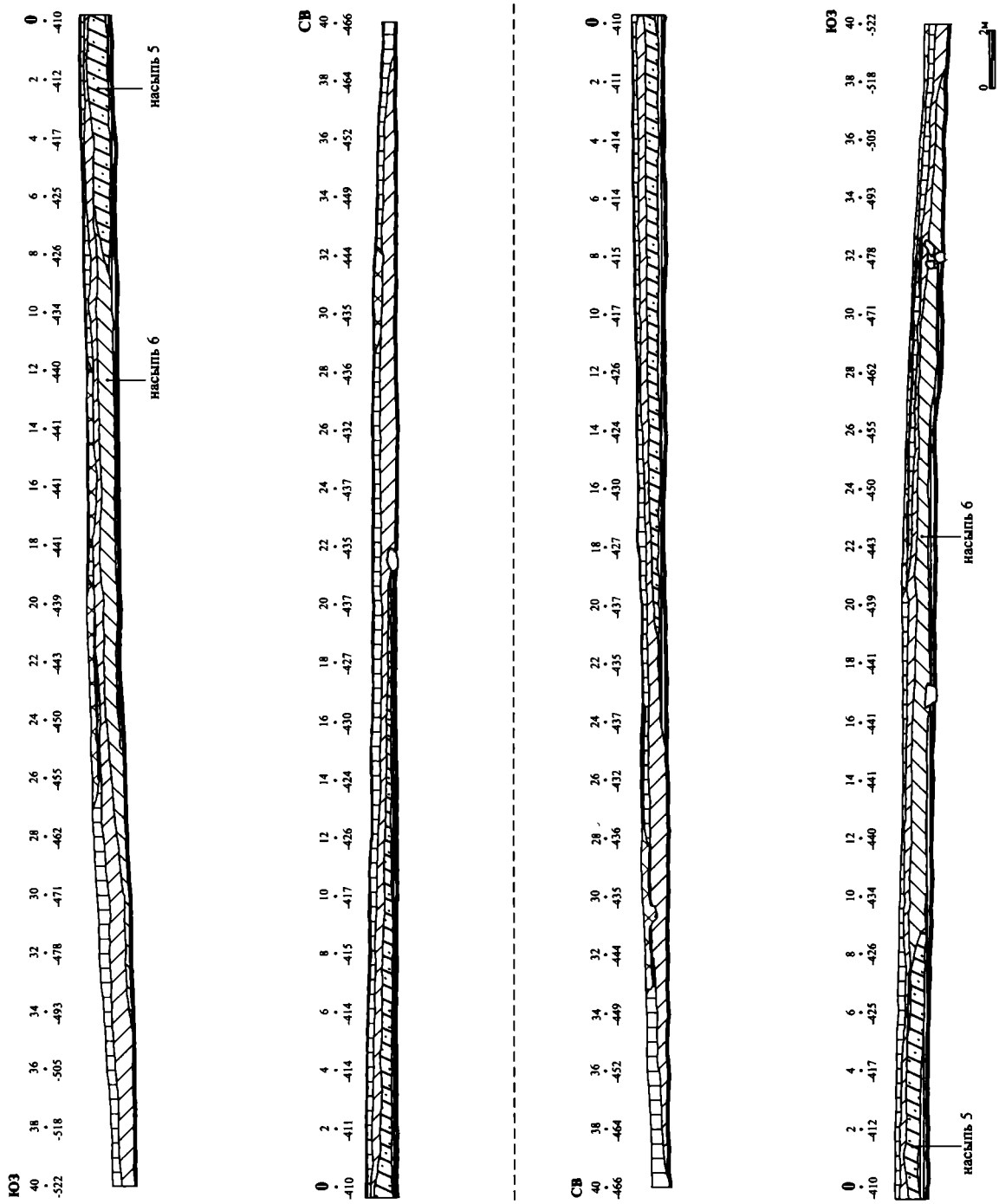
Илл. 43. Золотой. Курган 3. 3-я юго-восточная бровка:
1 — юго-восточная сторона; 2 — северо-западная сторона



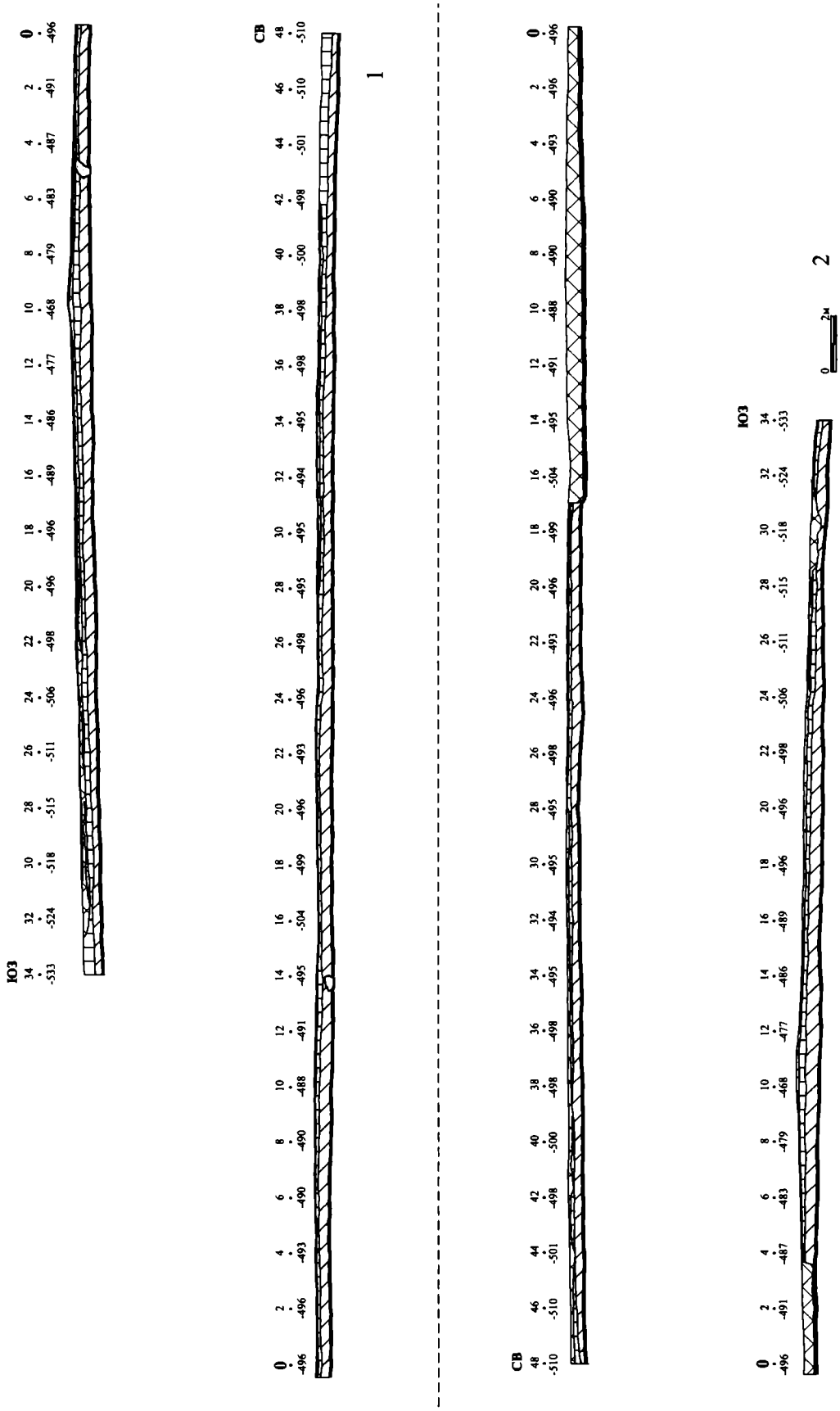
Илл. 44. Золотой. Курган 3. 4-я юго-восточная бровка:
1 — юго-восточная сторона; 2 — северо-западная сторона



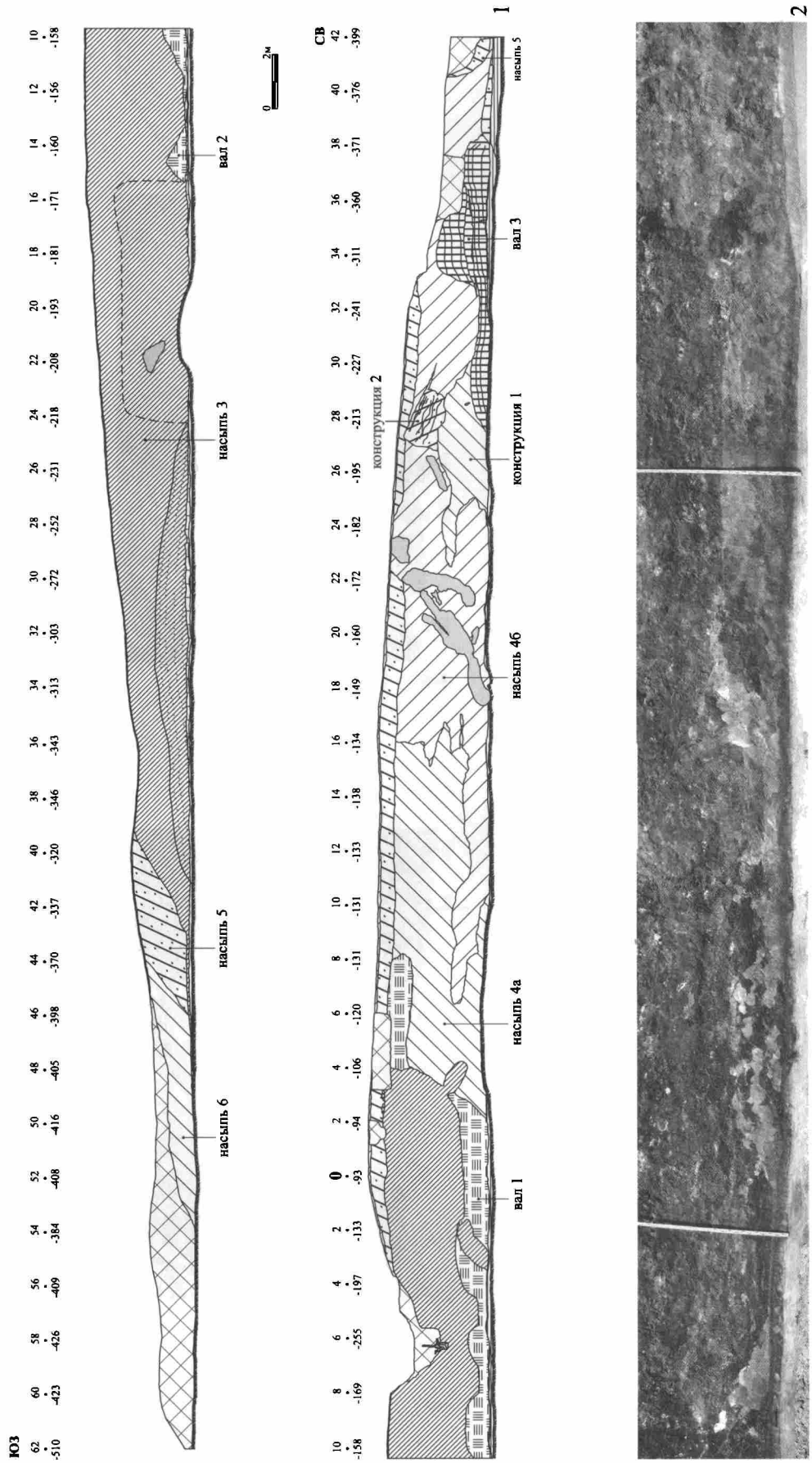
Илл. 45. Золотой. Курган 3. 5-я юго-восточная бровка:
1 — юго-восточная сторона; 2 — северо-западная сторона



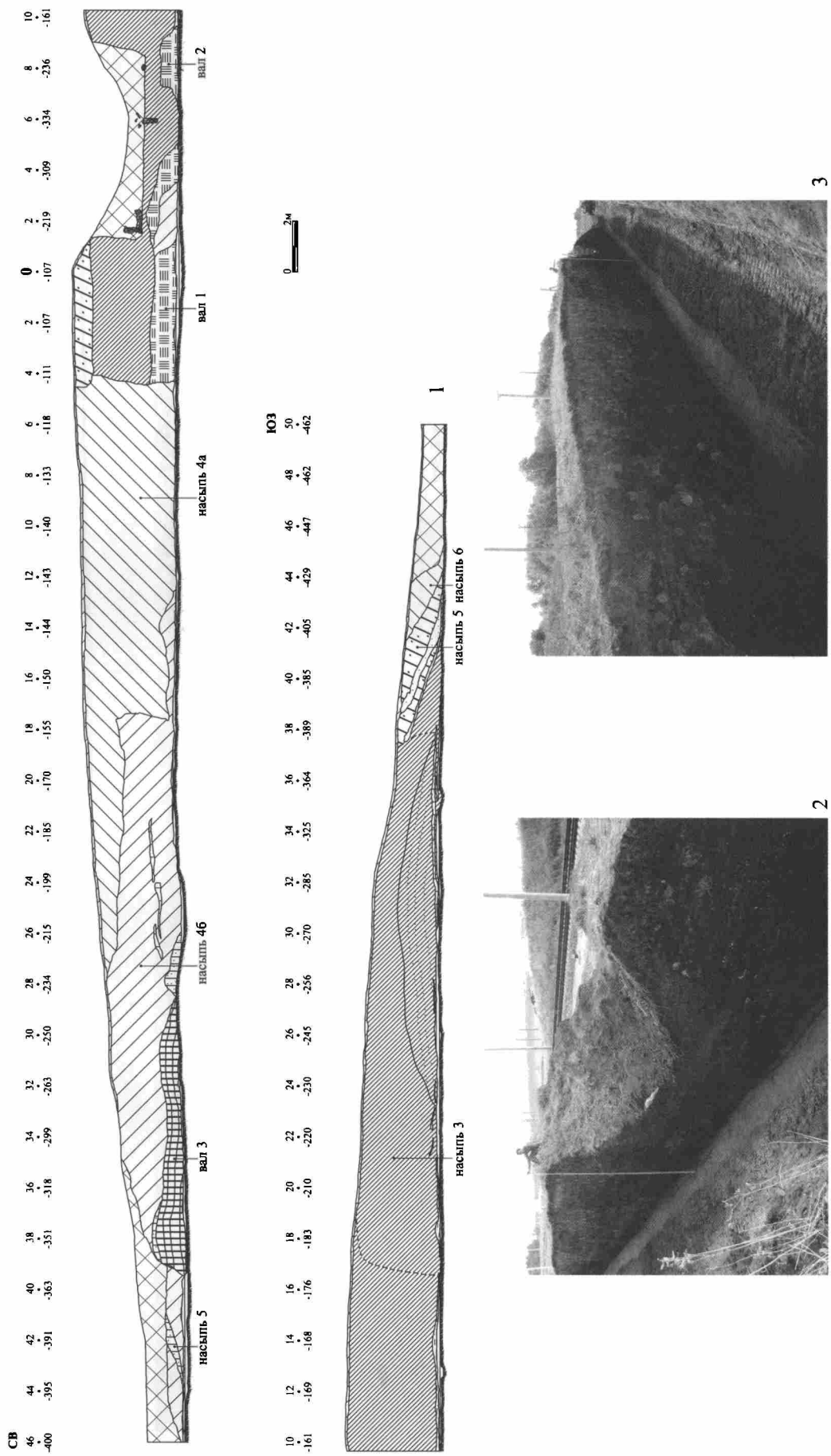
Илл. 46. Золотой. Курган 3. 6-я юго-восточная бровка:
1 — юго-восточная сторона; 2 — северо-западная сторона



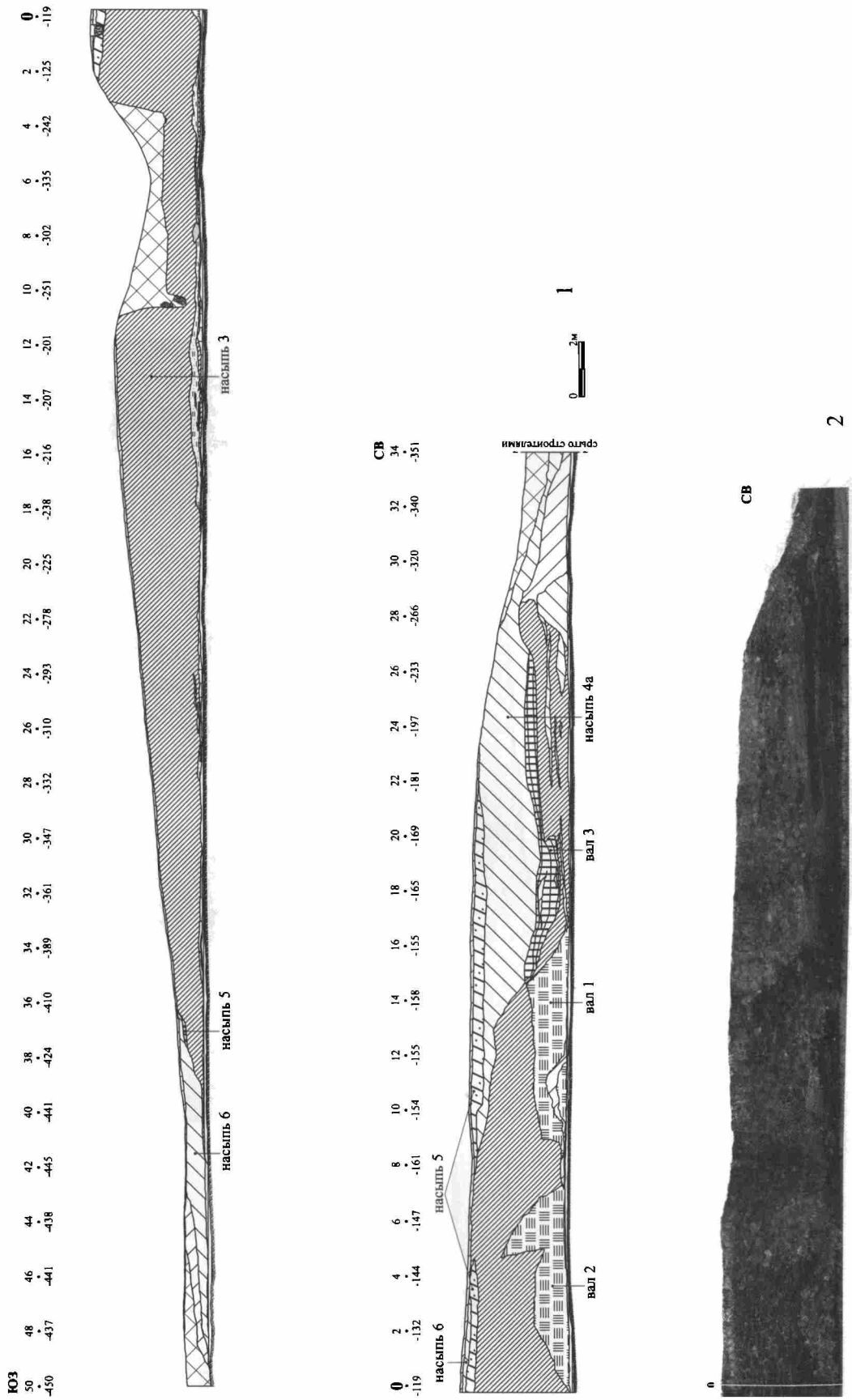
Илл. 47. Золотой. Курган 3. 7-я юго-восточная бровка:
1- юго-восточная сторона; 2 — северо-западная сторона



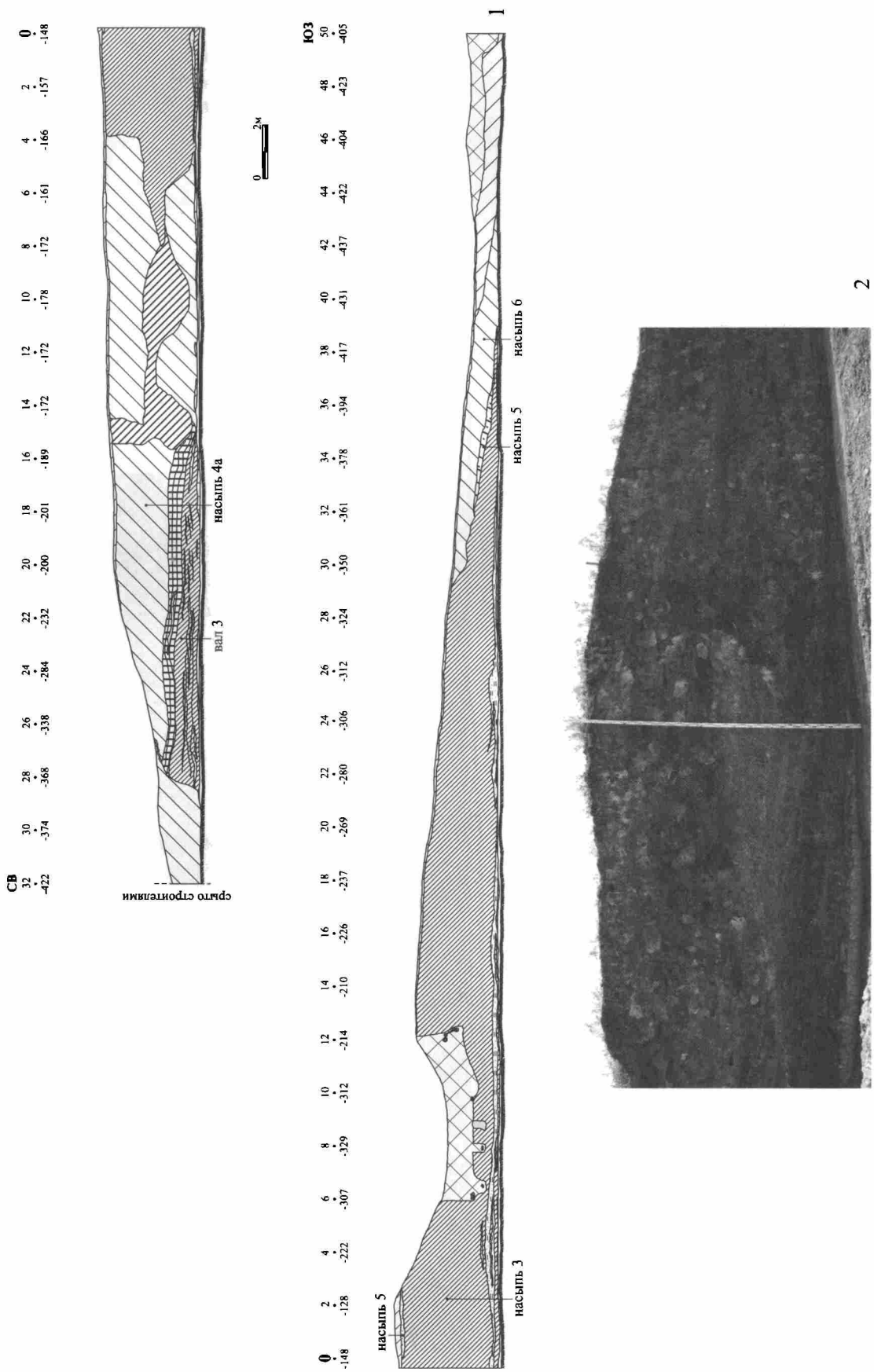
Илл. 48. Золотой. Курган 3. 1-я северо-западная бровка. Юго-восточная сторона:
1 — чертеж; 2 — нижняя часть профиля, валы 1 и 2, участок 0ЮЗ-16-0СВ-6 м, фото, вид с юго-востока



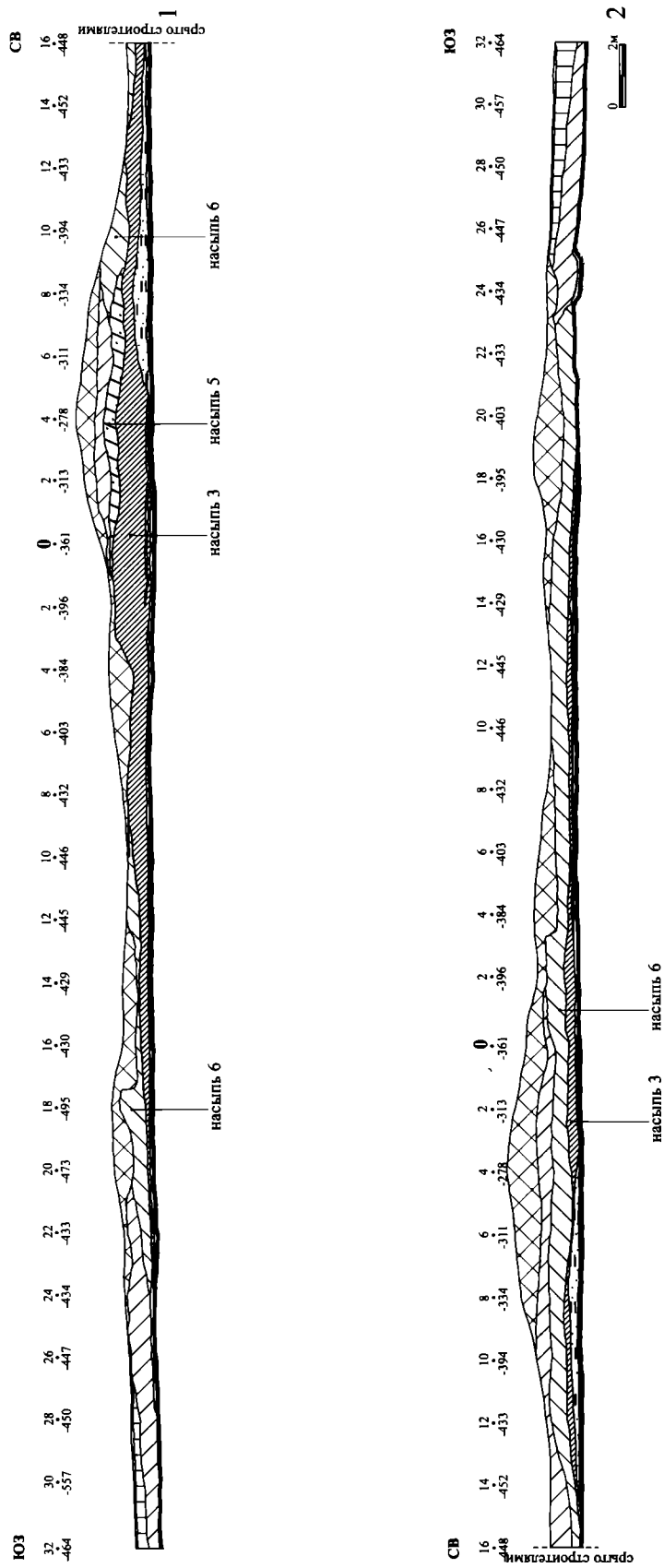
Илл. 49. Золотой. Курган 3. 1-я северо-западная бровка. Северо-западная сторона:
1 — чертеж; 2 — участок 0СВ-6-0ЮЗ-10 м, фото, вид с запада; 3 — северо-восточная часть профиля, фото, вид с северо-северо-востока



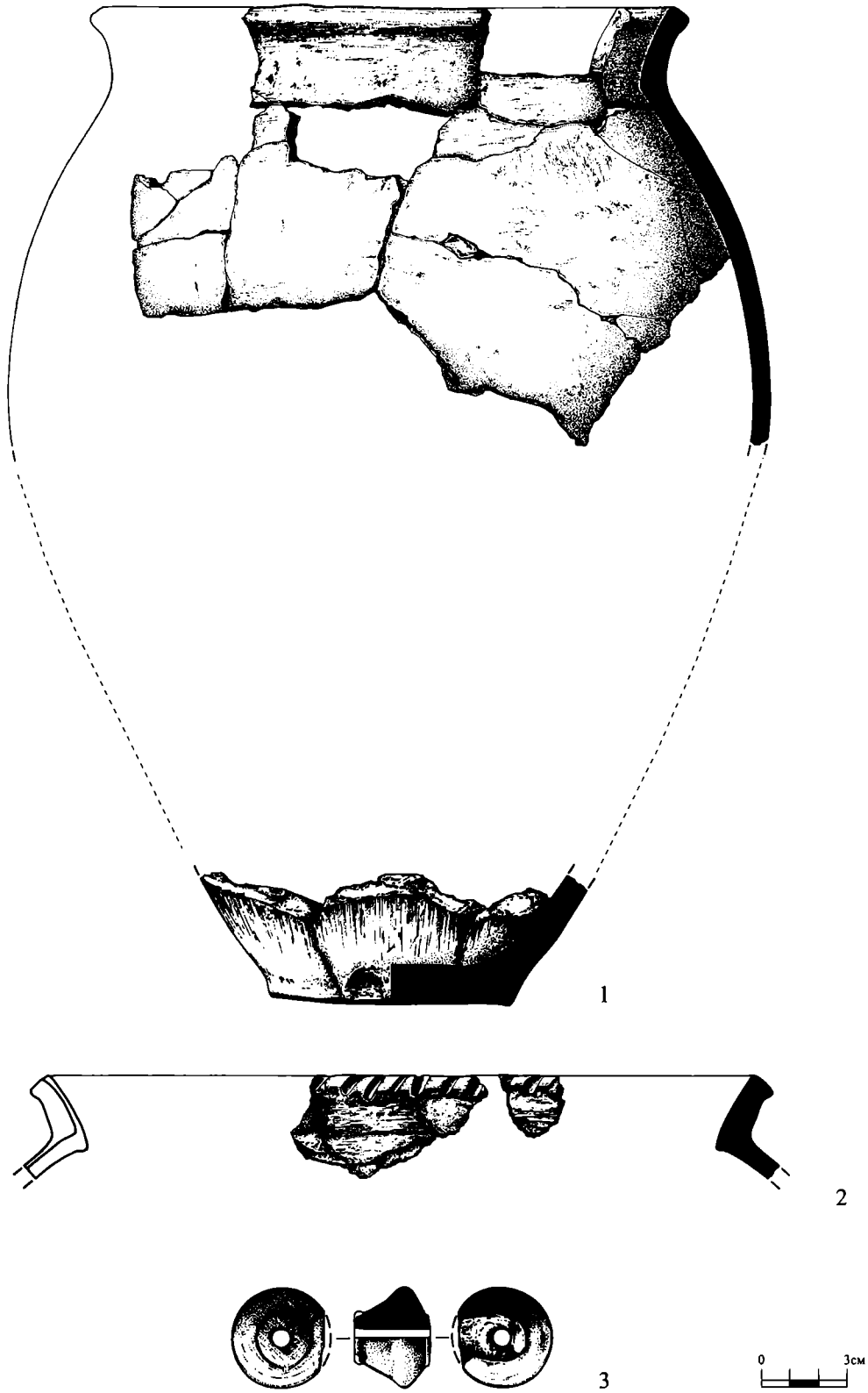
Илл. 50. Золотой. Курган 3. 2-я северо-западная бровка. Юго-восточная сторона:
1 — чертеж; 2 — юго-восточная сторона, северо-восточная часть, фото, вид с юго-востока



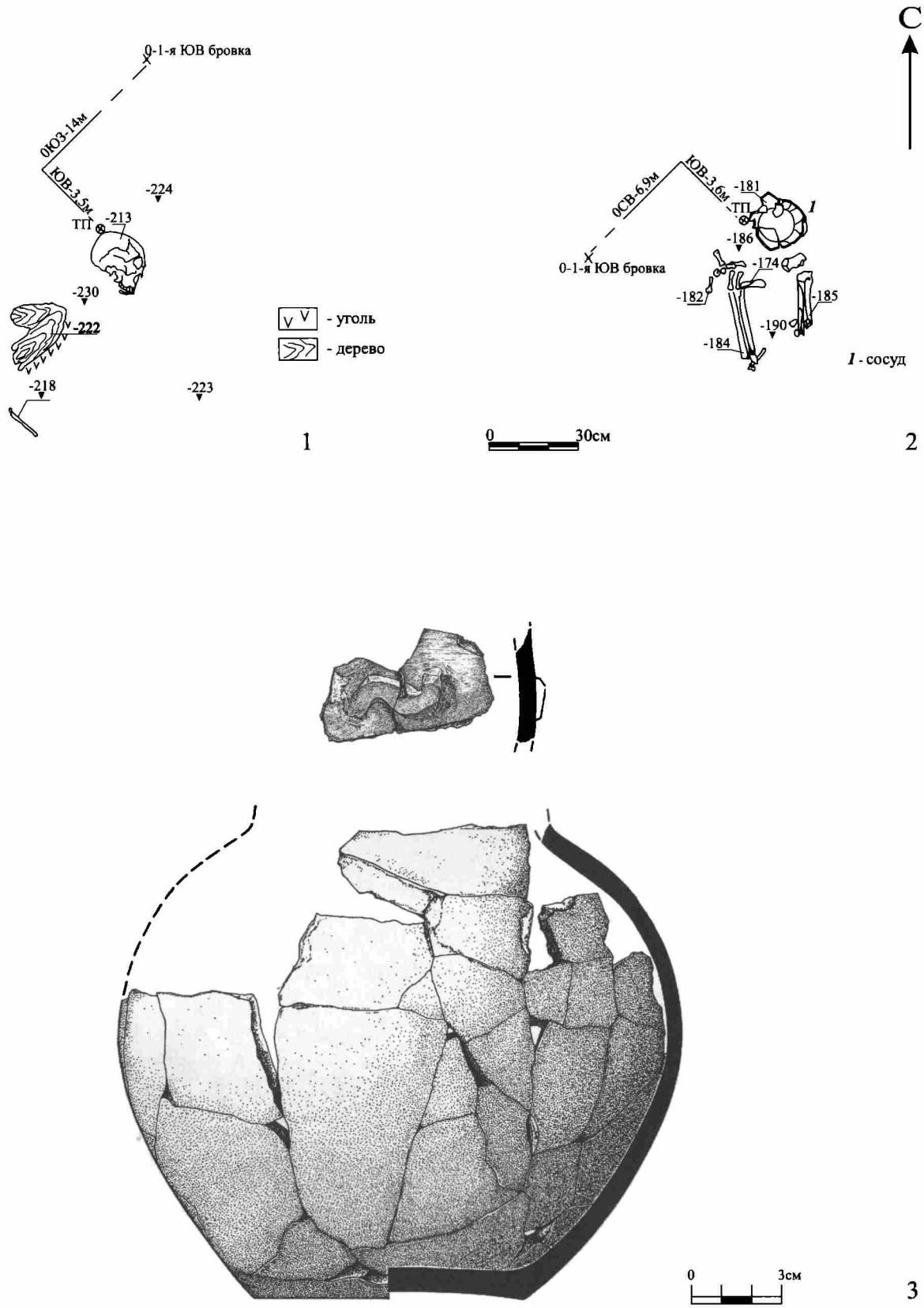
Илл. 51. Золотой. Курган 3. 2-я северо-западная бровка. Северо-западная сторона: *1 — чертеж; 2 — участок 0СВ-14-24 м, фото, вид с северо-запада*



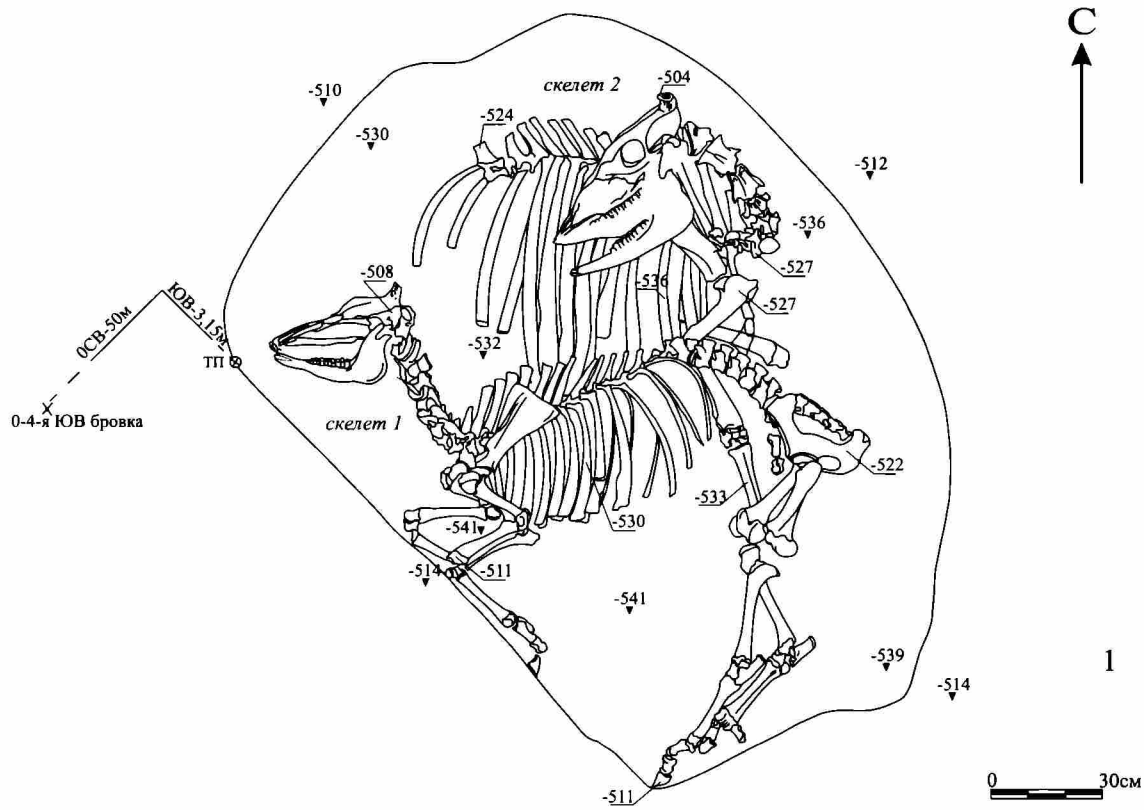
Илл. 52. Золотой. Курган 3. 3-я северо-западная бровка:
1 — юго-восточная сторона; 2 — северо-западная сторона

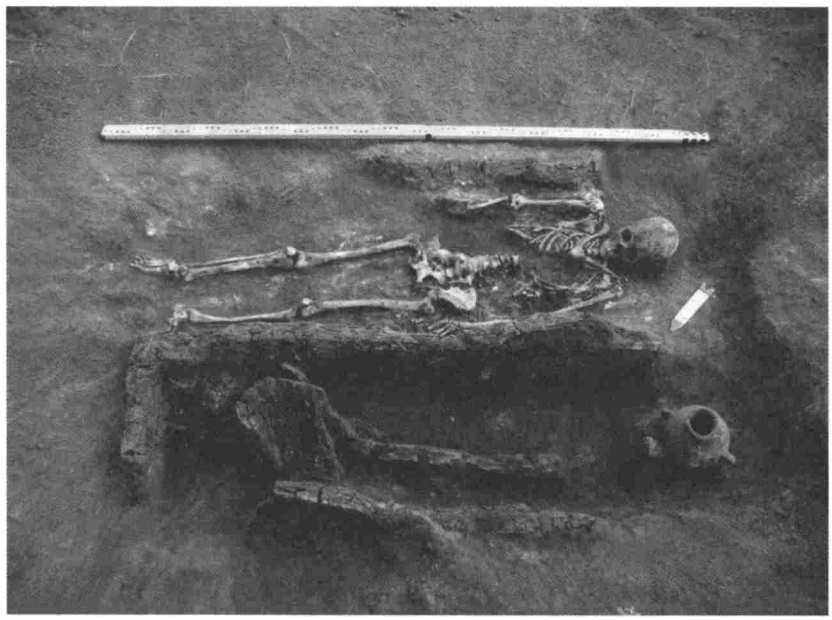


Илл. 53. Золотой. Курган 3. Находки в насыпи:
1 — сосуд (нах. 2); 2 — фрагмент сосуда (нах. 3); 3 — пряслице (нах. 1)



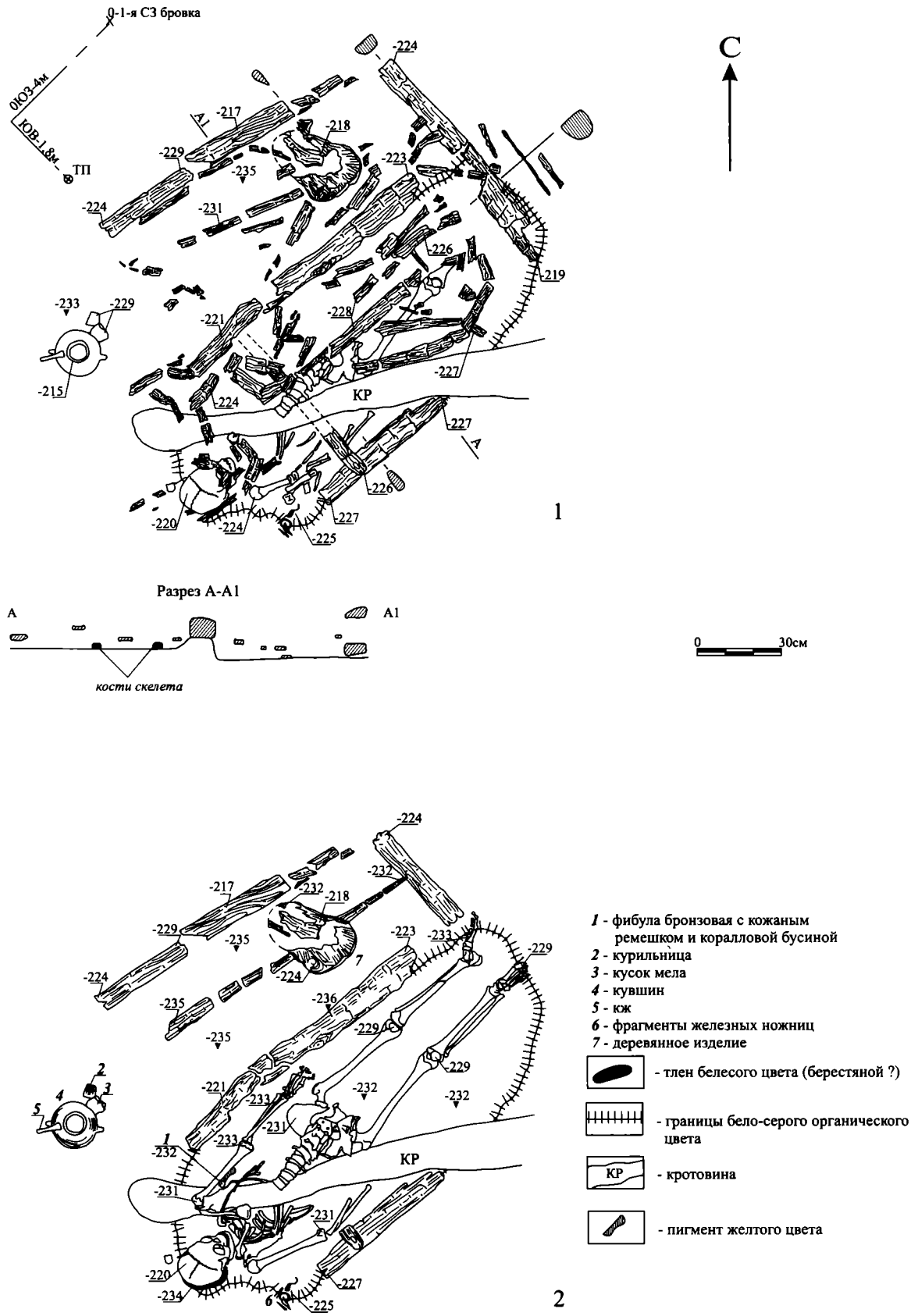
Илл. 54. Золотой. Курган 3. Погребения 1 и 2:
1 — погребение 1; 2 — погребение 2; 3 — погребение 2, сосуд



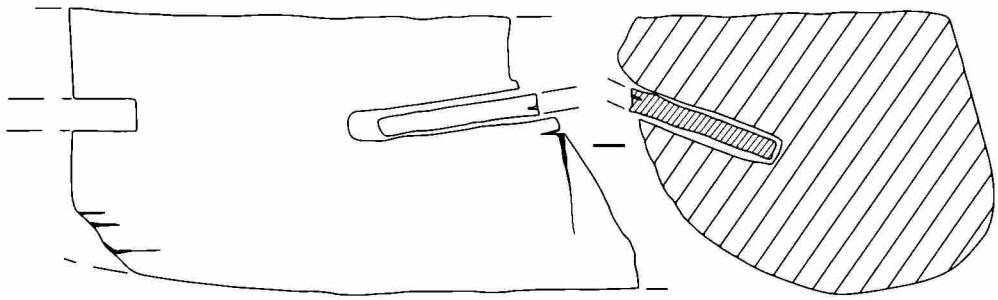


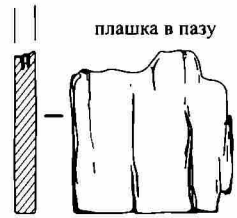
2

Илл. 55. Золотой. Курган 3. Погребение 3 и 4:
1 — погребение 3, чертеж; 2 — погребение 4, фото, вид с северо-запада

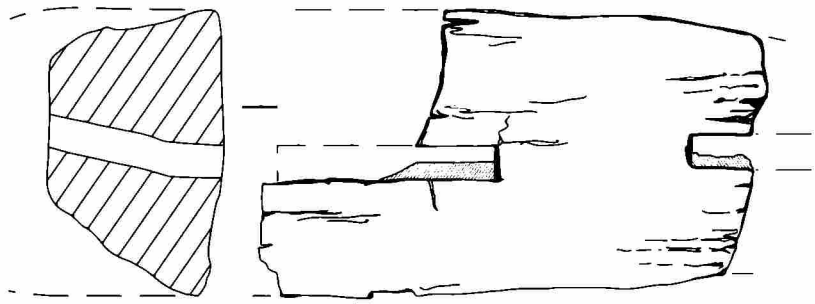


Илл. 56. Золотой. Курган 3. Погребение 4. Чертеж:
1 — верхний уровень зачистки; 2 — нижний уровень зачистки





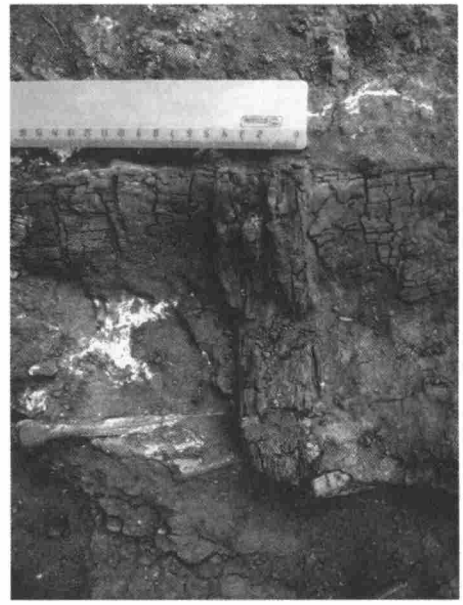
1



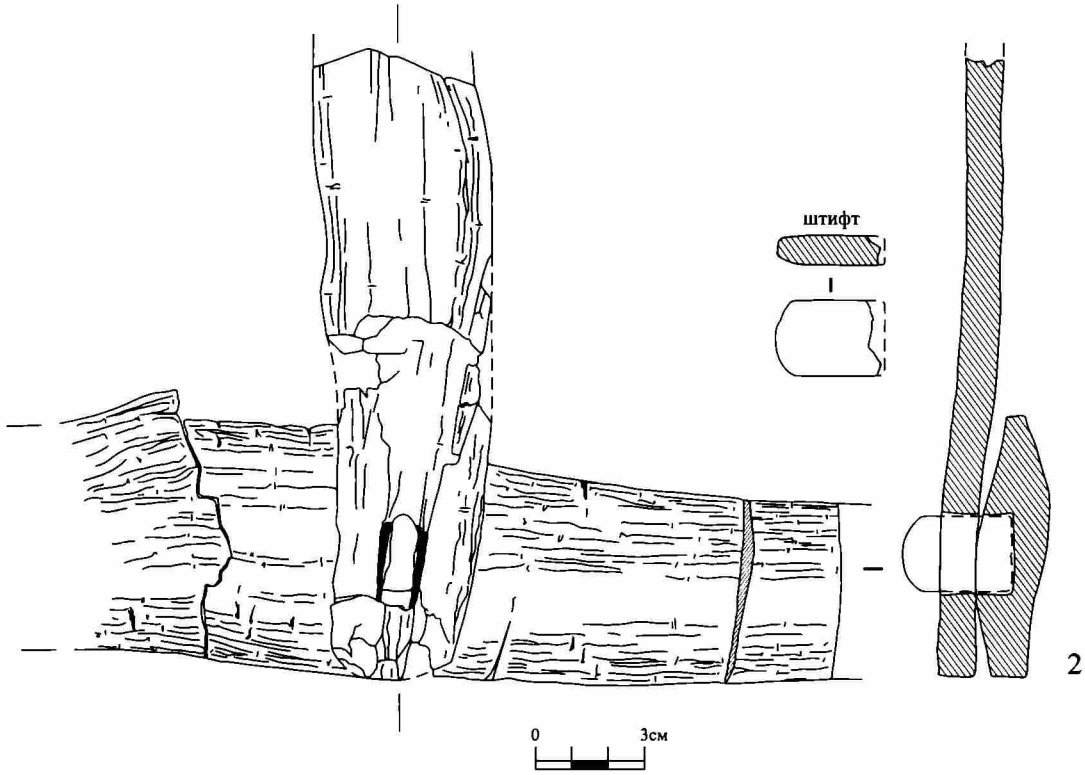
2

0 3см

Илл. 57. Золотой. Курган 3. Погребение 4. Фрагменты деревянной конструкции:
1 — детали пазов в поперечной плахе (с фрагментом продольной плашки в пазу);
2 — пазы для крепления

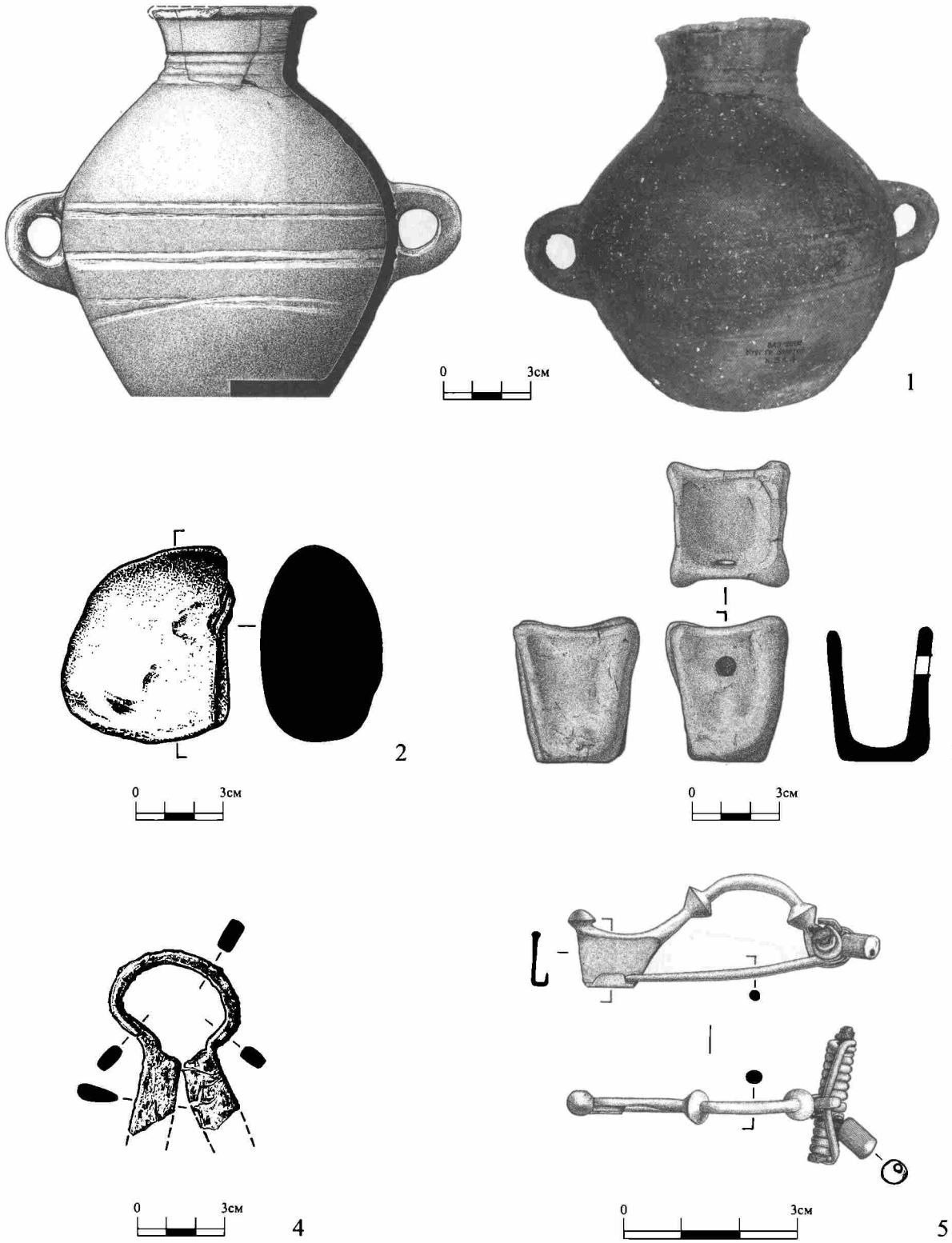


1



2

Илл. 58. Золотой. Курган 3. Погребение 4. Фрагмент деревянной конструкции. Крепление плах с помощью штифта: *1 — фото; 2 — чертеж*



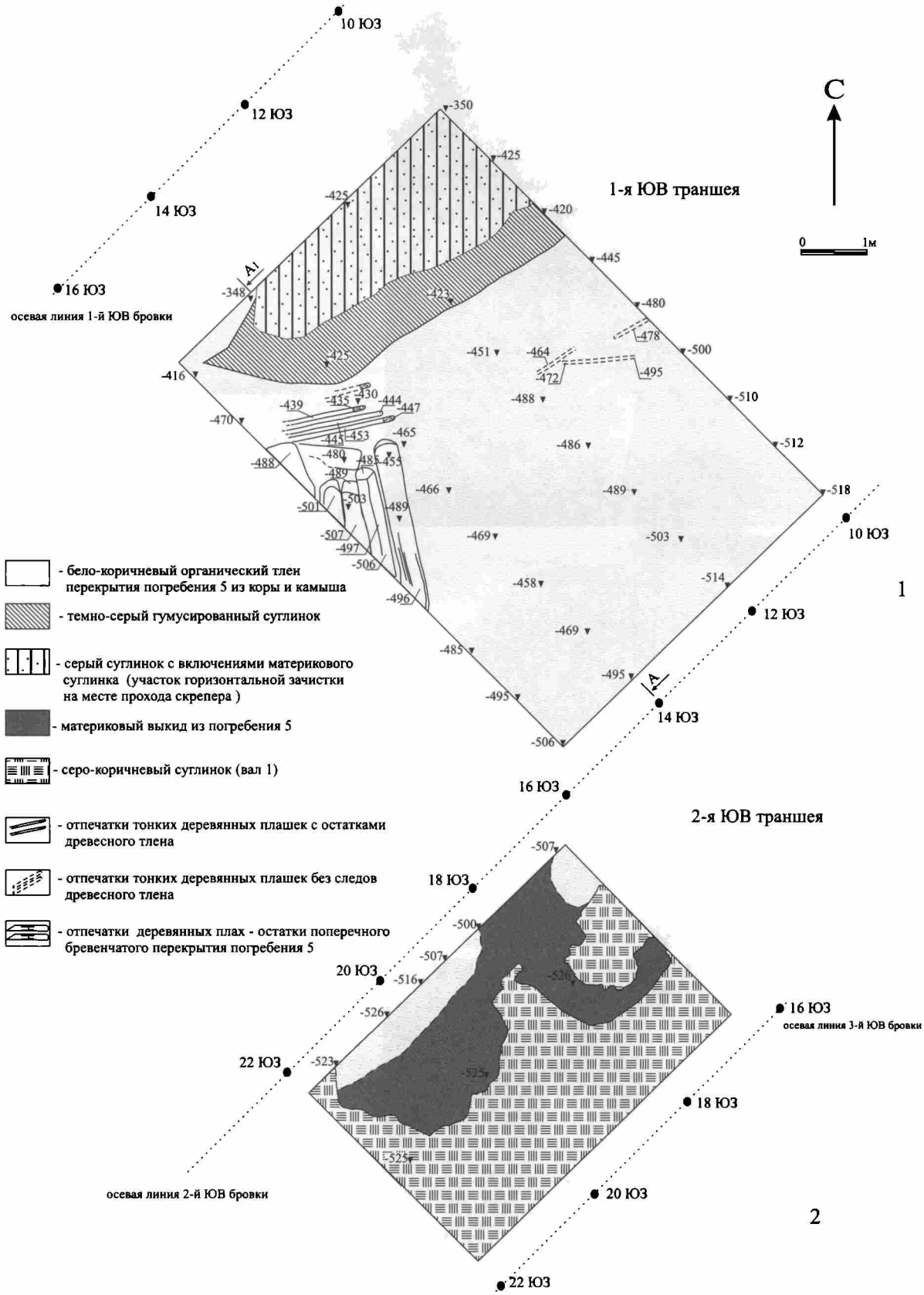
Илл. 59. Золотой. Курган 3. Находки из погребения 4:
1 — сосуд (нах. 4); 2 — кусок мела (нах. 3); 3 — курильница (нах. 2); 4 — ножницы железные (нах. 6); 5 — бронзовая фибула (нах. 1)

1

2

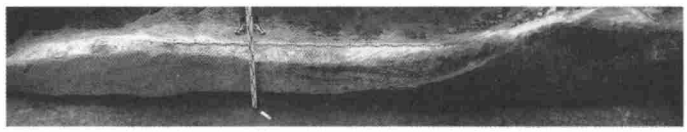
3

Илл. 60. Золотой. Курган 3. Погребение 5:
1 — врезка в 1-й юго-восточной траншее. Выкид и насыпь 1 с перекрытием на участке 0ЮЗ-10-15,5 м. Фото. Вид с юго-востока;
2 — 2-я юго-восточная траншея. Выкид с перекрытием. Зачистка поверхности на участке 0ЮЗ-18–24 м. Фото. Вид юго-запада;
3 — врезка в 1-й юго-восточной траншее. Выкид и насыпь с перекрытием. Отпечатки истлевшей деревянной конструкции. Фото. Вид с северо-северо-запада

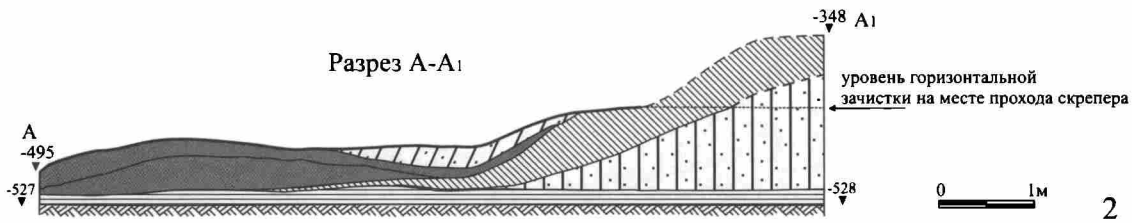


Илл. 61. Золотой. Курган 3. Погребение 5.

1 — поверхность перекрытия погребения 5, план, зачистка в 1-й юго-восточной траншее на участке 0ЮЗ-10-15,5 м; 2 — выкид и фрагменты перекрытия погребения 5, план, зачистка во 2-й юго-восточной траншее на участке 0ЮЗ-16,5-20 м



1

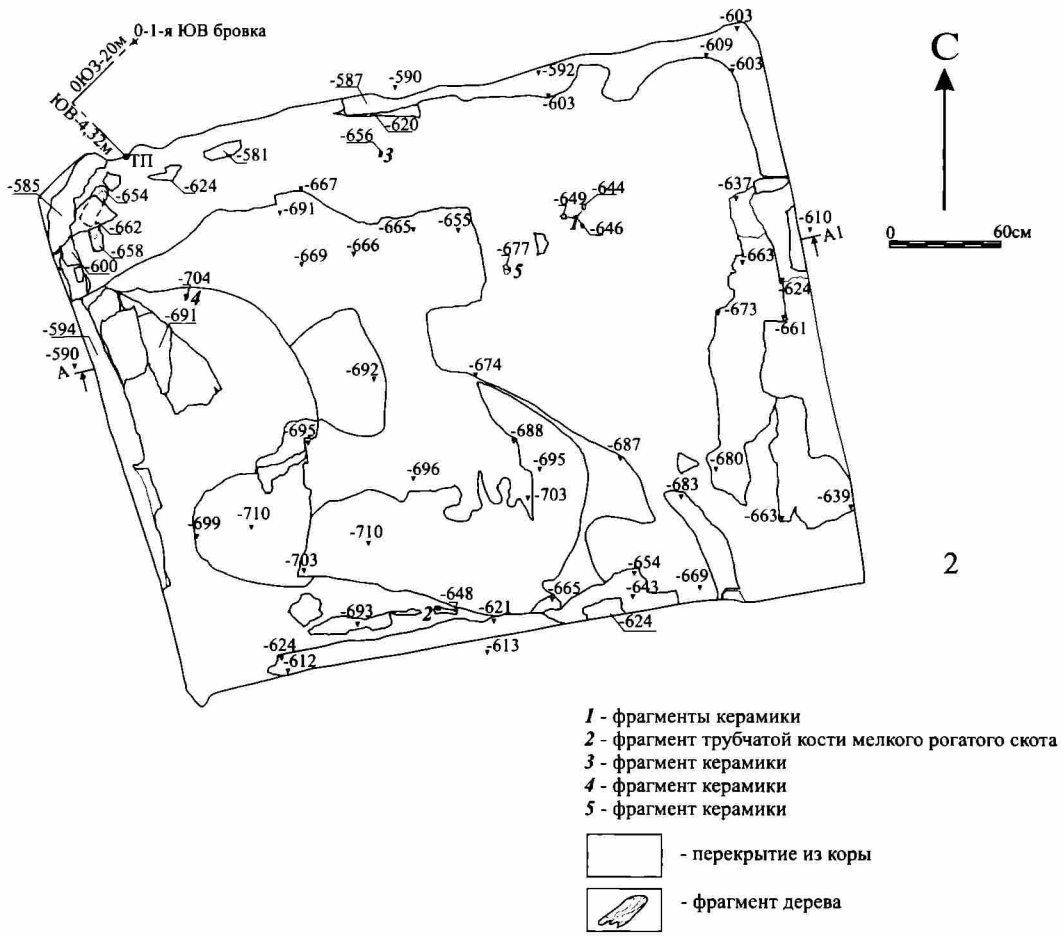


2

- слой светло-серого суглинка с вкраплениями материкового суглинка
- серый суглинок с включениями материкового суглинка
- материковый выкид из погребения 5
- темно-серый гумусированный суглинок
- погребенная почва
- материк

Илл. 62. Золотой. Курган 3. Погребение 5. Разрез перекрытия и выкида в 1-й юго-восточной траншее: *1 — фото; 2 — чертеж*

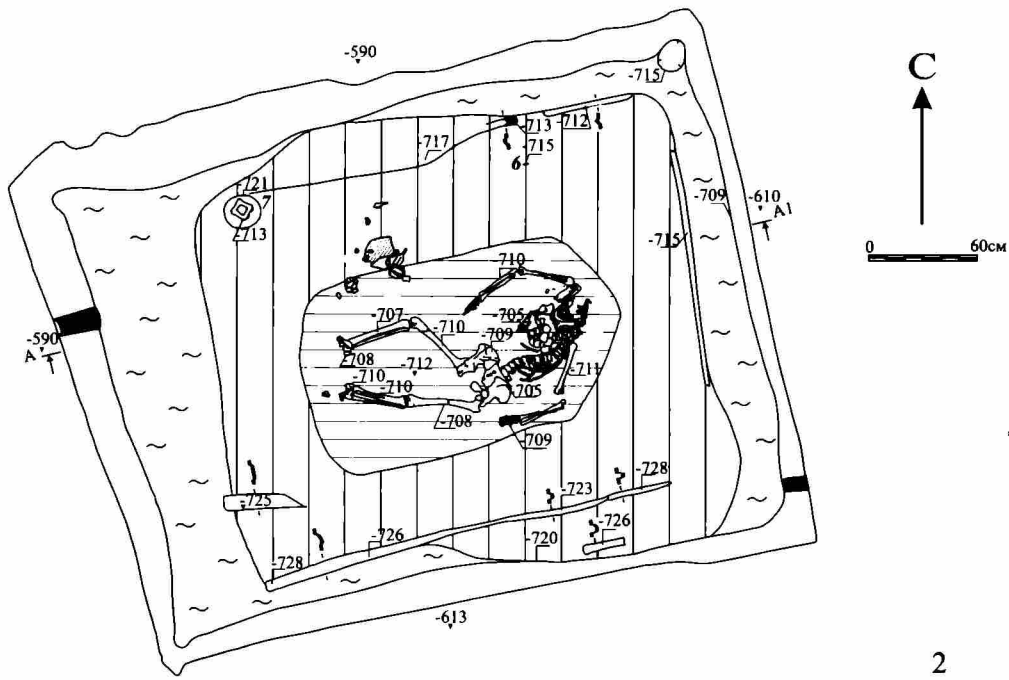
1



2

Илл. 63. Золотой. Курган 3. Погребение 5. 1-й уровень зачистки.
Перекрытие из коры: *1 — фото; 2 — чертеж*

1



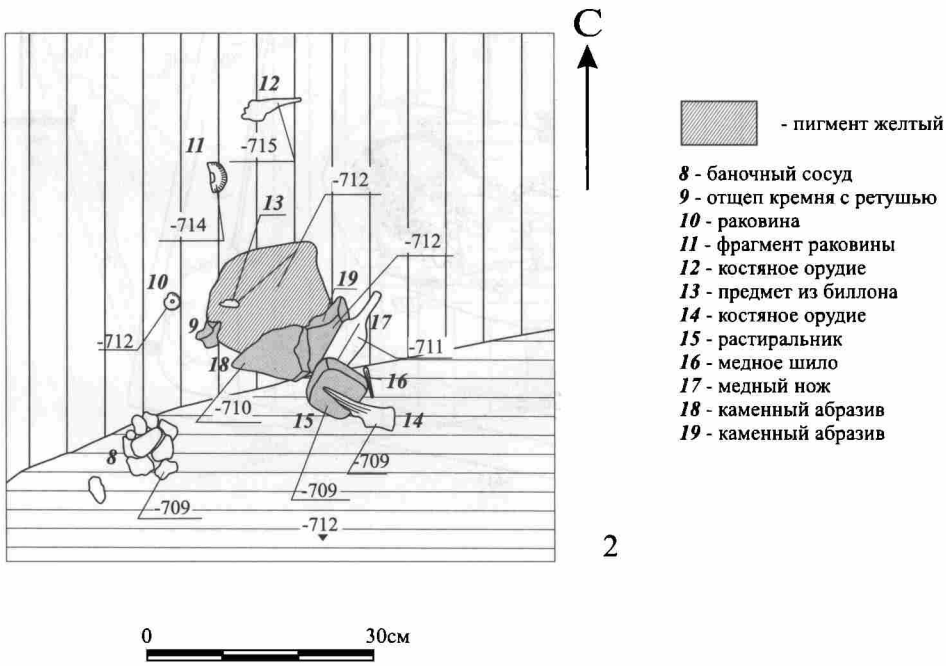
2

- подстилка из коры и тростника
- пигмент желтый
- дерево
- ярко-красная охра
- темно-красная охра

6 - медное шильце
7 - курильница

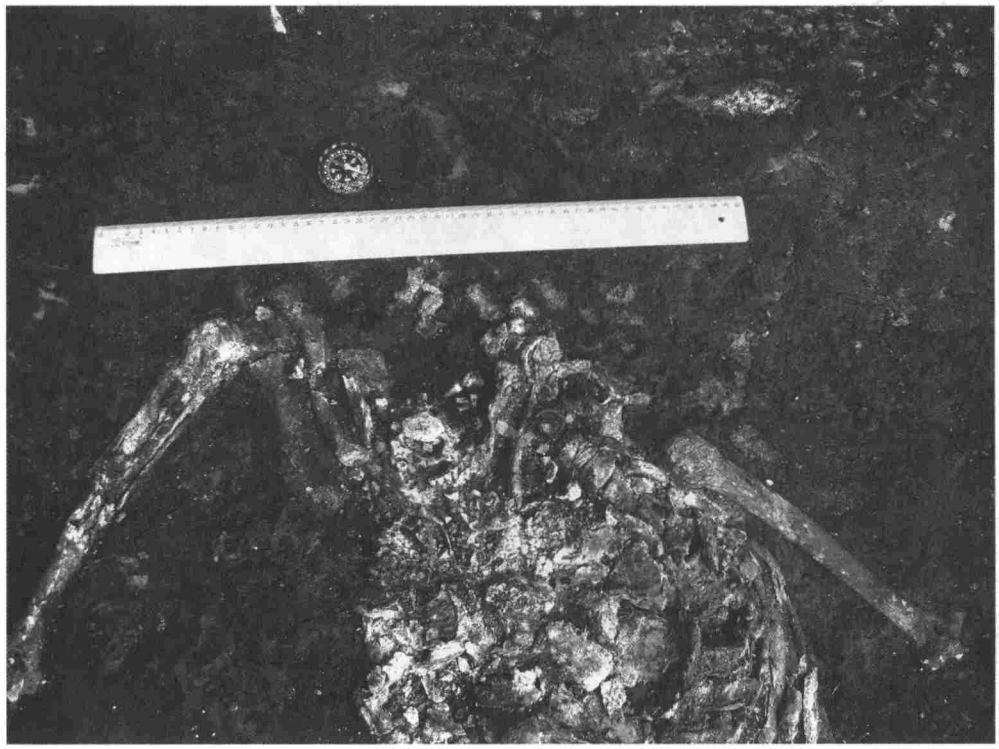
Илл. 64. Золотой. Курган 3. Погребение 5.
2-й уровень зачистки: *1 — фото, вид с запада; 2 — чертеж*

1

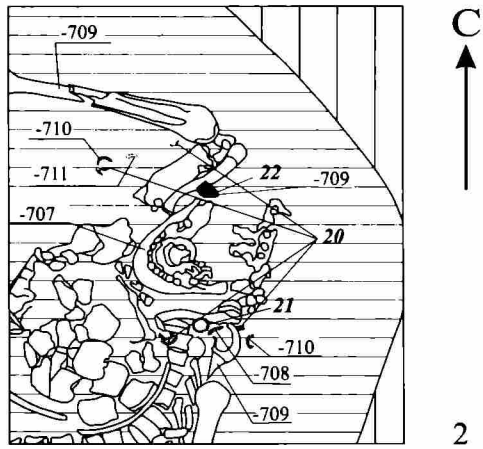


2

Илл. 65. Золотой. Курган 3. Погребение 5. Скопление находок к северу от скелета: *1 — фото, вид с запада-юго-запада; 2 — чертеж*



1

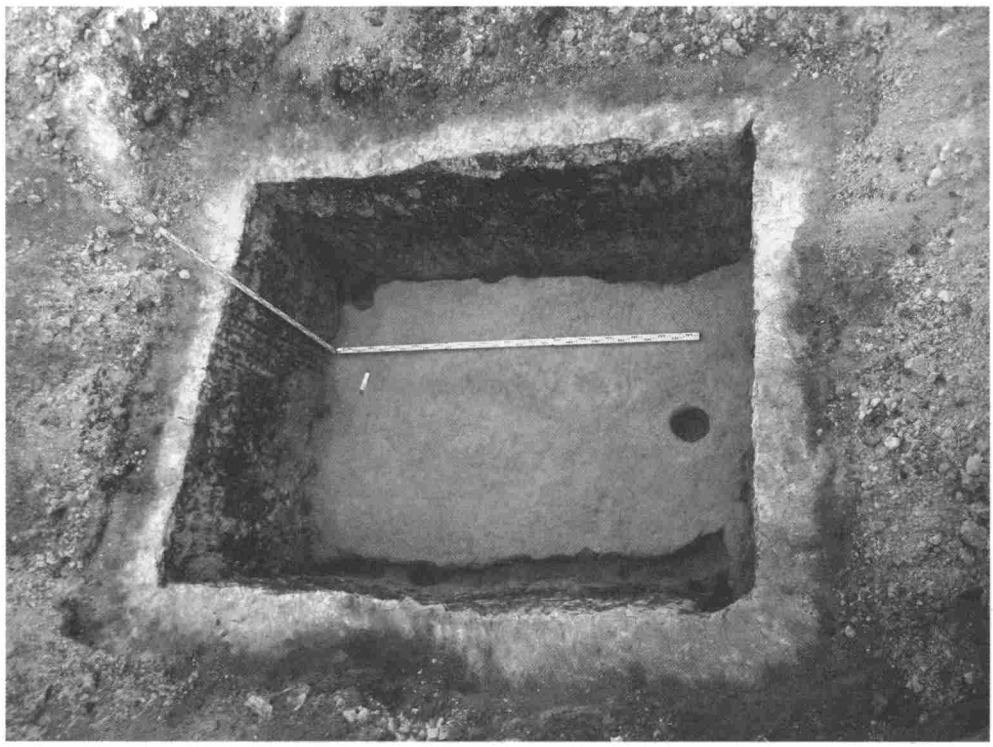


2

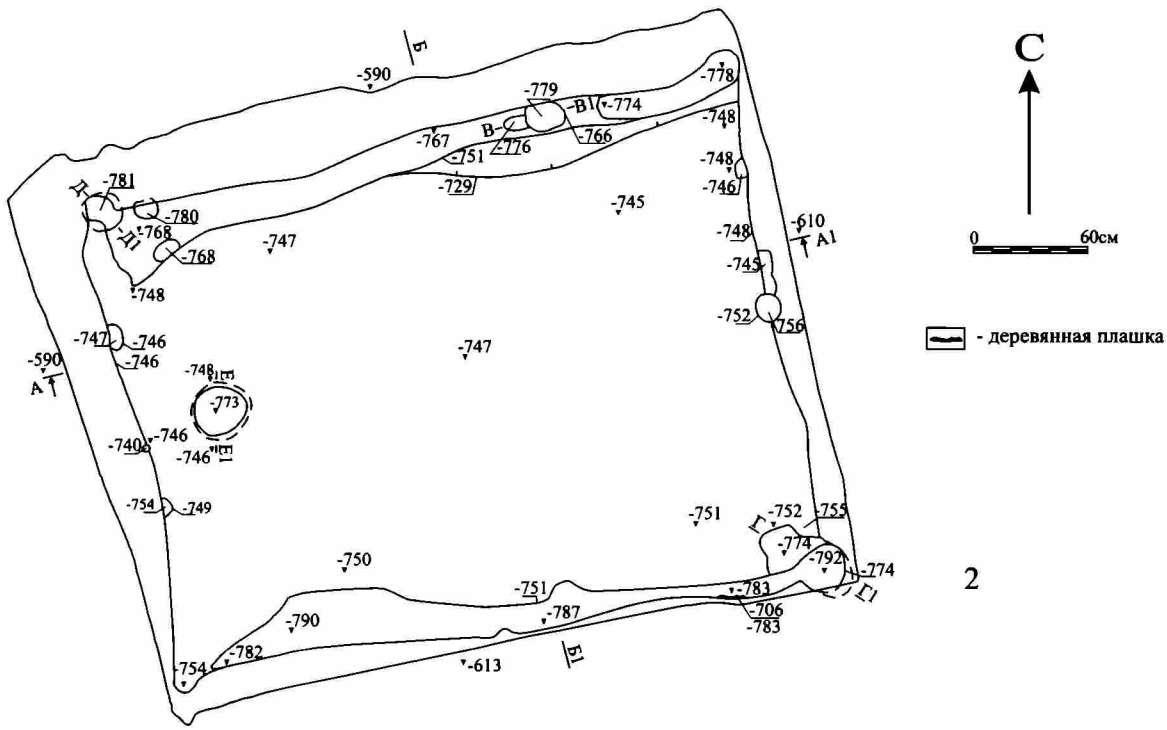
20 - спиральные пронизи
21 - височное кольцо
22 - кремневый отщеп
с ретушью и естественным отверстием

0 30см

Илл. 66. Золотой. Курган 3. Погребение 5. Украшения в районе черепа:
1 — фото, вид с запада-юго-запада; 2 — чертеж

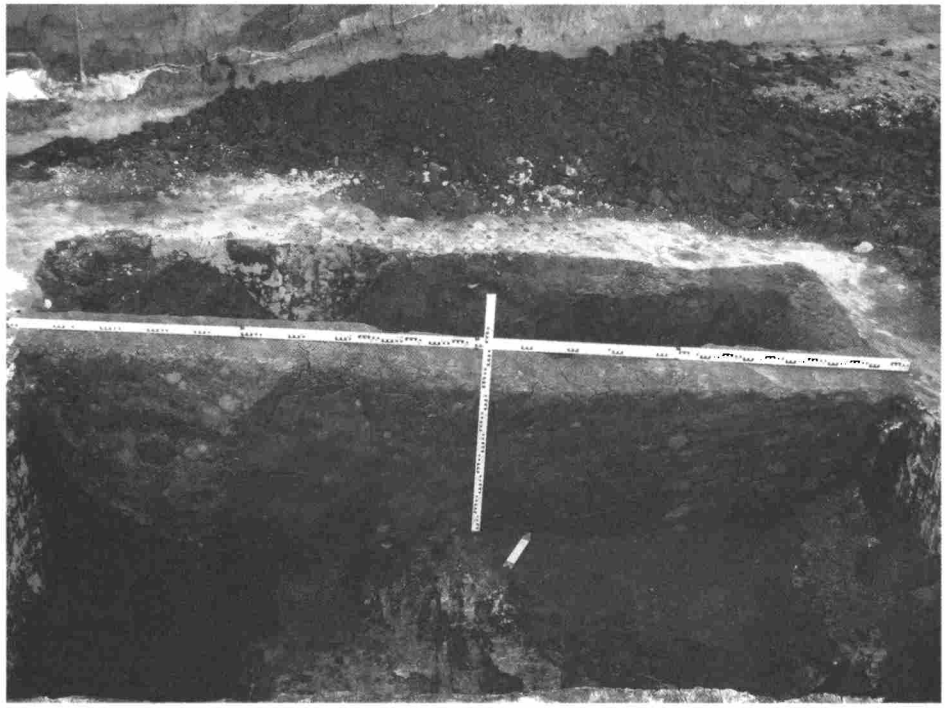


1

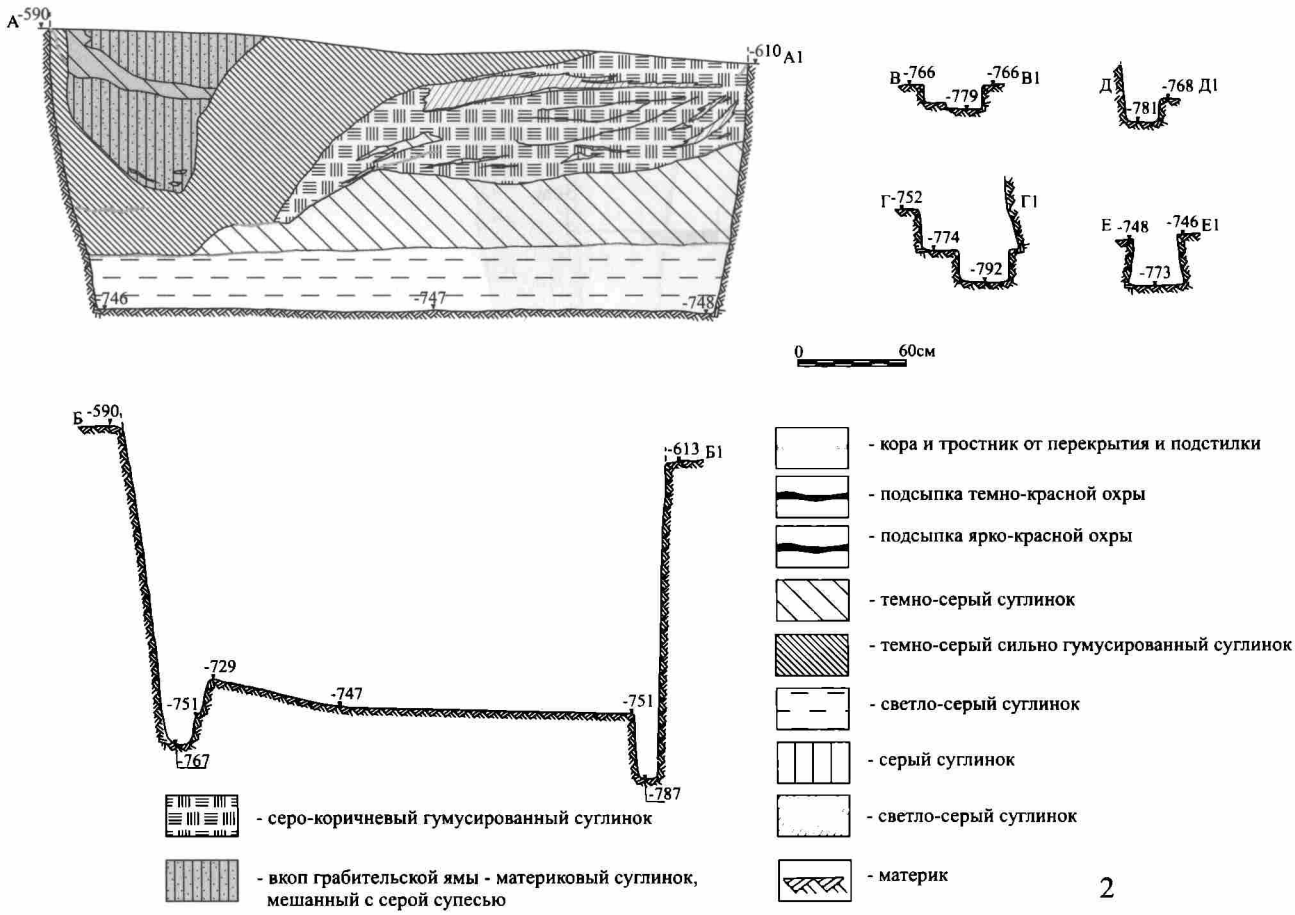


2

Илл. 67. Золотой. Курган 3. Погребение 5. 3-й уровень зачистки:
1 — фото, вид с северо-запада; 2 — чертеж

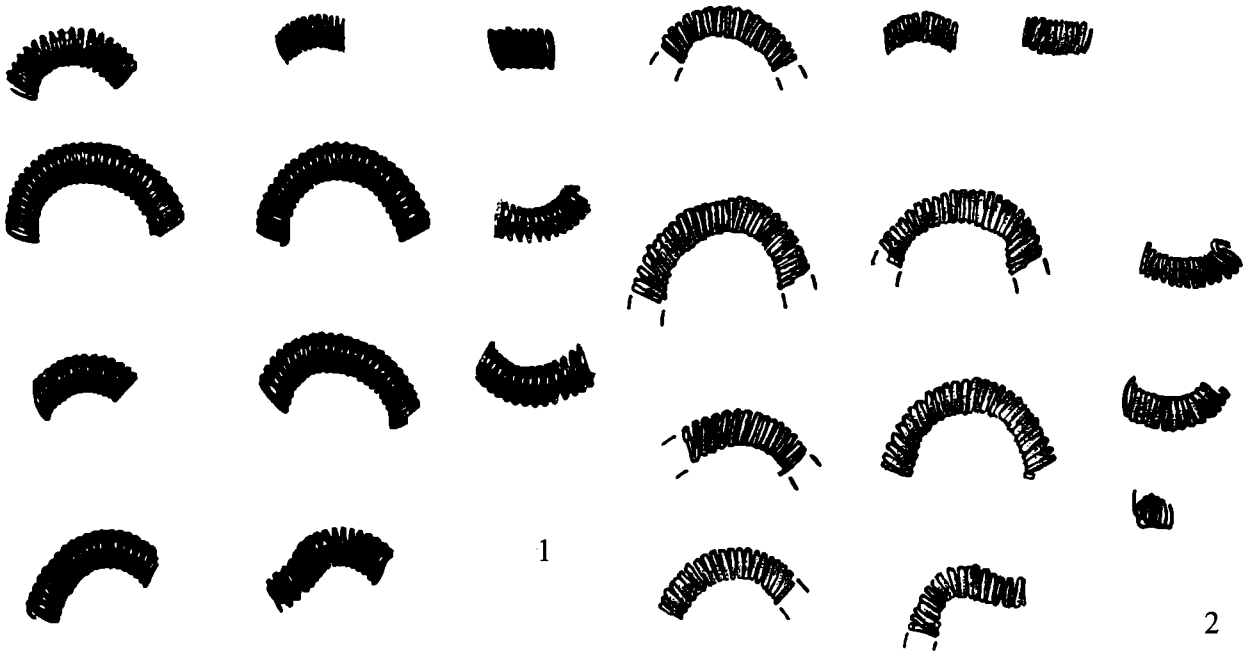


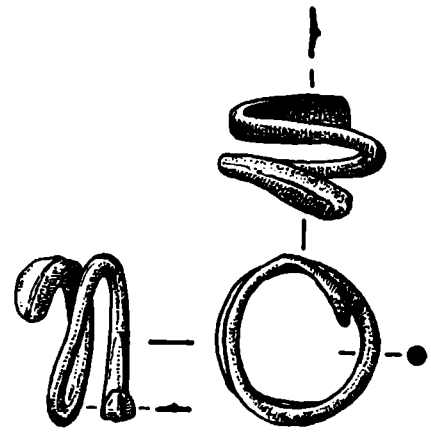
1



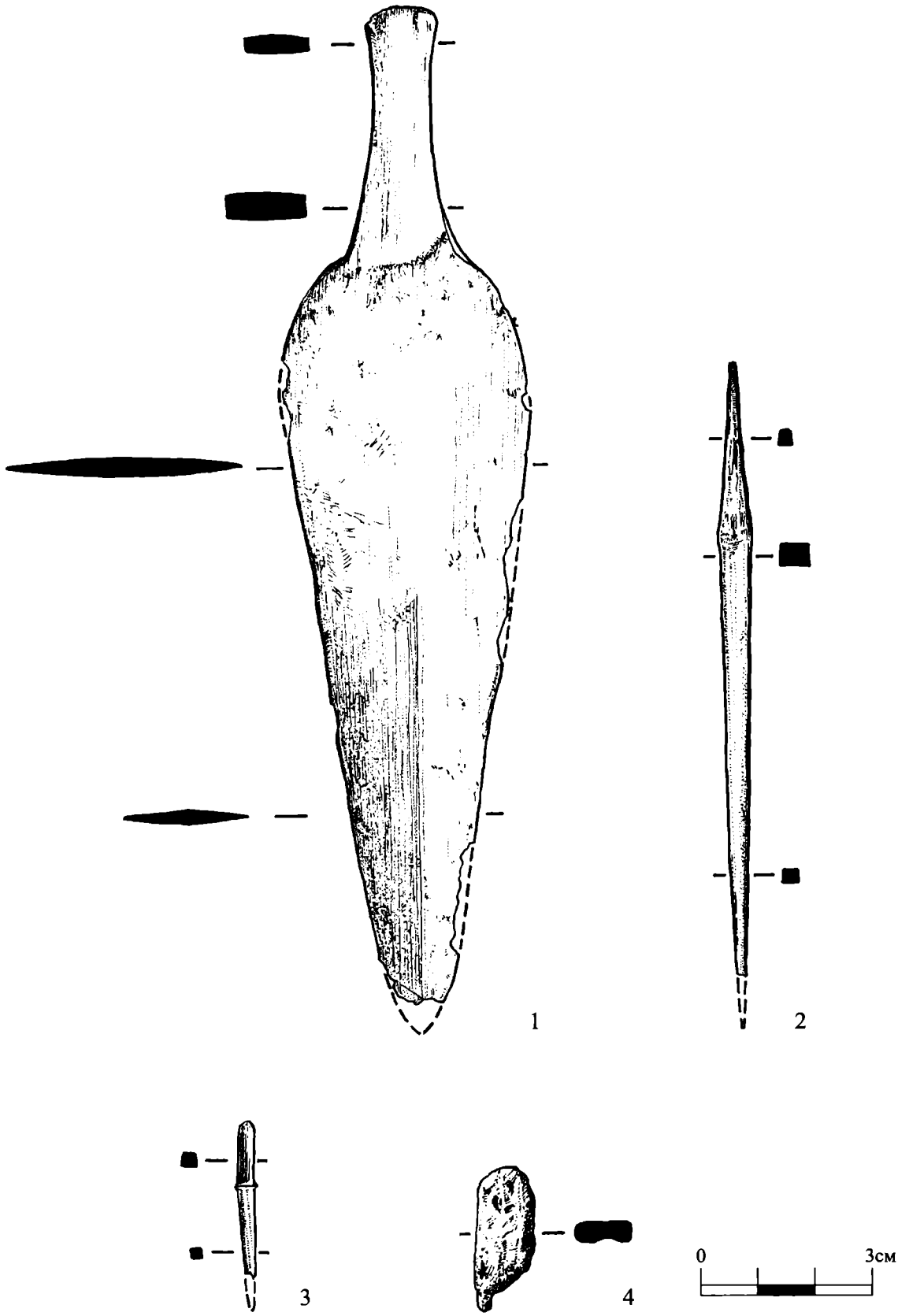
2

Илл. 68. Золотой. Курган 3. Погребение 5. Разрезы могильной ямы:
1 — разрез А-А1 до просевшего перекрытия, фото, вид с юго-юго-востока; 2 — разрезы, чертеж

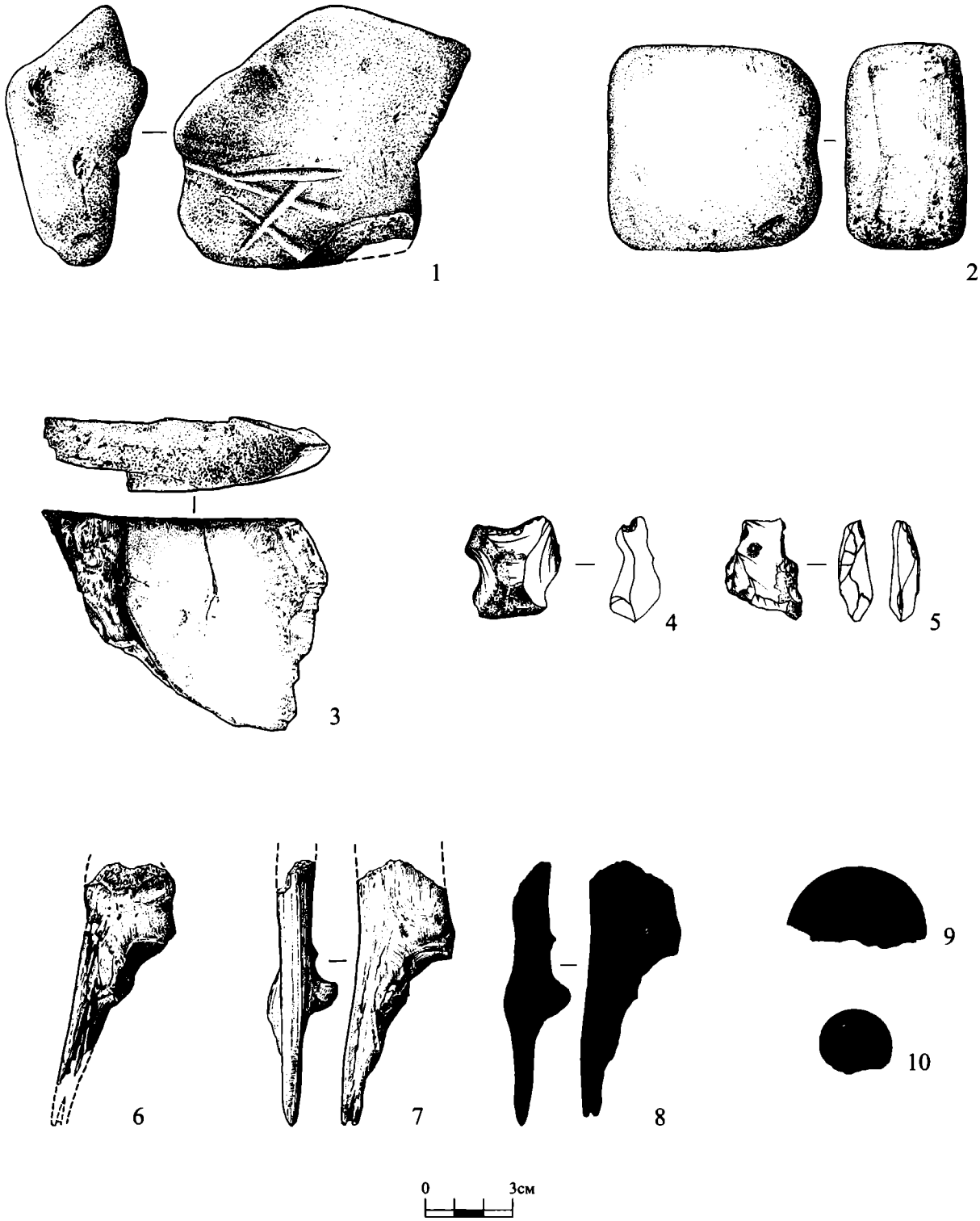




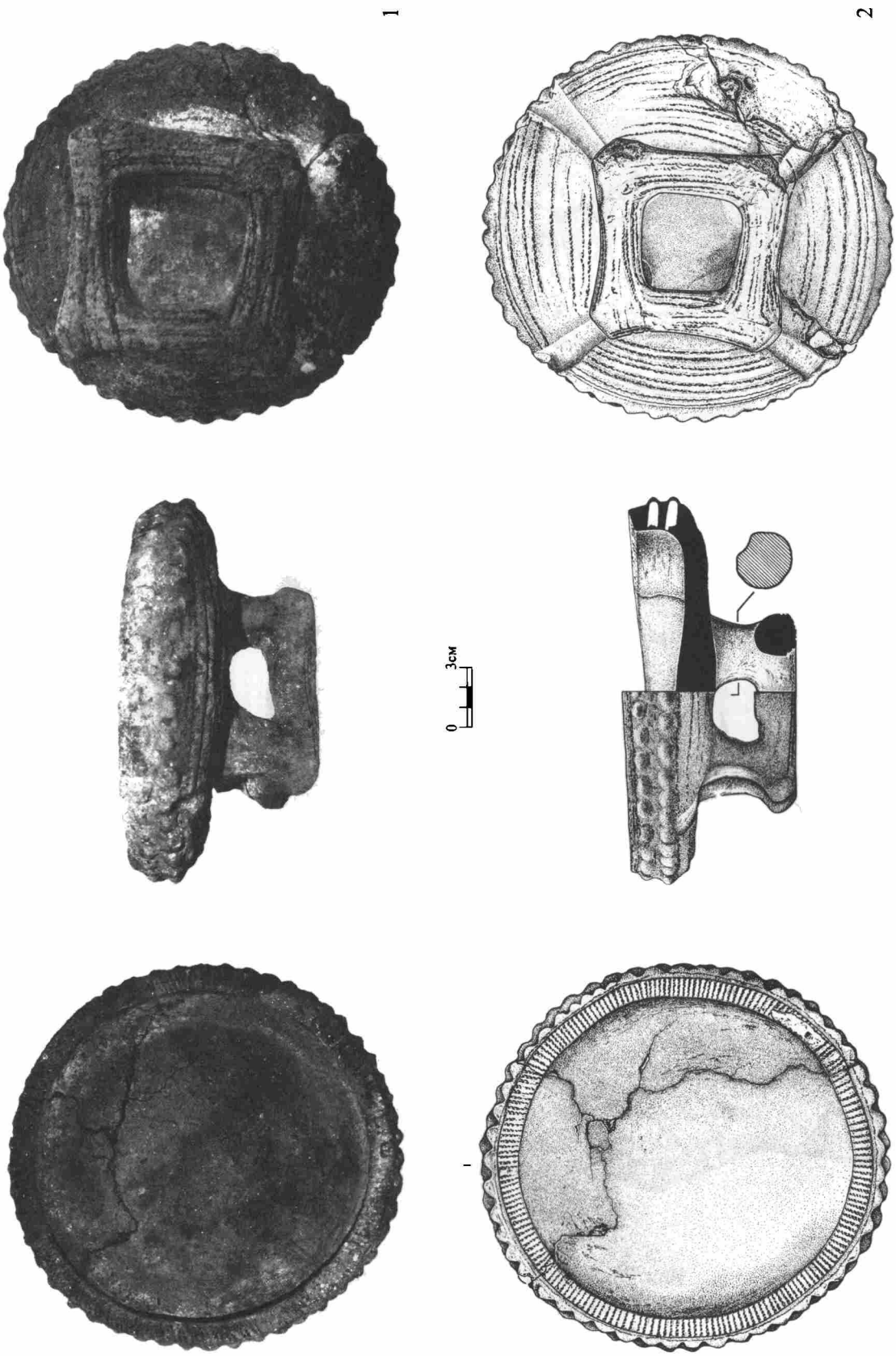
Илл. 69. Золотой. Курган 3. Погребение 5. Украшения из серебра:
1 — спиральные пронизи (нах. 20), фото; 2 — спиральные пронизи (нах. 20), рисунок; 3 — височное кольцо (нах. 21), фото; 4 — височное кольцо (нах. 21), рисунок



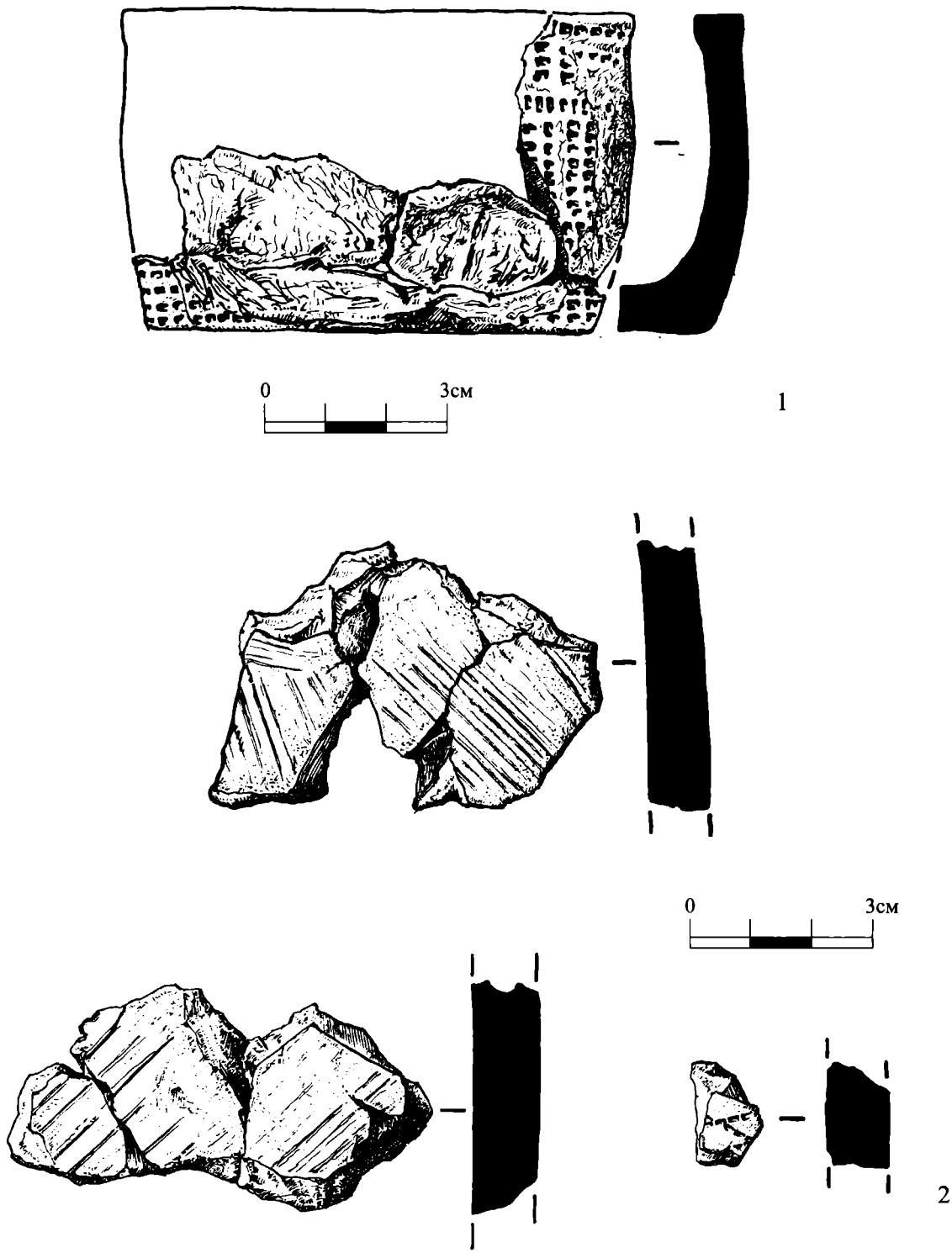
Илл. 70. Золотой. Курган 3. Погребение 5. Изделия из меди (1-3) и биллона (4):
1 — нож (нах. 17); 2 — шило (нах. 16); 3 — шило (нах. 6); 4 — предмет неясного назначения (нах. 13)



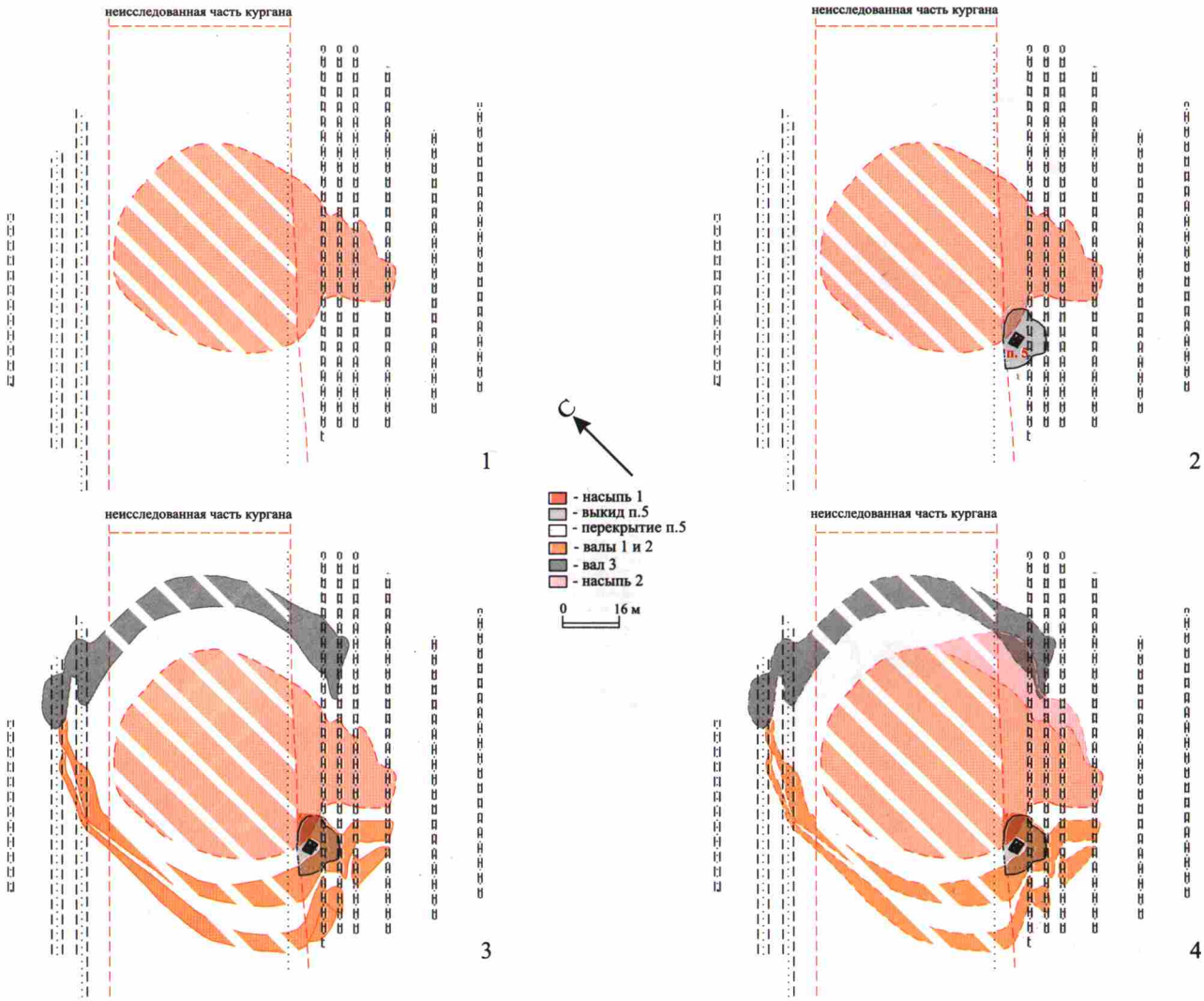
Илл. 71. Золотой. Курган 3. Погребение 5:
1 — каменный абразив (нах. 19); 2 — каменный терочник (нах. 15); 3 — каменный абразив (нах. 18); 4 — отщеп кремня с ретушью (нах. 9); 5 — отщеп кремня с ретушью и естественным отверстием (нах. 22); 6 — костяное орудие — «калам» (нах. 14); 7 — костяное орудие «калам» (нах. 12), рисунок; 8 — костяное орудие — «калам» (нах. 12), фото; 9 — фрагмент ископаемой раковины (нах. 11); 10 — ископаемая раковина (нах. 10)



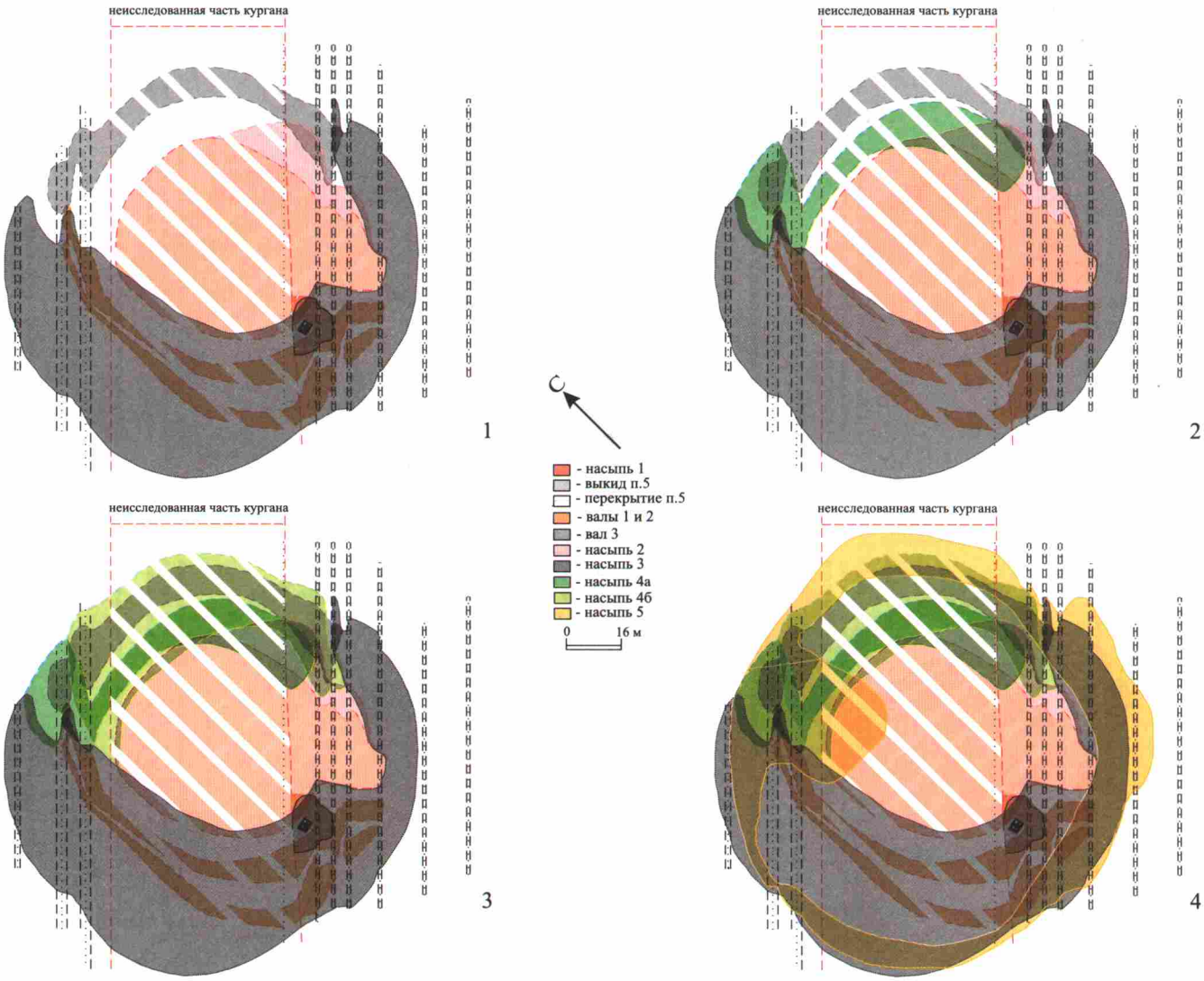
Илл. 72. Золотой. Курган 3. Погребение 5. Курильница (нах. 7): *1 — фото; 2 — рисунок*



Илл. 73. Золотой. Курган 3. Погребение 5:
1 — фрагментированный сосуд (нах. 8); 2 — фрагменты сосуда из заполнения ямы (нах. 1–5)

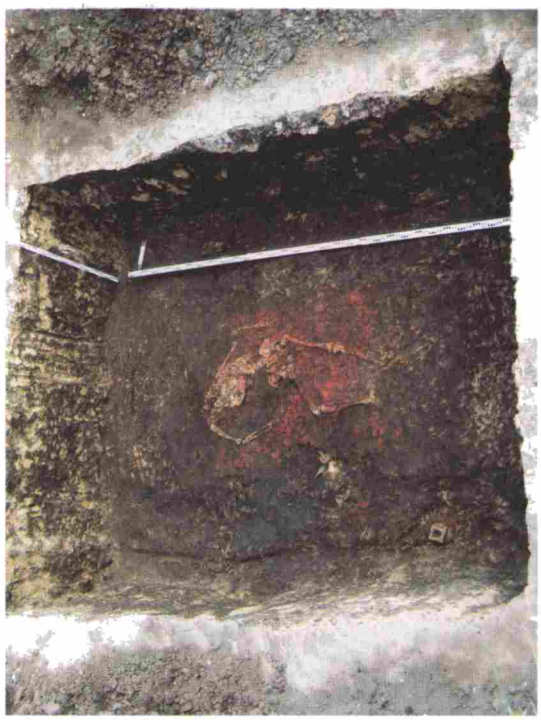


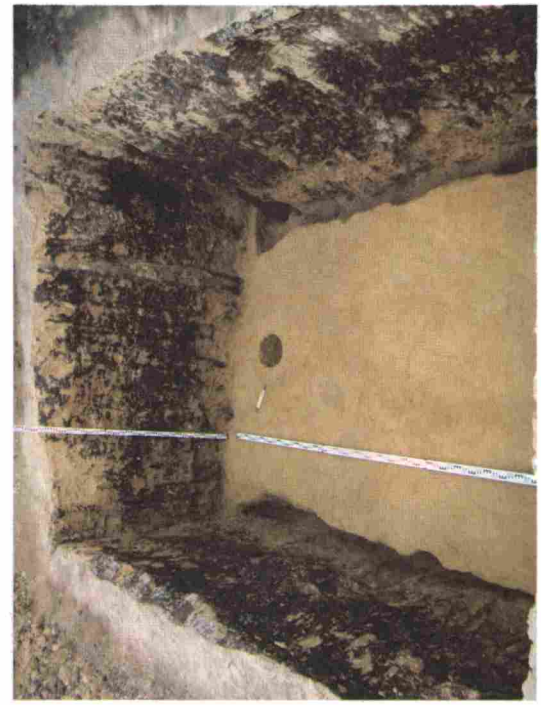
Илл. 74. Реконструкция истории сооружения Золотого кургана.
1 — этап I, насыпь 1; 2 — этап II, погребение 5 и перекрытие над ним; 3 — этап III, валы 1, 2, 3; 4 — этап IV, насыпь 2



Илл. 75. Золотой. Реконструкция истории сооружения Золотого кургана.
1 — этап V, насыпь 3; 2 — этап V, насыпь 4а; 3 — этап V, насыпь 4б; 4 — этап VI, насыпь 5

Илл. 76. Золотой. Фотографии профилей бровок
1 — 1-я юго-восточная бровка, вид с ЮВ;
2 — 1-я северо-западная бровка, юго-восточная сторона, вид с ЮВ;
3 — 2-я северо-западная бровка, северо-западная сторона, вид с СЗ;
4 — 2-я юго-восточная бровка, северо-западная сторона, вид с ЗЮЗ





Илл. 77. Золотой. Фотографии погребения 5.

1 — могильное пятно, вид с ЗСЗ; 2 — 2-й уровень фиксации, скелет, вид с ЗСЗ; 3 — курильница; 4 — уровень фиксации, дно, вид с ЗСЗ